

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА XX ВЕК

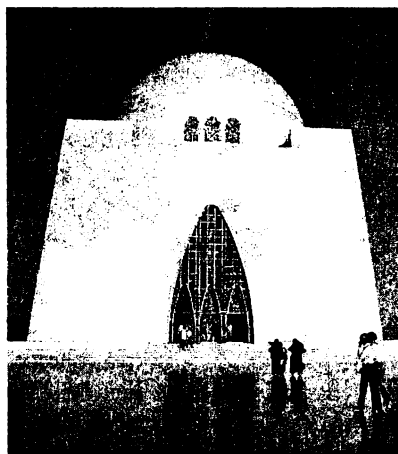
Серия основана в 1999 г.

Редакционная коллегия

**Р. Б. Рыбаков (главный редактор),
В. М. Алпатов, А. З. Егорин (отв. редактор тома), И. В. Зайцев,
В. А. Исаев, В.Я. Белокреницкий, Т.Л. Шаумян, С. Н. Каменев
Ю. В. Чудодеев (ученый секретарь серии)**

**В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ
В. Н. МОСКАЛЕНКО**

ИСТОРИЯ ПАКИСТАНА XX ВЕК

**Москва
ИВ РАН
Крафт+
2008**

УДК 94(549.1)”1947/2002”

ББК 63.3(5Пак)

Б 43

Отв. редактор тома *А.З.Егорин*

Редактор издания *Г.В.Миронова*

Белокреницкий, Вячеслав Яковлевич.

История Пакистана. XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. — М.: ИВ РАН: Крафт+, 2008. — 576 с. — ISBN 978-5-89282-326-5 (ИВ РАН). — ISBN 978-5-93675-137-0 (Крафт+)

И. Москаленко, Владимир Николаевич

Агентство СІР РГБ

Книга представляет собой исследование истории Исламской Республики Пакистан за 60 лет существования страны. В ней рассмотрены предпосылки и непосредственные причины возникновения государства по конфессиональному признаку, основные этапы его политического и экономического развития, внешняя политика и система отношений с государствами мира, включая Россию. Книга рассчитана на специалистов и читателей, интересующихся проблемами стран Азии. Она может быть использована в гуманитарных вузах для преподавания курсов всеобщей и новейшей истории Востока.

Авторы книги — известные востоковеды, специалисты по истории стран Южной Азии и Среднего Востока, современным социально-политическим проблемам. Их перу принадлежат многие научные публикации, в том числе крупные монографии.

ISBN 978-5-89282-326-5 (ИВ РАН)

ISBN 978-5-93675-137-0 (“Крафт+”)

© Институт востоковедения РАН, 2008

© В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко,
2008

Как и многие другие страны Востока, Пакистан – молодое государство, имеющее в то же время глубокие культурно-цивилизационные корни. В качестве суверенного политического образования он появился в 1947 г. в результате ликвидации британского колониального владычества в южной части срединной Азии, в Индии. Свои нынешние границы Пакистан приобрел спустя четверть века после этого, в 1971 г., когда от него отделилась территориально удаленная Восточная провинция, ставшая Республикой Бангладеш.

Пакистан, официальное название Исламская Республика Пакистан, занимает относительно небольшую площадь (800 тыс. кв. км), являясь одним из крупнейших по населению государств мира (6-е место, 160 млн. человек). Пакистан часто называют страной Инда, как Египет – Нила. Основную часть его территории составляет Индская равнина, которая распадается на Синдскую низменность в нижнем течении великой реки и центральную равнину Пенджаба (Пенджаба) в среднем течении реки и ее главных притоков. К западу и северу от равнины Инда находятся горные массивы, принадлежащие системе Гиндукуш и Иранскому нагорью.

Там вдоль горных хребтов и водоразделов пролегает граница Пакистана с Афганистаном и Ираном. Граница с Индией на востоке частично совпадает с естественными рубежами (руслами рек Рави и Сатледж), но в основном проходит по равнинным и пустынным районам между южным Пенджабом и Синдом с пакистанской стороны, Раджастханом и Гуджаратом – с индийской. На севере она упирается в спорную территорию бывшего княжества Джамму и Кашмир, которая на протяжении всего периода существования независимой Индии и Пакистана остается поделенной между ними. Международно признанных границ у Пакистана (как и Индии) на севере нет, что не мешает осуществлению политико-административного контроля. Афганистаном оспарива-

ется признанная мировым сообществом граница с Пакистаном в той ее части, которая проходит по горной стране независимых пуштунских (афганских) племен.

С экономической точки зрения Пакистан принадлежит к странам с низким душевым доходом (около 700 долл. США в год). Однако он не относится к числу наименее развитых государств. С учетом паритета покупательной способности местной валюты на душу населения там приходится около 2500 долл., а валовый национальный доход при этой системе подсчета приближается к 400 млрд. долл. Темпы экономического роста были в период независимости достаточно высокими, хотя это достигалось преимущественно за счет экстенсивных факторов – увеличения рабочей силы и капиталовложений.

Основу пакистанской экономики составляет сельское хозяйство, главным образом растениеводство, ведущееся по большей части на искусственно орошаемых полях. В Пакистане возник самый большой в мире ареал сплошной ирригации (170 тыс. кв. км). На сельское хозяйство ныне приходится около четверти валового внутреннего продукта, примерно столько же выпадает на индустрию, главным образом обрабатывающую промышленность, в первую очередь легкую (текстиль) и пищевую (сахар). Половина национального дохода создается в сфере услуг.

Пакистан не обладает существенными запасами полезных ископаемых, в том числе энергетического сырья. Недостаток первичных источников энергии приходится покрывать за счет импорта сырой нефти. Определенное развитие получила атомная энергетика. С ней соприкасалась военная программа, позволившая Пакистану в 1998 г. провести подземные испытания ядерных боезарядов и стать фактически ядерной державой.

Противостояние с Индией, приведшее к нескольким войнам и военным конфликтам, сопровождалось созданием значительных вооруженных сил и достаточно развитого военно-промышленного комплекса, создающего, в частности, баллистические ракеты. Выгоды геополитического местоположения Пакистана использовались правителями страны, которые чаще всего были выходцами из армейской среды, для укрепления вооруженных сил и силовых структур. На этом фоне заметно отставание социальных секторов (образования и здравоохранения) и сохранение в общественной и политической жизни роли традиций и религии.

Обычаи и верования населения в основном связаны с появлением ислама в районах, принадлежащих бассейну Инда. Вместе с тем территория современного Пакистана была одним из крупных центров древней (неолитической) очаговой цивилизации, которую называют Индской или Хараппской и характеризуют чаще всего как протоиндийскую. Важнейшие центры этой цивилизации открыты в 1920-х годах в Мохенджо-Даро (Синд) и Хараппе (Панджаб). Позднее археологи обнаружили другие городские центры. Важнейшие из них – в Синде (Кот-Диджи, Амри), Белуджистане (Мехргарх), в индийском Пенджабе (Калибанган) и на индийском полуострове Катхиавар (Лотхал). Возникнув в IV тысячелетии до н. э., Индская цивилизация достигла зрелых форм в середине III и просуществовала до 1800–1700 гг. до н. э. Причины ее исчезновения не совсем ясны, но, скорее всего, связаны с природно-климатическими изменениями.

В середине II тысячелетия в долину Инда проникли с запада индоевропейские племена (арии), которые с рубежа следующего тысячелетия начали движение на восток по двуречью Ганга и Джамны (Ямуны). Для хозяйственного освоения покрытой лесами Гангской равнины индоарии использовали тяжелый железный плуг и тягловую силу домашних животных. К середине I тысячелетия их главные экономико-политические центры переместились из засушливого Панджаба на восток Гангской низменности. В ходе миграции претерпели изменения распространенные среди них религиозные представления, отраженные в ведах (священных гимнах), сформировался брахманизм (поздневедический индуизм), который освящает деление на классы (варны), соответствующие социальной, экономической и политической иерархии. Сложилась сеть небольших государственных образований. В VI веке до н.э. возникли новые религиозные системы – буддизм и джайнизм. Воздействие внешних факторов, усиление религиозной ортодоксии и подъем буддизма привели к созданию крупных государств имперского типа, прежде всего Магадхи, чей расцвет связан с именем принявшего буддизм императора Ашоки (268–233).

Между тем долина Инда оставалась ареалом редкой заселенности. Лишь на северо-западе в VI веке появилось государство Гандхара, вскоре однако включенное в состав Ахеменидской (Персидской) империи. На рубеже VI–V веков граница владений

персов проходила по реке Инд, а расположенная на ее берегах провинция Хиндуш (Синдх) дала миру название «Индия».

В 327–326 гг. до н. э. в верховьях Инда (Панджабе) появились войска Александра Македонского, разгромившего до того Персидскую империю. Подойдя к ее восточным рубежам и победив местного индийского правителя Пора, он повернул на юг, дошел до устья Инда и возвратился в Персию через Гедрозию (впоследствии Макран), где вскоре умер. Наследники Александра не смогли удержать власть над бассейном Инда. Он перешел под контроль правителя Магадхи Чандрагупты Маурья. Спустя полтора столетия продолжатели греческой политики правители Бактрии (ныне Балх на севере Афганистана) вновь установили контроль над северо-западом Индской равнины, присоединив государственные образования с центрами в Таксиле и Пурушапутре (современном Пешаваре). Элита возникшего эллинистического, так называемого Греко-Индийского царства с центром в панджабской Сакале (нынешний Сиялкот) стала испытывать влияние буддизма, а его наиболее известный правитель Менандр (Милинда) принял эту веру. В начале I века до н. э. греко-индийское государство распалось под ударами новых завоевателей с запада ираноязычных саков. Центром их державы стала расположенная западнее Панджаба область Гандхара.

Борьба саков, союзных с ними скифов и греко-бактрийцев облегчила завоевание Гандхары в I веке н. э. кушанами, кочевыми племенами из Средней Азии. Столицей могущественной Кушанской империи стал Пурушапутра, а знаменитым правителем – Канишка (одна из датировок его правления: около 78–120 гг.). Между тем саки и их союзники были оттеснены на юг, главным образом в пустынно-гористые области современного Раджастхана, то есть в районы к востоку от долины Инда в ее среднем и нижнем течении.

После распада Кушанской империи в III веке западные районы современного Пакистана вошли в состав персидской империи Сасанидов, а восточные – в состав империи Гуптов. Расцвет последней в IV–V веках и нескольких крупных государств в последующие два-три века относят к классической для индуизма эпохе, времени его обновления и отвоевания позиций у буддизма. Что касается бассейна Инда, то на его севере со второй половины V века утвердилась власть хионитов или эфталитов (белых гуннов),

которые, как и кушаны, пришли из Средней Азии. В дальнейшем они мигрировали в направлении областей к востоку от Инда, приняли индуизм, дав начало многим раджпутским (то есть царственным) родам, и боролись за власть над центральными районами Индии.

Проникновение ислама в индусско-буддийский ареал началось уже в середине VII века. В 664 г., еще при праведном халифе Омаре, произошло первое вторжение арабских воинов (на конях и верблюдах) в долину Инда. Они продвигались через юг Афганистана к Мултану в среднем течении реки. В конце века в состав Омейядского халифата вошла область Макран (юг современного Белуджистана). В 711–713 гг. арабский военачальник Мухаммад бин Касим пересек Макранское побережье и нанес поражение индусскому радже Дахиру, завоевав Синд (с центрами в Брахмабаде, Алоре и Дебале) и южную часть Панджаба. Арабское завоевание сопровождалось насильственным и добровольным распространением ислама. Особенно успешно оно шло среди местных буддистов, ранее подвергавшихся религиозным преследованиям со стороны раджей-индусов.

В середине VIII века Синд с центром в Мансуре превратился в фактически самостоятельное, но формально подчиненное халифу арабо-мусульманское государство. Вторым таким государством позднее стал Мултан. Между тем на севере долины Инда (Потварское плато, соседние пригиндукушские земли) в VIII–X веках существовало крупное индусское княжество Шахи. В целом история этого периода мало известна, что, возможно, свидетельствует об очередном социально-экологическом кризисе, охватившем районы бассейна Инда.

Спустя почти три века после вторжения арабов эти районы подверглись новому нашествию мусульман. В связи с ослаблением на рубеже тысячелетий Аббасидского (Багдадского) халифата и таких его региональных ответвлений, как ирано-таджикское государство Саманидов, в районах сегодняшнего Афганистана укрепилась власть мусульманских правителей из среды тюрков – бывших невольников, ставших видными военачальниками. Одним из них был отец Махмуда, правителя Газни, города на юго-востоке Афганистана. Унаследовав власть отца в 998 г. в возрасте 27 лет, Махмуд Газневи существенно расширил сферу своего господства, разгромив после длительного сопротивления

княжество Шахи. Не остановился он и перед подчинением Мултана, где правящая арабская верхушка была заменена на тюркоперсидскую. Захватив всю долину Инда, Махмуд совершал, вплоть до своей смерти в 1027 г., почти ежегодные разорительные набеги на оплоты власти раджпутов в Канаудже, Каджурахо, Гвалиоре, разрушая и грабя богатейшие индусские святыни в Сомнатхе (на Катхиаваре), Матхуре и других городах.

После смерти Махмуда центр исламской власти в регионе (осуществляемой от лица халифа в Багдаде) постепенно переместился в долину Инда. Главным городом там стал Лахор, расположенный на стыке Индского и Гангского бассейнов в центральной части Панджаба. На рубеже XI–XII веков город превратился в столицу Газневидской империи. К юго-западу от него находились два других крупных центра и сельскохозяйственных района – Мултан и Уч-Шариф. В состав Газневидского государства входил и Синд, где в силу природных катаклизмов (землетрясений, вызывавших изменения русла реки Инд, частых засух) пришли в упадок земледелие, опустели города.

В середине XII века к западу от Инда усилилось новое тюркское государство с центром в Гуре (Западный Афганистан). В 1151 г. его правители захватили и полностью разрушили Газни. В 1175 г. Мухаммад Гури захватил Мултан, а в 1186 г. – Лахор, положив конец правлению Газневидов. В намерения Гуридов входило идти дальше в Северную Индию, и в 1192 г. Мухаммад нанес решительное поражение войскам раджпутской конфедерации во главе с Притхвираджем Чауханом. В течение нескольких последующих лет он завоевал почти всю Северную Индию, но потерпел неудачу в борьбе с правителем Хорезма, атаковавшим северные рубежи его владений. Предводитель гуридского войска в Индии Кутбуддин Айбек после гибели Гури в 1206 г. провозгласил независимость и избрал своей столицей г. Дели (Делика) в восточной части Панджаба. Как Делийский султан (титул правителя, утверждаемый халифом) Айбек был первым из династии Гулямов (рабов) – все ее представители были по происхождению степняками-тюрками, купленными в Средней Азии.

Первым Делийским султанам приходилось постоянно бороться за контроль над Лахором и другими районами долины Инда с местными племенами, главным образом кхокхарами, а также своевольными наместниками. В 1221 г. войска монгольского

завоевателя Чингисхана достигли Инда. Оставив гарнизон в Панджабе, монголы повернули назад. В 1241 г. они вернулись, захватили и до основания разрушили Лахор. В 1285 г. монголы вновь подвергли его разграблению, частично осев там.

Постоянные набеги и междоусобные войны не могли не сказаться на хозяйственной жизни в ареале. Вместе с тем именно тогда начался активный этап проповеднической деятельности знаменитых суфийских святых – основателя братства чиштиа Му'инуддина Сиджзи, главы индийской ветви ордена сухравардийа Бахауддина Закарийа Мултани, Джелалуддина Сурхпош Бухари, Баба Фарида Гандж-и-шакара, Лал Шахбаз Каландара и др. Рост влияния и численности последователей суфийских орденов (тарикатов), видимо, неслучайно выпал на тяжелое время риска для жизни, нищеты и неустроенности и сопровождался превращением долины Инда в преимущественно исламскую страну.

В течение почти столетия с конца XIII до последней трети XIV века Делийский султанат переживал период внутренней консолидации и внешней экспансии, особенно при султанах Алауддине Хилджи (1296–1316 гг.) и Мухаммаде Туглуке (1325–1351 гг.). В это время районы бассейна Инда, управляемые зачастую наместниками из числа потомственной местной знати, в полной мере подчинялись приказам из Дели. Определенный хозяйственный подъем наблюдался в Синде, главным центром которого стал город Татта (его посетил в 1333 г. известный арабский путешественник Ибн Баттута). Около этого города во время рейда по захвату мятежника из Гуджарата умер султан Мухаммад Туглук и произошла редкая в то время мирная передача власти его племяннику Фируз Шаху. Со смертью последнего в 1388 г. султанат пришел в упадок, который довершил набег войска Тимура (Тамерлана) в 1398 г. В течение трех дней после взятия Дели был во власти насильников, убийц и мародеров. Индусское население было полностью вырезано, мусульманам оставили жизнь, но не имущество. На несколько лет жизнь в городе прекратилась, а султанат распался на части. В мусульманском регионе бассейна Инда (Лахоре и Мултани) утвердилась власть наследников и военачальников Тимура. В Синде укрепились в качестве фактических правителей местные феодалы из раджпутского рода Самма, незадолго до того принявшие ислам.

Хотя в начале XV века власть делийских султанов номинально была восстановлена, вплоть до середины века она фактически не распространялась на долину Инда. Только с утверждением на делийском троне афганцев Лоди (Бахлул Хана, Сикандера и Ибрахима) султанат вновь занял господствующее положение в Панджабе, Северной и Центральной Индии. На верность султану присягнули и синдские правители Самма, которых в конце века сменили Аргуны.

Средняя и северная части долины Инда в XV и начале XVI столетия оставались малонаселенной территорией, своего рода естественным барьером, отделяющим горную страну Афганистан от плодородного Ганго-Джамнского двуречья. Освоенностью отличались лишь восточные предгорные районы Панджаба, где благодаря муссонам удавалось вести богарное земледелие. Наместники султанов Дели в Панджабе (Лахоре) не раз поднимали мятежи, стремясь к полной независимости и временами обретая ее. Мултан управлялся отдельно и при последних Лоди стал, по сути, самостоятельной провинцией (княжеством) во главе с правителями из рода Лангах. Несмотря на постоянные угрозы, которым подвергалась власть султанов Дели с востока и юга, основная опасность для них сохранялась с северо-западного направления.

Именно оттуда в 1526 г. к границам султаната подошла новая воинская сила, приглашенная наместником Панджаба Даулат Ханом Лоди. Во главе ее стоял выходец из Средней Азии, уроженец Ферганской долины, потомок Чингихана и Тамерлана Захируддин Бабур. Вытесненный из родных мест соперниками, он утвердил свою власть сначала на севере, а затем и на юго-востоке Афганистана. При этом Бабур опирался на поддержку Персии, во главе которой стоял основатель династии Сефевидов Шах Исмаил, и использовал вывезенные из Европы секреты применения пороховых орудий и мушкетов. В битве на поле Панипата на подступах к Дели войско Бабура наголову разгромило в 10 раз превосходившую его численно армию Ибрахима Лоди. За четыре последующих года Бабур расправился со всеми противниками в северной и центральной части Индии и вошел в историю как основатель династии Великих Моголов.

Его сына Хумаюна ждала нелегкая судьба изгнанника, уступившего престол своему военачальнику – афганцу Шер Шаху. Тот оказался талантливым администратором, заложившим основы

реформ государственного управления, осуществленных сыном Хумаюна Акбаром (1556–1605 гг.). При нем империя находилась на подъеме. В границы созданного неустанными военными походами централизованного государства вошли области, лежащие к востоку и к западу от долины Инда. Одной из своих столиц Акбар сделал Лахор. При нем в городе возвели мощную крепость. Находясь в 1584–1598 гг. со своим двором в Лахоре, Акбар раздвинул северные и западные границы своих владений. В 1586 г. он совершил поход на север, в высокогорную область Кашмир, покончив с самостоятельностью местного султана (мусульманская династия правила там с середины XIV века). А в 1595 г. Акбар отобрал у Персии контроль над Белуджистаном и Кандагаром (Южный Афганистан).

Индия к моменту смерти Акбара, то есть в начале XVII века, насчитывала, по некоторым оценкам, до 100 млн. жителей, а ее крупнейшие города, в том числе Лахор, населяли, очевидно, 200–250 тыс. человек. Но долина Инда в целом продолжала оставаться малонаселенным регионом. Там нередко случались засухи и голод, а также эпидемии бубонной чумы. Тремя главными земельными ареалами были лахорский, мултанский и синдский. В Синде продолжали править признаваемые Моголами правители из рода Аргунов, а затем Тарханов. В 1612 г. Синд стал провинцией (*суба*) Могольской империи, управляемой губернатором (*субедаром*). Таким же образом управлялись и другие провинции империи, которая в 1622 г. вновь уступила Персии (Шаху Аббасу) контроль над Кандагаром.

Между тем культурное влияние Персии на Могольскую Индию было исключительно велико. Особенно сильным (персидский язык занял положение официального) оно оставалось в период правления сына Акбара Джехангира (1605–1627 гг.) и его внука Шах Джехана (1627–1658 гг.). Индо-персидский синтез включал в себя элементы индусской (раджпутской) традиции, отразившись в литературе, живописи и архитектуре. Хотя попытки Акбара создать синкретическую религию не удалась, общественное положение индусов улучшилось, что и обеспечило во многом процветание империи на протяжении целого столетия. С приходом к власти последнего из могущественных Моголов падишаха Аурангзеба Аламгира (1658–1707 гг.) в религиозно-политической сфере произошел крутой поворот. Фундаменталист-

ская реакция, подготовленная деятельностью таких видных противников нововведений Акбара, как Шейх Ахмад Сирхинди, сопровождалась дискриминацией немусульман.

Вместе с тем XVII век для районов бассейна Инда можно считать относительно спокойным и благополучным. Лахор стал любимым городом Джехангира. Там был возведен ряд усыпальниц и мечетей, в том числе и гробница самого императора. Для нужд города и его сельскохозяйственной округи были построены отводные каналы. Земледельческий ареал расширился от области Лахора на запад. В Синде в 1635 г. открылась первая торговая фактория европейцев, основанная английской Ост-Индской компанией.

С середины века начался медленный упадок региона. Этому способствовало закрепление столичного положения за Агрой при Шах Джехане и особое его внимание к Дели. Лахор стал лишь третьим по величине и значению городом, а Панджаб превратился в опорную базу военных усилий Моголов на западном направлении, причем неудачных. Трижды им не удалось дорогостоящие попытки отобрать Кандагар у Персии. А затем на несколько лет Панджаб и Синд превратились в арену борьбы Аурангзеба с братом-соперником Дара Шикохом. После победы Аурангзеба обе области страдали от невнимания со стороны имперского двора в связи с тем, что падишах сосредотачивал свои усилия на кампаниях против индусов-маратхов запада Индии во главе с Шиваджи и мусульманских княжеств Декана (плато в центре полуострова Индостан). В 1662 г. англичане закрыли факторию в Синде, посчитав ее содержание нерентабельным из-за упадка местной торговли.

Районы современного Пакистана в XVIII столетии переживали период запустения и политической раздробленности. Виной тому – истощение ресурсов Могольской империи и резкое ее ослабление. Бассейн Инда вновь превратился в «проходной двор» для завоевателей с запада. В 1737 г. правитель Персии Надир Шах победил войско Могольского падишаха, а в 1739 г. подверг полному разграблению столицу империи Дели. После походов Надир-шаха сначала Синд и Белуджистан, а затем и Мултан перешли под сюзеренитет Персии. В 1747 г. в Афганистане на развалинах Персидской империи установилась власть местных правителей из племени Дуррани. Войска основателя афганского государства Ахмад Шаха совершали многочисленные походы на Панджаб, не

раз угрожая и захватывая Дели. Могольские правители использовали иноверцев маратхов для защиты от афганцев. В 1758 г. маратхи захватили Лахор и почти весь Панджаб, но в 1761 г. они потерпели сокрушительное поражение от афганцев.

Одновременно в Панджабе усилилась власть сикхов, местных правителей из числа последователей отколовшегося от индуизма в XVI веке религиозного течения. Из первоначально мирной секты сикхизм трансформировался в воинское братство (хальсу), формировавшееся в основном из представителей одной сословно-этнической общности джатов. Воспользовавшись вакуумом власти, сикхи в последней трети XVIII века установили контроль над Панджабом, продвигаясь из восточных горных районов на запад, вплоть до Инда. Область распалась на ряд племенных конфедераций (*мисл*), враждовавших между собой. В 1799 г. один из предводителей сикхов, Ранджит Сингх, начал объединение их под своей властью, основывая Сикхское (Панджабское) государство со столицей в Лахоре.

В Синде в первой половине XVIII века шла затяжная борьба за первенство между различными феодальными кланами, в ходе которой верх одержали Кальхоры. Они известны организацией работ по расчистке старых и строительству новых отводных каналов и сооружению дамб для защиты от наводнений.

В середине столетия Синд перешел от формального подчинения Великим Моголам под сюзеренитет Афганской империи Дуррани. В соседнем Белуджистане (стране воинственных полукочевых белуджских племен) выделился род Ахмедзаев, представители которого добились признания в качестве князей с центром в Калате (в нагорной области, прилегающей к северному Синду). Белуджистан, как и Синд, с середины века попал в зависимость от Афганистана: князь Калата выплачивал ему дань, получая в управление и для сбора налогов районы между Калатом и Кангадаром. К востоку от Инда, в пустынной местности между Синдом и Панджабом, образовалось княжество Бахавалпур во главе с представителем местного клана Даудпота.

К концу XVIII века относительное благополучие районов нижнего и среднего течения Инда сменилось новым кризисом и упадком. Вновь открытая в Татте в 1758 г. британская торговая фактория закрылась в 1775 г. Белуджские племена, продвинувшись в сторону Инда, вступили в борьбу за верховенство с Кальхорами.

В 1783 г. вожди одного из племен Тальпуры одержали верх над ними и поделили между собой Синд на отдельные эмираты. Из-за отказа Тальпуров платить дань шахам Дуррани в Синд неоднократно вторгались афганские войска. Грабежи и насилие усугубили упадок земледелия, торговли и городов. Набеги афганцев прекратились после 1809 г. и начался медленный подъем. Среди городов к тому времени серьезно пострадала Татта, а на первый план выдвинулся Хайдерабад, ставший столицей главного эмирата Тальпуров. В первой трети XIX века началась трансформация Карачи из небольшого рыбацкого поселения в главный порт в устье Инда.

Только в этот период районы современного Пакистана ощутили влияние новой силы, утвердившейся в Индии с середины XVIII века английской Ост-Индской торговой компании. Одержав верх над конкурентами – французами, она постепенно установила господство над всей восточной, центральной и южной частью полуострова Индостан. Правя долгое время от имени императоров из династии Великих Моголов и их наместников, англичане вводили свои порядки, стремясь добиться политической стабильности, увеличения доходов от торговли, а также налоговых поступлений при минимуме расходов на управление. В начале XIX века сфера их владений и влияния (через систему субсидиарных договоров с оставшимися у власти местными правителями) придвинулась вплотную к Панджабскому государству. В 1809 г. между англо-индийской империей и Панджабом был заключен договор, согласно которому граница между ними устанавливалась по р. Сатледж. Панджаб, по сути, превратился в буферное государство, схожее по очертаниям с сегодняшними рубежами между Индией и Пакистаном. Нужно добавить, что естественными пределами для власти англичан служила в то время Великая индийская пустыня (Тхар), остававшаяся в политическом плане страной раджпутских князей. Англичане только в 1818 г. окончательно подчинили Маратхскую конфедерацию, которая оказывала поддержку раджпутам, и тем самым стабилизировали границу, протянувшуюся от предгорий Гималаев до полуострова Катхиавар, расположенного к востоку от дельты Инда. Английская администрация в Индии распространила гарантии поддержания статус-кво на эмираты Синда, стремясь не допустить поглощения их северных пределов Ранджит Сингхом,

который в 1818–1819 гг. отобрал у афганцев Мултан и тогда же завоевал Кашмир.

Такая геополитическая конфигурация сохранялась вплоть до 1830-х годов. Афганская империя к тому времени сильно ослабла. Западные ее районы (Герат) признали сюзеренитет Каджарской Персии, а в восточных и юго-восточных развернулась междоусобная борьба между двумя кланами племени Дуррани. После потери Мултана война с сикхами развернулась в области Пешавар, где афганцы (восточные пуштуны) стали господствовать и численно преобладать с XIII–XIV веков. Причем велась она главным образом под знаменем джихада отрядами исламских пуритан (аналога аравийских ваххабитов) во главе с Саем Ахмадом Барелви. После его гибели в 1831 г. сопротивление пошло на спад, и в 1834 г. сикхские войска завладели Пешаваром. Под их контроль попали не только долины р. Кабул и ряда других западных притоков Инда, но и прилегающая к ним предгорная полоса, протянувшаяся с северо-востока на юго-запад вдоль высоких отрогов Гиндукуша.

Нужно иметь в виду, что сикхская регулярная армия была к тому времени весьма многочисленной (60 тыс. человек) и хорошо оснащенной (около 100 орудий полевой артиллерии). Ранджит Сингх использовал для обучения своих войск французских и итальянских офицеров, участников войн наполеоновской эпохи.

В 1838 г. англо-индийское правительство, стремясь к установлению контроля над Афганистаном, заключило с Панджабом и претендентом на афганский престол тройственный союз. Ранджит Сингх, однако, не стал участвовать в наступлении на афганцев и заставил англичан избрать путь через Синд для вторжения в афганские пределы. Первая англо-афганская война 1838–1842 гг. окончилась для англичан поражением, хотя удар по их престижу смягчили условия мира, заключенного с эмиром Кабула. В 1843 г. английские войска, дислоцированные в Синде, спровоцировали конфликт с его правителями и аннексировали всю область, кроме княжества Хайрпур, включив ее в состав Бомбейского президентства.

За смертью Ранджит Сингха в 1839 г. последовал этап ожесточенной борьбы за власть среди его наследников. Зимой 1845–1846 гг. сикхская армия вступила в бой с англо-индийской. Ряд кровопролитных сражений закончился неудачей для сикхов.

Английские власти воздержались от аннексии Панджаба, но поставили его под свой контроль. Тогда же они уступили населенную в основном мусульманами область Кашмир изменившему сикхам индусскому радже Гулаб Сингху. В 1848–1849 гг. развернулась вторая англо-сикхская война, завершившаяся поражением Панджабского государства и его ликвидацией.

Установление прямого контроля над Панджабом сопровождалось учреждением в Лахоре Совета по управлению, проведением ряда последовательных преобразований в социальной сфере и мер по борьбе с произволом и грабежами. Патерналистская политика англичан вызвала хозяйственный подъем в Панджабе, который вскоре превратился в одну из первых непрезидентских провинций (сначала во главе с главным комиссаром, а затем с лейтенант-губернатором).

Улучшению социальных и экономических условий в Панджабе способствовало введение властями прав частной (отчуждаемой) собственности на землю, хотя и несколько ограниченной общинными порядками, и, кроме того, системы фиксированных (периодически пересматриваемых) земельных налогов, водных и иных сборов. Сходную политику англичане проводили и в Синде, где в результате также имело место сочетание традиционных и новых установлений. В отличие от Панджаба, включая его пуштунские районы, где преимущественное распространение получила крестьянская община, в Синде и Белуджистане утвердилась власть крупных землевладельцев (феодалов) над лишенными прав арендаторами-земледельцами.

Бассейн Инда для англичан представлял интерес в первую очередь со стратегической точки зрения из-за неполной подчиненности Афганистана. Благодаря договору 1854 г. с зависимым от афганского эмира князем Калата они получили контроль над стратегически важными северными районами княжества, населенными главным образом племенами пуштунов. Статус британского Белуджистана с центром в Кветте был закреплен договорами 1876 и 1879 гг. в период нового англо-афганского противостояния. Окончательные границы между Британской Индией и афганским эмиратом были установлены в 1893 г. после подавленных англичанами выступлений горных пуштунских племен. Правитель Кабула Абдул Рахман Хан оказывал им поддержку, хотя, став эмиром после второй англо-афганской войны 1878–1880 гг.,

обязался вести свои внешние дела через правительство в Калькутте, получая за это ежегодные субсидии. Посланный к эмиру во главе специальной миссии секретарь по иностранным делам англо-индийской администрации М. Дюранд получил от него согласие на делимитацию границы между Индией и Афганистаном в районе проживания пуштунских племен. Линия Дюранда поставила горную область в основном под контроль англичан, которые были вынуждены, впрочем, согласиться на ее особый (свободный) административный статус. С 1930-х годов законность разграничения стала оспариваться Кабулом, и, как отмечалось выше, линия до сих пор не признана им в качестве межгосударственной границы, теперь уже между Афганистаном и Пакистаном.

Территория современного Пакистана в период ее захвата англичанами отличалась в целом малой заселенностью: там насчитывалось, очевидно, не более 4–5 млн. человек. К 1860-м годам население выросло до 6–7 млн. и продолжало быстро увеличиваться в последующие десятилетия. Этому способствовали мирные условия жизни, подъем земледелия, в том числе коммерческого (выращивание хлопка и пшеницы), и торговли. Карачи превратился во второй по значению после Бомбея порт на Аравийском море. Его хинтерланд включал не только Синд, но и юг Панджаба во многом благодаря навигации по Инду. Торговле способствовало проведение дорог для колесного транспорта и начавшееся с 1870-х годов железнодорожное строительство, хотя оно и имело долгое время по преимуществу военно-стратегическое значение.

Рост населения тормозили голодные годы, вызванные засухами. После трех таких лет в 1876–1878 гг. колониальная администрация Индии приступила к осуществлению крупного ирригационного строительства. Бассейн Инда стал одним из основных его ареалов. В 1880–1890 годах было построено несколько магистральных каналов, соединивших между собой основные реки Панджаба, и на новоорошенные земли началось переселение людей.

В 1901 г. население районов, образующих ныне Пакистан, достигло 16–18 млн. человек. Оно, таким образом, увеличилось за вторую половину XIX века примерно втрое. Преобразовательная деятельность англо-индийских властей в бассейне Инда шла по нарастающей до начала Первой мировой войны. После нее она пошла на спад, хотя ирригационное и железнодорожное строи-

тельство продолжалось. К 1941 г., по данным переписи, население выросло до 28 млн., то есть приблизительно вдвое по сравнению с началом века. На момент образования Пакистана в 1947 г. в его западной части насчитывалось примерно 30 млн. человек.

При этом за век, миновавший со времени установления колониальных порядков, существенно изменился конфессиональный состав жителей бассейна Инда. На протяжении многих веков он оставался по преимуществу однородно-мусульманским. Между тем, несмотря на сопротивление, оказанное сикхами при завоевании Панджаба, англичане утвердили права на землю многих представителей их верхних слоев. Сикхи в ответ не приняли активного участия в антибританском восстании 1857–1859 гг. и составили в дальнейшем один из главных источников пополнения колониальной армии. С выходом на пенсию сикхи-военнослужащие получали предпочтительные права на землю в новоорошенных районах. Таким образом, конфессиональная однородность западной (пакистанской) части Панджаба была нарушена внедрением сикхского населения. Еще больше увеличилась в долине Инда прослойка индусов. Они составили значительную часть городского населения Синда и Панджаба, прежде всего таких крупных городов, как Карачи и Лахор. Последний стал одним из центров фундаменталистской реформации в индуизме, штаб-квартирой «Арья самадж» (Арийского общества), основанного Д. Сарасвати. Индусы заняли преобладающие позиции в торговле, ростовщичестве, промышленном предпринимательстве и сфере услуг (управлении, образовании, науке и медицине). Цепь их колоний (городских кварталов и поселений) охватила весь Индский бассейн, достигнув Афганистана. К 1947 г. немусульмане составляли, судя по всему, не менее 20–30 % жителей территорий, вошедших в состав западной части Пакистана.

* * *

Возникнув на религиозной основе, Пакистан в какой-то мере опроверг теорию непременно этно-национального базиса современных государств. Он стал одной из немногих (Ирландия, Израиль) суверенных стран, чье появление на карте мира было связано с идеей государства для представителей определенной религиозной общности и единственным таким в мусульманском мире. Загадка Пакистана остается одной из постоянных тем в

научной и публицистической литературе на протяжении, по существу, всего периода его уже 60-летнего существования.

Интерес к Пакистану в мировой историографии и политологии объясняется также его ключевым геополитическим положением на стыке регионов Южной, Центральной и Западной Азии и той ролью, которую он играет в международной политике. Среди дополнительных факторов, привлекающих повышенное внимание к Пакистану, надо назвать контраст, который являет его военно-авторитарное политическое устройство в сравнении с демократической системой в Индии, продолжающееся много десятилетий противостояние с ней из-за Кашмира; превращение в ядерное государство, причем пока единственное в мире ислама; наконец, подъем радикального исламизма в стране и угрозы связанного с ним терроризма для глобальной и региональной безопасности.

Пакистану посвящена обширная научная, обзорная и мемуарно-публицистическая литература. Среди авторов первых книг по истории возникновения и начальным десятилетиям существования страны нужно отметить англичан Х. Болито, Р. Саймондса, П. Спиара, Г. Фельдмана, американцев Р. Брайбанти, Г. Папанека, У.А. Уилкокса, канадца К. Колларда, австралийца О.Х.К. Спейта и др. Постепенно в Пакистане сформировалась своя историографическая традиция, которую заложили как политические деятели (Чоудри М. Али, М. Айюб Хан, З.А. Бхутто), так и университетская профессура, часть которой переехала для работы за границу – Х. Малик, Х.Б. Сайид, С. Куреши и др., а часть преподавала на родине – Дж.В. Чоудхури, Л.А. Шервани и др.

На более позднем этапе (после 1971 г.) пакистановедение активно развивалось в США, где образовалось Американско-пакистанское общество и работали К. Бакстер, Д. Гилмартин, С. Кочанек, Л. Зиринг и ряд других видных специалистов по истории, идеологии, политическим и социально-экономическим проблемам страны. В Пакистане были организованы не только университетские, но и научно-исследовательские центры, известность приобрели исторические и политологические труды А.С. Ахмеда, Ш. аль-Муджахида, П.И. Чима и др. Школа изучения Пакистана сохраняется в Англии (А. Джалал, И. Малик, И. Тэлбот), появляется в Германии, Франции и ряде восточноевропейских стран (Чехословакии, Польше). Немало работ, посвященных Паки-

стану, стало публиковаться в Индии. Наиболее известные из них принадлежат перу В.Б. Кулкарни, С. Кумара, К. Наяра, П. Наяка.

В последнее время из печати вышли несколько привлекавших к себе внимание книг по Пакистану. К ним относятся автобиографическое сочинение президента страны генерала П. Мушаррафа, книги пакистанского журналиста Х. Хаккани «Пакистан между мечетью и военными» и американского ученого С.П. Коэна «Идея Пакистана».

В Пакистане сегодня издается около десятка периодических изданий, посвященных его истории, политике и экономике. Среди них – «Обзор развития Пакистана», «Региональные исследования», «Стратегические исследования», «Пакистанский журнал истории и культуры» и др. В Пешаваре в структуре местного университета в течение почти 30 лет успешно функционирует Центр по изучению России и Центральной Азии, публикующий журнал «Центральная Азия» и специальные монографии.

В отечественной научной литературе Пакистан как объект исследования также занял достаточно видное место. Уже в годы Второй мировой (Великой Отечественной) войны на планы раздела Индии и создания Пакистана откликнулся статьей В.В. Балабушевич, будущий руководитель Отдела Индии и Пакистана в Институте востоковедения АН СССР. Организатором сектора Пакистана в ИВАНе в конце 1950-х годов явился крупный индолог А.М. Дьяков, но подлинным главой школы пакистанистов стал Ю.В. Ганковский, возглавивший сектор в 1964 г. Его перу принадлежат, в частности, две основополагающие книги по истории народов Пакистана и национальным движениям в этой стране. Значительный вклад в изучение идеологии, а также экономики Пакистана внесла Л.Р. Гордон-Полонская. В 1961 г. вышла в свет написанная ими совместно первая на русском языке «История Пакистана».

В 1960–1980 годах в Москве и других городах страны сложилась группа специалистов по истории, экономике и политике Пакистана. Она смогла подготовить три справочника по Пакистану, серию монографий и большое количество статей. Позднее вышли «Энциклопедия Пакистана» и ряд новых исследований. Среди тех, кто внес немалый вклад в развитие отечественной пакистанистики, нужно особо отметить В.Ф. Агеева, С.С. Баранова, И.Н. Васькина, А.В. Заболотского, С.И. Илларионова, А.А. Иу-

дина, И.М. Компанцева, С.А. Кузьмина, С.Ф. Левина, О.В. Плешова, Ю.А. Пономарева, М.А. Сидорова, В.Г. Растянникова, Т. Рузиева, С.И. Тансыкбаеву, В.И. Тюрина, Ф.А. Тринича, Г.П. Троценко, И.В.Халевинского, Г.Г. Федорову, Р.И. Шерковину. Продолжают работать в этой области, помимо авторов данной книги, И.В. Жмуйда, С.Н. Каменев, М.Ю. Морозова, Р.М. Мукимджанова, а также Л.Б. Аристова, Н.А. Замараева, Ю.Н. Паничкин, И.Н. Серенко, В.И. Сотников и др. Изучение истории Пакистана велось и ведется не только в Институте востоковедения РАН, но и в других научных, практических и высших учебных заведениях Москвы и ряда городов России.

* * *

Введение, главы 1, 2, 4 и 6 написаны доктором исторических наук профессором В.Я. Белокреницким, главы 3, 5, 7 и Заключение – доктором исторических наук профессором В.Н. Москаленко.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ПАКИСТАНА

Если говорить об истории Пакистана в XX веке, то необходимо прежде всего указать на то, что в начале века такое государство не существовало даже в виде проекта, а впоследствии образовавшие его народы и территории входили в то время в состав колониальной Индии. Вместе с тем именно с начала прошлого столетия берут начало процессы, приведшие к появлению Пакистана после окончания Второй мировой войны.

Посмотрим, что представляла собой Индия и ее северо-западные, так сказать пакистанские, области в начале XX века. Обращает на себя внимание то, что Индия была на тот исторический момент подлинным сердцем обширной заморской империи Великобритании, или, как часто говорят, жемчужиной в ее короне. Она представляла собой самое населенное, обладавшее огромными природными и накопленными богатствами колониальное владение Англии. Индия занимала к тому же исключительно важное торговое и стратегическое местоположение между Ближним и Дальним Востоком, между выходом из Красного моря, с одной стороны, и Малаккским проливом – с другой. Причем такое выгодное положение она имела и до сооружения в 1869 г. Суэцкого канала, в течение почти четырех веков, когда европейские суда огибали Африку и направлялись к берегам Индии как ближайшей кромке азиатского континента.

Особенно значительным политико-стратегическое положение Британской Индии казалось в начале XX века, когда вице-королем был лорд Керзон. Один из самых молодых на посту управляющего индийскими делами (ему не было еще и 40, когда в 1899 г. он прибыл в тогдашнюю столицу Калькутту), Керзон рассматривал Индию как несущую конструкцию в осуществлении политики британской короны на всем Востоке, мечтая сделать ее мостом между Европой и Азией.

Главное его внимание после окончания англо-бурской войны (1899–1902 гг.) привлек Ближний Восток, зона Персидского залива, и он совершил туда осенью 1903 г. многодневную поездку. Ему удалось установить прочные контакты с местными арабскими правителями, добившись от них признания в особом благоволении к британской короне и подтверждения отказа от предоставления баз и опорных пунктов для Франции и Германии¹.

Особое внимание Керзон уделял сухопутным границам колонии, будучи твердо убежден, как и большинство его предшественников, в стремлении императорской России двинуться из Средней Азии на юг в направлении Индии. Другой предмет его озабоченности – продвижение русских на Дальний Восток, в частности их предполагаемые поползновения укрепить свои позиции в Тибете. В 1903–1904 гг. по его инициативе туда была направлена военная экспедиция англичан во главе с полковником Ф. Янгхазбендом. Она благополучно, хотя и со многими трудностями и боями, добралась до тибетского центра Лхасы и, не обнаружив там русских, ни с чем, по существу, вернулась обратно².

Следуя британской политике солидарности с Японией в ее военном противостоянии с Россией в 1904–1905 гг., англо-индийское правительство не дало возможности российской эскадре адмирала З.П. Рожественского заправляться углем на пути ее следования из Балтийского моря на Дальний Восток, что негативным образом сказалось на боеспособности русской флотилии и способствовало катастрофе в морском сражении с японцами при Цусиме³.

На стыке внешней и внутренней региональной политики Калькутты в конце XIX – начале XX века обострилась ситуация на северо-западе колонии. Она сложилась вследствие восстания независимых пуштунских племен в 1897–1898 гг. в подконтрольной англичанам части обширной горной страны, проходы через которую, прежде всего Хайберский перевал, служили не раз опробованной дорогой для масс переселенцев и завоевателей Индии. Разделить полосу племен примерно поровну между Афганистаном и Индией кабульский эмир согласился в 1893 г. на условиях увеличения предоставляемых ему ежегодных субсидий⁴.

Желая укрепить позиции колонизаторов в приграничных с Афганистаном районах, Керзон пошел в 1901 г. на выделение

новой провинции – Северо-Западной пограничной – из состава провинции Панджаб. Тогда же расположенная к востоку от Панджаба Северо-Западная провинция была переименована в Соединенные провинции Агры и Ауда, или просто Соединенные провинции.

Административная система британской колонии в начале XX века имела сложный, в чем-то причудливый вид. Она сложилась в ходе утверждения сначала в Бенгалии (на востоке Индостана) и в других прибрежных районах, прежде всего в Мадрасе (на юге) и Бомбее (на западе), политической власти английской Ост-Индской компании. Преодолев в годы Семилетней войны (1756–1763 гг.) вызов, который пыталась бросить им французская Ост-Индская компания, британцы утвердились в трех президентствах – Бенгальском, Бомбейском и Мадрасском – и установили эффективный контроль над ослабевшей и полураспавшейся империей Великих Моголов с центром в Дели вместе с отколовшимися от нее большими и малыми наследственными владениями (княжествами).

Следуя принципам косвенного управления колониями, англичане в большинстве случаев сохраняли номинальную власть в руках туземных князей и правителей, освобождая их, как правило, от уплаты налогов и сборов и при необходимости предоставляя денежные субсидии как плату за подчинение и обеспечение внутренней стабильности. Однако с конца 1840-х годов при генерал-губернаторе лорде Дальхузи политика в отношении местных правителей изменилась и оставшиеся без прямых наследников владения перешли как выморочные под прямое управление колонизаторов. Это расширило территорию собственно британской Индии, одновременно способствуя росту недовольства традиционной властной элиты. Представители последней, принявшие участие в упоминавшемся восстании 1857–1859 гг. (наиболее активная фаза длилась с мая по сентябрь 1857 г.), лишились своих владений после его подавления и перехода верховной власти над Индией непосредственно к английской короне в 1858 г. Бразды правления перешли к ней из рук национальной торговой компании, управлявшей Индией под присмотром государства и по доверенности общества, в рамках хартий (правовых актов), принимаемых на первых порах раз в 10, а затем в 20 лет британским парламентом.

К началу XX века Британская Индия состояла из двух президентских провинций во главе с губернаторами – Бомбейской и Мадраасской; четырех во главе с лейтенант-губернаторами – Бенгалии, Соединенных провинций, Центральных провинций и Панджаба; трех провинций, возглавляемых главными комиссарами – Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), Белуджистана (обе – на северо-западе страны) и Ассама (на северо-востоке). Весь центр и юг занимали княжества. Среди них площадью и населением выделялись Хайдерабад на Деканском плато, Майсур в горных районах юга полуостровной части, Траванкур и Кочин на крайнем ее юго-западе, Бхопал, Гвалиор, Индур в центральных областях, Джамму и Кашмир на крайнем севере. Кроме того, имелись целые кластеры наследственных владений: в Раджпутане (Раджастхане), среди них крупнейшие – Аджмер, Биканер, Джайпур, Джайсалмер; в Панджабе (ведущее из них – Патиала); в Рохилкханде (к востоку от Дели); на западном гуджаратском побережье – Барода, Джунагадх; в пустынном северо-западе – Бахавалпур, Хайрпур, Калат; в северо-восточной части – Куч-Бехар, Трипура, Манипур. Общая площадь, которую занимали княжества, составляла, по разным источникам, от 40 до 45 и даже 50 процентов.

По религиозному составу населения Индия была по большей части индусской. Из почти 290 млн. человек, зарегистрированных переписью 1901 г., мусульмане составляли 62 млн., или около 22 %. При этом их удельный вес по сравнению с данными двух предшествовавших переписей (1881 и 1891 гг.) неуклонно увеличивался и продолжал расти на протяжении всей первой половины XX века. К 1921 г. он достиг уже 23, а к 1941 г. превысил 24 %. Иными словами, в начале века каждый пятый, а ближе к его середине уже каждый четвертый житель всей индийской территории Англии принадлежал, чаще всего по факту рождения, к исламской религии⁵.

Более быстрый рост мусульман объясняется рядом причин, такими, в частности, как отсутствие у них запрета на браки вдов, религиозная санкция на многоженство и браки с немусульманками при условии их перехода в ислам, наконец, прозелитизм, пропаганда ислама (движения таблигх, дава, танзим).

Одновременно с ростом численности мусульман наблюдалось также увеличение числа собственно индуистов. В начале столе-

тия значительная часть немусульманского населения, сосредоточенная главным образом в гористых и малозаселенных срединных районах страны, сохраняла верность анимистическим культам и верованиям. Возросшая благодаря мерам по возрождению и реформированию индуизма его консолидированность способствовала постепенному вбиранию в индусскую среду сохранившихся первобытные верования племен. Исламский прозелитизм встретил к тому же ответную реакцию индуистов, развернувших в период между мировыми войнами движение за возвращение в лоно индуизма (шуддхи, сангатхан).

Вместе с тем острой оставалась проблема низших каст (неприкасаемых), среди представителей которых, помимо стремления принять ислам или христианство, немалую поддержку получила идея обособления в виде особой религиозной общины. С ней активно и в итоге успешно боролся М. Ганди, не допустивший выделения неприкасаемых в отдельную избирательную курию⁶.

Кроме индуистов (и близких к ним джайнов), заметное место среди религиозных общин занимали сикхи, составлявшие в свое время главную опору власти в Панджабском государстве, парсы-огнепоклонники, а также христиане – как индийцы (в основном обращенные низкокастовые индусы), так и особенно англо-индийцы, потомки смешанных браков.

Нужно также заметить, что жители туземных индийских княжеств состояли по большей части из индусов или тяготевших к индуизму групп. Исключение составляли лишь северные и северо-западные княжества. Между тем на долю княжеств как в начале века, так и в его середине приходилась приблизительно пятая часть населения. Если, исходя из этого, считать, что подавляющая часть мусульман населяла провинции Британской Индии, то их удельный вес там равнялся приблизительно одной трети.

Истоки мусульманского сепаратизма

Значение мусульманской общины в политической жизни собственно английской Индии определялось не только этим, хотя и весьма красноречивым, фактом. Удельный вес мусульман был еще более значителен среди традиционных элитарных слоев. Не стоит забывать, что правители из числа мусульман управляли Индией на протяжении почти всего второго тысячелетия н. э. Пика

это господство достигло в конце XVIII века при Аурангзебе Аламгире, последнем могущественном правителе из династии Великих Моголов. Он раздвинул рамки мусульманской империи в южном направлении, оставив вне зоны своего контроля, впрочем, недолговременного и по большей части номинального, лишь относительно небольшую территорию на оконечности полуострова (южнее бассейна р. Кавери) ⁷.

Традиционно высокое социальное положение мусульманской общины оказалось резко нарушенным после завоевания Индии англичанами. С одной стороны, от него в наибольшей степени пострадали правители-мусульмане, а с другой – представители служилой знати из числа мусульман были потеснены немусульманами, главным образом индусами. Последние легче и успешнее приспособились к новым порядкам. С 1820–1830-х годов, когда английские администраторы в Индии взяли курс на расширение доступа местного населения к европейскому (английскому) образованию, именно индусы из высших каст в первую очередь воспользовались открывшимися возможностями. В то время как мусульмане, что называется, цеплялись за старое, пытаясь задержать переход административного и судебного делопроизводства с традиционных исламских на европейский стандарт, индусы стремились к получению нового образования и новых должностей. Усилили эти тенденции провозглашение Индии владением английской короны и принятие в 1861 г. Акта об индийских советах – совещательных органах при исполнительной власти, призванных учитывать складывавшееся в стране, тогда, разумеется, лишь у самых верхних слоев, общественное мнение. Тому же способствовало основание в 1858 г. первых университетов в Калькутте, Бомбее и Мадрасе, созданных по английским образцам. Среди их студентов в первые десятилетия мусульмане составляли незначительную долю ⁸.

Отставание мусульман в темпах приобщения к основам европейской культуры сочеталось с их открытым и скрытым сопротивлением преобразованиям, вводимым англичанами. Острые выступления воинственно настроенных мусульман против властей происходили в конце 1850-х годов не только в охваченных восстанием центральных районах Северной Индии, но и в Панджабе, который обычно относят к региону, который остался лоялен колонизаторам ⁹.

Волнения среди мусульман Индии продолжались и позднее. Их организаторами и участниками являлись в первую очередь *муджахеды* (борцы за веру), последователи упоминавшегося уже исламского радикала Сайида Ахмада Барелви. Англичане называли их ваххабитами, по аналогии с аравийскими радикалами – ревнителями чистоты веры, и провели над ними в 60-х годах XIX века серию судебных процессов¹⁰.

Скрытое сопротивление властям оказывала также традиционалистски настроенная мусульманская интеллигенция, состоявшая в основном из представителей строго не очерченного сословия богословов-*улемов* (мн. ч. от араб. «алим», «знаток»). В 1867 г. в небольшом, по-преимуществу мусульманском городе Деобанд к северу от Дели начала работать религиозная школа (мадраса)¹¹. Она вскоре заняла положение крупнейшего центра религиозного обучения (*дар-ул-улума*), сохранявшего существенную степень независимости от властей. Деобандская школа улемов опиралась на наследие теоретика исламского подъема в Индии Шаха Валиуллы (1703–1762 гг.). Один из основателей Деобанда Мухаммад Касим принимал активное участие в антианглийском восстании и отсидел за это несколько лет в тюрьме. Он считал, что цели Деобандского центра те же, что и восстания, хотя методы различны¹².

С течением времени, впрочем, мусульмане-традиционалисты внешне смирились с британским владычеством. Более того, они позаимствовали у колонизаторов новые принципы, формализовавшие учебный процесс¹³. Вместе с тем в Деобанде отказались от обучения английскому языку и литературе, что превратило его в оплот традиционалистского образования, мышления и идеологии. Другие подобные ему центры находились в Дели и Бхопале (принадлежали аристократической пуританской группе *ахл-е хадис*), а также в городах Барейли и Бадауни в Рохилкханде (школа улемов-барелви)¹⁴.

В 1860-х годах в среде мусульманской интеллигенции Индии появились сторонники позитивного отношения к результатам английского господства, признания достижений западной науки и культуры и необходимости усвоения ее элементов. Безусловным лидером этого течения являлся Сайид Ахмад Хан (1817–1898 гг.). В 1864 г. в городе Алигархе к юго-востоку от Дели он основал Научный институт, а в 1875 г. частное учебное заведение Мусульманский (магометанский) англо-восточный колледж¹⁵.

Последнее произошло при активном участии и поддержке англо-индийских властей. Колледж предназначался для воспитания нового слоя мусульманской элиты, представители которого должны были получить английское образование и пополнить ряды государственных чиновников.

Надо отметить, что колониальные власти к тому времени обратили внимание на отставание верхушки мусульман в процессе приобщения местной элиты к плодам привносимого ими просвещения, а также на такое явление, как деградация мусульманских районов. Этому способствовали подготовленные видными деятелями колониального аппарата (такими как У.У. Хантер) аналитические материалы и публикации, рисовавшие неудовлетворительную картину положения мусульман, прежде всего в Бенгалии, но также и в целом в Британской Индии ¹⁶.

Другим обстоятельством нужно считать международное значение исламского фактора, которое заключалось для англичан в том, что они вплотную соприкасались с мусульманским миром по всему периметру своих геополитических интересов и притязаний, будь то Балканы, где Османская империя в 1877–1878 гг. потерпела поражение от России, или Восточное Средиземноморье, где Великобритания с помощью египетского паши сумела отобрать ключи от Суэцкого канала у построивших его французов, или Центральная Азия, где Афганистан представлял собой буфер между английской Индией и контролирувавшей мусульманские регионы Российской империей ¹⁷.

Повышенное внимание английских верхов к мусульманам определялось еще и аристократическим снобизмом. Среди представителей местной индийской знати мусульмане занимали наиболее видные позиции. Перым среди владетельных князей считался *низам* Хайдерабада. К ведущим аристократам относился также мусульманский правитель Бхопала, *низам* Дакки в Восточной Бенгалии, *раджса* Махмудабада, правители Рампура, Патауди, Джунагадха и ряда других княжеств. С переходом Индии под власть короны и возведением генерал-губернатора в сан вице-короля выросли помпезность и пышность церемоний, сопровождавших имперское правление. Англичане при этом учитывали восточные обычаи, стремились укрепить свою власть путем ее легитимации в глазах наследственных правителей, для которых Британская империя превращалась в законного наследника

Могольской. Именно этой цели официально служил созданный в 1877 г. вице-королем лордом Литтоном дарбар (съезд индийской знати) в Дели, на котором королева Виктория была торжественно провозглашена императрицей Индии ¹⁸.

Определенное значение при этом имело аристократическое тщеславие британских верхов, позволявших себе в Индии вести образ жизни, подобный тому, который вели местные наследственные правители. Обычно этим особенно отличались вице-короли, назначенные правительствами консерваторов, такие, например, как Литтон и Керзон. Заметим, что консервативная тенденция в методах управления колонией боролась с либеральной, которую отстаивала в британском парламенте одноименная партия. Либералы, между прочим, едва не заблокировали церемонию коронации Виктории и резко критиковали аристократический стиль управления Индией. Противоборство двух этих тенденций, никогда не имевшее кардинальный, глубинный характер, отражалось на отношении колониальных властей к проблеме мусульман и в немалой степени объясняет особенности процесса получения Индией независимости и образования Пакистана.

Двойственности британской политики в определенной мере соответствовала неоднородность позиций мусульманской общины. Формировавшие ее представители традиционной аристократии и так называемого среднего, то есть достаточно обеспеченного и образованного, класса распадались, как выше отмечалось, на группу непримиримых, хотя и временно затаившихся противников всего христианского и английского и постепенно возмраставшую прослойку людей, благожелательно относившихся к элементам чужой религии и культуры. Последние группировались в последней трети XIX века главным образом вокруг Алигарха и фигуры Сайид Ахмад Хана, который пропагандировал идеи примирения исламской традиции и достижений современной ему европейской культуры, в частности науки. Будучи верующим человеком, он исходил из общности исламской и христианской цивилизаций и в позитивистском ключе ставил и решал ключевые философские и мировоззренческие вопросы. Л.Р. Гордон-Полонская характеризует его взгляды как объективно идеалистические, не оставляющие, по существу, места для Бога. Между тем от веры в Аллаха он, по мнению Б. Меткалф, никогда не отступал ¹⁹. Можно сказать, что его реформистские взгляды отличались пози-

тивизмом, встречая не только одобрение, но и критику в лагере модернистов и неприятие в традиционалистской среде²⁰.

Помимо Алигарха, существовали другие центры реформистской учености, такие как мусульманский колледж общества *Надват-уль-ислам* в городе Лакхнау (Соединенные провинции). Общество появилось в начале 1890-х годов, а в 1908 г. основанный им колледж получил поддержку властей²¹.

Еще более известным центром мусульманского образования в Лакхнау была семинария *Фаранги махалл* (французский дворец), основанная еще в XVIII веке. Она отличалась введенным ее основателями каноном образования, который постепенно приобрел широкое признание, а также примирительным отношением к различным направлениям и школам в исламе²².

Наиболее последовательным модернизмом отличалась религиозно-реформаторская деятельность Мирзы Ахмада Кадияни (1838–1908 гг.), создавшего новую секту кадияни или ахмадие. Ее центр находился в восточной части Панджаба в г. Кадиян, а существо учения сводилось к догматам о познаваемости Бога, равенстве людей перед ним и социальном прогрессе, которому в Индии способствуют действия просвещенных английских властей²³.

Необходимо подчеркнуть, что деятельность, по существу, всех групп мусульманской интеллигенции была направлена на защиту и укрепление позиций ислама как религии и мировоззрения. При этом им противостояли две силы: с одной стороны, чужеродное и иноконфессиональное влияние христиан-колонизаторов, а с другой – реформировавшийся индуизм, который вкупе с модернистско-секулярными идеями приобретал характер «невидимой системы», лежавшей в основе общеиндийского национализма.

Страх перед индусским большинством и его культурной экспансией рано охватил духовных лидеров мусульманской общины и во многом объясняет появление представлений об отдельной судьбе мусульман Индии. Наиболее влиятельным выразителем этих идей был тот же Сайид Ахмад Хан. Еще в ранних его работах прослеживается, по словам Л.Р. Гордон-Полонской, «зарождение идеологии религиозного сепаратизма»²⁴. На последнем этапе его деятельности они зазвучали с новой силой. Он был горячим сторонником развития общего для мусульман Индии и наиболее тесно связанного с религией (из индийских) языка урду, а также его противопоставления хинди, активно распространяв-

шейся в конце XIX века индусской (санскритизированной) формы языка хиндустани.

Сайид Ахмад выступал при этом за правительственную помощь в деле сохранения и расширения специально предназначенной для мусульман системы просвещения. Алигархский колледж мыслился им как фундамент здания высшего образования для мусульман, и в 1920 г. на его базе открылся первый мусульманский университет²⁵.

Еще более существенную роль для политического будущего Индии сыграло негативное отношение С. Ахмада к Индийскому национальному конгрессу (ИНК), основанному в 1885 г. В то время как некоторые мусульмане, главным образом получившие разностороннее образование богатые купцы и торговцы из космополитического Бомбея, принимали участие в работе ежегодных, приуроченных к рождественским праздникам его собраний, большинство из них увидели в образовании Конгресса затею враждебных сил и отказались признать за ним роль выразителей своих интересов. Причем к этому большинству относилась не только традиционалистская интеллигенция, но и такие европейски образованные и преуспевающие мусульмане, как калькуттский юрист Амир Али. Он еще в 1878 г. основал просветительскую по целям Национальную (в смысле общую для всех единоверцев; сам он был шиитом) мусульманскую ассоциацию²⁶.

Симптоматично, что одновременно с возникновением Конгресса в 1885 г. в панджабском городе Лахор было создано Общество защиты ислама (Анджуман-и химайат-и ислам), а в 1886 г. впервые собралась Мусульманская конференция по образованию²⁷. Деятельность ежегодно созываемой конференции была тесно связана с Алигархом, а сама она выполняла не только важную общественную, но и политическую миссию. Участники, собравшиеся на ее сессию, приняли 30 декабря 1906 г. решение об образовании первой политической организации мусульман Индии – Всеиндийской мусульманской лиги²⁸.

Этому предшествовали бурные события, вызванные действиями английских правителей. В 1905 г., незадолго до окончания своего пребывания на посту вице-короля, лорд Керзон принял решение о разделе крупнейшей провинции Бенгалии на две – Западную и Восточную (с присоединением к последней Ассама). Хотя обоснованием для такого решения служили трудности

администрирования (население провинции равнялось трети жителей Британской Индии), принцип разделения на преимущественно индусскую и мусульманскую территории породил антиправительственные выступления патриотически настроенных бенгальцев, главным образом индусов, кампанию свадеши (бойкота иностранных товаров), а также террористические акты. Несмотря на широкую и грозную кампанию, сопровождавшуюся расколом в рядах Конгресса на умеренных и радикалов, осуждением на тюремное заключение лидера последних Б.Г. Тилака и другими осложнениями, администрация лорда Минто не пошла на ревизию решения о разделе.

Между тем вызванный им рост политической активности привел в движение не только индусскую, но и мусульманскую общину. Восточная Бенгалия стала первой крупной провинцией, где мусульмане оказались в большинстве (в Панджабе в начале века они составляли примерно половину). Превращение главного восточнобенгальского города Дакки в столицу новой провинции повысило его значение. Вырос общественный вес и первого *заминдара* (крупнейшего землевладельца) Бенгалии наваба Дакки Самиуллы Хана. По инициативе наваба в родном для него городе состоялась упомянутая выше сессия Мусульманской конференции по образованию, в организации которой главную роль играли лидеры Алигархского движения. Собираясь в Дакку, группа представителей мусульманской элиты во главе с наследственным главой секты исмаилитов Ага Ханом III попросила вице-короля об аудиенции и во время встречи с ним выразила пожелание о создании отдельной для мусульман курии в случае принятия закона о выборах в законодательные советы²⁹.

О конституционной реформе англичане объявили в 1909 г. Она получила название по имени государственного секретаря (пост высшего сановника в Лондоне, отвечающего за дела в Индии) лорда Морли и вице-короля Минто. В основе реформ лежал Акт об индийских советах. Главным его нововведением было не номинирование, как раньше, а избрание так называемых неофициальных членов (не из числа чиновников, представителей властей). При этом выборы проводили различные общественные корпорации – органы местного самоуправления, торговые палаты, университеты, собрания землевладельцев, ассоциации чая, джута и т. п. В 1910 г. в ходе выборов определились 135 членов провинци-

альных советов, которые в свою очередь выбрали 27 представителей индийской общественности в центральном (имперском) совете при вице-короле³⁰.

В ответ на пожелание вышеупомянутой делегации мусульман и после продолжительных дебатов в Калькутте и Лондоне мусульмане-землевладельцы были выделены в отдельную курию и получили возможность выбрать своих представителей в законодательные советы³¹.

Образованию отдельной мусульманской курии по закону 1909 г. в историографии придают обычно особое значение, видя за этим решением «тень Пакистана»³². Такое мнение представляется преувеличением, хотя и в момент объявления о нем это решение англичан было встречено протестами определенных кругов в Индии. Они, впрочем, не были сильными и широкими³³.

В 1911 г. английские власти, при новом вице-короле лорде Хардиндже, отменили решение о разделе Бенгалии и одновременно перенесли столицу империи из Калькутты в Дели. Самый пышный из трех *дарбаров*, проводившихся ими по случаю провозглашения царствующей в Англии особы (Георга V) императором Индии³⁴, способствовал тому, что отмена выгодного для мусульман нововведения прошла, по существу, незамеченной. Более серьезные возражения со стороны образованной части мусульман вызвала международная политика Англии, которая на протяжении 1911–1914 гг. (в ходе итало-турецкой и двух балканских войн) занимала нейтральную позицию, отказываясь поддерживать Османскую империю.

В 1913 г. в Лакхнау появилась первая организация, которую можно назвать проосманской или панисламистской, а затем начали выходить несколько популярных изданий («Аль-Хилал», «Комрид», «Заминдар»), носивших яркий антиправительственный, антибританский характер³⁵. На базе критики англичан складывалось сотрудничество политически активной части мусульман и немусульман. Оно укрепилось в годы Первой мировой войны под влиянием участия почти миллиона индийских солдат в войне в Европе и обещаний Англии предоставить Индии самоуправление после окончания войны. На гребне ожиданий уступок со стороны властей произошло примирение умеренных и радикалов в рядах Конгресса и сближение между ним и Мусульманской лигой.

Апофеозом согласия стало принятие в 1916 г. Пакта в Лакхнау, заключенного Конгрессом и Лигой (в форме соглашений, достигнутых ими на параллельно проходящих заседаниях)³⁶. Помимо разработанной в нем схемы расширения участия индийцев в управлении колонией, пакт утверждал принцип отдельных куриЙ для индусов и мусульман и определял квоты их представительства в провинциальных законодательных советах исходя из льгот меньшинствам. В Панджабе, например, где доля мусульман равнялась 55 % населения, на их курию выделялось 50 % мест, в Бенгалии с долей мусульман, равной 53 %, им предоставлялось только 40 %, зато в Соединенных провинциях, где мусульмане составляли всего 15 % жителей, они получали половину мест³⁷.

Лакхнауский пакт, означавший согласие конгрессистов на принцип общинного представительства, не уступал, как думается, по значению факту учреждения куриИ для землевладельцев-мусульман законом 1909 г. Характерно при этом, что речь в Лакхнау шла не об особой отсталости или недопредставленности мусульман, а об учете интересов представителей двух как бы равновеликих и безусловно равноправных религиозных общин. Понятно, что лидеры Конгресса пошли на этот шаг ввиду политической целесообразности момента, необходимости заручиться поддержкой более решительных в критике английских властей панисламистски настроенных мусульманских деятелей. Однако они тем самым создали прецедент, который англичане учли при подготовке новых реформ, известных по именам госсекретаря Монтегю и вице-короля лорда Челмсфорда.

Разработанный в 1917–1918 гг. Закон об управлении Индией был введен в действие в декабре 1919 г., уже после окончания мировой войны. Принцип отдельных куриЙ получил в нем дальнейшее развитие. Повышенное представительство получали не только мусульмане, особенно в Соединенных провинциях и Мадраसे, но и сикхи (в Панджабе). Куриальная система распространялась и на англо-индийцев и христиан, а также на группы, представлявшие определенные интересы – лендлордов, торговлю и промышленность, университеты. Кроме того, небольшая часть (менее 20 %) членов законодательных советов назначалась исполнительной властью, причем несколько мест резервировалось для лиц, отражавших интересы «отсталых классов» и некоторых меньшинств (европейцев, англо-индийцев, христиан)³⁸.

В конце войны и первые послевоенные годы в Индии усилилась антиправительственная внепарламентская борьба. Особенно большой остротой она отличалась в Панджабе. Против нее были направлены репрессивные акты, ставшие известными как законы Роулетта (по имени инициировавшего их судьи). Руководствуясь их духом, местные английские власти в 1919 г. ввели военное положение в г. Амритсаре и учинили жестокую расправу над безоружной толпой манифестантов³⁹.

В авангарде борьбы находились мусульмане – участники Халифатистского движения, выступавшие в защиту турецкого султана, халифа правоверных мусульман. Османская империя оказалась разгромленной в 1914–1918 гг. силами Антанты, прежде всего Англией, на фронтах в Палестине и Месопотамии, и была вынуждена согласиться на унижительное для нее Мудросское перемирие и подписать в 1920 г. Севрский договор. Под руководством Кемаля Мустафы турецкие войска сумели в дальнейшем оказать отпор попыткам стран-победительниц урезать «национальную» территорию Турции, которая была закреплена за ней Лозаннским мирным договором 1923 г. Из империи Турция превратилась в республику, которая в 1924 г. упразднила халифат.

Пик Халифатистского движения в Индии пришелся на 1919–1921 гг., когда был образован центральный комитет и собирались конференции. Цель агитации, которую вели радикально настроенные панисламисты, прежде всего братья Мохамед и Шаукат Али из Соединенных провинций, молодой Абул Калам Азад и другие, состояла в оказании давления на колониальное правительство с тем, чтобы оно прислушалось к мнению своих подданных, а также в объединении мусульман под флагом защиты ислама, против перехода контроля за его главными святынями – Меккой и Мединой – в руки неверных. В 1919 г. на гребне антиколониальной агитации была создана первая религиозно-политическая организация богословствующих (ученых) мусульман *Джамиат-ул-улама-е-Хинд* (ДУХ, Общество улемов Индии)⁴⁰.

Массовый отклик пропаганда халифатистов получила на северо-западе Индии, среди мусульман Синда, Панджаба и особенно СЗПП. Призыв панисламистов покинуть Британскую Индию как территорию, где истинно верующие мусульмане не могут проживать, вызвал отклик прежде всего среди пуштунов. Весной 1920 г. десятки тысяч семей из СЗПП приняли участие в *хиджре*

(переселении) в Афганистан, незадолго до того добившегося от Англии признания своей полной независимости. Землевладельцы и горожане снялись с места, продав или заложив свое имущество, и наводнили соседнюю страну, эмир которой был вынужден принять меры по отправке их обратно ⁴¹.

Активную роль в поддержке движения халифатистов сыграл М.К. Ганди, соединивший с ним свою кампанию ненасильственного несотрудничества с властями, упорства в истине (*сатьяграха*). Возглавляемый им в то время Конгресс отверг реформы Монтегю – Челмсфорда и отказался принимать участие в выборах в законодательные органы. Призыв Ганди к неучастию в правительственных акциях и учреждениях имел частичный успех, но придал борьбе за политическое освобождение новый аспект – опору на поддержку широких масс населения. С одной стороны, это способствовало росту ее глубины и разнообразия, а с другой – создавало предпосылку для подрыва единства, так как принципиально различными были формы политической мобилизации разобщенного в культурно-религиозном отношении населения.

Расхождение индусско-мусульманского единения началось уже в 1921 г., когда на западном Малабарском побережье местные мусульмане-мопла подняли восстание, частью которого стали погромы притеснителей-индусов. Межобщинные столкновения продолжались и в дальнейшем, несмотря на все усилия Ганди положить конец насилию (инцидент с убийством полицейских в 1922 г. послужил для него основанием для призыва к окончанию *сатьяграхи*). В 1926 г., например, мусульмано-индусские столкновения на три месяца парализовали жизнь в Калькутте ⁴². Всего же с апреля 1926 по март 1927 г. в стране произошло 40 крупных инцидентов, в результате которых погибло около 200 и было ранено 1600 человек ⁴³.

Закат Халифатистского движения из-за решений, принятых новым руководством Турции, ослабил позиции радикально настроенных политиков-мусульман и усилил положение тех из них, которые делали ставку на легальные формы и методы борьбы. К таким с момента своего вступления в политику относился будущий отец-основатель Пакистана Мухаммед Али Джинна (1876–1948 гг.). Блестящий юрист из Бомбея, Джинна начал свою общественную жизнь в качестве члена Конгресса и лишь в 1913 г. вступил в Мусульманскую лигу. Это не помешало ему через три

года занять место ее председателя, под руководством которого она добилась заключения с Конгрессом Лакхнауского пакта.

Расходясь с Ганди и халифатистами в послевоенные годы массовых кампаний и обструкции действий властей, Джинна в 1924 г. сумел вернуть себе положение одного из наиболее влиятельных лидеров мусульман и председательствовал на собравшейся после перерыва сессии Мусульманской лиги в Лахоре⁴⁴. Выбранный членом центрального законодательного совета, Джинна возглавил комитет по реформам, солидаризируясь с теми политиками, которые видели смысл в парламентской деятельности, пусть и усеченного вида. Размежевание на сторонников и противников сотрудничества с колониальными властями захватило тогда все политически активные круги.

В Конгрессе до 1929 г. господствовали так называемые сварджисты, сторонники участия в созданных англичанами представительных органах, возглавляемые Мотилалом Неру. Этому способствовало самоустранение Ганди после выхода из тюрьмы в 1923 г. Пытаясь ослабить позиции властей действиями изнутри, путем парламентской критики и обструкции, сварджисты и другие либералы, в числе которых был Джинна, выдвигали радикальные цели передачи реальной власти индийцам, добиваясь в достаточной близкой перспективе полной независимости страны.

Действия англичан в конце 1920-х годов, казалось бы, давали основания для сближения позиций лидеров индусской и мусульманской общин. Речь идет о назначении англичанами (британским консервативным правительством) Комиссии по подготовке предложений по дальнейшему совершенствованию системы управления Индией (реформы Монтегю – Челмсфорда предполагали проведение такой ревизии через 10 лет). Однако в комиссию во главе с умеренным либералом Дж. Саймоном не был включен ни один представитель индийского населения. Это вызвало крайнее недовольство общественности в Индии. Развернулась кампания по бойкоту деятельности прибывшей в колонию комиссии, в которой приняли участие многие либерально настроенные деятели, в том числе М.А. Джинна⁴⁵. На волне протестов умеренное, сварджистское руководство Конгресса подготовило свои предложения с требованием о предоставлении Индии статуса доминиона в составе Британского содружества наций.

Надо сказать, что уже к тому времени после опубликования в 1926 г. декларации лорда Бальфура этот статус подразумевал полную самостоятельность входивших в Содружество государств. В 1931 г. британский парламент принял так называемый Вестминстерский статут, то есть Закон, согласно которому Англия (Соединенное королевство) и все прочие государства – члены Содружества пользовались одинаковыми правами в его рамках, объединенные лишь преданностью символу короны, и были полностью независимы в своей внутренней и внешней политике⁴⁶.

Несмотря на эти шаги, упреждавшие появление крайних настроений, в политической Индии, прежде всего в ее тогдашнем средоточии, Индийском национальном конгрессе, развернулась ожесточенная борьба между сторонниками сохранения связей с метрополией и разрывом этих связей. Упомянутые выше предложения о самоуправлении и статусе доминиона для Индии легли в основу подготовленного главным образом лидером умеренных конгрессистов Мотилалом Неру (другой автор – известный либерал-неконгрессист Тедж Бахадур Сапру) доклада, одобренного в 1928 г. на Всепартийной конференции в Дели с участием различных организаций, в том числе мусульманских⁴⁷.

Джинна в этот период вел борьбу на два фронта. Он поддерживал бойкот, объявленный ИНК Комиссии Саймона, а также основные цели доклада Неру. Вместе с тем он потребовал от конгрессистов учесть особые требования мусульман, сведя их к 14 пунктам. Соглашаясь с федеративным характером будущей конституции независимой Индии, Джинна требовал предоставления мусульманам не менее трети мест в центральной легислатуре, уважения к автономии провинций и обеспечения «адекватного и эффективного» представительства меньшинств в каждой провинции. Кроме ряда требований, предусматривавших расширение числа и повышение статуса провинций с мусульманским большинством, программа Джинны включала пункт о том, чтобы ни один центральный или провинциальный кабинет не имел в своем составе меньше трети представителей мусульманской общины⁴⁸. Пожалуй, вполне предсказуемо, что на сессии Конгресса в декабре 1928 г. Джинна столкнулся с жесткой критикой своих 14 пунктов и вынужден был покинуть заседание, ничего не добившись⁴⁹.

В то же время радикально настроенные молодые лидеры Конгресса (Джавахарлал Неру, Субхас Чандра Бос и др.) настаивали на размежевании с метрополией, необходимости борьбы за полную независимость. Вернувшийся к активной политической деятельности Махатма Ганди, стремясь не допустить раскола организации, выступил посредником между крайними лагерями и предложил дать англичанам время на раздумье до конца 1929 г. Реакция английских властей не устроила большинство Конгресса, который 26 января 1930 г. объявил днем борьбы за полную независимость (*пурна сварадж*). Весной того года по инициативе Ганди началась новая *сатьяграха*⁵⁰.

Деятельность Национального конгресса по расширению поддержки населением его политической борьбы проходила в формах, специфических для сознания большинства, то есть масс индусов. Мусульмане оставались, как правило, слабо вовлеченными в организованные Ганди в 1930–1931 и 1932–1934 гг. кампании несотрудничества и неповиновения властям. Известное исключение составили мусульмане Северо-Западной пограничной провинции. Там пуштунская националистическая организация *Худай хитматгар* (Слуга бога) во главе с Абдул Гаффар Ханом поддержала Конгресс и его антиправительственные акции⁵¹.

Между тем основной поток мусульманской политической активности продолжал оставаться в высшей степени элитарным, верхушечным. В 1927 г. в Мусульманской лиге произошел раскол по вопросу об отношении к Комиссии Саймона. Большая часть членов совета Лиги поддержала Джинну, энергично выступившего за бойкот. Однако большинство ее членов из Панджаба, возглавляемые М. Шафи (подробнее о нем ниже), высказались за сотрудничество с Саймоном и провели отдельную сессию Лиги. Фракция Шафи в конце десятилетия приобрела заметный вес и влияние: едва ли не более значительное, чем основная фракция Джинны⁵².

В начале 1929 г. разобщенные и дезориентированные после провала Халифатистского движения политические группы мусульман сделали попытку выработать совместную платформу и для этого собрались в Дели на Всепартийную мусульманскую конференцию. Председательствовал на ней Ага Хан III, который с 1907 по 1914 г. был постоянным почетным президентом Мусульманской лиги, а затем надолго отошел от публичной политики.

Появившийся на конференции М.А. Джинна надеялся сплотить мусульман вокруг своей программы из 14 пунктов, однако ему не удалось добиться успеха. Традиционалистски настроенные мусульманские политики восприняли его приход как «возвращение блудного сына» и признак его разрыва с Конгрессом, хотя на самом деле до него было еще далеко. Разуверившись в поддержке коллег и по Конгрессу, и по Лиге, Джинна обратился к англичанам с предложением предотвратить радикализацию настроений в Индии путем принятия декларации о намерении предоставить ей самоуправление, а также организации конференции с участием индийцев, представлявших весь спектр различных интересов, с целью содействовать в выработке основ нового конституционного устройства. Таким образом, как полагает С. Волперт, он был едва ли не главным инициатором конференций круглого стола, открывшихся в Лондоне в 1930 г.⁵³

Лондонские конференции, проходившие осенью 1930, 1931 и 1932 гг., не оправдали ожиданий. Они были призваны сгладить впечатление от назначения комиссии Саймона, среди членов которого не было ни одного индийца, и нацелены на обсуждение планов, противоположных рекомендациям этой комиссии. Опубликованный в 1930 г. доклад Комиссии предлагал предоставить права самоуправления провинциям, ссылаясь на сложность определения единой формы самоуправления для всей Индии.

Нужно отметить, что за этими рекомендациями стояло осознание вполне реальных, что называется, объективных трудностей. Выше уже характеризовалась причудливая, лоскутная административно-политическая структура британских колониальных владений в южной части Азии. Главную проблему составляло наличие княжеств, наследственных владений, имевших формально юридически особый статус по сравнению с Британской Индией. В рамках реформы Монтегю – Челмсфорда англичане в 1921 г. создали совещательный орган – Палату князей⁵⁴. В 1926 г. вице-король лорд Ридинг впервые официально распространил принцип сюзеренитета (Paramountcy) английской короны над княжествами, а в 1929 г. в соответствии с выводами комиссии Х. Батлера князья получили от англичан заверения, что никакая будущая центральная власть в Индии не будет автоматически распространяться на княжества, наперекор требованиям, зафиксированным в докладе Неру.

Первая конференция круглого стола 1930 г. добилась определенного успеха в продвижении к идее создания федерации и передаче в будущем властных полномочий национальному центральному правительству. Этому содействовала позиция участвовавших в ее работе представителей князей, а также мусульман, прежде всего Джинны. В заявлениях последних выражалось согласие на отказ, при гарантиях учета прав меньшинств, от принципа выборов по религиозным куриям. Однако под давлением радикальных требований, которые в ответ на известия о проходивших в Лондоне дискуссиях стали выдвигаться в Индии, произошло ужесточение позиций сторон, представлявших интересы князей и общинно-религиозных меньшинств.

Заключенный весной 1931 г. между Ганди и вице-королем лордом Ирвином пакт о приостановке кампании гражданского неповиновения позволил Ганди (в качестве единственного представителя Конгресса) принять участие во второй конференции круглого стола. Однако она свелась лишь к подтверждению желательности принципов федеративного устройства для всей Индии (включая Индию княжеств) и статуса доминиона. Попытки Ганди уговорить собравшихся в Лондоне лидеров меньшинств отказаться от идеи курий оказали на них, как отмечает Дж.М. Браун, обратное воздействие⁵⁵.

Оставшийся открытым после двух конференций вопрос о схеме голосования был решен в августе 1932 г. вынесенным британским правительством Общинным приговором (Communal Award). В соответствии с ним сохранялась и даже расширялась система избирательных курий на выборах в провинциях, введенная законом 1919 г. Мусульмане, как и ранее, выделялись в отдельную электоральную группу, что давало им, как и другим меньшинствам (сикхам, англо-индийцам и т. д.), определенные гарантии с точки зрения представленности в выборных органах. В то же время в ключевых провинциях с мусульманским большинством, Бенгалии и Панджабе, квота мусульман не дотягивала до половины. Интересно, что в СЗПП немусульманам, составлявшим лишь 8 % жителей, выделялось 28 % мест, а в Синде (еще не выделившемся из Бомбея) 30 % немусульман предоставлялось 43 % депутатских мест⁵⁶.

Понятно, почему не эти особенности решения англичан вызвали острый протест со стороны Конгресса. Его внимание

привлекло главным образом выделение каст неприкасаемых в отдельную курию. Ганди объявил голодовку, угрожая довести себя до смерти, если данное положение не будет отменено. Лидер неприкасаемых Б.Р. Амбедкар, находясь под большим давлением, согласился пойти навстречу требованиям Ганди и решил ограничиться резервированием за неприкасаемыми определенного числа мест по общей (индусской) курии. Пакт, подписанный Конгрессом и неприкасаемыми в Пуне, скорректировал Общинный приговор, подтвердив тем самым остальные его принципы⁵⁷.

Сложная внутривнутриполитическая обстановка в Индии в период после Великой депрессии (1929–1932 гг.), с одной стороны, давление властями Индии массового движения неповиновения и заключение в тюрьму лидеров Конгресса – с другой, способствовали замораживанию процесса выработки и утверждения нового закона об управлении Индией. Он был одобрен парламентом лишь через два с половиной года после окончания конференций круглого стола и подписан королем весной 1935 г.

Закон состоял из двух частей – федеральной и провинциальной. Первая часть касалась передачи прав самоуправления центру при условии вхождения в общеиндийскую федерацию княжеств. При этом князьям предоставлялось право вступать или воздерживаться от вступления в федерацию, и положения закона о центральном самоуправлении обретали силу лишь после того, как половина княжеской Индии (из расчета численности населения) выразит согласие на присоединение к создаваемой федерации.

Ввиду отсутствия желания у обеих сторон (князей и правительства в Дели) процесс формирования федерации затягивался. Англичане решили ввести в действие вторую часть Закона 1935 г., касающуюся самоуправления в провинциях. По сравнению с предшествующим актом от 1919 г., полномочия избранного законодательного органа (переименованного из совета в собрание) расширились – его большинство могло формировать ответственное перед легислатурой правительство.

Весной 1937 г. состоялись выборы в провинциальные собрания. Они принесли крупный успех Индийскому национальному конгрессу, продемонстрировав, что он является ведущей в стране политической силой. Конгресс получил более половины мест в пяти из 11 провинций, управляемых губернаторами (Бирма в 1935 г. была выделена в отдельную колонию; в 1934 г. Ориссу

отделили от Бихара, а Синд от Бомбея; уже в 1932 г. права полноправной провинции получила СЗПП). Еще в четырех провинциях Конгресс получил значительную поддержку (от четверти до почти половины мест)⁵⁸. В результате ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками участия в провинциальных правительствах Рабочий комитет ИНК принял решение разрешить конгрессистам участвовать, оставив за собой право контроля за их действиями, а также приостановки, в случае принципиальных расхождений по позициям сотрудничества с колониальными властями.

Несмотря на общий успех, Конгресс не смог добиться поддержки мусульман. Последним были отведены в общей сложности 482 места в провинциальных собраниях. Конгресс сумел выставить кандидатов на выборах только в 58 округах и победил в 26⁵⁹. Причем это был парадоксальный успех, достигнутый в основном за счет Северо-Западной пограничной провинции, где популярность местной организации (вышеупомянутой *Худай хит-матгар*) объяснялась по большей части ее опорой на лозунги пуштунского (как тогда говорили, патанского) национализма. Что же касается образовавшейся на рубеже 1920–1930-х годов группы видных деятелей Конгресса из числа мусульман, таких как маулана (богослов) Абул Калам Азад, д-р Ансари, Саед Махмуд и др., то они оказались в основном в положении генералов без армии. Националистические мусульмане (так их называли по участию в национальном, претендовавшем на общеиндийское значение Конгрессе) добились некоторых электоральных успехов лишь в Мадрасе и Бихаре, ни один конгрессист не победил в трех провинциях с мусульманским большинством – Бенгалии, Панджабе и Синде, а также в Соединенных провинциях, где при доле населения в 15 % мусульмане традиционно играли видную роль в общественной и политической жизни⁶⁰.

Между тем и Всеиндийская мусульманская лига добилась на выборах 1937 г. весьма скромных результатов. Она завоевала всего 109 мест в провинциальных собраниях из 482 мусульманских (23 %), победив, правда, в большинстве (60 %) округов, где составлялись ее кандидаты. Наибольшего успеха Лига добилась в Бенгалии, Бомбее и Соединенных провинциях, но нигде она не могла претендовать на то, чтобы представлять интересы всего мусульманского населения⁶¹.

Из трех провинций, где ей сопутствовал определенный успех, только в Бенгалии мусульмане преобладали, хотя и незначительно. Что же касается провинций с заметным мусульманским большинством, то в Синде и Панджабе Лигу ожидала полная неудача (соответственно ни одного и лишь одно депутатское место). В СЗПП победу, как выше отмечалось, одержало преимущественно мусульманское по составу отделение главного антагониста Лиги – Национального конгресса во главе с А. Гаффар Ханом. В целом на северо-западе колониальной Индии, в будущем сердце Пакистана, главная сила, стоявшая за проектом его создания, получила крайне небольшую поддержку избирателей.

В чем причины этого явления? Отчасти в общей слабости Мусульманской лиги. В период Халифатистского движения она не собиралась на свои сессии, оставаясь с 1916 г. расколотой. Основную ее фракцию неформально возглавлял М.А. Джинна, а параллельную – панджабец Миан Мухаммад Шафи. В конце 1920-х годов Джинна и его Лига выступили за бойкот комиссии Саймона, а партия Шафи согласилась сотрудничать с ней. Разница точек зрения проистекала главным образом из того факта, что во взглядах Саймона и его коллег по комиссии с самого начала обнаружилось предпочтение к провинциальному самоуправлению. Джинна выступал от имени и в интересах мусульман-федералистов, сторонников общеиндийского центра власти с предоставлением гарантий политических прав мусульманам как в центре, так и в провинциях. Именно на это были нацелены выше упоминавшиеся его 14 пунктов и неслучайно они были выдвинуты в противовес и в добавление к другой федералистской схеме, содержащейся в докладе (так называемой конституции) Мотилала Неру⁶².

Деятельность панджабской Лиги после смерти в 1932 г. М.М. Шафи в основном сошла на нет, а политически активная верхушка мусульман сплотилась вокруг Фазл-и-Хусейна, одного из двух организаторов Юнионистской партии. Другим лидером этой появившейся в 1922 г. партии был индус Чаудри Чхоту Рам. Партия объединила в основном крупных панджабских землевладельцев (лендлордов) из всех трех религиозных общин – мусульманской, сикхской и индусской. Общим их интересом было отстаивание гарантий против экспроприации прав земельной собственности за долги ростовщикам, которые содержались

в принятом еще в 1900 г. Законе об отчуждении земли⁶³. Кроме общих, у лидеров юнионистов были резко расходившиеся интересы. Фазл-и-Хусейн, будучи в 1921–1926 гг. министром образования в кабинете Панджаба, способствовал расширенному доступу мусульман в ряды чиновников и бюрократии через получение ими полного среднего и высшего образования, чем вызывал недовольство и озлобление выразителей интересов других общин⁶⁴. Несмотря на последнее обстоятельство, традиции панджабской солидарности продолжали сказываться, тем более что они опирались на безусловное лидирующее положение мусульман в Юнионистской партии. Фазл-и-Хусейн в 1936 г. резко разошелся с Джинной и отказался от сотрудничества с Лигой⁶⁵. Его смерть, последовавшая в том же году, не помешала юнионистам одержать на выборах 1937 г. убедительную победу и сформировать провинциальное правительство во главе с Сикандаром Хаят Ханом.

Не менее сложной и противоречивой, с точки зрения борьбы за Пакистан, оставалась ситуация в Синде. Он на протяжении почти целого века (с 1843 г.) управлялся из Бомбея, входя в состав сначала одноименного президентства, а затем провинции. В 1920-х годах после окончания массовой агитации за халифат на первый план в Синде выдвинулись требования его отделения от Бомбея. С точки зрения мусульман это привело бы к созданию еще одной провинции с мусульманским большинством и образованию единого блока такого рода территорий на северо-западе страны. Вместе с тем влиятельная индусская община Синда, состоявшая главным образом из горожан и представленная в верхнем слое торговцами и банкирами, контракторами (разного рода подрядчиками), а также интеллигенцией (лицами свободных профессий), активно использовала и развивала культурно-лингвистическую общность синдхов, содействуя формированию элементов синдхского национализма⁶⁶.

Решение о создании провинции было принято в 1934 г., но еще до того, в соответствии с Общинным приговором 1932 г., англичане определили квоту мест в законодательном собрании, кстати, очень невыгодную для мусульман (при 70 % населения на их курию выделялось 34 места из 60). Образование Синда нашло отражение в Законе 1935 г., хотя официально оно состоялось лишь весной 1936 г. К моменту прошедших через год выборов

позиции Всеиндийской мусульманской лиги в провинции оказались исключительно слабыми⁶⁷. Абсолютное большинство по мусульманской курии получила Синдская объединенная партия, или Партия единства, созданная в 1936 г. по образцу и подобию Юнионистской партии в Панджабе. Но из ее состава уже в 1938 г. выделилась группа влиятельных мусульманских политиков (Г.Х. Хидаятулла, А. Харун, Г.М. Саед), поддержавших Мусульманскую лигу и образовавших ее синдскую организацию.

Коммуналистские настроения в синдском обществе вне сомнения присутствовали, особенно на уровне низших городских слоев и малообразованных сельских масс. Неслучайно, большинство мест по общей (индусской) курии получили представители коммуналистской *Хинду махасабха*⁶⁸. В дальнейшем эти настроения нашли отражение в волнениях вокруг требований передачи мусульманам под строительство мечети священного для них места Манзильгарха, занятого индусским храмом. Нужно также отметить массовый энтузиазм, с которым был встречен Джинна, приехавший осенью 1938 г. на сессию Лиги в Карачи⁶⁹.

Начальный этап борьбы за Пакистан

Внезапный выход Лиги из кризиса начался осенью 1937 г. после образования в большинстве провинций конгрессистских правительств. Ни в одной из семи провинций, где Конгресс возглавил местные органы власти, он не пошел на сотрудничество с Мусульманской лигой. Особенно болезненным и глубоким по последствиям был отказ конгрессистов от взаимодействия с местным отделением Лиги в Соединенных провинциях. Дело в том, что Конгресс и Лига в этой части Индии вышли к избирателям с общей платформой. Лига получила на выборах почти 30 мандатов (примерно половину мусульманских) и готова была войти в состав правительства. Но конгрессистское руководство давало на это согласие лишь на условиях самороспуска провинциальной организации и присоединения ее к Конгрессу. Легко представить себе возмущение членов провинциальной Лиги, да и всех ее активистов за пределами провинции. Оглядываясь назад, видный деятель Национального конгресса и фактический лидер мусульман-националистов Абул Калам Азад считал тогдашнее решение ИНК

серьезной ошибкой, усилившей Лигу и проторившей в дальнейшем «дорогу к Пакистану»⁷⁰.

М.А. Джинна оперативно воспользовался изменившимися обстоятельствами. Проигрыш на выборах будто подхлестнул его. На сессии Лиги осенью 1937 г. в Лакхнау он призвал мусульман Индии объединиться. Значение сессии состояло в том, что впервые за долгие годы она была весьма представительной по составу участников. И важнейшим условием этого стало присутствие нового премьера Панджаба С. Хаят Хана, который заключил с Джинной соглашение о фактическом слиянии Юнионистской партии с Лигой в том, что касалось политики общеиндийского уровня. В ответ на это Лига отказывалась от покушений на монополию партии юнионистов на власть в провинции⁷¹. Кроме панджабского премьер-министра, на сессии в Лакхнау присутствовали премьер Бенгалии Фазлул Хак – глава *Кришак праджа парти* (Крестьянско-национальной партии), в коалиции с которой в провинции правила Мусульманская лига, а также премьер провинции Ассам М. Саадулла. Оба они призвали своих сторонников поддерживать на федеральном уровне партию Джинны, вступая даже в ее ряды, очевидно, по образцу двойного членства в Конгрессе. При этом Лига рассматривалась именно как зонтичная, общеиндийская организация⁷².

Можно считать, что именно с осени 1937 г. берет свое начало собственно движение за образование Пакистана. Характерно, что до этого времени и Джинна, и другие лидеры Мусульманской лиги стояли зачастую на единых или близких платформах с руководителями Конгресса. И проявлялось это в первую очередь в том, что касалось требований о независимости и самоуправлении. В 1937–1939 гг. между ними произошел серьезный раскол, причем сразу по двум взаимосвязанным вопросам. Первый из них состоял в дележе власти и ответственности на местах (в провинциях). Второй проистекал из особенностей проводимого провинциальными властями социально-экономического курса.

В Конгрессе в тот период (не без воздействия общеисторических и международно-политических закономерностей) возобладали левые, социалистические, силы и тенденции. В один из главных для местных властей превратился вопрос об аграрной реформе, об ограничении «феодального», то есть крупного помещичьего землевладения, защите прав малоземельных крестьян и

арендаторов. Социальный состав Конгресса и идеологические ориентации его руководящего звена позволяли подходить к изменению аграрного законодательства весьма радикально. Иная картина наблюдалась в Мусульманской лиге, где руководящее звено состояло практически сплошь из крупных землевладельцев, наследственной аристократии, либо из предпринимателей и рантье, разбогатевших представителей средних слоев (Джинна, например, зарабатывал много как ведущий адвокат, но главные доходы получал как домовладелец, от сдачи жилья в аренду)⁷³.

Различия в социальном положении руководящих кругов Конгресса и Лиги, естественно, препятствовали согласованным программам и действиям. Социальные проблемы представлялись в то время едва ли не главными, во многом определявшими характер коалиционных связей как на местном, так и на общендийском уровне. Последние к тому же не замыкались на Индию, но имели расширение в виде привязки к политической борьбе в метрополии.

Руководство Конгресса, особенно Дж. Неру и ряд его не менее молодых коллег, ориентировалось на лидеров английской лейбористской партии, находившейся в оппозиции, и во время своего пребывания в Англии летом 1938 г. Неру позволял себе резкую критику курса кабинета консерваторов, в том числе по вопросам социальным и международным, связанным с умиротворением нацизма⁷⁴.

Джинна и другие видные представители мусульманского политического спектра старались использовать это обстоятельство. В частных беседах с сановниками англо-британской администрации они заверяли их в своей лояльности. Благородное происхождение и воспитание мусульманской элиты, по всей видимости, импонировало представителям британской аристократии, составлявшим большинство высшего властного аппарата, и создавало благоприятный психологический фон для отношения к ней. Вместе с тем публично и Джинна, и другие лидеры Лиги не ослабляли риторику, направленную против английских властей, и неизменно выступали за скорейшее предоставление Индии независимости.

Постепенно усиливался и популистский характер политики Лиги. Джинна осознал необходимость построения массовой партии, движения, которое бы опиралось на искреннюю и широкую

поддержку масс. Именно этим, как и сплочением рядов политически активных мусульман, он целенаправленно занимался в период после 1937 г. Вехой на этом пути стало вышеупомянутое посещение им в октябре 1938 г. Карачи, своего родного города и будущей первой столицы Пакистана. Выступая тогда перед членами провинциального отделения Лиги он, между прочим, сказал: «Мы ведем борьбу не ради благ земных, не за министерские портфели и высокие должности; равным образом мы не препятствуем экономическому, социальному или образовательному подъему наших сограждан, как то ложно представляют»⁷⁵. Мотивы оправдания, которые слышны в этом пассаже, видимо, характерны для восприятия тогдашней Лиги со стороны.

Прежде чем касаться того, как ей удалось продвинуться в исправлении своего образа, отметим роль другого «отца-основателя» Пакистана в успехе развернувшегося движения. Речь идет об известном поэте и философе Мухаммаде Икбале (1877–1938 гг.). Начав, как и Джинна, с гимнов единой родине и прославления братства между мусульманами и индусами, Икбал в 1920-х годах превратился в убежденного сторонника идеи отдельной судьбы мусульман Индии, подчеркивая одновременно особое значение, которое они должны сыграть в жизни всей мусульманской общины (*миллат*) в условиях отказа турок от лидерства и слабости арабов⁷⁶.

Наряду с всеобщими, эйкуменическими мотивами Икбал остро чувствовал и мусульманскую сущность региона, к которому принадлежал. Кашмирец по происхождению и панджабец по месту рождения и проживания, он выражал настроения не только, условно говоря, центрального (северо-индийского), но и окраинного мусульманского патриотизма. Именно они подвигли его на оказавшиеся пророческими слова, сказанные в 1930 г. на сессии Мусульманской лиги в Аллахабаде в президентском послании: «Я хотел бы видеть Панджаб, Северо-Западную пограничную провинцию, Синд и Белуджистан объединенными в одно государство. Самоуправляемое в рамках Британской империи или без Британской империи консолидированное мусульманское государство северо-западной Индии представляется конечной судьбой мусульман, во всяком случае северо-западной Индии»⁷⁷.

Сессия в Аллахабаде была очень малочисленной (несколько десятков человек) и проводилась в отсутствие Джинны, который

находился в Лондоне. Оттого, видимо, слова Икбала не получили широкого резонанса и стали обильно цитироваться лишь впоследствии.

Во время пребывания Икбала в Лондоне на второй конференции круглого стола в 1931 г. с ним познакомился Чаудхри Рахмат Али, панджабец, член эмигрантского кружка, который стал одним из тех, кто изобрел (один или в соавторстве) и стал пропагандировать термин «Пакистан» для обозначения одной из частей, на которую, по его мысли, должна была разделиться Индия. При этом, как и у Икбала, в подходе Рахмат Али соединялись и сосуществовали как взаимодополняющие два представления о всемирной мусульманской общности и о региональной группировке, для обозначения которых использовалось одно понятие – миллат⁷⁸.

Сама фигура и деятельность Рахмат Али в Пакистане всегда воспринимались весьма неоднозначно. Одни отдавали должное его вкладу в движение за Пакистан, другие – принижали или замалчивали его роль и значение⁷⁹. Среди причин нужно указать на критическое к нему отношение со стороны Джинны. И дело не в личных контактах (точнее, отсутствии таковых), сколько в разных программах действий. Можно считать, что Джинна был в большей степени индийцем, чем Икбал или Рахмат Али. Он чувствовал принадлежность к мусульманской общине всей Индии и стремился к объединению различных ее политических групп. Этому соответствовала и весьма негативная оценка им панисламизма и Халифатистского движения. Между тем Икбал и Рахмат Али принадлежали к сторонникам халифатистов и в их политическом сознании уживались безграничный исламский эйкуменизм и узкий регионализм. По схеме Рахмат Али, в Индии должны были появиться не одно, а несколько мусульманских государств – кроме Пакистана на северо-западе, это Банг-и-Ислам – на востоке в Бенгалии и Ассаме, Османистан, в центре страны на территории княжества Хайдерабад и ряд других⁸⁰.

От прожектерских схем эмигрантов (Рахмата и его друзей), которые содержались в брошюрах и памфлетах, изданных ими в Англии в первой половине 1930-х годов, осталось в основном лишь удачно найденное название. Оно расшифровывалось двояко в полном соответствии с амбивалентностью идейно-политического сознания авторов: с одной стороны, Пакистан – это страна

чистых (таково значение «пак» на урду и фарси), то есть правоверных мусульман, с другой – объединение Панджаба, Афгани (Северо-Западной пограничной провинции), Кашмира, Синда и Белуджистана⁸¹.

Хотя Икбал не имел отношения к изобретению слова Пакистан, он в последние годы жизни активно ратовал за стоявшие за ним идеи. В 1936–1937 гг. Икбал написал Джинне, который только в 1935 г. вернулся из Англии в Индию, восемь писем⁸². Главный их пафос состоял в утверждении, что мусульманская община нуждается в консолидации и единственным ее лидером может быть Джинна. Это было, с одной стороны, признанием политического веса и личного статуса Джинны, а с другой – попыткой оторвать его от поддержки единого с Конгрессом фронта борьбы за независимость и самоуправление Индии. «Вы сегодня единственный мусульманин в Индии, к уверенному руководству которого община имеет право обратиться в условиях шторма, который ожидает Северо-Запад Индии, а может быть и всю Индию». Углубляя тезис, который Икбал впервые выдвинул в 1930 г., он в письмах 1937 г. шел дальше и выступил поборником создания суверенных мусульманских государств. Икбал спрашивал Джинну: «Почему мусульмане Северо-Запада Индии и Бенгалии не могут считаться нациями, претендующими на самоопределение, точно так же как другие нации внутри Индии и за ее пределами?»⁸³.

Публикуя после смерти Икбала сборник обращенных к нему писем, Джинна в предисловии называет Икбала «мудрецом, философом и национальным поэтом Ислама». Он пишет, что в конце концов пришел к сходным с ним мыслям и выводам⁸⁴. И действительно, Икбала, очевидно, можно считать соавтором теории Джинны о существовании в Индии двух наций, мусульман и индусов. Но существенная разница между ними заключалась в отмеченном уже выше отсутствии регионализма в построениях Джинны. Для него все мусульмане Индии составляли одну нацию, противопоставленную другой, индусской. Эта особенность позволяет понять претензии Джинны и Всеиндийской мусульманской лиги, которую он возглавил в качестве бессменного президента в 1936 г., на представительство от имени всех индийских мусульман. Несмотря на бросающуюся в глаза теоретическую слабость и уязвимость, концепция Джинны оказалась мощным оружием в его руках.

Новому витку в движении Индии к независимости и ее расколу на два государства положило начало Второй мировой войны. Война, казалось бы, должна была объединить общественное мнение в колонии и метрополии. Симпатии основной части индийской общественности не могли склоняться на сторону держав оси. Левая часть политического спектра в Индии, представленная прежде всего настроенными социал-демократически конгрессистами, в довоенный период занимала активную и непримиримую позицию в отношении фашизма, нацизма и милитаризма. Однако на начальном этапе войны, с сентября 1939 г. вплоть до разгрома Франции летом 1940 г. и особенно до вступления в войну СССР и США во второй половине 1941 г., левосоциалистические и прокоммунистические силы колебались в своем отношении к событиям в Европе.

Несмотря на достаточно успешный опыт взаимодействия провинциальных кабинетов, в том числе конгрессистских, с центральной исполнительной властью в Индии, взаимное недоверие и антагонизм между основными национальными силами и колониальным аппаратом сохранялись. Со времен Первой мировой войны в Индии с недоверием относились к обещаниям Англии о предоставлении ей независимости и старались создать условия, при которых метрополия не могла бы отступить от своих заверений на этот счет. Глубокое размежевание и стремление усилить свои позиции в преддверии неминуемой жесткой конфронтации по поводу сроков и условий обретения Индией суверенитета объясняют, очевидно, накал страстей и драматизм событий конца 1930-х – первой половины 1940-х годов.

После вступления Англии в войну с нацистской Германией 3 сентября 1939 г. вице-король Индии лорд Линлитгоу поторопился объявить, что последняя также находится в состоянии войны, предварительно не проконсультировавшись ни с центральным законодательным собранием, ни с основными партиями⁸⁵. Состоявшиеся затем консультации с руководством Конгресса и Мусульманской лиги не смогли устранить отчуждение и смягчить охватившие политические круги Индии чувства горечи и обиды. И Конгресс, и Мусульманская лига отказались всецело поддержать военные усилия метрополии. Не помогло и заявление вице-короля, сделанное им 18 октября 1939 г. В нем он повторил обещание предоставить Индии после войны статус доминиона

и изменить Закон 1935 г. в соответствии с индийским общественным мнением. Для координации усилий на период войны в заявлении предлагалось образовать консультативные группы из представителей главных партий Британской Индии, а также князей⁸⁶.

Не удовлетворенное такой позицией английских властей, руководство Конгресса, в котором основную роль играл тогда М. Ганди, в октябре приняло решение о прекращении сотрудничества и отзыве своих членов из состава провинциальных правительств. В большинстве из восьми конгрессистских провинций в результате было введено прямое губернаторское правление.

М.А. Джинна постарался максимально использовать охлаждение между Конгрессом и властями. Он объявил 22 декабря 1939 г. «днем избавления» от тирании конгрессистских режимов и в ответ на призыв отметить его получил достаточно широкую поддержку мусульман⁸⁷.

Через три месяца Мусульманской лигой были предприняты наиболее решительные шаги, проложившие путь к образованию Пакистана. 23 марта 1940 г. на очередной ее сессии в Лахоре была одобрена резолюция, получившая название «пакистанской». Хотя в ней не использовался этот термин, основное ее содержание вполне оправдывало название, так как оно сводилось к требованию в будущем конституционном устройстве Индии предусмотреть создание на северо-западе и востоке страны, то есть в районах, где мусульмане составляют компактное большинство, «независимых государств, в которых формирующие их единицы должны быть автономны и суверенны»⁸⁸.

Резолюцию внес на рассмотрение Лиги главный министр Бенгалии А.К. Фазлул Хак. Не исключено, что именно по этой причине она предусматривала образование не одного, а двух государств. Джинна, в целом поддержавший резолюцию, и в президентском послании к Лиге 22 марта и сразу после ее принятия высказывался за одно государство. «Мусульмане (Индии. – В.Б.), – отмечалось в его послании, – являются нацией, какое бы определение нации ни использовать, и они должны иметь свое отечество, свою территорию и свое государство. Мы хотим жить в мире и согласии с нашими соседями как свободный и независимый народ»⁸⁹.

Выступая от имени всех мусульман Индии, Джинна вскоре (уже на следующей сессии Лиги в Мадрасе) стал пользоваться названием Пакистан, хотя долгое время относился к нему прохладно. В декабре 1941 г. он говорил, обращаясь к участникам слета Всеиндийской федерации студентов-мусульман: «Мусульманская лига дала вам цель, которая, на мой взгляд, поведет вас в землю обетованную, где мы создадим наш Пакистан»⁹⁰.

Между тем ситуация в мире к моменту этого его выступления претерпела серьезные изменения. В апреле 1940 г. закончился этап так называемой «странной войны», немцы развернули наступление в Европе и в июле того года полностью разгромили Францию. Англия, владычица Индии, осталась, по существу, один на один с Гитлером, но выстояла, не допустив германского вторжения на острова.

7 августа 1940 г. лорд Линлитгоу обратился к основным партиям с предложением войти в расширенный исполнительный совет (англо-индийское правительство) и в новый военно-консультативный совет, обещая созвать по окончании войны учредительную ассамблею с целью пересмотра конституции и заверяя меньшинства (то есть прежде всего мусульман и князей), что власть не будет передана центральному правительству, чьи полномочия они не признают⁹¹.

Испытывая смешанные чувства по поводу судьбы метрополии (не желая ей полного поражения, но и не без удовольствия слыша о ее затруднениях), руководство как Конгресса, так и Лиги отказалось принять «августовское предложение». Ганди, занявший с начала войны глубоко пацифистскую позицию, пытался лично обращаться к Гитлеру с призывом прекратить военные действия, а осенью 1940 г. инициировал кампанию индивидуальной сатьяграхи членами ИНК⁹².

Отчужденное состояние между англо-индийской администрацией и основными политическими силами Индии сохранялось в течение всего следующего года. После объявления индивидуальной кампании неповиновения осенью 1940 г. большинство лидеров Конгресса оказались в тюрьме и пробыли там больше года.

Что касается Мусульманской лиги, то она одобряла сотрудничество с властями на провинциальном уровне в Бенгалии, Панджабе, Ассаме, Синде и СЗПП. А как всеиндийская организация Лига настаивала на праве говорить от имени мусульман

в вопросах общего конституционного устройства и обвиняла англичан в том, что они не хотят решить вопрос об уважении законных требований мусульманской нации одновременно с предоставлением Индии независимости.

С приходом к власти в Лондоне в мае 1940 г. военного кабинета во главе с У. Черчиллем статус М.А. Джинны в глазах вице-короля и его окружения вырос – в Нью-Дели знали о его контактах с новым премьер-министром и новым министром по делам Индии (госсекретарем) лордом Эмери. Вместе с тем вице-король находил Джинну слишком жестким партнером по переговорам и предпочитал иметь дело с его коллегами и соперниками из лагеря ведущих мусульманских политиков, в первую очередь с премьер-министром Панджаба сэром Сикандером Хаят Ханом⁹³.

Последний после вышеупомянутых договоренностей 1937 г. мягко оппонировал Джинне, как правило, не ставя под сомнение его лидерство в общеиндийском масштабе. Смерть Хаят Хана в 1942 г. и избрание председателем Юнионистской партии и главным министром Панджаба Хизр Хаят Хана Тивани привели к кризису в отношениях этой провинциальной организации с Лигой, а затем и полному разрыву, не преодоленному вплоть до 1947 г.⁹⁴

В отличие от сэра Сикандера, премьер Бенгалии Фазлул Хак, прозванный *Шер-и-Бенгал* (Лев Бенгалии), не мог примириться с единоличным главенством и диктаторскими замашками Джинны. В конце 1941 г. он разорвал союз своей партии с Лигой и возглавил правительство провинции, созданное в коалиции с местной организацией Хинду Махасабхи⁹⁵.

Потери позиций в двух главных провинциях с мусульманским большинством не ослабили решимости Джинны выступать от имени всей мусульманской Индии. Он к тому времени принимает почетный титул *Каид-и-Азама* (Великого вождя), который ему присвоили сторонники и почитатели, и укрепляет контроль над деятельностью Мусульманской лиги через Рабочий комитет, созданный по примеру Конгресса.

За нападением Японии на американскую базу в Пёрл-Харбор на Гавайских островах 7 декабря 1941 г. последовала серия стремительных марш-бросков японского флота и армии. В феврале 1942 г. почти без сопротивления японцам сдалась крепость Сингапур, где находилась 60-тысячная английская армия, укомплектованная в основном индийцами. В том же месяце японцы

захватили столицу Бирмы Рангун. Война неожиданно вплотную приблизилась к границам Индии с востока, вызвав надлом в индийском общественном мнении. Бежавший из Индии в 1940 г. леворадикальный лидер Конгресса Субхас Чандра Бос стал вербовать из сдавшихся в Сингапуре индийских военнослужащих Национальную индийскую армию, действовавшую под началом японцев.

После японских военных успехов оборона индийского континента стала одним из важнейших приоритетов Лондона. Черчилль был вынужден внести в повестку дня кабинета вопрос об урегулировании отношений с главными политическими силами в Индии. Туда в марте 1942 г. со специальной миссией направился только что введенный в британское военное правительство лейборист сэр Стаффорд Криппс. Подготовленная в Лондоне декларация содержала обещание предоставить Индии по окончании войны статус свободного доминиона и даже право выйти из Британского содружества, если таково будет решение выбранного органа. В обмен на это основным индийским политическим силам, прежде всего Конгрессу, предлагалось полностью поддержать военные усилия англичан, а их лидерам представлялись места в расширенном исполнительном совете при вице-короле. Чтобы удовлетворить мусульман и учесть другие мнения, помимо конгрессистских, в декларации отмечалось, что ни одну часть страны не будут силой заставлять присоединиться к доминиону⁹⁶.

Рабочий комитет Конгресса, по предложению Ганди, отверг предложения Криппса, потребовав незамедлительного, уже в период войны, создания ответственного национального правительства. Криппсу не помогли доверительные отношения с Дж. Неру, хорошо известные в политических кругах как Индии, так и Англии⁹⁷.

Вслед за Конгрессом отказалась поддержать предложения английского кабинета и Мусульманская лига. Хотя ей понравилось упоминание о возможности неприсоединения отдельных территорий к единой Индии, она сочла его недостаточным. Позиция Джинны, впрочем, очевидно, не слишком интересовала англичан, ибо в мусульманских провинциях, в частности в ключевом для них Панджабе (более половины индийской армии набиралось там и главным образом среди мусульман), нормально функционировали местные правительства. Джинна вместе с тем не преминул воспользоваться «уступкой» англичан и на проходившей

в период двухнедельного пребывания Криппса в Индии очередной сессии Лиги заявил: «Мусульманскую Индию может удовлетворить лишь недвусмысленное признание ее права на национальное самоопределение»⁹⁸.

После провала миссии Криппса отношения между властями и Конгрессом продолжали ухудшаться. Ганди пришел к убеждению, что пребывание англичан в Индии послужит причиной нападения на нее Японии. Чтобы избежать войны, он потребовал от Англии покинуть страну. 7 августа 1942 г. Всеиндийский комитет Конгресса принял резолюцию «Оставьте Индию» (более эмоциональный перевод – «Вон или прочь из Индии») и призвал к проведению массовой кампании неповиновения ненасильственными методами. Английские власти хорошо подготовились к такой возможности и уже на следующий день арестовали весь Всеиндийский комитет Конгресса, объявив его незаконной организацией. Оставшись без высшего руководства, отделения и местные ячейки Конгресса стали действовать самостоятельно и вскоре далеко отошли от ненасильственных методов. Охватившие почти все провинции (но прежде всего Бихар и другие конгрессистские оплоты в восточной части страны) антиправительственные выступления, главным образом нападения на почтовые отделения и железнодорожные станции, были сурово подавлены полицией и пришедшей ей на помощь армией. После пика в августе–октябре движение пошло на убыль, став самым крупным антиколониальным восстанием после 1857–1859 гг. Число арестованных в период до конца 1943 г. превысило 90 тысяч, убиты полицией 763 человека, действия армейских частей привели к гибели еще 200 человек, а количество раненых приближалось к 2,5 тысячам⁹⁹. Власти по понятным причинам замалчивали масштабы антиправительственных выступлений и беспорядков и, хотя ни на минуту не теряли контроль над положением, не могли не учесть этот урок.

Антибританские выступления и их подавление привели к замораживанию политической активности в стране. Энергичные меры властей по преодолению кризиса, связанного с голодом в Бенгалии, а главное – наметившийся благоприятный для Англии перелом в войне, усилили позиции англо-индийской администрации, которую в 1943 г. возглавил бывший главнокомандующий вооруженными силами союзников в регионе фельдмаршал А. Уэйвелл.

Акции руководства Конгресса, напротив, сильно упали. Почти все оно, будучи в заточении, оказалось выключено из политической игры. Позиции Джинны и его Мусульманской лиги за оставшиеся годы войны заметно упрочились. Он вел борьбу на два фронта, жестко оппонировав как англичанам, когда они ставили под сомнение идею независимости Пакистана, так и Конгрессу.

В мае 1944 г. в связи с состоянием здоровья из тюрьмы был освобожден Ганди. В сентябре по его инициативе прошли переговоры между ним и Джинной. Поводом для них послужила схема, разработанная Ч. Раджагополачари, видным деятелем Конгресса, остававшимся на свободе, так как он не поддержал кампанию сопротивления 1942 г. Схема предусматривала проведение плебисцита на северо-западе и востоке Индии в районах с преобладанием мусульманского населения для принятия решения по вопросу об отделении от Индостана. Предложение выходца из Южной Индии, впоследствии единственного индийца, занимавшего пост генерал-губернатора, было очень похоже на согласие с планом Пакистана¹⁰⁰. Заметим, что в нем, может быть впервые применительно к индийским условиям, выдвигался в качестве решающего принцип народного референдума.

Джинна пошел на переговоры, хотя мало верил в реальность согласия Ганди на предложенный вариант. Личные встречи, чередовавшиеся перепиской, ни к чему не привели. Ганди в последний момент согласился на Пакистан, состоящий из районов с бесспорным мусульманским большинством. Однако его создание он предполагал отнести на период после получения независимости. При этом неясным оставалось, насколько суверенным будет новое государство¹⁰¹.

Отказ Джинны вполне соответствовал выбранной им тактике требовать в полной мере независимый Пакистан в возможно более широких границах, в составе неразделенных Бенгалии и Панджаба с присоединением на востоке лишь на треть мусульманской провинции Ассам (на том основании, что провинциальное правительство возглавляли представители Мусульманской лиги), а на северо-западе – Синда, СЗПП и Белуджистана (последнюю провинцию, как и в начале XX века, возглавлял не губернатор, а главный комиссар, и она не имела выборных законодательных органов).

Заключительная фаза борьбы

Меньше чем через год после провала переговоров двух престарелых лидеров (Ганди было 76, а Джинне – 68 лет) драма ухода англичан из Индии вступила в завершающую стадию. Следом за окончанием войны в Европе последовало неожиданное поражение возглавляемой Черчиллем консервативной партии на парламентских выборах. Избиратели проголосовали за новый курс, в том числе в колониальных делах. Колонии из актива превращались в пассив. Новый кабинет министров сформировали лейбористы. Премьером стал их лидер К. Эттли, а государственным секретарем (министром по делам Индии) – лорд Петик-Лоуренс.

Еще до того как произошли эти перемены, вице-король Уэйвелл созвал в Симле конференцию 22 виднейших представителей индийской политической элиты с целью определить новый состав исполнительного совета, который должен был состоять преимущественно из индийцев и наиболее адекватно представлять все основные конфессиональные общины. Многие руководители Конгресса, включая Неру, были только что выпущены из тюрьмы, и безусловное лидерство сохранял Ганди. Он не возражал против участия в совете при условии, что в нем смогут принять участие мусульмане-конгрессисты. Следует отметить, что от лица Конгресса на конференции выступал все военные годы занимавший пост его председателя Маулана Абул Калам Азад. Как ожидалось, позиция Джинны явилась камнем преткновения. Он требовал, чтобы все мусульмане, делегированные в совет, представляли только его партию, Мусульманскую Лигу. Начавшаяся в июне конференция закончилась провалом в середине июля. Сформировать такой исполнительный совет, который бы представлял основные политические силы и конфессии Индии, англичанам не удалось.

С полным окончанием Второй мировой войны в начале сентября 1945 г. они вернулись к проекту, который привозил в Индию за три с половиной года до того сэр С. Криппс. План, в частности, предусматривал проведение после войны выборов в законодательные органы. Выборы в Центральную законодательную ассамблею состоялись в декабре 1945 г., а в провинциальные легислатуры – в январе-феврале 1946 г. Причем первые выборы проводились в соответствии с законодательным актом 1919 г. и

охватывали крайне небольшой круг избирателей. Несмотря на это, выборы явились важной проверкой сил, показателем изменений в настроениях политически активных слоев.

По сравнению с 1937 г. Мусульманская лига добилась большого успеха. В центральной легислатуре она получила все 30 мест, отведенных мусульманам. Из 494 мусульманских мест в провинциальных собраниях представители Лиги получили 439 (89 %). Убедительным был успех Лиги в провинциях с мусульманским меньшинством (Бомбее, Мадрасе, Соединенных провинциях), где она выступала как защитник его интересов от возможных в будущем посягательств большинства. Из провинций, где мусульман было больше, самыми победными были ее результаты в Бенгалии – 113 завоеванных мест из 119¹⁰².

Успеху Лиги в этой провинции немало способствовала деятельность секретаря бенгальского отделения Абул Хашима. Под его началом партия трансформировалась из сугубо консервативной в левопопулистскую, и во многом это обеспечило ей поддержку избирателей. Премьером Бенгалии вместо представителя старой гвардии Лиги наследника княжеского титула наваба Дакки Ходжи Назимуддина стал покровитель Хашима энергичный калькуттский политик Хусейн Шахид Сухраварди¹⁰³.

Похожая трансформация происходила с Лигой и в Панджабе. Там в число ее теоретиков, авторов партийной программы выдвинулись люди с левыми, социалистическими взглядами, такие как Даньял Латифи¹⁰⁴. Однако растущая популярность Лиги в этой провинции была связана с ростом не только левых, но и религиозно-политических настроений.

Процесс усиления фактора ислама, расширения массовой поддержки движения за Пакистан со стороны улемов, знатоков мусульманских канонов и служителей культа, привлек особое внимание исследователей с 1970-х годов, после того как в Пакистане развернулся процесс исламизации¹⁰⁵. В ходе исследования было установлено, что идея Пакистана по мере ее движения от элит в массы и из города в деревню (в западной части Панджаба, в Синде и на всем северо-западе) наполнялась все большим религиозным содержанием, стала поддерживаться носителями и проповедниками традиционных ценностей. Особенно велико было значение в этом наследственных хранителей гробниц святых

(мазаров), которые часто являлись пирами (духовными лидерами) суфийских орденов.

Постепенно изменялось отношение к движению за Пакистан и со стороны богословов, участвовавших в городской (общенациональной) общественной и политической жизни. После провала Халифатистского движения большинство из них, прежде всего те, кто состоял в организации *Джамиат-ул-улама-е-Хинд*, последовали за Абул Калам Азадом и стали в ряды Конгресса. Однако в 1941 г. (по другим сведениям – в 1942 г.) среди богословов, принадлежавших в основном деобандской школе, произошел раскол, выделилась группа *Джамиат-ул-улама-е ислам* (ДУИ), которая поддержала Мусульманскую лигу и ее призыв к созданию государства для мусульман Индии¹⁰⁶.

Успех Мусульманской лиги на выборах зимы 1945–1946 года был впечатляющим, но не абсолютным. Ибо она не смогла сформировать прочное правительство ни в одной провинции будущего Пакистана, кроме Бенгалии. В Панджабе из-за поддержки частью мусульман Юнионистской партии и ее лидера Хизр Хаят Хана последнему удалось возглавить кабинет в коалиции с Конгрессом и партией сикхов *Акали дал*. Панджабская мусульманская лига оказалась в оппозиции. В марте 1947 г. ей удалось развернуть кампанию неповиновения и свергнуть кабинет Хизра, однако образовать свое правительство она не смогла, и провинция оставалась пять месяцев вплоть до независимости под прямым управлением английского губернатора¹⁰⁷.

Синд был еще одной провинцией (помимо Бенгалии), где в результате выборов утвердилось правительство Мусульманской лиги. Однако накануне выборной кампании в рядах ее местного отделения произошел раскол, и из него исключили группу Г.М. Саеда, известного синдхского мусульманина-националиста, придерживавшегося левопопулистских взглядов. Возникшая в итоге параллельная Лига добилась на выборах наибольшего успеха, и именно она возглавляла провинциальное правительство вплоть до декабря 1946 г., когда довыборы в собрание и измена ряда сторонников Г.М. Саеда позволили образовать правительство официальной Лиги во главе с Г.Х. Хидаятуллой¹⁰⁸.

Самой крупной неудачей для Лиги завершились выборы в СЗПП. Как отмечалось выше, ведущие позиции в провинции с конца 20-х – начала 30-х годов занимала конгрессистская органи-

зация, состоявшая главным образом из националистов-пуштунов. Она победила на выборах 1937 г. и вплоть до ухода всех правительств Конгресса в отставку в октябре 1939 г. возглавляла правительство. В период прямого губернаторского правления центральные органы Мусульманской лиги предприняли усилия к тому, чтобы укрепить позиции местного отделения. С 1943 г. Лига возглавляла правительство в провинции, однако трения между руководителями ее провинциального отделения привели к открытым конфликтам и существенно подорвали доверие к партии. На ее популярности отрицательно сказалась консервативная идеологическая позиция, защита Лигой интересов крупных феодалов-землевладельцев, традиционных клано-племенных вождей, известных в пуштунских землях как ханы и малики. На выборах 1946 г. Лига не только проиграла Конгрессу, но и получила меньше мест по мусульманской курии (17 против 19)¹⁰⁹. Провинциальное правительство в СЗПП вплоть до лета 1947 г. возглавляли конгрессисты во главе с Ханом Сахибом, братом Абдул Гаффар Хана, харизматического лидера пуштунов, известного как «пограничный Ганди»¹¹⁰.

Несмотря на эти неудачи и трудности, образ Пакистана после выборов первой послевоенной зимы стал обретать более явственные очертания. Движение за его создание существенно укрепилось в период политического затишья 1943–1945 гг.

Но выборы обозначили и другую тенденцию – по общей (индусской или немусульманской) курии абсолютную победу одержали сторонники Национального конгресса. Это обстоятельство, а также победа ИНК в СЗПП позволили ему возглавить правительства в восьми из 11 провинций¹¹¹.

Победа Конгресса явилась для англичан сигналом того, что обещанный процесс передачи власти необратим. В то же время консолидация электората вокруг двух партий-антагонистов осложняла проблему нахождения формулы ухода. Перед лейбористским правительством встал вопрос, кому передавать власть – Конгрессу при сохранении единства Индии или же Конгрессу и Лиге, а также другим вероятным претендентам на статус доминиона, крупнейшим княжествам или союзу княжеств? Лейбористы поддерживали достаточно тесные связи с Неру и другими социал-демократически настроенными лидерами Конгресса.

Выражая на заключительном этапе колониального господства либеральный подход к Индии, признававший ее органическое единство и стремление к независимости¹¹², лейбористы были предрасположены к тому, чтобы передать власть партии большинства, то есть Конгрессу, при условии, что последний обеспечит соблюдение прав и интересов меньшинств, в первую очередь крупной и самостоятельной мусульманской общины.

С целью подготовки такого решения в Индию в марте 1946 г. направилась миссия кабинета (британского правительства) в составе госсекретаря Петик-Лоуренса (главы миссии), председателя торговой палаты (министра торговли) С. Криппса и первого лорда адмиралтейства (морского министра) А.В. Александера¹¹³.

Характерно, что настроенные более консервативно чиновники Индия оффис (департамента по делам Индии в Лондоне) подготовили к отъезду миссии секретный меморандум, где утверждалось, что, несмотря на экономические, финансовые и военные потери и неудобства, связанные с разделом Индии и выделением из нее Пакистана, этих событий, скорее всего, не удастся избежать. К меморандуму прилагались карты будущего Пакистана, границы которого в целом почти совпали с позднее проведенными¹¹⁴.

Основными собеседниками членов миссии в Индии стали руководители Конгресса – Ганди, Неру, Азад. Позиция Джинны принималась во внимание лишь во вторую очередь, хотя главная задача заключалась в том, чтобы не дать ей усилиться. С противоположной целью в апреле 1946 г. в Дели собрались все вновь избранные от Мусульманской лиги законодатели центрального и провинциальных собраний, то есть около 500 человек. Они единодушно приняли и подписали «клятву», соглашаясь принести любые жертвы ради создания Пакистана. В отличие от принятой за шесть лет до того Лахорской резолюции, клятва предусматривала создание единого Пакистана, причем весьма горячо за единство выступали представители сильнейшей провинциальной организации Лиги – бенгальской¹¹⁵.

В начале мая вице-король Уэйвелл собрал вторую конференцию в Симле для обсуждения проектов, разработанных миссией кабинета, персонально ее главным «мотором» С. Криппсом. В ходе острых дебатов между англичанами представителями Конгресса и Лиги обсуждались различные варианты решения проблем

сохранения единства и передачи власти, вплоть до образования федеративных объединений Хиндустана и Пакистана ¹¹⁶.

Разуверившись в возможности найти согласованный выход из тупика, миссия кабинета под большим нажимом из Лондона, требовавшего продвижения вперед, 16 мая оповестила по радио о предлагаемом ею плане. Он предусматривал предоставление Индии полной независимости и предлагал весьма сложную федеративную структуру. Первый ее уровень – губернаторские провинции, второй – группы провинций, третий – центр. В соответствии с этим определялась процедура функционирования учредительного собрания. Выбранные от провинций депутаты становились членами собрания, сразу разделяясь на три секции. В первую из них (А) включались депутаты от шести географически срединных провинций с индусским большинством, во вторую (В) – три северо-западные провинции с большинством у мусульман, а в третью (С) – две восточные провинции, вместе образующие регион с мусульманским большинством ¹¹⁷. Включение на две трети индусского Ассамы в последнюю группу, с одной стороны, было уступкой Джинне, а с другой – попыткой расширить принципы группировки провинций, добавляя к конфессиональному фактору географический. План далее предусматривал, что после созыва учредительного собрания депутаты каждой из секций смогут принять конституционный регламент для провинций и, если пожелают, для своей группы (региона). После первых выборов или проведения референдума, предположительно, через десять лет, любая провинция могла потребовать пересмотра конституции и изменения своего места в федерации. Группы провинций и отдельные провинции обретали, по плану миссии кабинета, существенную степень автономии, а в ведение центра передавались лишь иностранные дела, оборона и связь вместе с необходимыми для них финансами. Предполагалось также, что княжества присоединятся к той или иной из образуемых провинциальных групп в зависимости в основном от географического положения и сохраняют при новой централизованной системе значение неизменных и базовых элементов. Планом предусматривалось также немедленное создание ответственного кабинета министров, представляющего все основные политические силы Индии ¹¹⁸.

Несмотря на первоначальные колебания, Джинна склонился к тому, чтобы поддержать предложенный вариант, названный

«планом единства». Соответствующее решение приняли рабочий комитет и совет Лиги в начале июня ¹¹⁹.

Первая реакция лидеров Конгресса, в первую очередь Ганди, была положительной, однако они возражали против автоматического включения в группы В и С всех провинций северо-запада и востока. Столкнувшись с твердым желанием англичан придерживаться разработанного плана, руководство Конгресса в принципе согласилось с ним, оставив свои оговорки в подвешенном состоянии, и перешло к обсуждению следующего за решением об учредительном собрании вопроса о формировании переходного правительства.

В заявлении миссии от 16 июня предлагалось образовать переходное правительство из 14 человек, приглашаемых для участия в его работе. Шесть из них (включая Неру) были членами Конгресса (один представлял неприкасаемых), пять (включая Джинну) входили в Лигу, а оставшиеся трое принадлежали к общинам сикхов, христиан и парсов ¹²⁰. В ходе обсуждения этого предложения обнаружились многочисленные сложности, так что миссия кабинета в конце июня отбыла на родину, не добившись согласия о формировании временного центрального правительства.

В начале июля новым президентом Конгресса, по предложению Ганди, стал Дж. Неру. 10 июля, выступая на пресс-конференции, он подверг сомнению необходимость во всем следовать плану миссии кабинета и заявил о праве Конгресса изменять и модифицировать его. Основные его возражения вызвали схема группировки провинций и слабость центрального правительства. Неру высказал мнение о целесообразности значительного расширения функций последнего с включением в ведение центра отраслей промышленности, необходимых для поддержания систем обороны и связи, регулирование внешней торговли, осуществление кредитно-финансовой и налоговой политики. Что касается группировки провинций, Неру усомнился в справедливости включения СЗПП в группу В и Ассамы в группу С ¹²¹.

Заявления Неру Джинна квалифицировал как полное отрицание плана миссии и предложил британскому правительству соответствующим образом расценить действия Конгресса. В Лондоне, однако, не были склонны пойти на это. Учитывая такую реакцию, совет Мусульманской лиги в резолюции, принятой 29 июля, объявил, что он забирает обратно согласие с предложениями

миссии кабинета. В еще одной резолюции совета намечался курс прямых действий по созданию Пакистана ¹²².

После взаимных выпадов и решений руководящего органа Лиги отношения между обеими главными партиями обострились. Попытки вице-короля создать переходное правительство из их представителей ни к чему не привели. Поэтому в начале августа британские власти обратились к сильнейшей из двух политических сил – Конгрессу с предложением сформировать правительство, пригласив, впрочем, участвовать в нем и Лигу.

Переговоры по этому поводу продолжались в момент, когда в Калькутте 16 августа начались массовые межобщинные столкновения. К ним привел объявленный премьер-министром Бенгалии членом Лиги Х.Ш. Сухраварди день прямых действий в борьбе за Пакистан ¹²³. Кровавые стычки, грабежи и погромы полностью дезорганизовали жизнь самого большого, пестрого и бедного города в Индии. Число жертв за четыре дня беспорядков превысило 15 тыс. Весть о «великой калькуттской резне» вызвала волну погромов в Бихаре, Бомбее и ряде других мест. Межобщинные отношения накалились на массовом, низовом уровне и сделали, по существу, predetermined вопрос о разделе ¹²⁴.

Политика верхов между тем продолжала свой инерционный бег. Несмотря на отказ Лиги войти в правительство, переходная администрация была приведена к присяге в начале сентября. Вся высшая исполнительная власть, за исключением вице-короля, впервые теперь состояла только из индийцев, главным образом представителей Национального конгресса. Ее главой (премьер-министром кабинета, или заместителем председателя исполнительного совета при вице-короле) стал Дж. Неру. Лорд Уэйвелл вместе с тем стремился привлечь в кабинет представителей Лиги и проводил переговоры с Джинной, весьма раздражавшие руководство Конгресса ¹²⁵. В конце октября договоренность о присоединении Лиги к кабинету была достигнута. Джинна делегировал в его состав пять человек, что было обговорено еще летом. Его правая рука, Лиакат Али Хан, занял пост министра финансов. В то же время Лига не отказалась от намерения бойкотировать учредительное собрание, первое заседание которого было назначено на начало декабря.

Патовая ситуация заставила премьер-министра Англии Эттли пригласить в Лондон для совещания лидеров Конгресса и Лиги.

Лондонская конференция и переговоры британской элиты с Неру и Джинной ничего не изменили. Консервативная партия и лично Черчилль оказали Джинне моральную поддержку. Лейбористы предпочитали контакты с Неру. В ходе интенсивных консультаций, в которых принимал участие вице-король Уэйвелл, между последним и членами кабинета обнаружились расхождения во взглядах, которые привели к его замене в феврале 1947 г. на лорда Маунтбеттена.

Учредительное собрание тем временем начало работу, хотя места членов Лиги оставались незанятыми. Конгресс укреплял свои позиции в массах, выдвигая радикальные требования, находившие у них отклик и поддержку. Осенью 1946 г. в Мируте состоялась первая после войны его сессия, на которой было принято решение добиваться создания суверенной Индийской республики (минуя статус доминиона). Аналогичную резолюцию (резолюцию о целях) одобрило в конце января 1947 г. и учредительное собрание¹²⁶.

Объявляя 20 февраля 1947 г. о назначении вице-королем Маунтбеттена, премьер Эттли заявил о том, что Британия покинет Индию самое позднее в июне 1948 г. Новому представителю метрополии отводилось несколько более года, но он справился со своей задачей досрочно, уложившись в шесть месяцев. Либеральные взгляды сближали его с лейбористами, а происхождение (он был правнуком королевы Виктории, кузеном тогдашнего монарха Георга VI) делало приемлемым для консерваторов. Блестящая карьера морского офицера, командовавшего на последнем этапе войны силами союзников в Юго-Восточной Азии, позволяла ему не слишком дорожить положением вице-короля и стремиться к возвращению на флот. Быстрота, с которой он действовал, придавала драматизм процессу выработки решения о предоставлении Индии независимости и была, возможно, одной из причин трагических событий, сопровождавших раздел.

Впрочем, межобщинные столкновения не прекращались в стране с августа 1946 г., а планы образования единой Индии наталкивались на непреодолимые препятствия. Их подоплекой являлись глубинные, бытовые и мировоззренческие различия между представителями индуистского и исламского конфессионально-культурных комплексов, а базовой причиной – актуализация, использование расхождений в политических целях. Непосред-

ственно неудачу попыток сохранить единство Индии обусловила непримиримость позиции Джинны и других руководителей Мусульманской лиги по вопросу о ее будущем, их жесткое неприятие того, что они называли властью индусов и индусским империализмом¹²⁷.

К решению о неизбежности раздела Индии Маунтбеттен, судя по всему, стал склоняться спустя всего лишь несколько недель после прибытия туда. Если осенью 1946 г. позиции сторонников Пакистана казались существенно подорванными ввиду неудачного старта кампании по проведению прямых действий за его создание, вылившейся в основном лишь в кровавые разборки и межобщинные столкновения, а также из-за вынужденного подключения в последний момент к деятельности переходного правительства Дж. Неру, то к весне следующего года они укрепились.

Этому в немалой степени содействовали события в Панджабе. Как отмечалось выше, в течение года после выборов там успешно функционировало коалиционное правительство противников Лиги и Пакистана. Но в марте 1947 г. панджабскому отделению Лиги удалось провести массовые акции в поддержку *Хилафат-е-Пакистан* (Пакистанского халифата). Репрессии местного правительства привели к межобщинным столкновениям, кризису власти и уходу правительства в отставку. Хотя отделению Лиги не удалось сформировать свое правительство, Панджаб, краеугольный камень будущего Пакистана, в конце концов занял свое место в движении за его образование¹²⁸. В марте-апреле 1947 г. до предела обострились отношения между политическими организациями мусульман и сикхов, стычки их боевых отрядов стали предзнаменованием грозы, сопровождавшей раздел провинции¹²⁹.

Лига существенно укрепила свои позиции и за счет умелых действий Лиакат Али Хана в качестве министра финансов. Он оказался первым индийцем, представившим на рассмотрение законодательного органа бюджет страны. В сделанных им предложениях, одобренных, впрочем, ведущими членами кабинета, предлагалось существенно увеличить налоги на сверхдоходы и прибыль. Представленный бюджет выявил расхождение в позициях правых и левых лидеров Конгресса и подвергся резкой критике со стороны деловых кругов, материально поддерживавших ИНК¹³⁰.

Подготовленный ведомством Лиаката документ получил название «бюджета бедного человека» и высветил, помимо прочего, различия в социальной базе Конгресса и Лиги. Последняя не опиралась на городские финансовые дома в такой степени, как первый, и не рисковала затронуть интересы большинства социально близких ей людей. Инцидент с бюджетом, который был принят после решения о снижении ставок налогообложения, показал немусульманской в основном по составу крупной буржуазии всю затруднительность ситуации, в какой она могла бы оказаться в случае сохранения единства Индии ценой уступок Мусульманской лиге.

Уже к середине апреля, согласно установившемуся в литературе мнению, Маунтбеттен пришел к выводу, что без создания Пакистана решить проблему ухода англичан из Индии не удастся. К мнению о неизбежности раскола страны склонялись и Неру, и другой исключительно влиятельный член конгрессистского руководства Сардар Валлабхаи Патель. Есть мнение, что план возможного «развода» предложил вице-королю доверенное лицо Пателя видный чиновник англо-индийского аппарата В.П. Менон¹³¹.

Из лидеров Конгресса только Махатма Ганди продолжал протестовать против «вивисекции матери Индии». При первой встрече с Маунтбеттеном он посоветовал ему распустить правительство Неру и назначить премьером Джинну, но на Ганди в то время уже не обращали большого внимания¹³².

Решив, что называется «про себя», вопрос о разделе, три стороны – участницы процесса приступили к обсуждению конкретных его деталей. Неудивительно, что при этом выявились крупные нестыковки. Джинна занял свою традиционную позицию неприятия усеченного или «объединенного молью» Пакистана, то есть состоящего лишь из районов с бесспорным мусульманским большинством. Но именно на этот и только этот вариант соглашались лидеры Конгресса.

Дополнительную интригу придавали вопросы о сикхах и княжествах. Относительно небольшая община сикхов, чьи предки занимали до англичан господствующие позиции в Панджабе, обеспечила себе признание колониальных властей благодаря воинскому духу и широкой представленности в рядах англо-индийской армии. Сикхи активно участвовали в баталиях двух мировых войн. Сформированные из них части оставались надежной

опорой англичан и в боях на субконтиненте, в том числе против горных пуштунских (патанских) племен¹³³. Благодаря службе в армии сикхи приобрели политический вес, несопоставимый с их численностью (около 4 млн., один процент населения страны). Достаточно отметить, что сикхи попали в число трех религиозных общин (вместе с индусами и мусульманами), с которыми велись переговоры о будущем Индии, и их лидер, министр обороны в переходном правительстве Балдев Сингх, выступил в начале июня по радио с согласием на план раздела.

Хотя принять такое решение для сикхов было нелегко, другого выхода у них не было. Их верхушка состояла во многом из бывших военных, получивших в качестве вознаграждения крупные участки земельной собственности в западных районах Панджаба, где англичане проводили в конце XIX – начале XX века значительные работы по ирригации. Сикхское население к 1947 г. распределялось примерно поровну между восточной, преимущественно индусской, и западной, в основном мусульманской, частями провинции. В первой из них они были как дома, во второй, особенно после окончания войны, испытывали враждебное к себе отношение и неслучайно поголовно все они после решения о разделе провинции переехали (изведав много потерь и горя) из западной в восточную ее половину. Впрочем, как экономически сильная, исполненная воинского духа община, она и сама внесла немалый вклад в разжигание коммуналистских страстей¹³⁴.

Вопрос о княжествах был еще сложнее, ведь на них приходилась чуть ли не половина территории колонии. Нежелание князей присоединиться к федерации явилось причиной лишь неполного (в части, касавшейся провинций) ввода в действие Акта об управлении Индией 1935 г.

После войны ситуация изменилась. С одной стороны, наследственные правители не могли не видеть, что страна скоро станет независимой, и задумывались о том, в каком положении они при этом окажутся. С другой стороны, они ощущали возрастающее давление снизу, со стороны местных политических сил, пользовавшихся, как правило, поддержкой ИНК. Конгресс предусмотрительно обратил внимание на массовую борьбу, развернувшуюся в ряде крупнейших княжеств (в частности в Джамму и Кашмире) под антифеодальными лозунгами, и возглавил Всендийскую конференцию народов княжеств¹³⁵.

Князья в целом благоприятно отнеслись к плану миссии кабинета, по которому им отводилась четверть мест в учредительном собрании в соответствии с их квотой в населении, и фактически поддержали заложенную в нем идею создания единой федерации при сохранении за ними суверенных прав и привилегий, за исключением тех, что относились к сферам обороны, иностранных дел и коммуникаций ¹³⁶. Однако воспользовавшись бойкотом собрания со стороны Мусульманской лиги, палата князей в декабре 1946 г., а затем и конференция правителей в январе 1947 г. объявили об отказе участвовать в работе учредительного органа. Лишь в апреле 1947 г. князья, в большинстве своем индусы, и Конгресс пошли на взаимные уступки. Конгрессисты перестали настаивать на стопроцентной выборности представителей от княжеств, согласившись на то, что половина делегатов будет назначаться правителями, а часть князей (в частности правители Бароды, Биканера, Патиалы) в ответ заявила о присоединении к работе собрания ¹³⁷.

Вместе с тем некоторые правители крупнейших владений (низам Хайдерабада, махараджа Траванкура, наваб Бхопала, махараджа Джамму и Кашмира) продолжали надеяться на получение особого статуса и по мере приближения развязки принялись лоббировать свои интересы. Они нашли понимание у части представителей британской администрации, прежде всего у консервативно настроенного руководства политическим департаментом, ответственным за отношения с княжествами ¹³⁸. Однако большинство членов команды Маунтбеттена, как и он сам, и правительство в Лондоне четко определились в вопросе о судьбе княжеств. Они не готовы были предлагать статус доминиона каким-либо иным образованиям, кроме как либо единой Индии, либо Индии и Пакистану.

Вместе с тем вопрос о доминиальном статусе Индии являлся одним из важнейших для вице-короля Маунтбеттена. Как выше отмечалось, Национальный конгресс, а вслед за ним и учредительное собрание одобрили осенью 1946 г. и в начале 1947 г. резолюции в поддержку требования о провозглашении Индии суверенной республикой. В инструкции, которую дало правительство вице-королю при его назначении, на первом месте оказался вопрос о вхождении Индии в британское Содружество и обеспечение военной кооперации между ней и Англией ¹³⁹.

В конце апреля до сведения вице-короля был доведен план Конгресса о предоставлении Индии независимости в значительно более сжатые сроки в обмен на согласие руководства ведущей индийской партии на статус доминиона. Именно это, как считает современник событий, видный политический деятель и историк Чаудри Мухаммад Али, заставило Маунтбеттена и английское правительство радикально сократить сроки ухода из колонии ¹⁴⁰.

Вместе с тем в середине мая выявились новые осложнения и нестыковки. Упорство сторон, руководства Конгресса и Лиги, англичане постарались преодолеть выдвижением заведомо неприемлемого для них, особенно ИНК, плана предоставления провинциям и княжествам значительной свободы в выборе варианта ассоциации с будущими доминионами. Напугав оппонентов согласием Лондона на этот план, Маунтбеттен ускорил принятие ими уже разработанной в общих чертах программы раздела Индии.

Суть ее состояла в скорейшем образовании двух независимых доминионов – Индии (Индийского союза) и Пакистана – и передачи им всех властных полномочий. Одобренный английским правительством в конце мая, он был обнародован 3 июня, получил публичную поддержку в выступлениях по радио Дж. Неру, М.А. Джинны и Балдев Сингха, а в первой половине июня – формальное согласие Лиги и Конгресса ¹⁴¹.

В заявлении британского правительства от 3 июня 1947 г. констатировалось нежелание навязывать решения, принимаемые действующим Учредительным собранием регионам, чьи представители отказываются от участия в его работе, и обозначалась возможность образования для них отдельной учредительной ассамблеи ¹⁴². Решающее значение в заявлении придавалось решению законодательных собраний двух провинций Бенгалии и Панджаба. Их депутаты от округов с мусульманским и немусульманским большинством (по переписи 1941 г.) собирались отдельно, и если одна из этих групп простым большинством высказывалась за раздел провинции, такое решение принималось. Провинциальное собрание Синда тем же простым большинством решало вопрос о присоединении к новому (пакистанскому) учредительному собранию. При принятии решения о разделе Панджаба в заявлении предусматривалось проведение референдума в смежной с ней СЗПП по вопросу о присоединении к тому или иному

собранию. Референдум предусматривался и для ассамского округа Силхет с мусульманским большинством, который мог быть присоединен к Восточной Бенгалии при принятии решения о разделе бенгальской провинции ¹⁴³.

Выступая по радио с обращением к населению, вице-король Маунтбеттен выразил сожаление по поводу того, что единство Индии сохранить, вероятно, не удастся, упомянул об опасениях по поводу раздела и выразил надежду на минимальные издержки при его осуществлении. Одновременно он подчеркнул, что предоставление независимости в статусе доминиона одному или двум правительствам может быть осуществлено в течение ближайших месяцев, что соответствует желанию основных политических партий ¹⁴⁴.

События в дальнейшем развивались согласно с принципом раздела. Ожидаемое решение в пользу Пакистана приняли члены законодательных собраний Бенгалии, Панджаба и Синда, представлявшие Мусульманскую лигу. В первой половине июля состоялся референдум в Северо-Западной пограничной провинции. Участие в нем могли принять те, кто имел право голоса в соответствии с актом 1935 г. по выборам в провинциальные законодательные собрания. Местное отделение Конгресса во главе с Абдул Гаффар Ханом решило бойкотировать референдум на том основании, что на него не выносился вопрос о самостоятельности провинции и создании независимого государства Пуштунистан. Из 573 тыс. избирателей в голосовании приняло участие 293 тыс. (51 %). За присоединение к Пакистану высказалось подавляющее большинство – 289 тыс. Учитывая, что явка на выборах в провинциальное собрание в начале 1946 г. составляла 65 %, можно полагать, что доля голосовавших за Пакистан из числа политически активных жителей составила 78 % ¹⁴⁵. По тем же правилам проведенный референдум в округе Силхет провинции Ассам дал перевес в две трети голосов сторонникам присоединения округа к Восточной Бенгалии и доминиону Пакистан. Присоединение к последнему британского Белуджистана (провинции возглавлял главный комиссар и они не имели выборных органов) определено голосованием членов джирги ханов местных, главным образом пуштунских, племен и муниципалитета столичного города Кветты.

Не дожидаясь полного завершения этих процедур, британский парламент 18 июля принял Акт о независимости Индии. Основное содержание документа состояло в констатации прекращения властных полномочий правительства Его величества в отношении индийского континента и создания двух независимых доминионов – Индии и Пакистана. Актом определялась и дата создания новых государств – 15 августа 1947 г. В нем перечислялись основные составные части Пакистана как образования, выделяемого из Индии, и отмечалось, что точные границы между индийской и пакистанской частями провинций Бенгалия и Панджаб будут проведены на основании решения назначаемой вице-королем соответствующей комиссии. В Акте содержались положения о том, что полномочия и обязательства (статус сюзеренитета, Paramountcy) британской короны в отношении княжеств прекращаются с 15 августа и теряют силу все договора и соглашения, заключенные между ней и наследственными правителями. То же самое декларировалось в отношении любых держателей власти в зоне племен¹⁴⁶.

Двумя главными и отчасти взаимосвязанными проблемами, которые предстояло решить вице-королю и его штабу за менее чем месяц от принятия Акта о независимости до ее провозглашения, были вопросы о судьбе княжеств и проведении границ. Из почти 600 княжеств (в официальных британских заявлениях тех лет чаще всего указывается на 562 или 565) только около 20 граничили с территорией создаваемого Пакистана, а среди примерно 93 млн. жителей «княжеской Индии» (по данным переписи 1941 г.) подавляющее большинство составляли немусульмане¹⁴⁷. Таким образом, присоединение получавших формальную независимость владений представляла главную сложность для Индии. Ее будущее руководство, в частности Дж. Неру, хорошо осознавало цену вопроса и заручилось весьма необходимой для его решения поддержкой Маунтбеттена. Последний, согласно достигнутому с Конгрессом договоренностям, становился первым генерал-губернатором индийского доминиона вплоть до июня 1948 г.

С присущей ему энергией вице-король принялся уговаривать правителей княжеств использовать свое право выбора присоединиться к одному из двух доминионов (для большинства речь шла только об Индии) и об условиях, на которых они вступают

в федеративные с ним отношения, в кратчайшие сроки, лучше всего до 15 августа.

В конце июля он провел встречу в палате князей, где, выступая в своем качестве «представителя короны», доказывал князьям преимущества, необходимость и неизбежность вхождения в состав одного из доминионов. Условием вступления для значительных по размеру и во внутренних делах самостоятельных княжеств оставалась передача доминиону-федерации лишь «внешних» функций (иностранных дел, обороны и связи). Усилия Маунтбеттена умело поддерживал глава созданного департамента княжеств В.П. Менон и его патрон Сардар Валлабхаи Патель, министр внутренних дел как переходного кабинета, так и будущего правительства независимой Индии. В результате абсолютное большинство как крупных князей, так и иных носителей княжеских титулов согласилось присоединиться к Индии еще до 15 августа 1947 г. ¹⁴⁸

Мусульманская лига заняла иную позицию в вопросе о княжествах. Трагуя в свою пользу букву закона от 18 июля, Джинна настаивал на том, чтобы княжества получили полную свободу и могли выбирать любой путь – от присоединения к одному из доминионов до признания их независимости ¹⁴⁹. Он при этом опирался на давно сложившуюся консервативную традицию как в Индии, так и в Великобритании (главным ее выразителем в последней на том этапе был лидер оппозиции в парламенте У. Черчилль) и настаивал, в частности, на приоритете решения наследственного правителя в судьбе того или иного княжества. Стремясь ослабить единство превосходившей Пакистан Индии, он фактически поддерживал идею ее «балканизации», то есть раздробления на части. Отсюда его одобрение попыток мусульманского правителя Хайдерабада, расположенного в самом центре Индии, на Деканском плато, обширного владения с индусским большинством, добиться независимости в статусе отдельного доминиона ¹⁵⁰. Благоприятной была также реакция руководства Лиги на решение князя-мусульманина другого индусского по принадлежности большинства населения княжества Джунагадх, вместе с соседним Манавадаром, присоединиться к Пакистану, несмотря к тому же на отсутствие общей границы между ним и этими расположенными на полуострове Катхиавар княжествами.

Минусы позиции, занятой Джинной, проявились при решении судьбы самого северного, крупнейшего по территории (свыше 200 тыс. кв. км) высокогорного княжества Джамму и Кашмир. Мусульмане составляли около 80 % его жителей, в то время как правителем был индус, махараджа Хари Сингх. Центр княжества в живописной долине Кашмира, представлявшей его наиболее населенную часть, имел налаженные линии связи лишь с западными районами Пенджаба, отходившими к Пакистану. Велико было символическое значение Кашмира для отцов-основателей Пакистана, как колыбели своеобразной исламской культуры, одного из любимых мест отдыха многих прославленных в истории правителей-мусульман. Кашмир, наконец, вошел своей начальной буквой в само название «Пакистан».

Остающаяся до сих пор нерешенной судьба княжества Джамму и Кашмир в немалой степени связана, как представляется, с политикой Джинны на заключительном этапе ухода англичан из колонии. Так как он поддержал принцип суверенитета наследственных правителей и значения принимаемого ими решения, то был вынужден терпимо относиться к колебаниям махараджи, который лелеял надежду на сохранение власти в княжестве в полном или почти полном объеме. Более того, возглавляемое Джинной правительство Пакистана в день провозглашения независимости заключило с ним соглашение о сохранении обособленности княжества сроком на один год, заставив и индийскую сторону считаться с неопределенностью его статуса.

Хотя Кашмир относился к числу, бесспорно, мусульманских областей, руководство Конгресса не теряло надежду на его подключение к Индии. Оно опиралось при этом на два фактора. Один из них – индуизм правящей династии и влияние высшего слоя, состоявшего в значительной степени из кашмирских брахманов (пандитов). К этой высшей подкасте принадлежали семьи Неру и ряд других видных индийских политических деятелей, носящих фамилии Сапру, Кауль, Пант, Хаксар. Второй фактор был связан с особенностями социально-политической обстановки в княжестве. С начала 1930-х годов в княжестве развернулось массовое оппозиционное движение. Из возглавлявшей его на первых порах партии Мусульманская конференция выделилась группа радикально настроенных политиков во главе с Шейхом Мухаммедом Абдуллой. В своих требованиях политических и

экономических перемен она сблизилась с левым руководством Конгресса и основала ставшую наиболее популярной Национальную конференцию. Шейх Абдулла, как и махараджа, относился к приверженцам кашмирской автономии, будучи в идеологическом плане его непримиримым противником. Неприязненными были по понятным причинам отношения между Шейхом и Джинной. В то же время у первого из них сложилось взаимопонимание с Неру и убеждение, что в союзе с новой Индией он сможет добиться реализации своих планов. Оба отмеченных обстоятельства и постаралось использовать руководство нового индийского доминиона для присоединения к нему Кашмира.

Вопрос о границе между разделяемыми на две части Бенгалией и Панджабом должна была решить специальная комиссия. Ее председателем вице-король назначил судью С. Рэдклиффа, впервые в жизни приехавшего с этой целью в Индию. В состав комиссии кроме него входили по четыре судьи-индийца, представлявшие в равной пропорции сторону мусульман и немусульман. Начав деятельность во второй половине июля, они смогли подготовить «приговор» (award) к началу второй декады августа, то есть к самому моменту раздела. Причем решение о границе в обоих случаях было принято единолично ее председателем ввиду разногласий между членами комиссии¹⁵¹.

Принцип конфессионального большинства в округе (дистрикте) в соответствии с переписью населения 1941 г. был главным для предварительного деления. В Бенгалии линия размежевания пролегла как по границам округов, так и по границам районов (тхана). Учитывалось, что Калькутта, согласно достигнутой сторонами договоренности, отходит к Индии и становится столицей Западной Бенгалии.

Приговор Рэдклиффа в отношении Бенгалии не вызвал больших споров. Иначе обстояло дело в отношении границы между Западным и Восточным Панджабом. Правило, по которому районы с мусульманским большинством отходили к Пакистану, было нарушено в случае с округами Ферозпур и Гурдаспур. Судья Рэдклифф обосновывал свое решение экономическими соображениями, стремлением не нарушать сложившуюся систему коммуникаций (железных и шоссейных дорог) и ирригации (расположением головных водораспределительных сооружений). Считается, что важнейшим фактором, повлиявшим на его решение, было стрем-

ление вице-короля обеспечить благоприятные условия для сикхской общины, с рядом видных деятелей которой у Маунтбеттена установилось полное взаимопонимание¹⁵². Проведенная Рэдклиффом граница в Панджабе в большей степени, чем в Бенгалии, совпадала с естественными, пролегая на значительном протяжении по руслам рек Рави и Сатледжа. Лахор остался на пакистанской стороне, а священный для сикхов Амритсар – на индийской.

Утвержденное вице-королем решение Рэдклиффа по Панджабу вызвало в дальнейшем большие споры и нарекания, хотя надо отметить, что английский судья предчувствовал их и в преамбуле к описанию границы подчеркивал, что ни одно из решений не было бы бесспорным. Основные возражения высказывала и тогда, и позднее пакистанская сторона. И не только потому, что ее «лишили» ряда районов с мусульманским большинством. По мере обострения споров из-за Кашмира выявилось, что, разделив округ Гурдаспур и присудив техсил Патханкот Индии, английский судья дал последней возможность для соединения с княжеством путем строительства удобных дорог¹⁵³.

Впрочем, ничего удивительного в таком предпочтении индийской позиции нет, так как Маунтбеттен и его окружение, оказывавшие влияние на Рэдклиффа, ощущали себя представителями не только уходящей, но и новой администрации. Согласно первоначальным планам раздела, бывший вице-король должен был в течение года оставаться генерал-губернатором обоих доминионов, в частности, чтобы сохранить объективность и беспристрастность. Однако Джинна в конце июня дал понять, что собирается сам стать генерал-губернатором Пакистана. При этом он выразил полное доверие Маунтбеттену и как вице-королю, и как будущему генерал-губернатору Индии. В литературе высказано много разноречивых мнений о мотивах такого решения Джинны. Вероятно, его продиктовали как эмоции, так и вполне рациональные соображения. Отделение Пакистана, по убеждению его отца-основателя, с самого начала должно было быть полным и окончательным, что и символизировало разделение верховной власти.

14 августа 1947 г. в Карачи состоялась церемония провозглашения нового государства. Для участия в ней в город приехал вице-король. Он огласил послание короля Георга, приветствовав-

шего Пакистан в составе Британского Содружества. Джинна выступил с ответной речью, в которой заявил, что Пакистан питает самые дружеские чувства к соседям и всем странам мира¹⁵⁴. В тот же день Маунтбеттен улетел в Дели для участия в мероприятиях по случаю обретения независимости Индией.

На смену торжествам вскоре пришли тяжелые будни, горе и трагедии, связанные с разделом. Вместе с тем факт обретения суверенитета как Индией, так и Пакистаном остается крупной вехой в современной истории. Повторим, что возникновение на индийском субконтиненте мусульманского Пакистана не было случайностью, оно имело свои исторические и культурные корни и объяснялось сочетанием многоплановых политических причин. Среди них большое значение имели и факторы субъективные, связанные прежде всего с фигурой и личностью Джинны. Его вклад трудно переоценить, и, пожалуй, лучше всех это выразил С. Волперт: «Редкие личности существенно меняют ход истории. Еще меньшему числу дано преобразовать карту мира. И уж совсем мало тех, кому можно поставить в заслугу создание нации-государства. Мухаммад Али Джинна сделал все перечисленное»¹⁵⁵.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА (1947–1958 гг.)

Пакистан возник как абсолютно новое территориальное образование. У него не было «исторического прецедента», символической связи с каким-либо из когда-то существовавших государств. Впрочем, прообразом Пакистана могли считаться мусульманские державы Северной Индии – Газневидов и Гуридов, Делийский султанат и, конечно, империя Великих Моголов, однако по конфигурации они далеко не соответствовали Пакистану, появившемуся на политической карте в 1947 г. в необычном, раздвоенном виде. Одна его часть, западная, была относительно крупной по площади (примерно 800 тыс. кв. км), занимая в рамках индийского субконтинента окраинное положение на западе и северо-западе. Вторая территория отстояла от первой на расстояние не менее чем в 1500 км по прямой и была небольшим по площади (145 тыс. кв. км) «карманом» Индии на ее востоке.

Драма «бракоразводного процесса»

Молодое государство не имело почти никаких административных «заделов». Оно могло опираться на инфраструктуру лишь двух провинциальных центров – Карачи и Лахора. Последний был почти вдвое крупнее, но граница с Индией прошла буквально рядом с ним, в 25 км. К тому же Лахор был центром большой провинции Панджаб, расчлененной в ходе раздела. Долгое время город был местом нахождения правительства, настроенного против планов создания Пакистана, а с начала 1947 г. оказался в эпицентре межобщинных беспорядков и столкновений. Столицей нового государства стал Карачи, но в нем не было нужных зданий и достаточных площадей для размещения государственных учреждений. Относительно небольшой портовый город превратился в центр провинции Синд только в 1936 г., а почти все последующие годы пришлось на мировую войну. Активное строительство

там почти не велось, хотя все же появились резиденция губернатора и здание провинциального законодательного собрания.

Именно в губернаторский особняк въехал первый генерал-губернатор независимого Пакистана М.А. Джинна. В нем накануне провозглашения независимости он принимал вице-короля Маунтбеттена с супругой, а 14 августа в здании Законодательного собрания Синда прошла торжественная церемония инаугурации нового государства¹. Еще до этого на первом заседании Учредительного собрания Пакистана, членами которого стали делегаты общендийского собрания от пакистанских районов (всего их поначалу было 69 человек), единодушно избрали Джинну председателем собрания.

Почти сразу за торжествами последовали тяжелейшие будни. Рождение Пакистана происходило в муках раздела. Решение комиссии судьи Рэдклиффа стало известно после торжеств, состоявшихся в Карачи и Дели. Проведение границ подхлестнуло волну переездов. Мусульмане, оказавшиеся на территории Индии, прежде всего в отходивших к ней округах и княжествах Восточного Панджаба и Западной Бенгалии, снимались с мест и направлялись в сторону новой границы. То же самое делали индусы и сикхи, заблаговременно не покинувшие территорию Пакистана. Спешной эвакуацией воспользовались отряды религиозных фанатиков и мародеров. Они грабили и насиловали, поджигали дома и расправлялись с иноверцами.

Власти оказались не готовы к эксцессам таких размеров. Межобщинные столкновения давно превратились в кровоточащую рану, которую не удавалось залечить. А после провозглашения независимости британские военные и гражданские чины почувствовали себя уже не ответственными за поддержание порядка. Армия оказалась внутренне расколота по конфессиональному признаку, хотя дисциплина в частях поддерживалась, а по взаимной договоренности новых властей двух доминионов сохранялось единое командование.

Первые дни и недели независимости были самыми тяжелыми и трагичными, особенно в пограничных сикхско-мусульманских районах Панджаба, в областях Лахор и Амритсар. К концу августа власти пришли в себя и в определенной мере взяли ситуацию под контроль. С целью наведения порядка были созданы совместные пограничные силы. Большую роль в деле уменьшения

накала страстей в Бенгалии сыграл Махатма Ганди, объявивший о голодовке в знак протеста против нарушения межобщинного мира ².

Однако жестокие вспышки насилия и расправ продолжались еще в течение ряда месяцев. В большом смятении оказалась сформированная в основном из местных жителей полиция. Нередко на базе новобранцев из органов по поддержанию порядка и самовольно присоединившихся к ним уголовных элементов создавались те самые отряды, которые чинили расправы, останавливали железнодорожные составы с беженцами, угоняли людей. Военизированные группы, впрочем, существовали и к моменту раздела, примыкая к различным радикальным движениям и организациям, созданным мусульманами, индусами и сикхами ³.

Массовый исход сикхов и индусов из Западного Панджаба, где они населяли в основном центральные районы орошаемого земледелия, был, по существу, поголовным. Сикхские отряды самообороны обеспечивали защиту, но и она в ряде случаев не спасала от расправы. Мусульмане тысячами переходили границу в обратном направлении. Особенно тяжело пришлось тем из них, кто проживал в княжествах, прежде всего сикхских, Восточного Панджаба ⁴.

Беспорядки захватили Дели. Мусульмане, заявившие о своем намерении уехать, стекались в Старую крепость (*Пурана кила*), мавзолее Хумаюна, ряд других мест, где в условиях скученности и антисанитарии неделями и месяцами ждали возможности для эвакуации в Пакистан. Индийское правительство бросило первоначально основные силы и средства на вызволение из Пакистана индусов и сикхов. Затем власти задерживали поезда с беженцами-мусульманами из опасений расправы с ними по пути следования через восточнопанджабские земли. Для доставки в Карачи состоятельных лиц использовались британские самолеты. Между тем в ряде мест в Панджабе вспыхнула эпидемия холеры. Всего минимально в первые месяцы после раздела погибло около 200 тыс. человек ⁵.

Пакистан начинал формирование своего государственного аппарата, имущества и финансов с чистого листа. В соответствии с решением Совета по разделу, созданному в июле 1947 г., ему отходило 17,5 % материальных и финансовых активов колониальной Индии (в соответствии с долей населения по переписи

1941 г.). Дележу подлежало все имущество, включая автомобили, холодильники, пишущие машинки и т. д., а при невозможности разделить полагалась денежная компенсация. В той же пропорции делились как долги, так и активы Индии, в том числе стерлинговые авуары (долг Великобритании, накопленный за годы Второй мировой войны). Общая величина долга к моменту раздела составляла более 15 млрд. рупий (1160 млн. фунтов стерлингов). Из этой суммы свыше 2 млрд. ушло на выплату пенсий чиновникам, в основном англичанам. Доля Пакистана составила 2 млрд. рупий и по мере размораживания средств в течение трех лет они должны были поступать на счета его правительства⁶. По другим сведениям, на Пакистан пришлось активы в сумме всего 550 млн. рупий, из которых Индия к 1 января 1948 г. выплатила 200 млн.

Быстрое ухудшение отношений между доминионами, вызванное спорами по поводу виновных в столкновениях и бесчинствах, а с конца октября и конфликтом в Кашмире, воспрепятствовало реализации многих решений Совета по разделу. Так как основная часть имущества находилась на территории Индии, то Пакистан оказался обделен. Кстати, только под воздействием М. Ганди, который объявил голодовку до смерти, индийское правительство в декабре 1947 г. согласилось на передачу причитавшихся ему активов и денежных средств⁸. Уместно напомнить, что в конце января 1948 г. Ганди был убит индусским фанатиком, мстившим за его отношение к Пакистану и мусульманам.

Центральное правительство в течение первого полугодия опиралось на активы и пассивы текущего общеиндийского бюджета и было в целом малоплатежеспособно. Бюджетный дефицит за период с августа 1947 по март 1948 г. достигал 234 млн. рупий⁹. Значительная часть государственных (общественных) расходов производилась провинциальными правительствами и администрациями княжеств.

Интересно, что в начале 1948 г. *низам*, правитель расположенного в центре Индии, на Деканском плато, княжества Хайдерабад, предоставил Пакистану кредит в 200 млн. рупий. Это во многом позволило центральному правительству сверстать первый годовой бюджет, в котором расходы на оборону равнялись 70 %. Впрочем, и в первом индийском бюджете они превышали 50 %¹⁰.

Вплоть до лета 1948 г., когда начал функционировать Государственный банк Пакистана, приступивший к эмиссии национальной валюты (пакистанской рупии) легальным средством платежа оставалась индийская рупия, а функции центрального банка выполнял индийский Резервный банк.

Государственный аппарат формировался медленно, основная часть чиновников прибывала из Дели, некоторая из Бомбея и Соединенных провинций (главным образом из главного города СП Лакхнау), а также из княжества Хайдерабад, особенно после его окончательного присоединения к Индии в сентябре-октябре 1948 г. Пакистан оказался «недоукомплектован» высшим чиновничеством. Из более чем 1400 членов колониальной Индийской гражданской службы в Пакистан переехали только 80 человек¹¹. Несколько лучше обстояло дело с высшими военными чинами, хотя и среди старших офицеров в колониальной Индии лишь немногие были мусульманами.

Армия между тем неслучайно потребовала столь больших расходов. Из 420 тыс. военнослужащих в сухопутных и военно-воздушных силах объединенной Индии около 150 тыс. (то есть более трети) предпочли Пакистан. Это были в основном панджабские мусульмане, а также пуштуны и белуджи. Их пришлось «собрать» из различных воинских частей, расквартированных в основном на территории независимой Индии. Там же располагалась основная часть военного оборудования, лагерей, аэродромов, учебно-тренировочных баз и колледжей. Война в Кашмире не позволила Пакистану воспользоваться частью общего достояния. Впрочем, если бы не она, то вооруженным силам грозила демобилизация. Согласно планам британского командования, они должны были сократиться примерно вдвое¹².

Вместо сокращения, вооруженные силы Пакистана (в меньшей степени Индии) на деле ожидал существенный рост. Уже в 1947 г. у ВВС, состоявших из трех эскадрилий, появилась военно-летная школа. Регулярные сухопутные части тайно (до лета 1948 г.), а потом и открыто принимали участие в боях с индийцами в Кашмире. Приобретая боевой опыт, пакистанские офицеры почувствовали себя менее зависимыми от оставшихся в их частях британских, число которых в первые годы превышало 500¹³.

Это, возможно, приблизило сроки «национализации» вооруженных сил, которая началась в 1950 г. с массовой замены

англичан пакистанцами. В начале следующего года у армии появился первый пакистанский главнокомандующий, будущий президент Мухаммад Айюб Хан ¹⁴.

Одной из главных проблем переходного периода стала война в Кашмире. Она была следствием многих причин, о которых шла речь в предыдущей главе. Помимо глубинных факторов, ее обусловили текущие политические расчеты. Правитель княжества махараджа Хари Сингх на год отложил решение, к какому доминиону присоединиться, с тем, видимо, чтобы ослабить позиции своего противника в княжестве лидера партии Национальная конференция Шейха Абдуллы (которого держал под арестом до конца сентября 1947 г.) и не прерывать налаженные пути снабжения княжества, проходившие через Пакистан. Вместе с тем он явно склонялся к присоединению к Индии. Однако, хотя махараджа имел на это право, в Дели хотели, чтобы его решение выглядело не только законным, но и справедливым. А для этого оно должно было получить поддержку населения, которую мог обеспечить только Шейх Абдулла ¹⁵.

В Пакистане знали о готовившемся присоединении и в соответствии с тактикой «балканизации Индии», отвечая на давление, оказанное Дели на княжество Джунагадх (в сентябре 1947 г. туда вступили индийские войска), готовили свои меры. Активизации этих усилий способствовала общая обстановка взаимного недоверия и вражды, охватившая значительную часть индийского и пакистанского руководства. Трагедии раздела, слухи о расправах над мусульманами были использованы для натравливания пуштунов из полосы независимых племен на Индию. Следует заметить, что одним из первых решений правительства Пакистана было распоряжение о выводе регулярных воинских частей из полосы племен, находившихся там все последние десятилетия колониального правления. Эта новость усилила «патриотический» настрой пуштунских ополченцев. С помощью грузовиков, предоставленных им представителями формировавшихся вооруженных сил Пакистана, они двинулись по единственной горной дороге, соединявшей тогда долину Кашмира с западом Панджаба (г. Равалпинди, будущей временной столицей Пакистана), к главному городу княжества Сринагару.

Свою роль в начавшемся конфликте сыграло обострение ситуации на юго-западе княжества в округе Пунч, где влиятельную

прослойку населения составляли пуштуны, часть из которых служила в англо-индийской армии. На волне резкого обострения межобщинной обстановки вдоль незримой границы раздела Кашмира на преимущественно мусульманские и немусульманские районы в октябре в г. Пунч начался мятеж под лозунгом создания «Азад Кашмира» (Свободного Кашмира). В конце того месяца пуштунские ополченцы, главным образом из племени афридиев, перейдя р. Ури и взяв г. Барамула, приблизились к Сринагару. Испуганный махараджа на самолете бежал в Дели и там 26 октября подписал акт о присоединении княжества к Индии¹⁶.

После присоединения индийская сторона переправила на военных самолетах регулярные части, состоявшие главным образом из сикхов, которые отбросили пуштунов за р. Ури. Первое успешное применение на субконтиненте тактики «воздушного моста» вызвало острую реакцию официального Пакистана. Его генерал-губернатор дал распоряжение двинуть войска в Кашмир, но командующий пакистанскими силами генерал Д. Грейси отказался его выполнить на том основании, что английские офицеры не могут воевать против своих. Он к тому же указывал на слабость пакистанских формирований. После выяснения отношений с прибывшим в Лахор верховным главнокомандующим (еще сохранялось объединенное командование) фельдмаршалом К. Очинлеком Джинна отменил свой приказ. Выступая 30 октября на массовом митинге на лахорском стадионе, он ни разу не упомянул о Кашмире, но горячо призывал «спасти честь Пакистана и ислама»¹⁷. 1 ноября к нему для переговоров прилетел генерал-губернатор Индии Маунтбеттен. Джинна смирился с ситуацией в Кашмире, но продолжал настаивать на незаконности присоединения и необходимости предоставления населению права решить вопрос о судьбе княжества¹⁸.

Между тем позиционные бои в Кашмире продолжались, и уже к декабрю 1947 г. выявилась линия размежевания княжества на территории, отходившие под контроль Индии и Пакистана. Город Пунч оказался на индийской стороне, но большая часть одноименной области попала в зону пропакистанских сил, объявивших о создании правительства «Азад Кашмира». На северо-западе княжества в малонаселенном, но весьма обширном (75 тыс. кв. км) высокогорном агентстве Гилгит местные части («гилгитские скауты») объявили, что не подчиняются решению Сринагара

о присоединении к Индии и подняли флаг Пакистана. О том же заявили правители традиционно зависимых от махараджи княжеств Хунза, Нагар, Пуниал, Ясин, Ишкуман, Гизар, Чилас. Вместе с агентством Балтистан (центр – г. Скарду) они образовали впоследствии контролируемые Пакистаном Северные территории¹⁹.

Некоторое смягчение двусторонних отношений, ставшее заметным в декабре, при отсутствии выхода из образовавшегося в кашмирском вопросе тупика, побудило правительство Индии обратиться за помощью в ООН. Жалоба на Пакистан привела к формированию 17 января 1948 г. специальной комиссии этой организации по Индии и Пакистану. В соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН от 21 апреля того же года принципы урегулирования включали вывод из княжества пуштунских ополченцев и всех пакистанских войск, сокращение индийских сил до минимума, необходимого для поддержания законности и порядка, и назначение администратора по плебисциту. Побывав на месте, в Индии и Пакистане, миссия ООН во главе с чехословацким дипломатом Й. Корбелем разработала план действий, закрепленный в резолюции ООН от 13 августа 1948 г., который призывал стороны к прекращению огня, заключению перемирия и решению вопроса путем плебисцита при соблюдении вышеуказанных предварительных условий²⁰.

Весной 1948 г., наряду со скрытым, но ожесточенным на отдельных участках военным противостоянием в Кашмире, обострилась проблема раздела водных ресурсов. Правительство Восточного Панджаба перекрыло доступ воды в канал Дипалпур, основной на тот момент источник воды для Лахора. Этим решением под угрозу был поставлен также осенний урожай зерновых в Пакистане. Засуха могла снизить сборы на площади около 1 млн. га. Переговоры между правительствами двух Панджабов привели к временному урегулированию проблемы, но хронический недостаток поливной воды в Пакистане сохранялся вплоть до сооружения в рамках проекта освоения бассейна р. Инд новых плотин и гидросооружений в 1960-х годах²¹.

В конце 1948 г. после новой вспышки боев, не приведших к существенным изменениям в позициях сторон (не увенчалась, в частности, успехом попытка пакистанских сил занять Каргил и перерезать единственную дорогу, соединяющую Сринагар с северо-восточной тибето-буддийской областью Ладакх), Индия и

Пакистан согласились на прекращение огня. 1 января 1949 г. вступила в действие соответствующая резолюция ООН, а 5 января Комиссия предложила доработанный план урегулирования проблемы, опиравшийся на те же принципы проведения плебисцита. 27 июля 1949 г. в Карачи стороны подписали соглашение о линии прекращения огня, что означало решение наиболее актуальной проблемы разведения войск²².

К моменту завершения первой войны с Индией из-за Кашмира (в целом это был конфликт низкой интенсивности: потери убитыми с обеих сторон лишь немного превысили 1 тыс. человек) творца Пакистана уже не было в живых. Джинна был болен раком легких, его состояние на протяжении года пребывания на посту генерал-губернатора неуклонно ухудшалось. В марте 1948 г. он совершил последний далекий вояж, побывав в восточной, бенгальской, части Пакистана.

В Дакке послушать его собрались сотни тысяч. Самой внимательной аудиторией были студенты местного университета. Главной темой, вызывавшей споры и разногласия, была проблема языка. На роль второго государственного претендовал язык большинства населения страны – бенгальский. Джинна соглашался, что провинция вправе выбирать свой официальный язык. Однако в Пакистане, настаивал он, может быть только один государственный язык, и им должен быть урду, который «более, чем любой другой провинциальный язык, воплощает лучшее, что есть в исламской культуре и мусульманской традиции, и наиболее близок языкам, используемым в других исламских странах»²³.

Джинна, скорее всего, понимал, что этот его тезис не находит полного понимания, и потому потратил много сил и времени на его защиту, а также предупреждения против действий «пятой колонны» в рядах сторонников молодого государства. Он как будто чувствовал, что вопрос о языке уже очень скоро осложнит ситуацию в стране. Символично также, что с речами в защиту Пакистана он выступал в те же дни конца марта, в которые 23 года спустя на тех же улицах будет слышна анафема в пакистанский адрес и начнется успешная борьба за государство бенгальцев-мусульман – Бангладеш.

Головной болью Джинны как генерал-губернатора была и проблема отношений с Афганистаном. Он всячески подчеркивал братские чувства к соседнему мусульманскому государству, но,

разумеется, досадовал на позицию Кабула по вопросу о Пуштунистане. Афганское королевское правительство протестовало против присоединения СЗПП к Пакистану на том основании, что пуштунские земли, как оно утверждало, никогда не входили в состав Индии, а участникам проведенного летом 1947 г. референдума в провинции не было предоставлено возможности выбрать вариант создания своего государства Пуштунистан. В знак протеста Кабул отказался на первых порах поддержать просьбу Пакистана о приеме в члены ООН. Но к декабрю 1947 г. инцидент был исчерпан, и Джинна торжественно принимал в Карачи посла афганского короля как представителя «нации-сестры»²⁴.

Однако за пределами дипломатического протокола разногласия сохранялись. Особенно возражали в Кабуле против сохранения пакистанского контроля над пограничной с Афганистаном полосой свободных пуштунских племен. На юге полосы действовали силы во главе с Факиром из Ипи, провозгласившим себя в январе 1950 г. «президентом Пуштунистана». Самолеты пакистанских ВВС совершали рейды против восставших. Это вызывало протесты Кабула, обвинения в нарушении границы²⁵.

Джинна несколько раз лично посещал СЗПП, а также Белуджистан, еще одну беспокойную область расселения племен, также пограничную с Афганистаном. Белуджская проблема остро встала в первый же день существования страны из-за того, что правитель крупнейшего белуджского княжества Калат объявил о своей независимости. Лишь в апреле 1948 г., когда пакистанская армия вступила на территорию княжества, он подписал акт о присоединении. Но партизанская борьба продолжалась до июня и опиралась на базы, созданные в Афганистане²⁶.

Консолидация страны позволила Джинне, уже критически больному, спасаясь от карачинской жары, полететь в августе 1948 г. в главный город провинции Белуджистан Кветту. Его смерть 11 сентября в горном местечке Зиарат недалеко от Кветты была хотя и ожидаемым, но тяжелым ударом для молодого государства. Но она не изменила персоналистско-авторитарный стиль управления: на смену одного лидера пришел другой – премьер-министр Лиакат Али Хан.

Он успел побывать на многих видных постах, но оставался в тени Джинны, будучи моложе его почти на 20 лет. Хотя Лиакат родился в Панджабе, основным местом его политической

деятельности в колониальный период были Соединенные провинции Агры и Ауда, принадлежащие к категории провинций с мусульманским меньшинством. Лиакат был представителем немногочисленной когорты профессиональных политических деятелей, функционеров Мусульманской лиги. Эта партия после раздела заняла позиции правящей, так как абсолютное большинство членов Учредительного собрания составляли ее представители. В соответствии с действовавшими до принятия новой конституции нормами Закона об управлении Индии 1935 г. на правительство как в центре, так и на местах (в провинциях) возлагалась обязанность предоставлять главный свой документ, бюджет на текущий год, на рассмотрение унаследованных с колониальных времен представительных органов. Однако нормативы подотчетности им исполнительной власти сохранялись скорее по инерции. Политическая система складывалась спонтанно, в соответствии с прецедентом и под влиянием реальной расстановки сил, в столкновении личных и групповых интересов²⁷.

Сохранив за собой пост премьер-министра, Лиакат Али Хан в первый, но далеко не в последний раз в истории Пакистана изменил существовавшую до него иерархию двух главных постов – главы государства и правительства. Новый генерал-губернатор, лидер консервативного крыла восточнобенгальского отделения Мусульманской лиги Ходжа Назимуддин, представитель рода князей Дакки, не мог соперничать с Лиакатом по влиянию. В официальном лексиконе последнего стали называть *каид-и миллат* (вождь нации-общины). Лиакат Али Хан укрепил позиции партийных бюрократов, которые по преимуществу были выходцами из отошедших к Индии провинций, составляя элитную группу говорящих на языке урду *мухаджиров* (буквально – лиц, совершивших *хиджру*, переселение, наподобие того, что совершили сподвижники пророка, *сахаб*’, последовав за ним из Мекки в Медину).

Одной из главных задач, вставших перед новым лидером, помимо административно-территориальной консолидации страны и войны в Кашмире, стала выработка конституции. Джинна в одной из речей, произнесенных весной 1948 г., отмечал, что на этот процесс уйдет полтора-два года²⁸. Задача разработки конституции была главной для Учредительного собрания Пакистана, которое, вплоть до избрания представительного органа, олицетворяло

и законодательную власть, принимая решения по вносимым правительством законам и постановлениям и одобряя бюджеты.

В марте 1949 г. Лиакат Али Хан внес на ее рассмотрение Резолюцию о целях конституционного устройства, которую собрание приняло после непродолжительной, но острой дискуссии. Дело в том, что наряду с общедемократическими принципами резолюция содержала ряд положений исламского характера, отражая не только давление, которое оказывали достаточно влиятельные религиозные круги, но и общие настроения в обществе и его элите. Отличительной чертой Резолюции было отсутствие упоминания о секуляризме, светском устройстве государственной жизни²⁹. Между тем в состав Учредительного собрания входили и немусульмане, выразившие глубокое недовольство происламским характером резолюции.

Депутаты-немусульмане представляли в основном индусское меньшинство восточной части страны. Согласно демографическим подсчетам, на момент раздела в Восточной Бенгалии насчитывалось 12 млн. индусов, и они были представлены 12 депутатами в Учредительном собрании (по квоте 1 делегат от миллиона человек). Учитывая, что членов Собрания на первых порах было всего 69 (затем их количество выросло до 79), удельный вес немусульман представляется внушительным. Причем индусы (в основном кастовые) объединились в партию Национальный конгресс Пакистана, выдвигая, помимо секулярных требований, лозунги предоставления Восточной Бенгалии полной провинциальной автономии и признания бенгальского языка государственным³⁰.

Одним из видных депутатов первого Учредительного собрания Пакистана был лидер восточнобенгальской Федерации неприкасаемых каст Дж.Н. Мандал. На протяжении трех первых лет он, единственный немусульманин, входил в состав центрального правительства, занимая пост министра юстиции и труда. Многоконфессиональный состав первых кабинетов министров, небольших по составу, представляется во многом чертой переходного периода, как и наличие немусульман (не только индусов, но и парсов и христиан) в учредительных, исполнительных и судебных органах молодого государства.

Ситуация, однако, неотвратимо менялась. Причем бедствия раздела, кашмирская война и процессы консолидации двух

независимых доминионов за счет принуждения ряда строптивных князей к присоединению не оказали на нее такого воздействия, какое возымело решение Пакистана не следовать за Индией по пути девальвации своей валюты по отношению к доллару³¹.

Индия, девальвировавшая свою рупию вслед за решением британского правительства о снижении котировки фунта по отношению к доллару США (с 4 до 2,8), была искренне возмущена этим шагом³². Пакистан не только нарушил солидарность стран, входящих в Содружество и стерлинговую зону, но наносил удар по тесным связям между экономиками двух доминионов. Причем демонстрировал свою самостоятельность в области, где, как представлялось тогда большинству наблюдателей, сталкивался с наибольшими трудностями. Недаром многие в Индии и за ее пределами считали Пакистан нереальным проектом именно по причине его экономической несостоятельности.

Особенно тесным образом к осени 1949 г. оставались взаимосвязаны две части Бенгалии. Весь джут-сырец из восточной провинции Пакистана перевозился в Западную Бенгалию, прежде всего в промышленный район Калькутты. Цена на пакистанский джут после отказа Пакистана девальвировать рупию резко подскочила, и Индия решительно отказалась от его закупок. Велико было не только деловое, но и психологическое воздействие разницы в курсах валют. Многие в Индии еще рассчитывали на временность границ, поделивших страну (часть беженцев покидала родные места в надежде скоро вернуться), но после введения Пакистаном, по существу, другой валюты расчеты на воссоединение или на мягкую и постепенную реинтеграцию пришлось отложить.

Надо отметить, что решение Лиаката Али ударило в наибольшей мере и в первую очередь по индусским землевладельцам-рентополучателям в Восточной Бенгалии (*джомедарам*), а также индусам-дельцам и торговцам. Они в ускоренном режиме стали переводить свои богатства (золото и драгоценности) и капиталы (ценные бумаги и долговые обязательства) в Индию. Продавая недвижимость, они спешно перебирались туда и сами³³.

Обмен населением, усилившийся в конце 1949 г. — начале 1950 г., в наибольшей степени, если не исключительно, коснулся восточной части Пакистана, так как перемещение людей через границу западной части страны к тому времени было уже

в основном завершено. Недовольство Индии решением Пакистана, резкое усиление потоков переезжающих через границу лиц сопровождалось нарастанием межобщинной напряженности как в Восточной Бенгалии, так и в штатах Восточной Индии – в Бенгалии, Бихаре, Ассаме и др. Участились случаи расправ и грабежей на почве индусско-мусульманской вражды. Угроза повторения кровавых драм 1946–1947 гг. заставила правящие круги двух государств принять меры. Премьер Пакистана в апреле 1950 г. посетил Нью-Дели и заключил там с премьер-министром Индии договор о взаимном соблюдении прав религиозных меньшинств, так называемый пакт Неру – Лиакат Али³⁴.

Заключение «пакта» снизило напряженность, которая к лету, впрочем, вновь возросла. Он не смог также убедить всех индусов Восточной Бенгалии остаться в Пакистане. Символическим можно считать отъезд в Индию в 1950 г. упомянутого выше лидера неприкасаемых, соратника Джинны и члена пакистанского кабинета министров Мандала. Со своей стороны, и многие мусульмане-небенгалцы из прилегающих к пакистанским границам провинций, прежде всего из Бихара, стали перебираться в восточную часть Пакистана, образуя там группу мухаджиров, получивших впоследствии общее название «бихари». Некоторые крупные политические деятели Бенгалии, например, бывший ее главный министр и будущий премьер Пакистана Х.Ш. Сухраварди, также к этому времени не только покинули Индию, но и возобновили после перерыва политическую деятельность³⁵.

Шаги по политическому строительству

Размежевание не моментально коснулось и ведущих политических партий. Лишь в декабре 1947 г. на две организации, пакистанскую и индийскую, организованно разделилась Мусульманская лига. Еще позже, уже в 1948 г., произошло разделение Коммунистической партии Индии, а также сложилась триада происламских партий – *Джамаат-е ислами* (ДИ, Исламское общество) во главе с переехавшим в том году в Пакистан лидером и теоретиком фундаментализма на субконтиненте Мауланом Саедом Абул Ала Маудуди; *Джамиат-ул-улама-е-ислам* (ДУИ, Общество богословов пуританского толка, принадлежащих деобандской школе) и *Джамиат-ул-улама-е Пакистан* (ДУП, Общество пакистанских

богословов школы барелви, приверженцев традиций низового, народного ислама)³⁶.

Массовое пересечение границы в 1949–1951 гг. было последним крупным эпизодом такого рода в «бракоразводной драме», охватившей субконтинент, но индусское население продолжало покидать Восточную Бенгалию и в дальнейшем, особенно в 1955/56 и 1963/64 гг.³⁷ Согласно первой переписи населения Пакистана, проведенной в начале 1951 г., из Восточной Бенгалии уехало почти 3 млн. человек, а прибыло 700 тысяч. В провинции западной части Пакистана приехало около 6,5 млн., а покинуло 5,5 млн. человек. Таким образом, даже без учета последующих переездов общее количество переместившихся лиц достигло почти 14 млн. – абсолютный рекорд в истории «одномоментных» человеческих миграций.

Взятый в целом, тогдашний Пакистан потерял 1,2 млн. человек, но население его западных провинций выросло на 1 млн., причем за счет двух регионов – провинции Западный Панджаб (с 1950 г. – Панджаб) и федерального округа Карачи. Демографический баланс СЗПП и Белуджистана оказался отрицательным. После отъезда индусов и сикхов многие города в этих провинциях попросту обезлюдели. Изменилось и демографическое соотношение между двумя территориями, «крыльями» страны. Если брать за основу данные переписи 1941 г., то на восточное «крыло» приходилось 58 %, почти три пятых жителей³⁸. А к переписи 1951 г. преимущество восточной части сократилось до 55 %, то есть немного превысило половину. Тем не менее демографическое превосходство Восточной Бенгалии осталось и послужило одной из причин задержки с выработкой конституции.

Дело в том, что политическое ядро нового государства с самого начала составлял западный Пакистан. А всеобщие выборы грозили перенести центр тяжести государственной политики на восток. Осознание этого факта сдерживало представителей утвердившихся у власти кругов от того, чтобы последовать примеру Индии и принять демократическую конституцию с предоставлением права голоса всем гражданам независимо от каких-либо цензов, кроме возрастных.

Вместе с тем процесс выработки конституции продолжался. После принятия Резолюции о целях Учредительное собрание сформировало Комитет по определению основных принципов

конституции. Он представил свой доклад собранию, правда, лишь спустя полтора года, осенью 1950 г. Опубликованный тогда же в печати доклад вызвал резкие возражения со стороны бенгальцев, поскольку предлагал принцип равного представительства в парламенте обеих частей страны. Встретившись с оппозицией, немногочисленная когорта управляющих страной людей во главе с Лиакат Али Ханом отложила решение вопроса о конституции. Ее внимание привлекли иные проблемы – экономические и внешнеполитические, в немалой степени органично связанные между собой.

Надо отметить, что укреплению экономической и финансовой системы Пакистана способствовал такой внешний фактор, как война в Корее, начавшаяся летом 1950 г. Война, особенно на первых порах, вызвала рост мирового спроса на джут и хлопок. Пакистан сумел в достаточной мере воспользоваться этим обстоятельством: экспорт резко вырос в 1950/51 финансовом году, и это позволило добиться редкого в истории страны положительного сальдо внешней торговли, несмотря на увеличение импорта³⁹. Особенно большие выгоды он получил от экспорта джута-сырца из Восточной Бенгалии. При этом доходы в инвалюте, полученные от вывоза из этой части страны, использовались преимущественно для ввоза капитальных товаров в другое, западное «крыло», прежде всего в район Карачи. Начавшееся там промышленное строительство велось силами главным образом частного сектора, а ведущие позиции в нем заняли переехавшие в Пакистан из Индии представители крупного торгового, а также нарождавшегося промышленного капитала, главным образом гуджаратцы из мусульманских торговых общин (каст), суннитских (*меманы*) и шиитско-исмаилитских (*бохра* и *ходжа*). Усилению позиций «беженцев» способствовала практика государства по предоставлению многим из них в собственность имущества, покинутого индусскими предпринимателями⁴⁰.

Тот факт, что отдельная от индийской финансово-экономическая система стала достаточно успешно функционировать, усилил амбиции руководства страны. Лиакат Али Хан, следуя примеру Джинны, ревностно следил за действиями Индии на международной арене. Узнав, что Неру приглашен в Соединенные Штаты, он поспешил принять поступившее к нему окольным путем приглашение приехать в СССР. Под нажимом англичан и

американцев Лиакат вскоре передумал, и его визит в Москву не состоялся. Зато в мае 1950 г. он совершил вояж в США, который заложил камень в основание многодесятилетнего пакистано-американского партнерства, с самого начала «окрашенного» в военно-стратегические тона ⁴¹.

Видное место во внешней политике молодого государства с первых лет его существования занимали связи с мусульманским миром. Выраженная «устремленность вовне» отличала умонастроения значительной части деятелей, стоявших у истоков Пакистана. Из политических мыслителей наиболее ярко она проявилась у крупнейшего поэта и видного философа мусульманской Индии Мухаммада Икбала. Примечательно у него сочетание двух пластов представлений – локального и мирового. «Линию Икбала», которая выступала как известный антипод «линии Джинны», более ориентированной на индийский субконтинент, продолжил Лиакат Али Хан. Характерным представляется следующий пассаж из его речи на открытии в Карачи в феврале 1951 г. Международной мусульманской конференции (*Мотамар-е-алам-е-ислами*): «Пакистан возник в результате стремления мусульман этого субконтинента получить территорию, какой бы малой она ни была, где можно было бы следовать исламским идеологии и образу жизни, демонстрируя это миру. Кардинальная черта такой идеологии состоит в том, чтобы сделать реальностью мусульманское братство. Поэтому одна из целей, которую поставил перед собой Пакистан, – сделать все, что в его силах, для сближения между собой и сотрудничества мусульманских стран» ⁴².

Созыву четвертой по счету такой конференции, в которой участвовали представители 36 государств, предшествовало несколько лет активности пакистанской дипломатии. Примером последней нужно считать, например, зарубежное турне председателя Всепакистанской мусульманской лиги Ч. Халикуззамана осенью 1949 г. Во время посещения пяти ключевых стран Арабского Востока он пропагандировал идею «Исламистана», политико-оборонительного блока исламских государств ⁴³. Неудача его демарша не остановила руководство страны, попытавшегося, и тоже безуспешно, созвать в Пакистане совещание мусульманских стран на высшем уровне. В конце концов Карачи пришлось ограничиться организацией ряда конференций с участием представителей общественных кругов, улемов, экономистов (одна из них

упомянута выше). По мнению С.М. Бурке, к лету 1952 г. Пакистан оставил попытки «встать во главе» мусульманского мира⁴⁴.

Отказу от таких расчетов предшествовали раскрытие антиправительственного «заговора в Равалпинди» в марте 1951 г. (по процессу проходили «нетерпеливые» военные во главе с генерал-майором Акбар Ханом, коммунисты и левые интеллектуалы, в частности крупный поэт, будущий лауреат Ленинской премии Фаиз Ахмад Фаиз) и убийство премьер-министра страны в октябре того же года. Мотивы последнего преступления так и остались невыясненными. Убийца – афганец Саид Акбар – был связан с *Джамаат-е ислами* и радикально-религиозной организацией хаксаров. В то же время он оказался бывшим сотрудником английской и пакистанской разведок⁴⁵. Очевидно, что в устранении Лиакат Али Хана могли быть заинтересованы различные силы, и оно имело серьезные последствия для внутренней и внешней политики страны.

Что касается влияния убийства на режим формировавшейся авторитарной власти, то оно состояло в том, что после двух крупных политических личностей режим возглавил чуждый политической деятельности «бюрократ», специалист по финансовым вопросам Гулам Мухаммад. Ровесник Лиаката, новый лидер в колониальное время был членом Индийской службы проверки и счетов. Переехав в Пакистан из княжества Хайдерабад, он вскоре занял пост министра финансов, а после убийства Лиаката Али стал генерал-губернатором⁴⁶.

Ходжа Назимуддин, ставший генерал-губернатором после смерти Джинны, занял пост премьер-министра. Некоторое время в тандеме Г. Мухаммад – Х. Назимуддин главная роль отводилась известному восточнобенгальскому политику. Стремясь, как и его предшественник на посту премьер-министра, повысить роль и значение крупнейшей и «правительствующей» партии (Лиакат был избран председателем Мусульманской лиги за год до убийства), Назимуддин добился своего избрания на тот же пост. Однако ему не удалось спасти партию от внутреннего разброда, усиления противоречий между панджабско-мухаджирской и бенгальской группировками и падения авторитета Лиги, особенно в родной для него Восточной провинции. Кроме того, именно на период его лидерства пришлось усиление оппозиционных, отпочковавшихся от Лиги и стоявших слева от нее партий. Это прежде

всего *Авами муслим лиг*, то есть Народная мусульманская лига, превратившаяся затем просто в *Авами лиг* (Народную лигу). Главную роль в ее создании сыграл известный бенгальский политик, главный министр Бенгальской провинции в 1946–1947 гг. Х.Ш. Сухраварди. За разногласия с Джинной в период подготовки решений о разделе Индии (выступал за единую Бенгалию) он был лишен мандата депутата Учредительного собрания и после переезда в Пакистан обосновался сначала в западной его части, занимаясь адвокатской практикой. С 1950 г. вернулся в политику⁴⁷.

В феврале 1952 г. в Восточной Бенгалии произошли волнения в связи с требованиями признать бенгальский государственным языком. При разгоне манифестантов были убиты несколько человек, ставшие первыми жертвами процесса отчуждения Восточной Бенгалии от ядра страны. Хотя отказ правительства Назимуддина пойти на уступки пробенгальскому движению резко подорвал позиции Мусульманской лиги в Восточной провинции, премьер-министр продолжал считаться в столице государства лидером бенгальской группировки. Ее интересы он выражал, опираясь на приверженность тезисам Джинны о единстве пакистанской мусульманской нации и об урду как ее языке. Главный интерес бенгальской элиты сводился при этом к возможности реализовать свое право представлять в будущем парламенте наиболее многочисленную провинцию страны. Понятно, что в этом коренились ее расхождения с верхушкой из западной части страны, прежде всего Панджаба и Карачи. Последняя стремилась добиться устранения механических сопоставлений, не принимавших во внимание изначальный сдвиг пакистанской государственности в сторону западной части страны и ее более развитый тогда общественно-экономический потенциал.

Подспудные соображения серьезно затрудняли выработку основных принципов конституционного устройства. Представители Западного Пакистана настаивали, в частности, на сохранении куриальной системы при выборах парламента. Это наталкивалось на решительное несогласие бенгальцев, которые призывали отказаться от дискриминации немусульман и наследия колониальных порядков.

На передний план в работе специального комитета Учредительного собрания, состав которого был обновлен после критики предварительного варианта основных принципов осенью 1950 г.,

к тому же встал вопрос о легитимации власти в стране мусульман и ислама. Он был, казалось, решен отцом-основателем Пакистана, убежденным в пользе либеральной демократии для страны с мусульманским большинством. Однако превращение Пакистана в государство, состоявшее почти полностью из приверженцев ислама, позволило вновь к нему вернуться. Виднейшие *улемы* (знатоки ислама, богословы) Пакистана в начале 1950-х годов проводили совещания, координируя усилия и предлагая конституционные версии. Специально, чтобы учесть их мнения, было образовано бюро из улемов – *Талимаат-е исламиа*, председателя которого маулану С.С. Надви включили в состав комитета ⁴⁸.

В августе 1952 г. комитет основных принципов одобрил проект окончательного доклада, обсуждение которого в Учредительном собрании состоялось в ноябре-декабре. Несмотря на стремление учесть всевозможные пожелания, доклад в наибольшей мере отражал предпочтения западнопакистанских и происламских кругов. Так, в нем предлагалось сохранить куриальную систему, причем как на выборах двухпалатного федерального парламента, так и при избрании провинциальных законодательных собраний. При этом Восточной Бенгалии предоставлялось меньшее число мест, чем ее доля в населении, и в итоге устанавливался паритет между ней и провинциями западной части страны. Характерно также, что урду провозглашался единственным государственным языком, а глава государства (обязательно мусульманин), избираемый федеральным парламентом, наделялся широкими полномочиями ⁴⁹. Несмотря на поддержку со стороны правительства, Учредительное собрание усилиями бенгальских представителей отвергло эти предложения, что ослабило позиции Х. Назимудина как премьера и председателя Мусульманской лиги.

В условиях затянувшейся конституционной паузы эксперимент со всеобщими выборами начался с провинциального уровня, которому придавалось особое значение еще в колониальный период. Выборы в Законодательные собрания Панджаба и СЗПП, проведенные в конце 1951 г., принесли победу, хотя и не абсолютную, Мусульманской лиге. В мае 1953 г. состоялись выборы в собрание Синда, на которых большинство также получили представители Лиги ⁵⁰. Эти победы укрепили позиции западнопакистанской группировки в ее руководстве и подготовили почву для

еще большего расслоения политического спектра на западно- и восточнопакистанский.

Между тем размежеванию между сторонниками и противниками исламизации конституции и всего государственного устройства страны содействовало обострение внутриисламских, межсектантских противоречий. Главным раздражителем в тот период выступала деятельность религиозно-реформаторской организации *ахмадия*, или *кадиани*. Возникшая, как упоминалось в первой главе, в конце XIX века секта последователей Мирзы Гулама Ахмада Кадиани в политическом плане отличалась приверженностью идеологии модернизации, современного образования и сотрудничества с колониальными властями. После 1947 г. главным местом деловой и общественной активности организации стал Пакистан. Обосновавшись в Лахоре и некоторых других панджабских городах, прежде всего в Рабвахе, ахмадийцы развернули широкую прозелитскую кампанию (*таблиг*, обращение в веру). В доктринальном отношении их учение отличалось от всего спектра исламских, так как провозглашало основателя секты пророком, нарушая краеугольный принцип ислама о последнем пророчестве (*хатм набават*) пророка Мухаммеда⁵¹.

Используя последнее обстоятельство, сторонники противоположных идейно-религиозных взглядов, прежде всего последователи М.А. Маудуди и партии ахраров (*Маджлис-е ахрар*), в начале 1953 г. организовали шумную кампанию борьбы с ересью. В феврале-марте антиахмадийское движение вылилось в кровавые столкновения, погромы и убийства, охватившие прежде всего Лахор. Чтобы справиться с ситуацией, власти использовали войска и впервые в истории страны ввели военное положение, ограниченное, правда, чертой города⁵².

В правительстве Назимуддина члены секты ахмадия занимали ряд видных постов. К их числу принадлежал министр иностранных дел, опытный дипломат сэра Чаудхури Зафрулла Хан. Неудивительно, что реакция кабинета министров на ахмадийские погромы оказалась весьма острой. Руководители партии ахраров и *Джамаат-е ислами*, в том числе Маудуди, были арестованы и преданы суду. Премьер-министр провинции Западный Панджаб М.М. Даултана был обвинен в попустительстве религиозным беспорядкам и смещен. Провинциальное собрание уступило требо-

ваниям замены правительства и безропотно утвердило состав нового ⁵³.

Опробованный в провинции опыт наведения порядка силовым, административным путем был в апреле 1953 г. применен и на уровне центра. Решением генерал-губернатора Гулам Мухаммада кабинет Х. Назимуддина неожиданно отправили в отставку и, реформировав правительство заменили премьера другим бенгальцем Мухаммадом Али Богра, занимавшим до того пост посла Пакистана в США.

Смещение премьера было не только бесцеремонным, но и показательным актом для сложившегося механизма власти. Существенно, что за несколько недель до этого правительство добилось утверждения представленного им бюджета Учредительным собранием и по законам парламентской демократии получило тем самым вотум доверия ⁵⁴. О смятении в умонастроениях и правовых коллизиях статуса доминиона говорит то, что Ходжа Назимуддин пытался позвонить королеве в Лондон, чтобы обжаловать незаконные действия ее генерал-губернатора ⁵⁵. Вопрос о законности действий генерал-губернатора был обжалован в суде. Главный суд Синда принял сторону смещенного премьера, а федеральный суд (высшая судебная инстанция) оправдал действия генерал-губернатора. Главная правовая коллизия состояла в том, что же является верховным источником власти – генерал-губернатор, действующий от имени короны, или конституция, разрабатываемая Учредительным собранием ⁵⁶.

Генерал-губернатор между тем опирался на группу высших бюрократов, сплотившихся тогда вокруг него. Сам Гулам Мухаммад страдал от тяжелой и изнурительной болезни, что усугубляло его желчность и вспыльчивость. Среди приближенных к нему людей на первые роли вышли двое – бывший кадровый офицер колониальной армии, секретарь министерства обороны, отставной генерал-майор Искандер Мирза и главнокомандующий армией генерал Айюб Хан ⁵⁷.

При общем безусловном господстве бюрократических верхов, контролировавших принятие важнейших государственных решений, существенную роль выполняла и партийно-политическая система ⁵⁸. Она служила амортизатором массового недовольства, придавая настроениям протеста цивилизованные формы и тем самым расширяя базу власти. Вместе с тем Мусульманская лига,

оставаясь популярной, вряд ли и тогда, и когда-либо ранее была в действительности правящей силой. Этому препятствовали отсутствие конституционного устройства парламентского типа и традиции встроенного изначально в механизм власти персоналистского и персоналистско-бюрократического авторитаризма.

Впрочем, и популярной Мусульманская лига к тому времени оставалась лишь в западных провинциях страны. Успех на выборах в Учредительное собрание Синда в мае 1953 г. был последней электоральной удачей партии перед полосой затяжного кризиса и забвения. Особенно тяжелое поражение Лига потерпела на выборах в Учредительное собрание Восточной Бенгалии в марте 1954 г. Этому предшествовало изменение как внутривнутриполитической, так и экономической ситуации в стране.

Как выше отмечалось, Корейская война 1950–1953 гг., особенно в первый год активных боевых действий, наполненный слухами о новой мировой войне и необходимости делать стратегические запасы, способствовала росту экспорта пакистанских товаров, а благодаря «спурту» цен – еще большему увеличению экспортных поступлений. Повышенный спрос на стратегическое сырье (джут и хлопок) и благоприятное соотношение экспортных и импортных цен было недолговременным. С 1952/53 гг. вывоз сырьевых товаров из Пакистана сократился, уменьшились поступления инвалюты в казну. Государству пришлось сокращать импорт, что вызвало нехватку товаров на внутреннем рынке и усиление спекулятивных тенденций. Установленный в 1949 г. более высокий, чем в Индии и других странах стерлинговой зоны, курс рупии по отношению к доллару США был отменен только в 1955 г., и лишь после этого спад во внешней торговле сменился подъемом, которому также помогал и возросший спрос на мировых рынках⁵⁹.

Рецессию во внешней торговле в 1952–1954 гг. усугубили последствия природных бедствий – наводнений как в западной, так и в восточной части страны. Особенно бедственным было положение в Восточной Бенгалии. Голод и нищета широких масс, неудовлетворенность материальным положением средних слоев сочетались с разочарованием в том положении, которое активная часть местного общества (очень молодого по демографической структуре) занимала в политической жизни страны.

Хотя правительство с 1951 г. возглавляли бенгальцы, это было лишь фасадной стороной власти. К тому же премьер Назимуддин был лидером той группы восточнобенгальских политиков, которые ассоциировали себя прежде всего с высокой исламской культурой, языком урду как ее стержневым элементом и теорией двух и только двух наций на индийском субконтиненте. Что касается второго премьера-бенгальца, Мухаммеда Али из городка Богра, расположенного недалеко от границы с Индией, то он не был политиком и не имел широких контактов в политической среде. Между тем одни популистские лидеры Мусульманской лиги, обеспечившие ей беспрецедентный успех на выборах 1945–1946 г., такие как Абул Хашим, отошли от дел, а другие, как Х.Ш. Сухраварди и А.К. Фазлул Хак, переехав в Пакистан, держали паузу в ожидании своего часа. Первый из них в 1950 г. стал одним из лидеров *Авами лиг*, а второй в 1953 г. основал на базе своей прежней *Кришак пражса парти* (Крестьянско-национальной) новую с популистским названием *Кришак-шрамик* (Крестьянско-рабочая) ⁶⁰.

В свете сказанного о настроениях в Восточной провинции неудивительно, что на выборах в ее Законодательное собрание победила оппозиция в лице Объединенного фронта, широкой предвыборной коалиции, где главную силу составили партии Сухраварди и Фазлул Хака. Лига получила лишь 10 мест из 309 и уступила право формировать провинциальное правительство Фронту, обладавшему подавляющим большинством депутатов. Главой правительства стал А.К. Фазлул Хак, занимавший еще в конце 1930-х – начале 1940-х годов пост главного министра Бенгальской провинции.

Приведение к присяге в Восточной Бенгалии правительства Объединенного фронта весьма беспокоило реальных держателей власти в стране. Понимая это, новое провинциальное руководство изъявило готовность установить самое тесное сотрудничество с федеральным кабинетом. В апреле 1954 г., идя на взаимные уступки, Учредительное собрание Пакистана согласилось, наконец, провозгласить бенгальский государственным языком, наравне с урду (одновременно было также решено сохранить на 20 лет английский язык в качестве официального) ⁶¹.

Однако этот успех М. Али Богра, который, в отличие от предшественника, выступал за повышение статуса бенгальского языка

и как глава правительства и председатель Всепакистанской мусульманской лиги содействовал нахождению компромисса, был последним. Охватившие Восточную Бенгалию в мае массовые манифестации под левыми (коммунистическими) и антиамериканскими лозунгами (протест вызывали сообщения о пакистано-американском военном пакте) и вспыхнувшие уличные беспорядки представили случай расправиться с демократически избранной провинциальной властью⁶².

Не прошло и двух месяцев после выборов, как генерал-губернатор, действуя на сей раз «по совету» премьер-министра, распустил Законодательное собрание провинции, сместил правительство и ввел в провинции губернаторское правление. Новым губернатором он назначил Искандера Мирзу, одного из вышеупомянутых бюрократов – вершителей судеб, будущего президента страны⁶³.

Новые власти прибегли к силе для наведения порядка. Около тысячи активистов различных политических организаций были арестованы. Фазлул Хака и некоторых членов его кабинета посадили под домашний арест. Репрессии проводились под флагом борьбы с коммунизмом (деятельность Компартии была запрещена сначала в Восточной Бенгалии, а затем и во всем Пакистане, причем запрет был снят только в 1972 г.), но их не менее реально питали опасения относительно целостности страны.

События начала 1954 г. можно считать в определенной мере поворотными. Авторитарная власть впервые столь открыто продемонстрировала свою решительность в борьбе как против «кабинетных», парламентских противников, так и против «уличных», действующих за стенами выборных органов.

Смелости властям придало укрепление их внешнеполитических позиций. Они сделали ставку на союз с США и получили согласие американцев. В мае 1954 г. между двумя государствами был заключен Договор о взаимной обороне. В соответствии с ним Пакистан обязался поддерживать усилия США, направленные на сохранение «мира в мире» и усиление оборонной мощи «свободного мира». В ответ он получал заверения в предоставлении Соединенными Штатами военной и экономической помощи. В документе обговаривались некоторые конкретные вопросы и механизм осуществления сотрудничества двух государств в военной сфере⁶⁴.

Связав себя в международно-стратегическом и идеологическом плане с США, а также Англией (последняя выступала в тот период в качестве младшего, но, по традиции, еще достаточно самостоятельного партнера американцев), Пакистан в сентябре 1954 г. объявил о намерении присоединиться к созданному ими в Юго-Восточной Азии блоку СЕАТО (Southeast Asia Treaty Organization; среди его членов только две страны – Таиланд и Филиппины, строго говоря, принадлежали региону). Ровно через год Карачи присоединился к Пакту о взаимной обороне, заключенному между правительствами Ирака и Турции в феврале 1955 г. (Багдадский пакт); в апреле к нему присоединилась Англия, а следом за Пакистаном Иран. США предпочли поддерживать его, не связывая себя формальными обязательствами, стараясь не раздражать Египет, соперничавший с Ираком за влияние в арабском мире ⁶⁵.

Образование Западного и Восточного Пакистана. Принятие Конституции

Укрепив себя поддержкой извне и в то же время сузив внешнеполитический спектр, режим во внутренней политике усилил действия в авторитарном ключе. Генерал-губернатор Гулам Мухаммад, опираясь на единство мнений узкого круга советников и даже принципиальное одобрение Вашингтона, в октябре 1954 г. без каких-либо формальных оснований, но в ответ на превентивные, направленные на ущемление его прерогатив действия Учредительного собрания распустил последнее, одновременно объявив о введении в стране чрезвычайного положения ⁶⁶. Отправив в отставку кабинет министров, генерал-губернатор назначил непартийное «правительство талантов». Премьер Богра сохранил свой пост в обмен на согласие с роспуском собрания.

Переворот 1954 г. был, надо полагать, первым в ряду режимно-институциональных сдвигов в государстве. Поражение потерпела часть старой политической гвардии, лидеры Всепакистанской мусульманской лиги, представлявшие главным образом интересы бенгальской элиты, а также верхов Синда, Карачи и княжеств западной части страны (Хайрпура, Бахавалпура, Калата и др.) ⁶⁷. Победу праздновала группировка политиков и бюрократов из западной части страны, в которой сократился удельный

вес мухаджиров. Среди них все большую поддержку находила идея объединения провинций западной части страны в одну, с целью уравнивать права и позиции двух «крыльев» Пакистана.

Главной жертвой переворота стала сложившаяся к тому времени партийно-политическая система во главе с Мусульманской лигой. Политики из этой партии, ранее претендовавшие на власть, уповая на демократические принципы, самостоятельность законодательных и судебных органов, были в значительной мере оттеснены от нее ⁶⁸.

Летом 1955 г. было сформировано новое Учредительное собрание тем же косвенным путем, голосами членов провинциальных собраний. Незадолго до выборов губернаторское правление в Восточной Бенгалии было отменено, и выборы членов центральной легислатуры производились голосами новой провинциальной, где большинство уже не принадлежало Мусульманской лиге. Представительство Лиги значительно сократилось и среди той части избранных членов собрания, которые делегировали провинциальные ассамблеи Панджаба, Синда и СЗПП, а также коллегии выборщиков из Белуджистана и Карачи.

Вышеотмеченное ослабление позиций противников объединения западной части страны (некоторые из них предлагали создание вместо четырех шести провинций) позволило правительству приступить к выполнению плана территориально-административной консолидации. Еще в ноябре 1954 г. премьер-министр объявил о намерении объединить провинции запада Пакистана, а в марте 1955 г. был обнародован указ генерал-губернатора о создании единой провинции. Судебные органы, однако, отказались признать законность действий генерал-губернатора и заставили вынести вопрос на рассмотрение законодателей ⁶⁹.

В начавшем свою работу в июле 1955 г. новом Учредительном собрании удалось создать коалицию, поддерживавшую правительство во главе с председателем Мусульманской лиги М.А. Бобра. Это означало, по существу, и одобрение планов по образованию провинции Западный Пакистан. 14 октября 1955 г. первый главный министр провинции со столицей в Лахоре был приведен к присяге. В состав провинции вошли все земли западной части страны, за исключением небольших княжеств полосы горных пуштунских племен ⁷⁰. Тогда же Восточная Бенгалия получила новое название – Восточный Пакистан, что как бы

символизировало и предполагало равенство двух провинций в правах и обязанностях. Окончательно название было закреплено в тексте будущей конституции.

Создание Западного Пакистана вызвало кризис в отношениях с Афганистаном. Там возражали против ликвидации Северо-Западной пограничной провинции и закрытия тем самым «пуштунского вопроса». В апреле 1955 г. в Кабуле и некоторых других городах Афганистана прошли поощряемые властями демонстрации протеста, здания посольства и консульств Пакистана подверглись нападению и разграблению. Обострилась ситуация на границе между двумя государствами в полосе проживания «свободных» племен. Афганистан в мае объявил о введении чрезвычайного положения и мобилизации в армию. Дипломатические отношения были прерваны, и два соседних мусульманских государства оказались на грани войны ⁷¹.

Столкновения, впрочем, удалось избежать, так как в нем не была заинтересована ни одна из сторон. В посреднических усилиях участвовали представители короля Саудовской Аравии и президента Египта. Они всячески подчеркивали факт «братского» участия мусульманских стран, но не меньшее значение имела и общая геополитическая обстановка – стремление Вашингтона не допустить чрезмерного дрейфа Кабула в сторону Москвы остужала пыл пакистанских правителей, заставляя их «сносить оскорбления» и не прибегать к жестким мерам экономической блокады (внешняя торговля Афганистана осуществлялась в основном через Пакистан).

К осени 1955 г. обстановка разрядилась и отношения между двумя странами нормализовались. Определенной уступкой пуштунам как Пакистана, так и Афганистана было назначение на пост главного министра объединенной провинции одного из ведущих пуштунских политиков Хана Сахиба. Он был старшим братом Абдул Гаффар Хана и возглавлял правительство СЗПП в колониальное время как лидер провинциальной организации Индийского национального конгресса ⁷². Этим назначением, по-видимому, закреплялось создание альянса между основными группами – панджабской и пуштунской, особенно панджабизированной, элиты и ослабление позиций мухаджиров в правящем блоке. В то же время убийство Хана Сахиба в мае 1958 г. (мотивы остались нераскрытыми) свидетельствует, вероятно, о трудностях смены

партнеров и союзников в ходе формирования общепакистанских верхов.

В августе 1955 г. страдавший от тяжелой болезни Г. Мухаммад подал в отставку и его место занял Искандер Мирза, а пост премьер-министра от Мухаммада Али Богра перешел к Чаудхри Мухаммаду Али, министру финансов в прежнем кабинете, опытному чиновнику родом из Панджаба, сыгравшему видную роль в период раздела и становления пакистанской администрации (был генеральным секретарем первого кабинета министров)⁷³.

По установившейся традиции, парламентарии от Мусульманской лиги дружно избрали его лидером парламентской фракции, однако из 80 членов нового собрания они составляли лишь примерно четвертую часть (25 депутатов). Для получения вотума доверия в собрании Лига еще в июле 1955 г. заключила союз с *Авами лиг* (Народной лигой), имевшей наиболее сильные позиции в Восточном Пакистане. Однако альянс оказался непрочным, и Лига после длительных переговоров и торга относительно числа министерских портфелей заключила иной парламентский союз с Объединенным фронтом, в еще большей степени представлявшим Восточную провинцию (после раскола фронта и выхода *Авами лиг* ведущую роль в нем стала играть партия Фазлул Хака *Кришок ирамик*).

Временная стабилизация ситуации позволила перейти к решению вопроса о конституции. В январе 1956 г. Чаудхри Али представил ее проект на суд Учредительного собрания. Проект был выработан комитетом, сформированным коалицией партий, располагавших большинством мест в собрании – Лигой и Объединенным фронтом. Хотя он встретил резкую критику со стороны влиятельных политических сил как в Восточном, так и в Западном Пакистане, удалось добиться одобрения проекта большинством членов собрания («за» проголосовали 52 депутата из 80). Сыграл свою роль, очевидно, фактор времени – слишком много его было потрачено на выработку основного закона страны.

Принятый Учредительным собранием проект конституции был 2 марта утвержден генерал-губернатором, а 23 марта новая конституция вступила в действие. Из доминиона в рамках Содружества Пакистан превратился в Исламскую Республику (решение о таком названии было принято еще первым Учредительным собранием осенью 1953 г.)⁷⁴. Ее главой объявлялся прези-

дент, избираемый членами Национального и провинциальных законодательных собраний сроком на пять лет. Президент наделялся значительными полномочиями, хотя исполнительная власть осуществлялась федеральным правительством (кабинетом министров) от его имени. Он мог назначать и смещать премьер-министра и членов кабинета, а также главного судью и ряд других высших должностных лиц, являлся верховным главнокомандующим. Вместе с тем по конституции президент обязан был действовать «согласно советам» премьер-министра, которым могло быть назначено лицо, пользовавшееся доверием большинства членов Национального собрания. Последнее имело только одну палату, при этом ее депутаты в равном количестве (150 и 150) избирались жителями Западного и Восточного Пакистана. Срок полномочий парламента устанавливался в те же пять лет ⁷⁵.

Принятая в Пакистане система может быть охарактеризована как формально парламентская, сходная с британской, вестминстерской моделью, но не во всем ее повторявшая. Наиболее существенное отличие состояло в значительных полномочиях президента, который по своим функциям и прерогативам скорее напоминал вице-короля Британской Индии, чем английского монарха ⁷⁶. Были и другие общие черты между первой конституцией Пакистана и законами об управлении колониального времени, из которых она, по сути, выросла и которые заменила. Но характерно, что при сохранившейся федеративности парламент не имел верхней палаты, а федеральное устройство базировалось в основном на географическом, а не регионально-лингвистическом (этно-национальном) принципе.

Важнейшей особенностью конституции была ее исламская окраска. Преамбулой к ней служила Резолюция о целях, включавшая религиозную формулу легитимации власти, а часть III (Руководящие принципы политики государства) содержала положения, обязывающие государство содействовать укреплению основ ислама и запрещающие принятие любого закона, противоречащего его «заповедям». Президентом по конституции мог быть только мусульманин. Все это позволило Ю.В. Ганковскому и В.Н. Москаленко в свое время заключить, что, несмотря на сохранение светской по типу политической системы, ислам фактически превращался в ней в государственную религию ⁷⁷.

Демократический характер государства, согласно конституции 1956 г., обеспечивался предоставлением всем гражданам различного рода свобод и прав, в том числе свободы вероисповедания и управлениями религиозными учреждениями, запретом на дискриминацию «меньшинств» и мерами по их охране. Среди последних следует отметить резервирование за женщинами 10 мест в Национальном собрании, заботу об экономическом и культурном развитии населения «полосы племен» и зарегистрированных (то есть неприкасаемых) каст среди индусов.

Активное избирательное право предоставлялось всем лицам обоюго пола старше 21 года, а вопрос о системе выборов – по религиозным куриям или без них – был оставлен первоначально на усмотрение провинциальных законодательных собраний. Нерешенность последнего вопроса свидетельствовала о конъюнктурности достигнутого компромисса и фактическом отсутствии у депутатов желания в скором времени проводить всеобщие выборы. Бюрократия тем более не доверяла выборным институтам, опасаясь политических кризисов, к которым уже приводило волеизъявление народа. Неудивительно, что Учредительное собрание, превратившись, по сути, в законодательное, ограничилось избранием генерал-губернатора Искандера Мирзы на пост президента и занялось решением текущих проблем.

Между тем к середине 1950-х годов завершился первый этап экономико-социального развития страны. Это был период становления институтов экономической политики нового государства, а также общественных и хозяйственных преобразований в связи с шоком, вызванным разделом и становлением новых национальных границ. При этом многие перемены происходили как бы в автономном режиме, не требуя воздействия государства. Главными из них можно считать замену одного торгово-буржуазного слоя, индусского, отчасти сикхского, другим – мусульманским. В восточной части новой страны этот процесс шел постепенно и не был вполне завершен за первый период. Там оставались целые группы индусов и их капиталы. В январе 1951 г. индусы составляли еще более четверти населения, и даже без учета неприкасаемых – 10 %. В то же время в западной части страны процесс шел быстро и замещение было, по существу, полным (немусульмане составляли менее 3 %) ⁷⁸.

Как выше отмечалось, города Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана покинули сотни тысяч жителей, и их место долгое время никто не занимал. В Западном Панджабе на смену индусам и сикхам пришли панджабцы-мусульмане. При этом замена произошла не только в городе, но и в деревне, ибо в сельской местности, в основном на новоорошенных землях (в земледельческих «колониях-на-каналах»), было много помещиков из числа офицеров-сикхов, получивших землю в качестве награды за службу в колониальных войсках ⁷⁹.

Наиболее существенные перемены произошли в городах Синда, прежде всего в Карачи и втором по величине городе области Хайдерабаде. Индусские торговцы и ростовщики (*банья*), а также чиновники (*амал*) уступили место мухаджирам. При этом ростовщическая ниша индусов официально и открыто не могла быть заполнена мусульманами ввиду религиозного запрета на взимание ростовщического процента (*риба*). Что касается торговли, то ислам поощряет занятия ею, и еще в средние века главным образом в Гуджарате практиковался переход ряда индусских торговых каст в ислам, причем зачастую неортодоксальный, шиитский, что позволяло сохранять обособленность. Проникновение торговцев из гуджаратских торговых общин (бохра, меманов, ходжа) в пограничную область Синд происходило на протяжении веков (примером может служить семья М.А. Джинны из мусульманской торговой касты ходжа, переехавшая в Карачи в 1860-х годах), но в 1947–1948 гг. оно приобрело массовый характер (только ходжа-исмаилитов, последователей имама Ага Хана IV, перебралось около 60 тыс. человек) ⁸⁰.

Гуджаратцы из таких семейных кланов, как Адамджи, Бавани, Валибхай, Дада, Дауды, Хабибы, Харуны и др., после раздела Индии заняли доминирующие позиции в бизнесе Карачи и всего Пакистана. К ним присоединились торгово-деловые семейства индусского происхождения, выходцы из Дели и Соединенных провинций, а также панджабцы, особенно из общины чиниотских шейхов, и немусульмане-парсы, владевшие и в колониальные времена активами как в Бомбее, так и в Карачи ⁸¹.

В начале 1950-х годов в этот процесс активно вмешалось государство. Вставший во главе Пакистанской корпорации промышленного развития сильный администратор Гулам Фарук (родом из СЗПП) проводил политику поощрения бизнесменов из числа

местных дельцов и аристократов-землевладельцев⁸². Это несколько разбавило «инонациональный» состав верхушки делового мира, хотя и не лишило ее налета «чужеродности».

В разгар «корейского бума» (роста цен на вывозимое из Пакистана сельскохозяйственное сырье) верхний слой торговцев, банкиров и предпринимателей получил возможность ввозить импортное промышленное оборудование без ограничений со стороны государства. В Карачи и ряде других мест, главным образом западной части страны, благодаря этому стали появляться первые новые фабрики и заводы (Пакистан унаследовал лишь 34 достаточно крупных фабрично-заводских предприятия из 921 в Индии на 1946 г., то есть менее 4 %) ⁸³.

Рост крупной, прежде всего текстильной, промышленности в первые годы после раздела (1949–1954 гг.) был стремительным (более чем на 20–30 % в год), особенно в западной части, где увеличивалось производство хлопчатобумажной пряжи и тканей (в Восточной провинции с нуля создавалась джутовая промышленность). Вклад фабрично-заводского сектора обрабатывающей промышленности в валовый внутренний продукт страны за первые 10 лет возрос с 1 до 6 % ⁸⁴.

Начиная с 1952 г. в связи с дефицитом валюты государство ввело меры по регулированию импорта. При этом правительство объявило о политике поощрения ввоза производственных товаров фирмами, уже утвердившимися на рынке в предшествующий период. Привилегированное положение немногих торгово-предпринимательских домов, сложившееся первоначально стихийно, было в результате закреплено государством, приведя к смыканию интересов «признанных» промышленников, с одной стороны, и бюрократов из финансово-экономических ведомств – с другой.

Участие пакистанского государства в планах экономического развития страны ведет свое начало с 1950 г. В том году был принят 6-летний план, кредиты на реализацию которого поступали в соответствии с «планом Коломбо». Последний был принят по инициативе лейбористского правительства Великобритании и предназначался для решения насущных проблем бывших английских колоний. Ассигнования плана развития Пакистана составляли всего 2,6 млрд. рупий (около 800 млн. долл. США по тогдашнему курсу). В 1953 г. после присоединения к плану Соединенных Штатов и ряда других стран общая сумма капиталовложений

по плану увеличилась до 5,6 млрд. рупий (то есть почти до 2 млрд. долл., или примерно 300 млн. долл. в год). Основная часть инвестиций (72 %) приходилась на государственный сектор, который вкладывал средства главным образом в сельское хозяйство (ирригацию, где крупнейшим был проект орошения пустыни Тхал), а также в транспорт и коммуникации⁸⁵.

Частный сектор, согласно плану, развивал промышленность и другие «прибыльные» сферы, но ему в этом активно помогало государство. Ведущую роль при этом заняла упомянутая Пакистанская корпорация промышленного развития. Несмотря на небольшой первоначальный капитал, Корпорация превратилась в достаточно эффективный инструмент привлечения частных капиталов в промышленное строительство через совместные проекты и самостоятельное их осуществление по государственной линии. При этом, построив предприятие, Корпорация нередко уступала его по низкой цене частнику. Как отмечали в 1958 г. В.Г. Растяников и С.А. Кузьмин, она, по сути, превратилась «в строительно-подрядную организацию», действовавшую в интересах частного национального капитала⁸⁶. С точки зрения распространенных тогда в отечественной науке представлений о противоположности и разнонаправленности интересов государственного и крупного частного капитала, эта характеристика вполне оправдана. Однако сегодня этот факт привлекает к себе внимание прежде всего по той причине, что деятельность Корпорации, как и других институтов финансирования промышленного роста (ряда специализированных банков и кредитно-финансовых учреждений), способствовала формированию узкого слоя богатых предпринимателей, своего рода олигархов (монополистов) крупного бизнеса.

Экономическая политика молодого и в хозяйственном отношении на первых порах крайне слабого государства была, естественно, тесно связана с внешнеполитическим курсом. Чтобы выжить и развиваться, нужно было иметь кредитно-финансовые источники, которые трудно было найти внутри страны. Долго пользоваться удачно складывавшейся внешней конъюнктурой Пакистану не пришлось, и в 1952–1953 гг. его правящим кругам пришлось еще раз задуматься над выходом из положения.

К тому времени Индия, главный соперник и конкурент, сумела решить многие основные проблемы переходного периода.

Забылась травма от убийства М. Ганди, произошла консолидация нации за счет инкорпорации в нее бывших «туземных» княжеств, снизилась острота ситуации в отдельных районах (в Теленгане, например), где развернули было «классовую борьбу» левые коммунистические силы. В 1950 г. в Индии была принята конституция суверенной республики и вместе с тем она осталась членом Содружества наций, возглавляемого британской короной. Индию активно «обхаживали» Соединенные Штаты, особенно после того, как они осенью 1949 г. из-за победы коммунистов «потеряли» Китай.

Несмотря на видимую поддержку в ООН требований Пакистана решить проблему бывшего княжества Джамму и Кашмир путем проведения там референдума, никаких реальных перспектив она не давала. Сменяли друг друга главы Комиссии ООН по Индии и Пакистану и уполномоченные по организации плебисцита, но все это не давало результата. Обнародованный в 1950 г. план известного судьи из Австралии О. Диксона о проведении серии плебисцитов в отдельных частях бывшего княжества были отвергнуты обеими сторонами, хотя для Пакистана он давал вроде какой-то шанс – кто знает, как бы проголосовало мусульманское большинство жителей «жемчужины» княжества долины Кашмира?

Между тем в Индии зимой 1951–1952 г. успешно прошли выборы в центральный парламент и законодательные собрания штатов. Выборы состоялись и в новом штате Джамму и Кашмир, образованном из тех районов княжества, которые находились под контролем Индии. На них победила Национальная конференция во главе с Шейхом Абдуллой. Летом 1952 г. возглавляемая им делегация заключила с правительством Дж. Неру так называемое Делийское соглашение, по которому штату предоставлялся особый статус. Символически это выражалось в том, что штат получил право на особый флаг, его губернатор – титул президента (*садар-и риясат*). В законодательной сфере «остаточные», то есть не разделенные с центром полномочия, вопреки положению с другими штатами, остались у Сринагара, и только с согласия законодателей штата там могло вводиться прямое правление из центра. Вместе с тем Соглашением закреплялось вхождение Джамму и Кашмира в состав Индии⁸⁷.

В Пакистане, разумеется, досадовали на успехи соперника, но не могли не учитывать свои ограниченные возможности. Впрочем, заложенное еще Джинной и отраженное в его концепции двух, как бы равноположенных и равных друг другу наций (индусов и мусульман) оказывало воздействие на мироощущение лидеров Пакистана. Они настойчиво искали возможностей для контригры и сделали выбор в пользу Запада. Он казался естественным по ряду причин – это и консервативный настрой элиты, которой была чужда социалистическая, «безбожная» идеология страны Советов и ее радикальные призывы к низам общества, и понимание того, что перед лицом более сильной Индии нужно заручиться поддержкой самого могущественного покровителя и не раздражать его чрезмерно собственными расчетами и амбициями.

Впрочем, некоторыми представителями пакистанских верхов предпринимались попытки нащупать путь к примирению с Индией. Не следует забывать, что связи между двумя странами еще не были ни политически, ни эмоционально полностью нарушены. Премьер-бенгалец М.А. Богра испытывал, как утверждают, искреннее уважение к Дж. Неру и наряду с ориентацией на США стремился поддерживать антиколониальные инициативы и настроения Нью-Дели. Совершив визит в Индию в конце августа 1953 г., он договорился с Неру о плане проведения плебисцита в Кашмире без участия великих держав при посредничестве малых нейтральных стран⁸⁸. Индия, как полагают некоторые авторы, пошла на эти договоренности, чтобы отвлечь внимание от кризиса, произошедшего в Кашмире за несколько дней до того – премьер-министр штата Шейх Абдулла 8 августа был обвинен в сепаратизме, арестован и впоследствии осужден на длительный срок тюремного заключения⁸⁹. К концу 1953 г. стало ясно, что план плебисцита не срабатывает. В Пакистан в декабре приехал молодой вице-президент США Р. Никсон, сигнализируя о сделанном Вашингтоном выборе регионального партнера, и к февралю следующего года расхождение между Пакистаном и Индией стало явным. В начале 1954 г. Законодательное собрание Джамму и Кашмира ратифицировало соглашение о присоединении штата. Отныне Дели считал вопрос о его принадлежности окончательно решенным, а тему плебисцита закрытой. Пакистан, уповая на поддержку Запада, настаивал на нем. Позиции сторон по этому

поводу разошлись, что не мешало им, однако, участвовать в некоторых совместных акциях на международной арене.

Главной из них стала подготовка к созыву конференции стран Азии и Африки. После неудачи, которую пакистанская дипломатия потерпела в попытках сплотить вокруг себя мусульманские страны, она переключилась на действия в поддержку антиколониальных движений, пытаясь отчасти сотрудничать, а отчасти конкурировать на этом поле с Индией. Надо отметить, что Пакистан был среди участников конференции, организованной правительством Индии в январе 1949 г. в поддержку требований об освобождении Индонезии, а затем входил в группу афро-азиатских государств, неформально образованную в ООН опять же по индийской инициативе. С антиколониалистских и антирасистских позиций он выступал и в дальнейшем, используя для этого такие форумы, как ежегодные совещания на высшем уровне стран Содружества.

После прихода к власти в Англии в 1952 г. консервативного правительства У. Черчилля Содружество стало в меньшей степени удовлетворять потребностям недавних колоний, и это заставило их искать пути усиления своего голоса в международных делах. В процессе консультаций сложился преследующий эти цели «концерт» из пяти государств Азии – Индии, Индонезии, Пакистана, Цейлона и Бирмы. Министры иностранных дел этих стран собрались в декабре 1954 г. в индонезийском городе Богора, где приняли решение созвать конференцию стран Азии и Африки.

Местом проведения первой такого рода конференции стал другой индонезийский город Бандунг. В ней в апреле 1955 г. приняли участие 29 стран, представленные в основном главами правительств и государств. От тогда еще почти сплошь колониальной Африки были представители всего трех государств, среди которых выделялся Египет, делавший при новом президенте Г.А. Насере уверенные шаги к укреплению своего международного положения. Помимо хозяина конференции, Индонезии с ее ярким лидером президентом Сукарно, всеобщее внимание в Бандунге привлекли индийский премьер-министр Дж. Неру и председатель правительства КНР Чжоу Эньлай. Участие Китая, казалось, в полной мере вписывалось в контекст происходившего тогда потепления в индийско-китайских отношениях. Однако между ними шло негласное соперничество за влияние в азиатско-

африканском мире. К тому же существенно расходились их точки зрения на глобальные идеологические проблемы. Коммунистический Китай остро конфликтовал с капиталистическим Западом и состоял в военно-политическом союзе с СССР, в то время как Индия, не присоединяясь к западным блокам, принадлежала миру капитализма, пусть и занимая в нем особое место.

Пакистан сыграл на конференции свою роль одного из ее организаторов, а также критика концепции неприсоединения, пропагандировавшейся Индией. Последняя предложила взять за основу движения, о фактическом создании которого возвещала Бандунгская конференция, пять принципов мирного существования (*панча шила*), изложенные в преамбуле индийско-китайского договора 1954 г. Пакистан и ряд других стран предложили дополнить эти принципы еще пятью, среди которых было право на индивидуальную и коллективную оборону. Оно фактически санкционировало возможность участия в военно-политических союзах и вполне устраивало, с одной стороны, Китай, а с другой – государства, вошедшие в образовавшийся Западом в Юго-Восточной Азии блок СЕАТО и формировавшегося Багдадского пакта. Одобрение на конференции не пяти, а десяти принципов мирного существования было обидной неудачей индийской дипломатии⁹⁰. Но в Дели ее предпочли не заметить, и впоследствии настаивали на том, чтобы начинать отсчет движения неприсоединения не с Белградской конференции 1961 г., а с Бандунга. В немалой степени отражая эту точку зрения, современные отечественные авторы дают ему такую характеристику: «Бандунгская конференция положила начало движению солидарности стран Азии и Африки. Но в более широком смысле ее значение состояло в том, что с нее фактически стала оформляться тенденция к *неприсоединению*»⁹¹. Между тем, по нашему мнению, движение солидарности имело собственную логику, а также продолжение в виде состоявшихся в 1957–1960 гг. различных азиатско-африканских конференций. Следует напомнить и о серьезной, хотя и безуспешной попытке создать вторую конференцию стран Азии и Африки в Алжире в 1965 г.⁹² Вместе с тем в полной мере удалась посвященная полувековому юбилею Бандунга конференция, проведенная в Джакарте в апреле 2005 г. В ней приняли участие представители 106 стран Азии и Африки, в том числе главы правительств Китая и Индии, президент Пакистана и др.⁹³

Возвращаясь к Бандунгу, нужно заметить, что Пакистан, должно быть, остался вполне им доволен. Там состоялась встреча между Чжоу Эньлаем и М.А. Богра, в ходе которой пакистанская сторона постаралась довести до сведения китайской, что ее участие в «империалистических» блоках не угрожает КНР, а объясняется лишь обеспокоенностью за свою безопасность, наличием споров с более сильным соседом по региону. Объяснения эти были с готовностью приняты Китаем, который, вероятно, почувствовал возникновение в будущем острых погранично-территориальных проблем с Индией и был заинтересован в том, чтобы не портить отношения «с соседом своего соседа».

Военно-экономическая помощь США стала реально поступать с 1954 г. и сразу приобрела внушительные размеры. По данным современного пакистанского ученого П.И. Чима, реальная военная помощь США за 1954–1959 гг. составила 348 млн. долл. США, а экономическая – 620 млн.⁹⁴ По другим подсчетам, американская экономическая помощь уже к сентябрю 1956 г. составила 465 млн. долл. (около 70 % от всей им полученной с 1947 г.)⁹⁵. С 1955–1956 гг. в Пакистане развернулось строительство новых, расширение и переоборудование имевшихся стратегических дорог, военных баз и аэродромов главным образом в районах, расположенных на подступах к южным границам СССР. Резкая активизация военного сотрудничества имела два измерения – американо-советского и пакистано-индийского противостояния.

В середине 1950-х годов военный и военно-технический потенциал Пакистана оказался вполне сопоставим с индийским. Под ружьем Индия держала, согласно различным оценкам, от 300 до 500 тыс. человек, а Пакистан от 200 до 400 тыс., несколько больше у индийцев было военно-морских судов и боевых самолетов⁹⁶. По танкам в 1956 г. Пакистан сравнился с Индией (по 900), хотя еще в 1950 г. отставал от нее в 4 раза (130 против 600)⁹⁷.

После некоторой паузы отношения Пакистана с Индией по поводу Кашмира в 1956 и 1957 гг. вновь обострились. Получив существенную международную поддержку своей позиции по Кашмиру со стороны СССР (в ходе визита Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в ноябре-декабре 1955 г.), Индия весной 1956 г. объявила, что считает вопрос о нем закрытым. Вслед за тем Дели публично предложил решить кашмирский вопрос путем призна-

ния линии прекращения огня от 1 января 1949 г. в качестве государственной границы между Индией и Пакистаном⁹⁸.

Пакистан, не соглашаясь с этим предложением, несколько раз выносил вопрос о Кашмире на рассмотрение Совета Безопасности ООН, пользуясь поддержкой США и Англии, которые одновременно безуспешно пытались воздействовать на Индию. В начале и конце 1957 г. только вето СССР позволило избежать принятия Советом Безопасности ООН неблагоприятной для нее резолюции⁹⁹.

Ситуация в штате Джамму и Кашмир между тем вновь обострилась. Несмотря на введение в действие в начале 1957 г. конституции штата, закреплявшей его вхождение в Индийский Союз, там имелись политические силы, выступающие за плебисцит. В 1958 г. индийские власти освободили из-под ареста Ш. Абдуллу, но через несколько месяцев были вынуждены вновь взять его под стражу¹⁰⁰.

Используя «дух Женевы» (совещания в верхах в мае 1955 г.), атмосферу первой разрядки напряженности в отношениях между СССР и Западом, путь к которой проложила смерть Сталина, Пакистан искал путей улучшения отношений с лидером мирового социализма, который становился все более активным игроком в Азии и на Ближнем Востоке. Карачи надеялся при этом снизить уровень поддержки, которую Москва оказывала двум его соседям-недоброжелателям – Индии и Афганистану. Короткая удача сопутствовала Пакистану в марте 1956 г., когда туда прибыла для участия в торжествах по случаю провозглашения конституции советская делегация во главе с первым заместителем главы правительства А.И. Микояном. Летом того же года две страны подписали первое торговое соглашение, что благоприятно сказалось на товарообороте – по сравнению с 1955 г. он к 1958 г. вырос в 13 раз, однако удельный вес СССР во внешней торговле Пакистана оставался меньше 1 %¹⁰¹.

К тому же события осени 1956 г. вновь развели по разным углам международного ринга Карачи и Москву. С одной стороны, вслед за западными странами Карачи критиковал действия СССР в Венгрии по жесткому подавлению широких антиправительственных выступлений, а с другой – Пакистан не поддержал Египет в его противостоянии агрессии, которой тот подвергся со стороны Израиля, Англии и Франции в период Суэцкого кризиса.

Позиция Пакистана оказалась крайне непопулярной на Арабском Востоке, где наибольшим авторитетом в то время пользовался вставший на путь светского панарабского национализма Египет.

Возвращаясь к внутренней политике, повторим, что Искандер Мирза, став президентом, не проявил желаний форсировать процесс принятия провинциальными ассамблеями правил проведения всеобщих выборов. Дебатировался, по существу, лишь один вопрос: оставлять ли голосование по религиозно-общинным куриям или нет¹⁰². В Западном Пакистане склонялись к тому, чтобы этот принцип сохранить, а в Восточном настаивали на его отмене. При таком единодушии по провинциям нетрудно было, казалось, быстро прийти к требуемому решению. И действительно, 11 октября 1956 г. Национальное собрание приняло избирательный закон, предусматривавший куриальную избирательную систему в Западном Пакистане и систему, основанную на единых списках в Восточном Пакистане¹⁰³. Однако вопрос о проведении выборов находился в ведении собственно президента, он назначал как избирательную комиссию, так и комиссию по определению (делimitации) избирательных округов¹⁰⁴. Вероятно, из-за нежелания президента принятый закон не возымел действия и вопрос о способе и формах организации выборов решен не был.

Нужно при этом учитывать, что члены Национального собрания сами не слишком торопились с выборами. Хотя они должны были принимать во внимание давление более широких политических кругов, критику их действий в печати и возможность мобилизации масс оппозиционными, прежде всего левыми политическими силами, но все эти аргументы перевешивали зачастую соображения личного порядка, а именно страх потерять место в национальном парламенте, которое давало значительные преимущества, как материальные, так и моральные. Надо отметить, что ведущим представителям узкой группы парламентариев (всего 80 человек, выбранных косвенным путем), а также относительно небольшой группы членов провинциальных собраний предоставлялась возможность стать министрами федерального или провинциального уровня, губернаторами провинций, а на худой конец, послами или чиновниками престижной международной организации.

Тем временем под влиянием различных причин, в частности усиления в обществе либеральных и левых настроений, идея

куриальных выборов потеряла привлекательность. В апреле 1957 г. большая часть депутатов Национального собрания проголосовала за ревизию ранее принятого решения, отказ от идеи раздельных выборов ¹⁰⁵.

Однако и после этого президент тянул время с назначением даты их проведения. Более того, широко обсуждалось выдвинутое им предложение (в речи 23 марта 1957 г. по поводу Дня Пакистана и первой годовщины принятия конституции) о целесообразности введения в стране президентской формы правления, похожей на американскую, при которой правительство отвечало бы за свои действия только перед главой государства, избираемого прямым путем ¹⁰⁶. Такая идея, впрочем, не могла найти поддержку в назлектризованном политическом сообществе, где распространение имели и антиамериканские настроения, хотя преувеличивать их остроту в тот период не следует. Дата всеобщих выборов несколько раз изменялась. Они в конце концов были назначены на сентябрь 1958 г., но в последний момент были вновь перенесены на март 1959 г. ¹⁰⁷

Ввиду сохранявшейся на протяжении всего переходного периода, до избрания нового парламента, неполной легитимности Национального собрания, ответственное перед ним центральное правительство также испытывало дефицит законности. В целях компенсации оно опиралось на две силы – институт президентства (федеральную бюрократию) и провинциальные политические процессы, обладавшие большей легитимностью, поскольку они, во всяком случае в Восточном Пакистане, происходили в стенах Законодательных собраний, избранных прямым путем, всеобщим и тайным голосованием.

Провинциальное собрание Западного Пакистана образовалось из депутатов, избранных всенародным голосованием собраний Панджаба, Синда и СЗПП (с добавлением представителей от других, не входивших в провинции территорий). Поэтому и в Западной провинции политический процесс не был в полной мере приведен в соответствие с конституционными рамками. Более того, там продолжали активно действовать силы, требовавшие пересмотра решения о создании единой провинции. Особенно активно ратовали за это организации слева от центра, эксплуатировавшие популярные тогда лозунги национального самоопределения, или самоопределения национальностей. Впрочем, и

центристские политические силы не отказывались от их использования в конъюнктурных целях. Достаточно распространенным в результате было требование превращения западной части страны в «зональную федерацию на лингвистической основе»¹⁰⁸.

Продолжавшийся, по существу, кризис конституционной политической деятельности в 1956–1958 гг. сочетался с тяжелой экономической и социальной обстановкой. Этому способствовали некоторые объективные факторы, в частности, как и в начале десятилетия, сильные наводнения нанесли серьезный ущерб урожаям зерновых в обеих частях Пакистана¹⁰⁹. Помимо того, на производительности аграрного сектора отрицательно сказывались некоторые общие условия хозяйствования, в частности, изменения в сельском кредитовании, происшедшие после раздела в связи с отъездом из районов Пакистана, особенно западной его части, главных кредиторов крестьян – индусов, ростовщиков и торговцев. Значительный урон понесла и получившая развитие в колониальный период система кооперативов и кооперативного кредитования, потому как она также держалась во многом на участии торгово-ростовщической прослойки. Кооперативы, кроме того, пользовались поддержкой местных властей, и наблюдавшееся сокращение внимания к ним после ухода англичан и ослабления патронажа властей способствовало кризису кооперативного движения, массовой задолженности и разорению сельских кооперативов¹¹⁰.

В то же время размеры государственного кредитования были явно недостаточными. Техническая база аграрного производства оставалась неизменной и слаборазвитой. Тракторы и другие машины только начали завозиться (первых в середине 1950-х было меньше 4 тыс.), передовые методы агрикультуры не выходили за границы немногих передовых или опытных ферм¹¹¹.

Неудивительно поэтому, что средняя урожайность культур оставалась на низком уровне (8–9 ц с 1 га пшеницы, главной зерновой культуры в западной части страны, и риса, занимавшего то же положение в восточной), а валовые сборы в середине 1950-х годов даже снизились по сравнению с благоприятным в погодном отношении периодом конца 1940-х. В связи с увеличением населения стагнация местного производства зерновых вызвала голод зимой 1955/56 и 1956/57 гг. (причем второй за десятилетие – первый пришелся на зиму 1952/53 г.). Перебои со снабжением

бедствовавших районов основными продуктами питания, прежде всего мукой, приходилось ликвидировать экстренным ввозом пшеницы из-за рубежа, главным образом из США по закону ПЛ-480 (Public Law-480). Масштабы голода, особенно в Восточном Пакистане, были куда серьезнее, чем в начале 1950-х. Импорт зерна по сравнению с тем периодом возрос в несколько раз, превысив в 1957 г. 1 млн. т ¹¹². Распределение продовольствия в отдельных случаях, во избежание паники и злоупотреблений, проводилось с помощью армии.

Нельзя сказать, что государство не обращало внимания на развитие экономики. Острота продовольственной и других социальных проблем вынуждала правящие круги заниматься активными поисками выхода из трудных положений. Тем же было озабочено культурное сообщество, интеллигенция. Размежевание между различными политическими силами в этот период в существенной степени проходило по линии защитников и критиков свободы предпринимательства, желательных масштабов и эффективности государственного сектора. Широко обсуждались вопросы планирования, необходимости учета интересов массовых трудовых слоев, развития и распределения, справедливости и роста ¹¹³.

На первых порах государство имело склонность брать на себя преобладающую часть забот об общественном благоустройстве и экономическом прогрессе. Первые документы о промышленной политике пронизаны беспокойством по поводу возможной узурпации другими силами «законных» прав государства по обеспечению задач подъема экономики и развития передовых индустриальных отраслей. Все это органично сочеталось с идеей сильного в военном и техническом отношении государства, независимого в проведении внутренней и внешней политики. Неслучайно за государством в Пакистане первоначально закреплялись исключительные права на развитие 27 промышленных отраслей ¹¹⁴.

Однако нехватка финансовых средств вскоре остудила государственный пыл, заставив искать поддержки у внешних партнеров и друзей и представителей собственного богатого класса. Причем землевладельцы, даже крупные, не могли помочь, так как их богатство не имело, за редким исключением, значительного денежного эквивалента. Земля (традиционное право на распоряжение ею в престижно-властных целях) была скорее источником задолженности, пассивом, а не активом ¹¹⁵. А послед-

ними владели только дельцы, занимавшиеся подрядами и оптовой торговлей, причем по преимуществу внешней.

К середине 1950-х пакистанский деловой класс добился впечатляющих успехов. Прогресс продолжался и в дальнейшем, но шел он более умеренными темпами. К тому же успехи ограничивались в основном узким сектором легкой обрабатывающей промышленности: производством хлопчатобумажной пряжи и ткани в Западном Пакистане и джутовых изделий в Восточном. Определенное развитие получила цементная промышленность и производство стройматериалов, а также химическая – по изготовлению бытовой химии и удобрений. Частный сектор, помимо того, организовал переработку ввозимых им в страну полуфабрикатов и вторсырья, металлического скрапа. Появились мощности по вторичному прокату металла, литью и поковкам, а также изготовлению несложных бытовых электроприборов.

Некоторый прогресс наблюдался и в других отраслях экономики, куда в основном вкладывало средства само государство. Так, хотя к 1955 г. энергетические мощности возросли абсолютно незначительно, с 73 до 279 тыс. кВт (при мощности единственной унаследованной с колониальных времен ГЭС в 63 тыс. кВт), уже шло или проектировалось строительство ряда других достаточно крупных энергетических объектов¹¹⁶.

Событием в развитии национального энергокомплекса стало начало эксплуатации в 1955 г. крупного месторождения природного газа в местечке Суи, находящемся в Белуджистане на границе с Синдом и Панджабом в зоне расселения крупного белуджского племенного объединения бугти. Значение этого события было в полной мере оценено впоследствии, когда оказалось, что значительных месторождений нефти на территории Пакистана нет, и ему придется довольствоваться лишь относительно небольшими запасами газа и угля¹¹⁷. По сравнению с Западным Пакистаном энергетическая обеспеченность Восточного была меньше, но и там шла подготовка к сооружению ГЭС на р. Карнафули¹¹⁸.

Из отраслей производственной инфраструктуры наиболее развитым было железнодорожное сообщение. Протяженность железных дорог в Западном Пакистане превышала 8 тыс. км, но ряд веток на западе и северо-западе имел не экономическое, а военно-стратегическое значение. В западном «крыле» страны основные унаследованные от колониального времени железнодорожные

пути имели ориентацию на Дели и Бомбей, в меньшей степени – на Карачи, а в восточной – на Калькутту. Пакистану удалось довольно быстро переориентировать железные дороги на морские порты – Карачи в Западном Пакистане и Читтагонг в Восточном. При этом они находились в исключительном ведении государства и приносили бюджету немалые доходы. В тех же направлениях переориентировались после раздела главные потоки товаров, перевозимых по шоссейным дорогам, сеть которых только начала расширяться. Стимулы для роста получили также речной, а в особенности морской транспорт, обеспечивающий внешнюю торговлю. Причем увеличение торгового флота и водного транспорта происходило главным образом за счет активности частного капитала ¹¹⁹.

Говоря о социальных проблемах Пакистана, следует подчеркнуть крайне низкий уровень развития соответствующей инфраструктуры. К середине 1950-х годов в стране насчитывалось всего 800 больниц и 1700 амбулаторий, а население уже превышало 80 млн. человек. Средняя продолжительность жизни составляла всего 27 лет, в существенной степени из-за высокой младенческой и женской (при родах) смертности и распространенности эпидемических заболеваний. Среди взрослого населения грамотным было около 15 %, причем в Восточном Пакистане уровень грамотности был несколько выше, чем в Западном, где грамотные составляли менее 10 % лиц старше 15 лет ¹²⁰.

Специфической социальной проблемой оставалось положение беженцев. К середине 1950-х некоторые из вопросов, связанные с массовым переселением людей, нашли какое-то разрешение. Но значительное число переместившихся лиц (кстати, свободный въезд в страну разрешался в течение первых примерно 10 лет после раздела) осталось недовольно своим новым положением, выражало негодование в связи с работой государственных органов по урегулированию с Индией спорных вопросов, удовлетворению взаимных претензий и запросов. Медленно спадала острота обеспечения беженцев жильем, прежде всего в крупных городах, таких как Карачи и Хайдерабад, где доля *мухаджиров* составляла в тот период примерно $\frac{2}{3}$ населения ¹²¹.

В соответствии с духом времени и по контрасту с колониальными обычаями, деятельности государства по экономическому развитию придавалось особое значение ¹²². Бюджет централь-

ного правительства состоял из двух частей – текущего и капитальных затрат, которые в середине 1950-х годов примерно сравнялись благодаря внутренним и внешним займам, а также иностранной помощи. Центральное правительство брало на себя осуществление примерно 60 % инвестиций (главным образом на развитие железных дорог, средств связи, промышленности, городского хозяйства и т. п.; на военные цели, кстати, в 1954/55 гг. приходилось примерно 16 % капитальных затрат, а вместе с текущими военные ассигнования составляли 34 % от общих расходов центра). Остальная часть средств по капитальному бюджету направлялась в распоряжение провинциальных правительств¹²³.

Государственные капиталовложения на цели развития должны были, по идее, согласовываться с принятым в 1951 г. планом Коломбо для Пакистана, действие которого истекло в 1957 г. (о нем см. выше). Однако на практике такое согласование носило весьма приблизительный характер. Финансирование по плану шло по своим каналам и проявлялось лишь в отдельных сферах (например, технической помощи)¹²⁴. В целом наметки плана оказались слабо привязанными к государственным проектам капиталовложений.

Столь же абстрактно-отвлеченное значение имел и разработанный Бюро по планированию Первый пятилетний план на 1955–1960 гг. Проект плана, представленный правительству в мае 1956 г. и с его согласия опубликованный, был принят только в 1958 г., когда до его окончания оставалось всего 2 года. Планом предусматривались инвестиции в размере 11,6 млрд. рупий (около 2 млрд. долл. США), из которых на государственный сектор приходилось 8 млрд., а на частный – 3,6 млрд. рупий¹²⁵. Около 40 % расходов намечалось покрыть за счет внешних источников, главным образом помощи по государственной линии. Примерно половину аккумулированных государством средств предполагалось потратить на развитие сельского хозяйства и его инфраструктуру (ирригацию). Далее в списках приоритетов значились транспорт и связь, промышленность, и лишь затем социальные сектора: строительство жилья, образование и здравоохранение¹²⁶.

План остался фактически лишь документом о намерениях, впрочем, тщательно разработанным и имевшим значение в качестве первого опыта системного планирования. Его параметры определялись в период достаточно высокой экономической

конъюнктуры (начало выполнения намечалось на 1954 г.), а к моменту опубликования, а тем более принятия ситуация изменилась в худшую сторону и плановые наметки оказались заведомо невыполнимыми ¹²⁷.

Не оправдались, в частности, расчеты составителей плана на приток иностранной государственной помощи. Она поступала прежде всего из США, но носила в основном не структурный, проектный, а поддерживающий платежный баланс (способность импортировать) характер. Не удалось привлечь в намеченных размерах и частные иностранные инвестиции (планировалось, кстати, не так много – 400 млн. рупий). Инвестиционный климат в Пакистане, как и в других слаборазвитых странах, не был благоприятным для крупного международного капитала, стремящегося к извлечению наибольших прибылей и безопасности вложений.

Следует также учитывать, что на 1957–1958 гг. приходится кризис перепроизводства в капиталистическом мире и ухудшение условий торговли для Пакистана и большинства других слаборазвитых государств. Впрочем, трудности со сбытом своих товаров пакистанские экспортеры испытывали и раньше. Летом 1955 г. правительству пришлось пойти на давно откладывавшуюся девальвацию рупии по отношению к доллару США. Новый курс составил 4,76 рупии за доллар по сравнению с прежним – 3,3. Эта мера способствовала росту экспорта, но одновременно выросли цены на импортные товары, а вместе с ними индексы цен и стоимости жизни. Инфляцию и спекуляцию подхлестнула и нехватка продуктов питания, голод, о котором упоминалось выше. За два года, с 1955/56 по 1957/58, индекс розничных цен в Карачи увеличился на 10 %, а в Дакке – на 16 % ¹²⁸. Помимо социального брожения инфляция ударила по ожиданиям частных инвесторов и вызвала снижение капиталовложений в промышленность и другие сектора.

Наращение внутриполитического кризиса

На этом неблагоприятном фоне развернулись события, приведшие к окончанию этапа борьбы за утверждение норм и правил политической системы парламентского типа. За два с половиной года, прошедшие между принятием конституции и ее отменой в

результате военного переворота осени 1958 г., в Пакистане сменилось четыре правительства. Первое из них возглавлял еще лидер Мусульманской лиги Чаудхри Мухаммад Али. Оно держалось на коалиции Лиги с Объединенным фронтом. Лидер фронта Фазлул Хак принял предложение занять пост губернатора провинции, а провинциальное правительство возглавил его заместитель по фронту и партии Абул Хашим Саркар. Коалиция Мусульманской лиги, пользовавшейся поддержкой большинства Законодательных собраний Западного Пакистана, и Объединенного фронта, который с трудом сохранял лидерство в собрании Восточной провинции, продолжала поддерживать федеральный кабинет министров до сентября 1956 г. К этому времени существенные изменения произошли в собраниях обеих провинций.

В марте 1956 г. главный министр Западного Пакистана Хан Сахиб объявил о желании создать новую партию большинства в провинции. Сам он не был членом Мусульманской лиги, а лишь пользовался поддержкой ее членов, составлявших абсолютное большинство в собрании. Хан Сахиб считал, что Лига стала слишком общинной (что отразилось в одобренных ею принципах конституции 1956 г.), к тому же тяготевшей к союзу с суннитскими происламскими и исламистскими организациями, типа *Джамаат-и ислами*. По распространенным тогда слухам и предположениям, эта его инициатива вполне согласовывалась с планами президента Искандера Мирзы¹²⁹. Уже в апреле в Мусульманской лиге произошел раскол и сторонники Хан Сахиба объявили о создании Республиканской партии (название, вероятно, служило намеком на другое возможное наименование страны – Республика Пакистан). Республиканцы оказались в большинстве в Законодательном собрании, вновь проявив отмеченное выше качество дружно следовать за лидером, и Хан Сахибу удалось сформировать правительство, опиравшееся на их поддержку. Несмотря на то что провинциальный кабинет министров уже не представлял Мусульманскую лигу, он согласился поддерживать центральное коалиционное правительство во главе с председателем Лиги Чаудхри Али.

В Восточном Пакистане тем временем резко ослабили позиции коалиционного правительства А.Х. Саркара, где главную роль играл Объединенный фронт. В начале сентября 1956 г. после неудачной попытки разогнать собрание и назначить новые

выборы руководитель Фронта губернатор провинции Фазлул Хак согласился поручить формирование нового кабинета министров одному из лидеров наиболее сильной по представительству партии *Авами лиг* (Народная лига) Атаур Рахман Хану. В результате образовалось достаточно прочное коалиционное правительство из представителей различных партий, в том числе немусульманских – Национального конгресса Пакистана и Федерации каст неприкасаемых¹³⁰.

Политические перемены в Восточном Пакистане сделали невозможным сохранение в центре правительства блока Мусульманской лиги и Объединенного фронта. Чаудхри Али, рассчитывая на сочувствие высшей бюрократии, пытался спасти свое положение премьер-министра и объявил о выходе из Мусульманской лиги. Однако его демарш, характерный для бюрократа, из конъюнктурных соображений ставшего политиком, не помог. Лидеры Мусульманской лиги Пакистана на некоторое время ушли в тень и заняли место среди оппозиции в той политической системе, которая отводила определенную роль представительным органам. Отметим, что эта роль была двойкой: с одной стороны, фасадной, рассчитанной на «внешнее потребление» (одобрение союзных для Пакистана держав «свободного мира»), а с другой – амортизирующей недовольство широких масс списанием на кабинет министров общих недостатков режима управления страной.

Новым премьером назначили лидера Народной лиги, одного из наиболее опытных и известных политических деятелей бенгальца Хусейна Шахида Сухраварди. Он сформировал кабинет министров, опираясь на поддержку партий сложившегося в Восточном Пакистане блока во главе с Народной лигой (22 места из 77) и Республиканской партии (30 депутатов)¹³¹. Имея сильные позиции в собрании (хотя Народная лига располагала лишь 14 голосами), Х.Ш. Сухраварди попытался занять самостоятельную, отличную от президентской позицию. Он сразу же столкнулся с исключительно острой внешнеполитической задачей – как относиться к Суэцкому кризису. Воспользовавшись временным отсутствием президента (тот был с визитом в Тегеране), премьер-министр выразил от своего имени протест по поводу агрессивных действий Англии в Египте и даже пригрозил, что Пакистан покинет Содружество наций. Срочно вернувшемуся

президенту удалось убедить премьера публично изменить свою точку зрения ¹³².

Популярность Сухраварди пострадала еще раз из-за того, что он отказался, под нажимом влиятельных кругов из Западной провинции, от идеи проведения в стране радикальной аграрной реформы. Вместе с тем определенные меры, направленные на улучшение ситуации в Восточной провинции, его правительство предприняло. Восточный Пакистан получил преимущества при распределении иностранной экономической помощи. Кроме того, правительство попыталось создать благоприятный климат для деловой активности нарождавшихся групп восточнобенгальских предпринимателей ¹³³.

Премьер стремился заручиться максимальной поддержкой влиятельных лиц в США, так как Вашингтон в середине 1950-х, особенно после Суэца и провозглашения доктрины Эйзенхауэра по «защите Ближнего Востока», сделал еще больший акцент на помощь Пакистану в виде льготных кредитов и «грантов», безвозмездных даров. Х.Ш. Сухраварди совершил в США широко освещавшийся и с успехом прошедший визит в июле 1957 г. ¹³⁴

Пока положение кабинета Республиканской партии во главе с Ханом Сахибом в Законодательном собрании Западного Пакистана оставалось прочным, уверенно держалось и коалиционное правительство Сухраварди в центре. Но в марте 1957 г. среди членов фракции республиканцев в западнопакистанском собрании произошел раскол. Не исключено, что он был спровоцирован президентом, который был недоволен излишней самостоятельностью Сухраварди и Хана Сахиба (оба, заметим, не входили в сложившийся в первые годы существования страны круг лиц, влиявших на принятие кардинальных, ключевых решений). Воспользовавшись расколом среди депутатов, И. Мирза ввел в провинции президентское правление, оставив, впрочем, Хана Сахиба главным министром. Но уже в июле тот подал в отставку, что ослабило позиции его союзника по коалиции в центре Сухраварди.

Раскол к тому времени наметился и в собственной партии последнего – Народной лиге. Там активизировались сторонники радикальных решений как в социальных, так и в конституционных вопросах. Представители левого крыла Народной лиги во главе с лидером крестьян и бедняков мауланой А.Х. Бхашани,

а также других «народных» партий еще в апреле 1957 г. организовали принятие Законодательным собранием провинции резолюции о немедленном предоставлении Восточному Пакистану полной автономии – в ведении центра должны были остаться лишь вопросы обороны, внешних сношений и финансов¹³⁵. Эту резолюцию, заметим, можно считать прямым предшественником программы Муджибура Рахмана от февраля 1966 г., знаменитых его «шести пунктов», положивших начало процессу отделения восточной провинции и создания Бангладеш.

Весной 1957 г. как раскола в Народной лиге (*Авами лиг*) Восточного Пакистана, так и правительственного кризиса в провинции удалось избежать. Резолюция осталась декларацией о намерениях, которую власть могла проигнорировать, приняв, однако, к сведению содержащиеся в таком демарше угрозы, а левые силы в партии предпочли пойти на объединение с идеологически близкими организациями в Западном Пакистане, создав Национальную народную партию (*Нешнл авами парти*)¹³⁶.

Интересно, что консолидация левых сил в накаленной обстановке второй трети 1950-х годов происходила на фоне сплочения и на правом фланге. Причем там впервые сформировалась происламская коалиция под названием *Ислам махаз* (Исламский фронт). Основную роль в этом сыграла бывшая правящая партия – Мусульманская лига во главе с новым председателем А.Р. Ништаром. Лига образовала единый фронт с *Джамаат-и ислами* и лично М.А. Маудуди (которого при возглавляемом Лигой правительстве в 1953 г. приговорили к смертной казни, хотя затем помиловали), восточнопакистанской по преимуществу, *Низам-и ислам* и рядом других религиозно-политических организаций¹³⁷. Основным объединительным лозунгом для тогдашних «исламитов» было требование отдельных списков на парламентских выборах, то есть, по сути, борьба за исламскую интерпретацию демократии, поскольку в отличие от колониального времени, когда куриальная система была призвана защищать мусульманское меньшинство, в Пакистане она должна была служить примером заботы государства «о слабых», о подданных из других религиозных общин.

Помимо вопроса о системе выборов, камнем преткновения оставалось и решение о создании единой провинции в Западном Пакистане. Уравнивание в правах и привилегиях Восточной и

Западной провинций страны хотя и не давало Восточному Пакистану преимущества, на которое тот мог рассчитывать исходя их чисто демографических соотношений, все же улучшило его позиции в плане распределения средств по государственным каналам. Сомнения и колебания, охватившие бюрократическую власть из-за связанных с этим потерь для западной части страны, позволили вновь активизироваться политическим силам, которые в свое время выступали за образование там четырех или шести провинций: Панджаба, Синда, СЗПП (Пуштунистана) и Белуджистана согласно одному из проектов, а согласно другому – к ним добавлялись две провинции, преобразованные из княжеств – Бахавалпур и Хайрпур¹³⁸.

После ухода Хана Сахиба с поста главного министра Западного Пакистана и назначения на него бывшего активного противника планов формирования единой провинции Абдур Рашида в позициях республиканцев наметился крен в сторону ревизии принятых решений. Несогласием Сухраварди с этими настроениями воспользовался президент Мирза, поставивший премьера перед альтернативой смещения или добровольной отставки¹³⁹.

В октябре 1957 г. президент привел к присяге коалиционное правительство во главе с И.И. Чундригаром, одним из лидеров Мусульманской лиги и лично близким ему человеком. Главную роль в поддержке нового кабинета играла Республиканская партия. За два месяца пребывания у власти кабинет Чундригара успел отменить решения предшествующего правительства о распределении средств между провинциями, вызвав острую критику и взрыв недовольства в Восточном Пакистане¹⁴⁰.

В завершение чехарды правительств к власти пришел кабинет премьера-республиканца, крупного лендлорда из Панджаба Малика Фероз Хана Нуна. Женатый на англичанке премьер отличался светскими взглядами, что делало его приемлемым для политиков из Восточного Пакистана (в 1950–1953 гг. он был там губернатором). Однако позиции его кабинета с самого начала были шаткими. Проводя во внутриакистанских делах курс, поддерживаемый Народной лигой, генеральным секретарем которой к тому времени стал Муджибур Рахман, М.Ф.Х. Нун пытался сдерживать накал политических страстей, кипевших как в зданиях законодательных собраний, так и на улицах. Исключительно острой была организованная стачечная и митинговая борьба

в Восточном Пакистане, где тон задавали А.Х. Бхашани и другие левонационалистические силы. Летом 1958 г., особенно после антимонархического переворота в Ираке и вмешательства США и Англии в дела Иордании и Ливана, в Пакистане усилились антиимпериалистические настроения, ситуация стала выходить из-под контроля правящих лиц ¹⁴¹.

В 1958 г. обострилась обстановка в Западном Пакистане. Об этом свидетельствовало упоминавшееся уже убийство на митинге в Пешаваре (главном пуштунском городе) Хана Сахиба и мятеж, поднятый с требованием независимости наследственным правителем крупнейшего белуджского княжества Калат. Между правительственными войсками и повстанцами произошли вооруженные столкновения ¹⁴².

Как стало впоследствии известно, и президент Мирза, и главнокомандующий армией Айюб Хан в беседах с американским послом в Карачи еще в мае 1958 г. выражали убеждение, что «только диктатура может быть действенной в Пакистане» ¹⁴³. Единственной альтернативой дуэту Мирзы – Айюб Хана для США был Сухраварди. Некоторые американские представители в Пакистане предлагали сделать ставку на него ¹⁴⁴. По мнению историка Х.Б. Саида, он был единственной крупной фигурой того периода, который пытался вырвать политический процесс «из рук гражданско-военной олигархии» ¹⁴⁵. Сухраварди надеялся на союз политиков двух крупнейших провинций, Бенгалии и Панджаба, и старался зарекомендовать себя сторонником единства Пакистана на этой базе, рассчитывая, что при таких условиях на всеобщих выборах победит его Народная партия в Восточном Пакистане и Республиканская – в Западном. На последнем этапе он имел союзника в лице Нуна, но тому не удалось повести за собой республиканцев. Последний перед военным переворотом премьер-министр не был достаточно влиятельным и авторитетным для близких ему по происхождению и классовому статусу коллег. К тому же ему активно противодействовала «вся президентская рать».

В начале осени 1958 г. на фоне политического ступора в Западном Пакистане накалились страсти в Восточном. Там произошли манифестации студентов и горожан, забастовки рабочих, возмущенных ростом стоимости жизни. Деятельность центрального правительства оказалась парализованной вследствие неудач-

ных попыток расширить его состав, включив представителей Народной лиги. Политические партии требовали безотлагательного проведения всеобщих выборов, на что власти не могли пойти ¹⁴⁶.

8 октября 1958 г. президент ввел в стране военное положение, назначив его главным администратором командующего армией Айюб Хана. При этом была отменена конституция, смещены центральное и провинциальные правительства, распущены законодательные собрания и запрещена деятельность политических партий. Первый государственный переворот и введение военного положения подвели черту под попытками утвердить в стране демократическую форму правления.

Неудача Пакистана резко контрастировала с успехами Индии, страны почти столь же слаборазвитой в экономическом отношении, хотя и имевшей более солидный слой буржуазии и политически активной интеллигенции. Там в 1956 г. произошла унификация штатов на регионально-лингвистической основе. В ходе реорганизации Индия сумела в основном расстаться с грузом прошлого в виде административного деления, доставшегося ей в наследство от княжеской Индии. Штат Джамму и Кашмир был одним из двух исключений с той точки зрения, что он создавался на базе одного из княжеских образований (другим было княжество Майсор, преобразованное в штат Карнатака). Наконец, в 1957 г., ровно через пять лет после первых всеобщих выборов, в Индии состоялся второй тур выборов в Национальное собрание и законодательные собрания штатов. И хотя партийная система в Индии отличалась от западных образцов из-за отсутствия полноценной конкуренции Индийскому национальному конгрессу, роль надпартийных, неполитических структур лидерами правящей партии и возглавляемого ими государства сознательно ограничивалась. Все это, видимо, явилось порождением традиции, закреплявшей в ходе своего существования и развития определенную политическую культуру.

В Пакистане же еще с весны 1954 г. традиция парламентской демократии, заложенная в колониальный период, оказалась подорванной. Изначально более сильные, чем в Индии, тенденции к персоналистскому и бюрократическому авторитаризму, к власти неполитических центров, таких как окружение (администрация) генерал-губернатора, а позднее президента, привели к отказу от механизмов, свойственных парламентской системе управления.

Развернувшаяся в середине 1950-х годов милитаризация, укрепление вооруженных сил трансформировали высшее офицерство, генералитет, во влиятельную бюрократическую корпорацию, институциональную группу интересов.

Последнее объясняет как некоторые долговременные особенности разворачивавшейся политической истории страны, так и судьбы введенного Искандером Мирзой военного положения. Идя на его установление, гражданская бюрократия, по-видимому, надеялась править страной с помощью военных. Однако те чувствовали себя уже достаточно сильными, чтобы управлять самостоятельно. Военную корпорацию к тому же возглавлял пользовавшийся у нее безусловным авторитетом главнокомандующий армией. Айюб Хан к тому времени имел опыт работы на посту министра, выполнял различные дипломатические миссии, выступая в роли организатора процесса переоснащения армии с помощью военных поставок из США, координатора совместных с ними программ обучения пакистанских военных кадров, технического и оперативного взаимодействия¹⁴⁷. Став главным администратором по осуществлению военного положения, Айюб сформировал кабинет министров, заняв в нем посты премьера, министра обороны и по делам Кашмира¹⁴⁸.

ГЕНЕРАЛЫ У ВЛАСТИ (1958–1971 гг.)

Военный режим М. Айюб Хана

Государственный переворот и первые шаги военного правительства. К осени 1958 г. Пакистан оказался в крайне тяжелом экономическом и политическом положении. Сбор зерновых в 1957/58 г. значительно уменьшился по сравнению с предыдущим годом, что усиливало угрозу голода для миллионов людей и вынуждало правительство тратить большие средства на импорт продовольствия. Одновременно сократился ввоз промышленных товаров, оборудования, топлива, сырья, запасных частей, в результате чего многие предприятия сократили производство. Импорт значительно превосходил экспорт, что обусловило рост дефицита платежного баланса страны, сокращение ее валютных резервов. ВВП вырос в 1957/58 г. по сравнению с прошлым годом всего на 22 млн. рупий, а доход на душу населения сократился¹.

Следствием тяжелой экономической ситуации явилось ухудшение социальной обстановки. В стране нарастала инфляция, повышались цены на предметы первой необходимости. Пышно расцвели спекуляция, контрабанда, черный рынок. Выросла стоимость жизни основных масс населения. Из-за неполной загруженности предприятий увеличилась безработица.

Ухудшение экономического положения страны и материальных условий жизни населения привело к усилению оппозиционного движения, в котором участвовали все основные группы пакистанского общества. 1958 г. был отмечен небывалыми ранее забастовками учителей, служащих, сильными студенческими волнениями. Усилили борьбу за расширение своих автономных прав жители Восточного Пакистана, Синда, Белуджистана, Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП). Всеобщим было недовольство внешней политикой государства, ее блоковым характе-

ром. Подобные настроения усилились после революции в Ираке в 1958 г. и последовавшим затем англо-американским вмешательством во внутренние дела Ливана и Иордании. Все больше людей выступали за независимую внешнюю политику Пакистана, диверсификацию ее международных связей.

Попытка ввести демократическую модель управления («Вестминстерская система») в условиях отсутствия объективных и субъективных основ для этого привела к дезорганизации всего внутривластного процесса, дискредитации демократических институтов, вырождению политической жизни. Характерным для нее стали беспринципная борьба за власть, постоянные правительственные кризисы в центре и в провинциях, невиданная коррупция, измены и предательство, и даже политические убийства.

Назревание глубокого внутреннего кризиса не привело, как и раньше, к сплочению правящего лагеря. Наоборот, борьба внутри его верхушки обострилась, разброд и шатания в ее рядах усилились. Кризис «верхов» к осени 1958 г. достиг кульминации.

В сентябре произошла отвратительная драка в законодательном собрании Восточного Пакистана, в результате которой 30 депутатов получили ранения, а заместитель спикера был убит. После этого события президент И. Мирза (генерал в отставке) и верхушка армии, недовольные ходом развития событий в стране, приняли решение об устранении гражданской администрации от власти. В короткие сроки (к 3 октября) план переворота был выработан. Его подготовка велась в глубокой тайне крайне узким кругом высших военных. Опасаясь подслушивания телефонных переговоров, распоряжения заговорщиков передавались с помощью нарочных. Выход армии планировался на середину октября². Но бурные события начала этого месяца ускорили выход военных.

В первых числах октября в стране разразился острый правительственный кризис. Вошедшие 2 октября в состав кабинета министров члены партии *Авами лиг* через три дня покинули его, недовольные распределением министерских портфельей. 6 октября в столице и главном мегаполисе страны городе Карачи произошли крупные беспорядки и массовые демонстрации, организованные оппозицией. Полиция оказалась беспомощной перед таким взрывом недовольства. Наконец, общей нестабильностью воспользовался бывший правитель крупнейшего княжества Калат, вошедшего в состав Пакистана 31 марта 1948 г., который объявил о

выходе княжества из Пакистана. Армейские соединения подавили выступление сепаратистов, а бывший князь был арестован ³.

В такой обстановке началось осуществление первой фазы установления военной диктатуры. Ее главным элементом было объявление 7 октября вечером указа президента страны И. Мирзы о прекращении деятельности гражданских органов власти и введении на всей территории Пакистана военного положения. Указ этот был опубликован на следующий день. Интересно, что за несколько часов до его объявления премьер-министр М.Ф.Х. Нун включил в состав своего кабинета новых министров, преодолев тем самым правительственный кризис. Но этот факт уже не имел никакого значения и мог остаться вообще незамеченным, если бы не такой курьез: газеты следующего дня опубликовали одновременно заявление президента и сообщение о формировании нового правительства ⁴.

В президентском указе объявлялось об отмене действующей Конституции, роспуске Национального собрания (парламента) страны и законодательных органов провинций, смещении центрального и провинциальных правительств, запрещении всех политических партий. В стране было введено военное положение, генерал М. Айюб Хан, являвшийся командующим пакистанской армией, назначался главным администратором по его осуществлению. Через некоторое время под команду М. Айюб Хана были переданы все вооруженные силы страны ⁵. Для того чтобы выделить его из всей когорты генералов, через год М. Айюб Хану было присвоено высшее воинское звание – фельдмаршал.

В президентском указе, а также в обращении к народу М. Айюб Хана на следующий день всячески подчеркивались необходимость предпринятых действий, отсутствие какой-либо иной возможности для выхода Пакистана из того катастрофического положения, в котором он оказался. При этом оба руководителя переворота, И. Мирза и Айюб Хан, уверяли граждан в своем искреннем нежелании принимать такие меры, о личных и глубоких переживаниях в связи с этим. «Этот крайне резкий шаг, – отмечал М. Айюб Хан, – был предпринят с величайшим нежеланием, но с полным пониманием того, что альтернативой ему будет только раскол и полный развал государства» ⁶. Кроме того, генерал сообщил, что «в прошлом, в трудных ситуациях получал предложения от тогдашнего главы государства генерал-губернатора Гулам

Мухаммада взять власть в свои руки. Но всякий раз отказывался, поскольку надеялся, что политики сами сумеют преодолеть трудности и повести страну к лучшему будущему. Дальнейший ход событий развеял эти надежды и вынудил нас на этот шаг»⁷.

Понимая, что главные обвинения в адрес путчистов будут вызваны их действиями по изменению государственного строя Пакистана и отмены его Конституции, И. Мирза в своем указе заявил: «Говорят, что Конституция священна. Но еще более священны целостность государства, благосостояние и счастье его народа. Однако всему этому угрожают беспринципные предатели и политические авантюристы, деятельность которых не может остановить правительство, основанное на нынешней системе. Я не могу больше оставаться наблюдателем действий, которые направлены на разрушение государства»⁸.

Усиленно защищаемые новым руководством страны и официальной пропагандой положения о том, что происшедшие в государстве изменения абсолютно необходимы для предотвращения приближающегося краха, легли в основу доктрины «необходимости спасения страны». Эта доктрина дала возможность Верховному суду 27 октября принять крайне важное для новых властей решение. В нем высший судебный орган признал законными происшедшие в стране изменения⁹.

И. Мирза и М. Айюб Хан в своих воззваниях обещали изменить ситуацию в стране, улучшить положение широких масс населения, снизить инфляцию, искоренить коррупцию, уменьшить безработицу и т. д. В дальнейшем будет показано, в какой степени эти обещания были выполнены. В оценке внешней политики Пакистана выражалось недовольство блоковой политикой страны и содержался призыв развивать отношения со всеми государствами, особенно с КНР и СССР. Заметим, что это обещание правительство М. Айюб Хана выполнило. В обращенных к народу документах критически оценивалась деятельность «политических авантюристов, которые призывали к войне с Индией, хорошо зная при этом, что они-то будут далеко от линии фронта»¹⁰. К сожалению, в дальнейшем изменений в отношениях с Индией не произошло, что явилось одной из причин падения режима М. Айюб Хана.

Назначенный в соответствии с указом президента на пост главного военного администратора, М. Айюб Хан распорядился

разделить Пакистан на три зоны: А – федеральный округ Карачи, В – Западный Пакистан и С – Восточный Пакистан. Руководителями военных администраций этих зон были назначены высокопоставленные военные, сподвижники М. Айюб Хана генералы М.Ш. Бахадур, А. Азам Хан и М. Умрао Хан. Соответственно, зоны В и С были разделены на несколько округов, военные администрации которых возглавили высшие офицеры пакистанской армии (от подполковника до бригадного генерала ¹¹).

Для помощи руководителям страны был создан Консультативный совет, состоявший из секретарей основных министерств; главный секретарь Азиз Ахмед стал председателем этого совета ¹². Одновременно он был назначен заместителем главного военного администратора. 25 октября вместо Консультативного совета был образован кабинет министров во главе с М. Айюб Ханом, который получил также портфели министров обороны и по делам Кашмира. Важные министерские посты заняли его коллеги по армии генералы К.М. Шейх, В.А. Бурки, М. Азам Хан. В кабинет вошли также гражданские чиновники и бизнесмены. Ни один крупный политик не был приглашен в правительство. Большое удивление вызвало назначение на пост министра торговли молодого и малоизвестного юриста из Синда Зульф리카ра Али Бхутто. Именно тогда началась его блестящая политическая карьера и восхождение к вершинам власти. Интересно, что кандидатуру З.А. Бхутто предложил И. Мирза. Но и после отставки президента его выдвигенец остался на политическом олимпе ¹³.

Таким образом, государственная власть на всех уровнях сосредоточилась в руках армейского руководства. Полномочия президента превратились в фикцию. Упразднив все органы конституционно-парламентского правления, И. Мирза тем самым подорвал и основу пирамиды власти, на вершине которой он находился. Естественно, что во главе государства не могли стоять два человека, один из которых реально обладал всей полнотой власти, а другой не имел ничего, кроме высокого поста, который в тогдашней конкретной обстановке превратился в пустую формальность. И. Мирза, как военный, понимал роль армии в государственно-политической жизни Пакистана. Знал он (и не понаслышке) и о железной дисциплине в пакистанской армии, которая обеспечивала М. Айюб Хану полную и беспрекословную поддержку вооруженных сил. Никакого противоборства, а тем

более сотрудничества между двумя генералами быть не могло. И. Мирза понимал, что ему нет места в правящей иерархии. И кроме всего сказанного, он был человеком «прошлого», активно принимавшим участие в политическом процессе предшествующего периода и тесно связанным с его основными участниками. Естественно, как президент, И. Мирза нес значительную долю ответственности за дезорганизацию политической жизни страны. Это делало его фигуру неприемлемой для «новой страницы» пакистанской истории, позиции крайне непрочными, а саму фигуру весьма уязвимой для критики. Поэтому под легким давлением армейской верхушки И. Мирза 27 октября отказался от поста президента, а вскоре покинул Пакистан. Оставшиеся годы первый пакистанский президент провел в эмиграции в Лондоне. Скончался он в ноябре 1969 г. и похоронен был по соседству со своей родиной – в Иране.

После отставки президента его полномочия перешли к генералу М. Айюб Хану. Пост премьер-министра был упразднен, правительство возглавил президент. Число заместителей главного военного администратора было увеличено до трех; ими стали руководители трех родов войск – генерал Муса (он был заместителем главнокомандующего армией, то есть М. Айюб Хана), вице-адмирал Чоудхури и вице-маршал авиации Асгар Хан.

Крайне важным для организации государственно-политической деятельности страны был объявленный еще И. Мирзой 10 октября указ, который официальной пропагандой был назван «временной Конституцией». В нем провозглашалось, что, несмотря на отмену Конституции 1956 г., государство будет управляться в соответствии с ее положениями, «насколько это возможно». Указ восстановил деятельность гражданской администрации и предоставил судебным органам право, как и прежде, издавать судебные распоряжения, приказы и предписания, обязательные для всех административных органов. Из официального наименования государства было изъято слово «Исламская», и оно стало называться «Республика Пакистан».

Этот президентский документ имел глубокое и многоплановое содержание. Во-первых, он означал, что произошло разумное переосмысление первых радикалистских, граничащих с авантюризмом, шагов, когда президент «несколько погорячился», решив, что управлять страной можно без гражданской службы.

Очень быстро им было понято, что в многомиллионной стране такое можно представить лишь в фантастическом сне.

Во-вторых, восстанавливая управление гражданской администрации, И. Мирза одновременно попытался исправить и собственное положение, которое было подорвано передачей всей власти в руки армии. Он надеялся, что возобновление работы гражданского аппарата восстановит и его статус руководителя этого аппарата, и в целом – исполнительной власти, главой которой президент являлся. Однако он серьезно ошибся. Военное руководство приняло идею возобновления деятельности гражданских властных структур, без чего было невозможно какое-либо управление делами государства, а армия, естественно, не была в состоянии обеспечить такое управление в силу своей малочисленности (около 300 тыс. человек), отсутствия кадров, соответствующего опыта. Кроме того, прямое участие армии в государственных делах неизбежно весьма отрицательно сказалось бы на ее собственном положении. «Я не сомневался, – указывал М. Айюб Хан в своей “Политической автобиографии”, – что армия развалится, если она займется делами управления, или экономическими, социальными или политическими проблемами государства»¹⁴. Однако вопреки надеждам И. Мирзы, гражданская власть не осталась под его началом, а полностью была поставлена под контроль и руководство военных. (Механизм этого неравноправного «двоевластия» будет рассмотрен ниже.) Оценивая ситуацию в стране с этой точки зрения, известный пакистанский правовед Г. Малик отмечал, что хотя в стране и действуют обычные законы, но «военный закон является высшим в государстве»¹⁵.

И наконец, в-третьих, указ президента объективно улучшил имидж Пакистана, несколько прикрыв гражданской одеждой совершенно открытый армейский вид нового режима. Хотя в тот период, в отличие от последующих, авторитарные режимы не только не осуждались, но, напротив, приветствовались как альтернатива внутренним беспорядкам и хаосу¹⁶. Конечно, большим признанием пользовались режимы, чья авторитарность была несколько завуалирована. Это и сделал И. Мирза, но позитив от этого шага достался М. Айюб Хану.

После отставки И. Мирза его президентские полномочия были переданы М. Айюб Хану. Пост премьер-министра был упразднен, правительство возглавил сам президент. Он занимал также еще

ряд важных государственных должностей, например, председателя Плановой комиссии и главы Экономического совета – высшего органа по делам экономики. Таким образом, вся полнота военной и гражданской власти оказалась сосредоточенной в руках генерала М. Айюб Хана. Однако именно в этот период – период победоносного шествия по ступеням власти и эйфории от его успехов генерал совершил поступок, который впоследствии имел для него самые тяжелые последствия.

Получив от И. Мирзы право на руководство всеми вооруженными силами страны, а затем, став президентом, он ex-officio сделался верховным главнокомандующим в стране. В его руках был также важнейший пост главного военного администратора. Обремененный многими другими должностями, М. Айюб Хан решил освободиться от одного из военных постов – командующего армией, который занял его заместитель генерал М. Муса¹⁷. Пагубность этого шага М. Айюб Хана сказалась для него не сразу. Пока в стране существовало военное положение, а М. Айюб Хан возглавлял администрацию по его осуществлению, естественно, армия продолжала выполнять распоряжения этого человека. Но когда военное положение было отменено, армия ушла с политической арены, а должность главного военного администратора перестала существовать, то М. Айюб Хан, к тому же ушедший с действительной военной службы, превратился в «простого» гражданского президента. Огромные полномочия по новой Конституции были трудноосуществимы в возродившейся политической «большой игре». Да к тому же у профессионального военного не было и опыта борьбы в новых условиях. А главный инструмент осуществления политики и материализации его полномочий – армия была уже «вне политики», находилась в казарме и подчинялась другим командирам. К тому же пакистанская армия традиционно не спешила выполнять распоряжения гражданских властей, включая «главковерха» – президента. Надо сказать, что существенный вклад в существование данной традиции внес сам М. Айюб Хан. Результатом возникшей коллизии стало падение этого режима и новый приход к власти армии. В дальнейшем никто из военных руководителей Пакистана не повторял ошибки, совершенной фельдмаршалом.

В годы военного режима, помимо того, что гражданские органы власти находились под контролем военных, происходило

широкое внедрение представителей армии в сами эти органы. Этот момент был отмечен в отношении высшего уровня управления, то же происходило и на более низких ступенях бюрократической лестницы. Так, губернаторами обеих провинций были генералы, старшие офицеры назначались на посты руководителей администрации областей и дистриктов. До 33 % была увеличена доля высших полицейских должностей, которые заполняются армейскими офицерами¹⁸. Пограничные полицейские части, которые прежде подчинялись заместителю генерального инспектора полиции, в 1958 г. были переданы армии и подчинены воинским командирам. Если раньше командный состав пограничной полиции комплектовался целиком из сотрудников полиции, то после введения военного положения 50 % командных должностей были отданы армейским офицерам¹⁹. Послами в таких странах, как Англия, Франция, Португалия, Малайя, Ватикан, стали видные генералы²⁰.

Сильными были позиции армейских представителей в средствах массовой пропаганды, которой режим придавал большое значение. Все средства агитации и пропаганды подчинялись специально созданному министерству национальной реконструкции и координировались им. Это министерство издавало большим тиражом хорошо иллюстрированные брошюры, в которых пропагандировались успехи правительства. Военные власти также широко использовали радио, кино; организовывались многочисленные поездки по стране государственных деятелей, которые выступали на массовых митингах, излагая действия правительства и их результаты. Министерство национальной реконструкции в течение определенного времени возглавлял сам М. Айюб Хан. Всей практической работой, связанной с пропагандой, руководил один из идеологов военного режима – генерал Ф.М. Хан. Генерал М. Сарфраз Хан возглавлял управление информации.

Генералы возглавляли крупнейшие государственные корпорации промышленного развития, по разведке и развитию нефтяной и газовой отраслей, по развитию мелкой промышленности и по развитию сельского хозяйства. Генерал Ф. Муким Хан возглавлял комиссию по проблемам безработицы. Комиссией по строительству новой столицы Пакистана – Исламабада руководил генерал А.М. Яхья Хан. Генеральным директором Центрального статистического управления Пакистана был назначен полковник

Н. Ахмад. Армейские офицеры являлись членами трибуналов, которые рассматривали дела бывших политических деятелей на основе Закона о дисквалификации (например, в составе трибунала по деятельности бывшего премьер-министра Пакистана Х.Ш. Сухраварди в 1960 г. был подполковник А.И. Икрам). Торговый флот и гражданские порты находились под контролем командования ВМФ. Под руководством морских офицеров была создана академия торгового флота.

Таким образом, военная власть не только контролировала всю деятельность гражданской администрации, так сказать «извне», благодаря приоритету законов военного времени. Но она также имела возможность через своих представителей в гражданской администрации руководить ею непосредственно «изнутри». Подобное положение открывало военному руководству широкие возможности для управления страной и проведения давно назревших преобразований пакистанского общества. Эта же ситуация позволяла сохранить в условиях военного режима деятельность сложившейся в предшествующие годы системы государственного управления, ее основных звеньев. Разумеется, эта деятельность во многом носила номинальный характер. Но она не была разрушена пришедшими к кормилу власти новыми силами, а сохранена и приспособлена для функционирования в интересах этих сил. Помимо всего прочего, такая комбинация служила некоторым прикрытием прямой военной диктатуры. К тому же новое правительство провело некоторые преобразования административного механизма в целях придания ему большей гибкости и оперативности, повышения эффективности работы. Важную роль сыграла коренная реформа, а по сути, создание новой системы местного самоуправления (об этом см. ниже).

Во время военного режима функционировала судебная система, которую, как обычно, возглавляли высшие суды в провинциях и Верховный суд в масштабах всей страны. Главой исполнительной власти являлся президент. Он назначал и смещал членов возглавляемого им кабинета министров, губернаторов провинций, послов, руководителей важнейших управлений и трестов, других высокопоставленных должностных лиц. Другими словами, выполнял обычную работу главы государства. Однако отсутствие представительных органов существенно расширяло полномочия исполнительной власти в сфере законодательства. Указы

главы государства являлись законами на протяжении всего военного периода. (Некоторые из них остались таковыми и после восстановления гражданской власти в соответствии со ст. 225 новой Конституции 1962 г.²¹; среди них указы об изменении системы местного самоуправления, о провозглашении новой Конституции, о проведении выборов законодательных органов власти.)

В интересах исполнительной власти были ограничены некоторые полномочия судебных органов. Президент получил право «в интересах государства приостанавливать работу любого судьи». Был ослаблен судебный надзор над деятельностью административных органов. Если прежде все распоряжения и предписания судов должны были, безусловно, выполняться теми учреждениями, которым они были направлены, и никакой орган исполнительной власти не мог их изменить, то в период военного положения любое судебное предписание изменялось правительством, если оно находило это предписание противоречащим «общественным интересам»²².

Важные государственные вопросы обсуждались на так называемых губернаторских конференциях, проходивших под председательством президента. В них принимали участие губернаторы провинций, министры, руководители различных департаментов и корпораций развития. На этих конференциях обсуждались проблемы общегосударственного значения: о реорганизации местного самоуправления, разработке и принятии новой Конституции, разделе корпорации промышленного развития Пакистана на две провинциальные корпорации. Принятые решения оформлялись в виде президентских указов.

Исполнительную власть в провинциях возглавляли назначенные президентом губернаторы. Их положение и функции в масштабах провинции приближались к полномочиям президента в центре. В качестве совещательных органов при губернаторе и под их председательством действовали консультативные советы. Они состояли из 24 назначенных президентом по рекомендации губернаторов членов, не находившихся на государственной службе (отставные чиновники и военные, технократы, богословы и т. д.), и равного им числа официальных членов, которыми по должности являлись руководители различных административных органов и учреждений²³.

Следует отметить, что в этот период среди всех гражданских органов власти именно исполнительная «ветвь» занимала преобладающее положение. Элементы этого явления, определяемого ролью и характером исполнительной власти, имеют место даже в обычное время. Значимость этой «ветви» власти в Пакистане в то время определялась прежде всего тем, что именно она была главным проводником интересов правящей военной верхушки и средством претворения их в жизнь.

Напомним, что одновременно с гражданской действовала и военная администрация. Последняя действовала на основе законов военного положения и при опоре на армию. Естественно, она имела приоритетное значение в общей системе государственного управления в годы военного режима.

При этом военная администрация не являлась каким-то особым органом с собственным аппаратом, делопроизводством и т. д. Попытка заменить некоторые административные органы военными, предпринятая сразу же после переворота, быстро показала нереальность такого хода. Поэтому военные администраторы всех уровней выполняли свои функции посредством гражданской, прежде всего исполнительной администрации. Военные администраторы отдавали распоряжения, которые были обязательны для всех гражданских органов соответствующего уровня и беспрекословно ими выполнялись.

Главный военный администратор издавал предписания, которые имели силу закона и во многом регулировали жизнь общества и государства. В большинстве своем эти указы (всего их было около ста) касались сферы «безопасности и внутреннего порядка». В то же время некоторые из них предусматривали проведение важных социально-экономических преобразований, регулирование отношений между трудом и капиталом и пр. и стали законами страны после введения Конституции (о земельной реформе, строительстве новой столицы и др.).

Распоряжения военной администрации были обязательны для всех органов гражданской власти. Губернаторы провинций, комиссары (руководители) областей, заместители комиссаров (руководители округов) по всем важным вопросам консультировались с соответствующими военными администраторами. Однако сама администрация по осуществлению военного положения была свободна от контроля со стороны гражданских органов и, что

особенно важно, находилась вне сферы судебного надзора. Этот надзор распространялся только на гражданскую власть; судебные органы не могли оспаривать действия военной администрации и принимать против нее свои постановления.

Контрольные функции судебных органов были еще более ограничены тем, что в период военного режима суды потеряли право надзора над некоторыми сферами внутренней жизни страны. Так, трудовые конфликты между рабочими и хозяевами стали предметом разбирательства специальных промышленных трибуналов, их решения были окончательными и не подлежали пересмотру в какой-либо судебной инстанции. Важной в этом плане была поправка к Уголовному кодексу, на основании которой репрессивные законы «об охране безопасности», принятые еще в начале 1950-х годов, стали рассматриваться как постановления военной администрации и, таким образом, были выведены из сферы судебного надзора.

Еще раз обратим внимание на своеобразие обстановки в Пакистане в 1958–1962 гг., когда одновременно действовали обычные законы и законы военного времени, гражданская и военная администрации. Формально последняя действовала только для того, чтобы проводить в жизнь постановления, ею же самой провозглашенные. На деле ее роль и значение далеко выходили за эти рамки. Военная власть была ядром всей государственно-политической системы Пакистана. Исходившие от него импульсы приводили в движение и направляли все без исключения органы управления. Основываясь из внешнего восприятия, иногда говорят о существовании в рассматриваемый период «двоевластия». Термин этот не соответствует реальному положению властных структур в тот период, который правильнее рассматривать как дихотомию, в которой одна часть играет главенствующую роль, а другая – ей подчиненную и второстепенную. Созданная правительством для разработки новой Конституции Комиссия в своем представленном в 1961 г. докладе указывала: «Управление государством осуществляется посредством как гражданских законов, так и законов военного положения; превосходство последних общепризнанно»²⁴. Особо подчеркивалось, что «гражданская администрация находится под контролем военных властей»²⁵. При всем этом хотелось лишь заметить, что острота проблемы соотношения гражданской и военной власти в какой-то мере ослаб-

лялась, поскольку во главе обеих администраций находился один человек.

Перед новым правительством Пакистана стояли большие задачи преобразования основных сфер жизнедеятельности общества, ликвидации пережитков феодализма и колониализма, модернизации страны. В предшествующие годы в этом плане было сделано очень и очень мало. О широте задач, которые предстояло решать новым властям, в какой-то мере говорит тот факт, что в начале деятельности правительства М. Айюб Хана им были созданы 22 комиссии для изучения проблем и представления проектов реформ в области аграрных отношений, национального производства, налогообложения, образования, здравоохранения, административного аппарата, судопроизводства, семейного права и пр. Проведение подобных преобразований требовало значительного времени и огромных усилий. Необходим был также определенный период подготовки к осуществлению столь серьезной перестройки. Крайне тяжелое экономическое положение страны и огромное в связи с этим недовольство широких масс населения требовали проведения мер, эффект от которых проявился бы в самые короткие сроки. М. Айюб Хан подчеркивал в своей «Политической автобиографии», что народ ждал быстрых и непосредственных результатов²⁶. Поэтому правительство, готовясь к осуществлению долгосрочных мероприятий, стало проводить чрезвычайные, рассчитанные на быструю отдачу действия по стабилизации экономического положения страны, борьбе с контрабандой, спекуляцией, черным рынком, коррупцией. Разумеется, самое пристальное внимание было обращено на «укрепление порядка и безопасности» в стране, пресечение оппозиции, недопущение антигосударственной деятельности.

Правительству М. Айюб Хана уже в первые месяцы его деятельности удалось добиться в этом направлении определенных результатов. Разумеется, это было достигнуто прежде всего за счет жестких мер чрезвычайного положения. Военные власти успешно провели операции против спекулянтов и контрабандистов, деятельность которых наносила серьезный ущерб экономическому положению страны: ежегодно контрабанда одним лишь золотом достигала 300 млн. рупий, а в 1956/57 г. стоимость всей незаконной торговли составила 600 млн. рупий²⁷. Были обнаружены скрытые большие запасы золота и инвалюты, продоволь-

ствия, медикаментов, тканей, сделанные спекулянтами и контрабандистами²⁸. В литературе приводится такой любопытный факт: полиция Карачи за предшествующие 11 лет обнаружила спрятанные товары и золото на 30 млн. рупий, а за один месяц военного режима «доход» от этой акции правоохранительных органов столицы составил 20 млн. рупий²⁹. Властям удалось выявить укрываемые от налогов доходы, что дало казне в год дополнительно около 400 млн. рупий³⁰. Всего скрытых доходов было обнаружено на 1 млрд. 340 млн. рупий³¹.

Подобными мерами удалось достигнуть некоторого временного улучшения в экономическом положении страны, прежде всего в сфере финансов. Замедлились темпы роста денег в обращении. Одновременно выросли золотовалютные резервы³². Впервые за несколько лет платежный баланс Пакистана были сведен с положительным сальдо³³. Правительство отказалось от практики дефицитного финансирования. Размеры текущего долга в 1958/59 г. были сокращены на 176,2 млн. рупий³⁴.

В октябре 1958 г. был установлен контроль над ценами на некоторые продовольственные товары (пшеницу, рис, сахар, овощи, чай) и промышленные товары широкого потребления – текстильные изделия, сигареты и др. Одновременно правительство ограничило размеры торговой и предпринимательской прибыли. В результате в течение короткого периода существования нового режима цены на товары первой необходимости снизились³⁵. По свидетельству иностранных наблюдателей, многие пакистанские семьи впервые получили возможность купить готовую одежду, домашнюю утварь и т. д.³⁶

Из-за крайне тяжелых жилищных условий в стране (по данным проведенного в конце 1958 г. обследования, только в Карачи 600 тыс. человек фактически были бездомными³⁷) власти приняли решение о строительстве жилых домов в крупных городах. Вблизи Карачи в местечке Коранги было начато сооружение города-спутника. В течение пяти месяцев там было построено 15 тыс. квартир и расселено около 75 тыс. человек. Определенные успехи были достигнуты в улучшении санитарного состояния городских улиц, снижении преступности.

Правительство М. Айюб Хана предприняло действия и в других сферах жизни страны. Важной проблемой стало укрепление и улучшение деятельности госаппарата, состояние и работа кото-

рого не соответствовала стоявшим перед ним задачам. Реорганизация и совершенствование административной машины проводились в течение всего времени существования военного режима. В первый период были осуществлены меры, которые аналогично мерам в других областях были нацелены на быструю отдачу и ликвидацию наиболее вопиющих недостатков. В целом действия властей сводились к мероприятиям по улучшению работы государственного аппарата без коренной его перестройки – борьбе с расхлябанностью, разложением и коррупцией бюрократии, достигших внушительных размеров, и улучшению дисциплины и отношения к работе чиновников и т. д.

В ноябре 1958 г. были созданы специальные комиссии «по изучению деятельности, поведения, а также способностей» всех государственных служащих. Весной 1959 г. результаты своей работы и соответствующие рекомендации эти комиссии представили правительству, после чего несколько тысяч чиновников подверглись различным наказаниям (отставка или увольнение со службы, понижение в должности, перевод на другую работу и т. д.)³⁸. Специально образованные органы, возглавляемые высшими чинами полиции, занимались проблемами искоренения коррупции в госаппарате. Руководители всех государственных учреждений были обязаны лично заниматься борьбой с коррупцией среди своих подчиненных и регулярно направлять правительству отчеты о проделанной в этом направлении работе. Seriously упрощалась процедура судебного преследования лиц, подозреваемых в коррупции. Дела, связанные со «злоупотреблением властью», разбирались специальными судами. К середине 1959 г. за различные провинности были наказаны 6600 чиновников, в том числе 1662 работника центрального аппарата³⁹.

Меры по улучшению работы администрации принимались, прежде всего, в интересах правящей элиты, поскольку были направлены на совершенствование их главного аппарата управления. Вместе с тем некоторые выгоды от этой работы получили и простые люди, которым приходилось сталкиваться с деятельностью отдельных звеньев административной машины. Так, несколько ускорилось рассмотрение жалоб, петиций, различных прошений; количество незаконченных дел сократилось с 250 тыс. на начало октября 1958 г. до 90 тыс. на начало февраля 1959 г.⁴⁰ Репрессии против погрязших в коррупции и взяточничестве

чиновников хотя бы на какое-то время уменьшили лихоимство и вымогательство бюрократов.

Одновременно режим принял решительные меры по «укреплению своего тыла». Не допускалось даже малейшего появления оппозиции. Для разбора дел, связанных с нарушением военного положения, были созданы специальные и дисциплинарные суды (первые рассматривали более крупные дела, чем вторые, и могли вынести любой приговор, включая смертную казнь). Эти суды учреждались военными администраторами. В стране была запрещена деятельность политических партий, молодежных организаций, введена строжайшая цензура, распущены многие органы местного самоуправления. Правительство ввело законы, по которым «созыв или посещение митингов или демонстраций на политической основе» карались семью годами строгого тюремного заключения; за «забастовки и агитацию» грозило тюремное заключение на 10 лет, за «антигосударственную деятельность» – 15 лет⁴¹. Жители страны, в соответствии со специальным постановлением, были обязаны сообщать властям об известных им случаях нарушения законов военного положения; при этом половина взысканной с арестованного суммы штрафа передавалась доносчику⁴².

Проводя чистку госаппарата, военное правительство преследовало также и политических деятелей, занимавших в прошлом ведущие посты в системе государственного управления. На основании так называемого закона о дисквалификации, принятого в начале 1959 г., к судебной ответственности «за плохое управление» и «превышение власти» в разное время были привлечены такие видные политики, как Х.Ш. Сухраварди, М.Ф.К. Нун, М.М. Даултана и др. Всем им было запрещено заниматься политической деятельностью в течение нескольких лет (в основном до 31 декабря 1966 г.). Ясно, что эта мера, кроме пропагандистского предназначения, имела целью не допустить к управленческой деятельности опытных и старейших государственно-политических деятелей страны. Более суровым наказаниям подверглись видные руководители национального и демократического движения, лидеры профсоюзных, крестьянских и молодежных организаций, левые деятели культуры. Были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения А.Гаффар Хан,

Г.М. Саед, А.С.Х. Ачакзай, А.Х. Бхашани, М. Ибрагим, Ф. Мансур и другие⁴³.

Впоследствии правительство стало проводить более гибкий курс – в определенных рамках были разрешены деятельность оппозиции при условии, что она «не направлена на подрыв безопасности государства», и критика властей, если она «конструктивна и информационна»⁴⁴. В мае 1959 г. было объявлено о запрещении лишь «незаконных забастовок». Отменялась цензура, однако запрещалась публикация материалов, которые могли «вызвать враждебность к вооруженным силам и распри в обществе»⁴⁵. Власти изобретали хитроумные ходы для достижения своих целей не столь грубыми методами, как прежде. Так, в 1959 г. правительство приняло поправку к одному из законов «об охране общественной безопасности». Согласно ей, власти, вместо того чтобы закрыть неугодное периодическое издание, получили право менять руководство любого издания и тем самым, сохраняя его название и популярность, использовать его в иных целях. Так было сделано в отношении широко известных демократических газет «Пакистан таймс» и «Имроз». Кроме того, контрольный пакет акций издательства, которое публиковало эти газеты, принадлежавший видному политическому деятелю, лидеру Национальной народной партии М.И. Ифтихаруддину, был продан с аукциона. Усилиями властей в 1959 г. была создана Гильдия писателей Пакистана, которая поставила задачу сделать писателей разных направлений проводниками официальной идеологии, вытравить социальное содержание из их произведений⁴⁶.

Таким образом, военное правительство сразу же после прихода к власти провело серию мероприятий, главная цель которых была укрепление нового режима. Одни мероприятия носили чисто репрессивный характер, другие были направлены на идеологическую обработку населения, наконец, ряд мер ослабил некоторые наиболее отрицательные последствия прежних режимов, содействовал улучшению социально-экономических условий, что несколько стабилизировало положение различных слоев населения и породило в массах большие надежды. Однако эти меры, в силу их чрезвычайности, вскоре стали терять свой позитивный характер и, соответственно, свою привлекательность. Поскольку не было проведено никаких существенных экономических преобразований, то все меры социально-экономического характера

были ограничены прежними узкими финансово-экономическими рамками и проводились по принципу «тришкина кафтана». Так, для улучшения финансового положения, особенно в отношении золотовалютных ресурсов, был существенно ограничен импорт. Но это вскоре привело к дефициту сырья, энергии, оборудования для промышленного производства, к нехватке товаров первой необходимости, в условиях которой потерял свое значение контроль над ценами: в открытой торговле по твердым ценам приобрести товары широкого потребления стало невозможно, и опять приходилось обращаться к черному рынку с его баснословными ценами⁴⁷. Недовольство в стране вновь начало нарастать. В подобной сложной, противоречивой, но еще достаточно благоприятной обстановке правительство М. Айюб Хана приступило к широкому реформированию пакистанского общества. Начало оно с преобразований в области сельского хозяйства и аграрных отношений.

Аграрная реформа. Сельское хозяйство всегда было важнейшей отраслью экономики Пакистана, с ним связано подавляющее число жителей страны. Именно здесь создавалась большая часть национального дохода страны, основная часть поступлений иностранной валюты обеспечивалась за счет экспорта сельскохозяйственных продуктов. Между тем состояние этой отрасли экономики Пакистана в конце 1950-х годов было крайне тяжелым, что проявлялось в медленном росте общего производства продуктов земледелия, их низкой урожайности, растущем импорте продовольствия. Ежегодно до 100 тыс. акров пахотной земли становились непригодными для обработки вследствие засоления и заболачиваемости почвы⁴⁸.

Тяжелое состояние сельского хозяйства Пакистана было обусловлено совокупностью причин, главными из которых были его общая отсталость, низкий уровень технической базы, допотопные методы ведения хозяйства, существовавшая в стране система аграрных отношений, которая во многом была «ответственна» за указанные и многие другие причины бедственного положения ведущей отрасли народного хозяйства страны. Для аграрной системы характерным было господство крупного помещичьего землевладения, наличие многочисленных колониальных и полуфеодальных пережитков, крестьянское малоземелье и безземелье. По официальным данным, к 1959 г. в руках 6 тыс.

крупных помещиков (владения свыше 500 акров) находилось более 7,5 млн. акров земли (1 акр составляет 0,4 га), тогда как 3,3 млн. владельцев мелких участков (менее 5 акров) имели 7,4 млн. акров. (Общая обрабатываемая площадь в Пакистане составляла в то время около 45 млн. Акр, или 18 млн. га.) Между тем устойчивый прожиточный минимум мог обеспечить крестьянской семье участок в 12,5 акров⁴⁹. Поэтому значительная часть крестьян вынуждена была на кабальных условиях арендовать землю у помещиков. Помимо высокой арендной платы они платили проценты на денежные ссуды или предоставляемые помещиками семена, рабочий скот, а также различные феодальные поборы – «на дверь», «на право жениться» и т. д. Естественно, что подобная ситуация не способствовала улучшению агрикультуры и технической базы отрасли; арендатор, который в любой момент мог быть согнан помещиком с земли, не горел желанием вкладывать в нее большие средства и усилия, а помещик не делал этого, поскольку жесткими экономическими и внеэкономическими мерами мог получить большой доход со сдаваемой в аренду земли⁵⁰.

Прямым наследием феодально-колониального прошлого явилось существование джагиров, то есть помещичьих владений, освобожденных от каких-либо государственных налогов. Несмотря на официальный запрет, продолжала действовать практика принудительного неоплачиваемого труда арендаторов (бегар).

Положение в сельском хозяйстве, от которого зависела вся экономика страны, условия жизни основной массы населения – крестьянства, рост его недовольства давно вызывали беспокойство у наиболее дальновидных представителей правящей элиты, настаивавших на решительных мерах в области сельского хозяйства и аграрных отношений, хорошо понимавших, что от этого зависит развитие всей экономики страны и сохранение «внутреннего мира». В тексте первого пятилетнего плана, например, подчеркнуто, что «структура земельных отношений является не только главным фактором роста национальной экономики, но и *sine qua non* социальной стабильности и политического прогресса государства»⁵¹. Видный государственно-политический деятель страны, представитель земельной аристократии М.М. Даултана, выступая в парламенте еще в сентябре 1958 г., заявил: «Ленд-

лордизм в его нынешней форме не может больше существовать и должен исчезнуть»⁵².

Сознавая, что неспособность прежних режимов провести аграрные преобразования была важной причиной их дискредитации в глазах общества, новое правительство начало проводить свои экономические мероприятия прежде всего в сфере сельскохозяйственного производства. Целью этих мер были модернизация сельского хозяйства, развитие предпринимательства в земледелии, рост производства в этой отрасли экономики. В социально-политическом плане власти надеялись таким образом разрядить недовольство миллионных масс крестьянства.

Уже в конце октября 1958 г. была создана Комиссия по подготовке аграрной реформы. Свой доклад она представила 20 января 1959 г., и через несколько дней президент по радио объявил о начале проведения реформы.

Наиболее существенную сторону реформы составляло положение об ограничении земельных владений 500 акрами орошаемой и 1000 акрами неорошаемой земли. Излишки за соответствующую компенсацию изымались и за выкуп распределялись среди крестьян, в первую очередь это касалось арендаторов, обрабатывавших эту землю до реформы. Помещикам разрешалось оставить у себя дополнительно 150 акров земли, на которой располагались животноводческие фермы, конные заводы, сады и другие объекты, где в той или иной форме велось капиталистическое предпринимательство. Кроме того, помещики могли передать наследникам (то есть в замаскированном виде оставить в собственном владении) до 250 акров⁵³. Введена была сложная система определения величины поместий, которая позволяла в зависимости от плодородия земли оставлять помещику более 500 акров.

Закон предусматривал выплату помещикам компенсации за отчуждаемые земли в виде свободно передаваемых четырехпроцентных облигаций, погашаемых в течение 25 лет. Распределяемая среди крестьян земля подлежала выкупу, сумма которого погашалась в течение 25 лет в виде ежегодных взносов⁵⁴.

Отменялась система джагирдари без какой-либо компенсации. Однако джагирдарам оставалась земля размером максимального помещичьего надела. Снова объявлялось о запрещении бегара. По всей видимости, на этот раз с этим реликтом феодального прошлого было покончено; во всяком случае, в следующих

аграрных законодательствах эта проблема уже не поднималась. Ограничивалось право сгона арендаторов. Это допускалось лишь в случае, когда арендатор не платил установленной ренты; использовал землю не в тех целях, для которых арендовал ее; передавал в субаренду и т. д.

Интенсивному развитию сельского хозяйства, кроме перечисленных мер, должны были содействовать и такие положения реформы, как ликвидация посредничества в аграрных отношениях, угроза конфискации земли, не обрабатываемой более двух лет, запрещение дробления участков меньше установленного размера (12,5–16 акров в зависимости от качества земли), а собственники «рентабельных» участков (свыше 50–64 акров) не имели права отчуждать какую-либо их часть, им разрешалось продавать лишь весь участок. Объявлялась обязательная консолидация раздробленных владений (к началу 1962 г. консолидация участков была проведена на площади в 3,5 млн. акров). Наконец, власти приложили немало усилий к тому, чтобы помещики вкладывали полученные средства за отчуждаемую землю в развитие и интенсификацию сельскохозяйственного производства, чтобы компенсировать потери в связи с уменьшением земельных владений, а затем и превзойти прежние доходы⁵⁵.

Аграрные реформы военного режима не означали существенного изменения системы аграрных отношений и значительного перераспределения земли в пользу крестьян. Под действие реформы 1959 г. формально попала лишь отмеченная выше верхушка землевладельцев числом немногим более 6 тыс. помещиков, в собственности которых находилось свыше 7,5 млн. акров. Реально, в силу положений реформы, позволявших сохранять участки более 500 акров, земли были изъяты только у примерно 1000 семей, включая 150 джагирдаров. Они пострадали довольно существенно – у них было отобрано от 2,5 до 13,5 тыс. акров. В целом в стране было изъято 2,3 млн. акров; это означало, что крупные помещики и после реформы сохранили у себя 5,2 млн. акров⁵⁶.

От проведения реформы земли получили выгоду лишь 5 % крестьянских хозяйств, в чью пользу были перераспределены около 5 % фонда обрабатываемых земель⁵⁷. Из-за высокого выкупа земли приобрело небольшое число арендаторов и малоземельных крестьян. Зажиточная верхушка крестьян по высокой цене покупала землю на рынке, это же стали делать предста-

вители торгово-промышленной буржуазии города, отставные военнослужащие (последние имели определенные льготы).

В целом аграрная реформа правительства М. Айюб Хана носила довольно ограниченный характер. Она не изменила принципиально существовавшую систему аграрных отношений; основу ее по-прежнему составляли крупное помещичье землевладение и крестьянское малоземелье и безземелье. Реформа обеспечивала помещичий путь развития капитализма в сельском хозяйстве Пакистана, содействовала расколу крестьянского движения путем привлечения на сторону правящих кругов зажиточной крестьянской верхушки.

В то же время важным результатом проведенных преобразований были ослабление той части крупных помещиков, которые продолжали держаться за прежние привилегии и феодальные методы ведения хозяйства, а также усиление предпринимательской деятельности помещичьего класса в целом и зажиточной крестьянской верхушки. Важным было подключение к этому процессу торгово-промышленного капитала города, что содействовало расширению внутреннего рынка.

Непосредственно крестьянству реформа 1959 г. дала не так уж много. Хотя нельзя недооценивать такие ее результаты, как некоторое перераспределение земли в пользу непосредственных производителей, запрещение принудительных поборов в пользу помещиков, увеличение ими арендной платы, ограничение сгона с земли арендаторов, установление фиксированной доли арендаторов в государственных налогах и др. После реформы крестьянское движение заметно пошло на убыль. Думается, что не столько конкретные выгоды, которые получили некоторые группы крестьян, обусловили этот феномен, сколько сам факт быстрого и последовательного проведения реформы 1959 г., что резко контрастировало с оставшимися на бумаге аграрными законами начала 1950-х годов. «Лед тронулся», и это радовало, порождало надежды, удерживало от борьбы.

Руководители Пакистана заявляли, что основная задача закона 1959 г. в том, чтобы предотвратить решение аграрного вопроса снизу. Уже тогда видный государственный деятель, а впоследствии глава пакистанского правительства, радикал и сторонник «великого кормчего» З.А. Бхутто утверждал: «Лучше осуществить земельную реформу мирным, беспристрастным и справедливым

путем», чем в одно прекрасное утро обнаружить кровопролитие, террор, ненависть»⁵⁸. В своем выступлении по радио в связи с объявлением аграрной реформы М. Айюб Хан, обращаясь к тем помещикам, которые попадали под ее действия, призывал их «понять требование времени». «История других стран, – подчеркивал он, – перед нашими глазами, и мы должны помнить ее уроки»⁵⁹. А год спустя он с удовлетворением констатировал, что земельная реформа «спасла страну от насильственной революции»⁶⁰. На большое значение реформы 1959 г. в деле общего укрепления позиций правящего блока указывали и представители зарубежной науки, печать. Так, крупнейший английский ученый А. Тойнби отметил «важную роль реформы в стабилизации политической жизни страны»⁶¹.

Аграрная реформа военного правительства носила весьма ограниченный характер. Особенно это заметно из «сегодняшнего далека». Если же представить обстановку почти полувековой давности, когда в стране господствовал блок земельной аристократии и крупной инациональной буржуазии, который препятствовал любому реформированию общества, то оценка реформы должна быть не столь строгой и более реалистичной.

Значимость реформы 1959 г. определяется уже тем, что она все же была проведена в жизнь и не вызвала тех негативных последствий, которые обычно сопровождают ломку «старого мира». Напротив, осуществление преобразований конца 1950-х годов повело к улучшению экономической и социально-политической обстановки в деревне, что позволило подойти к следующей фазе государственной политики в области развития сельского хозяйства – его интенсификации посредством улучшения технической базы и методов производства. Все это повело к дальнейшему развитию данной отрасли экономики, к восприятию и распространению в конце 1960-х годов «зеленой революции», благодаря которой Пакистан сумел обеспечить себя продуктами питания и отказаться от их импорта. Наконец, умеренный характер реформы 1959 г. обеспечил эволюционный характер аграрных преобразований, причем каждый последующий этап этого процесса носил более радикальный характер по сравнению с предшествующими.

Сразу же после завершения аграрной реформы правительство приступило к действиям по развитию технической базы сельского хозяйства, улучшению агрикультуры. Специально созданная

комиссия рекомендовала расширить ирригационное строительство, увеличить использование сельскохозяйственной техники, обеспечить крестьян удобрениями, хорошими семенами, содействовать кооперативному движению, значительно расширить кредит сельским производителям; особый упор предлагалось сделать на обучение фермеров современным методам обработки земли, а также на улучшение их связей с рынком.

Большое внимание властями было обращено на расширение и улучшение посевных площадей; это достигалось как за счет распашки пустующих земель, так и путем орошения уже обрабатываемых участков. Руководство всеми работами, связанными со строительством ирригационно-энергетических сооружений, занималось специально созданное государственное управление по развитию водных и энергетических ресурсов. К концу 1962 г., благодаря осуществлению ряда проектов, площадь обрабатываемой земли была увеличена на 2,1 млн. акров, а улучшение обеспеченности водой было проведено на площади в 7,6 млн. акров⁶².

Как отмечалось, огромный ущерб сельскому хозяйству Пакистана наносили засоление и заболачивание почв. В 1961 г. началось осуществление правительственного плана по восстановлению и улучшению качества земель за счет расширения оросительной системы, проведения дренажных работ, увеличения энергоснабжения этих районов. В 1962 г. был закончен один из проектов плана – «Речна доаб», что означало проведение мелиорации на площади в 1,2 млн. акров. Следующий проект – «Чадж доаб» – увеличил такую землю на 2,2 млн. акров. Работы продолжались и в следующие годы⁶³.

В 1961 г. была создана Корпорация сельскохозяйственного развития. Корпорация предоставляла крестьянам на коммерческой основе семена, удобрения, сельскохозяйственную технику, руководила работой по улучшению земледелия в «отобранных районах». В семи дистриктах (округах) отбирались в деревнях по одному «обычному» хозяйству, которые обеспечивались всем необходимым и где постоянно велось наблюдение специалистов. Вскоре эти хозяйства превращались в «образцовые», где урожайность почти на 20 % превышала среднюю по стране. Такие хозяйства становились примером того, что можно достичь путем усовершенствования агрикультуры.

В целях усиления финансовой помощи фермерам активизировали свою работу основные кредитные институты по обслуживанию сельского хозяйства – Сельскохозяйственный банк Пакистана и Корпорация по финансированию земледелия. Кредиты крестьянам возросли ⁶⁴. В феврале 1961 г. эти финансовые организации слились и на этой основе возник Банк сельскохозяйственного развития. К середине 1962 г. банк имел в стране около 100 отделений, которые предоставляли краткосрочные ссуды на покупку семян, удобрений и т. д. и долгосрочные (на период свыше 5 лет) на приобретение новой техники, улучшение почвы и ирригационных сооружений. Кредиты Банка росли ⁶⁵. Значительно увеличились на нужды сельского хозяйства кредиты Государственного банка Пакистана ⁶⁶.

В целях повышения занятости в деревне осуществлялась программа общественных работ по строительству мостов, дорог, небольших ирригационных сооружений. Власти содействовали кооперативному движению. Кооперативам предоставлялись различные льготы в отношении обеспечения семенами, удобрением, кредитами. Общее число кооперативов за период с 1958 по 1962 г. увеличилось с 20,9 до 25 тыс., а их членов – с 973,3 тыс. до 1,2 млн. человек ⁶⁷.

Пакистан находился на одном из последних мест в мире по количеству вносимых на единицу площади минеральных удобрений. На эту проблему было обращено особое внимание. К 1962 г. было построено пять заводов по производству искусственных удобрений общей мощностью в 340 тыс. т. Одновременно увеличился импорт удобрений (с 98 тыс. т в 1958/59 г. до 139 тыс. т в 1960/61) ⁶⁸. В результате потребление минеральных удобрений несколько возросло.

Произошло некоторое улучшение технической базы сельского хозяйства, прежде всего за счет импорта сельхозтехники. За годы военного режима было ввезено около 3 тыс. тракторов ⁶⁹; их общее число в стране в 1963 г. составило 6–7 тыс. ⁷⁰ Шло строительство предприятий по производству сельскохозяйственных орудий, в том числе завода по сборке тракторов в г. Вах.

С помощью иностранного, главным образом западногерманского, капитала создавались крупные государственные фермы, которые предоставляли фермерам улучшенные сорта семян, хорошие породы крупного и мелкого рогатого скота, птицы и т. д.

Были приняты меры по улучшению подготовки специалистов и научно-исследовательской работы в области сельского хозяйства. В 1959 г. в Пешаваре открылась академия по подготовке чиновников, связанных с осуществлением правительственных программ по развитию сельского хозяйства. В 1961 г. в Лаялпуре (ныне Фейсалабад) начали работать высшие сельскохозяйственные учебные заведения. Вскоре они превратились в центры научно-исследовательской работы, которые внедряли в сельскохозяйственную практику новые методы агрикультуры.

Меры правительства М. Айюб Хана по расширению сельскохозяйственного производства дали определенный результат, однако были недостаточны для преодоления кризиса сельского хозяйства, решения продовольственной проблемы страны. Рост производства продуктов питания практически сводился на нет ростом населения. Несмотря на некоторое улучшение агрикультуры, главным фактором состояния сельского хозяйства оставались погодные условия. В годы правления военных властей они были благоприятны для роста урожая, но с 1962/63 г. они ухудшились, что сразу сказалось на объеме продовольственных культур. Импорт этих культур увеличился. В эти годы Пакистан заключил с США соглашение о поставках в течение четырех лет американских сельскохозяйственных излишков по закону 480 на сумму 621,5 млн. долл.⁷¹

Урожайность основных земледельческих культур в Пакистане продолжала оставаться одной из самых низких в мире, методы ведения сельского хозяйства в масштабах всей страны мало изменились. Главная причина такого положения коренилась в системе аграрных отношений, которая была мало изменена реформой 1959 г. и которая продолжала сковывать развитие производительных сил общества. Миллионы крестьян, владевших крохотными участками земли, которые не обеспечивали полной занятости их владельцам, задавленные налогами и долгами, были не в состоянии применять современные методы ведения хозяйства, современную технику. Так, искусственные удобрения и улучшенные сорта семян использовались на участках, составлявших 1 % от посевных площадей страны⁷².

Что касается практических мер по подъему сельского хозяйства, то они были крайне ограниченными, с точки зрения потребностей и масштабов страны. Например, введенные к 1963 г.

новые земли увеличили посевную площадь страны лишь на 4,4 %. Потребность в минеральных удобрениях, по самым скромным подсчетам, превосходила их потребление в 8 раз. Государственные кредиты использовались зажиточной верхушкой крестьян, которые захватили в свои руки кооперативы. Что касается основной массы крестьянства, то главным и, по сути, единственным источником их кредитования оставались местные торговцы и ростовщики⁷³.

От аграрной реформы и мер правительства по поднятию сельскохозяйственного производства выиграли прежде всего средние помещики, связанные с предпринимательской деятельностью, и зажиточная верхушка крестьян, которым и достались все выгоды от освоения новых земель и орошения старых, от расширения государственного кредита, от увеличившихся поставок качественных сортов семян, удобрений и т. д. Экономические и политические позиции этих слоев серьезно укрепились. Именно за счет данных групп расширилась база правящего режима. Средние слои города и деревни активно стали участвовать в государственном управлении.

Что же касается основной массы сельских жителей, то позитивные мероприятия правительства в области сельского хозяйства или вообще не дошли до них, или коснулись весьма незначительно⁷⁴. Так, по данным пакистанской печати, только 4 % земледельцев, имевших задолженность, получили кредиты из государственных источников⁷⁵. Тем не менее мероприятия властей в сельском хозяйстве, особенно на фоне бездействия в прежний период, породили в пакистанском крестьянстве большие надежды и иллюзии относительно перспектив своего положения. Этот момент в сочетании, естественно, с методами военного режима повели к спаду активности крестьянских масс: в 1959–1962 гг. в Пакистане отсутствовало сколько-нибудь значительное крестьянское движение.

В целом, несмотря на крайне ограниченный характер правительственных мер по модернизации сельского хозяйства, в тех условиях, когда больше десяти лет в обществе сохранялся статус-кво, эти меры имели позитивное значение не только с точки зрения реального результата. Они означали начало преобразования основных сфер жизнедеятельности страны. За действиями в области сельского хозяйства и аграрной системы последовали

позитивные шаги в других сферах. Для сельского хозяйства была создана основа дальнейшего процесса развития. Без всякого сомнения, можно констатировать, что деятельность правительства М. Айюб Хана положила начало модернизации Пакистана.

Промышленная политика. В первый период самостоятельного существования Пакистана в нем, как практически во всех освободившихся странах, вмешательство государства в экономику было довольно значительным. Хозяйственная отсталость бывших колоний, неравномерность экономического развития, недостаток средств и пр. требовали общего и целенаправленного руководства народным хозяйством со стороны государства, планирования его развития, мобилизации финансовых средств и направление их на создание объектов, наиболее важных, с точки зрения национальных интересов. Примерно такая политика, быть может, более мягкая по отношению к частному сектору, проводилась и в Пакистане.

Военные власти пошли на резкое увеличение роли частного предпринимательства, считая его основным двигателем экономического развития страны. В одном из своих выступлений в апреле 1959 г. М. Айюб Хан заявил: «Кардинальный принцип деятельности правительства Пакистана заключается в предоставлении свободному предпринимательству возможности играть ведущую роль в экономике государства... ибо только так оно может дать больше всего и для всех»⁷⁶. Таким образом, частному предпринимательству отводилось главное место в материальной сфере, а также в создании государства всеобщего благосостояния. Помимо этих эгалитаристских устремлений, частному сектору предлагалось открыть простор для «расцвета личности» и «проявления индивидуальных качеств»⁷⁷. Наконец, всячески подчеркивалось, что свободное предпринимательство является эффективным средством борьбы с бюрократизмом, коррупцией и централизацией⁷⁸.

Думается, что подобный поворот в экономической политике государства был несвоевременным и слишком резким. Естественно, что подавляющее большинство освободившихся стран рассматривали огосударствление экономики как состояние временное и освобождались от него, но очень осторожно, постепенно и после длительного периода, когда становились ясными препятствия, создаваемые вмешательством государства в народное хозяйство (в значительно более экономически развитой Индии

к политике либерализации приступили лишь в начале 1990-х годов). Поэтому следствием подобного перехода был рост производства без соответствующих позитивных социальных изменений и широкого недовольства простого населения.

Но на этом злоклучения с государственной экономической политикой не закончились. По прошествии более 10 лет, в начале 1970-х годов, то есть когда рыночные отношения уже получили определенное развитие, радикальный лидер страны З.А. Бхутто резко повернул руль управления в сторону огосударствления экономики и ограничения свободного предпринимательства. Национализации подверглись не только крупные и средние предприятия, но и часть мелких заведений. В отличие от правительственных действий в 1950-е годы, поворот З.А. Бхутто повел к осложнению экономической конъюнктуры в стране; естественно, имело место недовольство широких слоев собственников, а также других слоев населения. Это все сыграло решающую роль в падении режима З.А. Бхутто.

После этого военное правительство М. Зия-уль-Хака со второй половины 1970-х годов вновь вернуло экономику страны на рыночные рельсы. Разумеется, такие повороты в развитии экономики, то есть основы, базиса всего общественного уклада Пакистана, во многом предопределили и сложность общественно-политического развития страны.

Правительство М. Айюб Хана в течение короткого периода после прихода к власти, когда оно спасало положение методами прямого государственного вмешательства в дела экономики, весь остальной период своего существования проводило политику ограничения и ослабления государственного контроля, всестороннего развития и укрепления рыночных отношений. В интересах частного сектора власти ликвидировали контроль над ценами на подавляющее большинство товаров, а также над распределением и расходом таких дефицитных материалов и промышленного сырья, как цемент, уголь, черные металлы; была снята государственная регламентация производства технического сырья. Несмотря на острую нехватку продовольствия, была проведена полная отмена контроля над продажей пшеницы и частично риса⁷⁹.

20 февраля 1959 г. правительством была провозглашена «новая промышленная политика», главная цель которой состояла, по

словам министра промышленности А. Касем Хана, в «предоставлении максимальных возможностей частному сектору»⁸⁰. Уже в апреле того же года было создано специальное бюро по поощрению капиталовложений. Оно обеспечивало частных инвесторов, в том числе и иностранных, всей информацией относительно возможностей и условий инвестиций, а также оказывало им всяческую помощь в получении импортных лицензий, в приобретении на льготных условиях земли, оборудования, сырья и т. д. За период с апреля 1959 по июнь 1962 г. через это бюро были получены разрешения на строительство 171 и расширение 67 объектов с общей суммой капиталовложений почти в 1 млрд. рупий⁸¹. Для привлечения предпринимателей к участию в разработке промышленной политики из официальных лиц и представителей деловых кругов в 1960 г. был образован промышленный совет в качестве совещательного органа при министерстве промышленности.

Частному предпринимательству были предоставлены самые широкие возможности для деятельности в промышленной сфере. В исключительном ведении государства были оставлены предприятия, связанные с производством вооружений и атомной энергии, транспорт, связь. В больших масштабах государство вкладывало средства в те отрасли, которые частный капитал не хотел или не мог осваивать. Одновременно предусматривалась широкая и ускоренная передача предприятий в частные руки после их сооружения в государственном секторе; продажа этих предприятий частному сектору проводилась на льготных условиях и с большой рассрочкой платежей. К началу 1962 г. две трети предприятий, построенных государственной Корпорацией промышленного развития Пакистана (КПП), оказались в руках частных предпринимателей⁸². КПП все больше превращалась в строительно-подрядную организацию, действовавшую в интересах частного капитала⁸³.

Благоприятной для частного предпринимательства была налоговая политика военного правительства. Значительно была снижена максимальная ставка налога: с 87,5 до 75 % доходов для частных лиц и с 85,5 до 60 % доходов компаний. Минимальная сумма дохода, подлежащая обложению подоходным налогом, была повышена с 5 до 6 тыс. рупий. Отменялся налог на предпринимательскую прибыль. Налог на доходы компаний, являющихся

вкладчиками в других обществах, был сокращен с 31,5 % до 20, а затем и до 15 %. Уменьшились налоги на сделки между компаниями. Чрезвычайно важным было положение о том, что облагаться налогом должна не общая сумма доходов, как это делалось раньше, а лишь та ее часть, которая остается после вычета тех льгот, которые предоставлены данному лицу или компании⁸⁴. Существенно снижалась ставка налога на сверхприбыль (в 2–3 раза в зависимости от величины сверхприбыли)⁸⁵. О выгодах торгово-промышленных слоев от изменения системы налогообложения говорит динамика прямых налогов (то есть выплачиваемых предпринимателями). Если в 1958/59 г. прямые налоги дали 398,1 млн. рупий дохода, то в следующие три года в государственный бюджет поступило 319,7 млн., 324,4 и 373,7 млн. рупий соответственно. И это в условиях значительного роста общих доходов предпринимателей. Новые льготы снизили поступления от прямых налогов в бюджете 1962/63 г. на 272,2 млн. рупий⁸⁶. Для частного предпринимательства в промышленности важным было решение правительства о перераспределении поступающей от экспорта инвалюты между государственным и частным секторами в пользу последнего (подробнее см. ниже).

Политика правительства на широкое развитие частного сектора проявилась в заданиях второго пятилетнего плана (1960–1965 гг.). Из общей суммы расходов в 19 млрд. рупий планировалось потратить на нужды частного сектора 7,5 млрд. рупий (40 %), тогда как по наметкам первого пятилетнего плана эти расходы составляли 30 % общей суммы. На промышленность расходы по частному сектору более чем в два раза превышали государственные.

Показателем расширения частного сектора явился значительный рост коммерческого кредита частным предпринимателям (чему содействовало и снятие ограничений на банковский кредит частнику, введенных в 1957 г.). В рассматриваемый период активизировались различные организации, занимающиеся кредитованием частного сектора, например, Корпорация промышленного кредита⁸⁷.

Для содействия промышленному предпринимательству правительство в 1959 г. утвердило программу капиталовложений в промышленность частного сектора, рассчитанную на период действия второго пятилетнего плана. Уже через два с половиной года

задания программы были значительно перевыполнены: было вложено 4,07 млрд. рупий, тогда как на все пятилетие планировалось инвестиций на 2,8 млрд. рупий. В связи с этим, в феврале 1963 г. на оставшийся период было установлено задание в сумме 1,5 млрд. рупий⁸⁸.

Пакистанская официальная пропаганда, западная печать, органы местных бизнесменов высоко оценили и горячо приветствовали действия правительства по развитию частного предпринимательства и по ограничению государственного сектора⁸⁹.

При этом надо иметь в виду, что отмеченные выше меры по развитию частного предпринимательства не означали ликвидацию государственного регулирования различных сторон экономической жизни страны. Как и прежде, такое регулирование вызывалось объективными потребностями развивающегося общества, необходимостью контроля над использованием весьма ограниченных средств. Поэтому сохранился принцип планирования экономического развития Пакистана в виде государственных пятилетних планов. Значительным был государственный контроль в области импорта; и это вполне объяснимо – огромные потребности в самых разнообразных товарах, с одной стороны, и напряженное финансовое положение – с другой, делали государственное регулирование в этой сфере абсолютно необходимым. Нехватка товаров ширпотреба заставляла осуществлять контроль над их распределением.

По-прежнему государство брало на себя ответственность за развитие тех отраслей, которые или игнорировались частным капиталом, или где было противодействие их развитию со стороны иностранных монополий. Именно сопротивление англо-американских нефтяных компаний созданию в Пакистане собственной нефтяной промышленности привело к образованию в сентябре 1961 г. государственной Корпорации по развитию нефтяной и газовой промышленности, деятельности которой существенную помощь оказывал Советский Союз в соответствии с договором, заключенным в 1961 г., о разработке нефтяных месторождений Пакистана. В том же году был издан указ, передававший все природные богатства страны в исключительное ведение правительства, которое одно могло выдавать лицензии на их разработку. В целях лучшей координации действий различных компаний по разведке и разработке полезных ископаемых и известного

контроля над их деятельностью в 1961 г. было образовано министерство топлива, энергетики и природных ресурсов. Для противодействия давлению иностранных пароходных компаний, развившемуся, в частности, в значительном повышении ими ставок за фрахт, правительство создало в 1963 г. государственную судходную корпорацию.

Таким образом правительство М. Айюб Хана, всемерно развивая частное предпринимательство, одновременно помогало государственному сектору. Главное заключалось в общем ускорении развития экономики Пакистана, особенно отечественного производства. По второму пятилетнему плану на нужды промышленности было выделено в два раза средств больше, чем на первую пятилетку⁹⁰.

Серьезные стимулы для развития промышленности создавала налоговая политика режима. Основная ее цель заключалась в том, указывалось в одном из официальных изданий, чтобы «создать налоговый климат, благоприятный как для иностранных, так и для местных бизнесменов для вложений капиталов в промышленность»⁹¹. Изменения системы налогообложения увеличили возможности для предпринимательства вообще, но наибольшие льготы были предоставлены именно промышленному предпринимательству. Так, максимальные ставки налогов на доходы торговых предприятий были установлены в 60 %; на доходы промышленных объектов, построенных до 14 августа 1947 г. – в 50 %, а на промышленные предприятия, созданные после этой даты – в 45 %. Таким образом, самую большую налоговую льготу получили промышленные объекты, построенные за годы независимости, что можно объяснить, с одной стороны, стремлением правительства стимулировать новые вложения в промышленное производство, с другой – тем, что большинство данных предприятий принадлежали крупной пакистанской буржуазии, тогда как предприятия, построенные до 1947 г., – в основном иностранному капиталу. Дополнительные льготы в налогообложении получили предприятия, зарегистрированные после 1 апреля 1959 г., то есть в период военного режима, и предприятия, работавшие на местном сырье и не менее 60 % прибыли отчислявшие на расширение производства. Особенно благоприятными были условия для горнодобывающей отрасли. На все ее предприятия распространялось самое льготное налогообложение, которое в остальных отраслях

промышленности предоставлялось лишь некоторым, отмеченным выше категориям предприятий. Только для горнодобывающей промышленности были и некоторые другие льготы. Так, часть прибыли ее предприятий, равная 5 % их капитала, освобождалась от налогов на 5 лет ⁹².

Как будет показано в следующем разделе, политика военного режима в области внешней торговли также способствовала развитию промышленности.

Значительное внимание правительство М. Айюб Хана уделяло развитию мелкого производства. Поскольку оно работало на местном сырье и осуществляло его первичную обработку, ему отводилась важная роль в накоплении инвалюты и повышении удельного веса готовых изделий в пакистанском экспорте. Расширение мелкого производства должно было способствовать сокращению безработицы. Наконец, такими мерами власти стремились привлечь на свою сторону массы мелких производителей и укрепить тем самым социальную базу режима.

По заданиям второго пятилетнего плана на мелкую промышленность было выделено 750 млн. рупий (в первую пятилетку на эту отрасль было ассигновано 86,5 млн. рупий). В 1960 г. был принят специальный план для этой отрасли. Активизировала свою деятельность Корпорация по развитию мелкого производства, которая до этого фактически бездействовала. Созданный в 1961 г. Банк промышленного развития значительную часть своих кредитов предоставлял небольшим предприятиям. В мае 1962 г. власти приняли решение об увеличении сроков уплаты займов Национального банка, полученных мелкими производителями. Им были предоставлены и существенные налоговые льготы ⁹³.

Все эти меры, конечно, содействовали развитию мелкого производства, темпы роста которого составили в годы военного режима довольно солидную величину – 6 %. Но абсолютно все это было недостаточным и ограниченным. Официальные источники постоянно отмечали огромную нужду ремесленников и кустарей в кредитах, сырье, а также трудности сбыта готовой продукции. К тому же имели влияние и следующие факторы.

Отмеченные выше изменения системы налогообложения, в первую очередь уменьшение прямых налогов, создали брешь в бюджетных поступлениях, которую власти заполнили путем повышения косвенных налогов. Значительно увеличились акцизные

налоги на предметы широкого потребления – ткани, пряжу, спички, овощи, чай, мыло, сигареты. Одновременно происходил рост другого важнейшего вида косвенного обложения – налога на продажу. Повышались и другие косвенные налоги. В целом косвенное налогообложение возросло с 757,4 млн. рупий в 1957/58 г. до 1,18 млрд. в 1961/62 г. Доля поступлений от косвенных налогов в общих доходах государственного бюджета увеличилась за эти годы с 49 до 55 %.

Налоговая политика правительства дала мелкому производителю определенные выгоды. Но мелкий производитель в то же время и массовый потребитель товаров первой необходимости, за которые он стал платить больше в результате той же самой налоговой политики. Таким образом, в одном качестве он получал выгоды, а в другом – терял. Разумеется, соотношение выигрыша и проигрыша было неодинаково для различных групп мелкой буржуазии. Ее верхушка – хозяева небольших предприятий, торговых заведений – получила значительно больше, чем мелкие кустари и ремесленники-одиночки, живущие только за счет своего труда⁹⁴. На этом примере можно видеть сложности и противоречия всей экономической политики правительства и ее результатов.

Меры по развитию национальной промышленности правительства М. Айюб Хана имели своим результатом рост промышленного производства и некоторые качественные изменения этой отрасли. Если взять 1959/60 г. за 100, то индекс промышленного производства составил в 1960/61 г. 118,5, в 1961/62 – 138,2; в 1962/63 г. – 158,9⁹⁵. В общем объеме производства преобладала легкая промышленность, куда в основном вкладывала свои средства пакистанская буржуазия и где обеспечивались быстрый оборот капитала и высокие прибыли. И само правительство рассматривало легкую промышленность (прежде всего – текстильную) как средство быстрого увеличения национального дохода страны, улучшения платежного баланса благодаря производству экспортных товаров, обеспечения занятости населения; легкая промышленность была выгодна благодаря наличию собственного сырья и квалифицированной рабочей силы; наконец, она способствовала развитию сельского хозяйства.

В то же время экономика Пакистана уже ощущала негативное влияние большого разрыва между легкой промышленностью и

топливно-энергетической базой, производством промышленного сырья, оборудования и запасных деталей. Диспропорции в развитии отраслей промышленности наносили прямой ущерб интересам буржуазии, которой приходилось тратить огромные средства на импорт топлива, машин, запчастей. Поэтому деловые круги страны все больше обращали внимание на создание определенных отраслей тяжелой промышленности. И политическое руководство, которое с начала 1960-х годов взяло курс на укрепление внешнеполитической самостоятельности Пакистана, понимало, что подобные усилия должны подкрепляться мерами по ослаблению экономической зависимости государства от иностранных монополий. В результате всех этих обстоятельств в годы военного правления в Пакистане началось расширение и ускорение развития тяжелой промышленности.

В первую очередь это коснулось горнодобывающей и топливно-энергетической отраслей. За 1959–1962 гг. добыча угля и нефти выросла в 1,4 раза, а природного газа – почти в 2 раза. Производство электроэнергии в 1962 г. составило 2307 млн. кВт/ч по сравнению с 949 млн. в 1957 г. Выросла добыча хромовой руды, известняка и других полезных ископаемых. Увеличился выпуск продукции химической промышленности, причем некоторые из них (например сульфат аммония) стали производиться в Пакистане впервые. В 1962 г. вступили в строй пять заводов по производству минеральных удобрений. Было начато строительство нескольких фармацевтических предприятий; заводов, выпускающих серную кислоту, ацетилен, каустическую и кальцинированную соду и т. д. В Карачи вступил в строй первый за годы независимости Пакистана нефтеочистительный завод; после чего было начато строительство еще двух таких заводов⁹⁶.

В течение многих лет в Пакистане велась острая борьба вокруг планов создания в стране металлургических заводов. Противодействие им оказывали американские и английские монополии и связанные с ними группы местной торговой буржуазии, которые вместе держали в своих руках импорт в страну металла. Однако к концу 1950-х – началу 1960-х годов все больше представителей делового мира стали выступать в поддержку создания собственной металлургии. Потребность страны в металле к этому времени сильно возросла, его ввоз поглощал значительную часть иностранной валюты, недостаток металла отрицательно сказывался

на развитии многих отраслей промышленности, что прямо было по интересам частного национального капитала, значительно затрудняло тенденции к ослаблению внешнеэкономической зависимости Пакистана. Результатом преобладания настроений в пользу создания собственной металлургической базы было решение правительства в 1961 г. о строительстве в стране двух металлургических заводов. В эти же годы было решено создать несколько заводов по сборке и производству отдельных частей легковых и грузовых автомобилей, локомотивов и вагонов, тракторов, электрооборудования.

Результатом всех этих мероприятий явилось расширение промышленного производства в целом, развитие некоторых отраслей тяжелой промышленности. Доля промышленности в валовом продукте страны увеличилась с 9,3% в 1957/58 г. до 10,6% в 1961/62 г. Существенно изменилось соотношение между мелкой и крупной промышленностью в пользу последней: в 1957/58 г. это соотношение составляло 48:52, а в 1961/62 г. – 40:60. Рост отечественного производства обеспечил абсолютное и относительное увеличение поступлений от обработанных товаров⁹⁷.

Такое направление экономической политики пакистанского правительства было сохранено и в последующие годы. В соответствии с третьим пятилетним планом (1965–1970 гг.) значительно больше, чем прежде, ассигнований предоставлялось промышленности, предусматривалось широкое развитие отраслей тяжелой промышленности⁹⁸.

В то же время за весьма короткий рассматриваемый период, при крайне ограниченной финансовой базе и наличии многих пережитков колониального и доколониального прошлого, в стране не произошло сколько-нибудь значительных качественных изменений в промышленности и тем более во всей экономике государства. Пакистан в 1962 г., как и прежде, оставался экономически слаборазвитой страной, в которой отсталое сельское хозяйство являлось ведущей отраслью народного хозяйства. С земледелием было связано около 75 % самодеятельного населения; в экспорте по-прежнему преобладали товары сельского хозяйства, а в импорте – оборудование, промышленное сырье, продовольствие; более половины национального дохода страны создавалось в сельском хозяйстве. Сохранявшийся дефицит топлива и электроэнергии по-прежнему сковывал развитие промышлен-

ленности Пакистана, вел к неполному использованию уже имевшихся производственных мощностей, делал себестоимость промышленной продукции очень высокой (так, местные минеральные удобрения были на 50% дороже импортных)⁹⁹. Все отмеченные трудности развития пакистанской экономики содействовали сохранению ее зависимости от иностранных монополий.

Экономическая политика правительства, укреплявшая позиции крупной пакистанской буржуазии, способствовала более быстрой концентрации капитала, усиливая процесс создания монополистических объединений. Помимо экономических, власти предпринимали административные меры в целях концентрации капитала. Так под контролем государства создавались монополистические отраслевые объединения. По решению правительства объединялись и присоединялись к крупным мелкие страховые компании. Многие представители верхних слоев бизнеса занимали видные посты в администрации М. Айюб Хана. Например, А. Касем Хан, глава концерна «А.К. Хан», был министром промышленности; представитель монополистической группы Аминов А. Кадир после октября 1958 г. стал управляющим Государственным банком страны. Предпринимательская верхушка через Федерацию промышленных и торговых палат оказывала влияние на экономическую политику правительства. Многие ее рекомендации – о снижении максимальной ставки налога, либерализации подоходного налога и пр. были приняты властями. Политика правительства содействовала крайне важному процессу – слиянию промышленного, банковского и торгового капиталов. В одном экономическом журнале указывалось, что «промышленник становился и торговцем, и банкиром, и владельцем страховых компаний»¹⁰⁰.

Значительно укрепились позиции монополистических групп Даудов, Аминов, Харунов и др. В рассматриваемый период возникла и быстро вошла в число крупнейших объединений группа Гохар – Хабиб (Гохар Айюб Хан – сын тогдашнего главы государства). Все эти процессы продолжались и в последующие годы. В результате, по данным отечественного ученого С.Ф. Левина, в середине 1960-х годов в Пакистане имелось около 30 крупных групп пакистанской буржуазии с активом свыше 100 млн. рупий, а активы трех крупнейших из них – компании Хабибов, Сайголов и Адамджи – превышали 1 млрд. рупий. Все

эти группы представляли собой крупные концерны, действовавшие в различных отраслях промышленности, транспорта, торговле, страховом деле, сфере банковского кредита. В то же время каждая из них занимала монопольное положение в производстве и сбыте тех или иных товаров ¹⁰¹.

Внешнеторговый курс. 15 января 1959 г. правительство объявило свою политику в области внешней торговли. Ее основной целью было ослабление финансовых затруднений государства путем максимального увеличения его валютных ресурсов. В практическом плане это предполагалось достичь посредством всемерного расширения экспорта. Основным принципом торговой политики стал лозунг – «вывозить все, что можно». Одновременно власти стремились сократить импорт, ограничив его только «абсолютно необходимыми товарами».

Для решения этих задач были предприняты следующие конкретные меры. Снят был контроль над вывозом всех товаров, за исключением шестнадцати «жизненно важных для экономики и безопасности государства» (оружие, расщепляющиеся материалы, нефть, цемент и др.). Снизились импортные пошлины на промышленное сырье, идущее на производство товаров, предназначенных для вывоза. Экспортеры получили определенные льготы в области налогообложения и железнодорожных тарифов. Была введена «система гарантийного кредитования экспорта», согласно которой государство субсидировало экспортеров определенных товаров местного производства и гарантировало им возмещение (в размере 75–85 %) потерь, которые обычно не покрывались частными страховыми компаниями ¹⁰².

Правительство неуклонно расширяло импорт товаров, необходимых для местного производства, снижало ограничения, введенные прежде. Из года в год рос перечень разрешенных для импорта товаров. Одновременно жестко лимитировался и ограничивался ввоз товаров, объявленных «не жизненно важными для экономики страны»; к ним были отнесены не только предметы роскоши, но и многие предметы широкого потребления, что вело к их острой нехватке, росту цен и в конечном итоге отрицательно сказывалось на жизненном уровне широких слоев населения. В интересах импортеров были улучшены условия выдачи импортных лицензий, продлен срок их действий, значительно упрощен процесс оформления и получения лицензий ¹⁰³.

Важным элементом торговой политики военного режима являлась «бонусная схема», или система премиального экспорта, основанная на принципе – «нет импорта без экспорта». В соответствии с этой «схемой» количество иностранной валюты, полученной для импорта, зависело от вида вывозимых товаров: готовые изделия (кроме хлопчатобумажных) давали максимальный процент – 40; остальные товары предоставляли экспортеру право тратить на импорт от 20 до 35 % своей выручки (изделия из хлопка давали 20 %, ткани – 30 %, фрукты и овощи – 35 %¹⁰⁴). Никакой валюты для импорта не предоставлялось экспортерам таких традиционных сырьевых материалов, как хлопок, шерсть, чай, рис, кожи.

Бонусная система, как и вся торговая политика, способствовала развитию пакистанской промышленности. Предоставление предпринимателям части полученной ими валюты стимулировало местное производство, давало для этого определенные возможности. В подавляющем большинстве по бонусным лицензиям осуществлялся ввоз промышленного сырья, оборудования, запчастей. Наибольшее развитие получили отрасли промышленности, ориентированные на экспорт, – текстильная, бумажная, сахарная.

Внешнеторговая политика правительства была направлена на ограничение государственного контроля над экспортом и в значительно меньшей степени – над импортом. Огромные потребности государства в широком ассортименте готовых изделий при его напряженном финансовом положении делало государственное регулирование в этой сфере совершенно необходимым. Именно здесь правительству больше всего приходилось отступать от своего лозунга – «освободить экономику страны от оков контроля». Наиболее существенное ослабление контроля над импортом принесла бонусная система – раньше весь импорт находился под контролем государства. Теперь часть инвалюты могла тратиться на ввоз любых товаров без ограничений.

До военного режима ввоз в основном осуществляли «признанные импортеры», к которым принадлежали филиалы английских торговых компаний и крупные пакистанские. Подобное положение было крайне невыгодно промышленной и широким кругам торговой буржуазии страны. Политика военных властей ослабляла положение узкой группы традиционных держателей импортных

лицензий и давала возможность непосредственно участвовать в импорте тем слоям торгово-промышленной буржуазии, которые были лишены этого раньше. Это, в свою очередь, способствовало процессу концентрации и слияния промышленного и торгового капиталов и развитию монополистических объединений.

Данному процессу содействовали и планы властей по объединению множества (свыше тысячи) различных торговых и промышленных ассоциаций так, чтобы в каждом городе или промышленно-торговом районе страны существовала только одна торгово-промышленная палата, представляющая интересы всех деловых людей данной территориальной единицы – все они входили в единую Федерацию торговых и промышленных палат Пакистана. В результате число деловых ассоциаций сократилось до 86 в 1961 г., в дальнейшем их число продолжало уменьшаться¹⁰⁵. Одновременно происходило объединение мелких импортеров в группы и слияние небольших судоходных фирм и мелких владельцев в единую всепакистанскую компанию. Все это открывало более широкие возможности для контроля со стороны крупной буржуазии над деятельностью средней и мелкой буржуазии.

Каковы же были результаты внешнеторговой политики военных властей в «количественном» плане? Несмотря на физический рост экспорта, поступления от него не выросли сколько-нибудь значительно, тогда как стоимость импорта увеличилась в два раза. В итоге отрицательное сальдо внешней политики Пакистана существенно возросло. Важной причиной медленного роста поступлений от экспорта было падение цен на сырье на мировом рынке. Одновременно росли цены на ввозимые в Пакистан товары. Условия торговли ухудшались с каждым годом. Для того чтобы ввезти в 1960 г. столько товаров, сколько и 10 лет назад, надо было экспортировать товаров в два раза больше¹⁰⁶.

В этот период произошли определенные изменения в структуре экспорта и импорта Пакистана, что явилось отражением соответствующих сдвигов в экономике страны. В результате роста промышленного производства в экспорте абсолютно и относительно увеличилась доля поступлений от готовых изделий. При этом вместе с ростом экспорта традиционных изделий из ткани происходило увеличение экспорта химических продуктов, транспортных средств, некоторых видов оборудования. В импорте Пакистана уменьшилась доля потребительских товаров, тогда как

ввоз товаров производственного назначения (машин, оборудования, черных и цветных металлов) значительно расширился¹⁰⁷.

Естественно, период военного правления – весьма короткий, чтобы за это время произошли заметные сдвиги в промышленности и всей экономике. За это время рассматривались, отработывались и вводились в действие новые принципы развития экономики страны, которые в ряде случаев давали ожидаемые результаты. По разработанным принципам народное хозяйство Пакистана развивалось и в дальнейшем. Что же касается итогов такого развития к концу этого периода, то они были весьма скромными. В целом Пакистан оставался слаборазвитой страной, в большом количестве ввозившей готовые изделия и продовольствие, а вывозившей в основном сырьевые товары. Увеличение экспорта обработанных товаров шло главным образом за счет текстильных изделий, что являлось результатом роста легкой промышленности.

Ведущими контрагентами во внешней торговле Пакистана были ведущие западные державы – США, Англия, ФРГ, Япония. В импорте на первом месте стояла Америка, в экспорте – Англия. Зарубежные торговые партнеры Пакистана постоянно увеличивали свой экспорт и в то же время их импорт оставался примерно на одном уровне. Поэтому торговля с этими странами складывалась для Пакистана с большим и все возрастающим дефицитом. Эти и другие трудности в торговле Пакистана с ведущими западными странами вызывали в стране большое недовольство. Понимая, что подобное положение является следствием односторонней ориентации Пакистана на эти державы, широкие деловые круги и государственно-политическая элита все решительнее высказывались за диверсификацию внешнеэкономических связей Пакистана, за развитие этих связей с социалистическими и афроазиатскими странами. В результате в Пакистане возникли тенденции к ослаблению односторонней внешнеэкономической ориентации и развитию связей с максимально большим числом государств. Эти тенденции не получили серьезного развития, однако именно они привели Пакистан в последующие годы к развитию широких и разносторонних торгово-экономических и политических отношений со многими странами мира.

Экономический курс правительства М. Айюб Хана привел к важному социальному изменению в составе правящей буржуазно-помещичьей коалиции. В структуре второго участника этого

блока вместо ничтожной по численности верхушки аристократии на первые роли вышли более широкие, средние слои помещичьего класса, так или иначе связанные с предпринимательством. Нечто подобное произошло и с другим участником правящей коалиции. Решающее влияние на государственные дела стала оказывать не та небольшая часть крупной буржуазии, интересы которой лежали в сфере обращения, а более многочисленная торгово-промышленная буржуазия, заинтересованная в ускорении экономического развития страны, росте отечественного производства, расширении внутреннего рынка, укреплении самостоятельности Пакистана на мировой арене. Естественно, что все отмеченные сдвиги расширяли социально-политическую базу режима М. Айюб Хана, укрепляли его позиции.

Отношение к иностранному капиталу. Иностранный капитал всегда играл существенную роль в экономической жизни Пакистана. За его счет покрывались от одной трети до почти половины всех расходов по пятилетним планам. Иностранный капитал обеспечивал примерно половину финансов основных кредитных органов Пакистана. Руководители военного режима постоянно заявляли о важности иностранного капитала в решении основной задачи – экономического роста Пакистана ¹⁰⁸.

В течение 1959–1960 гг. власти создали исключительно благоприятный климат для иностранных инвестиций. Были сняты обязательные прежде условия участия отечественного капитала в тех отраслях, куда направлялись иностранные вложения. Иностранному капиталу гарантировалась свободный перевод всех прибылей и репатриация его в размере, не превышавшем первоначальной суммы. Твердо гарантировалось освобождение от двойного налогообложения прибылей американских, японских, английских, западногерманских и некоторых других иностранных компаний. Налог на доходы иностранных коммерческих компаний был снижен с 74,5–81,6 до 60 % и стал равен размеру налога на национальные коммерческие предприятия. Налог на иностранные промышленные предприятия был уменьшен до примерно 50 % (налог на местные предприятия составлял 45 %) ¹⁰⁹. Иностранные компании, связанные с производством, имели ряд льгот, которые понижали уплачиваемые ими налоги до уровня налога на пакистанские предприятия ¹¹⁰. Были ослаблены ограничения по найму

иностранных специалистов. В течение нескольких лет они освобождались от уплаты подоходного налога.

Правительство неоднократно заявляло, что не имеет намерения национализировать иностранные предприятия, и заверяло, что если «обстоятельства вынудят его к этому, то справедливая и полная компенсация будет уплачена в валюте той страны, откуда произведены вложения»¹¹¹. В целом надо отметить, что общий курс по расширению частного предпринимательства создавал благоприятные условия для деятельности иностранного капитала¹¹². Главное для режима состояло в развитии производства, а кто это делал – было не так уж важно.

Меры правительства дали определенные результаты. Среднегодовые поступления новых инвестиций в годы военного режима выросли. Общая сумма иностранных частных вложений достигла в 1962 г. 2 млрд. рупий. Абсолютно это были весьма скромные результаты, отражавшие слабое желание иностранного капитала, несмотря на исключительно благоприятные условия, идти в Пакистан (данное явление было тогда характерно для иностранных инвесторов в отношении всех развивающихся стран)¹¹³.

Кроме небольших размеров иностранных инвестиций, не произошло качественных изменений в размещении иностранного частного капитала в экономике Пакистана. Как и прежде, больше половины всех вкладов приходилось на торговлю, финансы, услуги и т. д. Однако благодаря мерам правительства по развитию производства доля вложений в перечисленные отрасли постоянно уменьшалась, тогда как инвестиции в промышленность росли абсолютно и относительно¹¹⁴.

Всячески стимулируя иностранных инвесторов вкладывать средства в промышленность, власти стремились в то же время ограничить иностранный капитал в сфере обращения. В этих целях были проведены объединения мелких пакистанских импортеров в группы, реорганизация торговых и промышленных палат, создание национальных фирм по импорту нефтепродуктов, который был фактически монополизирован англо-американскими компаниями, в дальнейшем этим местным фирмам было предоставлено исключительное право на ввоз в страну определенных видов нефтепродуктов. Для того чтобы ослабить полную зависимость от иностранных компаний в области морских перевозок, в стране была создана национальная судоходная компания.

За годы военного режима иностранный капитал оказался потесненным в банковском и страховом деле. Это произошло в результате активизации национальных кредитно-финансовых учреждений благодаря поддержке правительства. Сюда входили и налоговые льготы, и «советы» бизнесменам и учреждениям иметь дело только с пакистанскими страховыми компаниями, и предписание иностранным компаниям готовить для своей работы местные кадры. С 1960 г. началась «пакистанизация» действовавших в стране иностранных фирм, то есть увеличение в них доли местных служащих. Одновременно власти распорядились, чтобы условия работы пакистанцев в этих фирмах были одинаковы с условиями их иностранных коллег. Наконец, стало требоваться разрешение пакистанских властей для открытия новых отделений иностранных компаний, функционировавших в стране ¹¹⁵.

Меры правительства по ограничению деятельности иностранного капитала в сфере обращения затронули прежде всего позиции английского капитала, поскольку большая часть британских инвестиций приходилась на сферу обращения. Однако в целом английский капитал сохранил свое преобладающее положение в общих частных инвестициях в экономику Пакистана. Более чем в два раза увеличились вложения из США, возросли также западногерманские и японские инвестиции. Во многом это объясняется благоприятными условиями, созданными военными властями для инвестиций в производство. Именно туда шла значительная часть капиталов из США, ФРГ и Японии (в такие отрасли промышленности, как химическая, нефтяная, металлургия, автосборочная и т. д.). Разумеется, усилению экспорта частного капитала из США содействовало предоставление в течение ряда лет значительной американской государственной помощи, что создавало благоприятные условия для частных вложений. Достаточно упомянуть договор «О дружбе и торговле», заключенный между США и Пакистаном 12 ноября 1959 г., который предоставлял равные права американским инвесторам в Пакистане и пакистанским – в США ¹¹⁶.

Наиболее значительными промышленными предприятиями, построенными при участии иностранного частного капитала, явились заводы по переработке нефти и вторичного проката, предприятия по сборке грузовиков и автобусов в Карачи, электростанция в Мултане, цементные заводы в Карачи и Хайдарабаде,

верфь в Карачи и др. В 1962 г. между Пакистаном и ФРГ было подписано соглашение, которое предоставило западногерманскому капиталу возможность в больших масштабах участвовать в промышленном развитии Восточного Пакистана. Отметим, что сооруженные при иностранной помощи предприятия, несмотря на их ограниченность, дали пакистанскому правительству возможность проводить более гибкую линию по отношению к частному иностранному капиталу, изменять диктуемые им наиболее неблагоприятные условия вложений¹¹⁷.

Значительно большую роль в экономике Пакистана играл иностранный государственный капитал, поступавший по «программам помощи». Фактически Пакистан стал ее получать с 1951 г. В 1956 г. она составила 3215 млн. рупий (675,6 млн. долл.). После военного переворота эта помощь увеличилась и расширилась. Она шла на сооружение промышленных предприятий, проведение ирригационных работ, на нужды железнодорожного транспорта, на финансирование продовольственных и других поставок. В 1959 г. общая сумма средств по программам помощи составляла 1541,68 млн. долл., в 1962 г. она увеличилась до 2388,58 млн. долл. (доля американской помощи возросла с 72 до 80 %)¹¹⁸.

За это время произошло несколько важных событий, связанных с предоставлением Пакистану иностранной помощи. К их числу относится создание в 1960 г. Международного консорциума по финансированию пятилетних планов. Членами консорциума стали США, Англия, ФРГ, Бельгия, Канада, Франция, Италия, Япония, Голландия, Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международная ассоциация развития (МАР). На осуществление второго пятилетнего плана было ассигновано 2048 млн. долл. (американские средства превышали половину этой суммы).

В 1960 г. был образован Международный фонд по финансированию работ по разделу вод Инда и его притоков между Индией и Пакистаном в соответствии с достигнутым ими соглашением в том же 1960 г. В фонд вошли МБРР, США, Англия, Австралия, Канада, ФРГ и Новая Зеландия.

С созданием консорциума основная часть иностранной помощи стала поступать в Пакистан именно через этот орган. Другие источники – фонд финансирования работ в бассейне р. Инд, некоторые виды американской помощи (прежде всего – поставки

продовольствия в соответствии с законом 480 «О помощи иностранным государствам») ¹¹⁹.

В то же время с увеличением размеров иностранной помощи произошли некоторые негативные изменения условий ее предоставления (это коснулось главным образом американской помощи, которой принадлежали, как отмечалось, ведущие позиции в общем потоке финансовых средств из-за рубежа). Дело в том, что до начала 1960-х годов в американской помощи преобладали субсидии. В начале нового десятилетия основной формой помощи стали займы (в 1960 г. они составили 48 %, а в следующем пятилетии – более 80 % всей американской помощи). Оплата этих займов производилась в долларах (раньше – в рупиях). Правда, сроки их погашения были увеличены. Реализация займов была обязательна только в США. В политико-стратегическом плане новые условия предоставления займов (основного вида американской помощи) давали Вашингтону возможность более глубокого и длительного воздействия на процесс экономического и политического развития Пакистана. В условиях предоставления займов другими странами изменений практически не произошло ¹²⁰.

Одновременно с экономической США оказывали Пакистану военную помощь, которая значительно возросла после заключенного 5 марта 1959 г. нового двустороннего военного соглашения. Активно действовала в Пакистане информационная служба США. В 1962 г. в стране начал работать американской «корпус мира».

Зависимость Пакистана от помощи западных государств давала им возможность оказывать давление на эту страну. Угрозы прекратить или уменьшить помощь, а затем и осуществление этих угроз использовались в качестве репрессий за какие-либо действия, идущие вразрез с интересам Запада. Особенно часто к репрессалиям стали прибегать империалистические державы. Это стало заметно, когда во внешней политике Пакистана начали проявляться тенденции к нейтралитету, расширению сотрудничества с афро-азиатскими и социалистическими странами.

Недовольство в стране вызывала направленность иностранной помощи – основная ее часть не была предназначена для нужд производства. Между тем Пакистан достиг того уровня становления экономики, когда насущной необходимостью стало развитие основных отраслей промышленности. В печати указывалось, что

«прямым результатом помощи является закрепление положения Пакистана как аграрно-сырьевого придатка крупных капиталистических стран»¹²¹. Недовольство вызывала и американская внешняя помощь. Надежды на то, что эта помощь уменьшит собственные расходы на оборону страны и позволит увеличить средства на нужды экономики, не оправдались. Напротив, военные поставки из США поощряли трату Пакистаном своих средств на эти цели. Военные расходы в стране росли из года в год¹²².

Из-за проявления негативных моментов в помощи западных государств Пакистану в стране все настойчивее выдвигалось требование диверсификации ее внешних связей. Хотя только благодаря западной помощи успешно выполнялся второй пятилетний план 1960–1965 гг. Как только в 1965 г. из-за войны она сократилась, пошла под откос экономика, не был выполнен третий пятилетний план. Отмечалось, что страны, проводящие нейтральный курс, подобно Индии, находятся в более благоприятном положении, чем Пакистан, поскольку они пользуются «результатом соревнования двух мировых гигантов»¹²³. В официальных кругах крепло убеждение в необходимости расширения экономических и иных связей с социалистическими странами. В результате возникли тенденции к отходу от односторонней ориентации на США и другие западные страны, к развитию сотрудничества на двусторонней основе (концепция «байлетаризма») с максимально большим числом стран, независимо от их социально-экономического строя и политической направленности. Осуществление новых тенденций в международной политике Пакистана началось именно в это время в сфере экономической политики.

Серьезным свидетельством следует рассматривать рост экономических связей с социалистическими странами. В первой половине 1960-х годов Пакистан заключил выгодные для себя бартерные соглашения с СССР, Польшей, Венгрией, Румынией, Чехословакией и др. Были подписаны также соглашения об оказании ему этими странами экономической и технической помощи. Здесь следует отметить уже упомянутый договор с Советским Союзом, заключенный в марте 1961 г., о содействии в исследовании и разработке нефтяных месторождений Пакистана. Условия договора были весьма льготными для того времени. Особенно важным было положение о том, что в случае открытия запасов нефти пакистанская сторона становилась их единствен-

ным владельцем. Это отличало договор от подобных соглашений с англо-американскими нефтяными компаниями. Договор с СССР способствовал развитию национальной нефтедобывающей промышленности Пакистана. Важную роль при этом стала играть созданная в октябре 1961 г. при экономической и технической помощи Советского Союза государственная Корпорация по развитию нефтяной и газовой промышленности.

Расширение связей с социалистическими странами позволило Пакистану добиться некоторого улучшения своих позиций в экономических взаимоотношениях с западными державами. Так, им пришлось после отмеченного выше договора в марте 1961 г. несколько снизить цену на поставляемую в Пакистан нефть. Также отметим, что стала увеличиваться доля средств, поступавших в сферу производства. Важно, что этот процесс затронул американский капитал – наиболее значительный среди всех остальных стран-доноров и предпочитавший идти в финансовую сферу и обращение¹²⁴.

Изменения во внешнеэкономической политике сопровождались и существенными сдвигами во внешнеполитическом курсе Пакистана, что проявилось в стремлении ослабить зависимость от западных стран, укрепить самостоятельность на международной арене, расширить контакты с социалистическими странами. Активизировалась деятельность Пакистана в различных международных организациях. Более решительными сделались его выступления по основным проблемам современности, особенно в отношении расизма, апартеида, остатков колониализма. Начиная с 1961 г. Пакистан поддерживал Китай в его стремлении стать членом ООН. Он признал правительство Алжирской Республики, поддержал Тунис в вопросе о ликвидации французской военной базы в Бизерте. Слабели связи Пакистана, особенно военные, с СЕАТО и СЕНТО. В дальнейшем такая линия внешней политики получила широкое развитие, что привело к укреплению положения на мировой арене, выходу из блоков, присоединению к Движению неприсоединения.

Военный режим и ислам. Обсуждая политико-идеологические проблемы Пакистана, обратимся сначала к исламу, ставшему основой государства и играющему огромную роль во всех сферах жизни пакистанского общества¹²⁵. Пришедший к власти в 1958 г. режим, несмотря на некоторые попытки модернизации ислама,

никоим образом не ставил вопрос об ограничении его роли и влияния и активно использовал религию для укрепления своего положения, упрочения единства полиэтнического государства, еще состоявшего тогда из двух отдельных частей – Западного и Восточного Пакистана. Необходимо отметить, что рассматриваемые события происходили в условиях начавшегося кризиса государственного национализма как основы идеологии Пакистана и выдвижения на это место ислама с его эгалитаристскими лозунгами равенства всех членов уммы и построения «процветающего общества для всех».

Военные власти предприняли меры по усилению роли ислама. Расширилось религиозное воспитание учащихся на всех уровнях обучения. В 1962 г. начала функционировать Академия ислама для подготовки богословов и специалистов-исламоведов высшей категории. Еще раньше был создан Центральный институт научных исследований ислама с главной целью «содействовать реконструкции пакистанского общества на подлинно исламской основе». Новая Конституция, введенная военными властями, содержала множество исламских положений. Как и в предшествующей Конституции, провозглашался «суверенитет Аллаха над всей вселенной» и указывалось, что Пакистан основан на «исламских принципах социальной справедливости». Ни один закон не должен противоречить исламу. Пост главы государства мог занимать только мусульманин. Изучение Корана было объявлено обязательным для всех мусульман.

Военные власти много сделали по усилению роли ислама в обществе, и это являлось не только уступкой религиозно-общинным силам (хотя это тоже имело место), сколько стремлением еще больше внедрить ислам в общественную и повседневную жизнь населения. Тут, пожалуй, между военной интеллигенцией (которую представляло офицерство) и бородами исламистами не было больших расхождений. Противоречия касались форм и методов политики внедрения ислама и проблемы – кто будет проводить эту политику.

В Пакистане постоянно шла борьба за рычаги управления государством между военно-политической элитой и исламистами. Последние, опираясь на значительную поддержку «улицы», используя религиозный авторитет улемов (мусульманских богословов), «знающих истинный ислам и пути к нему»¹²⁶, старались

приблизиться к власти, внедриться в нее. Между тем как государственно-политические круги Пакистана, независимо от того, кто стоял у кормила власти, никогда не хотели выпустить ее из своих рук. Они принимали поддержку определенных кругов теократов, иногда, в исключительных случаях, на короткое время включали некоторых представителей этих кругов в органы управления. Но это был максимум, на который могла пойти правящая верхушка в отношении участия теократов в сфере государственной власти. Борьба за власть между этими силами была важной и постоянной составляющей всей внутривластной жизни Пакистана. Особенно она усилилась на рубеже XX–XXI веков.

В Пакистане с момента его возникновения (и задолго до этого) шла борьба между фундаменталистами (традиционалистами) и модернистами, или умеренными. Первые выступают за восстановление «классических форм ислама», против каких-либо нововведений. В противовес им модернисты стремятся привести общество и его идеологию в большее соответствие с потребностями нынешнего времени. Они не могут согласиться и принять многие требования фундаменталистов, потому что это невозможно в современную эпоху.

Традиционалисты исходят из того, что немусульмане не обладают одинаковыми с мусульманами правами, и поэтому не должны иметь права голоса, находиться на государственной службе и т. д. Модернисты, разумеется, не согласны с тем, что миллионы пакистанцев будут низведены на положение граждан второго сорта. Напротив, политическая элита заинтересована в пропаганде общности интересов и целей всех жителей Пакистана как равных граждан единого государства и доказывает, что ислам предоставляет всем одинаковые права, равенство, свободу, социальную справедливость. Делалась ссылка на положение М.А. Джинны о том, что «Пакистан базируется на прочной основе социальной справедливости и исламского социализма, который означает равенство и братство всех людей»¹²⁷. Традиционалисты же препятствовали реформированию пакистанского общества, приобщению его к общемировым ценностям, затрудняли распространение светского образования, запрещали женщинам работать на производстве.

Лидеры военного режима довольно резко критиковали фундаменталистов, препятствовавших прогрессу и превращавших «подлинно творческое», «динамичное» учение ислама в догму. М. Айюб Хан неоднократно отмечал, что ислам все больше отрывается от жизни и становится «безжизненным предметом, неспособным к развитию и ограниченным окрестностями мечетей и мавзолеев. В то время как человечество делает огромные успехи в науке, наша религия остается статичной»¹²⁸. Указывалось, что подобное положение чревато большой опасностью для самого ислама в смысле ослабления его престижа и усиления атеистических настроений. «Держать современных мужчин и женщин в четырех стенах религии – это значит сделать их легкой добычей всеобщего или частичного падения веры», – заявил 26 мая 1961 г. М. Айюб Хан¹²⁹. В то же время официальная пропаганда объявляла, что сам по себе ислам является «самой прогрессивной религией, способной идти в ногу со временем». Поэтому основная задача заключается в том, чтобы «возродить истинный дух ислама в свете современного прогресса и научных достижений». «Ислам, в котором мы нуждаемся, – это не ислам мулл, а ислам, который понятен и исследователю, работающему в своей лаборатории, и профессору, преподающему в университете, и крестьянину, пахущему поле, и рабочему, занятому на фабрике»¹³⁰.

Естественно, что заниматься религиозной деятельностью должны не старые догматически настроенные кадры, а подготовленное к такой работе новое поколение богословов, которые «смогли бы соединить ислам с современным сознанием»¹³¹. В этих целях и были созданы уже упомянутые высшие религиозные учебные заведения и научно-исследовательские институты – для подготовки улемов, овладевших «учением ислама в свете сегодняшних научных и технических достижений и способных вести дискуссии со всеми по любому вопросу»¹³².

Однако когда вопрос о взаимоотношениях с религиозными кругами и организациями переходил в плоскость практических действий, правительство теряло боевитость и действовало довольно осторожно и нерешительно. Это объяснялось ожесточенным сопротивлением тех сил, которым модернизация была невыгодна и грозила большими потерями; но главным в подобном поведении властей было опасение ослабить или подорвать ислам – основу пакистанского общества и его великую объединяющую

силу. Непоследовательность и робость действий властей по «осовремениванию» пакистанского общества особенно наглядно проявились в реформировании политической системы, семейного права, народного образования.

Вторая Конституция Пакистана, принятая в 1962 г., носила по сравнению с первой и нынешней Конституциями более светский характер. Достижением «отцов» Конституции 1962 г. было изменение названия государства – из прежней было опущено слово «исламская» и оно стало называться «Республика Пакистан». Конституция провозгласила свободу вероисповедания. Была отбита атака исламистов, требовавших восстановления куриальной системы выборов.

В то же время Конституция содержала немало положений, которые, по существу, делали ислам государственной религией. Как и в предшествующей Конституции, провозглашался «суверенитет Аллаха над всей вселенной» и указывалось, что Пакистан основан на «исламских принципах социальной справедливости». Важным было положение, что ни один закон не должен противоречить исламу. Одной из главных целей государственной политики Конституция определила создание для мусульман возможностей «частным и коллективным образом строить свою жизнь в соответствии с основными принципами и идеями ислама». Изучение Корана было объявлено обязательным для всех мусульман. Лишь мусульманин мог стать главой государства¹³³.

Весьма показательным для политики властей в отношении религии были роль и положение Совета исламской идеологии. В соответствии с Конституцией, этот орган давал заключения по поводу соответствия любого закона исламу; он был также наделен правом представлять руководству страны рекомендации относительно того, каким образом мусульмане должны строить свою жизнь «в соответствии с принципами ислама»¹³⁴. Несмотря на столь значительные обязанности, этот совет являлся консультативным органом при президенте, который и назначал членов совета. Ими являлись специалисты в области исламоведения, истории, права, экономики, государственного управления. Улемы и муллы в него не включались. Таким образом, на этом примере видно стремление властей укрепить роль ислама в обществе, но сделать это под своим контролем и непосредственном участии.

Столкновения между фундаменталистами и модернистами происходили в сфере семейного права. Надо отметить, что эта борьба велась еще с середины 1950-х годов, но обострилась в период военного режима, который предпринимал меры по некоторому ограничению традиционных устоев в семье и стране. Значительным шагом в этом направлении был закон, принятый 2 марта 1961 г., который запретил полигамию. В соответствии с этим законом, все вопросы, связанные со вторым браком, разводом, наследованием, должны разбираться в примирительных судах, созданных при местных органах самоуправления. Глава местного органа власти был председателем примирительного суда; два его члена представляли противоположные стороны. Таким образом, примирительные суды не являлись юридическими органами. К тому же сама обстановка, в которой работали эти суды, во многом зависимые от местных богачей и религиозных авторитетов, делала формальным запрещение полигамии. Примирительный суд мог разрешить любому мужчине взять себе вторую жену. Условия, которые ставились при этом, – бесплодие первой жены, ее душевное нездоровье и т. д., а также согласие первой жены на второй брак мужа – легко преодолевались, особенно в глубинке, при помощи денег или прямого давления «сильных мира сего». Обследования показали, что примирительные суды почти всегда давали разрешение на второй брак¹³⁵. Любопытно, что в случае, если второй брак заключался без разрешения примирительного суда, то этот брак не подлежал расторжению, виновный лишь подвергался штрафу.

В отличие от представителей прогрессивных кругов, которые требовали для расторжения брака решения судебного органа, по закону 1961 г. от возбуждавшего развод мужа требовалось лишь письменное уведомление об этом на имя председателя примирительного суда. Через три месяца после этого брак автоматически считался расторгнутым. Таким образом, традиционное право мужа в отношении развода по его инициативе осталось, по сути, неизменным.

Наконец, по закону, принятому правительством М. Айюб Хана, запрещалось вступать в брак девушкам моложе 16 лет. Обязательной была объявлена регистрация браков в местных органах власти.

Оценивая закон от 2 марта 1961 г. в целом, нельзя не отметить его прогрессивную направленность как попытку в сложных условиях страны отменить полигамию, защитить права женщин в вопросах брака и семьи, ослабить господствующие позиции мужчины и т. д. В то же время следует признать довольно ограниченный характер этой попытки, особенно в плане осуществления провозглашенных положений. Английский ученый Н.Дж. Коулсон, рассматривая закон 1961 г. как компромисс между модернистами и традиционалистами, отметил, что это компромисс «в пользу последних»¹³⁶. Можно согласиться с подобной оценкой.

Важно иметь в виду, что реформа семейного права, проведенная военным режимом, не была ломкой традиционных мусульманских норм. Осуществляя эту реформу, правительство старалось не выходить за рамки обычного права, действовать на основе принципов и духа Корана. Так, создание примирительных судов, а не юридических органов соответствует требованию Корана об арбитражном разборе всех случаев разногласий в семье. В традициях также установление определенного срока для примирения супругов¹³⁷. В тех же случаях, когда имело место некоторое отступление от установившихся традиций, например запрещение многоженства, эти факты ни в коем случае не рассматривались официальной пропагандой именно как нарушение каких-либо норм, а представлялись в качестве более правильного применения принципов и традиций ислама к практике современной жизни. Так, газета «Пакистан таймс» указывала, что полигамия, справедливая для периода раннего ислама из-за резкого численного несоответствия мужского и женского населения, теперь, когда это несоответствие существенно уменьшилось, потеряла смысл и право на существование¹³⁸.

Даже такие, весьма ограниченные меры властей по реформе семейного права вызвали сильную оппозицию справа. Традиционалисты резко нападали на закон 1961 г., рассматривая его как отступление от норм ислама. Им даже удалось поставить в парламенте в ноябре 1963 г. предложение об отмене этого закона, которое, однако, принято не было. Но самым действенным оружием против нового закона явилось сопротивление его практическому применению на местах, в «глубинке». Из-за этого противодействия важные положения закона оставались на бумаге

(к перечисленным выше таким положениям следует добавить требование обязательной регистрации браков).

Поскольку ислам охватывает все сферы деятельности общества, то дальнейшее изучение политики военных властей в различных областях жизни Пакистана даст возможность продолжить рассмотрение действий режима М. Айюб Хана в отношении ислама.

В заключение отметим, что период правления военных был наиболее спокойным в плане отношений с религиозно-общинными кругами. Их угроза и опасность слева (национальные, национально-демократические, профсоюзные организации) были примерно равны, этот баланс обеспечивал относительную прочность правящего режима, давал возможность лавировать между двумя противостоявшими лагерями и проводить более или менее самостоятельную политику. В дальнейшем картина резко изменилась. В силу целого комплекса причин внутреннего и внешнего характера (о чем будет сказано ниже) исламизм, не встречая практически никакого сопротивления, перешел в решительное наступление. Политический ислам превратился в исламорадикализм, экстремизм и даже терроризм. Опасность с этой стороны превратилась в главную угрозу. Левые силы в условиях общего подъема ислама в стране потеряли самостоятельность и в значительной степени растворились в общем оппозиционном лагере, где основную роль стал играть исламизм. Основные социально-экономические, социальные и политические требования и лозунги левых приобретали характер общеисламских требований, решение которых связывалось с победой «истинного ислама». Таким образом, политическая структура Пакистана заметно деформировалась и стала представлять двухполюсную систему – центр (умеренные силы) и правый фланг (исламорадикализм и экстремизм). В такой ситуации правящим кругам пришлось на рубеже XX–XXI веков начать вести упорную борьбу с опасностью справа для предотвращения захвата экстремистами власти и возможного развала государства.

Реформа системы просвещения. Модернизация пакистанского общества, проводимая военными властями, естественно, сопровождалась реформами в области народного образования, где готовились кадры для всех сфер деятельности государства. Руководители Пакистана постоянно отмечали большую роль, которую

играют система просвещения, подготовка научных и технических кадров в развитии страны. «Прогресс государства, – указывал М. Айюб Хан, – невозможен без прогресса образования»¹³⁹.

В самой общей форме задача, стоявшая перед системой просвещения, имела две основные стороны – расширение образования, охват им большего числа людей и улучшение качества образовательного процесса, приближение школы к реальной практике. Необходимо было также избавиться от таких черт системы просвещения, оставшихся от колониальных времен, как преобладание гуманитарного образования, оторванность от жизни, академизм и т. д. При этом в стране не хватало технических кадров, специалистов сельского хозяйства, медработников и пр.

С началом осуществления реорганизации системы образования государственные расходы на эти нужды увеличились довольно значительно. Особенно много средств шло на техническое обучение. В стране удвоилось число политехнических институтов, открылось несколько сельскохозяйственных академий, десятки технических колледжей и школ. Были значительно расширены естественные факультеты всех пакистанских университетов. При некоторых технических вузах были открыты вечерние курсы по повышению квалификации работников, занятых на производстве. Возросла сеть профессионального обучения, готовящая квалифицированных рабочих для различных отраслей народного хозяйства Пакистана.

Для обеспечения «духовной крепости» подрастающего поколения было провозглашено, что обучение и воспитание молодежи должно быть проникнуто духом ислама и вестись в соответствии с мусульманской идеологией. От органов образования требовалось «внедрение в учебный процесс истинно исламского духа». Ислам как обязательный предмет был введен в восьмилетке. Изучение ислама стало обязательным для мусульманских детей, посещавших христианские миссионерские школы. В начале 1963 г. был создан Совет «по ускорению развития системы народного образования». В качестве основной цели Совет считал «выработку у учащихся исламского взгляда»¹⁴⁰.

Одновременно военные власти не забывали и свои профессиональные интересы. Отметив в августе 1959 г. плохое состояние дел с военной подготовкой студентов, власти уже через несколько месяцев приняли решение о создании на базе вузов Нацио-

нального кадетского корпуса под руководством армейских офицеров. Детальный план его организации был разработан в январе 1960 г. на совместном заседании представителей армии и учебных заведений. Затем началось претворение этого плана в жизнь.

Значительно медленнее шло выполнение программ по расширению среднего и начального образования, снижению неграмотности взрослого населения, улучшению и расширению образования взрослого населения¹⁴¹. С одной стороны, необходимы были огромные средства, чтобы охватить обучением дополнительно несколько миллионов человек, построить десятки тысяч новых школ, обеспечить их сотнями тысяч педагогов. Удовлетворить все эти потребности власти не имели возможности. К тому же в реформировании системы образования приоритет отдавался высшему образованию. Во-первых оно не требовало таких средств, как другие ступени системы обучения, а во-вторых, именно высшее образование могло в короткие сроки предоставить народному хозяйству столь необходимые кадры инженеров, техников, агрономов, квалифицированных рабочих. Другими словами, в Пакистане, как и во многих освободившихся странах, развитие образования начиналось с его верхних ступеней.

Ограниченный, политизированный и малорезультативный характер реформирования системы образования вызывали недовольство прогрессивной общественности. Одновременно деятельность властей в данной сфере подвергалась нападкам и справа, со стороны реакционных, религиозно-общинных сил, которые были заинтересованы в неизменности положения во всех сферах жизни страны и усматривали угрозу во всякой модернизации общества. Отвергая реформу образования в целом, известный фундаменталист А.А. Маудуди требовал разработки «средств и путей создания подлинно исламской системы обучения»¹⁴².

Политика в национальном вопросе. Важнейшим фактором внутренней жизни Пакистана всегда был национальный вопрос. Особенно это относится к первой половине пакистанской истории, когда именно этно-национальная проблема представляла главную опасность единству государства, вообще его существованию. В то же время национальные движения бенгальцев и народов «малых провинций» Западного Пакистана, в которых участвовали широкие массы населения, находились под руководством демократических левых и левоцентристских партий

и организаций, выставлявших не только национальные, но и экономические, социальные и политические требования. Национальные движения составляли основную часть общедемократического движения в стране. Поэтому конфронтация между центром и провинциями носила экономический и политический характер.

Как известно, правящие круги Пакистана с самого начала провозгласили принцип единства пакистанского народа, утверждая, что различия между народами, населяющими Пакистан, значительно слабее и меньше, чем то общее, что объединяет их как граждан одного государства. Теория «двух наций», которой руководствовались борцы за Пакистан, была после достижения этой цели заменена теорией «одной нации», которая рассматривала жителей Пакистана независимо от их происхождения, религии, языка и пр. представителями одной нации – пакистанской, обладающими равными правами.

Однако сама действительность и политика правящих кругов во многом не соответствовали провозглашенным принципам. На протяжении первого десятилетия существования Пакистана, значительно более высокие темпы развития имели место в Панджабе и Карачи, то есть там, где разворачивала свою предпринимательскую деятельность крупная пакистанская буржуазия. Жизненный уровень бенгальцев и малых народов Западного Пакистана был значительно ниже среднего уровня для всей страны. Процент безработных от общего числа занятых в производстве был в Восточном Пакистане в четыре раза больше, чем в Западном.

При распределении финансовых средств Восточной провинции доставалась меньшая доля. Из общей суммы в 9 715 млн. рупий, реализованной в стране за время действия первого пятилетнего плана 1955–1960 гг., в Восточном Пакистане было израсходовано около 3 млрд. рупий. Эта провинция оплачивала за счет своего экспорта значительную часть товаров, ввозимых в Западный Пакистан. В 1957/58 г. экспорт из Восточной провинции составил 988 млн. рупий, а импорт – 735,6 млн.; тогда как Западный Пакистан вывез товаров всего на 433,6 млн., а ввез – на 1 314,3 млн. рупий ¹⁴³.

В Восточном Пакистане, в «малых провинциях» западной части страны, слабо развивались системы просвещения, здравоохранения, подготовка национальных кадров управленцев. Государственный аппарат этих провинций находился в руках панджабцев

и выходцев из Индии. В армию набирали панджабцев и пуштунов. Неудивительно, что размещение войск в Восточном Пакистане, некоторых районах западной части «походило на иностранную оккупацию»¹⁴⁴.

Подобное положение в стране было обусловлено комплексом причин объективного и субъективного характера. Между тем в прежних работах по данному периоду главная, если не единственная причина виделась в дискриминационной политике преимущественного развития Панджаба и некоторых районов Синда. Сама же эта политика правящих кругов страны объяснялась выражением интересов крупной пакистанской буржуазии и помещицкой верхушки, переходящей на рельсы предпринимательства, чья экономическая деятельность протекала именно в этих регионах¹⁴⁵.

Разумеется, данный фактор играл важную роль в определении национальной политики государства. Но кроме него, имелись и другие моменты. Выражая интересы экономической элиты и во многом руководствуясь ими при выработке и проведении государственной политики, правящие круги должны были учитывать и общенациональные интересы и потребности. Основное внимание и средства целесообразно было предоставлять относительно более развитым экономическим районам, имевшим определенную промышленную базу и инфраструктуру производства. Вложения сюда средств из крайне скудных государственных ресурсов сулило быструю отдачу и лучшую перспективу развития.

В проведении национальной политики, кроме того, нельзя было игнорировать многочисленные традиции. Так, традиционным был набор в армии пуштунов и панджабцев. И, естественно, нарушить, а тем более сломать это правило во имя «национальной справедливости и равноправия» было и невозможно, и нецелесообразно. Вообще, выработка национальной политики государства – процесс длительный, тонкий и деликатный, осуществлять его надо, учитывая комплекс объективных и субъективных факторов, традиций и особенностей объектов политики, интересы центра и периферии, федерации и ее субъектов. Во все периоды пакистанской истории власти определяли свой подход к национальной проблеме. Некоторые результаты были получены в период правления М. Айюб Хана. Несомненно, при проведении национальной политики у военного режима был ряд преимуществ.

Прежде всего, надо отметить, что, несмотря на все трудности и проблемы первого периода, в стране произошел определенный экономический рост, появились новые отрасли промышленности. Так, если в начале существования Пакистана не было ни одной джутовой фабрики, то в 1958 г. уже работали 12 предприятий по обработке этого главного экспортного продукта страны. Имевший место экономический рост за первое десятилетие и значительно увеличившийся поток иностранной помощи увеличили финансовые ресурсы государства, что позволило правительству М. Айюб Хана выделять больше средств на решения задач национального характера. Военный режим был менее связан в своей деятельности корыстными интересами буржуазно-помещичьей верхушки и в большей степени отражал общегосударственные потребности. Наконец, в проведении национальной политики режим имел возможность применять жесткие меры военного положения.

Сразу же после прихода к власти новый режим заявил о своей приверженности теории «одной нации»; главной задачей было объявлено укрепление единства пакистанского народа, «объединение всех жителей страны в одну нацию, развитие чувства патриотизма, национального единства и сплоченности». М. Айюб Хан постоянно отмечал эту проблему. «Мы, – указывал он, – синдхи, патаны, панджабцы, белуджи, бенгальцы по рождению, но общенациональная солидарность требует, чтобы мы прежде всего рассматривали себя пакистанцами»¹⁴⁶. Официальная пропаганда прямо связывала все трудности, переживаемые Пакистаном, с «недостаточным развитием среди людей чувства национального единства»¹⁴⁷.

Одновременно военное правительство стало проводить внутреннюю политику в большей степени, чем прежде, отвечающую интересам развития национальных районов страны. Прежде всего было объявлено об изменении отношения к Восточному Пакистану, о равноправии обеих частей страны, о необходимости ускорения экономического развития провинции. В основу взаимоотношений западной и восточной частей страны был положен принцип паритета, то есть равенства во всех сферах экономической и общественно-политической жизни государства. В осуществление этого главный город Восточного Пакистана – Дакка стал второй столицей страны. В Дакку были переведены некоторые государ-

ственные учреждения, а таким оставшимся на месте как, Плановая комиссия, Экономический совет и другим, предписывалось регулярно проводить заседания в Дакке. Правительство подтвердило, что государственными языками Пакистана являются урду и бенгали, для развития обоих языков были созданы два совета, каждому из них выдавались одинаковые финансовые средства. В центральном правительстве были поровну представлены обе части страны, разного рода государственные комиссии составлялись по такому же принципу. Равное представительство Восточного и Западного Пакистана в парламенте (Национальном собрании) было установлено Конституцией 1962 г. Она предусматривала также, что на двух высших постах государства – президента и председателя Национального собрания одновременно не могли находиться представители одной провинции.

С 1958 г. увеличился набор бенгальцев в армию, значительно реже стали назначаться на административные должности в Восточном Пакистане западнопакистанские чиновники. Ведущие корпорации по развитию промышленности и сельского хозяйства были разделены на самостоятельные провинциальные корпорации. Кроме того, в каждой провинции были образованы специализированные органы по развитию той или иной отрасли народного хозяйства (например, агентства по развитию энергетики и ирригации). В ведение обеих провинций были переданы железные дороги. Увеличилась разного рода финансовая помощь Восточному Пакистану как абсолютно, так и относительно (доля в общей дотации провинциям). Выросли займы развития, предоставляемые центром Восточному Пакистану. В его пользу изменился принцип распределения налоговых поступлений – пропорционально численности населения. Если по первому пятилетнему плану (1955–1960 гг.) Восточному Пакистану выделялось 46 % общих расходов на нужды государственного сектора страны, а это прежде всего отражало политику правительства, то по второму пятилетнему плану эта доля составляла 50 %, а по третьему – 52 %¹⁴⁸.

В годы второй пятилетки ускорилось экономическое и, прежде всего, промышленное развитие Восточного Пакистана. Некоторый прогресс был достигнут в области просвещения и здравоохранения. В провинции был построен ряд текстильных и хими-

ческих предприятий, сахарных, кожевенных и стекольных заводов, фабрик по производству бумаги и картона. Значительно увеличилось производство джутовых изделий, химических продуктов. С 1961 г. стало вырабатываться ценное удобрение – мочеви́на. Выросли производство цемента и электроэнергии. В 1961–1962 гг. было принято решение о строительстве металлургических заводов в Карачи и Читтагонге, нефтеочистительного завода и предприятия по сборке и производству отдельных деталей моторов в Восточной провинции. В 1962 г. начались большие работы по реорганизации и модернизации портов Восточного Пакистана ¹⁴⁹.

В обеих провинциях были открыты по одному сельскохозяйственному институту и высшему инженерно-техническому училищу, по равному числу педагогических и технических институтов, центров по медицинскому обслуживанию сельского населения и т. д. За годы военного правления в Восточном Пакистане утроилось число медицинских колледжей, начали действовать новые больницы, поликлиники, выросла численность медперсонала. Была принята программа по ликвидации малярии. В результате увеличения вакцинаций против холеры и оспы смертность в провинции от этих болезней резко сократилась ¹⁵⁰.

Больше, чем в первое десятилетие, уделялось внимания развитию национальных районов Западного Пакистана. Из бюджета значительные средства стали направлять на нужды пограничных территорий. Был создан Совет по развитию этих районов. Значительно расширилась добыча полезных ископаемых, которыми богаты Синд, Белуджистан, северные районы провинции – известняка, мрамора, гипса, хромовой руды, каменной соли, кремнезема, угля и нефти. Усилилась эксплуатация газовых месторождений в Белуджистане, были проложены новые газопроводы к крупным городам провинции. Проводились работы по строительству ирригационных сооружений. Большое развитие получило автодорожное строительство (например, автострада от Гилгита до Свата длиной в 245 миль – 382 км). Для северных районов важным было завершение крупного гидроэнергетического комплекса «Варсак» на р. Кабул ¹⁵¹.

Правительство М. Айюб Хана увеличило ассигнования на здравоохранение и просвещение национальных районов Западного Пакистана, особенно отсталых его окраин. В результате

здесь выросло число начальных школ и средних школ, медицинских учреждений. В Свате, Дире, Балтистане открылись больницы, в том числе туберкулезные диспансеры (в бывшем княжестве Дир до 1960 г. вообще не было никаких медпунктов). В бывшем княжестве Калат только в 1960/61 г. начали работать 14 новых медицинских пунктов. Новые вузы открылись в Хайде-рабаде и Пешаваре. Для студентов из отсталых районов были установлены специальные стипендии ¹⁵².

Рассмотренные нами экономические и социально-политические аспекты национального курса нового режима свидетельствовали об усилении внимания центрального правительства к развитию периферийных районов страны. Важной целью такой политики было уменьшение недовольства населения этих районов и ослабление тем самым национального движения в государстве. Одновременно такая политика была обусловлена объективными потребностями развития общества, достигшего такого уровня, что для успешного движения вперед требовалось расширение внутреннего рынка прежде всего за счет стоявших «в стороне» от подобного движения периферийных районов. Для этого необходимо было в этих районах развивать инфраструктуры, некоторые отрасли промышленности, готовить технически грамотные кадры, поднимать общую культуру населения и т. д.

Отражением этих тенденций явились изменения политики центра в отношении периферии, известная децентрализация государственного управления, расширение прав провинций. Усложнение и увеличение объема государственной деятельности требовали отказа от мелочной опеки над нижестоящими органами власти, предоставления им определенной самостоятельности, учитывая их возможность более конкретного руководства на местах, знание местных традиций, потребностей и возможностей.

Подобная практика освобождала центральные органы власти от массы текущих оперативных дел и позволяла сосредоточиться на главных вопросах государственного управления. Причем все это не означало ослабления центра. Процесс децентрализации сопровождался усилением контроля вышестоящих органов над деятельностью нижестоящих. Суть политики режима М. Айюб Хана состояла в том, чтобы, очертив круг деятельности низших звеньев властных органов и строго контролируя их, предоставить этим органам несколько бóльшую, чем прежде, свободу в опре-

деленной для них сфере, не вмешиваться в их повседневную практическую работу. Самая надежная гарантия приоритета федеральных органов и их контроля над всеми нижестоящими стало установление в Пакистане президентской формы правления.

Отмеченные принципы и черты политики режима в отношении национально-государственного устройства Пакистана нашли отражение и были официально закреплены законодательно, и прежде всего Конституцией 1962 г. В соответствии с этим новым основным законом государства менялось распределение полномочий между центральными органами власти и провинциальными в пользу последних. В Конституции 1956 г. имелось три списка вопросов, находившихся соответственно в ведении центра, провинций и относившихся к совместной компетенции федерации и ее субъектов. Конституция 1962 г. содержала лишь один список проблем, зарезервированных за центром, все остальные были отнесены к сфере деятельности провинций¹⁵³. И хотя в ведении центра по-прежнему оставались самые важные вопросы – оборона, внешняя политика, безопасность, внешняя торговля, денежное обращение и т. д., снятие лимитов, в которые прежде была заключена сфера деятельности провинций, несомненно, расширяло эту сферу. Провинциальные законодательные собрания имели право исправлять законы парламента, касавшиеся провинций. Без их предварительного одобрения не могла быть поставлена в парламенте поправка к Конституции, если она касалась изменения границ какой-либо провинции.

Новая Конституция в качестве основной задачи ставила «ликвидацию существующего неравенства между провинциями и между различными районами внутри провинций в размерах дохода на душу населения»¹⁵⁴. Для решения этой проблемы в ведение провинций были переданы государственные организации по развитию промышленности, сельского хозяйства, энергетики и ирригации, железнодорожного транспорта и других отраслей народного хозяйства, а также просвещения и здравоохранения. Были расширены финансовые позиции провинций, в соответствии со ст. 144 Конституции значительно возросли поступления в бюджеты провинций от налогов, собираемых центром¹⁵⁵.

Политика в отношении провинций и национальных районов страны была сформулирована военным режимом и начала проводиться в жизнь. Естественно, что за короткий промежуток

военного правления влияние этой политики еще не могло существенно проявиться. И после смены военного режима, прекратившего свое существование в июне 1962 г., правительство М. Айюб Хана продолжало в целом прежний курс. Основные результаты этногосударственной политики на конец 1969 г., когда произошла смена пакистанского руководства (то есть примерно за десятилетний период), будут рассмотрены в следующих главах. Здесь можно лишь отметить серьезнейшие проблемы на пути достижения политического и экономического равенства Восточного и Западного Пакистана, носившие во многом объективный характер и порожденные особенностями создания Пакистана.

Так, политические равноправие обеих частей Пакистана оказалось недостижимым. Обусловлено это было тем, что в пакистанской федерации одной его провинции – Восточной – противостояла не просто другая провинция, а своеобразная комбинация центра и Западного Пакистана, поскольку федеральные органы власти находились в руках западнопакистанской политической элиты. Да и сам центр был расположен в западной части страны. Обычного же для федеративной системы особого столичного округа не существовало (он появился лишь в соответствии с Конституцией 1973 г., когда на месте Восточного Пакистана уже находилось самостоятельное государство Бангладеш). В такой ситуации ограничение прав провинций на деле означало ослабление позиций Восточного Пакистана по отношению к Западному. Разумеется, все это вызывало возраставшее недовольство бенгальского населения. Происходила эскалация их требований: от расширения прав Восточного Пакистана, затем – предоставления ему полной провинциальной автономии и, наконец, до отделения от Пакистана и образования независимого государства.

Практика показала, что достижение экономического равенства провинций (паритета) также недостижимо. Уже стратегия второго пятилетнего плана (1960–1965 гг.) исходила из предоставления равных возможностей обеим частям государства и предусматривала для них примерно одинаковые финансовые средства. Даже если отвлечься от постоянных нарушений этого принципа в пользу Западного Пакистана, его идеальное претворение в жизнь не могло обеспечить достижение экономического равенства обеих провинций. Восточный Пакистан значительно отстал в своем развитии, и предоставление равных возможностей для дальнейшего

прогресса обеих частей страны просто означало закрепление их неравенства и даже увеличение этого неравенства благодаря численному преобладанию населения Восточной провинции. Для достижения реального паритета обеих частей страны, необходимо было преимущественное развитие Восточного Пакистана. Для осуществления этого нужны были соответствующие объемы капиталовложений. Известный экономический журнал, например, подсчитал, что для решения подобной задачи на нужды Восточного Пакистана следует направлять как минимум 75 % всех государственных средств¹⁵⁶. Разумеется, пойти на это пакистанское руководство не могло. И как свидетельство этого, по третьему пятилетнему плану (1965–1970 гг.) на долю Восточного Пакистана было выделено 52 % общих расходов¹⁵⁷.

Новые элементы в национальной политике правительства М. Айюб Хана, некоторое расширение прав провинций, увеличение средств для развития Восточного Пакистана и отсталых районов западной части страны породили надежды среди бенгальцев, синдхов, пуштунов. Это обусловило временный спад национальных движений в обеих провинциях. Однако уже в конце 1960 г. произошли волнения в полосе племен в Западном Пакистане. Весной 1961 г. была проведена широкая кампания с требованием автономии для пуштунов. Значительными были выступления весной 1961 и 1962 гг. в Восточном Пакистане. Наряду с лозунгами о расширении провинциальной автономии, выдвигались требования отмены военного режима и восстановления парламентской демократии.

Политика в области труда. Правительство М. Айюб Хана уделяло серьезное внимание проблеме труда. Пакистанский рабочий класс в предшествующие годы показал, что, несмотря на относительную малочисленность, он представляет существенный политический фактор, серьезно влияющий на внутреннюю ситуацию в стране. Внимания к этой проблеме требовали также ускорившийся промышленный рост, увеличение численности наемных работников и предпринимателей, усложнение их взаимоотношений.

В основе трудовой политики режима лежал тезис о надклассовом характере государственной власти и ее беспристрастном отношении к труду и капиталу. Подчеркивалось, что в странах, подобных Пакистану, в отличие от высокоразвитых государств,

интересы отдельных социально-классовых групп не противоречат друг другу, поскольку все они в равной мере заинтересованы в одном – росте производства. Но для этого необходимы прежде всего мир и партнерские отношения между рабочими и предпринимателями. Конфликты в промышленности представлялись невыгодными всему обществу, так как они ведут к нарушению производственных процессов, потере рабочего времени, уменьшению готовой продукции и ее удорожанию, препятствуют притоку иностранного капитала, столь необходимого для экономики Пакистана.

В течение полугодия после переворота были запрещены все забастовки. Однако в мае 1959 г. власти объявили о запрете только «незаконных стачек». Одновременно развернулась кампания с целью убедить рабочих не пользоваться этим правом. «Трудовые усилия, а не забастовки – вот что должно стать лозунгом рабочего»¹⁵⁸, – убеждали различные официальные и полуофициальные органы. В случае же конфликта на производстве рабочие должны были «искать его разрешение по каналам, установленным законами». Имелся в виду прежде всего указ «О конфликтах в промышленности» (1959 г.), который предусматривал следующий механизм решения конфликтов: переговоры, примирение и арбитраж. Если первые две стадии оказывались безрезультатными, то вопрос передавался на рассмотрение специального чиновника, назначенного властями, который должен был примирить обе стороны (заметим, что чиновник в роли арбитра еще раз демонстрировал «объективность» и «беспристрастность» государственных органов в отношении рабочих и хозяев). В случае неудачи и на этой стадии дело шло в специальный промышленный суд, решение которого было окончательным и не подлежало пересмотру в какой-либо инстанции. Состав этих судов формировался правительством и состоял из трех членов – один из них представлял рабочих, другой – предпринимателей, а председатель назначался из судей высокого ранга¹⁵⁹. Таким образом, все конфликты на производстве подлежали обязательному урегулированию. Поэтому любая забастовка считалась «незаконной».

Общая политика правительства в области труда определяла и его курс в отношении профсоюзов. Главной целью в этой сфере было объявлено развитие «здорового тред-юнионизма», «изгнание» из деятельности профсоюзов «духа политики» и превра-

щения их в средство достижения «мира в промышленности»¹⁶⁰. С этой целью профсоюзы были поставлены под контроль государства. Они должны были быть зарегистрированы властями, регулярно представлять им информацию о своей деятельности и финансах. Руководитель профорганизации мог быть избран лишь после консультации с властями и их одобрения¹⁶¹. Ясно, что такая политика правительства создавала благоприятные условия для деятельности реформистских профсоюзов. Работа боевых профсоюзов была крайне затруднена, а таким признанным лидерам рабочих, как Ибрагим Мирза, участвовать в работе профсоюзов было запрещено.

Как и в других сферах жизни общества, так и в области труда военное правительство усиленно маневрировало, сочетая жесткие репрессивные действия с мерами по некоторому улучшению условий жизни и труда рабочих. К их числу относятся распоряжения военных властей, сделанные после их прихода к власти, об открытии на территории крупных предприятий лавок по продаже риса и пшеницы по твердым ценам, о строительстве общежитий для рабочих, улучшении техники безопасности. Запрещались локауты. Власти настоятельно призывали предпринимателей пойти в их же собственных интересах на определенные уступки и уделить часть прибыли на материальные нужды рабочих. «Предприниматели, – взывал министр промышленности, – должны быть заинтересованы в том, чтобы рабочие жили лучше»¹⁶². Однако пакистанские бизнесмены плохо прислушивались к этим призывам и, пользуясь любой возможностью, уклонялись от выполнения правительственных распоряжений¹⁶³.

Правительство провело ряд социальных мероприятий по ликвидации наиболее значительных недостатков системы социального обеспечения трудящихся. 1 октября 1961 г. был опубликован президентский указ о гарантированном минимуме заработной платы. В сферу его действия попадали все категории рабочих и служащих предприятий, магазинов, банков и др., кроме сельскохозяйственных рабочих и служащих государственных учреждений. Для разработки конкретных предложений в провинциях власти создавали специальные комитеты из равного количества представителей рабочих и предпринимателей; председатель и так называемый независимый член комитета назначались из технократов, не связанных ни с одной организацией рабочих и пред-

принимателей. После рассмотрения рекомендаций комитетов провинциальные правительства устанавливали, для каких групп рабочих и служащих необходим минимум зарплаты и его размер ¹⁶⁴.

Введена была также система социального страхования рабочих. Они получали право на медицинскую помощь, на пенсии и пособия в случае производственных травм, по беременности, а семьи – в случае потери кормильца на производстве. Хозяевам запрещалось увольнять, переводить на хуже оплачиваемую должность или как-нибудь иначе ущемлять рабочего во время болезни. Для осуществления провозглашенной системы страхования на предприятиях создавались специальные фонды, образуемые взносами хозяев и рабочих в соотношении 2:1 ¹⁶⁵.

Разумеется, все эти действия властей имели определенное положительное значение для трудящихся и означали шаг вперед по сравнению с существовавшей ситуацией прежде (раньше в случае производственного травматизма и потери трудоспособности потерпевшему выдавали лишь единовременное пособие, а в случае смерти на работе члены его семьи пенсией не обеспечивались). Однако значимость социальных мер правительства снижалась рядом моментов.

Так, минимум заработной платы не устанавливался повсеместно, а лишь там, где, по мнению властей, «зарплата рабочих неудовлетворительна и они испытывают трудности» ¹⁶⁶. Закон о минимуме заработной платы не распространялся на сельскохозяйственных рабочих, этот многочисленный отряд пакистанского пролетариата, условия труда которого вообще никак не регулировались. Минимальная зарплата была низка и не обеспечивала существование рабочей семьи. А предприниматели получили тот уровень платы, которого они были обязаны достичь, но отнюдь не превзойти. Поэтому происходило снижение существовавшей зарплаты рабочим до уровня минимальной ¹⁶⁷. Меры социального страхования не распространялись на мелкие и средние предприятия, где положение рабочих было особенно тяжелым. Устранение государства от финансового обеспечения социальных мер означало, что их проведение в жизнь практически поручалось хозяевам предприятий. А они либо игнорировали эти меры, либо предпринимали кое-какие шаги, чтобы создать видимость их выполнения. В целом меры правительства в области социального

обеспечения рабочих и служащих затрагивали лишь часть этой сферы. Вне ее оставались значительные группы наиболее эксплуатируемых групп трудящихся (сельскохозяйственных рабочих, поденщиков, работающих по контракту и др.). Не были устанавлены пенсии по возрасту, пособия по безработице, не сокращен рабочий день в жаркие месяцы. Неизменной сохранилась система посредничества при наборе рабочей силы. По-прежнему не было никаких гарантий в отношении занятости рабочих.

Все эти обстоятельства существенно снижали эффективность правительственных мер по социальному обеспечению трудящихся. Даже официозные органы расценивали эти меры как «недостаточные»¹⁶⁸. Напомним также, что некоторое улучшение материального положения рабочих сопровождалось ограничением их политических прав.

Восстановление гражданского правления

Отмена военного режима. В начале 1960-х годов стало расти недовольство правлением военных. Оппозиция усиливалась и слева и справа. Демократические круги считали, что в условиях военного режима нарушаются права человека, отсутствует свободное волеизъявление народа. Правые полагали, что парламентские институты дадут им определенные возможности для выражения своих интересов на общегосударственном уровне. За отмену военного режима выступали крупные политические деятели (М.М. Даултана, М.А. Хуро, М.А. Чоудхури и др.), которые были отстранены военными от государственно-политической деятельности и всеми силами стремились к ней вернуться. В стране нарастало движение основных слоев населения – рабочих, служащих, учащихся, интеллигенции. Помимо требований, которые определялись их социальным положением, общим лозунгом была отмена военного режима. То же самое можно сказать и о национальных движениях в Белуджистане, пуштунских районах, Синде и особенно в Восточном Пакистане¹⁶⁹.

Именно рост недовольства в стране и усиление оппозиции военному режиму явились причиной его отмены в июне 1962 г. В то же время не следует представлять, что положение, сложившееся в начале 1962 г., делало абсолютно невозможным дальнейшее существование военного режима. Здесь мы имеем дело с

осуществлением стратегии «опережения», со своеобразным маневром предупреждения дальнейшего неблагоприятного и все ухудшавшегося течения событий. К тому же военный режим уже исчерпал себя, с точки зрения стоявших перед ним задач. Он отвел страну от социально-политического взрыва, к которому она стремительно приближалась, осуществил меры, укрепившие позиции правящей элиты в целом. Да и в армии крепили настроения, что она должна прекратить выполнение не свойственных ей функций и вернуться к своей обычной деятельности (напомним, что речь идет о первом выходе армии на государственно-политическую арену).

Ставя вопрос об отмене военного режима, его руководители делали все, чтобы ему на смену пришли такие формы государственного управления, которые позволили проводить в целом прежний курс, прикрытый гражданскими конституционными институтами. Подчеркивалась невозможность функционирования в стране парламентской демократии, как не соответствующей условиям страны и духу народа. Главное, что предъявлялось к будущему государственному устройству, это обеспечение политической устойчивости «при любых обстоятельствах». Только стабильность, по утверждению военных руководителей, смогла бы обеспечить процветание Пакистана, его безопасность и поступления иностранной помощи. Такое стабильное устройство государства виделось М. Айюб Хану и его окружению в президентской форме правления, причем исполнительная власть и ее глава – президент – не должны быть ничем ограничены, а значение и роль законодательных и судебных органов сведены до минимума. В стране не должно быть прямых выборов представительных органов власти и не разрешена деятельность политических партий.

Подготовка к отмене военного положения заняла довольно большое время. В целом можно сказать, что все проведенные реформы и преобразования были направлены на обеспечение перехода к гражданскому правлению. Естественно, что особое внимание было обращено на государственный аппарат – на повышение его эффективности, организационное укрепление, усиление контроля вышестоящих органов над нижестоящими, а также на улучшение его имиджа в глазах населения. Значимость государственного аппарата была четко определена официозом правительства газетой «Пакистан таймс»: «Какова бы ни была форма

государства – монархия, диктатура или демократия, хорошо организованная, действенная и эффективная администрация является основой безопасности, стабильности и прогресса страны»¹⁷⁰.

Военные власти значительно усилили вертикаль исполнительной власти. При этом расширение прав центральных министерств и департаментов сопровождалось передачей части своих функций провинциальным органам власти, а теми – нижестоящим органам власти. Подобная децентрализация госаппарата придавала ему бóльшую гибкость, эффективность. Одновременно усиливался контроль со стороны вышестоящих органов, и прежде всего руководства исполнительной власти во главе с президентом. Некоторые важные общегосударственные организации после расширения их прав включались в состав президентской администрации (так произошло с Плановой комиссией, которую к тому же и возглавил сам президент). Все вопросы, связанные с положением, условиями службы, материальным обеспечением чиновников, ранее находившиеся частично в ведении кабинета и парламента, полностью сосредоточились в руках президента. Для облегчения контроля над деятельностью государственных органов была проведена унификация законов и постановлений, касавшихся бюрократии, были кодифицированы условия службы различных групп чиновничества¹⁷¹.

Были предприняты также меры по улучшению работы чиновников, укреплению дисциплины, по борьбе с расхлябанностью, разболтанностью и коррупцией, которые достигли в стане бюрократии огромных размеров. Проводились чистки госаппарата, что привело к некоторому численному сокращению чиновничества. Одновременно власти улучшали материальное положение госслужащих. Многим их категориям, особенно низкооплачиваемым, было увеличено жалование. Расширялось и улучшалось обучение и подготовка будущих чиновников, повышалась квалификация работавших служащих.

Но особенно большое значение имело введение в стране системы «основ демократии», предусматривавшей создание в стране пятиярусной системы органов местного самоуправления. Она соответствовала основным единицам административно-территориального деления Пакистана: волость, район, округ, область, провинция. Как будет ясно из последующего рассмотрения этой

системы, роль ее выходила далеко за скромные рамки местного самоуправления.

Нижнее звено «основ демократии» представляли органы самоуправления в волостях (группа деревень, поселках, районах крупных городов). Структура этих органов по всей стране была единой: они состояли из 10 избранных населением депутатов. Каждый из них представлял 1 тыс. жителей. В обеих провинциях было создано одинаковое число органов самоуправления нижнего звена (по 4 тыс.) и их членов (40 тыс. человек в каждой провинции). Эти органы, помимо административно-хозяйственной деятельности на своей территории, играли важную роль в общественных делах и политико-идеологическом курсе военного режима. Дело в том, что низшее звено «основ демократии» являлось и коллегией выборщиков президента, парламента и законодательных собраний провинций. Таким образом, прямые всеобщие выборы высших органов власти заменялись косвенными выборами, в которых участвовала небольшая группа избирателей. Этот механизм, опробованный в военное время и получивший высокую оценку его создателей, предназначался и для гражданского правления, чтобы не допустить весь потенциальный электорат к избирательным урнам.

Остальные звенья системы самоуправления не избирались. Они состояли из председателей первичных органов самоуправления, чиновников различных департаментов и лиц, назначенных вышестоящими властями. Таким образом, вся система самоуправления находилась под контролем государственных чиновников и, по сути, являлась частью бюрократического аппарата. Система «основ демократии», широко разветвленная и единая по всей стране, была крайне важна для военного режима, который не имел приводных ремней к массам в лице политических партий с их низовыми организациями. И после отмены военного правления эта система должна была заменить политические партии, сделав их существование ненужным.

Срок полномочий всех звеньев системы «основ демократии» устанавливался в пять лет. В декабре 1959 г. – январе 1960 г. состоялись выборы в низшее звено этой системы. В выборах участвовали лица, достигшие 21 года. После выборов началось формирование органов самоуправления на всех остальных уровнях. 14 февраля 1960 г. были проведены выборы президента.

М. Айюб Хан был единственным кандидатом на этот пост. За него проголосовало подавляющее большинство членов избирательной коллегии. 28 апреля и 6 мая 1962 г. состоялись выборы соответственно в парламент и провинциальные законодательные собрания.

Все было готово к переходу от военного режима к гражданской власти. Имелась новая Конституция страны (см. ниже), имелись «законно» избранные высшие органы власти, сроки действия которых захватывали и значительный период времени нового режима. Наконец, имелась система «основ демократии» – гарантия авторитаризма.

8 июня 1962 г. состоялось первое заседание парламента Пакистана. На этом заседании был приведен к присяге в качестве президента республики М. Айюб Хан. Он объявил об отмене военного режима и о введении в действие новой Конституции страны. Кончился период военного положения, но авторитарное правление продолжалось.

Конституция 1962 г. Юридической базой авторитаризма являлась сама Конституция. Прежде всего следует отметить, что для ее создания был выбран наиболее недемократический путь. Вместо разработки Основного закона всенародно избранным Учредительным собранием, Конституцию подготовила назначенная правительством в феврале 1960 г. комиссия. Ей было официально указано исходить в своей работе из проведенных властями реформ, особенно из факта введения системы «основ демократии». Таким образом, деятельность конституционной комиссии была фактически запрограммирована правительством. Комиссией было опрошено всего несколько тысяч человек. Ряд предложений опрошенных не был включен в доклад (например, о пропорциональной системе выборов парламента). Некоторые предложения самой комиссии, не приемлемые для правительства, были им отвергнуты (об ограничении власти главы государства, прямых выборах, разрешении деятельности политических партий, двухпалатном парламенте и др.)¹⁷². Подготовленный Комиссией доклад был передан президенту 6 мая 1961 г., после чего он несколько месяцев изучался специальным комитетом. 31 октября 1961 г. был назначен правительственный комитет во главе с видным сподвижником М. Айюб Хана членом кабинета министров М. Кадиром. В январе 1962 г. текст новой Конституции был утвержден

правительством, и 1 марта она была обнародована президентом. После отмены военного положения М. Айюб Хан ушел с действительной военной службы и оставил пост командующего вооруженными силами (как показали дальнейшие события, это было большой ошибкой М. Айюб Хана, которую не повторил ни один из будущих военных правителей Пакистана).

Конституция 1962 г. провозглашала Пакистан Республикой, состоящей из двух провинций – восточной и западной. Главный город Восточного Пакистана – Дакка объявлялся второй столицей государства. Официальными языками являлись бенгальский и урду. В «зоне племен» все управление регулировалось декретами президента и губернатора, здесь не действовали законы провинциального собрания и парламента.

Конституция гарантировала экономическую основу государства – частную собственность. В случае ее отчуждения в «общественных интересах» обязательно предусматривалась компенсация. Провозглашались основные права человека (свобода слова, собраний, организаций, вероисповедания, передвижения и пр.), а также декларативные положения о равенстве и одинаковых возможностях для всех граждан, равноправии меньшинств, поднятии жизненного уровня населения и т. д. Все эти положения практически ничем не гарантировались. Основные гражданские права существенно ослаблялись различными оговорками. Так, свобода слова, собраний, создания организаций могла быть нарушена в интересах «безопасности Пакистана», «сохранения общественного порядка», в интересах «морали и нравственности» и т. д.

Устанавливались косвенные, тайные выборы президента, депутатов парламента и провинциальных законодательных собраний. Для этого создавалась коллегия выборщиков; она состояла из избранных гражданами, достигшими 21 года, членов нижнего звена системы «основ демократии». Возрастной ценз для выборщиков, депутатов парламента и провинциальных собраний был установлен в 25 лет. Президентом мог стать только мусульманин не моложе 35 лет. Срок полномочий всех избранных органов власти – пять лет.

Для изменения Конституции требовалось принятие соответствующих поправок не менее чем двумя третями членов парламента и последующее их одобрение президентом. Всего за

период действия Конституции (1962–1969 гг.) было принято восемь поправок.

Конституция устанавливала республиканское управление президентского типа. Его основу составляла сильная исполнительная власть во главе с президентом. Последний обладал также законодательными, финансовыми и судебными полномочиями. Для помощи в осуществлении своих функций как главы исполнительной власти президент назначал совет министров, членов которого он подбирал по своему усмотрению. Поста премьер-министра не существовало, правительство возглавлял президент. Он назначал и смещал губернаторов провинций, членов Верховного суда, генерального прокурора, послов. Президент являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, назначал высших чинов в армии, военно-морском флоте и военно-воздушных силах. Все эти назначения не подлежали утверждению парламентом.

Глава государства имел право созывать парламент, прерывать и закрывать его сессию, досрочно распускать высший представительный орган. В период между сессиями парламента президент мог издавать указы, имеющие силу законов. Все законопроекты, принятые парламентом, должны были получить санкцию президента. Он мог воздержаться от одобрения какого-либо билля, в этом случае парламент мог преодолеть президентское вето голосами двух третей своих членов. Однако и после этого глава государства мог снова отказаться утвердить законопроект. Тогда вопрос выносился на референдум, но не всего народа, а лишь членов избирательной коллегии. Учитывая ее состав, а также то, что президент был главой партии большинства и имел право распустить «взбунтовавшийся» парламент, можно считать право вето президента по Конституции 1962 г. практически абсолютным.

Важно отметить, что некоторые законопроекты, прежде всего финансовые, могли вноситься в парламент только по рекомендации президента. Судебные полномочия президента давали ему право помилования, смягчения и замены приговоров любого суда.

Значительными были чрезвычайные полномочия президента. Он мог объявить в стране чрезвычайное положение в случае угрозы войны, агрессии или внутренних беспорядков. В этом случае президент получал право издавать указы, имевшие силу закона, парламент не мог отменить эти указы. В период чрезвычайного

чайного положения президент мог приостановить действие основных прав граждан и судебный контроль над их исполнением. Сроки существования чрезвычайного положения зависели от решения президента. Так, в сентябре 1965 г. в связи с вооруженным конфликтом с Индией М. Айюб Хан ввел чрезвычайное положение и отменил его лишь в феврале 1969 г. В этот период было приостановлено действие основных прав человека; таким образом, за все время авторитарного правления М. Айюб Хана эти права осуществлялись менее трех лет.

Отметим, что президент не мог быть смещен со своего поста, иначе как в порядке импичмента. Однако осуществить это было практически невозможно. Только для возбуждения дела требовалось письменное заявление не менее трети общего числа членов парламента. Для смещения главы государства нужно было, чтобы за это предложение проголосовало не менее трех четвертей общего числа депутатов. Если же предложение об отставке президента не набирало половины голосов, то лица, подписавшие это заявление, теряли депутатские мандаты ¹⁷³.

Конституция провозглашала, что высшая законодательная власть страны состоит из президента и парламента. Тем самым констатировалось активное участие президента в законодательном процессе (о чем было отмечено выше). Однопалатный парламента (Национальное собрание) состоял из 150 депутатов, избранных поровну от обеих провинций (впоследствии число членов парламента было увеличено до 218 человек). Дополнительно шесть мест (по три для Восточного и Западного Пакистана) резервировалось специально для женщин, которых избирали депутаты провинциальных законодательных собраний (с 1964 г. женщин на эти места избирали члены парламента). Ежегодно проводилось не менее двух сессий Национального собрания. Законы принимались простым большинством голосов присутствовавших на заседании депутатов. Законопроекты могли вноситься любым депутатом, однако принимались, как правило, те, которые вносились правительством ¹⁷⁴. Несмотря на провозглашенный пятилетний срок деятельности избранных высших органов власти, первое Национальное собрание должно было функционировать только три года, с тем чтобы совпадали периоды деятельности президента и парламента.

Конституция 1962 г. «была сделана» под М. Айюб Хана, его президентскую власть. Поэтому были приняты все меры для ее укрепления, что, по мысли правящей верхушки, должно было обеспечить наилучший переход от военного правления к гражданскому. В отличие от первого десятилетия существования Пакистана, в стране была установлена президентская форма правления. Однако для усиления власти главы государства имели место отступления от норм и традиций этой системы, введение некоторых принципов других государственных систем. Например, право роспуска парламента, что характерно для парламентской формы правления. Отступлением от классической президентской формы, с ее четким разделением властей и системой «сдержек и противовесов», было значительное усиление в пакистанской Конституции исполнительной власти за счет остальных ее ветвей.

Новая Конституция вызвала недовольство демократической общественности. Она выступала за расширение полномочий законодательных органов, проведение всеобщих прямых выборов, изменений системы «основ демократии», легализации политических партий и т. д. В Восточном Пакистане росло движение за широкую автономию провинции. Одновременно нападки шли со стороны правых, коммуналистских сил. Попыткой ослабить давление левых и правых явились первая поправка к Конституции (декабрь 1963 г.) и некоторые законодательные акты. Их результатом были ограничения, а затем и отмена института назначенных членов в системе «основ демократии»; разрешение деятельности политических партий; установление судебного контроля над осуществлением основных гражданских прав; провозглашение, что ни один закон не может противоречить правам человека. В то же время был усилен конфессиональный характер Конституции – изменено название государства (оно вновь стало называться «Исламская Республика Пакистан»), усилены полномочия Консультативного совета исламской идеологии и другие меры, которые были рассмотрены выше. Однако эти действия никого не удовлетворили, и нападки на Конституцию продолжались.

Пакистан в период авторитарного правления М. Айюб Хана

Политическое развитие Пакистана в 1962–1969 гг. Отмена военного режима активизировала политическую жизнь в стране. Большое значение имел закон от 14 июля 1962 г., разрешивший деятельность политических партий, легально существовавших до октября 1958 г. (другими словами, Коммунистическая партия продолжала оставаться под запретом). В соответствии с этим законом возобновила свою деятельность Мусульманская лига, ставшая правящей партией, с декабря 1963 г. ее возглавил президент. Мусульманскую лигу покинула крупная группировка ее членов, которые создали свою партию под тем же названием, ставшую в оппозицию к правительству. Оппозиционная Мусульманская лига выражала интересы тех слоев, которые в том или ином плане были ущемлены режимом М. Айюб Хана, возглавили партию опытные политические деятели – Х. Назимуддин, С. Бахадур Хан, М.М. Даултана и др.

Возобновили деятельность *Авами лиг*, выражавшая интересы широких слоев населения Восточного Пакистана (в 1966 г. ее руководителем стал видный политический деятель Шейх Муджибур Рахман), а также Национальная народная партия, выдвинувшая программу прогрессивных социально-экономических и политических преобразований; партией руководили деятели Восточного Пакистана и «малых» народностей западной части страны – А.Х. Бхашани, Г.Б. Бизенджо, А. Вали Хан, А. Музаффар и др. С 1966 г. в партии усилилась деятельность левозэкстремистских элементов, которая привела в 1967 г. к образованию фактически самостоятельной организации, руководимой А.Х. Бхашани и действовавшей преимущественно в Восточном Пакистане. Новой звездой на политическом небосклоне страны стала созданная в 1967 г. Пакистанская народная партия, возглавляемая З.А. Бхутто, который из сторонников М. Айюб Хана превратился к тому времени в его противника. Партия привлекала широкие массы людей своими радикалистскими лозунгами.

На крайне правом фланге начали действовать религиозно-общинные партии *Джаммаат-и ислами*, *Низам-и ислам*, *Джаммиат ул-Улама-и Ислам*, *Джаммиат ул-Улама-и Пакистан* и др.

В связи с кампанией по подготовке и проведению выборов в органы местного самоуправления, а также президента и высших законодательных органов в конце 1964 – начале 1965 г. возник блок пяти крупных оппозиционных партий как левого, так и правого толка. Их объединяло стремление нанести поражение правительству М. Айюб Хана и установление в стране парламентской демократии. Разумеется, каждый участник коалиции вкладывал в это требование собственное понимание. Кандидатами на пост президента были выдвинуты М. Айюб Хан и от оппозиции – Фатима Джинна, сестра основателя Пакистана.

Выборы в органы самоуправления прошли в Западном Пакистане в октябре-ноябре и в Восточном – в ноябре 1964 г. Выборы президента состоялись 2 января 1965 г. За М. Айюб Хана проголосовало 64% членов избирательной коллегии, за Ф. Джинну – 35% выборщиков. В марте и мае 1965 г. были проведены выборы парламента и провинциальных законодательных собраний. Правящая Мусульманская лига получила абсолютное большинство мест в парламенте (76 %) и в законодательном собрании Западного Пакистана (64 %), хотя она собрала лишь 54,8 % и 48,8 % голосов выборщиков соответственно. В высшем законодательном органе Восточного Пакистана правящая партия получила относительное большинство – 44 % мест (и только 38 % голосов выборщиков). Центральное и оба провинциальных правительства были сформированы Мусульманской лигой.

Казалось, что властями была создана прочная государственно-политическая крепость, рассчитанная на долгое существование. Однако вскоре эта крепость стала давать глубокие трещины и через несколько лет развалилась. Несколько причин обусловили такую судьбу режима. Прежде всего следует отметить, что результаты косвенных выборов при крайне ограниченном электорате не показывали реального положения в стране основных политических сил, их соотношения и возможностей. Кроме того, мажоритарная система выборов серьезно искажала истинный расклад основных участников внутривнутриполитической борьбы в Пакистане. Наконец, после политического безмолвия периода военного режима страна как бы стала быстро наверстывать упущенное за предшествовавшие годы. В движение за демократические преобразования, улучшение жизненных условий включились самые широкие слои населения – рабочие, беднейшие

крестьяне, учащиеся, мелкие и средние предприниматели, представители интеллигенции. Причинами растущей напряженности в обществе были сложные и неоднозначные результаты экономических процессов (см. ниже). Во главе оппозиционных сил стояли опытные политические деятели, умело направлявшие удары по правительственному лагерю, используя его малейшие ошибки внешнего и внутреннего порядка.

Правящая группировка серьезно проигрывала лидерам оппозиции в умении вести политическую интригу в условиях парламентской демократии. Хотя М. Айюб Хан в период военного режима использовал методы маневрирования и компромиссов, но опыта у него в этом плане было намного меньше, чем у его противников. Во время военного положения преобладали жесткие методы борьбы и подавления. Но восстановлением гражданского правления использование этих мер было затруднено.

Получив большие полномочия по Конституции, М. Айюб Хан полагал, что этого достаточно для длительного нахождения на вершине власти. Однако довольно скоро оказалось, что провозглашенных президентских полномочий недостаточно, необходимы инструменты для превращения слова в дело, провозглашенного в реальность, что наилучшим образом делала армия. Но М. Айюб Хан, неосмотрительно уйдя в отставку, потерял эту опору власти. Призвать ее на помощь означало передачу государственной власти военному руководству (что и произошло в конце концов). Но в начальный период президент и его окружение не хотели этого и стремились держать власть в своих руках до последнего. Для этого им пришлось вступить в острую политическую борьбу, навязанную их противниками, где последние чувствовали себя увереннее, поскольку находились в родной стихии.

Выбрав такой путь, правительству пришлось проводить сложную, многоплановую и не очень хорошо известную ему политику балансирования, сочетания репрессий и уступок, нападения и отступления, в чем оно не очень преуспело. После отмены военного режима за короткий период было принято немало конституционных поправок и обычных законодательных актов, которые не только отличались, но даже противоречили друг другу. Так, пятая поправка к Конституции расширила права президента в условиях чрезвычайного положения, а седьмая поправка

увеличила полномочия парламента в тот же период. Серьезная попытка большого компромисса, чтобы ослабить давление левых и правых сил, была предпринята в виде первой поправки к Конституции, однако, как уже отмечалось, добиться успеха властям не удалось.

Крайне негативные последствия для Пакистана имел происшедший осенью 1965 г. вооруженный конфликт с Индией. В августе-сентябре вдоль всей линии «прекращения огня» в Кашмире шли ожесточенные бои с участием регулярных войск с обеих сторон. Затем боевые действия перекинулись в приграничные районы обоих государств. Одновременно происходили столкновения на границе между Восточным Пакистаном и Индией. В военных действиях участвовали крупные пехотные соединения, танки, артиллерия, авиация. Конфликт вызвал в Пакистане значительный рост военных расходов, сокращение ассигнований на экономические нужды, рост налогов. Резко сократилась экономическая помощь западных стран. Главный союзник – Вашингтон – сразу же ввел эмбарго на экономические и военные поставки (оно было отменено только через 10 лет).

Все это повело к ухудшению экономического положения Пакистана и еще раз показало опасность односторонних внешних связей. Именно с этого времени усилилась возникшая ранее тенденция к диверсификации экономических, политических, культурных и прочих связей с СССР, КНР, другими социалистическими и развивающимися странами. Проявлением этого курса явилось принятие Пакистаном предложения главы советского правительства А.Н. Косыгина о проведении встречи с индийским руководством в Ташкенте с целью нормализации отношений между двумя странами. Индия также согласилась на такую встречу. На переговорах в январе 1966 г. между индийским премьер-министром Л.Б. Шастри и президентом Пакистана М. Айюб Ханом при участии А.Н. Косыгина стороны приняли Декларацию, получившую название «Ташкентской», в которой они заявили о твердой решимости восстановить мирные и нормальные отношения, а также не прибегать к силе и решать спорные вопросы мирным путем.

Вооруженный конфликт с Индией, его последствия, происшедшие некоторые подвижки в государственном курсе в отношении Индии активизировали внутривнутриполитическую борьбу в стране,

обострили расхождения внутри правящего блока, ярким свидетельством чего явился уход из правительства З.А. Бхутто, бывшего до этого ярким сторонником президента. Этому примеру последовали и некоторые другие ведущие деятели режима М. Айюб Хана. Под влиянием событий, связанных с конфликтом 1965 г., в Восточном Пакистане усилилось движение за расширение прав провинции. Проявлением этого явилось выдвижение Ш. Муджибур Рахманом в феврале 1966 г. программы из шести пунктов, где основным требованием было предоставление Восточному Пакистану полной региональной автономии с оставлением в ведении центра только внешней политики, обороны и финансов. Наблюдатели отмечали, что «война 1965 г. катастрофически ослабила узы между Восточным и Западным Пакистаном»¹⁷⁵. Без всякого сомнения, можно сказать, что семена будущих кризисов 1969 и 1971 гг. были посеяны именно конфликтом 1965 г.

Поскольку курс военного правительства на определенную модернизацию страны, устранение пережитков прошлого, ускорение капиталистического предпринимательства продолжался и в период гражданского правления, то к концу 1960-х годов были достигнуты определенные успехи в различных сферах жизни пакистанского общества. Особенно это относится к сфере материального производства. Если в первое десятилетие существования Пакистана темпы роста валового продукта составляли 2,5 %, то в 1959–1968 гг. они равнялись 5,3 %¹⁷⁶. Быстрым был рост промышленного производства. Доля валового продукта, создаваемого в промышленности, увеличилась с 9,5 % в 1959 г. до 12,6 % в 1968 г. Существенно снизилась доля сырьевых товаров в экспорте, а готовых изделий выросла; в импорте увеличилась доля машин, оборудования, промышленного сырья¹⁷⁷. Ускорились развитие крупного производства и тяжелой промышленности, ключевых ее отраслей – металлургии, машиностроения, основной химии¹⁷⁸. Дальнейшее развитие получили системы образования и здравоохранения.

Однако одновременно с позитивными моментами государственной политики военного правительства гражданские власти унаследовали и все недостатки и слабые стороны этой политики. Более того, в ходе ускорившегося капиталистического развития в 1960-е годы не только обострились старые, но и возникли новые противоречия. Относительно быстрый рост промышленности

происходил при очень слабом собственном производстве средств производства, что не только сдерживало развитие промышленности, но и усиливало зависимость процесса воспроизводства в Пакистане от иностранного капитала. Довольно высокие темпы прироста промышленной продукции в абсолютном измерении были недостаточны для сокращения разрыва между Пакистаном и экономически развитыми странами, особенно в производстве на душу населения. По этому показателю Пакистан оставался на одном из последних мест в мире.

Не была решена продовольственная проблема. При очень низких нормах потребления продуктов питания сельское хозяйство страны было не в состоянии обеспечить население продовольствием. Его в довольно значительных объемах приходилось ввозить из-за границы.

Росла внешняя задолженность Пакистана. С каждым годом приходилось уплачивать по долгам все большие суммы. В 1968 г. на обслуживание внешнего долга было потрачено почти 20% всех валютных поступлений¹⁷⁹.

В 1960-е годы возросли вложения в народное хозяйство Восточного Пакистана, в результате чего экономическое развитие провинции ускорилось. Ежегодный прирост валового продукта в этот период составил 4,3 % (в предшествующее десятилетие он равнялся 1,9 %). Однако темпы экономического роста были ниже средних по всему Пакистану и намного меньше, чем в западной части страны. В результате разрыв между уровнями экономического развития Восточного и Западного Пакистана не только не уменьшился, но даже увеличился. В валовом продукте страны доля, создаваемая в Восточном Пакистане, сократилась с 49 до 45,5 %. Естественно, разрыв в доходах на душу населения был еще больше. Как и раньше, Восточный Пакистан за счет своего экспорта покрывал часть внешнеторгового дефицита Западного Пакистана¹⁸⁰. В вооруженных силах страны, центральном государственном аппарате подавляющее большинство составляли выходцы из Западного Пакистана. Разумеется, все это вызывало возраставшее недовольство в Восточной провинции.

Главная проблема, во многом определившая политическую нестабильность в стране, состояла в том, что экономический прогресс в 1960-е годы практически не изменил к лучшему положение основных масс населения¹⁸¹. Данный период был отмечен

ростом цен, усилением инфляции, ростом налогов, особенно косвенных. При этом прямые налоги, уплачиваемые предпринимателями, уменьшились относительно и абсолютно¹⁸²; по-прежнему вне сферы прогрессивного налогообложения оставались доходы помещиков. Больше всего пострадали наименее обеспеченные группы населения, доля доходов которых упала. По официальным данным, уменьшилась реальная заработная плата рабочих; определенные потери понесли низкооплачиваемые служащие, учителя и другие группы с невысокими фиксированными доходами¹⁸³. Но и те слои трудящихся, которые получили какую-то выгоду, считали, что она не соответствует размерам экономического роста страны. В докладе Плановой комиссии о задачах четвертого пятилетнего плана (1970–1975 гг.) было подчеркнуто, что «масса людей не получила соответствующей доли от роста экономики» и что «конфликт между динамизмом экономики и социальной справедливостью сделался довольно острым»¹⁸⁴.

Примерно аналогичная картина была и в других сферах социальной жизни общества. Доход на душу населения за 1959–1968 гг. увеличился на 26 %. Потребляемое в день количество калорий возросло с 1980 до 2100¹⁸⁵. Свыше 3 млн. детей пошли учиться в начальную школу, увеличился охват обучением детей школьного возраста. Некоторые позитивные результаты были достигнуты в области здравоохранения. Однако все эти сдвиги в условиях жизни населения были незначительны.

По доходу на душу Пакистан по-прежнему находился на одном из последних мест в мире. Калорийность потребляемых продуктов была на 20 % меньше установленного стандарта. Продолжала остро стоять жилищная проблема: 1,2 млн. семей в городах не имели крыши над головой. 85 % населения было неграмотно; в начальной школе обучалась примерно половина детей школьного возраста. Как и прежде, ощущалась большая нехватка медперсонала (1 врач на 7 тыс. человек), больниц, медикаментов; высокой оставалась смертность – 30 человек на тысячу; все еще не были ликвидированы малярия, оспа, холера. Рост самодельного населения сводил на нет увеличение рабочих мест в результате ускорения промышленного развития.

Большие выгоды от экономического прогресса получила верхушка имущих классов. В рассматриваемый период значительно возросли (и абсолютно, и относительно) доходы наиболее

богатых групп населения. Происходила концентрация капитала. Видный пакистанский экономист Махбуб-уль Хак заявил в апреле 1968 г., что «экономическая власть в стране сосредоточена в руках 20 семей, которые контролируют 66 % цензовой промышленности, 79 % страховых и 80 % банковских фондов»¹⁸⁶. К концу 1960-х годов увеличилось количество групп пакистанских предпринимателей с активами свыше 100 млн. рупий и крупнейших среди них с активами, превышающими 1 млрд. рупий. Ведущие монополистические объединения страны по своей экономической мощи приблизились к крупнейшим концернам в Индии¹⁸⁷.

Таким образом, ускорившееся развитие Пакистана, происходившее в основном за счет широких масс населения, содействовало концентрации богатств в руках немногочисленных групп собственников, вело к росту социального и имущественного неравенства. Это обстоятельство, крах надежд на улучшение жизненных условий, связанных с экономическим прогрессом, вызвало огромное разочарование и недовольство подавляющего большинства населения и, по сути, лежало в основе острого социального и политического кризиса, развернувшегося во второй половине 1960-х годов и имевшего своим результатом падение правительства М. Айюб Хана.

Важной составляющей антиправительственной борьбы в стране было национальное движение в обеих частях государства. Как отмечалось, в Восточном Пакистане знаменем борьбы стало требование полной региональной автономии. В Западном Пакистане росло движение за замену единой провинции четырьмя провинциями на лингвистической основе.

Все социальные, политические и национальные движения сливались в общий поток с требованием отставки правительства, замены президентской формы правления парламентской, введения всеобщих прямых выборов, демократизации страны. За это выступали практически все партии Пакистана.

Обстановка в стране резко обострилась в конце 1968 – начале 1969 г. Этому способствовало приближение сроков выборов коллегии выборщиков, президента и парламента. По всей стране проходили массовые демонстрации, митинги, забастовки, столкновения с полицией. Терявшее контроль над обстановкой в стране правительство металось от одной крайности к другой, совершая при этом немало ошибок. Репрессии лишь усиливали ярость

оппозиционеров, а уступки поощряли их на выдвижение новых требований. Особое беспокойство властям приносил З.А. Бхутто — бывший сподвижник президента. Молодой, энергичный, не лишенный организаторских способностей и имевший достаточный политический опыт, он поднимал массы недовольных, привлекая их радикалистскими лозунгами, играя на националистических чувствах и растущем исламизме. (Пройдет примерно десять лет, и лидер Пакистана З.А. Бхутто окажется точно в такой же ситуации; попытки выйти из нее только ухудшили его положение и в конце концов закончились падением авторитарного руководителя.)

В самый последний момент тяжелобольной президент попытался вырваться из заколдованного круга путем принципиальных уступок. В феврале было отменено чрезвычайное положение (введено в связи с конфликтом 1965 г.). М. Айюб Хан заявил, что не будет выдвигать свою кандидатуру на грядущих президентских выборах. Было объявлено правительственное решение установить в стране парламентскую систему и ввести всеобщие прямые выборы. В феврале-марте 1969 г. работала Конференция круглого стола, на которой велись переговоры правительства с оппозицией. Но все было напрасно. И 25 марта 1969 г. в условиях растущей политической неустойчивости, резкой активизации деятельности правых и левых ультра президент М. Айюб Хан сложил с себя все полномочия и передал власть руководству пакистанской армии во главе с ее командующим генералом Ага Мухаммадом Яхья Ханом, который ввел в стране военное положение.

Внешняя политика правительства М. Айюб Хана. Эта область, где были достигнуты, пожалуй, наиболее значительные успехи, с точки зрения государственных интересов Пакистана. При этом следует иметь в виду, что в сфере внешней политики интересы различных социально-классовых сил больше совпадали, расхождения между ними не были столь значительны, как при проведении внутреннего курса. Такие шаги на международной арене как укрепление положения и самостоятельности, диверсификация внешних связей, развитие сотрудничества с максимально большим числом стран, использование противостояния двух мировых систем и т. д., отвечали национальным интересам Пакистана, интересам различных общественных групп. Тем не менее выработка и проведение такого внешнего курса оказалось

непростым делом. На первом этапе негативно сказывались общая экономическая отсталость страны, слабость правящей элиты, стремившейся к союзу с могущественными державами из западного мира, желание обеспечить внешнеполитические интересы страны участием в блоковой системе, созданной западными странами. В первое десятилетие позитивные элементы такого внешнеполитического курса постепенно исчезали даже для правящей верхушки Пакистана, а на первый план выступали ее недостатки.

На внешнюю политику Пакистана оказывали большое влияние и внешние факторы. Вначале США активно стремились укрепиться в стратегически важном северном районе южноазиатского субконтинента, чтобы прежде всего оказать давление на Индию и ее политику неприсоединения. Естественно, что Пакистан рассматривался в Вашингтоне как главный союзник в этой политике. В результате в первом десятилетии своего существования Пакистан проводил курс на одностороннее сотрудничество с западными странами, военно-политический союз с США, участие в военных блоках, противостояние политике неприсоединения. Однако постепенно становились очевидными недостатки этого курса, особенно в сравнении с политикой неприсоединения. Одновременно и западные страны теряли былую заинтересованность в своих восточных союзниках. Крайне важным был отход США от жесткой даллесовской политики к более гибкому курсу «новых рубежей» Дж. Кеннеди, который исходил из признания ведущей роли Индии не только на субконтиненте, но и во всей Азии.

Поэтому во втором десятилетии истории Пакистана под воздействием внутренних и внешних обстоятельств началось изменение его внешней политики, что заняло довольно значительный период времени, так как осуществлялось оно довольно медленно, постепенно, сопровождалось многочисленными отступлениями. В целом можно сказать, что новый вариант внешнеполитического курса Пакистана сложился к концу 1960-х годов¹⁸⁸.

В период военного режима продолжалось осуществление уже сложившейся прежде внешней политики Пакистана. Более того, первоначально ориентация на США усилилась, особенно в военной сфере (определялось это, естественно, нахождением у власти генералитета). Между Пакистаном и США было заключено несколько важных договоров торгово-экономического и военно-политического характера. Особенно следует отметить двусто-

роннее военное соглашение от 5 марта 1959 г., которое предусматривало увеличение американской военной помощи и усиление сотрудничества в «оборонительных мероприятиях». В соответствии с этим документом в непосредственной близости от советской территории была сооружена американская база радиослежения (в районе г. Пешавара). Американская военная помощь представляла собой не только поставки оружия, военной техники, запчастей, боеприпасов. В Пакистан были направлены также военные советники и консультанты, специалисты из США участвовали в строительстве ряда военных объектов на территории Пакистана. Именно с этого времени пакистанская армия, которая еще недавно являлась частью англо-индийской армии, стала в техническом, оперативно-тактическом и организационном отношении ориентироваться на вооруженные силы Америки.

Одновременно сокращались связи с социалистическими странами, мало внимания уделялось сотрудничеству с развивающимися странами. Ужесточилась позиция Пакистана по спорным проблемам с Индией и Афганистаном, что еще больше осложнило их взаимоотношения.

В то же время следует отметить, что внешняя политика Пакистана и тогда не была полностью однозначной. Имели место расхождения позиций Пакистана и его союзников по ряду проблем, прежде всего связанных с миром развивающихся стран, а также в отношении целей их военно-политического сотрудничества. В условиях острых экономических трудностей Исламабад время от времени шел на расширение хозяйственных и иных связей с социалистическими государствами.

Подобная ситуация была обусловлена наличием объективных противоречий между развивающимися странами и развитыми капиталистическими государствами. Блоковая политика вызывала недовольство широких масс населения, что сказывалось на внешнеполитической деятельности государства. Большие опасения в стране вызывали тесные военные связи с Америкой. Засылка самолета-шпиона в воздушное пространство СССР 1 мая 1960 г. и предупреждения, сделанные советским правительством Пакистану, с территории которого вылетел этот самолет, показали опасность, которую таит в себе участие в планах и действиях Пентагона.

Положительные элементы и тенденции в сфере внешнеполитической деятельности Пакистана продолжили свой рост в последующий период истории страны и в конечном итоге привели к изменению внешней политики государства. В ходе практической деятельности складывалась новая внешнеполитическая концепция, основные положения которой были сформулированы в выступлениях руководителей Пакистана – М. Айюб Хана, З.А. Бхутто, М. Кадира, М. Али Богра и др. В более полном виде она изложена в политической автобиографии М. Айюб Хана «Друзья, а не хозяева»¹⁸⁹ и книге З.А. Бхутто «Миф независимости»¹⁹⁰. Основными принципами этой концепции, заменившей блоковую, являются активизация внешнеполитической деятельности Пакистана, диверсификация своих международных отношений, развитие дружеских отношений с великими державами. Последнее считалось наиболее важным, и для достижения этого было выдвинуто положение «байлетаризма» («двусторонности»), то есть развития двусторонних отношений с каждой великой державой, но так, чтобы не затрагивать интересы других великих держав. В конкретной обстановке того времени это означало расширение связей Пакистана с СССР и КНР.

Новая внешнеполитическая концепция Пакистана представляла позитивное явление по сравнению с его прежней позицией. Ряд моментов ослаблял и затруднял проведение новой внешнеполитической линии. Так, в период осуществления нового внешнего курса Пакистан продолжал пребывать в военных блоках. Но главный негатив заключался, конечно, в том, что изменения во внешней политике Пакистана не затронули такого важного направления, как отношения с Индией. Курс в отношении этой страны не только сохранился, но еще более ужесточился; в результате обострились старые и возникли новые проблемы во взаимоотношениях двух стран. Напряженность между ними затрудняла Пакистану проведение нового внешнего курса, препятствовала развитию сотрудничества с рядом стран.

В ходе проведения новой внешней политики произошло укрепление самостоятельности Пакистана, его позиций на мировой арене. Расширилось его представительство в различных международных организациях, органах и специализированных учреждениях ООН. Пакистан принимал активное участие в организации и проведении разнообразных международных встреч и

конференций как по государственной линии, так и по линии неправительственных организаций. Он решительно выступал по проблемам ликвидации колониализма, против расизма и апартеида, за право вьетнамского народа решать свою судьбу без иностранного вмешательства. Хотя Пакистан продолжал находиться в блоках, его деятельность там, особенно в военной сфере, становилась все более формальной. Окончательно Пакистан покончил с блоковой политикой в связи с их распадом в следующем десятилетии.

Заметно расширились отношения Пакистана с развивающимися государствами Азии, Африки и Латинской Америки, капиталистическими странами Западной Европы, Японией и Канадой. Рост сотрудничества с миром освободившихся стран содействовал выходу Пакистана из прежней изоляции на мировой арене. Развитие связей с большим числом капиталистических стран давало возможность успешно использовать противоречия между ними.

Ускорилось развитие разносторонних связей Пакистана с СССР, Китаем, другими социалистическими странами. Впервые в истории советско-пакистанских отношений состоялись взаимные визиты президента Пакистана (апрель 1965 г.) и главы правительства СССР (апрель 1968 г.). На взаимовыгодной основе развивались торгово-экономические отношения. Советский Союз оказывал содействие Пакистану в осуществлении ряда важных экономических проектов (например, в разведке на нефть и газ). В 1969 г. была закрыта американская база слежения близ советской границы. Развивались разнообразные связи между Пакистаном и Болгарией, КНДР, Польшей, Румынией, Чехословакией, Югославией.

Значительным было развитие пакистано-китайских отношений. С 1961 г. Пакистан неизменно выступал за принятие КНР в ООН. 2 марта 1963 г. в Пекине стороны подписали соглашение о демаркации границы между Китаем и районами Кашмира, находящимися под фактическим контролем Пакистана; небольшой участок кашмирской территории был «временно» передан Китаю. В тот период обе страны активно поддерживали друг друга в их противостоянии Индии. Частыми были взаимные визиты руководителей двух государств. В феврале 1965 г. состоялся официальный визит президента Пакистана в КНР. Весной 1966 г. Пакистан

посетил председатель КНР Лю Шаоци. Вообще, именно с этого времени начался длительный и непрерывный процесс сотрудничества Пакистана и Китая в политической, торгово-экономической, культурной, военной и других сферах общественной жизни. Этот процесс практически не нарушался никакими внутренними или внешними обстоятельствами. Именно за это в Пакистане прежде всего высоко ценят дружбу с великим соседом.

* * *

Подводя итог обзора деятельности режима М. Айюб Хана, хотелось бы отметить два важных момента – его большую значимость для развития Пакистана и удивительную противоречивость его итогов и результатов. Несомненная заслуга правительства М. Айюб Хана состоит в том, что оно положило начало модернизации пакистанского общества, что соответствовало объективным потребностям его развития. Власти учитывали условия, в которых им приходилось действовать, традиции общества. Реформирование происходило эволюционным путем, без скачков и забеганий вперед. В этом смысле реформы не затрудняли, а способствовали развитию общества. В ходе этого процесса ускорилось развитие производительных сил, укрепилась экономическая база общества, от многих пережитков прошлого очистились различные сферы материальной и духовной жизни страны. В какой-то степени повысился жизненный уровень населения.

В то же время в ходе общего ускорившегося развития Пакистана не были решены, или хотя бы ослаблены, острые проблемы бывшей колонии – достижение экономической независимости, значительное улучшение положения жителей страны, преодоление неравенства двух частей государства. Экономический прогресс, во многом достигнутый за счет труда и средств трудящихся, не сопровождался адекватным прогрессом их материального положения. Это, как отмечалось выше, лежало в основе недовольства широких масс населения, что обусловило политическую нестабильность в стране.

Чем же можно объяснить такое противоречие между процессом ускорения и его результатами? Прежде ответ был прост и однозначен: все реформы проводились в интересах буржуазно-помещичьей верхушки, которая оказывала решающее влияние на государственный курс Пакистана. Ее узкоклассовые, корыстные интересы определяли ограниченный характер реформ, их непо-

следовательность, незавершенность, а также то, что все выгоды от реформирования общества достались этой социально-классовой группе¹⁹¹. Разумеется, сегодня вряд ли кого удовлетворит подобное объяснение. В то же время совершенно очевидно, что нельзя полностью игнорировать социально-классовую направленность реформ, особенно учитывая, что основные выгоды от реформ достались именно этой группе населения.

Главное, видимо, заключалось в слабости и недостаточной подготовленности той базы, на которой проходило реформирование общества. Реформы действительно носили ограниченный характер, но, прежде всего, потому что не было широкой и хорошо подготовленной основы, государство было еще слишком бедным и малосильным, катастрофически не хватало финансовых средств.

Как показывает опыт других стран, особенно слаборазвитых, реформирование общества – это длительный процесс, и результаты социального характера сказываются в самом конце, до этого положение масс обычно ухудшается. Кроме того, в ходе модернизации, развития рыночных отношений нарушается старое, патриархальное, традиционное и привычное соотношение между уровнями жизни и доходами основных социальных групп, быстро уходят вперед те, кто связан с капиталистическим предпринимательством. Разрыв между богатыми и бедными резко увеличивается, хотя у последних тоже происходит некоторое улучшение жизни (то есть происходит что-то вроде того, что имеет ныне место в ходе глобализации).

Думается, что для более глубокого и позитивного характера реформ властям следовало выполнить предварительно несколько условий (сделать это было весьма сложно, но в принципе возможно). Первое – сократить расходы на госаппарат и армию, и направить освободившиеся средства на производительные цели. Второе – увеличить поступления доходов путем повышения налогаобложения имущих верхов (введение прогрессивного подоходного налога в сельском хозяйстве, повышение прямых налогов и др.). Третье – любой ценой замириться с Индией и наладить с ней нормальные добрососедские отношения. Четвертое – обеспечить значительное увеличение иностранной помощи; при этом надо было, чтобы ее предоставление и применение носило хорошо продуманный системный и целевой характер, чтобы она не

использовалась в пожарном порядке для заделывания различных дыр. По существу, эти условия сохранили свою значимость и в последующие годы.

В целом реформы М. Айюб Хана заслуживают положительной оценки. Несмотря на все отступления и деформации, этот курс продолжался и в дальнейшем.

В области внешней политики после долгих поисков был найден курс, отвечавший общегосударственным интересам Пакистана. Этот курс проводился всеми последующими руководителями страны с теми или иными вариациями и изменениями, что определялось внутренними и внешними факторами.

Значение рассматриваемого периода определяется и тем, что именно тогда произошел первый прямой выход армии на государственно-политическую арену и установление ее правления. Тогда, также впервые, был отработан переход военного режима в военно-гражданскую авторитарную форму власти. Впоследствии это стало традицией и характерной чертой политической эволюции Пакистана.

Военный режим А.М. Яхья Хана

В условиях резкой политической нестабильности президент М. Айюб Хан 25 марта 1969 г. ушел в отставку, передав все полномочия командующему армией генералу А. М. Яхья Хану (прежде, в течение многих лет, он руководил работой по строительству новой пакистанской столицы – Исламабада). В стране было введено военное положение, распущены законодательные органы и правительства. А.М. Яхья Хан возглавил военную администрацию, а затем принял на себя обязанности президента страны. Заместителями главы военной администрации были назначены руководители трех родов войск. В военном отношении страна была разделена на две зоны: А – Западный Пакистан и В – Восточный. Военными администрациями этих зон стали соответственно генерал-лейтенант М. Аттикур Рахман и генерал-майор Музафаруддин.

Политические партии не были запрещены, но деятельность их ограничивалась. С установлением в марте 1969 г. военного режима перестала действовать вторая Конституция страны.

Перед новым военным режимом стояла главная задача – сохранить единство Пакистана, предупредить отпадение Восточной провинции. С этой задачей режим не справился, хотя предпринял широкие действия как репрессивного характера, так и либерально-демократического направления.

С одной стороны, были введены военные суды, запрещены митинги и демонстрации, суровые меры были приняты против деятельности, которая могла рассматриваться как направленная на ослабление связей между Восточным и Западным Пакистаном.

С другой стороны, чтобы привлечь на свою сторону народные массы, военная администрация снизила цены на пшеницу, установила минимум зарплаты для неквалифицированных рабочих, обещала увеличение жалованья низшим категориям служащих, была отменена или отложена выплата части недоимок по налогам с крестьян, других малообеспеченных слоев населения. Была объявлена широкая программа развития «полосы племен». Большие реверансы были сделаны, естественно, в сторону Восточного Пакистана. Было обещано вдвое увеличить в армии количество уроженцев этой провинции, предоставить разного рода экономические льготы, расширить прием восточнопакистанцев на высокие должности в центральном аппарате¹⁹². В правительстве, которое сформировал А.М. Яхья Хан в августе 1969 г., половину министерских постов получили представители Восточного Пакистана.

Правительство провело некоторые позитивные меры в области государственного управления. В 1970 г. был отменен указ о существовании единой провинции Западный Пакистан, который, как и прежде, стал представлять федерацию четырех провинций – Панджаб, Синд, СЗПП, Белуджистан. В том же году была отменена система «основ демократии», на местах восстанавливалось выборное самоуправление посредством всеобщих и прямых выборов.

В декабре 1970 г. впервые были проведены всеобщие прямые выборы парламента и законодательных собраний провинций по принципу «один человек – один голос»; это означало, что впервые количественный состав представительных органов определялся пропорционально численности населения, другими словами, Восточный Пакистан получал больше половины мест в парламенте страны. В Национальное собрание (избрано 7 декабря)

из 300 депутатских мест 162 были предоставлены Восточному Пакистану. На выборах победу одержала *Авами лиг*, получившая 160 мест в Национальном собрании. На втором месте оказалась Пакистанская народная партия (ПНП), завоевавшая 81 депутатский мандат.

ПНП, созданная в 1967 г., сумела за короткий срок приобрести популярность в Западном Пакистане широтой своих лозунгов, откровенным популизмом, обещанием «уничтожить капитализм и ввести исламский социализм», а также резкой критикой существовавшего ранее авторитарного режима и заверения в том, что, придя к власти, партия будет проводить активную антиимпериалистическую политику. Партия требовала также национализации ключевых отраслей промышленности, банков, страховых компаний, улучшения положения трудящихся, автономии провинциям, выхода Пакистана из военных блоков и т. д. Охват всех секторов пакистанского общества должны были обеспечить основные принципы и задачи партии: «Ислам – наша вера, демократия – наша форма правления, социализм – наша экономическая система. Вся власть – народу»¹⁹³. Следует отметить, что основными форпостами ПНП были Пенджаб и Синд, то есть наиболее развитые и населенные провинции; в СЗПП и Белуджистане ее позиции были крайне слабы.

Это четко показали результаты выборов в законодательные собрания провинций, которые состоялись 17 декабря 1970 г. Они прежде всего подтвердили полное преобладание *Авами лиг* в Восточном Пакистане – из 300 депутатских мест эта партия получила 288 депутатских мандатов. В Западной провинции ПНП одержала победу в Панджабе (113 мест из 180) и Синде (32 места из 60). В СЗПП она получила 3 места из 40, а в Белуджистане ее ждала полная неудача. В Панджабе и Синде за ПНП шли обе Мусульманские лиги (бывшая правящая и оппозиционная), религиозно-общинные партии; в СЗПП и Белуджистане сильные позиции были у национальных и национально-демократических партий, особенно у Национальной народной партии (ННП), получившей большинство в провинциальном законодательном собрании Белуджистана¹⁹⁴.

Военный режим отказался признать результаты выборов (основанных на демократическом волеизъявлении населения страны) и передать власть законно избранному большинству

Национального собрания. Это до предела накалило обстановку в стране, вызвало острейший политический кризис. В Восточном Пакистане началась всеобщая забастовка сразу же после того, как власти отложили на неопределенное время открытие сессии Национального собрания, назначенное ими же на 3 марта 1971 г. Всеобщая забастовка переросла в кампанию гражданского неповиновения. Прекратили работу фабрики, заводы, государственные учреждения, учебные заведения. Прекращена была выплата налогов центральному правительству. Проходили массовые митинги и демонстрации в поддержку *Авами лиг*.

Власти решили разрубить узел противоречий военно-репрессивным путем. Армия обрушилась на сторонников *Авами лиг* (деятельность которой была запрещена), на другие национально-демократические организации. Ш. Муджибур Рахман и ряд его соратников были брошены в тюрьму. Масса беженцев устремилась в Индию. В ответ на действия пакистанских военных властей 26 марта 1971 г. была провозглашена на месте Восточного Пакистана независимая Народная Республика Бангладеш.

В начале декабря 1971 г. разразился вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном. Индийская армия распространилась и на западный регион, включая Кашмир, где действия пакистанских войск также были неудачны. 20 декабря 1971 г., в обстановке взрыва всеобщего недовольства в стране, генерал А.М. Яхья Хан, который завел страну в глубокий кризис, подал в отставку и передал обязанности президента и главы военной администрации лидеру Пакистанской народной партии З.А. Бхутто.

В период военного режима генерала А.М. Яхья Хана произошел определенный сдвиг государственного курса Пакистана. Особенно это проявилось в попытках хунты военным путем подавить выраженную на всеобщих выборах в 1970 г. волю восточнобенгальского населения. Поддержку режиму оказала администрация президента США Р. Никсона. Одновременно осложнились отношения Пакистана с СССР, другими социалистическими странами. Произошло некоторое отступление от выработанного в 1960-е годы внешнеполитического курса Пакистана.

ГРАЖДАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ З.А. БХУТТО (1971–1977 гг.)

Поиски выхода из кризиса. Социально-экономические реформы

Период пребывания у власти администрации, возглавляемой гражданским лицом, ярким политическим деятелем Пакистана Зульфикаром Али Бхутто, несмотря на ограниченную продолжительность, всего пять с половиной лет, оставил заметный, во многом определяющий след в истории страны. Причем объяснять это долговременное воздействие осуществленными режимом политическими и социально-экономическими реформами, видимо, вряд ли правильно. Дело, скорее, не в замыслах и прямых результатах действий властей, а в их побочных и косвенных последствиях, в том, что подготовило кризисные явления последующих десятилетий. Впрочем, винить во всех бедах реформистский курс было бы также неправильно, так как режиму З.А. Бхутто досталось тяжелое наследие и найти верные решения было крайне нелегко.

Пакистан при Бхутто рождался как бы заново. Страна сохранила старое название, но приобрела иные географические очертания, во многом иные социальные, этнические, конфессиональные параметры. Из исключительно своеобразного, «двукрылого» государственного образования Пакистан превратился в обычную страну, имеющую выход к морю, вытянутую в меридиональном направлении вдоль бассейна р. Инд. Культурно-исторически он принадлежал в основном региону Южной Азии, имея общую границу с Индией на востоке и севере, а геополитически примыкал к Ближнему Востоку и Центральной Азии, гранича на западе и северо-западе с Ираном и Афганистаном. Последнее обстоятельство имело большое значение на втором, можно сказать позици-

онном, этапе холодной войны, когда оба главных противника в ней – США и СССР – играли на нейтральных полях, в «серой зоне» неопределившихся государств. Границы СССР к тому же выходили непосредственно на Афганистан, а через него – Пакистан. Вместе они представляли собой геостратегический коридор, ведущий от моря к суше, к сердцу Азии и Евразии, и в обратном направлении – из глубин континента к мировому океану¹.

Соперничество между двумя великими державами создавало фон, на котором происходил раздел единого Пакистана и создание на месте его Восточной провинции нового государства Бангладеш. Однако острота противоречий в начале 1970-х годов сглаживалась политикой разрядки напряженности, обусловленной стратегически ничейным результатом, к которому пришли к тому времени две господствующие в мире военно-политические державы. США были ослаблены крупной неудачей в Индокитае, а СССР не удержал контроль над социалистическим лагерем, поделив сферу влияния в некапиталистическом мире с КНР и встретившись в ее лице с враждебно настроенным и непредсказуемым конкурентом. Игра в треугольнике непосредственно захватывала и Южную Азию, но велась приглушенно, оставляя достаточно простора для самостоятельных действий региональных государств, в том числе военных.

Именно к последним относится полномасштабная война, начавшаяся между Пакистаном и Индией 3 декабря 1971 г. Это совпало с назначением З.А. Бхутто вице-премьером коалиционного правительства, которое возглавлял один из ветеранов пакистанской политики бенгалец Нурул Амин. В этом качестве Бхутто принимал участие в работе СБ ООН, пытаясь эмоциями компенсировать морально-политический урон от полного поражения пакистанской армии в Восточной Бенгалии. Бравата Бхутто, смешанная со слезами горечи и обиды, должна была произвести эффект как на мировую, так и на собственную аудиторию. Она был призвана заглушить боль поражения пилюлей сетований на злокозненность Индии и несправедливость ее действий по расчленению Пакистана².

Республиканская администрация США склонялась на сторону Пакистана, в то время как общественное мнение и Конгресс, где большинством обладали демократы, проявляли понимание индийской позиции сочувствия к погрязшим правам и лишениям

восточных бенгальцев. Большинство государств в ООН из соображений поддержания статус-кво голосовали за немедленное прекращение огня, но скоротечность кампании (командующий почти 100-тысячной группировкой пакистанских войск в Восточной Бенгалии генерал А.А.К. Ниязи уже 16 декабря подписал акт о капитуляции) позволила пренебречь этими призывами.

Не помешало созданию Бангладеш и решение президента Р. Никсона направить в Бенгальский залив атомный авианосец «Энтерпрайз» в сопровождении других кораблей 7-го тихоокеанского флота США. Американская администрация позднее объясняла меры давления на Индию не надеждой спасти Пакистан от раздела, а стремлением сохранить в нерасчлененном виде его западную часть, избежав при этом оккупации индийскими войсками всего Кашмира³. В Вашингтоне также опасались вступления в войну Китая и были довольны, что этого не произошло.

Несмотря на поражение своей армии и банкротство политики, А.М. Яхья Хан не спешил подавать в отставку. Военные не были едины – часть генералитета пыталась найти способ сохранить все без изменений, но под давлением со стороны ряда высших офицеров, прежде всего начальника штаба армии генерал-лейтенанта Гул Хасана и главкома ВВС маршала авиации Рахим Хана, 18 декабря Яхья направил Бхутто в Нью-Йорк депешу с просьбой срочно вернуться и встать у руля. Решение, однако, еще не было окончательным. Только убедившись, что офицеры среднего звена считают его виновником позора, Яхья Хан 20 декабря 1971 г. передал Бхутто полномочия президента и главного администратора военного положения⁴.

Часть генералитета, поддержавшая назначение Бхутто, делала это из тех соображений, что лучшей кандидатуры на пост лидера нет. Он сочетал в себе качества человека, накопившего богатый опыт работы в правительстве при Айюб Хане (8 лет занимал различные министерские должности, в том числе пост министра иностранных дел), и в то же время политика, возглавившего партию, которая добилась наибольшей поддержки избирателей той части государства, которая и стала новым Пакистаном.

С одной стороны, Бхутто в полной мере оправдал надежды этих генералов. Он не жалел себя в первые дни, недели и месяцы пребывания на высоком посту, спал, по собственным утверждениям, 3–4 часа в сутки, старался успеть всюду, сделать как можно

больше и как можно быстрее. С другой стороны, он проявил такие черты характера, как подозрительность и мстительность. Опасаясь армии, он заподозрил заговор со стороны тех, кто более всего способствовал его приходу к власти. Уже в марте 1972 г. Гул Хасан и Рахим Хан были смещены с занимаемых постов и отправлены в качестве послов в нейтральные страны⁵.

Успехи на первых порах явно перевешивали просчеты и изъяны. Наиболее бесспорными представляются достижения во внешнеполитической области. Бхутто как трезвый политик смирился с окончательностью распада страны, но некоторое время делал вид, что хочет и может не допустить этого. Нурул Амин был с этой целью назначен на пост вице-президента. В течение двух недель Бхутто вел почти садистскую, но в общем бессмысленную игру с Муджибур Рахманом. С марта месяца содержащийся военными под стражей, лишенный доступа к информации о происходящем, Рахман был вынужден заверять своего тюремщика в том, что, оказавшись на родине, он попытается добиться от своих сторонников согласия на неокончательный разрыв с Пакистаном, на «конфедерацию... пусть даже самую мягкую»⁶.

Наконец, 8 января Рахман был отпущен. Через Лондон и Дели он прилетел в Дакку, где его ожидал восторженный прием. О сказанном Бхутто Муджибур боялся и вспоминать, ибо ненависть к Пакистану в его «шона Бангла» (солнечной Бенгалии) была огромной.

Предоставив Муджибуру свободу, Бхутто приоткрыл путь к решению неотложных проблем. Прежде всего, он отмежевался от политики прежнего режима, который преследовал борцов за Бангладеш и удерживал в заточении их лидера. Это должно было повысить его престиж в мире, продемонстрировав умеренность и реализм. Он стремился оправдать доверие США, чья администрация в период кризиса предпринимала усилия в поддержку Пакистана, но после его распада хотела найти общий язык и с руководством новой страны. Далее надо было подготовить почву для нормализации отношений с Индией, куда интернировали порядка 93 тыс. пакистанских «пленников войны» (из них около 80 тыс. военнослужащих)⁷.

Вместе с тем президент Пакистана долгое время отказывался признавать независимость Бангладеш. Более того, когда в феврале 1972 г. Великобритания объявила о признании новой страны,

Бхутто в знак протеста вывел свое государство из британского Содружества наций. При этом он играл на реакции определенных сил внутри страны и стремился к тому, чтобы неминуемое в будущем признание воспринималось как символ примирения двух частей когда-то одной мусульманской страны.

Следуя во многом разработанной им теоретически внешней политики «билатерализма» (двусторонности), то есть стремления к установлению отношений отдельно с каждой из великих держав и любым из участников международного процесса (в противовес блоковой и коалиционной политики), Бхутто развил бурную деятельность на многих направлениях⁸. Уже в феврале он отправился в Пекин. Хотя Пакистан в дни кризиса не получил от Китая реальной помощи, Бхутто продолжал ценить его дипломатическую и военно-экономическую поддержку. К тому же левый популизм Бхутто во многом вдохновлялся идеями председателя Мао. Независимость Китая от Запада импонировала ему. Бхутто хотелось быть похожим на великих лидеров «третьего мира» и самому встать во главе борьбы против эксплуатации, за права «угнетенных народов»⁹.

Позиция Москвы в ходе кризиса вызывала двойственную реакцию у Бхутто. Он восхищался твердой поддержкой, которую она оказала Индии (специально несколько преувеличивая ее роль). Сожалея, что СССР оказался не на стороне Пакистана, Бхутто добился приглашения посетить Москву и уже в марте 1972 г. встретился там с советскими лидерами, которые до этого, впрочем, приняли Муджибур Рахмана. Покритиковав грехи прежнего пакистанского руководства, они согласились продолжить политическое и экономическое сотрудничество с Пакистаном, в частности строительство металлургического завода близ Карачи¹⁰.

Бхутто постарался максимально использовать связи с арабским миром, Ираном и Турцией. Их значение для Пакистана в начале 1970-х сильно возросло. После ухода Англии с территорий к востоку от Суэца Пакистан оказался соседом (по морю) патриархальных и потенциально богатых благодаря наличию нефти государств Залива. Одновременно усилилась международная роль Саудовской Аравии, возглавляемой королем Фейсалом, а также шахского Ирана, оказавшего Пакистану значительную конкретную помощь в период его войны с Индией¹¹.

В преддверии встречи с руководством последней для послевоенного урегулирования Бхутто совершил два напряженных турне по Ближнему Востоку и Северной Африке, посетив в общей сложности 22 страны. Ему удалось добиться от ряда из них существенной финансовой помощи. С Ираном была достигнута договоренность о предоставлении единовременного кредита на сумму 580 млн. долл. США. Саудовская Аравия ограничилась первоначально 53 млн., а вот Шейх Заид, глава княжества Абу-Даби и президент Объединенных Арабских Эмиратов, давний друг Бхутто, выделил беспроцентный заем в 100 млн. долл. Близкий ему по духу лидер революционно-националистической, богатой нефтью Ливии полковник М. Каддафи предоставил на беспроцентной основе 80 млн. долл.¹²

В послевоенной дуэли двух дипломатий, индийской и пакистанской, международная ситуация была в целом более благоприятной для последней. Абсолютная победительница Индия не могла надолго оставлять ситуацию в неурегулированном виде. Это не позволяли как нормы международного права, так и мировое общественное мнение, все более зависимое от позиции мусульманских государств. Бхутто использовал обстоятельства, ожидая приглашение посетить Индию и отказываясь, несмотря на ее давление, признавать Бангладеш¹³.

Лишь в конце июня он направился в Индию для переговоров с премьер-министром Индирой Ганди. До этого они обменялись взаимными выпадами, давая интервью известной итальянской журналистке О. Фаллачи¹⁴. Переговоры в бывшей летней резиденции английских вице-королей в г. Симле (к тому времени столице горного штата Химачал-Прадеш) были длительными (около недели) и трудными. Они не раз заходили в тупик, но 3 июля все же завершились подписанием Соглашения о двусторонних отношениях. В нем ничего не говорилось о Бангладеш и судьбе пакистанских «пленников войны». Индия обещала в месячный срок отвести свои войска с территорий, которые она оккупировала в ходе наступления на западном фронте (примерно 12,5 тыс. кв. км пустыни на границе двух пакистанских провинций Панджаб и Синда). Пакистан признавал территориальные приобретения Индии в Кашмире, и новая линия контроля устанавливалась с учетом положения, сложившегося на 17 декабря 1971 г.¹⁵ Стороны соглашались восстановить добрососедские отношения и решать

все спорные вопросы путем двусторонних переговоров. При этом в соглашении ничего не говорилось о кашмирской проблеме и плебисците как способе ее решения.

В отличие от декларации, подписанной в Ташкенте в начале 1966 г., соглашение в Симле было встречено в Пакистане с одобрением. Отношение к Ташкентской декларации определялось мнением, что армия войну 1965 г. выиграла, а дипломатия не воспользовалась результатами победы. В середине 1972 г. после явно проигранной войны договоренности с Индией были восприняты как успех, как возвращение стране статуса, равного с соседом-победителем. По возвращении на родину Бхутто постарался уверить своих сторонников и противников, что не заключал каких-либо секретных протоколов и не «предал» дело Кашмира. В свойственном себе стиле он утверждал, что сама проблема – дело кашмирцев, и ни Индия, ни Пакистан не имеют к ней какого-либо отношения. Защищая достигнутые договоренности в Национальном собрании, он утверждал, что «если завтра кашмирский народ начнет освободительную борьбу... мы будем вместе с ним»¹⁶.

Почти единодушная ратификация собранием Симлского соглашения не сняла, однако, вопросов признания Бангладеш и возвращения на родину 90 с лишним тысяч плененных пакистанцев. Бхутто не торопился с их решением, имея сильное средство давления: в Пакистане оставались несколько сотен тысяч бенгальцев, из них 30–35 тыс. были бывшими пакистанскими военнослужащими, а около 20 тыс. – чиновниками¹⁷. При этом он считался с желанием оппозиции, прежде всего, со стороны правых клерикальных сил, возглавляемых М.А. Маудуди и его партией *Джаммаат-и ислами*, не признавать Бангладеш. Парадоксально, что политическая организация, в последний момент «вскочившая в пакистанский поезд», то есть поддерживавшая идею Пакистана, наиболее болезненно реагировала на его раскол. Вместе с тем это было и логично, потому как Маудуди хотел исламизировать всю Индию, и еще большее сжатие исламского пространства вызывало протест. Признанию Пакистаном Бангладеш препятствовала и позиция Дакки, требовавшей суда сначала над 1500, а затем над 195 пакистанцами, обвиняемыми в особо злостных уголовных преступлениях¹⁸.

Только через год, 28 августа 1973 г., представителям двух стран в Дели удалось договориться о начале репатриации из Индии пленников войны. Пакистан в ответ разрешал оставшимся на его территории бенгальцам вернуться в Бангладеш. Делийским соглашением предусматривались дальнейшие консультации между Пакистаном и Бангладеш о репатриации в Пакистан тех граждан бывшего государства, которые изъявляют желание это сделать¹⁹.

Соглашение с Индией стало возможно благодаря тому, что Национальное собрание Пакистана 10 июня, наконец, признало факт раздела страны, приняв специальное постановление. Однако ввиду нерешенности проблемы суда над обвиняемыми в военных преступлениях согражданами, оно предоставило президенту Бхутто право самому решить вопрос о времени признания Народной Республики Бангладеш²⁰.

Бхутто и после этого не стал торопиться, выжидая, когда «осядет пыль» и новые реальности затмят прошлые обиды. Осенью 1973 г. в его руках оказался новый сильный козырь. В разгар октябрьской войны между арабскими странами и Израилем он выдвинул идею проведения в Пакистане второй исламской конференции на высшем уровне. К тому времени Организация Исламской конференции с центром в Саудовской Аравии начала действовать, но с первой конференции 1969 г. в столице Марокко Рабате прошло уже много времени. Кипучая деятельность Бхутто и руководимой им дипломатии обеспечили бесспорный успех второго саммита, который прошел в феврале 1974 г. в Лахоре. Накануне конференции Бхутто объявил о признании Бангладеш, что сделало возможным участие в ней Муджибур Рахмана. И не только участие, но и демонстрируемое всем дружеское расположение двух лидеров. Хотя угроза суда над 195 пакистанцами, которые содержались в Индии, все еще оставалась, «братские» обьятия двух лидеров свидетельствовали о том, что удовлетворительное решение проблемы уже найдено и суда не будет. Формально оно было достигнуто в апреле того же года в Дели на трехсторонних переговорах министерского уровня²¹.

Лахорская конференция может по праву считаться пиком дипломатических успехов Бхутто. Если в первой конференции приняли участие представители 24 стран, то во второй – уже 38. В главный город Панджаба, превратившийся во вторую столицу Пакистана, съехались главы таких государств, как Саудовская

Аравия и Египет (король Фейсал и президент Анвар Садат), премьер-министр Малайзии и президент Объединенных Арабских Эмиратов, лидеры ряда африканских государств, в том числе руководитель Ливийской Джамахирии (Республики) Муамар Каддафи. Последний стал вторым героем Лахорского саммита, соединяя в себе две идеологические силы, которые так ценил и на которых строил свою собственную стратегию пакистанский лидер – ислам и социализм²².

Достигнутые в первые годы успехи режима З.А. Бхутто во внешнеполитической области резко контрастировали с трудностями и неудачами в сфере внутренней политики. Отчасти они были следствием того багажа, с которым Бхутто пришел к власти. Основанная им и рядом единомышленников осенью 1967 г. Пакистанская народная партия (ПНП, или, что по смыслу точнее, Партия пакистанского народа) заняла место слева от центра, опираясь на концепцию сначала социализма (в широком светском понимании), а несколько позднее исламского социализма. Хотя последний термин появился еще в середине 1940-х годов и несколько раз встречался в речах М.А. Джинны и Лиакат Али Хана, в дальнейшем он оставался табу для господствующего лексикона, ассоциируясь с коммунизмом. (Компартия находилась под запретом в 1954–1972 гг.) Однако в конце 1960-х годов на волне роста леворадикальных настроений в обществе и кризиса власти именно социалистические лозунги объединили деятелей новой оппозиционной партии. Несмотря на то что среди ее основателей были достаточно известные люди, помимо Бхутто, с самого начала эта была его партия. Он как председатель возглавил все комитеты, созданные на первой партийной конференции. Трехмесячное пребывание Бхутто в тюрьме, куда он был посажен Айюб Ханом в ноябре 1968 г., одновременно с некоторыми другими политическими оппонентами, только утвердило его лидирующее положение, так как помогло «смыть пятно» многолетнего сотрудничества с военным режимом²³.

В отчетливой и концентрированной форме левопопулистская идеология нашла отражение в манифесте, с которым ПНП вышла на выборы 1970 г. В нем провозглашались четыре девиза: «Ислам – наша вера, демократия – наша политика, социализм – наша экономика, вся власть народу»²⁴. В ходе предвыборной кампании Бхутто предстал зачастую весьма радикальным социалистом,

хотя, не желая отпугнуть умеренные круги, заявлял о своей вере в демократию и социал-демократию английского и западногерманского образца (на манер Вилли Брандта). На обвинения клерикалов, что иностранный по происхождению социализм направлен против ислама, он отвечал, что исламский социализм – это то же, что *мусавват-е мухаммади* (равенство, проповедуемое пророком). В одной из речей по радио накануне выборов Бхутто семь раз употребил термин «исламский социализм». Среди лозунгов избирательной кампании ПНП, особенно в ее начале, были такие: «Кто разрушитель храмов капитализма и лендлордизма? Зульфикар Али Бхутто... Восток – красный и левый... Вставайте и очнитесь, бедные люди всего мира»²⁵. Ударным слоганом кампании стало требование «*проти, макан ор капра*» (хлеба, жилья и одежды), напоминающий используемый тогда же Индийским национальным конгрессом И. Ганди клич «*гхариби кхатао*» (покончить с бедностью).

Хотя Бхутто пришел к власти с помощью военных, ни он, ни они не забывали, что это стало возможно благодаря победе его партии на выборах. Чтобы укрепиться у власти независимо от военных, ему необходимо было укреплять альтернативную «базу поддержки», а ее составляла на первых порах его партия и идущие за ней и вместе с ней социальные и политические силы.

Оценивая политику президента, подчеркнем: парадокс прихода Бхутто к власти состоял в том, что как поставленный военными государственный муж он мог начинать с чистого листа, а как политик должен был платить по выданным в ходе предвыборной кампании вексялям. Он попытался следовать первому пути во внешней и оборонной политике и второму – во внутренней, социально-экономической.

Уже 2 января 1972 г. был обнародован указ о взятии под государственный контроль 31 предприятия в 10 базовых отраслях индустрии. Среди фактически национализированных оказались наиболее крупные предприятия сталелитейной, металлообрабатывающей, машиностроительной, цементной, химической и нефтехимической промышленности, автосборочные и тракторосборочные заводы, компании по снабжению электроэнергией, транспортировке природного газа и нефти²⁶. Это решение затронуло интересы в первую очередь (но не исключительно) «инонациональной» буржуазии, капиталистов из числа *мухаджиров* (пере-

селенцев после раздела Индии 1947 г.), преимущественно гуджаратцев, проживавших в Карачи.

При этом текстильное производство и другие подразделения легкой и пищевой промышленности с высокой прибыльностью и значительным экспортным потенциалом не пострадали, в то время как по недавно возникшему высокотехнологичному сектору был нанесен серьезный удар – вложения в эту область почти сразу сократились на 37 млн. рупий²⁷. Национализация, впрочем, имела свою логику, вполне соответствующую тогдашним представлениям об общественной значимости и сравнительной эффективности частного и государственного секторов (см. ниже).

Вместе с тем указ был полон противоречий и пропусков. Некоторые крупные предприятия в базовых отраслях остались им не затронуты, а в списки взятых под госконтроль попали отдельные «непрофильные» предприятия. В результате пострадали не только самые богатые промышленники, но в первую очередь те, кто был на виду при прежних режимах, активно участвовал в публичной и политической деятельности, или чем-то лично досадила новому президенту.

Так, на глазах у телезрителей заковали в наручники и посадили в тюрьму генерала в отставке Х. Хаттака, председателя совета директоров известной автомобильной компании «Гандхара индастриз», основанной ближайшими родственниками Аюб Хана. Пострадали также некоторые другие «олигархи», в частности два крупнейших магната бизнеса Ахмед Дауд и Фахруддин Валибхай²⁸. У представителей 22 семейств-«монополистов» отобрали заграничные паспорта, обязав их представить сведения о своем заграничном капитале и потребовав возврата в страну переведенных за рубеж средств²⁹. Преследованиям подверглись также бывшие военные (главком ВМС А.Р. Хан) и ведущие представители прессы (главный редактор газеты «Доон», бывший советник Айюба А. Гаухар). Драконовские меры вскоре были отменены или смягчены, ибо главным для Бхутто было, с одной стороны, произвести «революционный эффект» на массы, а с другой – припугнуть представителей прежней элиты, заставив их считаться с новыми реалиями.

Разобравшись с капиталистами, которые лишь робко протестовали³⁰, он принялся за чиновников. За несколько месяцев по

обвинению в коррупции было уволено от 1500 до 2000 государственных служащих различного ранга³¹.

Первые решительные действия определялись предвыборными обещаниями и теоретическими соображениями левых экономистов и требовали продолжения в том же ключе. Через два с половиной месяца после указа о расширении госсектора правительство объявило о национализации прибыльной сферы страхования жизни. На месте 43 частных компаний, в том числе четырех иностранных (в дальнейшем от посягательств на иностранную собственность власти воздерживались), возникла государственная страховая компания, аккумулировавшая мелкие сбережения³². Национализация впервые коснулась финансового сектора, который был затем на время оставлен в покое.

Политика «обобществления собственности» проводилась в условиях, когда глава режима проявлял интерес и уважение к левым идеям. Известно его преклонение перед председателем КНР Мао Цзэдуном и высшая оценка, которую он дал Чжоу Эньлаю, назвав его (как и Наполеона) «совершенным человеком»³³. Кроме того, будучи реалистом, он считался с возросшей силой и организованностью рабочих и недовольством городских масс, оказавшихся после трех лет кризиса и застоя в крайне тяжелом положении.

Необходимо учитывать, что организованные выступления рабочих в конце 1960-х годов оказывали существенное влияние на политическую обстановку в Пакистане, как, впрочем, и во многих других развивающихся странах (в той же Индии). Вместе со студентами и молодой интеллигенцией рабочие крупных предприятий громко заявляли о своих правах, требовали повышения зарплаты и улучшения материальных условий жизни, прибегая иногда к насилию против хозяев и нанесению ущерба их собственности. Поддерживали они, безусловно, и идеологические лозунги борьбы с монополиями, капиталистами и спекулянтами.

Уже в феврале 1972 г. в одном из первых радио- и телеобращений к нации Бхутто сообщил о принципах новой рабочей политики, предусматривавшей расширение прав профсоюзов, участие представителей от рабочих в контроле за управлением как частными, так и государственными предприятиями, увеличение доли наемных работников в прибылях и т. п. Одновременно он призвал отказаться от незаконных действий, не приме-

нять впредь тактики *гхерао* и *джелао* (окружай и сжигай) и пригрозил репрессиями нарушителям³⁴.

Склонный к левой демагогии президент Бхутто объявил 1 мая – день солидарности трудящихся – национальным праздником, «взывая к духу Парижской коммуны»³⁵. А во исполнение обещанного, в июне 1972 г. правительство приняло указы (трудовое законодательство), обязывавшие всех владельцев зарегистрированных предприятий увеличить как денежную, так и неденежную части заработной платы рабочих. В последнюю рубрику входили отчисления в пенсионный, медицинский и страховой фонды. По сделанным тогда же правительственным подсчетам, выполнение всех требований нового законодательства должно было увеличить общую величину заработной платы рабочих и служащих частных ценовых предприятий на 250 млн. рупий, или в целом на 20%³⁶.

Для реального выполнения столь масштабной акции требовались не только активность профессиональных союзов рабочих, но и увеличение бюрократического аппарата. Декретированное повышение зарплаты рассматривалось предпринимателями как недопустимое и даже оскорбительное вмешательство в прерогативы частных собственников (это все равно, возмущались они, как если бы кто-то указывал владельцу машины, сколько он должен платить своему шоферу) и вызывало их саботаж и сопротивление. Трудовое законодательство, при благих намерениях принимавшего его правительства, усиливало конфликты между хозяевами и рабочими. Летом 1972 г. обострилась ситуация в Карачи. Произошли волнения на ряде фабрик города, что привело к острому противостоянию с предпринимателями и участием правительства как посредника³⁷.

Помимо социал-реформистских целей, экстренные меры, принимавшиеся правительством Бхутто в первые месяцы пребывания у власти, имели задачу улучшить конъюнктуру. Длившаяся почти год (1971) необъявленная война с Индией привела к глубокому экономическому застою, росту цен и стоимости жизни, истощению государственных ресурсов³⁸.

Хотя большая часть фабрично-заводской промышленности не была затронута национализацией, многие ее отрасли в начале 1972 г. пострадали из-за потери защищенного тарифными барьерами рынка сбыта, каким являлся, особенно для промышлен-

ности Карачи, отколовшийся Восточный Пакистан. Особенно сильным было затоваривание на складах предприятий ведущего сектора промышленности – текстильного (27 % добавленной стоимости). Дорогая продукция пакистанских фабрик не находила внешнего сбыта. И выход Пакистана из британского Содружества лишил его привилегий по ввозу товаров в Англию ³⁹.

В этих условиях оказалось, что официальный курс пакистанской валюты сильно завышен. Он не менялся с 1955 г. и корректировался с помощью введенной в начале 60-х годов системы экспортных бонусов (возможности продать экспортную выручку в инвалюте для импорта товаров определенной группы, облагаемых разной пошлиной). Система фактически устанавливала множественность валютно-обменных курсов и задумывалась как временная. Так как ее не отменили, то она стала источником крупных спекулятивных махинаций, продолжая в то же время выполнять функции, способствующие индустриализации.

Ссылаясь на устарелость бонусной системы и то обстоятельство, что она порождает несправедливость, правительство в мае 1972 г. пошло на ее ликвидацию и крутую (на 131 %) девальвацию рупии – с 4,76 за доллар США до 11. Одновременно банковская учетная ставка была повышена с 5 до 6 % ⁴⁰. Эти меры, наряду с увеличением экспортных пошлин и новой импортной политикой, не могли не встретить осуждение и глухое сопротивление бизнес-сообщества.

Однако положение на время спасла исключительно благоприятно сложившаяся конъюнктура на внешних рынках, мировой товарный бум 1972–1973 гг. Прежде всего он коснулся спроса на хлопок-сырец, хлопчатобумажную пряжу и ткани. (Хорошие погодные условия к тому же позволили в 1971–1972 г. собрать рекордный урожай хлопчатника.) Экспортные поступления в 1972–1973 г. выросли по сравнению с предшествовавшим годом более чем в два раза. Впервые после 1950–1951 г. сальдо торгового баланса оказалось положительным ⁴¹.

Кратковременная передышка, полученная пакистанской текстильной промышленностью, вызвала, как отмечалось С.Ф. Левиным, возобновление притока капиталов в эту отрасль. Строились новые фабрики и расширялись мощности на ряде старых предприятий ⁴². Однако, как и в начале 1950-х годов, мировая конъюнктура быстро изменилась. Поступления от экспорта в 1973/74 г.

сократились на 25 %, дефицит торгового баланса составил почти 350 млн. долл.⁴³

Под давлением профсоюзов власти в 1973 г. предприняли новые меры реформистского характера. В их числе было повышение минимума заработной платы низкооплачиваемых рабочих, увеличение числа выходных дней в году и выходных пособий, расширение прав и обязанностей специальных судебных органов для разбора конфликтов между рабочими и нанимателями. Стремясь занять позицию «третьей стороны», правительство организовало несколько трехсторонних конференций и совещаний с участием представителей рабочих профсоюзов и союзов предпринимателей⁴⁴.

Политика правительства, настороженная или прямо враждебная по отношению к магнатам бизнеса, привела к тому, что приток крупных частных средств в промышленность резко сократился. Ведущие предприниматели усилили поиск лазеек для вывоза капитала за рубеж. Многие из них перевели часть или даже весь свой бизнес за пределы страны – на Ближний Восток, в Африку, Америку и Западную Европу. Иностранному капиталу, по существу, полностью потерял интерес к пакистанскому рынку. Частные инвестиции в промышленность в 1973/74 г. оставались, по официальным данным, на том же уровне в 1 млрд. рупий, что и в предшествующий год, а с учетом инфляции уменьшились (оставшийся в стране капитал уходил из промышленности в другие более прибыльные сферы). Падение инвестиций в реальных ценах продолжалось и в последующие годы. Главным инвестором вместо частного предпринимателя стало государство. На базе национализированных предприятий им было создано Бюро промышленного управления во главе с министром финансов, известным экономистом левых, популистско-государственнических убеждений Мубашир Хасаном. Позднее, в 1973 и 1974 гг., под эгидой Бюро сложилась система из 10 ведущих отраслевых государственных корпораций, а число контролируемых ими предприятий возросло к 1976 г. до 53⁴⁵.

Известным исключением из отраслевого принципа являлась наиболее старая, учрежденная еще в 1950 г., Пакистанская корпорация промышленного развития. А из отраслевых следует отметить Пакистанскую металлургическую корпорацию, в ведение которой перешло строительство с советской помощью (позднее и

эксплуатация) Карачинского (впоследствии Пакистанского) металлургического завода.

В 1971/72 г. на государственный сектор приходилось всего 7 % инвестиций в обрабатывающую промышленность, а в 1973/74 г. его доля выросла уже до 28 %. Частные капиталовложения в реальном исчислении на протяжении всего периода правления правительства ПНП существенно не повышались, а доля их неуклонно снижалась. Соответственно возрастал удельный вес государственного сектора, который в 1976/77 г. достиг 71 %⁴⁶.

В промышленном секторе произошла частичная социализация – обобществление. Она коснулась в основном так называемой крупной, ценовой или фабрично-заводской промышленности; инвестиции в обширную сферу не регистрируемого государственными органами малого производства не подлежали прямой оценке. Буржуазия потеснилась, чтобы дать дорогу хозяйствующей бюрократии. Последняя использовала кредиты и займы, получаемые по государственной линии от СССР, КНР, ряда других государств, таких как Румыния и Ливия, чтобы вложить деньги и предоставленное в кредит оборудование в сооружение ряда масштабных и достаточно передовых, «базовых» производств (металлургию, химию, энергетику и т. п.). При этом соображения престижа и вала, как правило, перекрывали аргументы сбыта и доходности. На эффективность работы госсектора отрицательно влияли и недостаточная компетентность руководства, обычно не имевшего специального технического и экономического образования, а главное, отсутствие у чиновника-администратора «кровной» (связанной с риском) заинтересованности в результате, в прибыли. Бюрократ в любой системе государственного предпринимательства интересуется в принципе процесс, сохранение объекта администрирования. В этом он сродни феодалу или священнику, для которых также важны в основном масштабы власти и опеки.

Продолжая тему социально-экономических реформ режима З.А. Бхутто, следует отметить, что национализация коснулась практически всех верхних этажей экономической и социальной сферы и в этом смысле, по своему охвату, сравнима с исламизацией на последующем историческом этапе при М. Зия-уль-Хаке. Для обоих режимов проводимые ими кампании имели немалое политико-пропагандистское и легитимизирующее значение.

Глубоки были масштабы и серьезные последствия реформы образования, которой предусматривалась национализация частных школ и колледжей. 1 сентября 1972 г. примерно 175 частных колледжей по всей стране были переданы в управление провинциальных департаментов просвещения. Более многочисленные и разнообразные частные школы были национализированы поэтапно в течение двух лет. Под частным контролем остались лишь около двух десятков школ и колледжей, которыми владели и управляли иностранцы⁴⁷. Среди них преобладали учреждения, основанные христианскими миссиями (католическая академия Св. Марии в Равалпинди, школа Св. Джозефа в Карачи и т. п.), но некоторые заведения, известные с колониальных времен, такие как колледж Формана в Карачи (его окончил, например, президент П. Мушарраф), были национализированы и низведены до общего среднего уровня⁴⁸.

Реформированная система образования «благоволила» к бедным городским слоям, выходцам из рабочей среды, несколько расширяя им доступ к общему образованию. Однако стремление к унификации и усреднению, которое могли реализовать влиятельные на первых порах министры из числа левых теоретиков Пакистанской народной партии, губительным образом сказалось на качестве общего и высшего образования в стране. В результате преобразований была в значительной мере ликвидирована система подготовки кадров для всего гражданского сектора как государственного, так и частного (военная система образования осталась не затронутой реформами). Реформы осуществлялись к тому же в условиях явной нехватки средств, выделяемых на цели просвещения (их доля в ВВП была почти втрое меньше, чем у всей группы развивающихся стран – 1,7 против 4,6 %) ⁴⁹.

Недостаток государственных средств и отключение общества, среднего класса, от предоставления образовательных услуг вызвали с течением времени явное падение стандартов обучения и охвата современным образованием подраставшего поколения. Это подготовило почву для ухода образовательной сферы «в тень», а также последующей его исламизации. Кроме того, увеличилось стремление молодежи к выезду за рубеж с целью получения качественной подготовки.

Не удалось избежать провалов и в проведении реформы в области здравоохранения. Как и в случае с просвещением, цель

реформирования состояла в преодолении разрыва между средними и низшими слоями. Чтобы уравнять в возможностях все население, был введен запрет на производство и продажу многих лекарств. Сделано это было на том основании, что аптекари завышали цены на них, а фармацевтические компании получали «несправедливую» прибыль. Согласно введенной системе «общих лекарств», разработанной в министерстве здравоохранения, разрешалось производить, ввозить и продавать только ограниченный набор медицинских препаратов. Цены на них строго регулировались и сначала пошли вниз. Но регламентирование и сокращение набора имевшихся медикаментов вскоре обернулось расширением подпольного сектора, продажей некачественных лекарств и прямым обманом покупателей. Многие фармацевтические фирмы, в том числе иностранные, объявили бойкот мероприятиям правительства и ушли с рынка, оставив его без необходимых лекарственных средств. Через год после введения в 1973 г. новой системы власти были вынуждены приступить к ее демонтажу⁵⁰.

Другим громким начинанием в той же области стало принятие Программы народного здоровья с главным прицелом на сельскую местность. В больших деревнях или группах соседних деревень создавались медпункты (центры здоровья). Заимствуя китайский опыт, министр здравоохранения, «сельский социалист» Шейх М. Рашид поощрял набор вспомогательного малоквалифицированного персонала («босоногих докторов»). Однако перелив средств из городского сектора в сельский был ограниченным из-за бойкота бюрократии, а сами ассигнования на здравоохранение оставались недостаточными. Между тем развитие сферы частных медицинских услуг резко замедлилось и в результате число врачей и среднего медицинского персонала в расчете на количество жителей за первую половину 1970-х не увеличилось, а уменьшилось⁵¹.

От популистской программы властей в области здравоохранения страдали представители городских средних слоев, вынужденные обращаться в немногие частные клиники. Те принадлежали, как правило, религиозным организациям типа протестантов-адвентистов седьмого дня, исмаилитского фонда Ага Хана и т. п. К немногим исключениям относился частный центр местной аюрведической медицины Хамдард. Критическое состояние общественного здоровья в крупных городах вызвало

к жизни появление благотворительных фондов, созданных филантропами, наиболее известный из которых – А.С. Идхи⁵². В случае серьезного заболевания достаточно обеспеченные люди стремились выехать для лечения за рубеж. (В США, например, долго лечился лидер *Джамаат-и ислами* М.А. Маудуди, скончавшийся там в 1979 г.).

Расширение государственного сектора в базовых отраслях промышленности и передача под госконтроль части финансовой сферы в начале 1972 г. еще далеко не поколебали структуру верхних этажей экономики, носившей смешанный характер со сложившимся в предшествующие четверть века приоритетом частного сектора. Продолжали, в частности, действовать фондовая и хлопковая биржи, основное кредитование шло через крупные частные банки. Однако ожидания, что волна реформ обобщественного характера остановится на первых опытах такого рода, не оправдались.

Новые национализации, проводившиеся, как оказалось, после короткой передышки, позволившей на время утвердиться у экономического руля деятелям левого направления, носили еще менее рациональный продуманный и подготовленный характер. За ними стояло то же стремление к социальной справедливости, возмущение корыстолюбием и своеволием олигархов, а также дельцов и спекулянтов всех мастей. Помимо М. Хасана и Ш.М. Рашида, к проводникам этих мер относились другие «министры-социалисты» (генеральный секретарь ПНП Дж.А. Рахим, Малик Мерадж Хан, Хуршид Хасан Мир), а также советник Хасана по национализации Раза Касим⁵³.

Между тем уже летом 1973 г. обстоятельства общего характера перестали благоприятствовать режиму. На страну обрушилось крупное стихийное бедствие. Наводнение после перерыва в более чем 15 лет смыло заградительные сооружения, построенные или отремонтированные в первой половине 1950-х годов, уничтожило 10 % посевов, почти миллион домов, тысячи километров дорог и коммуникаций. Общий ущерб от наводнения официально оценивался в 800 млн. долл.⁵⁴

Бедствие, вкпе с другими причинами, вызвало рост цен на предметы первой необходимости, в том числе на местное растительное масло (*ванаспати гхи*), вырабатываемое из семян хлопчатника. Министру финансов М. Хасану (он имел также порт-

фель министра планирования и экономического развития) удалось убедить Бхутто в том, что владельцы многочисленных заводов по производству *гхи* виновны в погоне за личной корыстью, а также в саботаже, в сознательной попытке сорвать введение «социалистических порядков». В августе отрасль была национализирована. Удар обрушился уже не на крупных заводчиков и фабрикантов, но на представителей среднего и малого капитала, действовавшего не в больших городах, а в глубинке. Мало того, пришедшие на смену частным владельцам государственные управляющие в скором времени разочаровали огромную массу крестьян-производителей хлопка отсутствием требуемой компетентности и нечестностью⁵⁵.

Летом того же года государство взяло под свой контроль еще одну область частной активности, имеющей прямое отношение к аграрной экономике, – экспортную торговлю хлопком – и ликвидировало хлопковую биржу в Карачи. Пытаясь преодолеть раскручивание спирали цен и товарный голод, правительство усилило регулирование цен на продукты первой необходимости и расширило систему «рационированной» (по карточкам) продажи муки и сахара, которые за счет иностранной помощи ввозило в страну (за 1972/73 и 1973/74 гг. импорт пшеницы превысил 2,5 млн. т, а сахара – 200 тыс. т)⁵⁶.

Рубеж 1973/74 г. был отмечен последним аккордом национализации первой волны. В канун нового года Бхутто, находясь в Карачи, выступил на съезде синдского отделения своей партии, заложил первый камень в фундамент металлургического завода и держал короткую речь на банкете деловой элиты. Он призывал банкиров и промышленников не беспокоиться, отвергал слухи о грядущей национализации банков, а 1 января вступил в силу указ о немедленной национализации всех списочных или шедульных банков⁵⁷.

В соответствии с заранее подготовленной схемой более десятка банков сливались в пять государственных, большинство из которых сохранили название наиболее крупного прежнего банка, на базе которого они создавались. Так, на основе старейшего «Хабиб бэнка», принадлежавшего группе Хабибов, образовался государственный банк с тем же названием. Еще один образованный до раздела Индии банк «Муслим коммершиел» (семейство Адамджи), в соответствии с реформой, объединили с двумя другими

при сохранении прежнего названия. На базе «Юнайтед бэнка» (Сайголы) образовался третий национализированный банк. Полу-государственный коммерческий банк «Нэшнл бэнк оф Паки-стан», основанный в 1949 г., пополнялся за счет ряда частных и становился примерно равен по активам и количеству отделений другим. Наконец, известный с колониальных времен панджаб-ский «Остролейшиа бэнк» переименовывался в «Эллайд бэнк» (то есть объединенный банк), так как к нему присоединялось большое число наименее крупных банков. После национализации в руках государства оказалось сосредоточено более 90 % депози-тов и свыше 80 % кредитов. Остальная часть приходилась на ино-странные банки, но открывать новые отделения им запретили ⁵⁸.

Национализацией банков правительство Бхутто нанесло не менее сильный удар по позициям монополистов-олигархов, чем первым указом о взятии базовых отраслей в государственный сектор. В самом начале января 1974 г. правительство объявило также об установлении контроля над торговлей нефтепродуктами и о национализации судоходных компаний. В результате последующей реорганизации этих существенных сфер бизнеса возник-ли сначала три, а потом одна государственная компания по про-даже нефтепродуктов и две судоходные ⁵⁹.

Как и в случае с национализированной промышленностью, да-леко не в лучшем финансовом состоянии находились многие предприятия и заведения, взятые под государственный контроль. Для ряда банкиров (как и промышленников) ведение дел оказы-валось прямо убыточным. Вместе с активами у них забрали и пассивы. К тому же связи прежних хозяев банков с оставшимися на местах теми же топ-менеджерами (их даже при желании было трудно заменить) позволяли им рассчитывать на льготы и пре-ференции при получении кредитов. Что касается новых управ-ляющих банками, то те, пользуясь политической защитой, выда-вали иногда огромные кредиты друзьям и знакомым, обходя пре-пятствия морального и формального свойства ⁶⁰.

Всепрощение долгов и без достаточных гарантий выданные ссуды скоро сделали банковскую систему малоэффективной. Реорганизованная финансовая система, тем не менее, избежала коллапса. Экономика продолжала функционировать, но на малых оборотах, при низкой деловой активности и разрастании теневой ее части. Последнее было вызвано стремлением уйти от

возросших прямых налогов и выполнения обязательств по новому трудовому законодательству.

После лета 1973 г. увеличились темпы инфляции, не переставшие расти и в предшествующий период. Индекс розничных цен в 1973/74 г. превысил 20 %, а по сравнению с 1970/71 г. цены выросли почти вдвое, на 70 %⁶¹. Инфляция (по неофициальным данным, она была еще выше) «съедала» выигрыш от повышения заработной платы рабочих и служащих государственной и государством регулируемой частной сферы. Вместе с тем совокупные размеры организованного, или формального, сектора экономики перестали расти, в то время как предложение рабочих рук увеличивалось в год на 600 тысяч (прирост населения превышал 3 %). В результате росла скрытая безработица в городах и деревнях, а вместе с ней масштабы неорганизованной сферы по производству товаров и услуг. Туда, для эксплуатации более дешевой рабочей силы, устремился капитал, искавший наиболее выгодно применения и вытесненный с верхних этажей экономики. Происходили регенерация низших его форм, расширение работы на дому либо в плохо приспособленных для нее помещениях, то есть распыленной мануфактуры и полумануфактуры (сочетания ручного и маломеханизированного труда, особенно распространенного в ткацкой промышленности)⁶².

Инфляция и коррупция усилили настроения уныния и бесперспективности реформ, которые охватили значительную часть интеллигенции и средних слоев. Общее недовольство деятельностью правительства в экономической области усугубили слухи о предложенной министром финансов М. Хасаном новой национализации, причем в наиболее чувствительном для частных интересов текстильном секторе. Предложение министра взять под государственный контроль все фабрики, работавшие не на полную мощность, вызвало панику на бирже. З.А. Бхутто, к тому времени уже в достаточной степени разочарованный действиями своих министров-реформаторов, решил пожертвовать ими. В октябре 1974 г. он вывел из правительства Хасана и ряд других ключевых министров, ответственных за проведение реформ⁶³.

Прежде чем завершить обзор мероприятий, осуществленных на первом этапе функционирования режима Бхутто (1971–1974 гг.), когда большое влияние на характер его внутренней политики оказывала группа левых министров из Пакистанской

народной партии, необходимо остановиться на аграрной реформе, а также преобразованиях в административной и конституционной сферах.

О земельной реформе З.А. Бхутто объявил по радио и телевидению 11 марта 1972 г. Хотя она готовилась и проводилась при активном участии Ш.М. Рашида, на ней, как и на последующих декларациях об изменениях в аграрной области, ощущалась печать личного вклада главы режима. Ибо Бхутто, как крупный лендлорд, был хорошо знаком с ситуацией в сельской местности, особенно в Синде и прилегающих к нему районах. К тому же база его политической поддержки была во многом сельской, зависела от настроений как крестьян, так и помещиков в обширном ареале пустынных и новоорошенных земель.

Реформа в то же время, по сути, продолжала предшествующие преобразования, в первую очередь последнюю из них – земельную реформу 1959 г., принятую в первый год правления Айюб Хана. Она более чем втрое понижала установленный тогда потолок индивидуального землевладения – с 500 до 150 акров орошаемой и с 1000 до 300 акров неорошаемой земли (1 акр = 0,4 га). Предусматривалось, что излишки сверх лимита (крупные землевладельцы могли «распределить» наследственные владения среди членов семьи, а иногда и верных слуг) отбираются государством без компенсации и распределяются бесплатно среди безземельных и малоземельных крестьян. Бесплатная раздача отличалась от практики выкупа, установленной в 1959 г., и невыплаченные взносы за землю по той реформе отменялись⁶⁴.

Более популистский характер реформы не изменял, конечно, существа земельных отношений, но имел определенные социальные последствия. Как и при проведении других реформ, в выигрыше должны были оказаться самые низшие и бедные слои. Однако облагодетельствовать всех или сколько-нибудь значительную часть деревенской бедноты было невозможно. Через три года реформы земля была отобрана и перераспределена только у пятой части владельцев, заявивших о наличии излишков (примерно 2 тыс. из 10), и ее получили 53 тыс. крестьян⁶⁵.

Характерно, что реформа отменяла или ставила под вопрос владения, предоставленные прежними режимами на льготных условиях (за службу) отставным военным и чиновникам, а также купленные на аукционах состоятельными горожанами ново-

орошенные земли. Полной ревизии подвергалось, в частности, распределение участков, ирригированных в конце 1960-х годов каналом Патфидер в Белуджистане (на границе с Синдом). Тем самым Бхутто давал понять потомственным лендлордам, что не будет поощрять вторжение людей со стороны в зону их традиционного влияния и избавит от конкуренции⁶⁶. Одновременно это было уступкой центральных властей местным племенам полукочевников, согнанным прежним режимом с территорий, которые они считали своими.

Несмотря на ограниченные размеры, реформа привела в ряде мест к напряженности в отношениях между землевладельцами и арендаторами. Даже в Синде при поддержке активистов ПНП как партии власти подняли голову забытые и приниженные *хари* (традиционное безземельное крестьянство). На упомянутом выше съезде синдского отделения партии некоторые делегаты из числа крестьян критиковали бюрократию за медленные темпы выполнения земельной реформы⁶⁷. Ожесточенные стычки между землевладельцами и арендаторами происходили в ряде других районов страны, прежде всего в СЗПП, где арендаторы традиционно занимали более прочное социальное положение⁶⁸.

Волна реформ, символически начавшись с показательного массового увольнения с государственной службы коррумпированных чиновников, в августе – ноябре 1973 г. привела к ревизии всей административно-бюрократической системы. Указами З.А. Бхутто упразднилась элитная Гражданская служба Пакистана (ГСП), наследница колониальной Индийской гражданской службы, которая на протяжении четверти века служила «стальным каркасом» государства. В то время как общее число служащих в гражданском аппарате (включая и низших, вплоть до сторожей и уборщиков, *неонов* и *чапраси*) к началу 1970-х достигало почти миллиона, в ГСП насчитывалось всего 320 членов. Между тем из 300 человек, занимавших ответственные посты в госаппарате (постоянных секретарей в центральном и провинциальном правительствах, руководителей государственных корпораций, глав областей и округов), 225 были членами элитной службы. ГСП имела свою академию в Лахоре и пополнялась ежегодно всего на 25 человек⁶⁹. Таким образом, члены этого полузакрытого клуба (институциональной корпорации), обновлявшегося путем отбора за проявленные на конкурсных экзаменах способности, возглав-

ляли разветвленную и специализированную сеть гражданских служб.

Главный результат реформы состоял в замене старой бюрократической элиты новой, пополнившейся за счет лично преданных Бхутто людей и сторонников его партии. На первых порах в группу высших бюрократов попали представители интеллигенции и общественных кругов, близкие к левопопулистским деятелям из ПНП. Характерно, что созданную в апреле 1972 г. комиссию для разработки реформы возглавил министр без портфеля Хуршид Х. Мир, в то время как его заместителем стал «феодалный друг» Бхутто из Синда, тогда также министр центрального правительства Гулам Мустафа Джатой ⁷⁰.

Реформа провозглашала демократизацию сферы управления, упраздняла бонусы и привилегии, а также сверхоклады высших бюрократов, вводя единую систему должностных ступеней и тарифных ставок. Унифицированные службы (всепакистанская, федеральная и провинциальная) имели единую тарифную сетку оплаты труда, состоявшую из 22 ступеней ⁷¹. Наиболее массовый отряд чиновничества (людей с образованием и квалификацией) занимал 16-ю ступень, разряды с 17 по 20 предназначались для ответственных чиновников, а две верхние ступени – для высших бюрократов, «генералов» от гражданской службы. Впрочем, реформой не предусматривалось гарантий пребывания на «генеральских» должностях. Ранее члены ГСП пользовались такими в соответствии с конституционными уложениями: они имели право дослужить до выхода на пенсию, отстранялись от должности лишь в случае грубых нарушений и могли апеллировать к судебным органам.

Ликвидация корпорации высших чиновников ставила их в прямую зависимость от автократического режима власти. Одновременно это лишало ответственных управленцев самостоятельности в принятии решений. Уменьшая привилегии и избранность, реформа подрывала не только элитность и кастовость высшей гражданской бюрократии, но и ее моральные принципы (наследие уходящей традиции), увеличивая склонность к незаконным действиям, обогащению путем коррупции. В остальном иерархическая система воспроизвела себя, но стала «сплюсненной», разросшейся и менее эффективной.

Падение стандартов в работе государственных дел сопровождалось сознательным стремлением новых властей уменьшить засилье урдуязычных мухаджиров (выходцев из Индии) в госаппарате. В первые годы существования Пакистана они там доминировали, а затем сохраняли главенствующие позиции, постепенно отступая перед напором «инсайдеров», представителей местного населения, прежде всего уроженцев Панджаба и СЗПП. Просуществовавшая с 1949 г. система квот при подборе кадров для гражданских ведомств была изменена реформой таким образом, что наибольшую выгоду получили сельские районы Синда (предмет особого внимания режима, так как там находилась «естественная» база его власти), а также другие более отсталые и окраинные области⁷².

Поскольку квотирование распространялось на все ступени госаппарата, начиная с 3-й, оставленная квота в 10 % для заполнения по итогам конкурса до известной степени позволяла сохранять компетентность высшего чиновничества, хотя и делала его зависимым от земляческих связей. Несомненно, возросло также значение личностных и политических пристрастий. Подбор ответственных чиновников стал осуществляться вместо академии гражданской службы конкурсной комиссией при Департаменте ведомств, и за 1973–1977 гг. она приняла на службу почти 1500 человек, в три раза больше, чем было бы зачислено при прежней системе⁷³.

Преобразования в политической сфере. Новая конституция

В течение первых месяцев пребывания во главе режима З.А. Бхутто действовал в условиях сохранения военного положения. Произведя в марте 1972 г. замены в руководстве вооруженными силами и добившись успехов в укреплении своей власти, он почувствовал возможность отказаться от чрезвычайных юридических мер, осуществляемых с опорой на армию. Тем более что этого требовала значительная часть его сторонников из числа студентов и интеллигенции⁷⁴.

21 апреля Бхутто торжественно объявил об отмене военного положения, существовавшего с марта 1969 г. За несколько дней до этого на заседании Национального собрания была одобрена

временная конституция, в соответствии с которой он принес присягу в качестве президента.

Необходимо отметить, что Национальное собрание нового государства было сформировано по итогам выборов 1970 г. на территории тогдашней западной части страны. Оно состояло из 144 депутатов (из них – 6 женщин): Панджаб представляли 85 депутатов, Синд – 28, СЗПП – 26 (из них 7 – «полосу племен») и Белуджистан – 5. Абсолютным большинством голосов располагала Пакистанская народная партия – 85. Остальные места распределены между семью другими партиями и независимыми. Помимо голосов ПНП, Бхутто мог твердо рассчитывать на 10 сторонников одной из фракций Мусульманской лиги, возглавляемой политическим ветераном из СЗПП Абдул Кайюм Ханом, на представителей «полосы племен», а также большую часть независимых депутатов ⁷⁵.

Однако принятие временной конституции поддержали и оппозиционные силы, не голосовавшие за избрание Бхутто президентом Национального собрания и страны. Это были добившиеся успеха в двух западных провинциях – СЗПП и Белуджистане – Национальная народная партия, две фракции Мусульманской лиги и три религиозные партии. Все они исходили из чрезвычайности ситуации и сугубо переходного характера конституционного уложения. Вводя достаточно централизованную (с сильным центром), но федеративную систему оно более всего напоминало вице-королевское правление по Закону об управлении Индией 1935 г. Президент обладал полнотой исполнительной власти и формировал кабинет министров, а законодательные функции он делил с парламентом. Последнее действовало и как учредительное собрание, занятое выработкой постоянной конституции ⁷⁶.

Нужно подчеркнуть, что склонному к персоналистской власти З.А. Бхутто была близка президентская форма правления, особенно французского, деголлевского типа. Однако он понимал невозможность ее введения при сложившейся в стране многопартийности, а также наличии острых межпровинциальных проблем. Бхутто поэтому согласился с лидерами оппозиционных сил и либерально настроенными членами своей партии, такими как М. Махмуд Касури, что по будущей конституции Пакистан станет парламентской федеративной республикой ⁷⁷.

Для выработки ее проекта Национальное собрание сформировало специальный комитет, в состав которого вошли как деятели правящего блока, поддерживавшего правительство, так и представители оппозиции. Работа над проектом конституции растянулась почти на год. Только в апреле 1973 г. Национальное собрание одобрило проект, причем за принятие голосовали 125 из 133 присутствовавших его членов. Такое единодушие в условиях резко обострившейся к тому времени внутривнутриполитической ситуации (см. об этом ниже) объяснялось главным образом характером конституции, которая вводила режим парламентской и федеративной республики. Видимо, неслучайно Конституция 1973 г. оказалась самой жизнеспособной из всех предыдущих. Хотя ее действие несколько раз впоследствии приостанавливалось и в нее на время вводились поправки, существенно менявшие правила функционирования политической системы, вопрос о ее замене практически не возникал.

По конституции, вступившей в силу 14 августа 1973 г. (в День независимости), Пакистан провозглашался Исламской Республикой парламентского типа. Формальным главой государства и символом его единства объявлялся президент, которым мог стать только мусульманин не моложе 45 лет. Президент, по первоначальному тексту конституции, избирается тайным голосованием членами обеих палат парламента – нижней (Национального собрания), состоящей из 200 членов (после проведения очередных выборов на срок в пять лет), и верхней, сената, где в равной степени были представлены все четыре провинции, территория племен федерального подчинения и столица (всего 63 члена)⁷⁸.

Несмотря на большое количество полномочий, которые по конституции получал президент (назначать на высшие государственные посты – губернаторов провинций, членов Верховного суда, генерального прокурора, начальников штабов трех родов войск и т. д.), он должен действовать при этом по совету премьер-министра и такой «совет» обязателен для него. Указы президента могли вступить в силу только если они также были подписаны премьер-министром⁷⁹.

Таким образом, центральной фигурой, согласно конституции, являлся премьер, который становился главой исполнительной власти. Он обязательно должен был быть мусульманином и депутатом Национального собрания. Премьер избирался простым

большинством голосов членов нижней палаты, а затем формировал правительство, назначая федеральных министров и государственных министров из числа парламентариев (нижней и верхней палаты).

Введенная в Пакистане конституционная система следовала в основном британской, вестминстерской, модели. Но были и существенные отличия. Единоличная власть премьер-министра распространялась не только на период спокойного развития событий, но оказывалась решающей при политических кризисах. В конституции прямо указывалось, что президент обязан действовать по рекомендации премьера и в случаях роспуска Национального собрания, введения указов в перерывах между сессиями парламента, объявления чрезвычайного положения, принятия экстренных мер и т. п.⁸⁰ Далее, хотя глава правительства мог быть смещен простым большинством депутатов Национального собрания, для укрепления его позиций в конституции был сделан ряд оговорок. Во-первых, в течение 10 лет после введения в действие конституции или пока не будут проведены вторые выборы, если они состоятся позднее этого срока, поданный за резолюцию о вотуме недоверия голос депутата, избранного от какой-либо политической партии, не будет учитываться, если большинство депутатов от этой партии проголосовали против резолюции. Во-вторых, если резолюция о вотуме недоверия не прошла в Национальном собрании, то другая подобная резолюция может быть рассмотрена только через шесть месяцев⁸¹. В-третьих, резолюция о недоверии не должна была вноситься на бюджетной сессии парламента. И наконец, в-четвертых, вотум недоверия мог выноситься только в случае, если в резолюции упоминалось имя премьера, нового премьер-министра⁸².

Итак, Бхутто, который должен был стать первым премьер-министром по новой конституции, постарался застраховать себя от любых неожиданностей по крайней мере на 10-летний срок. Приведенный к присяге в качестве премьера 14 августа 1973 г., он сохранил прежнюю, почти абсолютную власть. Однако, несмотря на конституционные гарантии, по-прежнему чувствовал себя недостаточно уверенным в ее прочности.

Бхутто полагал, что хорошо усвоил урок, преподанный Айюб Хану – опасность могли представлять центробежные тенденции, то есть этнический и региональный сепаратизм, плюс к тому

подрывающие стабильность инфляция и недовольство широких масс. Дополнительной угрозой для него как гражданского лица являлась армия.

В новом Пакистане центробежные силы давали о себе знать в так называемых «малых провинциях» – СЗПП и Белуджистане. Именно в них на выборах 1970 г. Бхутто и его партия получили незначительную поддержку. Среди депутатов Национального собрания, избранных от СЗПП, оказался только один представитель Пакистанской народной партии, а от Белуджистана не прошел никто. На выборах в провинциальное собрание СЗПП ПНП получила только 3 места из 40, а в законодательном собрании Белуджистана оказалась не представленной⁸³.

Бхутто, нужно отметить, попытался найти общий язык с лидерами партий, победивших на провинциальных выборах. Среди них выделялась еще более левая, чем ПНП, секуляристско-социалистическая Национальная народная партия (ННП). Она имела сильные позиции в обеих «малых провинциях». Причем если в СЗПП база ее поддержки находилась за пределами «полосы племен», в городской среде, традиционно настроенной оппозиционно к властям (недаром ее возглавлял Абдул Вали Хан сын «пограничного Ганди» Гаффар Хана)⁸⁴, то в наименее развитом, по преимуществу сельском и трайбалистском Белуджистане партия имела опору в лице сардаров (вождей) крупнейших местных племен – бизенджо, менгалов и марри.

В апреле 1972 г. в обмен на согласие поддержать Бхутто как президента губернатором Белуджистана был назначен один из видных деятелей ННП Гаус Бахш Бизенджо, а другой сардар из этой партии Атаулла Хан Менгал был избран на пост главного министра. В образованное последним правительство вошли также представители одной из религиозных партий, *Джамиат-уль-улама-и-ислам* (ДУИ), имевшей последователей в северных округах провинции, населенных главным образом пуштунами (среди ее лидеров были так называемые левые улемы, выступавшие с позиций исламской критики частных монополий и усиления роли государства в экономике и социальных сферах). Одновременно Бхутто согласился доверить власть в СЗПП той же коалиции ННП – ДУИ, утвердив губернатором ее представителя А. Сикандер Хана. Главным министром коалиционного кабинета стал

лидер ДУИ Маулана Муфти Махмуд (отец нынешнего главы ведущей фракции партии Фазлур Рахмана).

Противоречия между провинциями и федеральным центром устранить, однако, не удалось. Новые власти в Белуджистане немедленно выдвинули ряд требований, такие как замена неместных по происхождению государственных служащих на местных жителей, удовлетворить которые в полной мере центр не мог⁸⁵. К концу 1972 г. обострилась внутренняя ситуация в этой провинции, произошли столкновения между племенами, поддерживавшими провинциальные власти, и теми, кто находился в оппозиции к ней. В связи с этим от Бхутто стали требовать вмешательства. Выявились к тому же международные контакты радикальных групп среди белуджей, лелеявших мечту о «Великом Белуджистане» с включением в него районов проживания иранских белуджей. Заграничный центр «панбелуджского» движения находился в Багдаде. Шах Ирана оказывал давление на Исламабад с целью побудить его ликвидировать угрозу региональной стабильности⁸⁶.

В начале 1973 г. отношения между центром и провинцией резко ухудшились. Центральное правительство ввело войска на территорию Белуджистана с целью наведения порядка, а в середине февраля Бхутто отобрал губернаторские полномочия у Г.Б. Бизенджо и распустил провинциальное правительство. Этому предшествовало обнаружение в посольстве Ирака в Пакистане запасов оружия, по слухам, советского производства. Впрочем, Исламабад не раскручивал эту тему и не называл инцидент причиной принятых решений⁸⁷.

В знак протеста против них подал в отставку и кабинет министров СЗПП. Муфти Махмуд согласился на это под давлением Вали Хана, который ссылался на «пакетное» соглашение с Бхутто, заключенное ими менее года назад, в апреле 1972 г. Центр заменил своим человеком губернатора провинции, а правительство возглавил кабинет сторонников партий Бхутто и Мусульманской лиги Кайюм Хана (последний был министром внутренних дел Пакистана).

Уже в мае 1973 г. в Белуджистане начались вооруженные столкновения между повстанцами, главным образом из племен менгал и марри, и регулярными войсками. В августе лидер Национальной народной партии в Белуджистане Хайр Бахш

Марри вместе с бывшим губернатором Бизенджо и бывшим главным министром Менгалом были арестованы, брошены в тюрьму и провели там более трех лет ⁸⁸.

Пик необъявленной войны между пакистанской армией и белуджскими повстанцами пришелся на 1974 г. Количество последних выросло до 55 тыс. Справиться с сопротивлением Пакистану активно помогал Иран, предоставляя авиацию. Общее количество убитых за 1973–1977 гг. в примерно 200 крупных боевых столкновениях составило почти 10 тысяч. При этом повстанцы потеряли приблизительно вдвое больше людей ⁸⁹. Бомбежки селений с воздуха вызывали разрушение белуджских поселений и гибель мирных жителей. Часть повстанцев была вынуждена уйти за пределы Пакистана, главным образом в Афганистан, где на юге они создали свои лагеря и тренировочные базы ⁹⁰.

Обстановка в СЗПП все это время продолжала оставаться напряженной. Вернувшемуся из Кабула в начале 1973 г. Абдул Гаффар Хану оказали восторженную встречу. Перейдя в оппозицию, Национальная народная партия использовала любой предлог для атаки на действия местных и центральных властей. Летом 1973 г. в Афганистане произошел государственный переворот: вместо короля Захир Шаха страну возглавил в качестве президента его кузен Сардар Мухаммад Дауд. Он был известен активной поддержкой борьбы «зарубежных» (то есть пакистанских) пуштунов за самоопределение. Изменения в соседней стране сделали более напряженной ситуацию в провинции. В то время как Кабул поддерживал пуштунских националистов, часть из которых скрывалась в Афганистане, Исламабад проявлял сочувствие к противникам афганского режима. Летом 1975 г. после разгрома антиправительственного мятежа происламских сил Бхутто предоставил убежище его участникам, в том числе известным впоследствии борцам за веру (*муджахедам*) и официальным лицам страны Б. Раббани, Г. Хекматъяру и др. ⁹¹

Антагонизм между центром и оппозицией во главе с ННП обострился. Гонения против активистов и сторонников этой партии в СЗПП и других провинциях в 1974 г. усилились. В начале февраля 1975 г. в главном городе СЗПП Пешаваре во время митинга взрывом бомбы был убит глава местного отделения партии Бхутто и его любимец, старший министр провинциального кабинета Афтаб М.Х. Шерпао. Премьер отреагировал мгновенно –

обвинив ННП в организации убийства, он запретил указом деятельность партии на всей территории страны, конфисковал ее имущество, арестовал А. Вали Хана и около 60 его соратников⁹². Впоследствии они предстали перед специально созданным трибуналом, заседавшим в г. Хайдерабад (Синд). Их обвинили в государственной измене, но не смогли доказать вину. В январе 1978 г. новая военная администрация упразднила Хайдерабадский трибунал и выпустила всех на свободу⁹³.

Борясь за сохранение власти, З.А. Бхутто всегда старался действовать на опережение, прибегая иногда к гибкости, но редко к коварству. Его действия выглядели зачастую достаточно прямолинейными, а расчеты вполне объяснимыми. Так, не желая зависеть от армии в наведении порядка (кризис в Белуджистане оказался слишком масштабным), Бхутто создал Федеральные силы безопасности (ФСБ). Вместе с полувоенизированной организацией правящей партии («Народные стражи») созданные в октябре 1972 г. ФСБ составляли костяк сил охраны и расправы, находившимися в распоряжении у главы режима. Наряду с полицией они использовались для охраны порядка при массовых мероприятиях, но главная функция элитных частей этих сил состояла в выполнении более сложных и тайных миссий, в том числе расправ над противниками Бхутто вне его партии и недовольными внутри нее.

Наиболее известный случай последнего рода связан с Дж.А. Рахимом, долгое время одним из доверенных и приближенных к Бхутто лицом. Бенгалец по происхождению, сын известного адвоката и политического деятеля, он был карьерным дипломатом, послом Пакистана во Франции. Встретившись с Бхутто, Рахим оставил дипломатическую службу и вместе с ним стал одним из основателей Пакистанской народной партии, автором первых официальных партийных документов, занимал пост генерального секретаря ПНП и министра центрального правительства. Однако к лету 1974 г. в отношениях между ними назрел кризис, и премьер искал повода для выхода из него, проявляя высокомерие и отчужденность. Задетый этим Рахим позволил себе вечером 3 июля в присутствии ожидавших в доме Бхутто встречи с ним людей назвать хозяина «раджой». Расправа состоялась в ту же ночь. Приехавшие к Рахиму от премьера люди из сил безопасности безжалостно избили его и пытавшегося прийти на

помощь сына. А через несколько дней бывшего фаворита бесцеремонно выслали из страны ⁹⁴.

Во главе хорошо оснащенных Федеральных сил, численность которых выросла к 1977 г. до почти 20 тыс. человек, был поставлен опытный полицейский чиновник, давний знакомый Бхутто Масуд Махмуд. Это не помешало ему впоследствии стать главным свидетелем обвинения Бхутто в организации политического убийства, человеком, пославшим его на виселицу ⁹⁵.

Армия между тем чувствовала себя уязвленной как прерогативами, так и льготами специальных служб. Она отказалась готовить для спецслужб кадры ⁹⁶. Пока во главе сухопутных сил оставался лично преданный Бхутто генерал Тикка Хан, тот мог в принципе не волноваться за лояльность армии. Генерал в кризисный 1971 г. был губернатором Восточного Пакистана и зарекомендовал себя как жесткий гонитель противников режима, получивший прозвище «мясника Дакки». Сделанное ему Бхутто в марте 1972 г. предложение стать начальником штаба армии (пост главнокомандующего указом президента отменялся) спасло его от отставки, и он старался отблагодарить за доверие. Тикка с готовностью выполнял любые задания, в том числе, по сути, полицейско-карательные. К ним нужно, прежде всего, отнести военные операции в Белуджистане, в которых были задействованы 4 дивизии (почти 50-тысячная армия) ⁹⁷.

Отодвинув вооруженные силы на задний план политически, Бхутто старался, как заметил Ш.Д. Бурки, «подсластить пилюлю» увеличением военных расходов. По бюджету 1972/73 г. (первому послевоенному) они выросли на 20 % в постоянных ценах, почти на 100 млн. долл. США. К 1973/74 г. сократившаяся было численность военнослужащих выросла с 350 до 466 тыс., а к 1974/75 г. – до 500 тыс. человек. Военные расходы на протяжении всех лет правления Бхутто были близки к 7 % от ВВП, в то время как ассигнования на образование не достигали и 2 % ⁹⁸.

Успехи и неудачи внешнеполитического курса

Значительная часть внешнеполитических усилий лично Бхутто и всей пакистанской дипломатии была направлена на обеспечение вооруженных сил, прежде всего армии, оружием. В 1973 г. под давлением президента Р. Никсона (хорошо относившегося

к Пакистану и лично к Бхутто) Конгресс США отменил введенное в 1971 г. эмбарго на военные поставки Исламабаду. Хотя они после возобновления состояли в основном из запчастей для ранее поставленной техники и ограничивались несмертельными (non-lethal) видами снаряжения, это было подарком для армии, лишившейся в войне с Индией значительной части вооружений.

Главным поставщиком оружия при Бхутто стал Китай. За 1970-е годы Пакистан получил вооружения отсюда на общую сумму в 600 млн. долл., в том числе 500 танков Т-59, 300 самолетов F-6, 25 военных кораблей. Китайцы, кроме того, построили заводы по ремонту танков и самолетов⁹⁹. Определенное оборонительное значение имели также построенный с их помощью завод тяжелого машиностроения в Таксиле (по соседству с танковым), да и соорудавшийся металлургический завод в Карачи.

Нельзя сказать, что Бхутто серьезно готовился к новой войне с Индией. Однако в перспективе она казалась ему неизбежной. Отсюда было его внимание к укреплению своей армии, к тому, чтобы сравняться с индийской по вооружению и боеспособности. К тому же он считал (особенно в первые годы правления М. Дауда в Афганистане), что Пакистану, возможно, придется воевать на двух фронтах, не исключая нападения со стороны «братского» мусульманского соседа¹⁰⁰.

Укрепление вооруженных сил относилось к числу престижных мегапроектов Бхутто. Особенно он «увлекался» грандиозными планами на втором этапе своего правления, которое началось с упоминавшейся выше смены правительства осенью 1974 г. и отстранения от дел основателей правящей партии Дж.А. Рахима и М. Хасана (последний занял пост генерального секретаря ПНП, который фактически ничего не значил, ибо партия подчинялась только одному лицу и только оно одно придавало ей характер более или менее реальной политической силы). В этом смысле Пакистанская народная партия принципиально не отличалась от многих других политических организаций страны, в особенности же напоминала, по мнению И. Тэлбота, Мусульманскую лигу периода прихода к власти и единоличного руководства ею М.А. Джинной¹⁰¹.

К числу других «великих проектов» З.А. Бхутто относились строительство металлургического комбината (крупный советский кредит на это был предоставлен в 1973/74 г.), сооружение Инд-

ской автомагистрали (по правому берегу Инда) от Пешавара до Карачи, туннеля Ловари в горах СЗПП, Института спорта и культуры с помощью КНР в Исламабаде, международного Исламского университета там же, на деньги Саудовской Аравии и т. д.¹⁰²

Наиболее далеко идущие последствия имели обнаруженные в начале 1975 г. планы Бхутто построить в Пакистане за 25 лет более 10 атомных реакторов, которые позволили бы обеспечить страну дешевой электроэнергией. Ее не хватало в связи с повышением мировых цен на нефть и планировавшимся увеличением потребления энергии. Для начала намечалось построить 500-мегаваттный реактор в Чашме (с китайской помощью) и закупить во Франции завод по регенерации ядерного топлива¹⁰³.

Вашингтон был крайне возмущен заключенным в 1976 г. Францией соглашением о заводе, хотя на него должны были распространяться гарантии МАГАТЭ. Американцы оказали на Париж массированное воздействие с целью заставить его отказаться от сделки и в конце концов добились своего, но уже после 1977 г. Между тем переговоры на этот счет Бхутто начал вести еще в марте 1973 г. и получил обещания о финансовой поддержке планов по приобретению завода (нужно было заплатить 300 млн. долл.) от руководства целой группы мусульманских стран – Ливии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта и Ирака¹⁰⁴.

Более того, как стало позднее известно, Бхутто, только что ставший президентом, в январе 1972 г. провел в Мултане секретную встречу с учеными и инженерами, на которой информировал их о решимости правительства добиться возведения завода по переработке ядерного топлива. При этом цель получения электроэнергии отступала в его планах на задний план перед другой – сравняться с Индией в военной мощи с помощью ядерного оружия¹⁰⁵. Произведенное последней в мае 1974 г. подземное испытание ядерного устройства лишь усилило это его желание, а знакомство с работавшим в Голландии инженером-металлургом Абдул Кадир Ханом, предложившим пойти по урановому пути к созданию атомной бомбы, драматически сократило расстояние от планов до их реализации.

Согласно опубликованной позднее версии министра информации и по делам религий в кабинете Бхутто К. Ниязи, с передачей под контроль А. Кадир Хана двух лабораторий в Какуте и Сихале премьер-министр охладел к проекту сооружения французского

завода, сосредоточив все усилия на закупке в Европе необходимого оборудования для этих лабораторий. К 1978 г. Пакистану удалось закупить почти все необходимое. Между тем, для отвода глаз, переговоры с французами шли полным ходом. Бхутто активно протестовал против давления США, в значительной степени объяснявшегося угрозой, которую те ощущали в пакистанском проекте для Израиля ¹⁰⁶.

В августе 1976 г. госсекретарь США Г. Киссинджер прилетел к Исламабад для встречи с Бхутто, имея какие-то сведения о проводившихся работах по созданию атомной бомбы (напасть на след «ядерного браконьерства» Кадир Хана удалось лишь позднее, в 1978–1979 гг.). Киссинджер, который в воспоминаниях отзывался о Бхутто с большим уважением, жестко потребовал прекратить работы и пригрозил, что в противном случае «мы сделаем из вас ужасный пример». О содержании и тональности разговора известно от самого Бхутто, который в июне 1977 г. накануне своего падения рассказал о нем канадскому послу в Пакистане, а затем повторил ту же версию в письменных показаниях Верховному суду Пакистана ¹⁰⁷. Еще одно предупреждение последовало в январе 1977 г. Р. Раза, главный советник Бхутто по начавшейся избирательной кампании, посоветовал премьеру «забыть о ядерном заводе или готовиться к тяжелым последствиям» ¹⁰⁸.

Есть мнение, что предать гласности разговоры с Киссинджером понадобилось Бхутто для того, чтобы предстать перед армией и массовым сознанием в образе человека, неустрашимо следовавшего по пути превращения Пакистана в ядерную державу. Но работы в секретных лабораториях, прежде всего в Кахуте (в дальнейшем ее назвали именем Кадир Хана), действительно не прекращались.

После триумфа на исламской конференции в Лахоре в феврале 1974 г. З.А. Бхутто во внешнеполитической области стал наталкиваться на ряд неблагоприятных обстоятельств и тенденций. Если взрыв Индией ядерного устройства «в мирных целях» в мае 1974 г. имел разнообразные для него и не во всем негативные последствия, то «дело Уотергейт» и импичмент Р. Никсона летом того же года нанесли удар по его позициям в Вашингтоне. Доверительные отношения с новым президентом Дж. Фордом у него не сложились, хотя, посетив США со вторым официальным

визитом в феврале 1975 г. (первый был в сентябре 1973 г.), он пытался их установить. Впрочем, США в тот момент были готовы идти навстречу Пакистану: они сняли соблюдавшееся с войны 1965 г. эмбарго на импорт нового американского оружия и увеличили экстренную помощь в связи с землетрясением и тяжелой продовольственной ситуацией¹⁰⁹.

Серьезным ударом для Бхутто явилась кончина в 1976 г. двух китайских лидеров, сначала Чжоу Эньлая, а затем Мао Цзэдуна, и наступившее затем в Китае межвременье. Новое руководство страны (Хуа Гофэн) старалось продолжать прежнюю линию в отношениях с Пакистаном и не скупилось на обещания построить как военные, так и гражданские объекты¹¹⁰. Однако от идеи противопоставить активности Индии в Движении неприсоединения совместный с КНР проект объединения всего «третьего мира» (на антиамериканской и антисоветской платформах) Бхутто пришлось отказаться.

Вместо этого он сосредоточился на укреплении контактов с Ираном и Турцией в рамках Региональной организации ради развития¹¹¹. В апреле 1976 г. он встретился с шахом Ирана и президентом Турции в Измире на последней, как оказалось, встрече в верхах руководителей организации (впрочем, возродившейся спустя 10 лет под другим названием). Не слишком перспективный региональный проект, разумеется, мало удовлетворял Бхутто, но на более широкую международную арену, в Движение неприсоединения, его не пускала Индия – пользуясь сохранявшимся членством Пакистана в СЕНТО (из другого военно-политического блока – СЕАТО Исламабад вышел в ноябре 1972 г.).

Неизменно важным оставалось исламское направление. Но и здесь Бхутто ждала неприятность. В марте 1975 г. одним из племянников был убит саудовский король Фейсал, побывавший в Пакистане годом ранее для участия в Лахорской конференции. Хотя с его преемником Халидом Бхутто старался установить тесные отношения (в октябре 1976 г. короля с почетом встречали в Пакистане)¹¹², кажется, это ему в полной мере не удалось. А в реакции Бхутто на кончину Фейсала видна повышенная реальная или показная эмоциональность – в стране объявили 10-дневный траур, а третий по величине город Лаялпур переименовали в Фейсалабад.

Среди неблагоприятных внешних факторов второй половины правления Бхутто выделяется мировой экономический кризис 1974–1975 гг., последовавший за многократным повышением цен на нефть и нефтепродукты после решения арабских стран-нефтеэкспортеров о сокращении ее поставок на мировой рынок в разгар арабо-израильской войны 1973 г. В 1974/75 г. экспортные поступления Пакистана почти не выросли, а затраты на импорт увеличились вдвое. Отрицательное сальдо внешнеторгового баланса превысило 1 млрд. долл. В 1975/76 г. сальдо составило почти 1 млрд., а по данным за три квартала 1976/77 г., равнялось 844 млн.долл.¹¹³ За 1974 и 1975 гг. цена нефти и продуктов из нее для Пакистана возросла в пять раз. Одновременно увеличились также цены на ввозимое страной продовольствие и другие группы товаров. В то же время цены на пакистанскую экспортную продукцию (особенно хлопок и хлопчатобумажную пряжу) из-за падения спроса и протекционистских мер, принятых в Западной Европе, почти не повышались¹¹⁴.

Экономические трудности и обострение внутриполитических проблем

Зима 1974–1975 г. была на редкость засушливой. Уровень воды в реках, питающих ирригационную систему страны, оказался на треть ниже среднего за 1940–1973 гг. Произошла к тому же авария на крупнейшей плотине и ГЭС Тарбела. Нехватка гидро-ресурсов вызвала перебои со снабжением электроэнергией особенно внутренних районов страны. Энергию в достаточных количествах не получило сельское хозяйство. Недостаток воды в каналах был вследствие этого усилен неполным использованием мощностей насосных установок, оснащенных электромоторами. В итоге засуха привела к исключительно низкому урожаю зерновых, прежде всего пшеницы¹¹⁵.

Летом 1976 г. Пакистан вновь оказался во власти природной стихии – наводнение было еще более сильным и разрушительным, чем в 1973 г. Большой урон понесли посевы риса и хлопчатника. Низкий урожай хлопка и вялый спрос на него на мировых рынках усугубили затяжной кризис в текстильном комплексе. Официальные оценки результатов 1976/77 г., который оказался завершающим для администрации Бхутто, были удручающими даже без

учета кризиса, разразившегося в четвертом квартале года (с апреля по июнь) – производство в крупной промышленности упало на 2 %, ВВП вырос всего на 1,2 %, так что душевой доход сократился¹¹⁶.

И в предшествующий финансовый год ситуация была ненамного лучше. Практически весь период с 1974 по 1977 г. нельзя характеризовать иначе, как застойный, с точки зрения экономики. Повышение цен на импортируемые в страну товары, усиленное высокими пошлинами и другими косвенными налогами (из-за плохой собираемости прямых налогов правительство было вынуждено полагаться на косвенные) привело к раскручиванию спирали цен. В 1974/75 г. оптовые и розничные цены выросли на 26 %, затем темпы ежегодной инфляции, по официальным данным, сократились, но не опускались ниже 12–15 %¹¹⁷.

Положение с ценами затрагивало в первую очередь городское население. Там увеличился слой людей, зависимых от регулируемой государством торговлей самими необходимыми продуктами питания (мукой, сахаром, растительным маслом). В условиях экономической стагнации и быстрого демографического роста продолжала обостряться проблема занятости. На окраинах больших городов разрослись кварталы строений из обожженного на солнце сырцового кирпича (*катчи абадиз*), а в сельских городах-базарах (*манди таунах*) – временки сезонных рабочих¹¹⁸.

Возросла также безработица среди получившей образование молодежи, а вместе с этим укрепилось основание для вражды между различными группами молодого населения. Ее активно использовали в своих целях различные политические силы. В первой половине 1970-х важное значение для них сохраняла самоидентификация населения по признаку принадлежности к различным национальностям. Основанная на этом форма политической мобилизации сочеталась нередко с левой, марксистского типа идеологией и проявлялась в трактовке национального вопроса¹¹⁹. Согласно представлениям, распространенным среди левоориентированных, да и либерально настроенных групп интеллигенции, в Пакистане насчитывалось четыре крупные национальности – панджабцы, синдхи, пуштуны и белуджи. О кризисных явлениях в «малых провинциях» с преобладанием представителей двух последних национальных групп уже шла речь выше.

Между тем правительство столкнулось также с проблемой синдхского национализма.

Еще летом 1972 г., в «медовый месяц» режима, произошло резкое обострение ситуации в Синде. Законодательное собрание провинции приняло закон о преподавании, поощрении и использовании языка синдхи, сделав его обязательным для преподавания в старших классах всех государственных школ. Закон не только утверждал синдхи в правах официального, но и предусматривал меры по прогрессивному переходу на него, вместо языка урду, при ведении дел исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти в провинции. Столицу Синда, многомиллионный Карачи, где урдуязычное население составляло около 90 % жителей, как и другие большие города, в которых синдхи были в меньшинстве, мгновенно охватила волна гнева и протестов. Выходцы из Индии и члены их семей чувствовали угрозу не только своему престижу, но и благополучию, так как последнее во многом зависело от перспектив с устройством на работу в государственных учреждениях. Начались столкновения и кровавые погромы. В июле-августе весь Синд превратился в арену братоубийственной войны, десятки людей были убиты, а сотни ранены ¹²⁰. Власти провинции с трудом удерживали ситуацию под контролем. Пришлось вмешаться Бхутто, который пообещал не форсировать события. Закон о языке был дополнен положением, предусматривавшим 12-летний переходный период в процессе повышения статуса синдхи. Это разрядило обстановку, так как дополнение к закону фактически закрепило на длительный период прежний порядок ¹²¹.

Вместе с тем волнения по поводу языка оставили глубокий след. Антагонизм между синдхами и *урдувала* (урдуязычным населением), городским и сельским Синдом обнажился и усилился. В конце концов он привел к возникновению сначала студенческой организации мухаджиров (в 1978 г.), а в середине 1980-х их политической организации – *Мухаджир кауми мувмент*, то есть Национальному движению мухаджиров с его представлениями о наличии пятой национальности в Пакистане, хотя и не имевшей компактной территории проживания, но в остальном подобной другим и претендовавшей на особые права в Синде.

Конфликт между политически активной частью синдхов и мухаджиров, преломившийся в наиболее острой форме в проблеме

Карачи, наложился на традиционное недоверие между синдхами и панджабцами. К последним, как правило, относит себя абсолютное большинство (до 60 %) пакистанцев¹²². Причем как элита, так и средние слои панджабцев, а также пуштунов и в меньшей степени белуджей, следуя предписаниям Джинны, восприняли урду как главный общепакистанский литературный язык. В результате произошла заметная «урдуизация», отступление родного языка (включая панджабский с его диалектами) на позиции разговорного в узком кругу семьи и у не обученных грамоте слоев. Самосознание синдхов в этом смысле выбивалось из общего ряда и, вероятно, этим можно отчасти объяснить настороженное к ним отношение со стороны остальных (за исключением белуджей, которые дали начало многим господствующим синдхским кланам)¹²³.

В начале 1970-х годов в Пакистане, как и в некоторых других странах Востока, особенно исламского, наблюдалась заметная поляризация политических сил с постепенным замещением леворадикального популизма праворегиональным фундаментализмом. На выборах 1970 г. три религиозно-политические партии Пакистана добились (в западной части страны) такого успеха, который они смогли затем повторить (и развить) только через 32 года. Из 138 мест в Национальном собрании нового государства они получили 18 (13 %). Ведущая в политико-идеологическом отношении и лучше других организованная *Джамаат-и ислами* провела лишь 4 депутатов, зато они представляли три провинции (Синд, Панджаб и СЗПП) и были выбраны от округов с большой долей городских жителей. Наибольшую поддержку у мухаджиров Синда (Карачи) получила *Джамиат-уль-улама-и Пакистан* (ДУП), во главе которой стояли *улемы* (богословы) школы барелви, близкой к непуританской народной практике в исламе. Отсюда, видимо, ее успех в сельских районах Панджаба. Третья партия, *Джамиат-уль-улама-и ислам*, представляя в доктринальном смысле более ортодоксальную школу в суннитском исламе (део-банди), имела последователей главным образом среди пуштунов, сохранивших племенные традиции и склонность к строгому следованию религиозным догматам¹²⁴. В политическом плане она была умеренно-националистической, выступавшей за социальную справедливость, эгалитаризм исламского вида, а также широкие права провинции.

Значительное представительство клерикальных политических сил в Национальном собрании, повышение роли и значения исламского фактора в мире, особенно после арабо-израильской войны 1973 г., привело к росту веса и влияния религиозных сил, в частности наиболее известного их лидера Мауланы А.А. Маудуди и его *Джамаат-и ислами*. В конце 1973 г. парламент Пакистана, по инициативе ДИ, принял конституционную поправку, согласно которой секта *ахмадия* объявлялась неисламской (о ней см. выше в гл. 2). Летом 1974 г. в Лахоре и ряде других городов Панджаба повторились события 20-летней давности – антиахмадийские демонстрации привели к погромам, жертвам и использованию армейских подразделений для наведения порядка¹²⁵. В отличие от 1953 г., когда зачинщики выступлений подвергались преследованиям, в 1974 г. власти встали на их сторону. Правительство Бхутто ввело в действие конституционную поправку, причислявшую ахмадийцев к религиозным меньшинствам. Пакистан оказался первой страной в современной истории, где группа людей, считавших себя мусульманами, была объявлена немусульманами¹²⁶.

Решение Бхутто относительно ахмадия было не только началом уступок клерикальным силам (известно, что сохранявшая влияние община поддержала его партию на выборах 1970 г.), но и следствием отмеченных выше перемен в общей политико-идеологической обстановке. Кроме того, не надо забывать, что как в установках его партии, так и в принятой по его инициативе конституции ислам занимал одно из центральных мест. Из представленных в парламенте партий светскими (но, конечно, не антирелигиозными) можно считать Национальную народную партию А. Вали Хана. Все партии и фракционные образования под названием Мусульманская лига были в определенной степени исламскими. А созданная в 1969 г. маршалом авиации в отставке Асгар Ханом *Техрик-и истикляль* (Движение реформ) считается наследницей известной в 1950-х годах *Низам-и ислам* (Исламский порядок)¹²⁷.

На втором этапе (с конца 1974 г.) функционирования Пакистанской народной партии как правящей (при всей условности этого понятия в рамках режима личной авторитарной власти) красная полоса на трехцветном флаге партии все более тускнела, а зеленая становилась ярче. Термин «исламский социализм» в

программных речах и установках Бхутто и ведущих членов его партии все более ассоциировался с исламской справедливостью, религиозной этикой и моралью.

Одним из влиятельных членов кабинета министров на последнем этапе существования режима был Маулана Каусар Ниязи, перешедший в ПНП из *Джамаат-и ислами*. В феврале 1976 г. Ниязи провел в Равалпинди первую национальную конференцию, посвященную жизни пророка (*сират*). А в следующем месяце уже сам Бхутто открыл международную конференцию на ту же тему в Исламабаде. Выступая на ней, он провозгласил: «Жизнь и поучения Святого Пророка лежат в основе внешней политики моего правительства и проводимых им... реформ. Они являются направляющими принципами Пакистанской народной партии, которую я имею честь возглавлять»¹²⁸.

Игра Бхутто на поле исламских партий и организаций не могла не радовать их. В то же время они продолжали испытывать к нему глубокую неприязнь и недоверие, настраивая соответствующим образом близкие к ним круги за рубежом, в Саудовской Аравии и ОАЭ.

Между тем Бхутто делал все возможное для укрепления личных контактов с монархами богатых нефтью соседних государств. Пользуясь экономической слабостью Пакистана и политической уязвимостью режима, те в свою очередь стремились к своим целям. Особую активность проявлял шах Ирана, добивавшийся не только решения белуджской проблемы, но и сближения Пакистана и Афганистана, исходя из общих с США геополитических расчетов. В 1976 г. недавние противники, З.А. Бхутто и М. Дауд, обменялись визитами и обещаниями уладить споры и разногласия¹²⁹.

Усилия по укреплению внешнеполитических позиций Бхутто сочетал с заботами по расширению базы поддержки внутри страны. Этого он пытался добиться с помощью новых популистских программ, обращенных в основном к сельскому населению. В ноябре 1975 г. премьер-министр торжественно объявил о полном освобождении собственников небольших участков (менее 12 акров орошаемой и 25 неорошаемой, суходольной земли) от уплаты земельного налога и всех других сборов, связанных с собственностью на землю. Одновременно увеличивались сборы с владельцев более крупных участков на 50 и 100 % в зависимости

от площади. Официальные источники подсчитали, что объявленные меры, вступавшие в действие с весны 1975 г., должны были освободить от тягот налогового бремени (сохранялся только водный сбор, *абиана*) абсолютное большинство собственников земли (5 млн. крестьян в Панджабе, 1,5 млн. в СЗПП, 0,5 млн. в Синде)¹³⁰. Правительство также объявило о программе наделения безземельных жителей деревень небольшими участками для постройки жилья.

В апреле 1976 г. последовала еще одна громкая акция премьеры – специальный указ правительства постановлял ликвидировать систему *сардари* в Белуджистане. Традиционная система господства племенных вождей (сардаров) включала уплату им части урожая, выполнение работ, обязательные приношения и т. д. Указ запрещал содержание сардарами своих тюрем, аресты и расправы над рядовыми членами племен¹³¹.

Принятые указы имели главным образом пропагандистское значение. Продолжавшаяся в то время война в Белуджистане делала применение последнего из них затруднительным, позволяя использовать его выборочно, в сугубо политических целях. Меры по отмене сардари разрабатывались еще правительством Национальной народной партии. В июне 1972 г. оно добилось принятия на сессии провинциального собрания резолюции о необходимости такого шага и, кроме того, прекращения выплат сардарам из государственной казны определенных сумм на их личные расходы (в соответствии с установленной в конце XIX века колониальной практикой). Однако, по словам тогдашнего главного министра А. Менгала, «отмена сардари путем законодательного акта будет бесполезной», если не изменить условия существования племен. Излишне говорить, что, объявляя о никак не подготовленной, голословной отмене старой системы, центр, разумеется, и не упомянул об инициативах прежних провинциальных властей¹³².

Что касается объявленных мер по облегчению налогового бремени малоземельных собственников, то следует учесть резко сократившиеся реальные размеры земельного налога. В колониальное время он служил одним из главных источников пополнения казны, но, по меньшей мере, с 1920-х годов его ставки в большинстве округов не пересматривались. По мере роста цен сокращался удельный вес земельных сборов в общих расходах

крестьянских дворов¹³³. В Панджабе, по официальным расчетам, 5 млн. мелких собственников должны были заплатить 60 млн. рупий, то есть в среднем 12 рупий в год¹³⁴. Учитывая, что заработок поденного рабочего к тому времени превышал 5 рупий в месяц, отмена сборов не могла существенно сказаться на материальном положении крестьян, хотя, безусловно, укрепила репутацию Бхутто как защитника их интересов.

Увеличение ставок для средних и крупных собственников должно было вызвать недовольство помещиков, однако вместо протестов и отторжения от принимавшего непопулярные меры правительства в последние годы режима Бхутто наблюдалось увеличение притока крупных землевладельцев в ряды его партии, причем повсеместно, не только в Синде, но и в Панджабе и «малых провинциях». Этот парадокс объяснялся, с одной стороны, стремлением традиционных хозяев положения на местах снизить для себя ущерб от нововведений, а с другой – решением Бхутто еще больше опереться на них при осуществлении своей внутренней политики¹³⁵.

Символом последнего в определенной степени стало возвращение Гулама М. Кхара на пост губернатора Панджаба в марте 1975 г. Прозванный «панджабским львом» за вспыльчивый мстительный характер, он был ярким представителем группы молодых «феодалов» в партии Бхутто, занимал пост губернатора, а затем главного министра провинции в 1972–1974 гг. Восстановив против себя идеалистически настроенных интеллигентов в руководстве панджабского отделения ПНП, Кхар был вынужден подать в отставку. Его восстановление, хоть и временное, так как Бхутто получал все больше сигналов не доверять ему, было расценено как пример беспринципного политиканства, того, что на традиционном жаргоне в Пакистане называется *сиасат* (реальная политика)¹³⁶. Все более отягощенной сведением старых счетов и личными разборками становилась ситуация в Синде и других провинциях.

Способствовала тому и реорганизация правящей партии, проведенная в 1975 г. Из достаточно аморфного и слабоструктурированного движения, объединенного единым лидером и едиными символами, она превратилась в строго иерархическую организацию. По команде сверху вниз была создана сеть ячеек на уровне деревень и *махалла* (кварталов городов). Ячейки были

поставлены под контроль партийных организаций на уровне округов, а те в свою очередь опекались провинциальными комитетами. Важно отметить, что контроль над всей партийно-бюрократической машиной при Бхутто оказался у традиционных групп, крупных землевладельцев и «душевладельцев», то есть хозяев в материальной и духовной сферах¹³⁷. (Заметим в скобках, что Айюб Хан в меньшей мере опирался на представителей «феодалного» класса, стремясь внедрить в деревню городской капитал, заинтересованный в сельскохозяйственном развитии; недаром именно тогда, особенно в первой половине его правления, была заложена основа «зеленой революции».)

Продолжая популистскую политику, З.А. Бхутто в июле 1976 г. объявил о взятии под государственный контроль (что означало принудительный отбор собственности без компенсации) примерно 4 тыс. мелких и средних предприятий аграрной промышленности – рисоушек (около 2 тыс.), мукомолен и заведений по очистке и прессовке хлопка¹³⁸. Принятое решение почти сразу породило массу недоумения и критики. Впервые после 1972–1974 гг. власти вновь вернулись к мерам широкой национализации. Причем на этот раз они били по интересам не кучки крупных собственников и богатых людей, но значительного слоя в основном скромно обеспеченных жителей полусельских городов, разбросанных по всей глубинке, вдоль пояса выращивания товарного риса (орошаемые районы Синда и Панджаба), качественной пшеницы и хлопчатника (весь ареал поливного земледелия от долины Пешавара на севере до районов нижнего течения Инда на юге).

Оправданием для такого шага служили такие аргументы, как исключение практики припрятывания запасов с целью спекулятивного манипулирования ценами, сбыта на черном рынке, порчи качества муки. Носителями зла при обосновании принятых мер выступали посредники, скупщики урожаев у крестьян и продавцы главных для городских бедняков товаров (муки и риса). Устранение слоя посредников (*артхи* или *архати*) провозглашалось главной социальной целью реформы¹³⁹.

Как убедительно доказывает Ш.Д. Бурки, главная цель принятых мер состояла в попытке создать единую агропромышленную вертикаль под контролем помещиков из числа потомственных землевладельцев, которые поставляли существенную часть

товарной сельхозпродукции. В колониальное время роль посредников, торговцев-оптовиков, выполняли индусы и сикхи. После их эмиграции политически влиятельные на первом этапе переселенцы из Индии захватили контроль над скупкой и переработкой аграрной продукции. Выиграли новые торгово-посреднические слои и от политики времен М. Айюб Хана. В результате в сельской местности сложились две экономические и политические группы – с одной стороны, местные лендлорды, с другой – переселенцы (причем это в основном не урдуязычные мухаджире в городах Синда, а панджабцы родом из восточных, оставшихся на стороне Индии округов). Устранить или ослабить позиции последних и была призвана национализация 1976 г. Характерно при этом, что управление взятыми в государственный сектор предприятиями попало в основном в руки крупных лендлордов или их представителей. По некоторым подсчетам, до $\frac{3}{4}$ из 4 тыс. предприятий попали в их распоряжение, в частности благодаря командным позициям, которые они заняли в новых структурах правящей партии¹⁴⁰.

Другие меры, принятые администрацией Бхутто в расчете на поддержку крупных землевладельцев, включали субсидирование цен на сельскохозяйственную технику (тракторы и другие машины, насосы для орошения), удобрения, пестициды, а также льготное кредитование расходов на приобретение всего этого через систему государственных банков. Таким образом, отрицательный для крупных землевладельцев эффект от объявленного повышения земельного налога значительно перекрывался льготами и субсидиями.

Укрепив, как ему казалось, свои позиции в деревне, где проживало абсолютное большинство (свыше $\frac{2}{3}$) избирателей, Бхутто стал готовиться к новым выборам. Пятилетний срок, отведенный по конституции, истекал только в августе 1978 г., но уже летом 1976 г. было принято, очевидно, принципиальное решение о досрочных выборах. При этом Бхутто шел на них, не сомневаясь в успехе. Настолько сильными представлялись позиции его партии и велика была его личная популярность. Политическая оппозиция, напротив, оставалась ослабленной и раздробленной, раздиралась мелкими склоками и взаимным недоверием.

Бхутто не только всегда предпочитал президентскую форму правления парламентской, но, как впоследствии стало известно,

заранее готовился внести в действующую конституцию такие поправки, которые делали бы ее максимально приближенной к президентской¹⁴¹. Для этого ему необходимо было обеспечить своей партии не только простое, но и квалифицированное большинство (в две трети) в будущем парламенте.

5 января 1977 г. (в день своего рождения) Бхутто объявил о новых аграрных преобразованиях. В качестве «подарка нации» вводился новый потолок индивидуального землевладения – 100 акров (40 га) орошаемой и 200 акров (80 га) неорошаемой земли. Излишки выкупались на облигации со сроком погашения в 10 лет, но земля передавалась мелким крестьянам и арендаторам бесплатно. Более того, впервые в истории Пакистана декларировалось введение подоходного сельскохозяйственного налога, причем собственники с небольшими наделами (до 25 акров орошаемой и 50 неорошаемой, богарной) освобождались от его уплаты¹⁴². В сочетании с некоторыми другими льготами объявленные реформы создавали впечатление заботы о прогрессивном развитии сельского хозяйства через культивирование средних и малых хозяйств, подъем жизненного уровня и улучшение хозяйственных возможностей бедных крестьян и арендаторов. В своем обращении к нации Бхутто так объяснил свое особое внимание к аграрному сектору: «Я за народ... Но определить интересы народа – это нелегкая задача... Если в нашем сельском хозяйстве не навести порядок, экономика не сможет процветать». Склонный к издевке над политическими соперниками, он в том же обращении сказал: «Если бы я был политиканом, как другие, я бы сделал эти реформы привлекательным пунктом в предвыборном манифесте нашей партии... но я не веду себя таким образом»¹⁴³. Спустя три дня, выступая в Национальном собрании, он заявил, что выборы состоятся через два месяца. Затем последовал указ президента о роспуске парламента и назначении выборов нового на 10 марта 1977 г.

Стоит отметить, что провозглашенные Бхутто реформы оказались всего лишь декларацией о намерениях. За указами его правительства, которые успел одобрить парламент, должны были последовать законы, принятые провинциальными собраниями. После падения правительства Бхутто о земельных реформах и введении сельскохозяйственного подоходного налога не вспо-

минали. Скорее всего, это свидетельствует о том, что Бхутто зашел в популизме слишком далеко.

Впрочем, до поры до времени его тактика запугивания реформами представителей высших и средних слоев и привлечения на свою сторону широких масс оправдывала себя. Партийный контроль над голосами сельских избирателей, помноженный на административный ресурс, давали партии Бхутто явный перевес.

Однако в городах расклад сил был далеко не ясен. Популистская стратегия, направленная, с одной стороны, на ущемление политических возможностей буржуазного слоя, а с другой – на удовлетворение интересов традиционных верхов, а также и самых низов, успела оттолкнуть от Бхутто значительную часть общества, разочаровала и заставила перейти в стан оппозиции бывших сторонников.

Начало предвыборной кампании заставило оппозиционные партии объединиться в Пакистанский национальный альянс (ПНА). В блок для участия в выборах неожиданно быстро вошли все основные оппозиционные партии, от происламских до левых. Место запрещенной Национальной народной партии заняла Национальная демократическая. Общее число партий равнялось девяти¹⁴⁴. Председателем ПНА был избран руководитель ДУИ Маулана Муфти Махмуд, а парламентский совет из представителей всех девяти партий возглавил лидер Пакистанской мусульманской лиги Пир Пагаро (наследственный глава суфийской секты хуров из Синда)¹⁴⁵.

Видную роль в предвыборной агитации ПНА играл также маршал авиации в отставке Асгар Хан. Хотя он и уступал Бхутто в качестве оратора, его инвективы против диктатора и демагога находили отклик в городской политизированной среде. Тем более что они подкреплялись ссылками на неэффективность государственного сектора экономики, небывалое расширение ввоза в страну предметов роскоши, четырехкратный рост ассигнований на полицию и столь же быстрое увеличение числа преступлений¹⁴⁶.

Оппозиция настраивала своих сторонников на то, что результаты выборов будут подтасованы. Масла в огонь добавили сообщения о досрочном избрании в парламент ряда кандидатов от правящей партии. Избирательная комиссия определила сжатые сроки (до 19 января) для заполнения документов, необходимых

для регистрации в качестве кандидата. Согласно правилам, в случае, если в каком-либо избирательном округе документы подал один кандидат, он объявлялся избранным «за неимением оппонента». Таким путем сам Бхутто и еще девять представителей Пакистанской народной партии оказались победителями в Синде. При этом оппозиция обвиняла власти в том, что они прибегали к насилию, чтобы не допустить регистрации, и указывала на ряд случаев исчезновения потенциальных кандидатов в период подачи документов ¹⁴⁷.

Почти два месяца агитации прошли в достаточно мирной, но напряженной обстановке. Правительство использовало находившиеся в его распоряжении финансовые ресурсы для организации массовых митингов и процессий. Характерным его приемом была доставка сельских жителей на автобусах и грузовиках в крупные города для участия в манифестациях под трехцветным флагом ПНП. При этом участникам платили небольшие деньги ¹⁴⁸.

ПНА также не испытывала недостатка в средствах. Почему это произошло, остается предметом догадок и спекуляций. Из внешних сил фигурируют США и Саудовская Аравия. На американцев впоследствии несколько раз недвусмысленно указывал сам Бхутто, обвиняя их в желании выполнить свою угрозу и «дестабилизировать ситуацию», чтобы преподать ему «страшный урок». Участие Саудовской Аравии не исключено ввиду явного расположения, которое в Эр-Рияде оказывали одной из основных партий ПНА *Джамаат-и ислами* ¹⁴⁹.

Накалу предвыборных страстей соответствовала высокая активность избирателей на выборах (около 60 %, больше, чем в 1970 г.). Победа партии Бхутто оказалась слишком бесспорной. Из 17 млн. голосовавших за ПНП, по официальным данным, отдали голоса более 10 млн. (58 %), а за кандидатов ПНА – около 6 млн. (35 %). Но из 200 мест в парламенте абсолютное большинство – 155 (78 %) – досталось правящей партии, а ПНА получила только 36 мест (18 %) ¹⁵⁰.

ПНА немедленно объявил, что считает результаты выборов явно и грубо подделанными, и отказался участвовать в назначенных на 10 марта выборах в провинциальные законодательные собрания. Следуя призыву о бойкоте, на провинциальных выборах голосовала только половина из тех, кто за три дня до этого

пришел к урнам. Во всех провинциях подавляющее большинство получила ПНП; в Синде, например, – 100 %¹⁵¹.

На следующий день после провинциальных выборов оппозиция призвала к всеобщей забастовке, *харталу*. Призыв поддержали практически во всех городах, деловая жизнь там полностью замерла. На опустевших улицах периодически возникали манифестации сторонников и противников режима, происходили столкновения между ними, появились первые жертвы кризиса¹⁵².

12 марта Бхутто предложил оппозиции начать переговоры и обещал перевыборы на отдельных участках, где были допущены явные нарушения. Оппозиция отказалась, полагая, что время работает на нее. Экономика, где ситуация ухудшилась с начала года (осенний урожай хлопчатника оказался низким, что отозвалось на всем текстильном комплексе), продолжала скольжение вниз. Цены на продукты питания резко подскочили. У правительства не было средств, чтобы увеличить закупки за границей. Ни одна страна не спешила на помощь Бхутто. Его обращение к шаху Ирана осталось без ответа¹⁵³.

Но премьер не сдавался. Его уступки оппозиции постфактум можно в целом оценить как попытку предложить «слишком мало и слишком поздно». Стремясь лишить ее главных пропагандистских козырей, Бхутто в середине апреля объявил о решении ввести полный запрет на потребление алкоголя, а также закрыть игорный бизнес, ночные клубы, бары и кинотеатры. В течение шести месяцев он обещал привести все законы в «полное соответствие с Кораном и сунной»¹⁵⁴.

Решения Бхутто были реакцией на растущую популярность исламских идей. Лозунги, под которыми проходили митинги и манифестации ПНА, все более окрашивались в исламские тона. Призывы установить *низам-и мустафа* (порядок пророка) находили массовую поддержку¹⁵⁵. Главной надеждой Бхутто стала позиция властей Саудовской Аравии, способных обуздать оппозиционные силы. Неслучайно в этот период он проводил серию встреч с саудовским послом, убеждая, по-видимому, что и он может проводить политику исламизации¹⁵⁶.

Другими его собеседниками в апреле и мае были послы СССР и КНР, которым он обещал дружбу и сотрудничество, а также сокращение связей с США. Советскому послу (С. Азимову) Бхутто твердо заявил, что Пакистан скоро выйдет из СЕНТО, а тот

поддержал желание премьера не уходить в отставку, как того требовала оппозиция¹⁵⁷.

Главным виновником развязанной против него кампании Бхутто считал США и в конце апреля, не церемонясь, назвал их «жаждущими его головы» в стремлении не допустить превращения Пакистана как независимого исламского государства в ядерное¹⁵⁸. Американская дипломатия убеждала его отказаться от публичных обвинений, он согласился, но двусторонние отношения оставались натянутыми. Президент-демократ Дж. Картер отклонил просьбу Пентагона о продаже Пакистану крупной партии истребителей-бомбардировщиков А-7, в то время как Бхутто отказался направить министра иностранных дел для участия в сессии СЕНТО в Тегеране¹⁵⁹.

С конца марта участились случаи подавления оппозиционных выступлений полицией и Федеральными силами безопасности. Число жертв политического противостояния возросло, а нормальная жизнь в крупные города, особенно Лахор и Карачи (в последнем на выборах ПНП потерпела полное поражение) не возвращалась. С конца апреля властям для расправы с манифестантами и наведения порядка приходилось призывать на помощь армию, вводить чрезвычайное положение и комендантский час. К концу мая число жертв столкновений и репрессий приблизилось к 300, более 30 тыс. сторонников оппозиционных партий были брошены за решетку, а основные города оказались под контролем армии¹⁶⁰.

Лидеры оппозиции (Муфти Махмуд, Пир Пагаро, Асгар Хан и др.) также пребывали в заключении (достаточно комфортабельном и почетном), а переговоры с ними то прерывались, то возобновлялись. В середине мая Бхутто согласился на референдум о доверии себе как лидеру страны. Оппозиция отказалась, требуя его отставки и проведения новых выборов. С 3 июня начались переговоры между делегациями от ПНП и ПНА: Бхутто к тому моменту был уже настроен на компромисс. Правительство отменило чрезвычайное положение в Карачи, Лахоре и Хайдерабаде, цензуру печати, согласилось освободить всех лиц, арестованных за участие в волнениях. 16 июня стороны достигли согласия о проведении новых выборов в октябре¹⁶¹.

После окончания переговоров и до снятия разногласий по деталям соглашения, З.А. Бхутто отправился в недельный вояж за рубеж. Он посетил Саудовскую Аравию, Ливию, Иран, Объеди-

ненные Арабские Эмираты (Абу-Даби) и Кувейт. Везде, за исключением Ирана, особенно в Ливии и Абу-Даби, ему была оказана теплая встреча. Цель поездки была ясна – Бхутто готовил почву для победы на новых выборах. Оппозиция восприняла его турне как нарушение достигнутых договоренностей и затормозила переговоры, которые велись представителями двух сторон над текстом соглашения. Более того, она потребовала новых уступок и гарантий проведения честных выборов. 1 и 2 июля проходили напряженные переговоры, в результате которых Бхутто согласился распустить правительство и возглавить «суперкабинет» из представителей ПНП и ПНА. Вечером 4 июля он сообщил своим ближайшим коллегам, что на следующий день окончательно «устранит тупик», но в ночь на 5 июля был арестован военными и перевезен в лучший военный «рест хауз» (дом отдыха) в горном местечке Марри около Исламабада¹⁶².

Хотя военному перевороту предшествовали четыре месяца беспрецедентного кризиса власти, спада в экономике и расстройств дел в обществе, недостаточно указать на желание военных избежать дальнейшего ухудшения ситуации. Очевидно, их не устраивала перспектива возможной победы Бхутто на новых выборах, возврата к его авторитарному правлению, надоевшему популизму с использованием социалистической фразеологии, заискиванием перед рабочим классом и поощрением иллюзий низших слоев, крестьян и арендаторов, городской и сельской бедноты. Среди офицеров и части генералитета к тому времени сложилась группа приверженцев фундаменталистской идеологии, последователей учения Мауланы Маудуди, сторонников политических взглядов *Джамаат-и ислами* и других религиозных партий¹⁶³. В то же время рассчитывать на решающий электоральный успех этих партий исламисты среди военных не могли; это демонстрировал опыт всех проводившихся в стране выборов. Ясно было также и то, что победа клерикалов в коалиции со светскими партиями в составе ПНА не обеспечила бы им достаточную степень свободы для реализации своей программы.

Определенное значение имел и личностный фактор. С февраля 1976 г. во главе армии стоял в качестве начальника штаба генерал Мухаммад Зия-уль-Хак. Он заменил Тикка Хана, который и не думал рекомендовать Зию в качестве своего преемника. Тот был незадолго до того произведен из генерал-майоров в генерал-

лейтенанты. Бхутто, тем не менее, назначил на ключевой пост 52-летнего Зия-уль-Хака, обойдя шесть других генерал-лейтенантов, более старших по стажу пребывания в этом ранге. Согласно обычаю, они были вынуждены уйти в отставку. При этом Бхутто едва знал Зию, а в тайном досье, с которым премьер должен был ознакомиться, отмечалась «сомнительная надежность» генерала¹⁶⁴.

Трудно сказать, почему Бхутто совершил трагическую ошибку в подборе человека, от которого зависело так много. Вероятно, он считал остальных претендентов более опасными для его власти, более властными и амбициозными. Зия-уль-Хак производил впечатление полной посредственности и безусловной лояльности. Бхутто, очевидно, казалось, что он не был способен на самостоятельные действия. Сохранились свидетельства того, что Бхутто после назначения Зии позволял себе открыто издеваться над ним, называть своим «генералом-обезьянкой» и третировать даже в присутствии иностранцев¹⁶⁵.

Между тем в период кризиса роли изменились. Терпевший бедствие Бхутто надеялся на поддержку армии и, казалось, имел ее. В последние месяцы он не раз координировал свои планы с Зией и группой командующих корпусами. От коллективной воли этих генералов, как тогда, так и впоследствии, реально зависели действия армейских частей, которые давно уже вновь приобщились к задаче наведения порядка в стране. Началось это с войны в Белуджистане, а закончилось участием в событиях весны-лета 1977 г. При этом ни ФСБ, ни полиция не могли противостоять армии.

Решившись на военный переворот, Зия-уль-Хак понимал, что он (с согласия генералитета) преступил закон и может быть осужден по всей его строгости. Со свойственными ему хитростью и коварством, он в первом обращении к нации (на урду) клятвенно заверил, что армия лишь временно и ненадолго взяла контроль над положением в стране. Через 90 дней, сказал он, военные вернутся к своим профессиональным обязанностям, предварительно организовав беспристрастные и честные выборы.

В первое время после переворота Зия обходился с Бхутто исключительно уважительно. Вместе с ним в комфортабельную армейскую тюрьму были помещены все наиболее видные политические деятели, члены ПНП и ПНА, им была предоставлена возможность совещаться, готовясь к предвыборной кампании.

Более того, 29 июля Бхутто был освобожден и на самолете премьер-министра доставлен в Карачи. Здесь его ждала грандиозная встреча. Понадобилось 10 часов, чтобы кортеж со свергнутым премьером во главе добрался до его дома на Клифтоне, 70¹⁶⁶. Восторженный прием, оказанный ему не только в Карачи, но позднее и в сердце Панджаба – Лахоре, поступавшие на протяжении всего августа из разных мест сообщения о росте популярности бывшей правящей партии повергли генералов в страх. Они втайне готовились обвинить его в серьезном преступлении и остановились на эпизоде 1974 г., попытке убить Р.А. Касури, закончившейся смертью его отца. 3 сентября Бхутто был арестован в Карачи по подозрению в совершении тяжкого преступления, но через 10 дней был освобожден пол залог одним из судей Высшего суда Лахора. 17 сентября армия штурмом взяла его дом в родной Ларкане и уже не выпускала из заключения. В конце месяца государство (федерация) обвинила Бхутто в совершении преступления, а 1 октября Зия-уль-Хак «с глубоким сожалением» оповестил нацию, что выборы не могут состояться до тех пор, пока не будет закончен процесс «очищения» страны от политиков, на которых заведены уголовные дела¹⁶⁷.

За этим последовали два судебных разбирательства (в Высшем суде Лахора и Верховном суде Пакистана), закончившиеся смертным приговором, отказом Зия уль-Хака помиловать осужденного и казнью. Тогда закончился жизненный путь З.А. Бхутто, а для Пакистана продолжился период самого длительного правления военных.

ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ГЕНЕРАЛА М. ЗИЯ-УЛЬ-ХАКА (1977–1988 гг.)

Военная диктатура (1977–1985 гг.)

После государственного переворота 5 июля 1977 г. в Пакистане был установлен третий по счету военный режим. В стране было введено военное положение, распущены выборные законодательные, а также исполнительные органы власти, приостановлено действие Конституции. Вся власть сосредоточилась в руках начальника штаба армии генерала Мухаммада Зия-уль-Хака, ставшего главным военным администратором, руководителем исполнительной власти, а с сентября 1978 г. и президентом страны. Каждая провинция и северные территории были объявлены военными зонами, вся власть в которых сосредотачивалась в руках военных администраторов, назначаемых М. Зия-уль-Хаком из представителей высшего комсостава. Он же назначал и губернаторов провинций, ими становились действующие или отставные генералы. Были созданы специальные и полевые военные суды для рассмотрения дел, связанных с нарушением правил военного положения.

Власти сразу же приступили к широкой чистке госаппарата и армии от сторонников Пакистанской народной партии (ПНП). Ее руководитель З.А. Бхутто был арестован по обвинению в причастности к политическому убийству и приговорен к смертной казни. Просьба о помиловании была отвергнута, и 4 апреля 1979 г. бывший премьер-министр Пакистана был повешен. Пожалуй, никто из пришедших к власти в Пакистане военных диктаторов не расправлялся так сурово с политическими противниками.

Третий военный режим по длительности существования (8 лет и 6 месяцев) превосходил все военные режимы (сроки действия военных диктатур генералов М. Айюб Хана, А.М. Яхья Хана и П. Мушаррафа составили соответственно 3 года и 8 месяцев,

2 года и 9 месяцев, 3 года). Военно-бюрократическое правление М. Зия-уль-Хака длилось немногим более 11 лет и незначительно уступало «демократическому просвету» между военными режимами в 1988–1999 гг.

Длительность правления М. Зия-уль-Хака была обусловлена рядом факторов внутреннего и особенно внешнего порядка. Не последнюю роль играли и личные качества М. Зия-уль-Хака, проявившего удивительные способности в достижении поставленных целей, умение маневрировать в сложнейшей, подчас казавшейся безвыходной обстановке, сочетать жесткие меры подавления с компромиссами и даже уступками. Многие специалисты и наблюдатели отмечали этот момент. Так, индийский автор Р.Г. Сахни в своей книге «Пакистан в период Зия» отмечал, что генерал «проявил значительно большее умение и изощренность в управлении государством и политической борьбе, чем все его предшественники»¹.

Особенно преуспел пакистанский руководитель в использовании ислама для легитимизации своего режима и укрепления его позиций. Осознав значимость «исламского ренессанса» как за рубежом, так и в своей стране, он фактически возглавил процесс исламизации всех сфер жизни пакистанского общества и использовал рычаги государственного управления для ускорения и расширения этого процесса. В отличие от своих предшественников М. Зия-уль-Хак не противостоял исламизму, а использовал его в своих целях. Впервые в истории Пакистана в его управлении участвовали фундаменталистские партии, члены которых входили в правительство страны. Именно в этот период ислам стал господствующей идеологией Пакистана, окончательно оттеснив на задний план государственный национализм. Политика исламизации, проводимая «сверху», укрепляла позиции Пакистана и его руководства в мусульманском мире. И при этом, по свидетельству многих экспертов и современников М. Зия-уль-Хака, генерал не был очень религиозным человеком, а тем более – фанатиком. Он был большим прагматиком и мастерски использовал в своих интересах все, что предоставляла ему действительность².

К характеристике умения М. Зия-уль-Хака ориентироваться в политической ситуации и находить выходы из трудных положений можно отнести и найденный им вариант преодоления большой преграды на пути к захвату власти, связанной с одной из

статей конституции. При установлении военного режима его исполнители отменяли действующую конституцию. З.А. Бхутто, чтобы предотвратить подобные действия в будущем, в первую очередь против себя, поставил, по его мнению, надежный заслон против возможных путчистов. В созданную под его руководством Конституцию 1973 г. была внесена шестая статья, которая гласила: «Любой человек, который отменит, попытается отменить или организует заговор с целью отменить, ниспровергнуть, изменить или организовать заговор для ниспровержения Конституции силовыми методами, угрозой применения таких методов или какими-либо другими незаконными методами, будет обвинен в государственной измене»³, что каралось смертной казнью.

Разумеется, столь тяжелое наказание вряд ли могло обрушиться на людей, вставших у власти. Однако они понимали, что все имеет конец и им придется когда-нибудь выпустить государственный руль из своих рук. И тогда при гражданском правлении они смогут быть привлечены к наказанию за свое тяжелое преступление. Тем более что в отличие от 1950-х и даже 60-х годов, когда установление диктатуры не считалось предосудительным делом и диктаторы и после ухода от власти не несли никакого наказания, в 1970-е годы государственные перевороты стали рассматриваться как нарушение демократических свобод и гражданских прав и совершившие эти перевороты лица были крайне обеспокоены своей дальнейшей судьбой.

М. Зия-уль-Хак умело и довольно просто ушел от возможности будущего наказания по шестой статье Конституции. Поскольку все кары по этой статье предназначались за «незаконное ниспровержение Конституции», то он, в отличие от своих предшественников, не отменил Конституцию 1973 г., а «лишь временно приостановил» ее действие. И хотя эта «приостановка» действовала долгие годы и восстановленная Конституция имела поправки, существенно изменившие характер высшей государственной власти, тем не менее формального нарушения грозной шестой статьи сделано не было.

Большую помощь режиму в этом плане и вообще в его легитимизации оказал высший судебный орган страны – Верховный суд. Он одобрил введение военного положения и наделил главного военного администратора правом вносить изменения в Конституцию в соответствии с «доктриной необходимости». Отме-

тим, что приход к власти генерала А.М. Яхья Хана Верховный суд объявил «противозаконной и антиконституционной акцией». Правда, принципиальность высшего судебного органа существенно ослаблялась тем обстоятельством, что упомянутое решение было принято после падения режима А.М. Яхья Хана. К тому же если сравнивать процедуру установления второго и третьего режимов военных, то предпочтительнее выглядит приход к власти А.М. Яхья Хана. В самом деле, в марте 1969 г. он получил власть из рук законно избранного президента, и хотя сам факт передачи власти в такой форме не соответствовал конституционным нормам, этот переход совершился мирно и без каких-либо насильственных действий. Как раз установление власти генерала М. Зия-уль-Хака произошло в результате насильственного отстранения законного правительства З.А. Бхутто, иными словами – в результате государственного переворота. Поэтому установление режима М. Зия-уль-Хака выглядит антизаконным действием по сравнению с проступком его предшественников.

М. Зия-уль-Хак умело использовал опыт своих прежних правителей у кормила власти, анализировал совершенные ими ошибки с тем, чтобы не повторять их. Судьба М. Айюб-Хана показала, как опасно после отмены военного режима отказываться от контроля над армией. Поэтому М. Зия-уль-Хак, став гражданским президентом в 1985 г., оставался на посту начальника штаба армии до своей смерти в августе 1988 г. В отличие от первого военного режима, который опирался практически лишь на армию и с опаской и недоверием относился ко всем общественным организациям, что существенно ограничило его социально-политическую базу, правительство М. Зия-уль-Хака активно использовало в качестве политических союзников и даже партнеров представителей бизнеса, различных партий и организаций. Государственный курс, носивший ярко выраженный популистский характер, представлял искусное маневрирование внутри страны и вне ее между различными противостоящими силами с тем, чтобы максимально обеспечить интересы Пакистана и его руководства, но при этом не доводить дела до конфликтов. Судьба второго пакистанского диктатора генерала А.М. Яхья Хана напоминала об опасности перерастания конфронтации с Индией в военное столкновение. За весь длительный период третьего военного режима подобных столкновений между двумя странами не было. Более

того, М. Зия-уль-Хак ввел в политический оборот весьма популярный впоследствии термин «крикетная дипломатия». Он первым поехал в Индию на такой матч, чтобы получить возможность обсудить положение дел с индийскими лидерами. Наконец, опыт непосредственного предшественника М. Зия-уль-Хака главы пакистанского правительства Зульф리카ра Али Бхутто показал опасность проведения до конца непродуманных, неясных, с точки зрения результативности, социальных экспериментов, задевавших интересы многих общественных групп и вызывавших большое недовольство в стране.

Очередной выход военных на государственную арену произошел, как обычно, в условиях экономических неурядиц и острейшей политической нестабильности. В то же время это был своеобразный ответ консервативных традиционалистских сил общества на попытки его ускоренной модернизации, предпринятые правительством З.А. Бхутто. В борьбу с властями правым удалось, умело используя недостатки и промахи деятельности правительства З.А. Бхутто, втянуть в кампанию против него значительные массы трудящихся, представителей общественности, некоторые демократические партии и организации.

Результатом переворота в июле 1977 г. явилось усиление позиций крупной буржуазии, земельной аристократии, традиционалистов. В их интересах прежде всего проводилась политика нового режима. Были отменены или заморожены реформы, объявленные прежним правительством. В 1975 г. власти отменили поземельный налог с малоземельных и удвоили ставки с крупных собственников, а в 1977 г. заменили его подоходным, величина которого определялась объемом продукции. Закон о прогрессивном подоходном сельскохозяйственном налоге новыми властями формально не был отменен, но на практике не применялся (в этом, кстати, помимо социально-классовой направленности политики властей, еще раз виден пример политического маневрирования режима). Отмененный поземельный налог продолжал взиматься, но при этом его удельный вес в сельскохозяйственном продукте упал до 0,2%. В целом, с учетом введенных исламских налогов (о них будет сказано ниже), в 1980-е годы перераспределялась в пять раз меньшая доля чистого продукта сельского хозяйства, чем в 60-е⁴. Что касается аграрного законодательства о существенном снижении максимума индивидуального землевладения,

то о нем, принятом в бурном 1977 г. и носившем во многом популистский характер, новые власти просто «забыли».

Новый курс правительства был направлен на ограничение государственного сектора, денационализацию предприятий, развитие частного предпринимательства. Власти объявили о гарантиях от национализации и вернули владельцам существенную часть национализированной собственности. Осенью 1977 г. военное правительство объявило об отказе от курса прежнего руководства на развитие промышленности преимущественно через государственный сектор. Была проведена новая демаркационная линия между государственным и частным предпринимательством в пользу последнего – были разрешены частные капиталовложения в отрасли тяжелой промышленности (химическую, машиностроение, металлургию, нефтехимическую, цементную и др.), которые ранее относились исключительно к сфере инвестиционной деятельности госсектора. Частным предпринимателям были предоставлены различные льготы в отношении налогов, кредитов, импортных пошлин ⁵.

Основные направления и цели экономической политики военного режима нашли отражение в новом, пятом по счету, пятилетнем плане на 1978–1983 гг. После долгого перерыва в рамках этого плана была принята программа частных промышленных капиталовложений. В заданиях на пятилетку предусматривалось значительное увеличение размеров и удельного веса частных инвестиций в промышленность. За пятилетие они должны были сравняться с государственными вложениями, тогда как в предшествующие годы частные промышленные инвестиции уступали государственным в 3–4 раза ⁶.

Упор на стимулирование частного сектора сочетался с мерами по ограничению сферы деятельности госсектора и изменению некоторых принципов его функционирования. Под давлением кругов, связанных с крупным капиталом, военные власти уже в 1977 г. назначили комиссию по изучению вопроса об эффективности управления государственными предприятиями. В результате Совет по управлению промышленностью, созданный правительством З.А. Бхутто, был распущен. Компании, национализированные этим правительством, преобразовывались в смешанные государственно-частные, управление которыми осуществляли советы директоров ⁷.

Военные власти возобновили практику регулярных консультаций с ведущими организациями делового мира и привлечения некоторых крупных промышленников и финансистов к административному управлению экономикой. В правительстве, созданном в августе 1978 г., более трети министров являлись лицами, непосредственно связанными с крупным бизнесом, а некоторые из них принадлежали к верхушке буржуазии.

В годы правления М. Зия-уль-Хака большое внимание уделялось привлечению иностранного, преимущественно частного капитала. Зарубежным инвесторам предоставлялись различные льготы и привилегии (им гарантировались репатриация прибылей и капиталов; перевод средств от амортизации; обложение налогами, не превышающими обложение местных инвесторов; освобождение от двойного налогообложения и т. п.). В результате поток капитала из-за рубежа увеличился, особенно из Англии, США, ФРГ, Японии, стран Ближнего и Среднего Востока. Усилилась деятельность транснациональных корпораций, которые активно укреплялись на пакистанском рынке, устраняли конкурентов, добивались выгодных для себя контактов и соглашений.

Для привлечения частных инвесторов военные власти осуществили ранее обсуждавшуюся идею создания «зон свободной торговли». Близ Карачи и Лахора такие зоны начали действовать. На специально отведенных участках земли размещались предприятия, чья продукция целиком и полностью сбывалась за пределами страны (поэтому эти зоны стали называться также «промышленно-экспортными», что указывает на другую цель их создания, кроме привлечения инвестиций – усиление экспортной ориентации промышленности и всей экономики Пакистана). Ввоз оборудования, сырья и различных компонентов на территорию зоны, как и вывоз готовой продукции был освобожден от пошлин.

Несмотря на все меры, властям не удалось добиться значительного и стабильного роста частных инвестиций, существенной активности частного сектора в сфере материального производства, широкой денационализации. Разумеется, в данный период имели место определенные сдвиги в этой сфере; однако справедливо будет сказать, что результат не был адекватен всем предпринятым мерам по привлечению частных вложений. Росли они медленно, неравномерно. К середине существования военного

режима у бывших владельцев оказались лишь три из 31 предприятия тяжелой промышленности, взятой в государственный сектор в начале 1970-х годов. Из 26 национализированных маслодельных заводов прежним владельцам был передан лишь один ⁸.

Такие же проблемы были характерны и для притока иностранных частных инвестиций. И хотя в целом эти инвестиции росли, однако рост этот был не столь значителен и носил крайне нестабильный характер. К концу существования военного режима иностранные частные инвестиции составили 3,4 % ВВП, что, как подчеркивал И.В. Жмуйда, «указывает на их сравнительно скромные позиции в экономике Пакистана» ⁹. Невелико было число ТНК (транснациональные корпорации), зарегистрированных на Карачинской бирже, – 25 из 294 общего числа зарегистрированных компаний в 1981 г. и 34 из 298 в 1985 г. (Разумеется, реальные позиции иностранных компаний были достаточно сильны, особенно в обрабатывающей промышленности, топливно-энергетических отраслях, на рынке фармацевтических товаров, табачных изделий и пищевых масел, мотоциклов и легковых автомобилей. ¹⁰)

Общими причинами недостаточной привлекательности для частных инвесторов (как местных, так и иностранных) были отсутствие богатых залежей природного сырья, энергетических источников, слаборазвитая инфраструктура и т. д. Военные власти не сумели создать, несмотря на большие усилия, благоприятную обстановку для стабильного роста частного капитала. Здесь следует указать на общую нестабильность в стране, выступления различных социально-политических сил, длительность военного режима, неспособность в течение долгого времени создать удобную для элиты форму правления посредством парламентских институтов. Стремление крупного капитала вернуть экономическое развитие страны на дореформенный путь наталкивалось на нежелание всесильной бюрократии, независимой от представительных органов, отказаться от непосредственного контроля над важными сторонами экономики, который она получила в результате ускорения развития государственного сектора и широкой национализации в предшествующий период. Именно этим можно объяснить отмеченные выше скромные итоги процесса передачи огосударственных предприятий в частные руки. Власти также вынуждены были считаться с широкой оппозицией, особенно со

стороны профсоюзов, стремлению полностью восстановить старые порядки.

Резко усилившийся с приходом к власти военных отток значительной части квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров за рубеж, главным образом на Ближний Восток, лишил пакистанскую промышленность опытных и подготовленных кадров. По этой причине наблюдалось падение и без того весьма низкой производительности труда в промышленности, увеличение простоев действующих производственных мощностей, выход из строя оборудования. Предприниматели столкнулись с необходимостью повышения зарплаты рабочим и жалования служащим. Все это не содействовало широкому вложению частных инвестиций в экономику Пакистана, особенно в ее производственную сферу.

В этом же направлении влияли проблемы и в валютно-финансовой области. Военные власти тратили огромные и все увеличивавшиеся средства на непроизводительные цели – на военных и административный аппарат. Эти две статьи поглощали более 60 % бюджетных средств. В эти годы была проведена широкомасштабная модернизация вооруженных сил Пакистана. В решающую фазу вступила программа создания ядерного оружия. Дорого обходилось стране участие в военных событиях в соседнем Афганистане, пребывание нескольких миллионов беженцев из этой страны. Для покрытия всех этих расходов правительство прибегло к дополнительному налогообложению. Хотя повышались главным образом косвенные налоги, массивное увеличение налогового пресса в целом негативно сказывалось на экономической конъюнктуре в стране, особенно на промышленном производстве в результате удорожания стоимости электроэнергии, природного газа, хлопчатобумажной пряжи. Заметим, что и в этой сложной обстановке военные власти находили возможности для своей традиционной политики усиленного маневрирования. Об этом свидетельствует, например, новый закон о подоходном налоге, принятый в 1979 г. С одной стороны, он ограничил права налоговых инспекторов и вводил выгодную для богатых налогоплательщиков систему самооценки ими своих доходов, а с другой – увеличил ставки налогов на крупные доходы (превышающие 60 тыс. рупий в год)¹¹. Колебания финансового климата порой вызывали бегство капитала из страны, значи-

тельное изъятие средств из производственной сферы, продажу на бирже акций ряда крупных, пользовавшихся надежной репутацией компаний. Среди таких «продавцов» были ведущие магнаты пакистанского бизнеса – Хабибы, Адамджи и др.¹²

Раздражение в имущих кругах вызвало введение традиционных мусульманских налогов – закята и ушра, – что определялось не экономическими, и даже не фискальными нуждами, а политико-идеологическими интересами режима, его линией на «исламизацию экономики», создание эгалитарного общества. По сути, это было введение новых прямых налогов, дополнительно к уже существовавшим. Закят взимался из расчета 2,5 % имущества каждого, кто обладал определенным его минимумом (в условиях Пакистана он был примерно в полтора раза меньше богатства, облагаемого подоходным налогом). Ушр – это разновидность закята, взимаемая с землевладельцев из расчета 5 % собранного ими урожая. Поскольку отчисления в фонд закята делались автоматически с суммы наличных счетов в банках, со стоимости хранившихся там ценных бумаг, акций и облигаций и т. д., то это повело к оттоку средств из государственной банковской системы. Особенно значительна эта «диверсионная акция» была со стороны шиитской общины, лидеры которой, в силу догматических расхождений с суннитским большинством относительно этих налогов, призвали своих последователей бойкотировать правительственный указ о новых налогах и с этой целью изымать средства из банков и других финансово-сберегательных учреждений. Между тем к шиитской общине принадлежало большое число крупнейших предпринимателей Пакистана.

Таковы в основном причины, которые в определенной мере затруднили проведение курса на всемерное развитие частного предпринимательства¹³. Многие из этих причин имели объективный характер, определенный потребностями развития общества и конкретной обстановкой в стране; другие возникали в результате противоречивости общего курса правящего блока, в частности, когда в интересах одного из направлений этого курса несколько поступались интересами другого. Разумеется, во многом это было обусловлено ограниченностью материальной и финансовой базы амбициозной политики правительства М. Зия-уль-Хака.

В то же время следует подчеркнуть, что, несмотря на все сложности, в этот период был решен вопрос о дальнейшем пути

экономического развития Пакистана. Окончательно и, по сути, бесповоротно было утверждено господство рыночной системы и частного предпринимательства как главного двигателя экономики страны. Именно по этому пути и пошел в дальнейшем Пакистан, где он столкнулся со многими трудностями и неудачами, свойственными этому варианту развития (прежде всего – ростом неравенства между бедными, то есть основной массой населения, и богатым меньшинством).

После переворота в 1977 г. политическая деятельность в стране была ограничена, но не запрещена, продолжали функционировать партии и общественные организации. Продолжал исполнять свои президентские полномочия Ф.И. Чоудхри, избранный на этот пост в августе 1973 г. Правда, в «помощь» ему был образован военный совет, состоявший из председателя Объединенного комитета начальников штабов и начальников штабов трех родов войск. Можно представить себе размеры «свободы действий» президента. Представители правых религиозно-общинных партий входили в состав правительства, а в реорганизованном 24 августа 1978 г. кабинете министров не было военных, кроме самого М. Зия-уль-Хака; кабинет, возглавляемый президентом, состоял из чиновников, крупных бизнесменов и членов Мусульманской лиги, *Джамаат-и ислами*, *Джамаат-уль-улема-и-ислам*, Пакистанской демократической партии.

В конце 1979 г. власти все же запретили деятельность политических партий, что фактически касалось демократических организаций и особенно созданную еще З.А. Бхутто Пакистанскую народную партию. Возглавившие партию вдова ее лидера Нусрат Бхутто и дочь Беназир годы военного режима провели либо за тюремной решеткой или под домашним арестом, либо в эмиграции. Для правых партий этот запрет носил довольно условный характер, и они по-прежнему оказывали режиму поддержку.

В период правления М. Зия-уль-Хака регулярно проводились выборы в органы местного самоуправления. Чтобы прикрыть авторитарный характер режима, в январе 1982 г. был образован Федеральный консультативный совет (*Маджлис-и-шуро*). Этот совещательный орган был представлен как наиболее соответствующий исламской государственной системе. Власти часто проводили конференции представителей различных групп населения – рабочих, крестьян, студентов, женщин, религиозных деятелей. На

них с участием руководителей страны обсуждались актуальные проблемы развития Пакистана; это создавало иллюзию причастности населения к управлению государством.

Придя к власти, М. Зия-уль-Хак постоянно заявлял, что единственной целью этого шага является проведение «свободных и честных выборов в течение 90 дней и затем передача власти избранныкам народа». Он подчеркивал, что «не имеет политических амбиций и только заполнил вакуум, созданный политиками... Я принял этот вызов как солдат, и моя единственная цель – свободные и честные выборы в октябре месяце. Я не отступлюсь от этого. В течение следующих трех месяцев все мое внимание сконцентрировано на этой проблеме»¹⁴.

Но уже в самое первое время начала правления в ткань его чисто политических рассуждений начали вплетаться нити религиозно-идеологического характера. Обратим внимание на такое высказывание генерала: «Я должен сказать, что дух ислама, продемонстрированный во время недавних событий (приход военных к власти. – *В.М.*), явление весьма похвальное. Это доказывает, что Пакистан, который создан во имя ислама, будет продолжать существование только в том случае, если будет придерживаться ислама. Вот почему я считают введение исламской системы крайне важным для государства»¹⁵. Таким образом, уже тогда М. Зия-уль-Хак планировал изменение государственного устройства Пакистана на исламской основе, на что, естественно, требовалось значительно больше времени, чем три месяца. Вскоре появилась еще одна причина для отсрочки выборов.

30 сентября 1977 г. М. Зия-уль-Хак, заручившись поддержкой антибхуттовского Пакистанского национального альянса, объявил о том, что сначала должно быть проведено расследование деятельности прежнего правительства и определена мера его ответственности. На основании этого выборы были отложены. Был установлен новый срок выборов – ноябрь 1979 г. Таким образом, обещанные в начале три месяца превратились в три года.

Но и это обещание М. Зия-уль-Хака не было выполнено. Во-первых, прошло не так много времени со дня жестокой расправы с З.А. Бхутто, что неблагоприятно отразилось на отношении многих людей к режиму. Во-вторых, ранее состоявшиеся выборы местных органов власти показали значительную популярность самого опасного противника правительства – ПНП. Наконец,

по всему очевидно, что М. Зия-уль-Хак пришел к выводу о нежелательности выборов, независимо от их итогов. Даже при самых благоприятных результатах после них последовало бы восстановление, хотя и в урезанной форме, представительных органов власти, создание зависимого от парламента кабинета министров, разрешение функционирования оппозиционных партий и т. д., что в какой-то мере ограничило бы деятельность военного режима. А допустить этого в условиях, когда позиции новой власти еще не были достаточно прочны и не достигнуты основные цели (круг которых, впрочем, постоянно расширялся), М. Зия-уль-Хак не мог. Поэтому все его усилия были направлены на укрепление положения режима.

16 октября 1979 г. выборы были отложены на неопределенное время. Был введен запрет на деятельность политических партий, жесткая цензура на печать. Еще раньше, в сентябре 1978 г., после окончания президентских полномочий Ф.И. Чоудхри, М. Зия-уль-Хак стал президентом страны. В марте 1980 г. был проведен судебный процесс над группой офицеров, которых обвинили в намерении свергнуть правительство. Узкий состав участников показал, что какой-либо серьезной угрозы режиму со стороны армии нет¹⁶.

Но самым существенным моментом укрепления положения военного режима в Пакистане и вообще активно влияющим на внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию страны стал внешний фактор – афганская проблема. Вопрос о выборах, резкое ограничение политической деятельности в стране, нарушение прав человека и т. д. – все это на время отошло на второй план. Решающее значение приобрело превращение Пакистана в «прифронтовое государство», активное его участие в афганских событиях. Всесторонняя поддержка муджахедов обеспечила Исламабаду содействие США и всего Запада – как борцу с иностранной интервенцией в соседнем государстве и помощь мусульманского мира – как защитнику ислама в борьбе с «безбожным коммунизмом».

М. Зия-уль-Хак умело использовал возникшую ситуацию, постоянно объявляя, что ислам «в опасности», и призывая к его защите. Стало ясным, что не будет никаких выборов и восстановления представительных органов. В марте 1980 г. он заявил: «Пока ислам не охватит все пакистанское общество, я буду

продолжать служить стране как смиренный рядовой ислама... Суверенитет Пакистана в руках Аллаха и его Пророка, и никого больше. Не может быть неисламского управления в этой стране, и не могут ею руководить лица, не признающие исламских ценностей». В этом заявлении он показал, что не собирается восстанавливать гражданское управление «в течение, по крайней мере, нескольких лет». Он также подчеркнул, что «не намерен отступить от осуществления военной ядерной программы»¹⁷.

Военный режим усиленно маневрировал и в социальной сфере (чему мало внимания уделял М. Айюб Хан). Содействуя развитию экономики, правительство пыталось посредством политики в области ценообразования и налогообложения несколько ослабить финансовое давление на широкие слои населения, не допустить слишком большого разрыва между ростом экономики и его результатами для трудящихся масс. В какой-то мере задачами социального характера было вызвано введение традиционных исламских законов закят и ушр (главной причиной, конечно, были религиозные мотивы). Доходы от них шли на нужды наиболее обездоленной части населения (вдов, сирот, инвалидов, нетрудоспособных и т. д.). Условия, при которых миллионы людей испытывали потребность в милостыне, сохранялись. И хотя суммы получаемых денег были крайне малы (примерно в месяц 40 рупий¹⁸), однако поступления от исламских налогов в какой-то мере помогали остро нуждающимся, а главное, имели большой пропагандистский эффект, показывая «заботу исламского руководства» о самых бедных. В работе по сбору и распределению исламских налогов участвовали около четверти миллиона человек¹⁹. Такой размах деятельности в пользу бедных также содействовал росту авторитета властей среди населения. В этом же плане следует рассматривать и такую меру правительства, как отмену банковского кредита. Надо отметить, что режим имел определенные возможности для социального маневрирования благодаря определенному улучшению в стране экономической ситуации, большой финансово-экономической помощи иностранных государств и значительным денежным переводам от массы пакистанцев, устремившихся на работу в страны Ближнего Востока.

По сравнению с предшествующим периодом, когда наблюдались спады и кризисные явления в различных секторах экономики Пакистана, ситуация в стране во время военного режима была

более благополучной. В целом это определялось жесткими мерами военного режима, относительно благоприятными погодными условиями, ростом иностранной помощи.

Основные макроэкономические показатели представляли собой следующую картину. Среднегодовые темпы роста ВВП в реальном исчислении в 1977/78–1986/87 гг. составили 6,5 %, отличаясь при этом значительной стабильностью. В постоянных ценах ВВП вырос с 52,6 млрд. до 93,1 млрд. рупий, а душевой доход – с 687 до 928 рупий. В текущих ценах эти цифры выглядят следующим образом: 2462 и 6270 рупий.

В реальном исчислении ВВП увеличился с 50 до 83 млрд. рупий; в среднем его рост составил 6,7 % в год. Таким образом, росли, и притом в почти одинаковом темпе, и общий национальный продукт, и внутренние поступления.

Значительно вырос экспорт. Уменьшилась доля сельского хозяйства в ВВП, а обрабатывающей и горно-добывающей – увеличилась. Общие инвестиции в основные фонды росли как по государственной, так и по частной линиям, и этот рост составил 155 %. Происходило наращивание мощностей в ряде отраслей крупного производства (металлургия, машиностроение и др.). Наблюдался определенный технический прогресс, развивалась мелкомасштабная трудоинтенсивная экспорториентированная промышленность.

Рост главных макроэкономических показателей носил стабильный характер и существенно не изменился даже в начале 1980-х годов, в разгар мирового капиталистического кризиса. Это был первый случай в истории Пакистана, когда мировой кризис не отразился существенно на его экономике (в отличие от экономических потрясений капиталистической системы в 1953/54, 1957/58, 1970–1975 гг.). Кризис 1980–1982 гг. сказался лишь на некоторых внешнеторговых показателях и на валютно-финансовом положении страны в начале 1980 г.²⁰

Несмотря на рост промышленного производства²¹, сокращение доли сельского хозяйства в ВВП, эта отрасль экономики оставалась ведущей – в 1985/86 г. на нее приходилось более четверти всего валового продукта, а на промышленность – чуть больше 20 %. Сельское хозяйство давало 45 % всех экспортных поступлений, в нем было занято более половины экономически активного населения²². За все время существования Пакистана с 1946 г. по

1987 г. наиболее высокие показатели сельскохозяйственного производства были достигнуты в период, когда страна подошла к самообеспечению продовольствием. Если взять 1976/77 г. за 100 %, то индекс производства всех сельскохозяйственных культур в 1980/81 г. составил 123, в том числе продовольственных – 120, волокнистых – 164, прочих технических культур; в 1985/86 г. эти цифры составляли – 145, 135, 278 и 139 соответственно. Почти в три раза за годы военного правления выросли темпы ежегодного прироста сельскохозяйственного производства²³.

Рост сельского хозяйства в конечном итоге обеспечило участие Пакистана в процессе «зеленой революции», главным в которой было использование в значительных объемах высокоурожайных сортовых культур, большее применение минеральных удобрений, а также привлечение тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Все это во многом стало возможным благодаря резкому увеличению – почти в семь раз – сельскохозяйственных кредитов. Темпы роста материальных и финансовых ресурсов, вкладываемых в сельское хозяйство, увеличивались втрое быстрее, чем темпы роста сельскохозяйственного производства (соответственно 15 и 5 %) ежегодно²⁴.

С 1978 г. правительство начало кампанию за самообеспечение страны пшеницей. С некоторыми перебоями из-за погодных условий рост производства этого основного продовольственного продукта происходил непрерывно. В 1979/80 г. Пакистан достиг самообеспечения зерном и с 1980 г. прекратил импорт пшеницы. В 1982 г. он впервые стал ее экспортировать. Правда, тогда этот процесс еще не сделался постоянным – иногда ему приходилось ввозить пшеницу из-за границы, хотя и в небольших объемах. Примерно такая же картина наблюдалась и в отношении хлопчатника, занимающего ведущее место среди технических культур, поставляемых Пакистаном на внешний рынок в виде сырья и готовых изделий текстильной промышленности. Хлопководство оставалось очень неустойчивой отраслью сельского хозяйства, во многом зависимого от погодных условий и степени зараженности вредителями. Перебои в производстве этого сырья отрицательно влияли на текстильную промышленность, а учитывая ее ведущую роль в производстве – и на всю экономику страны. Рекордный уровень сбора хлопка был достигнут в 1984/85 г. – 1208 тыс. т, что позволило значительно увеличить его экспорт²⁵.

Положение в производстве страны определило и ее внешнюю торговлю (разумеется, при этом существенную роль играли и внешние факторы). За период с 1977/78 по 1987/88 гг. общий внешнеторговый оборот, несмотря на колебания в отдельные годы, увеличился в 4,6 раза (в текущих ценах). При этом в течение всего времени сальдо торгового баланса было постоянно отрицательным. Однако в связи с опережающим ростом экспорта (он вырос в 6 раз, а импорт – в 4 раза) разрыв между ввозом и вывозом сокращался. Показатель «отношение экспорта к импорту» за весь период, за исключением нескольких лет, был более 50 %. Если в 1977/78 г. этот показатель 49,9 %, то в 1987/88 г. он составил 70,4 %. Это значит, что в начале рассматриваемого периода экспорт финансировал меньше половины импорта, а в его конце – около трех четвертей ²⁶.

Отражением успехов развития промышленности явился рост готовой продукции в экспорте, ее доля в отдельные годы превышала половину стоимости экспорта. Однако доля товаров, прошедших повышенную степень обработки, возросла незначительно ²⁷. Власти оказывали большую поддержку экспортерам в виде субсидий, различных льгот, скидок, сокращения налоговых ставок и т. д.

В импорте наряду с традиционными потребительскими и производственными товарами появились изделия, созданные на основе новейшей технологии. Среди них, прежде всего, компьютеры. За первую половину 1980-х годов стоимость ввезенных компьютеров увеличилась почти в 3,2 раза. Почти все крупные корпорации были оснащены компьютерами, ввезенными в основном из США. Этому процессу способствовало снятие правительством ограничений на ввоз электронно-вычислительных систем. В стране была налажена сборка ЭВМ из ввозимых компонентов ²⁸.

В этот период имела место некоторая диверсификация внешней торговли Пакистана. Торговые отношения в различных формах расширились с развивающимися, а также с социалистическими странами.

Уже отмечалось, что многим успехам в области экономики, социально-политического маневрирования, продления сроков своего пребывания у кормила власти военный режим обязан значительному увеличению поступления материальных и финансовых средств по различным каналам из-за рубежа. Прежде всего

выросла иностранная помощь. Во время действия пятого и шестого пятилетнего планов, которые охватывали период правления М. Зия-уль-Хака, общая иностранная помощь Пакистану составила 32 млрд. долл. (из них обещанная – 19 млрд. и реально предоставленная – 13 млрд. долл.). Во время шестой пятилетки (1983/84–1987/1988 гг.) показатели иностранной помощи были самыми высокими по сравнению с соответствующими периодами в прошлом²⁹. Одновременно с ростом иностранной помощи произошло некоторое смягчение ее условий³⁰.

Подобная политика западных стран, и прежде всего США, резко контрастировала с их курсом по отношению к Пакистану в предшествующий период, когда ему была прекращена военная и резко сокращена экономическая помощь. Сделано это было в связи с развитием Исламабадом военной ядерной программы, установлением в стране военной диктатуры и нарушением прав человека. Однако «принципиальность» подхода к отношениям с Пакистаном была предана забвению в начале 1980-х годов, когда он занял прозападную позицию в известных афганских событиях. Исламабад полностью поддержал муджахедов в их войне с правительством Кабула и советскими войсками. На пакистанской территории находились штаб-квартиры основных политических партий – противников Демократической Республики Афганистан (ДРА) и лагеря для подготовки афганских боевиков, через Пакистан поступало для них оружие из США и других западных стран.

За такое поведение Исламабад был прощен и были сняты все введенные против него санкции, хотя причины этих мер по-прежнему оставались. С начала 1980-х годов происходило широкое развитие с Пакистаном финансово-экономических и военно-политических связей западных стран. Основным донором выступали США. За это время они дважды объявляли о предоставлении Пакистану крупных займов на довольно льготных условиях – в июне 1981 г. на сумму в 3,2 млрд. долл. (срок действия 1981–1987 гг.) и в марте 1986 г. на 4,02 млрд. долл. (1987–1993 гг.). Соглашение о первом займе предусматривало равные суммы на военные и экономические цели. В связи с завершением срока этого соглашения (полностью была выполнена только его военная часть) было подписано новое соглашение. Оно предусматривало расходы в 1,74 млрд. долл. на военные цели и 2,28 млрд. – на экономические. Условия нового договора были еще более

благоприятными – 45 % всех средств являлись дарами и 55 % – займами, причем процент по ним были снижен, а срок выплаты продлен³¹. Это соглашение не было выполнено до конца. После вывода советских войск из Афганистана Вашингтон стал терять интерес к своему союзнику и соответственно – вновь проявлять по отношению к нему «принципиальность» в связи с его военно-ядерной проблематикой. В результате американская помощь Пакистану была прекращена с октября 1990 г.

Вслед за Америкой в годы правления М. Зия-уль-Хака в Пакистан большие средства шли из других западных стран, международных финансово-экономических организаций³². Иностранная помощь позволила режиму поддерживать многие отрасли экономики, осуществлять социальное маневрирование, увеличить и качественно улучшить состояние вооруженных сил. Была проведена модернизация армии, закуплено современное оружие³³. В Пакистане появились американские истребители-бомбардировщики F-16 и французские «Миражи». И те и другие, кроме своих основных боевых качеств, являются средством доставки ядерного оружия. В Пакистане были проведены испытания ракет «Хафт-1» и «Хафт-2», способных доставлять боеголовки весом 500 кг на расстояние 100 и 300 км соответственно. Успешно прошло испытание баллистической ракеты дальностью до 800 км. Укреплялись связи Пакистана с богатыми мусульманскими странами Ближнего Востока. В подобной обстановке Исламабаду удалось различными путями, в том числе через подставные фирмы, приобрести почти все необходимое для производства ядерного оружия.

Именно во времена режима М. Зия-уль-Хака была проведена основная работа по созданию атомного оружия и средств его доставки. Руководитель программы этого ОМУ А. Кадир Хан отмечал впоследствии, что в 1985 г. все было готово для проведения ядерного взрыва и что «ждали только политического решения»³⁴. А президент в интервью американскому журналу «Тайм», опубликованном 30 марта 1987 г., указывал, что Пакистан в состоянии изготовить ядерную бомбу «в любой момент, когда этого захочет». Помощь Пакистану в создании атомного оружия и средств его доставки оказали КНР и КНДР³⁵.

Увеличились иностранные частные инвестиции, которые вкладывались в различные отрасли народного хозяйства Пакистана, особенно в промышленность. По темпам роста иностранных

инвестиций первое место занимали США, но по вложенным средствам за все время первенство принадлежало Англии (125 млн. и 250 млн. долл. соответственно). Несмотря на относительно небольшие размеры вложенного иностранного капитала, он все же являлся определенной поддержкой режима М. Зия-уль-Хака³⁶.

Важно, что в период военного режима резко увеличился поток рабочей силы из Пакистана в богатые страны Ближнего Востока. Переводы от нескольких миллионов «отходников» давали в год примерно 3 млрд. долл., что превышало выручку от экспортных операций. Естественно, такие финансовые вливания были существенным подспорьем для режима. К тому же в 1980-е годы стала практиковаться отправка в Саудовскую Аравию и эмираты Персидского залива целых подразделений пакистанской армии для несения там воинской службы. Оклады офицеров и рядовых были значительно выше, чем дома. Ротация каждые 1–2 года позволила «пропустить» через эту «кормушку» до 40 % военнослужащих. Таким образом, с одной стороны, значительно улучшилось материальное положение значительной части армии – основной опоры военного режима, а с другой – достигалось это не за счет пакистанской казны.

Разумеется, этим не исчерпывалась забота режима о положении военнослужащих. После прихода к власти правительства М. Зия-уль-Хака они стали получать специальную надбавку к жалованью. Многие представители комсостава заняли весьма доходные посты в гражданской администрации, хозяйственных и судебных органах. Расширилась практика продажи офицерам на льготных условиях государственных сельскохозяйственных земель. Повышена была зарплата рядовым и сержантам. Они и члены их семей получили разного рода льготы в отношении медицинского обслуживания, получения образования. Их родственники имели преимущественное право при отъезде на заработки в страны Ближнего и Среднего Востока.

Вообще, период военного режима был «золотым веком» для пакистанской армии. Никогда ее представители не были так широко представлены в гражданской сфере управления и хозяйствования (конечно, здесь сказались и длительность пребывания военных у власти при М. Зия-уль-Хаке). Постоянно возраставшие расходы на вооруженные силы как за счет бюджетных ассигнований (не только прямых, но и «скрытых» в средствах, шедших

на промышленность, гражданскую авиацию, коммуникации, развитие высоких технологий и освоение космоса), так и значительной части иностранной помощи позволили увеличить численность армии, улучшить ее подготовку, модернизировать военную технику. Все три рода войск получили новейшее по тому времени оружие (танки, самолеты, боевые корабли). Офицеры регулярно проходили разного рода курсы переподготовки и повышения уровня квалификации. В г. Равалпинди был создан военный колледж, оборудованный и оснащенный по последнему слову техники. И наконец, был сделан решающий шаг в направлении создания ракетно-ядерного оружия ³⁷.

Не была забыта и другая опора режима – религиозно-идеологическая. Весьма многочисленное сословие мусульманских богословов (улемов) существенно улучшило свое материальное и социальное положение. Знатоки мусульманского права привлекались к хорошо оплачиваемым консультациям. Некоторые получили ответственные административные и судебные посты. Участие в работе многочисленных комитетов по сбору и распределению средств от исламских налогов повышало значимость улемов в обществе, несло им определенные материальные выгоды ³⁸.

Важнейшей составляющей политики маневрирования режима М. Зия-уль-Хака была, без сомнения, исламизация практически всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества. Ни до, ни после этого подобного явления в пакистанской истории не было. М. Зия-уль-Хак великолепно использовал «исламский бум» в мире для превращения ислама в государственную идеологию, в главную концепцию строения и функционирования пакистанского общества и государства. Этому содействовало и то обстоятельство, что за 30-летний период независимости Пакистана не были хотя бы в какой-то мере решены социальные проблемы, мало изменилось к лучшему положение основных масс населения. Отсюда и резкое ослабление национализма, идеи «своего государства», а также кризис популистского леводемократического вектора развития, который оказался неспособным изменить курс общественного развития и добиться решения основных социальных проблем. И в этот момент всеобщего разочарования и недовольства людям была предложена другая альтернатива – переход на «истинно исламский путь развития», восстановление традиционных ценностей, создание «подлинного исламского

общества», общества «всеобщего равенства и благоденствия», свободного от недостатков и пороков современности. Политика исламизации как раз и содействовала переходу общества на новый путь, причем для этого были использованы все средства государственной власти. Результатом данной политики стали превращение ислама в государственную идеологию, превалирование консервативных, религиозно-общинных сил над прогрессивными, либерально-демократическими, в какой-то мере окрашенными в секуляристские тона. Но в самом стане победителей не было единства, главными противниками стали умеренные мусульманские силы и радикалы, тяготевшие к экстремизму и теократии. Именно борьба между ними и стала в дальнейшем во многом определять политическое развитие Пакистана.

Пакистанское общество во многом было подготовлено к восприятию политики широкой исламизации. Помимо отмеченного выше идеологического кризиса, следует иметь в виду и происшедшие за годы независимости изменения социального плана – увеличение рядов собственников в городе и деревне, рост численности маргинальных слоев, бедноты, обездоленных и т. д. Это те, кто наиболее рьяно выступили за возрождение «истинного ислама», его эгалитаристских положений, «очищение» общества от «скверны современной растленной морали и нравственности».

Большие изменения произошли в социальном составе командного корпуса армии. Ушли офицеры английской выучки, а также большинство командиров, подготовленных американцами. Вместо этих выходцев из элитных кругов общества, не чуждых либеральным и секуляристским настроениям, а также в связи с численным ростом вооруженных сил, в состав армии пришли представители средних и даже мелких слоев города и деревни, которым были близки фундаменталистские религиозные взгляды. Образование они получали в Пакистане, во время учебы подвергались воздействию исламистов.

Интересны изменения взглядов у довольно значительной части студентов. Учащиеся, особенно студенты, всегда были важным отрядом оппозиционных демократических сил. Помимо общих для этих сил лозунгов, у студентов были свои требования, определенные их социальным статусом и конкретной ситуацией – увеличением платы за обучение, ростом цен на учебные издания, неопределенностью будущего, ростом безработицы среди дипло-

мированных специалистов и т. д. Шли годы, десятилетия, а борьба в рамках леводемократического движения не вела к решению этих проблем, что вело к разочарованию в силах и возможностях демократической оппозиции. С другой стороны, все привлекательней становилась исламская альтернатива достижения равенства и благоденствия, пользующаяся при этом всесторонней поддержкой властей. Некоторым нравилась четкая организация исламистских молодежных объединений, строгая дисциплина в них, специальная подготовка в тренировочных лагерях приемам единоборства и пользования холодным и огнестрельным оружием, активные действия против соперников и просто неугодных лиц.

Подтверждением возникших тенденций можно считать укрепление позиций в годы военного режима основной исламистской студенческой организации *Ислами джамаат-и тулаба* (молодежное крыло фундаменталистской партии *Джамаат-и ислами*). На выборах в студенческие союзы весной 1978 г. победу одержали леводемократические силы. Через несколько лет лидирующее положение завоевали сторонники исламистских организаций³⁹. Разумеется, все сказанное не означало краха прогрессивных течений в студенчестве Пакистана. И в дальнейшем учащиеся играли важную роль в общедемократическом движении в стране.

Успех исламизации в Пакистане определялся не только религиозным моментом (в том смысле, что подавляющее большинство его населения исповедует эту религию). Этот успех имел место и потому, что широкие слои видели в нем альтернативу прежнему, по их мнению, тупиковому развитию и нахождению своего идеала на пути полного следования принципам ислама, выполнения всех его требований. И конечно, большую роль сыграла политика властей, которые всей своей практической и пропагандистской работой доказывали, что только таким образом можно построить общество «всеобщего равенства и благосостояния».

Введение в экономику таких положений, как запрет банковского процента, сбор традиционных мусульманских налогов, введение в действие предписанного законами шариата права наследования (с его довольно сильными уравнительными тенденциями) и ряд других аналогичных действий, несмотря на их довольно ограниченное воздействие на экономическую и социальную жизнь общества, настойчиво выдавались за единственно

верный путь к уменьшению разрыва между бедными и богатыми, к победе столь привлекательных для масс эгалитаристских принципов ислама. Для восстановления высокой морали и нравственности, очищения общества от пороков современности строго запрещались употребление алкоголя, азартные игры, порнография, а также были введены жесткие традиционные наказания за некоторые виды «безнравственных» и антисоциальных преступлений (супружеская неверность, воровство, мошенничество и др.). Юридически обязательным стало требование совершать ежедневно пятикратную молитву; специально назначенные люди обеспечивали выполнение этого постановления.

В сфере государственного устройства предлагалось некое восстановление типа управления времен «праведных халифов», в центре которого находился всевластный правитель (то есть президент), которому помогал совещательный (консультативный) орган *Маджлис-и Шура*, члены которого назначались президентом и который функционировал вместо избранного парламента. Если же паче чаяния в условиях современности придется пойти на восстановление выборного процесса, то избирательное право следует предоставлять не всем, а только «настоящим», «правовверным» мусульманам. Военный режим восстановил раздельную систему выборов по религиозным общинам (куриям). Вооруженным силам официально была вменена обязанность защиты не только границ государства, но и его идеологии (кстати, этим одновременно укреплялось право армии на участие в политической жизни страны). Учрежденный в 1980 г. Федеральный шариатский суд определял соответствие действующих или принимаемых законов принципам ислама и решал все дела, по которым применялись традиционные наказания; он возглавлял систему органов исламского правосудия (суды кази), которая существовала параллельно с гражданским правосудием и военными судами.

В период военного режима ухудшилось положение религиозных меньшинств. Окончательно была «добита» бывшая мусульманская община ахмадийцев. Им было запрещено называть себя мусульманами, именовать свои молельные дома мечетями, пользоваться исламской терминологией и т. д. Нарушение этих запретов каралось тюремным заключением и штрафом.

Уже после отмены военного положения президент М. Зия-уль-Хак издал указ, объявлявший шариат (свод мусульманских кано-

нов) высшим законом страны, что послужило бы законодательной основой тотальной исламизации и превращения Пакистана в «подлинно исламское» государство. Однако поскольку это происходило уже в условиях гражданского правления, президентский указ подлежал утверждению парламентом. Гибель М. Зия-уль-Хака в авиакатастрофе в августе 1988 г. осложнила превращение билля в закон – он был принят сенатом, но не получил поддержки в Национальном собрании. Как отметил О.В. Плешов, Пакистан «остановился на самом краю пути, ведущему к окончательному отказу от конституционного демократического развития»⁴⁰ и, думается, от остатков секуляризма.

Вместе с исламизацией общества шла и идеологическая обработка вооруженных сил на основе ислама. «Профессиональный солдат в мусульманской армии, – заявлял М. Зия-уль-Хак, – выполняет задачи, которые ставит перед ним мусульманское государство, и он не может быть “профессиональным”, если во всех своих действиях не выступает под знаменем Аллаха»⁴¹.

Ислам был положен в основу обучения и воспитания военнослужащих. В армии были введены те же запрещения и ограничения, предусмотренные шариатом, что и во всей стране. Муллы в подразделениях были возведены в ранг религиозных учителей, а ислам был включен в качестве основного предмета в программы обучения личного состава. Урду заменил в армии английский язык. Исламская идеология была положена в основу разработки военной политики. Вопросы военной стратегии увязывались с концепцией джихада. Глубоко изучалась мусульманская военная история. При наборе на военную службу и продвижении по ней важную роль играли соблюдение военнослужащими религиозных правил и обычаев.

Огромное внимание уделялось проникновению ислама в духовную и культурную жизнь пакистанцев, в систему образования. Все учебники в школах и вузах были пересмотрены с точки зрения их «соответствия» исламу. В 1980 г. был открыт Исламский университет в столице. Число медресе в стране почти удвоилось за время режима М. Зия-уль-Хака⁴². Целью системы образования было объявлено «проведение в жизнь исламских принципов и защита идеологии Пакистана»⁴³. Тщательному пересмотру подверглись школьные учебники, программы обучения в колледжах и университетах с тем, чтобы образовательный процесс в них

соответствовал «идеологии Пакистана». История страны была подаваться как ряд событий, подводивших ее к идее создания исламского государства. Из библиотек исчезали книги на светские или сугубо научные темы, не связанные с религией; они уступали место религиозной литературе. Широко стали изучаться арабский язык, история и традиции ислама. Одновременно были урезаны ассигнования на гражданское образование. За годы военного режима было открыто только два высших учебных заведения.

Очень важным фактором, который содействовал исламизации вооруженных сил, были конфронтация с Индией, союз с муджахедами Афганистана, поддержка исламистов в Кашмире. В результате многие военнослужащие стали рассматривать себя в качестве «солдат ислама». Особенно это относилось к тем, кто непосредственно в своей работе был связан с исламскими радикалами. Здесь, конечно, прежде всего следует назвать самую могущественную спецслужбу – Общевойсковую разведку (ОВР). Десятилетиями она играла центральную роль в Афганистане – сначала помогала муджахедам воевать с советскими войсками, а затем участвовала в создании и поддерживала фундаменталистское террористическое движение Талибан. Многие из тех, кто долгие годы работал с исламистами по долгу службы, заражались их идеями. Генерал Хамид Гул – глава ОВР в «советский период» – стал традиционалистом и сторонником талибов. Его преемник Дж. Насир сделался набожным мусульманином и первым из пакистанских генералов стал носить длинную бороду. Многие работники ОВР после окончания службы вступали в исламистские политические партии (особенно в *Джамаат-и ислами*)⁴⁴.

ОВР и другие воинские службы содействовали вместе с основными традиционалистскими партиями появлению военизированных исламо-радикальных организаций для террористической деятельности в Кашмире и Афганистане. Их создатели считали, что добиться успеха в противостоянии с Индией в Кашмире можно только разжиганием исламского экстремизма, помощью боевикам, что успех *джихада* вынудит Индию пойти на уступки. Поэтому и были созданы такие террористические организации, как *Лашкар-и тойба* («Воинство правоверных»), *Харкат-уль-муджахеддин* («Движение борцов за веру»), *Джаиш-и Мухаммад* («Армия Мухаммада»), *Сипах-и Сахаба-и Пакистан* («Пакистанские

воины Пророка») и др. Каждая из этих организаций ориентировалась на ту или иную исламистскую политическую партию и прежде всего на *Джамиат-уль улама-и ислам*, *Джамаат-и ислами* и др.⁴⁵ Через некоторое время эти военизированные группировки стали представлять угрозу самому Пакистану, и последнему военному правителю генералу П. Мушаррафу пришлось вести с ними серьезную борьбу.

Длительное пребывание военных у власти вызывало широкое недовольство в стране. Достаточно стабильный экономический рост во многом объяснялся крупными размерами внешней помощи со стороны Саудовской Аравии, США, Японии, Китая, ряда западноевропейских стран; немалую роль играли поступления от пакистанцев, работавших в странах Персидского залива, довольно благоприятные погодные условия и др. Тем не менее экономическое положение Пакистана оставалось сложным. Росли дефицитное финансирование, внешняя задолженность, инфляция, цены на товары первой необходимости, внешнеторговый дефицит. Внешний долг страны достиг в 1982 г. 12 млрд. долл. Увеличивались непроизводственные расходы. Иностранная военная помощь стимулировала рост собственных военных расходов Пакистана⁴⁶. Значительные средства тратились на создание ядерного оружия.

Известные события в Афганистане вызвали большой поток беженцев, которые разместились главным образом на северо-западе Пакистана. Число иммигрантов составило более 3 млн. человек. В районах их размещения происходила напряженная борьба между пришельцами и местными жителями из-за земли, пастбищ, воды. Богатые выходцы из Афганистана скупали скот, дома, земельные участки, городской транспорт. В районах пребывания беженцев установились более высокие цены, чем в среднем по стране; резко возросла безработица. В тесной связи с афганскими событиями в Пакистане возникла еще одна проблема – наркотиков. Пакистан превратился в одного из основных участников международного наркобизнеса, что, с одной стороны, негативно влияло на его международные позиции, а с другой – в стране, где этой проблемы практически не было, наркомания приобрела опасные размеры. Естественно, все это усиливало нестабильность в стране, что составляло основную проблему для правительства.

Развитие рыночных отношений и частного сектора, как обычно, сопровождалось ростом неравенства между бедными и бога-

тыми. В Пакистане в этот период имел место феномен, именуемый в конфликтологии как «условная депривация»; когда положение людей несколько улучшается, вызывая при этом масштабный подъем ожиданий и надежд, которые удовлетворены не были, что ведет, естественно, к резкому всплеску недовольства.

Расширение денежного оборота, значительные потоки финансовых средств из-за границы, крупные поставки оружия, продовольствия, медикаментов и других материальных ценностей для афганских муджахедов, которые распределялись в Пакистане, вели к резкому увеличению масштабов коррупции, хищений, спекуляции и т. д. «Теневая экономика» страны в середине и конце 1980-х годов достигла 30–40 % от легальной⁴⁷.

В оппозиционном движении участвовали самые различные слои и группы пакистанского общества, имевшие свои специфические проблемы, но видевшие их решение в ликвидации военного режима. Это требование сделалось всеобщим, оно фокусировало все проявления недовольства. Широкие массы населения связывали достижение этой цели с надеждой на улучшение своих жизненных условий. В оппозиции режиму находилась демократически настроенная общественность, требовавшая восстановления представительных органов управления. Недовольна была значительная часть политической элиты страны, отстраненная военными от государственной власти; в рядах оппозиции были многие профессиональные группы, права которых также были ущемлены. Активно выступали многочисленные и влиятельные в стране юристы, сфера деятельности которых была сужена работой военных судебных органов и исламизацией судопроизводства. В антиправительственном движении важную роль играли женские организации, поскольку политика военных властей, поддержанная фундаменталистами, была направлена на ограничение участия женщин в общественно-политической деятельности. Оппозицию возглавляло Движение за восстановление демократии (ДВД) – блок 11 различных политических партий, ведущую роль в ДВД играла Пакистанская народная партия (ПНП). Главным требованием ДВД была отмена военного положения и передача власти гражданскому правительству. Не все спокойно было даже в главной силе и опоре режима – армии, о чем свидетельствовали чистки и отставки в высшем комсоставе, аресты и суровые наказания офицеров среднего ранга (март 1980 г., январь 1984 г.)⁴⁸.

Политика исламизации вызвала в стране рост противоречий между различными мусульманскими течениями. Военное правительство в своих действиях по исламизации общества исходило из норм и традиций преобладающего в Пакистане суннизма в его ханифитской интерпретации. Это вызвало огромное недовольство шиитов, которые составляют около 20 % населения. Борьбу за права этой общины возглавила созданная в 1980 г. партия *Техрик нифаз-и фикх Джафария* (ТНФД) – Движение за осуществление джафарийского права. Шииты решительно выступали против суннитского принципа обязательности уплаты исламских налогов, что противоречит их правилам. После длительного противостояния власти согласились предоставить шиитам право выплачивать эти налоги на добровольной основе. Еще одним камнем преткновения в межобщинных отношениях явилось решение властей в мае 1981 г. о включении в состав федерального шариатского суда (ФШС) улемов в качестве его членов. Заметим, что впервые в истории Пакистана улемы стали полноправными членами судейского органа; до этого они имели лишь совещательные функции. Разумеется, не это последнее обстоятельство вызвало гнев шиитов, причиной их недовольства явилось отсутствие в составе «назначенцев» в ФШС представителей их общины. Это привело к тому, что шииты отказались выполнять решение данного судебного органа. Недовольство этой общины усилилось, когда в августе 1982 г. среди улемов, получивших представительство в апелляционном отделении Верховного суда страны, снова не было шиитов⁴⁹.

В период военного режима М. Зия-уль-Хака постоянно в разных районах страны происходили выступления студентов, рабочих, служащих, представителей интеллигенции, религиозных и национальных меньшинств. Наиболее массовым по размаху и острым по форме было антиправительственное движение во второй половине 1983 г., основной базой которого был Синд, где режим М. Зия-уль-Хака вызывал наибольшую неприязнь. Против восставших были брошены вооруженные воинские части. «Наведение порядка», сопровождавшееся многочисленными жертвами, затянулось на многие месяцы и завершилось лишь в начале 1984 г. После этого власти сочли целесообразным спланировать медленную трансформацию открытой военной диктатуры в гражданский режим с представительными формами правления. К тому

же к этому времени правительство решило многие задачи, поставленные перед ним обстановкой конца 1970-х годов, – исправление радикалистских перегибов З.А. Бхутто, стабилизация обстановки в СЗПП, проведение исламизации, «замирение» в Белуджистане, где при прежнем правительстве шли боевые действия между федеральными войсками и ополчениями племен и др.

Отмена военного режима

Переход от военного правления к гражданскому осуществлялся медленно, постепенно и под контролем военных властей. Впрочем, этот эволюционный процесс сопровождался иногда резкими, по-военному неожиданными действиями, ставившими в тупик соперников. Так случилось, например, в самом начале переходного периода, когда 1 декабря 1984 г. было объявлено о проведении 19 декабря референдума с оценкой политики исламизации и «избрании» ее творца М. Зия-уль-Хака президентом на следующее пятилетие. Заметим, что никогда до этого вопрос о высшей власти не решался в Пакистане таким образом. Нет и в Основном законе положений о таком способе «избрания» главы государства. Но путь был проложен, и по нему в аналогичных условиях пошел и следующий военный правитель – генерал П. Мушарраф.

В течение всего 1984 г. власти подавали различные сигналы о своих планах, что вводило людей в заблуждение об истинных намерениях режима. Внимание общественности было приковано к проблеме всеобщих выборов, условиям их проведения. 12 марта 1984 г. на массовом митинге в Пешаваре М. Зия-уль-Хак объявил, что выборы состоятся в марте 1985 г., однако ничего не было сказано о характере их организации. Между тем людей особенно волновал вопрос о том, будут ли эти выборы проведены на партийной или непартийной основе. Некоторое время спустя президент вновь подтвердил свое обещание о сроках выборов и сообщил лишь о том, что они будут всеобщими, но предупредил, что «нарушители морали будут лишены права голоса на этих выборах, которые пройдут в духе подлинного шариата»⁵⁰. Личное мнение генерала относительно участия политических партий в выборном процессе было отрицательным. Он подчеркивал, что «годы, проведенные на посту главы государства, убедили меня,

что выборы в Пакистане несовместимы с деятельностью политических партий»; в этом же духе звучало его предупреждение, сделанное в апреле: «Если политические партии окажутся неспособными действовать как сильная и твердая команда, тогда логическим результатом станет другой вид военного положения»⁵¹. Звучало это угрожающе, но не совсем понятно. Некоторые усматривали возможность сохранения существовавшего военного режима. В целом наблюдатели и специалисты отмечали, что все заявления М. Зия-уль-Хака были расплывчатыми, отличались друг от друга и приводили в замешательство политическую общественность страны. Можно также добавить, что проблема референдума вообще не поднималась.

Поэтому объявление о его проведении было большой неожиданностью для всех, к тому же у оппозиции было очень мало времени для выработки своей стратегии. Не долго думая, она отвергла идею «всенародного опроса» и призвала к бойкотированию этого мероприятия. Исламистская партия *Джамаат ул Улама-и Пакистан* (ДУП) обнародовала фетву (религиозное постановление), объявившую референдум «антиисламским».

На референдум был вынесен один вопрос, сформулированный крайне сложно и запутано. Он гласил: «Если большинство голосовавших ответит “да”, это будет означать, что народ Пакистана одобряет все шаги президента по приведению законов страны в соответствие с требованиями ислама, как это изложено в святом Коране и Сунне святого Пророка, и по защите идеологии Пакистана, и продолжению и укреплению процесса мирной и законной передачи власти избранным представителям народа, и генерал Мухаммад Зия-уль-Хак будет считаться законно избранным президентом Пакистана на пятилетний срок со дня первого совместного заседания обеих палат парламента»⁵². По сути, этот «один» вопрос состоял из трех вопросов – оценки исламизации, восстановления представительных институтов власти и возможного избрания М. Зия-уль-Хака на новый срок. Право высказаться по каждому из этих пунктов предоставлено не было. Поэтому ответ представлял собой «комплексную» оценку различных явлений. Преобладающими в этом «комплексе» были религиозная и демократическая составляющие. Поэтому результаты «народного опроса» предугадать было нетрудно. К тому же в период подготовки референдума не разрешалась политическая деятельность и

какая-либо агитационная работа, сохранялась цензура на печать. Суды были отстранены от рассматривания любых дел, связанных с референдумом; все они должны были решаться только избирательной комиссией, назначенной президентом.

По данным избиркома, в состоявшемся 19 декабря 1984 г. референдуме приняло участие 62 % от всех имеющих это право. Из них положительно ответили 98 %, что составило примерно 60 % всего электората⁵³. Оппозиция считала, что в референдуме участвовало не более 10 %; некоторые иностранные наблюдатели называли цифру в 20 %. Все отмечали многочисленные нарушения в ходе референдума. Даже сам М. Зия-уль-Хак признал некоторые «ошибки и промахи» и обещал, что они не повторятся на всеобщих выборах. В этом смысле он расценил референдум как «репетицию будущих выборов представительных органов»⁵⁴. Так или иначе, генерал довольно успешно преодолел первый барьер на своем политическом марафоне. Затем он взялся за подготовку взятия более трудного препятствия – проведения всеобщих выборов, естественно, с благоприятным для себя исходом.

12 января 1985 г. президент назвал дату проведения выборов – 28 февраля – и указал, что они состоятся на непартийной основе. Он также объявил о дисквалификации на 7 лет лидеров почти всех оппозиционных партий, включая ПНП. Отметим, что дата всеобщих выборов была назначена почти на месяц ранее объявленного срока. Оппозиционные партии вновь оказались в затруднении из-за слишком короткого предвыборного периода. Поэтому руководители ДВД решили срочно собраться, чтобы обсудить положение и выработать единую линию поведения. Встреча была назначена на 19 января в Абботтабаде. Верный своей тактике неожиданных решений, М. Зия-уль-Хак за два дня до этой даты отменил свое прежнее положение о дисквалификации политиков и разрешил им участвовать в выборах. К тому же было дано официальное разрешение на проведение совещания в Абботтабаде. Это несколько поколебало ряды оппозиционеров, но тем не менее руководство ДВД объявило о бойкоте выборов на непартийной основе и строго предписало членам партий, входящих в этот блок, выполнить данное решение. Генерал продолжал «темнить» и в отношении будущего государственного устройства Пакистана. В январе 1985 г. он подтвердил желание восстановить Конституцию, но озадачил всех добавлением, что это произойдет,

когда наступит «соответствующее время». Он также заявил о намерении до введения Конституции внести в нее «необходимые поправки» и что такое право ему предоставил исход всенародного референдума. Незадолго до выборов президент заявил о намерении покинуть пост начальника штаба армии после отмены военного положения.

Выборы в парламент и провинциальные законодательные собрания состоялись соответственно 25 и 28 февраля 1985 г. Из общего числа электората в 33 млн. человек в парламентских выборах приняли участие 17,3 млн. (53 %), в выборах законодательных собраний провинций участвовали 18,5 млн. избирателей (57 %). Лучшие показатели этих «соревнований» были в Панджабе (60 % и 62 % соответственно). В остальных трех провинциях число голосовавших было менее 50 % электората⁵⁵. Эти данные показывают, где призыв ДВД к бойкоту выборов нашел больший или меньший отклик; естественно, это говорит также о степени влияния блока в различных районах страны.

Полностью оценить итоги выборов не представляется возможным, поскольку они проводились на непартийной основе. Однако некоторые выводы из этого события сделать можно. Прежде всего отметим, что призыв ДВД к бойкоту нашел широкий отклик в стране. Незадолго до выборов М. Зия-уль-Хак заметил, что его бы удовлетворила явка избирателей в пределах 40–60 %. На парламентских выборах уровень явки избирателей был немногим выше середины отмеченного президентом благоприятного для него уровня. Причем в двух провинциях (СЗПП и Белуджистане) процент голосовавших не достиг нижнего предела, намеченного М. Зия-уль-Хаком (то есть 40 %), а в Синде лишь несколько превысил его. Таким образом, выборы показали, что режим пользуется поддержкой только в одной провинции из четырех. Крайне неприятным для правительства явилось поражение шести из восьми министров, принявших участие в борьбе за депутатские мандаты. Такие же чувства вызвала полная неудача союзника властей – ДИ. Из 60 ее членов, боровшихся за места в парламенте, удача сопутствовала только восьми кандидатам. При этом было ясно, что поражение ДИ было обусловлено не ее исламским характером, а ролью пособника военного режима. По этой же причине не прошли в высший законодательный орган страны и другие сторонники этого режима, как, например, многие

члены *Маджлис-и Шура*. И наконец, следует отметить, что в ходе избирательной кампании и выборов произошла определенная консолидация оппозиционных сил, ослабление внутренних разногласий в ДВД. Его линию полностью поддержала находившаяся в изгнании Б. Бхутто.

Отмеченные обстоятельства заставили М. Зия-уль-Хака еще тщательнее готовиться к следующим этапам его программы преобразования государственной системы управления. Он утвердился в своем намерении остаться после отмены военного положения на посту начальника штаба армии. То же самое имело место и в отношении его планов по внесению соответствующих поправок в Конституцию до ее официального введения в жизнь. Разумеется, большое внимание предполагалось уделить излюбленной политике искусного маневрирования, сочетания жестких мер и некоторых уступок (последние были рассчитаны и на внешнее «потребление» – повышение имиджа режима на международной арене).

Многие эксперты считают, что ДВД допустил ряд ошибок, главным образом из-за своей бескомпромиссности, неумения лавировать в сложной обстановке. Так, оппозиционному блоку следовало заявить о своем участии в выборах, обусловив это рядом требований: освобождение политзаключенных, снятие цензуры на печать, разрешение изгнанным из страны политикам участвовать в выборах и т. д. Принятие этих условий значительно изменило бы к лучшему политическую обстановку в стране; их отклонение осложнило бы обстановку для военного режима, нанесло бы ему серьезный моральный ущерб, усилило его изоляцию. Таким образом, в обоих случаях оппозиция оказалась бы в выигрыше. Кроме того, после окончательного решения о бойкоте, руководству ДВД следовало разрешить своим сторонникам участвовать в выборах, но обязательно на индивидуальной основе. В таком случае при официальном соблюдении решения о бойкоте оппозиционным партиям удалось бы направить в парламент немало своих членов. В реальности же, несмотря на все трудности и неудачи на выборах, режим получил высший законодательный орган, почти полностью состоявший из своих сторонников.

1985 г., последний год существования военного режима, был богат важными политическими событиями. После февральских выборов высших представительных органов – нижней палаты парламента (Национальное собрание) и законодательных собраний

провинций, члены этих органов 14 марта избрали верхнюю палату парламента – Сенат. Еще раньше, 2 марта, президент обнародовал указ о возобновлении действия Конституции. Основным законом государства был серьезно изменен. Позднее, 16 октября, парламент на совместном заседании обеих палат оформил сделанные президентом изменения Конституции, приняв закон «Об освобождении от ответственности» (восьмая поправка к Конституции). В соответствии с этой поправкой объявлялась законной и не подлежащей расследованию деятельность военного режима, все указы и распоряжения военной администрации стали действовать как законы; тем самым законодательным порядком закреплялись основные направления прежнего государственного курса и гарантировалась личная безопасность руководителей военного режима (отметим, что до его отмены оставалось еще несколько месяцев). «Восьмая поправка» значительно расширила власть президента, главным образом за счет полномочий премьер-министра. Наряду с парламентом глава государства стал частью законодательной власти, получил право отлагательного вето. Не столь жестко, как раньше, президент был связан советами премьер-министра. Глава государства по своему усмотрению мог распускать нижнюю палату парламента, назначать внеочередные выборы, создавать временное правительство, проводить референдум, делать назначения на высшие государственные и военные посты. Президент получил право назначать премьер-министра и членов правительства и отправлять их в отставку.

В марте 1985 г. президент назначил на пост премьер-министра малоизвестного тогда политического деятеля из Синда Мухаммада Хана Джунеджо. Расчет М. Зия-уль-Хака был прост – такой человек еще долго не сможет противостоять президенту; другой мотив такого назначения состоял в надежде, что представитель Синда сможет обеспечить поддержку режиму второй по населению и в то время самой беспокойной провинции, главную провинцию – Панджаб М. Зия-уль-Хак и его окружение «брали на себя». 24 марта М.Х. Джунеджо получил единодушную поддержку Национального собрания (уже этот факт показал политический настрой депутатов высшего представительного органа страны). Сформированный им кабинет министров страны в составе тринадцати членов приступил к выполнению своих обязанностей.

Вскоре во всех провинциях также начали работу гражданские правительства.

Но самым, конечно, важным событием марта 1985 г. было приведение М. Зия-уль-Хака 23 марта – в «День Пакистана» – на совместном заседании обеих палат парламента к присяге в качестве президента страны. Этот шаг, сделанный в соответствии с Конституцией, должен был полностью придать президентству М. Зия-уль-Хака законный характер. Кроме того, срок пребывания его на посту главы государства стал исчисляться именно со дня принесения присяги, а не проведения референдума, и таким образом этот срок был продлен на несколько месяцев.

Оставшаяся часть 1985 г. была отмечена крупными дестабилизирующими событиями. Так, в апреле произошли первые массовые межэтнические столкновения в Карачи между многочисленными в городе общинами пуштунов и мухаджиров. В том же месяце был создан Синдско-белуджско-пуштунский фронт с целью координации действий оппозиционных сил трех «малых» провинций Пакистана.

Активной была внешнеполитическая деятельность Исламабада. Состоялись поездки М. Зия-уль-Хака в СССР, США, Саудовскую Аравию, Египет, Катар и Оман. Важным был визит премьер-министра М.Х. Джунеджо в КНР. Таким образом, была произведена «сверка часов» перед отменой военного положения с великими державами и союзниками Пакистана в мусульманском мире. О самом этом событии было объявлено лишь 14 августа – в «День независимости», когда власти пообещали снять военное положение к концу 1985 г.

Обещание это было выполнено, особенно в его временной части. 30 декабря 1985 г. президент и главный военный администратор М. Зия-уль-Хак объявил об отмене военного положения. Восстанавливалась политическая жизнь в стране, прекращали свою работу военные трибуналы. В то же время сохранялся запрет на деятельность профессиональных и студенческих союзов, политзаключенные продолжали отбывать сроки, установленные военными трибуналами. Президент остался на действительной военной службе и сохранил за собой пост начальника штаба армии, сосредоточив таким образом в своих руках высшую гражданскую и военную власть (в условиях гражданского правления

это было сделано в Пакистане впервые за все предшествующее время).

За длительное время существования режима М. Зия-уль-Хака большое число военнослужащих (находившихся на действительной службе и в отставке) внедрились в государственный аппарат, полицию, финансово-экономические органы, систему просвещения, органы информации и т. д., образовав военную бюрократию. Это также было существенной опорой правления М. Зия-уль-Хака на новом этапе.

Также важную роль в этом отношении стала играть созданная в январе 1986 г. депутатами правительственного большинства партия Мусульманская лига. М. Зия-уль-Хаку предлагали возглавить эту, по сути, правящую партию. Но он, помня неудачный в этом плане опыт М. Айюб Хана, не сделал подобного шага; не присоединившись ни к какой партии, президент являл собой политически самостоятельную фигуру. Мусульманская лига, на которую он в реальной жизни опирался и деятельность которой направлял, помимо всего прочего, играла роль «барьера», отделявшего «беспристрастного» главу государства от мелочей жизни, от грязной пены бушующих вокруг него политических волн. Мусульманскую лигу возглавил премьер-министр М.Х. Джунеджо.

Основной составляющей политической жизни была борьба между правящей группировкой и оппозицией, возглавляемой многопартийным объединением ДВД. Надо отметить, что позиции его несколько ослабили после отмены военного режима, поскольку главная цель движения, хотя и формально, но все же была достигнута. В изменившейся обстановке ДВД в качестве основного выдвигало требование доведения до конца процесса восстановления гражданского парламентарного строя – ухода М. Зия-уль-Хака с поста начальника штаба, проведение всеобщих выборов на партийной основе и создание правительства в соответствии с их результатами. Неприятностей генералу добавило триумфальное возвращение 10 апреля 1986 г. на родину Беназир Бхутто. В целом оппозиции удалось развернуть довольно сильную антиправительственную кампанию, но по широте, остроте и продолжительности она была недостаточна, чтобы вынудить власти пойти на отмеченные выше действия.

Однако опасность для политической стабильности режима возникла с другой стороны. Несмотря на принципиальную бли-

зость президента и главы правительства по основным государственным проблемам, между ними постепенно нарастали расхождения по тактическим вопросам – назначения на государственные посты, представительство Пакистана на международной арене, подхода к афганской проблеме. Президент и его окружение (верхушка военной и гражданской бюрократии, руководство религиозно-общинных партий, панджабо-пуштунская элита) занимали в этом вопросе более жесткую позицию, поддерживали наиболее экстремистские круги афганской оппозиции. Расхождения по этой проблеме особенно усилились на завершающей стадии афгано-пакистанских переговоров в Женеве с участием личного представителя Генерального секретаря ООН и в начале выполнения достигнутого 14 апреля 1988 г. соглашения. Эти разногласия в основном были вызваны попыткой определенной части правящих кругов (прежде всего членов представительных органов власти, в определенной степени зависевших от настроений электората) несколько ограничить авторитарный характер правления М. Зия-уль-Хака. Эти действия находили положительный отклик в обществе. Со всем этим сохранивший диктаторские замашки генерал-президент мириться был не намерен. 29 мая 1988 г. он распустил законодательные органы власти, уволил в отставку центральное и провинциальные правительства, возложив на них всю ответственность за социально-экономические проблемы, рост коррупции, спекуляции, преступности и т. д. Это действие было совершено М. Зия-уль-Хаком в день, когда премьер-министр вернулся из поездки по странам Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Естественно, он не смог предпринять каких-то ответных действий.

После данного события вся полнота власти сосредоточилась в руках президента. По своему усмотрению он назначил центральное правительство (во главе которого М. Зия-уль-Хак встал сам), провинциальные кабинеты министров, губернаторов провинций. При этом он искусно маневрировал, «разбавляя» назначенцев из своих твердых сторонников теми, кто служил в прошлом под началом премьер-министра, но не особенно с ним ладил. В результате, почти половину нового центрального правительства составили члены прежнего кабинета министров. Это должно было свидетельствовать об определенной преемственности курса нового режима, особенно в области сохранения кадров. Наиболее

ярким проявлением такой политики явилось назначение на пост министра иностранных дел известного государственного деятеля, генерала в отставке С. Якуб Хана, который возглавлял внешнеполитическое ведомство во время военного правления и в кабинете М.Х. Джунеджо, однако в 1987 г. ушел в отставку из-за разногласий с главой правительства.

Широкое маневрирование властей имело место и в других сферах жизни общества. Был пересмотрен разработанный кабинетом М. Х. Джунеджо государственный бюджет на 1988/89 г. Для привлечения на сторону правительства населения страны в новом варианте бюджета были предусмотрены создание специальных фондов для групп с низкими доходами, улучшение пенсионного обеспечения и другие меры популистского характера. В то же время в интересах главной опоры режима – армии – почти на 7 % увеличивались военные расходы⁵⁶. Для усиления поддержки традиционалистских кругов президент 15 июня издал указ о введении шариата в качестве высшего закона страны. Этот указ был одобрен Сенатом (верхняя палата досрочному роспуску не подлежала); однако отсутствие нижней палаты сделало невозможным превращение этого билля в закон.

Положение правительства М. Зия-уль-Хака было довольно тяжелым и имело тенденцию к ухудшению. Хотя в обществе и не относились с большой симпатией к распущенным представительным органам и правительствам, тем не менее их разгон вызвал большое недовольство. Эти действия президента рассматривались как удар по процессу демократизации государства; при этом обращалось внимание на то, что впервые в истории страны один человек дважды распускал высшие выборные органы, то есть дважды совершал переворот. Несмотря на переговоры с лидерами основных партий, М. Зия-уль-Хаку не удалось заручиться их поддержкой. Прагматизм его решения о вводе шариатского закона был столь очевиден, что религиозно-общинные партии расценили это как уловку с целью укрепления личных позиций президента и отказали ему в поддержке. Вместе с тем данное решение вызвало резкий протест демократических кругов, многих молодежных и женских организаций. Против него выступили представители судебной системы, поскольку ограничивалась сфера их деятельности в пользу традиционного судопроизводства.

Недовольство в стране стало всеобщим, когда М. Зия-уль-Хак, назначив всеобщие выборы на 16 ноября 1988 г., объявил, что они пройдут на непартийной основе. Широким было требование об отставке сформированных президентом кабинетов министров в центре и в провинциях. Чувствительный удар получил он со стороны высшего судебного органа, который в ответ на петицию Беназир Бхутто признал законным право политических партий участвовать в выборах. Тяжелое впечатление на жителей страны произвела гибель многих людей в результате крупного взрыва 10 апреля склада боеприпасов вблизи Исламабада. Обстановка в стране серьезно ухудшилась после убийства 5 августа шиитского лидера А. Х. Аль-Хусейни.

Заметно ухудшился имидж Пакистана на международной арене. Его основной партнер – Вашингтон – не остался в стороне от критических замечаний в адрес режима М. Зия-уль-Хака. 9 августа американский сенат призвал его к проведению выборов с участием политических партий.

Таким образом, режим М. Зия-уль-Хака оказался в политической изоляции как внутри страны, так и за ее пределами. Большой мастер политического маневра на этот раз не достиг желаемых результатов. Трудно сказать, как бы развивались события в дальнейшем, если бы в их ход не вмешалась трагическая случайность.

17 августа 1988 г., через несколько дней после того, как Пакистан отметил 42-ю годовщину независимости, а сам М. Зия-уль-Хак – свое 64-летие, он погиб в авиационной катастрофе. Та же участь постигла и летевшую с ним группу высокопоставленных армейских чинов во главе с председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом А.А. Рахман Ханом, а также посла США в Пакистане А. Раффела и руководителя американской военной миссии генерала Н. Вассома. Вместе с экипажем число жертв составило 30 человек. Вся группа возвращалась с полевых испытаний американского танка М-1, большую партию которых президент намеревался закупить у США. Немало версий было выдвинуто для объяснения причин гибели президентского самолета⁵⁷. Фигурировали и несчастный случай, и технические неполадки, и поражение ракетой; в конечном итоге утвердилось мнение о диверсии. Были обвинения в причастности к катастрофе «внешних сил» – спецслужб США, Индии, Афганистана, СССР

и Израиля (последний хотел тем самым остановить развитие ракетно-ядерной программы Пакистана). Подозревались и «силы внутренние», в их числе называли и военных, недовольных не столько политикой генерала, сколько тем, что он «засиделся» на высшей командной должности и таким образом препятствовал карьерному росту других представителей армейских верхов. Существовала версия о террористическом акте со стороны шиитов, недовольных политикой исламизации на основе суннитских принципов, а также их мести за убийство своего лидера А.Х. Хусейни. В этом случае возникали подозрения относительно «иранского следа»; отмечали также, что в пакистанских ВВС довольно много военнослужащих-шиитов. Тем не менее причина гибели пакистанского президента остается тайной, и весьма сомнительно, что она будет когда-нибудь раскрыта.

Смерть М. Зия-уль-Хака положила начало новому этапу развития страны. В занявший несколько месяцев переходный период от военно-авторитарного управления к гражданской конституционно-демократической системе происходил демонтаж прежних структур. Следует, однако, заметить, что активную роль в этом процессе играло руководство вооруженных сил. Уже в день гибели М. Зия-уль-Хака (даже до официального объявления об этом) в генеральном штабе собрались руководители трех родов войск и приняли решение предложить председателю Сената Гулам Исхак Хану возложить на себя исполнение обязанностей главы государства. Заметим, что фактически такого демарша военных и не требовалось, так как Конституция предусматривает именно этот вариант в случае прекращения деятельности избранного президента.

Уже 18 августа Г. Исхак Хан был приведен к присяге в качестве исполняющего обязанности главы государства. Он ввел в стране чрезвычайное положение и образовал Совет из нескольких членов центрального правительства, главных министров провинций и начальников штабов трех родов войск. Заместитель начальника штаба армии генерал Мирза Аслам Бег занял освобожденный пост руководителя этого высшего армейского органа. Он неоднократно выступал с заявлениями, что армия будет стоять «вне политики» и что единственной ее целью является защита «целостности и безопасности государства». В своем первом обращении к народу Г. Исхак Хан заявил, что несмотря на введение чрезвычайного положения, Конституция будет продолжать дей-

ствовать и «демократический процесс не приостановится». Он подтвердил неизменность сроков всеобщих выборов и назначил избрание президента на середину декабря 1988 г.⁵⁸

Чрезвычайно важным было решение Верховного суда 5 октября, объявившее незаконной акцию М. Зия-уль-Хака от 29 мая, а непартийные выборы противоречащими Конституции. В соответствии с этим решением высшей судебной инстанции страны, теряли силу все опубликованные после 29 мая декреты президента, в том числе о введении шариата, образовании центрального и провинциальных правительств, роспуске высших представительных органов и др. Другими словами, восстановлению подлежали распущенные М. Зия-уль-Хаком Национальное и провинциальные законодательные собрания, кабинеты министров в центре и провинциях. Их деятельность простиралась на весь оставшийся период пятилетнего срока функционирования, то есть до начала 1990 г. В таком случае автоматически откладывались долгожданные выборы с участием политических партий. Нетрудно было также представить, какие организационные трудности и просто неразбериха ожидали страну в случае реанимации уже не существовавших структур и институтов. Поэтому вполне разумным была предложенная Верховным судом альтернатива – проведение «свободных, беспристрастных и справедливых выборов на партийной основе» в уже установленные сроки⁵⁹.

Оставшееся до всеобщих выборов время было сложным и напряженным. Произошли массовые межэтнические столкновения в Карачи и Хайдерабаде. Но главным фокусом политической жизни были, конечно, подготовка к выборам и жесткая борьба между многочисленными партиями и организациями. Важным событием был самороспуск ДВД, о чем было объявлено 19 октября. Шаг этот мотивировался тем, что основные цели, которые стояли перед ним – отмена военного режима и проведение всеобщих выборов на партийной основе, – достигнуты, и, таким образом, дальнейшее существование блока нецелесообразно. Глубинной же причиной роспуска ДВД явилось его несоответствие новой политической обстановке. После бурных событий последних лет произошла перестановка борющихся сил в соответствии с новыми реалиями. Изменившаяся ситуация требовала новых политических конфигураций, новых политических блоков и коалиций. Именно этот процесс и происходил весьма интенсивно

накануне выборов. Из всей бурной политической деятельности этого периода, сопровождавшейся тонкими маневрами и сложными хитросплетениями, может отметить два момента.

Один из них – это то, что возникшие реалии существенно меняли цели, требования, критерии и акценты новых партийных организаций. Результатом чего явилось пребывание в них прежних союзников и противников. Другой, более существенный момент состоял в том, что среди всего многообразия политических противоречий и их партийных носителей возникло основное противостояние двух главных политических сил – ПНП и Мусульманской лиги и их руководителей – Беназир Бхутто и М.М. Наваз Шарифа. В определенном смысле, здесь зародилась будущая двухпартийная система (к сожалению, просуществовавшая недолго).

ПНП выступала на выборах самостоятельно. Основной и последовательный противник военного режима, она располагала тогда поддержкой значительной части населения. Партией руководила динамичная Б. Бхутто, немало лично пострадавшая во времена Зия-уль-Хака (после возвращения в страну в 1985 г. она постоянно подвергалась репрессиям со стороны властей). И наконец, успеху партии содействовал авторитет ее основателя – З.А. Бхутто, вокруг имени которого сохранялся ореол мученика.

Мусульманская лига не располагала в то время такими «козырями». Поэтому она решила создать под своей эгидой партийную коалицию Исламский демократический альянс (ИДА). Кроме Мусульманской лиги, в него вошли ДУИ, ДИ и несколько других партий и организаций. Своим основным оружием руководство ИДА избрало религию.

Прошедшие в ноябре 1988 г. всеобщие выборы означали окончание переходного периода. Они подвели черту под временем правления военно-бюрократического режима и знаменовали начало действия парламентско-демократической системы.

Внешняя политика режима М. Зия-уль-Хака

Внешняя политика Пакистана определялась, как и в прошлые годы, его внутренним курсом и событиями на международной арене; сильным было обратное воздействие внешнеполитического курса государства на его внутренние процессы. Последний тезис наиболее ярко иллюстрируется событиями, связанными с

афганской проблемой. Линия внутри страны на максимальное развитие частного предпринимательства и рыночных отношений, ограничение государственного сектора во внешней сфере проявлялись в активном привлечении иностранного капитала, особенно частного, расширении деятельности в стране ТНК. Естественно, этот курс вел к преимущественному развитию торгово-экономических и военно-политических связей с иностранными донорами, то есть прежде всего со странами Запада и богатыми мусульманскими странами Ближнего Востока. Разумеется, в последнем случае большим стимулом расширения сотрудничества явилась исламизация пакистанского общества.

Следует иметь в виду, что существенные изменения внешне-политического курса Пакистана произошли не сразу после установления военного режима. Объяснялось это тем, что не сразу сформировались основные направления внутреннего курса, а на международной арене ситуация оставалась в основном такой же, какой была в предшествующий период. США по-прежнему не проявляли большой заинтересованности в Пакистане. В Юго-Западной Азии их опорой был шахский режим, в Южной Азии вашингтонская администрация демократической партии традиционно ориентировалась на Индию. В эти годы Вашингтон продолжал демонстрировать на примере Пакистана свою принципиальность в вопросах нераспространения оружия и гражданских прав (осенью 1978 г. США приостановили, а затем и прекратили свою помощь Пакистану по обвинению его в развитии ядерной военной программы и нарушении прав человека).

Для Пакистана как освободившегося государства всегда было свойственно стремление к самостоятельности, подлинной независимости. Поэтому объективно он был заинтересован в широком союзе и всестороннем сотрудничестве со странами, выступающими против империализма и неокOLONиализма. Именно эта тенденция порождала позитивные элементы во внешнеполитическом курсе Пакистана. Эти элементы имели место и в данный период. Однако в большей мере они проявились в начале правления режима М. Зия-уль-Хака. Именно в это время Пакистан окончательно порвал с блоковой политикой и в сентябре 1979 г. вступил в Движение неприсоединения. По ряду проблем современности позиция Пакистана совпадала с мнением подавляющего большинства освободившихся стран. Продолжался процесс развития

отношений с Индией. Нормальными были отношения Пакистана с СССР и другими социалистическими странами. Благожелательной была позиция Исламабада относительно возникновения Демократической Республики Афганистан (ДРА), правительство которой Пакистан признал через несколько дней после «саурской революции» (27 апреля 1978 г.).

Внешняя политика Исламабада существенно изменилась с конца 1979 г., то есть после ввода советских войск и установления режима Б. Кармаля. К этому времени правительство М. Зия-уль-Хака окончательно взяло курс на длительное сохранение режима, на отказ от проведения выборов; в стране была запрещена вся политическая деятельность, усилился репрессивный характер действий властей. Началась исламизация общества.

Примерно тогда же произошли серьезные перемены на мировой арене. После свержения шахского режима в Иране и событий в Афганистане резко возросла военная деятельность США в Юго-Западной Азии. Средний Восток был объявлен областью «особых интересов» США, а район Персидского залива – сферой их «жизненных интересов». Было создано американское центральное командование (СЕНТКОМ), в сферу действия которого входил район, простирающийся от Северной Африки и Ближнего Востока через зону Персидского залива до Ирана, Афганистана и Пакистана. Вашингтон, забыв свои прежние декларации о нарушении прав человека в Пакистане и развития там ядерной программы в военных целях, начал осуществлять масштабные поставки военно- и финансово-экономических ресурсов и материалов. Этому примеру последовали многие западные державы. Укрепились связи Исламабада с консервативными мусульманскими режимами.

В свою очередь, Пакистан стал больше действовать в фарватере политики этих стран. Он стал выполнять некоторые прежние полицейские функции Ирана в Юго-Западной Азии. Территория Пакистана стала основным плацдармом для деятельности сил, враждебных кабульскому правительству. На международной арене Исламабад стал одним из основных инициаторов действий, направленных против ДРА. В этой сфере Пакистан стремился выступать как представителя всего исламского мира.

Позиция Пакистана в отношении ДРА негативно сказывалась на его отношениях с СССР. В официальных заявлениях пакистанских руководителей звучали антисоветские мотивы, содержались

утверждения об «угрозе Пакистану со стороны СССР и ДРА». В отношении Советского Союза был проведен ряд недружественных акций. Понимая, однако, роль этой державы и будучи заинтересованными в сотрудничестве с ним, исламабадские руководители стремились к развитию связей с СССР и другими социалистическими странами. Проводились в жизнь все имевшиеся договоренности. При помощи СССР продолжалось строительство крупного металлургического завода близ Карачи (который официально был сдан на проектную мощность 15 января 1985 г.). В 1978 г. вступил в строй построенный при содействии Румынии нефтеперегонный завод.

Между Пакистаном и социалистическими странами развивались дипломатические контакты, происходили взаимные визиты государственных деятелей. Москву несколько раз посетил пакистанский президент, члены правительства, советник главы государства по иностранным делам. Развивались торговые и технико-экономические связи. Вырос товарооборот Пакистана с СССР, европейскими социалистическими странами, КНДР. Соцстраны предоставили Пакистану ряд займов и кредитов⁶⁰. Были подписаны соглашения о развитии культурных, научных и спортивных связей.

Замедлился процесс пакистано-индийских отношений, который сопровождался всякого рода спорами и враждебными акциями, попытками свалить друг на друга вину за собственные внутренние беспорядки. Исламабад настойчиво выносил на международные форумы кашмирский вопрос. Он также стремился использовать внутренние трудности Индии, особенно острую для нее тогда сикхскую проблему. Пакистан пытался осложнить международные позиции Индии, выдвигая весьма притягательные для мирового сообщества предложения о совместных действиях, которые были выгодны пакистанской стороне, но неприемлемы по ряду причин для Индии (например, подписание двустороннего договора об отказе от ядерного оружия).

В то же время Пакистан прекрасно понимал роль и значение отношений со своим великим соседом. В Исламабаде помнили, какие последствия имели для страны и ее руководителей конфронтация и вооруженные столкновения с Индией. В конкретной обстановке того времени для Пакистана также крайне важным было отношение к нему, недавно вступившему в движение

неприсоединения, Индии – одного из лидеров этого движения. Поэтому пакистанское руководство внимательно следило за тем, чтобы состояние отношений с соседней страной не приблизилось к опасной черте, за которой могли бы иметь место самые неблагоприятные последствия. Развитию взаимоотношений между Индией и Пакистаном содействовала также нормализация китайско-индийских отношений. Между Пакистаном и Индией имели место различные контакты, происходили переговоры по широкому кругу вопросов (например, по пограничным проблемам осенью 1987 г.). В марте 1983 г. была создана совместная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Уже отмечалось появление в тот период «крикетной дипломатии». В ноябре 1984 г. пакистанский президент принял участие в церемонии похорон Индиры Ганди. В феврале 1987 г. состоялась его встреча с премьер-министром Индии Радживом Ганди. В целом пакистано-индийские отношения складывались весьма сложно. Затрагивали они главным образом политико-дипломатическую сферу и не подкреплялись расширением торгово-экономических связей.

Смена правящего режима в Иране вызвала охлаждение отношений между двумя соседними странами. Тегеран рассматривал власти в Пакистане как проводника американского влияния в регионе. Исламабад, в свою очередь, испытывал опасения относительно связей между шиитской общиной Пакистана и режимом Р.М. Хомейни, который провозгласил намерение всемерно содействовать «исламской революции» (иранского образца) в других мусульманских странах⁶¹. Однако в дальнейшем произошло заметное сближение обоих государств. Существенным фактором этого изменения стало совпадение позиции Исламабада и Тегерана по афганской проблеме и их полная поддержка муджахедов. В дальнейшем Пакистан играл важную роль в посреднических усилиях Организации исламская конференция (ОИК) по прекращению ирано-иракской войны. Иран наращивал поставки в Пакистан жидкого топлива. Быстрыми темпами росла торговля. Развивались двусторонние политические контакты.

В самом начале существования военного пакистанского правительства китайская сторона не проявляла большой активности в развитии двусторонних отношений с Пакистаном. Объяснялось это настороженностью Пекина, вызванной смещением «архитек-

тора» пакистано-китайского сотрудничества З.А. Бхутто, а также сосредоточением своего внимания на процессе происходившей в это время перестройки политики Китая в Южной Азии и нормализации отношений с Индией. Пакистанская сторона прилагала максимум усилий по активизации китайской стороны⁶².

Вскоре это и произошло. Пекин убедился, что М. Зия-уль-Хак в отношении Китая ничем не отличается от своего предшественника. Новая китайская политика в Южной Азии традиционно проводилась так, чтобы не оттолкнуть старого союзника. Китай избегал вовлечения в споры между Пакистаном и Индией, занимал нейтральную позицию относительно пакистано-индийских разногласий, провозглашал свою заинтересованность в нормализации отношений между двумя южноазиатскими государствами. В некоторых вопросах Китай поддерживал своего давнего союзника, например, он одобрительно относился к пакистанской ядерной программе в целях восстановления «баланса сил» с Индией. Со своей стороны, Пакистан поддерживал Китай по многим международным проблемам, особенно весьма острым в то время для КНР вопросам, связанным с ситуацией в Юго-Восточной Азии (например, по «кампучийской проблеме»). Важным в укреплении партнерских отношений между Пакистаном и КНР было совпадение их позиций по «афганскому вопросу» (при наличии некоторых расхождений)⁶³.

Развитие двустороннего пакистано-китайского сотрудничества проявлялось в многочисленных взаимных визитах государственных и общественно-политических деятелей, представителей науки, культуры, системы образования и спорта. Дважды Китай посетил президент М. Зия-уль-Хак. Имел место визит в Пекин пакистанского премьер-министра М. Х. Джунеджо. Также происходили поездки в Пакистан высоких китайских государственных, политических и военных руководителей. Свой первый зарубежный визит председатель КНР Ли Сяньнянь совершил в Пакистан в марте 1984 г. Ранее состоялись посещения Пакистана премьером Государственного совета Чжао Цзяньном и министром иностранных дел У Сюэцяном. В результате происходило регулярное обсуждение актуальных международных проблем и вопросов двустороннего сотрудничества. Между двумя странами развивались торгово-экономические, военные и культурные связи, рос товарооборот. В Пакистане строились грузовые суда для Китая.

Расширялся созданный с китайской помощью комплекс военных предприятий в г. Вах. На базе завода тяжелого машиностроения в г. Таксила было сооружено предприятие по ремонту и сборке танков и самолетов. 27 апреля 1982 г. состоялось официальное открытие высокогорного Каракорумского шоссе между двумя соседними странами. Для Исламабада крайне важным было содействие Китая развитию пакистанской ядерной энергетики. В этом смысле следует отметить соглашение от 18 сентября 1986 г. о сотрудничестве обоих государств в «мирном использовании атомной энергии».

Широкое сотрудничество с КНР укрепляло внешнеполитическое положение Пакистана, осложнившееся в связи с его участием в афганской трагедии и отразившееся на его отношениях с социалистическими странами и Индией. Китайской стороне сотрудничество с Пакистаном давало возможность воздействовать на развитие международной обстановки в Южной Азии и на Среднем Востоке. Важно отметить, что росту пакистано-китайского партнерства не препятствовала активизация военно-политического сотрудничества Пакистана с США. Помимо начавшегося изменения характера американо-китайских отношений, весомым фактором в отмеченном выше обстоятельстве явилось совпадение позиций трех стран в отношении известных афганских событий.

Вообще не будет преувеличением сказать, что вовлеченность Пакистана в афганскую трагедию была главным политическим событием периода правления М. Зия-уль-Хака. Оно не только сыграло решающую роль в деформации системы внешнеполитических отношений Пакистана, но и существенно повлияло на положение внутри страны ⁶⁴.

Пакистанская позиция в отношении афганской проблемы в этот период во многом определялась характером прошлых взаимоотношений двух соседних стран, наличием острых противоречий, корни которых уходят в эпоху колониального владычества в Индии. После завершения завоевания этой страны англичане провели границу между Британской Индией и Афганистаном по так называемой «линии Дюранда», которая разделила проживающие на северо-западе субконтинента пуштунские племена на две примерно равные части. После создания Пакистана «линия Дюранда» превратилась в фактическую границу между двумя соседними государствами. Афганистан всегда был против превраще-

ния этой линии в официально признанную государственную границу. Уже в самом начале накал страстей привел к тому, что Афганистан был единственной страной, проголосовавшей против приема Пакистана в ООН. В дальнейшем острые вспышки неприязни сменялись периодами относительного спокойствия.

Пакистан не выразил какого-либо опасения или недовольства в связи с революционным переворотом в Кабуле 27 апреля 1978 г. В Исламабаде это событие рассматривали как простой передел власти, который позволит достичь с новым афганским руководством благоприятного решения острой проблемы. Достичь этого было решено не путем жесткого давления, а, напротив, миролюбивым отношением и стремлением к взаимовыгодному сотрудничеству. Пакистан очень скоро признал новое правительство и призвал к развитию двусторонних отношений. В сентябре того же года Кабул посетил М. Зия-уль-Хак. Через год состоялась встреча руководителей Пакистана и Афганистана во время работы конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване. Значительными были контакты в других сферах общения.

Видя растущие трудности кабульского режима, Исламабад стал активно склонять его к широкому сотрудничеству на основе признания государственной границы между двумя странами. Пакистан настойчиво демонстрировал искренность своих призывов к развитию отношений и готовность помочь соседу в трудную минуту. Он выразил готовность оказать Афганистану содействие в подготовке технических кадров и направить своих специалистов в различные отрасли промышленности. Вырос объем торговли между двумя странами – в 1978/79 г. он значительно превосходил показатели за предшествующие годы⁶⁵. Трудно сказать, до какой степени пакистанцам, пользуясь крайне тяжелым положением правительства Х. Амина, удалось склонить его к признанию выгодного для Пакистана решения вопроса о государственной границе. По свидетельству некоторых очевидцев событий, в Исламабаде были уверены в успехе⁶⁶. Можно представить раздражение и ярость Исламабада, когда благоприятное для него течение событий оказалось прерванным из-за происшедших в Кабуле в конце декабря 1979 г. государственно-политических перемен и ввода советских войск.

Поведенческая линия Пакистана в отношении Афганистана изменилась коренным образом. Теперь основная задача состояла в максимально жесткой конфронтации с новым кабульским правительством, в широкой и всесторонней поддержке афганской оппозиции, обеспечении ее победы и установлении в стране дружественного для Исламабада режима. В рамках решения этой главной задачи предполагалось урегулирование пуштунской проблемы; в Пакистане надеялись, что решение этой проблемы будет обеспечено с приходом к власти исламистов, для которых приоритетным является мусульманское единство, а не этно-национальные связи. Победа муджахедов означала бы создание прочного тыла в борьбе с основным противником Пакистана – Индией. Наконец, пакистанские руководители осознавали, что именно жесткий курс в отношении Кабула обеспечит им поддержку – политическую и финансово-экономическую – крупных западных и азиатских государств, богатых стран Ближнего Востока.

Пакистан не признал новое афганское правительство во главе с Б. Кармалем и прервал с этим государством дипломатические отношения. Миллионам афганских беженцев было предоставлено политическое убежище. На территории Пакистана были созданы базы и лагеря по подготовке военных формирований афганской оппозиции. Они обеспечивались доставляемым из-за границы оружием. В пакистанском городе Пешаваре обосновались штаб-квартиры основных партий и организаций, выступавших против кабульских властей. Здесь же в феврале 1988 г. оппозицией было создано временное правительство Афганистана. Пакистан стал таким образом главным плацдармом для ведения боевых действий против афганских властей и поддерживавших их советских войск. Использовали этот плацдарм не только афганцы, но и муджахеды из других, главным образом арабских стран, включая известного террориста Усаму бен Ладена.

На международной арене Пакистан стал одним из основных инициаторов действий, направленных против ДРА. В январе 1980 г. Исламабад потребовал срочного созыва Совета Безопасности для обсуждения афганского вопроса. По инициативе Пакистана и Саудовской Аравии в течение месяца была созвана чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения положения в Афганистане. В дальнейшем на ежегодных сессиях ГА ООН пакистанские представители играли первостепенную

роль в принятии резолюций, направленных против кабульского режима. Такую же роль играл Пакистан и в других международных организациях.

Поддерживая афганскую оппозицию в целом, Исламабад в то же время упор делал на фундаменталистскую группировку *Хезбе ислами* (Исламскую партию Афганистана), возглавляемую Г. Хекматьяром. Подобная ориентация совпадала до определенного момента с линией США в афганском вопросе. Для Пакистана было крайне важно то, что данная организация провозглашала превосходство ислама над всеми другими ценностями и в меньшей мере была подвержена националистическим настроениям. Она была идейно родственна ведущей фундаменталистской партии Пакистана *Джамаат-и ислами*, которая играла важную роль в политической жизни Пакистана в период правления М. Зия-уль-Хака. В то время группировка Г. Хекматьяра являлась наиболее значительной военной силой в лагере афганской оппозиции.

Первые годы Исламабад отвергал какие-либо переговоры с Кабулом. Затем он изменил позицию и согласился на переговоры, которые и стали проводиться в Женеве с 1982 г. при посредничестве специального представителя генерального секретаря ООН. Причина изменения прежнего подхода к переговорному процессу состояла в том, что в это время уже начали сказываться негативные последствия «афганского курса» Пакистана, произошли определенные подвижки в мировом общественном мнении, настоятельным стало требование ООН решить проблему путем переговоров.

Первоначально Пакистан стремился свести эти переговоры лишь к достижению соглашения о выводе советских войск из Афганистана. Однако затем принял комплексный характер формулы, включавшей обязательства Пакистана о невмешательстве во внутренние дела своего соседа. Заметим, что перед окончанием переговоров в начале 1988 г. Исламабад попытался оказать давление на Кабул в отношении проблемы государственной границы, поставив ее решение в качестве условия подписания уже готовых документов; но эта попытка не увенчалась успехом.

Женевские соглашения вступили в действие в мае 1988 г. Советская сторона завершила вывод своих войск в феврале 1989 г. Тем самым СССР выполнил обязательства, вытекавшие из заключенного в Женеве международного договора. Пакистан же продолжал оказывать поддержку афганской оппозиции, что было

нарушением принятых им обязательств о прекращении и невозобновлении вмешательства в дела Афганистана. Исламабад продолжал путь к достижению основной цели – приходу к власти в Кабуле муджахедов.

Еще раз следует подчеркнуть исключительно важное влияние, которое имело участие Пакистана в афганских событиях на внешнюю и внутреннюю политику государства. «Афганский фактор» прежде всего способствовал укреплению военного режима, продлению его существования. Официальная пропаганда настойчиво доказывала необходимость сохранения «в условиях чрезвычайной обстановки на Севере» существующих форм государственного управления; указывалось на опасность каких-либо изменений, особенно в виде всеобщих выборов. Политика репрессий осуществлялась под предлогом «интересов нации и безопасности государства в условиях внешней угрозы». Любой вид оппозиционной деятельности характеризовался как «антинародный», «антипатриотический» и т. д. Всякое действие властей оправдывалось «чрезвычайными обстоятельствами, в которых находится государство». Так, резкое повышение военных расходов в бюджете на 1982/83 г. сопровождалось ссылками на «ситуацию, преобладающую на границах Пакистана»⁶⁷. Иностраные финансовые инъекции содействовали укреплению репрессивного аппарата, но не привели к улучшению положения в экономике, в жизненных условиях масс населения. Масштабный приток афганских беженцев создавал для Пакистана острые экономические, политические и экологические проблемы. Одновременно в стране росли наркомания, преступность, экстремизм, межнациональная рознь.

«Афганский фактор» сыграл решающую роль в изменении внешнеполитических позиций и ориентиров Пакистана. Несомненно, положение его на международной арене укрепилось. Линию, которую проводил Исламабад в отношении кабульского режима, поддерживали многие страны, в том числе все великие державы, за исключением СССР, почти все мусульманское сообщество. Пакистан фактически представлял его в международных организациях. По афганской проблеме Пакистан был представителем мусульманского мира в международных организациях. Богатые страны Ближнего и Среднего Востока оказывали Пакистану широкую помощь, особенно в финансово-экономической области. США отказались от репрессивных мер против Пакистана,

сняли все санкции и запреты, и обеспечили ему широкую политическую, экономическую и военную помощь. Совпадение позиций по афганскому вопросу дало толчок дальнейшему усилению пакистано-китайского партнерства.

Были, однако, и серьезные негативы для Исламабада от проводимого им курса. Прежде всего осложнились его отношения с СССР, другими социалистическими странами, а также с Индией. Последнее обстоятельство особенно препятствовало укреплению его положения в движении неприсоединения. Несколько ослабла внешнеполитическая самостоятельность Пакистана, поскольку она оказалась в определенной зависимости от США, Китая и арабского мира. Их благожелательность к Пакистану носила временный характер. Особенно это проявилось в американской политике: Вашингтон вновь потерял интерес к Пакистану. Его политика в отношении этой страны приобрела прежнюю жесткость; против него были введены суровые санкции за развитие военной ядерной программы и нарушение прав человека. Арабские союзники Пакистана не поступили так, как США. Но и они ослабили внимание к нему после падения кабульского режима, тем более что это внимание было приковано к более важным для них событиям на Ближнем Востоке и ирано-иракской войне. И только Китай сохранил свой «пакистанский» курс, поскольку он во многом определялся более широким набором причинных факторов.

* * *

Подводя краткие итоги правления М. Зия-уль-Хака, следует отметить два фактора. Его военный режим был третьим по счету и действовал уже в иных, менее благоприятных условиях, чем два предшествующих. Это вынуждало диктатора принимать во внимание новые реалии, приспосабливаться к ним, что обусловило широкое сочетание жесткого, репрессивного курса с усиленным маневрированием в социально-политической сфере. Этот опыт оказался полезным для следующего военного правителя, естественно, с дальнейшей его модификацией в еще более ухудшившихся условиях для существования открытой диктатуры.

При М. Зия-уль-Хаке был отработан механизм перехода военной диктатуры в форму гражданского авторитаризма. Главными характеристиками этого процесса явились сохранение в руках Президента поста руководителя армии, широкое внедрение военнослужащих в аппарат управления и проведения референдума,

в результате которого пост главы государства сохранялся в руках самоназначенного президента. Напомним, что и референдум, и всеобщие выборы проходили до отмены военного положения.

И еще одна особенность. Военный и авторитарный режимы в конце концов были заменены гражданской конституционно-парламентской формой правления. Процесс развития демократических структур в период «просвета» между двумя диктатурами был очень сложным, трудным и в общем неудачным. И большая «заслуга» в этом принадлежит наследию режима М. Зия-уль-Хака.

В течение довольно длительного периода усердно вытаптывались и без того хилые «ростки демократии». Не действовали представительные органы, не проводились выборы, в такой обстановке не мог соблюдаться основной принцип парламентской демократии – принцип разделения властей. Запрещена была политическая деятельность, серьезно затруднялось функционирование политических партий и общественных организаций, не соблюдались права человека и т. д.

Еще больше возросла роль армии, ее воздействие на все стороны жизнедеятельности государства. Исламизация возрождала средневековые понятия и воззрения, усиливала раскол мусульманской общины и противоречия между ее различными школами и сектами. Возвышение Панджаба вызывало недовольство других провинций и вело к росту центробежных сил. Большим препятствием на пути конституционно-демократического развития явилась пресловутая «восьмая поправка» Основного закона, которая наделила главу государства широкими полномочиями и дала ему право распускать высшие законодательные органы страны и увольнять правительства. Суровые репрессии, безнаказанность и своеволие властей, страх простых людей и прочие «прелести», характерные для диктаторских режимов, содействовали созданию в пакистанском обществе негативных стереотипов поведения – конформизма, недоверия, лжи, равнодушия, фанатизма. Наркомания и преступность довершали эту печальную картину результатов продолжительного существования диктатуры.

И наконец, курс режима М. Зия-уль-Хака в отношении Афганистана, ориентация на исламистские силы этой страны запрограммировали отношения между Пакистаном и Афганистаном на довольно длительный период. И все пакистанские правительства

времен «демократического перерыва» между военными диктатурами помогали самым реакционным и экстремистским силам в Афганистане, содействовали их росту и укреплению. Это самым отрицательным образом сказывалось на внутреннем и международном положении Пакистана, способствовало росту в стране религиозного экстремизма и терроризма.

Такое наследие оставил режим М. Зия-уль-Хака новому поколению. И оно еще долго мешало ему следовать своим путем, деформируя и искажая его.

ПЕРИОД ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ (1988–1999 гг.)

Первое правительство Б. Бхутто

Неожиданная гибель в авиакатастрофе 17 августа 1988 г. президента страны генерала М. Зия-уль-Хака положила конец фактическому управлению страной военными. Правда, с декабря 1985 г. военное положение было отменено, а власть постепенно уходила из рук диктатора. Гражданское правительство во главе с премьер-министром М.Х. Джунеджо оказывало возрастающее влияние на принятие внутри- и внешнеполитических решений. 14 апреля 1988 г. Джунеджо подписал от имени Пакистана Женевские соглашения по урегулированию афганского кризиса. Несколько позднее близ Исламабада, в местечке Оджхри, взорвался крупный склад оружия и боеприпасов. Взрыв был такой силы, что его хорошо слышали в столице. Успешный и нераскрытый акт диверсии был особенно болезненным ударом по президенту и его окружению, так как оружейный склад принадлежал Объединенной войсковой разведке (ОВР; Inter-Service Intelligence, ISI) и использовался для снабжения амуницией и вооружением афганских муджахедов¹.

Надежды части общественности и политических кругов на то, что процесс демократизации, начатый в 1985 г., носит необратимый характер, были опрокинуты объявленным 29 мая решением Зия уль-Хака отправить правительство в отставку, распустить парламент и провести новые выборы в него вновь на непартийной основе. Хотя общество привычно подчинилось диктатору, его отчуждение от власти возросло. Пакистан замер в ожидании следующих кризисов, под вопрос было поставлено выполнение договоренностей, достигнутых в Женеве. Смерть Зия (вместе с ним в военно-транспортном самолете С-130 погибли начальник объединенного штаба вооруженных сил генерал А.Р. Хан и посол

США в Пакистане А. Раффел) открыла путь для выхода из тупика. Как саркастически утверждала по свежим следам газета «Доон», она обеспечила Зия «достойный» путь ухода из политики² и предоставила шанс военным дистанцироваться от нее.

В отличие от 1969 г. на смену одному военному режиму не пришел другой. Ставший из заместителя начальника штаба армии его руководителем генерал М. Аслам Бег, по согласованию с другими военными, дал возможность председателю сената Г. Исхак Хану занять (в соответствии с конституцией) пост президента. Решение Зия-уль-Хака о роспуске парламента было признано Высшим судом Панджаба незаконным. Назначенные на ноябрь выборы не отменялись, но проводиться они должны были с участием партий.

Основным претендентом на победу считалась Пакистанская народная партия (ПНП) во главе с Беназир Бхутто. Из всех политических сил она была самой организованной на тот момент и привлекательной для недовольных военным режимом людей. Военные пошли на риск победы ПНП, но постарались укрепить позиции ее противников. В Пакистане сложилось твердое мнение, что руководство армии, в частности ОВР, было причастно к образованию блока партий под названием Исламский демократический альянс (ИДА; *Ислами джумхури иттеhad*) и всячески способствовало укреплению его позиций на выборах и после них³. Основу ИДА составила Пакистанская мусульманская лига, к руководству которой на смену М.Х. Джунеджо (крупного помещика из Синда) пришел Миан Наваз Шариф, молодой представитель семьи ведущих панджабских промышленников.

Победа партии Б. Бхутто на выборах 24 ноября 1988 г. была предсказуемой, но далеко не полной. Впрочем, в Национальном собрании (нижней палате федерального законодательного органа) она получила 48 % мест, а голосовало за нее 39 % избирателей. Хуже обстояли дела для ПНП на выборах в провинциальные ассамблеи. Если на выборах в Синде (родной для Бхутто провинции) партия получила 90 % мест, то в крупнейшей провинции Панджаб она проиграла ИДА. Лишь в коалиции с местными партиями ПНП смогла сформировать правительства в двух «малых» провинциях – Северо-Западной пограничной и Белуджистане.

В результате послевыборных маневров образовавшимся центрам силы и влияния удалось достичь компромисса. Б. Бхутто

поддержала Г. Исхак Хана на выборах президента (его, согласно действовавшим конституционным нормам, избирали депутаты обеих палат парламента и провинциальных законодательных собраний). Она также согласилась сохранить пост министра иностранных дел за выдвиженцем Зия-уль-Хака известным дипломатом, генералом в отставке С. Якуб Ханом. При этом было заявлено, что это делается для обеспечения преемственности во внешней политике, в первую очередь в отношении Афганистана.

Приведенное к присяге в декабре 1988 г. правительство Б. Бхутто просуществовало всего полтора года. Оно было первым кабинетом министров в мусульманской стране, который возглавила женщина. Беназир, получившая современное образование в Англии и США, хорошо владеющая английским языком и прекрасно знакомая с жизнью на Западе, тем не менее всячески подчеркивала соблюдение ею традиционных обычаев и правил приличия. Семья продолжала занимать значительное место в ее жизни, а в январе 1990 г. премьер-министр дала жизнь своему второму сыну. Впрочем, семья доставляла ей не только радости, но и политические заботы. Выйдя замуж за представителя богатого и известного в Синде землевладельческого клана Зардари, она столкнулась с критикой закулисных действий своего супруга, Асифа Али, с обвинениями в том, что он использует свое влияние в целях обогащения (за ним закрепилось прозвище «мистер 10 процентов»). Вне подозрений оставалась ее мать Нусрат, вдова З.А. Бхутто, но ее назначение на ведущий пост в кабинете министров подчеркивало клановость новой исполнительной власти.

Ослабляли положение правительства характерные для Пакистана межэтнические противоречия. Главным их центром во второй половине 1980-х годов стал крупнейший город Карачи. Там под воздействием войны в Афганистане образовалась крупная община беженцев-афганцев, главным образом пуштунов. Одновременно с афганцами в пригородные районы многомиллионного города переселились их соплеменники, пуштуны из СЗПП (отчасти направлявшиеся оттуда в поисках работы на Ближний Восток), а также панджабцы из бедных, прежде всего северо-западных округов провинции. Все это создало конкуренцию на рынке неквалифицированного труда и вызвало трения между афганцами, пуштунами и панджабцами, с одной стороны, и мухаджирами,

которые считали себя давними и потомственными жителями мегаполиса.

Конфликты на экономической и бытовой почве переросли в политические. В среде мухаджиров образовалась партия *Мухаджир кауми мувмент* (МКМ, Национальное движение мухаджиров) во главе с бывшим студенческим лидером, красноречивым и авторитарным политиком Алтаф Хуссейном⁴. Противники мухаджиров объединились в свои политические группировки, но значительный численный перевес урдуязычных мухаджиров позволил МКМ одержать на выборах 1988 г. убедительную победу в борьбе за места от Карачи и других крупных городов Синда (Хайде-рабада, Суккура).

В ноябре 1988 г. МКМ выступала как союзница Пакистанской народной партии и в течение 10 месяцев действовала заодно с правящей партией как на федеральном уровне, так и в провинции. Однако отношения между союзниками постепенно осложнились. Одним из спорных стал вопрос о репатриации мухаджиров, так называемых *бихари*, из Бангладеш (предместий Дакки, где они с начала 1970-х годов находились в лагерях для беженцев) в Пакистан с предоставлением им возможности поселиться в Синде. Против этого активно выступили не только панджабцы и пуштуны, но и синдхи, представители коренного населения провинции, опасавшиеся дальнейшего роста численности мухаджиров и успеха их усилий по созданию отдельной *субы* (провинции). Идеология МКМ действительно основывалась на требовании признать мухаджиров пятой основной национальностью страны и отведения ей как минимум города Карачи. Другие требования МКМ состояли в повышении квот для мухаджиров при наборе в чиновный аппарат провинции и центра и также вступали в прямое противоречие с интересами синдхов⁵.

Усиление синдхских националистических настроений в правящей партии и вне ее не могло не учитываться центральным правительством. Оно опасалось за свою популярность в синдской глубинке и радикализации обстановки в провинции под влиянием националистов из Синдского национального альянса и Движения «да здравствует Синд» (*Джсийе Синдх махаз*) во главе с ветераном синдхского национального движения Г.М. Саедом⁶.

В октябре 1989 г. МКМ объявила о разрыве союза с ПНП и блокировалась с Исламским демократическим альянсом в попытке

вынесения правительству вотума недоверия. Однако на состоявшемся 1 ноября голосовании оппозиция не набрала необходимого числа голосов. Кабинет Б. Бхутто продолжал функционировать, сталкиваясь с серьезными трудностями.

Среди них – резкое обострение ситуации с законностью и порядком. Это явление затронуло опять-таки в первую очередь Карачи и Синд и получило название разгула *дакойтов* (англо-индийское слово для обозначения разбойников, организованных в банды). Синдские дакойты действовали в городах, скрываясь по завершении операции в сельской местности. По заказу главарей и покровителей они похищали богатых людей и членов их семей, требуя за освобождение огромный выкуп. Их действия нанесли серьезный удар по бизнесу и предпринимательской активности в Карачи и Синде. На фондовой бирже наблюдалось падение котировок, снижение капитализации ведущих компаний. Непокойная обстановка, угроза потери жизни и собственности заставили многих промышленников и бизнесменов бежать из Карачи, переводить средства за границу, либо искать приложения своему капиталу на севере страны, в Панджабе, главным образом близ Лахора и столичного округа Исламабад⁷.

Нужно отметить, что победа партии Б. Бхутто на выборах и ее избрание премьер-министром изрядно напугали представителей крупного частного капитала. Они хорошо помнили проводившуюся ее отцом политику национализации и боялись повторения прежнего опыта. Б. Бхутто пришлось потратить немало усилий, убеждая промышленников и банкиров, что у нее нет намерений прибегать к национализации. Времена изменились, говорила она, и хотя в программе ее партии по-прежнему уделялось много внимания борьбе с бедностью и социальной несправедливостью, но методы достижения этих целей совсем другие. Правительство Бхутто заявило о планах приватизации взятой в государственный сектор собственности, хотя и не предприняло каких-либо заметных шагов в этом направлении. Сказались как краткость пребывания у власти первого кабинета во главе с ней, так и сохранявшееся недоверие со стороны частного капитала.

Между тем экономическое положение в стране к концу 1988 г. резко ухудшилось: ускорились темпы инфляции, бюджетный дефицит достиг 8,5 % ВВП, дефицит текущего платежного баланса – 4,3 %, выплаты по внешнему долгу увеличились до 28 % объема

экспортных поступлений, а валютные резервы сократились до 438 млн. долл., что было достаточно для оплаты импорта менее чем в течение трех недель⁸.

Выполняя согласованную с МВФ и Всемирным банком стабилизационную программу, рассчитанную на использование предоставленных этими организациями кредитов на сумму в 1,2 млрд. долл., администрация добилась на первых порах определенных успехов. Однако развить их не удалось во многом из-за внешних для экономики обстоятельств – сильных наводнений и ухудшения условий внешней торговли. Завершение программы пришлось отодвинуть на более поздние сроки.

Хотя деятельность правительства Б. Бхутто проходила в обстановке финансового кризиса, сам по себе он не мог подорвать его жизнеспособность. Для этого потребовались другие внутри- и внешнеполитические моменты, часть из которых уже отмечена выше. Стоит указать и на своеобразие самой конфигурации власти, сложившейся после гибели Зия-уль-Хака. Одновременно с выбранным населением парламентом и опиравшимся на него кабинетом министров властью реально располагали еще два института – высшая гражданская бюрократия в лице президента и его окружения, и армия, от имени которой выступал генералитет во главе с начальником штаба сухопутных войск. Образовался, таким образом, властный треугольник, – «тройка», так его называли многие авторы, используя заимствованное из русского лексикона слово, имеющее, правда, иной смысловой оттенок.

Тройственность власти была наследием зияульхаковских времен. Она явилась результатом принятия парламентом 8-й поправки к конституции, которая давала большие права президенту, делала его самостоятельным игроком на политическом поле (о поправке см. выше в главе 5), а также сохранения такого положения, когда армия обладает правом вето и выступает третьей стороной в случае разногласий между двумя другими институтами власти. Эта своеобразная система функционировала вплоть до 1998 г. и была вскоре после военного переворота 1999 г. во многом восстановлена (институты бюрократии и армии слились в один). Засилье бюрократии знаменует характерную для политического строя современного Пакистана ущербность, ограниченность демократии, не перечеркивая вместе с тем некоторые ее позитивные аспекты.

К ним можно отнести самостоятельность судов, свободу слова и печати, собраний, политической и общественной деятельности. Придя к власти, правительство Б. Бхутто отменило чрезвычайное положение и распустило чрезвычайный совет, сняло запрет с деятельности студенческих и профессиональных союзов, освободило политических заключенных, осужденных военными трибуналами в правление Зия-уль-Хака ⁹.

В то же время, столкнувшись с разгулом беззакония в Синде, чередой межэтнических погромов и кровопролитных столкновений между студенческими организациями, оно уже в начале 1989 г. было вынуждено прибегнуть для наведения порядка к использованию полувоенных формирований, призванных усилить местную полицию, а затем и к помощи армии. Весной 1990 г. в Карачи разместили армейский контингент в 15 тыс. человек ¹⁰.

Весьма сложно для правительства Б. Бхутто складывалась и ситуация в области внешней политики. Первая проблема, с которой оно столкнулось, стала афганская. Вывод советских войск из Афганистана был наполовину завершен еще к августу 1988 г. Однако полной уверенности в окончательности решения Москвы у Исламабада не было. Поэтому там проявляли осторожность как до, так и после приведения к присяге в конце года нового правительства. Оставшийся министром иностранных дел С. Якуб Хан стремился не мешать выполнению договоренностей, достигнутых в Женеве. Он, по-видимому, оказывал сдерживающее влияние на военных, которые отвечали за снабжение и оперативные действия сил афганского сопротивления. После завершения вывода советских войск 15 февраля 1989 г. в Исламабаде решили, что режим в Кабуле обречен и бессилен. В марте началось наступление афганских муджахедов на Джалалабад, ближайший к пакистанской границе крупный город, открывающий путь на Кабул. Однако атака была остановлена и отбита. К маю стал ясен провал планов быстрого свержения «коммунистической», как ее называли, в Пакистане власти в соседней стране. Б. Бхутто воспользовалась этим и сместила с поста руководителя Объединенной войсковой разведки генерал-лейтенанта Х. Гуля. Тот получил назначение из рук Зия-уль-Хака в 1987 г. и считался одним из ястребов в вопросах военно-политической стратегии.

Назначив на пост своего выдвиженца, к тому же отставного генерал-лейтенанта, премьер нанесла ощутимый удар по позициям

и самолюбие военных кругов. Одновременно она пыталась расширить свои возможности во внешнеполитических делах. Очевидным было ее стремление использовать наступившее тогда улучшение отношений между США и СССР для развития контактов с обеими державами.

Для Вашингтона премьер-министр Беназир Бхутто была удобным и надежным партнером, символом победившей демократии и усиления роли женщин на Востоке. Характерно название ее автобиографической книги, вышедшей на английском языке в Лондоне – «Дочь Востока». В июне 1989 г. она совершила официальный визит в США и была с почетом принята американским президентом, другими высшими должностными лицами, выступила в Конгрессе. Стремясь доказать свою полезность военным, премьер особо подчеркивала заслугу в заключении протоколов о продаже Пакистану партии из 60 современных ударных самолетов F-16. Во время визита в США она пропагандировала тезис о том, что вывод советских войск из Афганистана еще не решает афганскую проблему и, следовательно, не лишает Пакистан его первостепенного геополитического значения¹¹.

В отношениях с Москвой подвижек было мало. Стороны еще не определились, что они хотят и что могут получить друг от друга. Между ними по-прежнему стоял Афганистан с неясными перспективами внутренней эволюции. Премьер-министр, по всей видимости, склонялась к необходимости улучшения связей с СССР, но дальше развития контактов в дипломатической и гуманитарной сфере она пойти не могла. Реальная политика на этом направлении определялась военными, среди которых значительной популярностью продолжали пользоваться зияульхаковские идеи обеспечения «стратегической глубины» обороны от Индии путем проецирования силы Пакистана на север, в Афганистан и за его пределы, в Среднюю Азию.

Вместе с тем дух окончания глобальной холодной войны коснулся и Южной Азии. Б. Бхутто воспользовалась им для демонстрации намерения установить более тесные дружественные отношения с Индией. Дебютом ее внешнеполитической деятельности стало участие в четвертом саммите СААРК (Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии), проходившем в декабре 1988 г. в Исламабаде. Она успешно справилась с ролью главы правительства – устроителя мероприятия. Обозре-

ватели отмечали личный контакт, установившийся между ней и премьер-министром Индии Радживом Ганди. Впервые на подобного рода встречах делегации двух государств возглавляли представители молодого поколения политиков, наследники харизмы своих родителей, которые в 1972 г. заключили Симлское соглашение, поставившее точку в череде региональных военных конфликтов. На исламабадском саммите Пакистан и Индия заключили три соглашения, в том числе о ненападении на ядерные объекты друг друга. Достаточно радужными представлялись после этой встречи перспективы решения спора вокруг ледника Сиачин в Кашмире и расширения взаимной торговли¹².

Однако ход событий вскоре внес коррективы в такого рода планы и ожидания. Неудача, которую муджахеды потерпели под Джалалабадом, не уменьшила их стремления захватить контроль над Афганистаном. Опираясь на содействие пакистанских властей, они объявили о создании в Пешаваре временного правительства и приступили к действиям позиционного характера. Следует иметь в виду, что в рядах афганских муджахедов не наблюдалось единства. Острыми оставались расхождения как между ориентирующимися на Пакистан суннитскими организациями (так называемой пешаварской семеркой), так и между ними и шиитскими группами, которых поддерживал Иран.

Между тем сторонники наступательной тактики среди руководителей Пакистана и его вооруженных сил стремились расширить ареал действия исламистских сил. Вывод советских войск из Афганистана давал основание объявить о победе джихада в этой стране и тем самым освободить энергию нескольких тысяч его участников-кашмирцев, то есть тех, кто по происхождению был связан с различными областями бывшего княжества Джамму и Кашмир. Изменение фронта активных действий направляемого из Пакистана джихада с афганского на кашмирское, возможно, произошло в какой-то мере из-за давления американцев, которые не хотели тогда осложнять отношения с Москвой и форсировать события в Афганистане. Тому же содействовала обстановка в индийском штате Джамму и Кашмир, где после фальсификации властями результатов местных выборов 1987 г. накапливалось подспудное недовольство. В начале 1989 г. в «сердце» штата, Кашмирской долине, оно вылилось в серию актов гражданского неповиновения, манифестаций и межобщинных столкновений.

Во второй половине года в штате произошло несколько убийств и похищений людей по политическим мотивам. Среди жертв «кид-нэппинга» в декабре оказалась дочь министра центрального правительства в Дели М.М. Саеда. Один из лидеров действовавшей в Индии подпольной организации Фронт освобождения Джамму и Кашмира, находясь в Пакистане, призвал выпустить из заключения пять активистов Фронта в обмен на ее освобождение. Индийские власти согласились и обмен состоялся. Это было воспринято как проявление слабости и вызвало подъем антиправительственных выступлений в штате. В январе 1990 г. там были распущены представительные органы и введено прямое губернаторское правление. Штат закрыли для посещения журналистами и ввели туда в дополнение к полиции армейские части ¹³.

На фоне этих событий неудивительно, что отношения Пакистана с Индией вместо улучшения резко пошли вниз. Дели обвинил Исламабад в повторении тактики 1965 г., разжигании внутреннего конфликта и пособничестве террористам. Еще в июле 1989 г. Р. Ганди посетил с визитом Исламабад, пытался договориться с Б. Бхутто, но безуспешно ¹⁴. В мае 1990 г. острота в двусторонних отношениях достигла пика. Многие наблюдатели полагали, что государства стояли на грани войны из-за Кашмира, обладая к тому времени, гипотетически, возможностями для производства и использования ядерного оружия ¹⁵. Паническим слухам о возможности войны способствовал доклад помощника советника президента США по национальной безопасности Р.М. Гейтса, который он сделал после посещения Дели и Исламабада ¹⁶. Под давлением США и СССР правительства обоих южноазиатских государств приняли меры для снижения накала риторических выпадов и согласились начать переговоры.

При проведении внешней политики правительство Б. Бхутто, как и предшествующие администрации, опиралось на связи с двумя региональными центрами силы – Китаем, с одной стороны, а отчасти также и Северной Кореей, и мусульманскими странами, в первую очередь Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом, а также Ираном и Турцией. В конце июля 1990 г. Б. Бхутто совершила оказавшуюся для нее несвоевременной поездку по ряду стран Северной Африки и Ближнего Востока. Желая усилить поддержку мусульманскими государствами позиции Исламабада по Кашмиру, она посетила Марокко, Алжир, Бахрейн, Ирак и Кувейт.

В беседе с ней иракский лидер С. Хусейн выступил против возможной агрессии против Пакистана. Столь же благожелательно ее встретили и в Кувейте, где много говорилось о «мусульманской солидарности». Однако не прошло и пары недель после ее турне, как Ирак совершил агрессию против Кувейта, и в течение нескольких дней в начале августа полностью оккупировал его территорию. Агрессия Ирака вызвала значительные жертвы и разрушения, бегство из Кувейта десятков тысяч людей, в том числе работавших там пакистанцев.

Правление кабинета Н. Шарифа

Момент, когда внимание Вашингтона, да и всего мира, не исключая Пакистан, было приковано к начавшейся войне в Заливе, в Исламабаде сочли удобным для отставки правительства Бхутто, роспуска парламента и провинциальных ассамблей и назначения новых выборов. При этом президент Г.И. Хан действовал в соответствии с существующими конституционными нормами, обвинив исполнительную власть в коррупции, nepотизме, неспособности навести порядок в стране и управлять ею. Хотя некоторые из обвинений кажутся не лишенными оснований, внутривполитическая ситуация в августе 1990 г. не была критической, а проведение вторых выборов, менее чем за два года, подрывало авторитет демократических институтов и представительной власти.

На трехмесячный период до проведения выборов президент назначил временный кабинет министров во главе с лидером оппозиции в Национальном собрании Г.М. Джатоем. Он стал четвертым премьер-министром из Синда и, как они, был крупным землевладельцем, представителем одного из ведущих кланов северной части провинции. Джатой начинал в политике как соратник З.А. Бхутто, занимал ряд министерских постов в его кабинете, был главным министром провинции. После восстановления партийной системы создал свою партию, не присоединившись к ПНП.

Время его пребывания на посту главы правительства совпало с набиравшим обороты международным кризисом из-за оккупации Ираком Кувейта. Пакистан традиционно поддерживал тесные связи со всеми государствами Залива, включая Кувейт, а Саудовская Аравия, где нашли приют кувейтский эмир, его двор и

правительство, была одним из главным финансовых доноров Пакистана. Естественные симпатии к Саудовской Аравии и Кувейту делали, казалось бы, легким внешнеполитический выбор для Исламабада. Однако дело осложнялось тем, что с самого начала кризиса в него активно вмешались США. Получив согласие короля Саудовской Аравии Фахда, Вашингтон уже 7 августа начал переброску в Восточную провинцию королевства крупного контингента своих войск, который был поддержан мощной эскадрой из 80 боевых кораблей, включая четыре авианосца. Подключение США к конфликту изменило общественные настроения в мусульманских странах. Тем более что С. Хусейн, искусно играя на них, попытался увязать вызванный им конфликт с палестино-израильским. По его словам, аннексия Кувейта была необходимой мерой, призванной мобилизовать ресурсы «арабской нации» на борьбу с сионизмом. Призвав всех арабов и мусульман начать «джихад» против «американцев и сионистов», он внес раскол в исламский мир. Показательно, что Тегеран, недавний враг иракского режима, сначала заявил о нейтралитете, а затем открыто встал на сторону Багдада.

Соответственно с менявшейся обстановкой изменялись настроения в Пакистане. На первых порах правительство объявило о полной поддержке Кувейта и согласилось направить 5-тысячный контингент в Саудовскую Аравию. В конце сентября Джатой призвал Хусейна вывести свои войска из Кувейта¹⁷. Однако вследствие наращивания вооруженных сил коалиции во главе с США (вместе с Великобританией и Францией в нее вошли Египет, Сирия и ряд других стран), общественное мнение разделилось.

Надо отметить, что война в Персидском заливе тяжело отразилась на экономическом положении Пакистана, прежде всего ввиду прекращения экспорта товаров в Ирак и Кувейт и получения переводов от работавших там пакистанцев. К концу октября в страну возвратились 60 тыс. человек, и еще десятки тысяч вернулись позднее.

Осложнившаяся в результате этого предвыборная кампания протекала нервно. В интервью американской газете «Нью-Йорк Таймс» премьер Джатой признал, что центральным на выборах будет вопрос о том, было ли оправдано смещение правительства Бхутто. Противники обвиняли Беназир в «связях с сионистами» и «сговоре с американцами». Против нее и ее мужа в предвыбор-

ный период были возбуждены несколько уголовных дел. 10 октября Асифа Али Зардари арестовали по обвинению в похищении человека и вымогательстве¹⁸.

Очевидно, что осенью 1990 г. армия, бюрократия и консервативно настроенные политики сплотились, чтобы не допустить победы Пакистанской народной партии на внеочередных выборах. Большое значение, помимо отмеченных фактов давления на общественное мнение, имело блокирование партий, оппозиционных ПНП. Они договорились не отнимать друг у друга голоса избирателей в округах, где с ней предстояла острая борьба. Поэтому, хотя на состоявшихся 24 октября выборах в нижнюю палату парламента партия Бхутто собрала почти такой же процент голосов, как и в 1988 г. (37 против 39), она получила всего 23 % мест. Особенности мажоритарной системы привели к тому, что Исламский демократический альянс, который поддержали те же 37 % избирателей, получил простое большинство мест в парламенте (53 %) ¹⁹.

Наибольшее значение для ИДА имел союз с МКМ, недавним партнером Пакистанской народной партии. Благодаря ему, Альянс стал правящей партией и в Синде. ПНП после выборов должна была уйти в оппозицию и в трех других провинциях. Руководство партии пыталось протестовать, утверждая, что результаты выборов сфальсифицированы, но его протесты не были услышаны. Не только местные, но и международные наблюдатели сочли выборы достаточно честными²⁰. Вместе с тем сомнения в достоверности результатов остались, так как практика подтасовок давно вошла в традицию²¹.

Правительство Пакистана в ноябре 1990 г. возглавил лидер Пакистанской мусульманской лиги, которая составляла основу ИДА, М. Наваз Шариф. От своих предшественников на премьерском посту он отличался тем, что был выходцем из крупнейшей провинции Панджаб и принадлежал не к сельской, а городской элите. Его семья, во главе с отцом Мухаммадом Шарифом, владела рядом крупных предприятий в Лахоре и близ него, в том числе машиностроительной и сталелитейной компанией «Итте-фак фаундриз». Потеряв капитал после ее национализации при З.А. Бхутто, Шарифы уехали из страны в ОАЭ, но с приходом к власти Зия-уль-Хака вернулись и одними из первых получили обратно свою собственность. За 1980-е годы Шарифы сумели на порядок увеличить обороты своей деловой группы (с 10 до 400 млн.

долл. в год), распространив ее деятельность на сахарную, цементную и текстильную отрасли²². Верный сторонник Зия Н. Шариф был главным министром Панджаба в 1985–1988 гг. После выборов 1988 г. ему удалось сохранить этот пост. Провинция была единственной, где в течение полутора лет у власти находилась партийная коалиция, оппозиционная к правящей в общенациональном масштабе.

Н. Шариф на протяжении всего этого периода вел непримиримую, острую, а временами и грубую кампанию против Б. Бхутто и возглавляемой ею партии. Борьба велась на грани фола и вызывала удивленные комментарии западных обозревателей, недоумевавших, почему две ведущие в стране политические силы не могут договориться о соблюдении правил ведения парламентской политической борьбы (Шариф отказался стать лидером оппозиции в Национальном собрании) и прибегают к личным выпадам и оскорблениям, к организации массовых манифестаций, приводящих к бесчинствам толпы²³.

Между тем острота противоречий объяснялась отчасти особенностями местной политической культуры, которые связаны с дихотомичностью традиционного мышления и бинарным раскладом сил в архаичном, примордиальном варианте политического противостояния²⁴. Имело значение и политико-идеологическое соперничество двух линий преемственности, идущих от З.А. Бхутто и Зия-уль-Хака. Существенной была к тому же роль фактора региональной идентичности, разделявшей Панджаб и Синд²⁵.

Несмотря на отмеченные обстоятельства, М.Н. Шариф был современно образованным и политически ответственным человеком, понимавшим, в каком тяжелом положении находилась страна, когда он встал во главе правительства. Важно, что ему как бизнесмену доверяло деловое сообщество.

После удара, который нанес по крупному частному капиталу З.А. Бхутто, тот так и не сумел в полной мере оправиться. При Зия-уль-Хаке во главе министерства финансов находился ставший затем президентом Г. Исхак Хан. Взгляды последнего на экономическую политику отличались недоверием к потенциалу и перспективам частного сектора. Денационализация поэтому носила крайне ограниченный, выборочный характер. Основные инвестиции в конце 1970-х и первой половине 1980-х годов шли через государственные каналы и контролировались бюрократией.

Госсектор контролировал 70 % крупных промышленных активов в 1977 г. и эта доля снизилась в дальнейшем незначительно, хотя кабинет и предпринимал некоторые меры для привлечения частного капитала ²⁶.

Правительство Н. Шарифа более энергично взялось за проведение курса по либерализации, дерегулированию и приватизации (в полном соответствии, кстати, с распространившейся тогда в мире, в том числе в развивающихся странах, «модой» на такого рода политику). Решением кабинета была создана Комиссия по приватизации, которая составила список из почти 100 государственных компаний, подлежащих продаже в частные руки ²⁷.

Однако успеху либерального курса препятствовали несколько факторов. Во-первых, вследствие тяжелого положения, в каком оказался госбюджет при неблагоприятных внешних условиях, вызванных войной в Заливе, правительство было вынуждено «давить» на бизнес, следовать рекомендациям МВФ и ВБ по увеличению налоговых сборов. Камнем преткновения в отношениях правительства и бизнеса уже не в первый раз стал вопрос о введении общего торгового налога (General Sales Tax) и необходимой в связи с этим регистрации всех, больших и малых, деловых предприятий. Порожденное этим недоверие к государственной политике тормозило приток частных средств в формальный (регулируемый госорганами) сектор экономики, осложняло процесс и замедляло темпы приватизации. Во-вторых, либерализация проводилась при острой нехватке валюты для импорта, что ограничивало его размеры и делало малоперспективными многие деловые инициативы. В-третьих, кабинет Н. Шарифа хотя и устраивал бизнес в большей степени, чем предшествующие, но не был свободен от волюнтаризма и фаворитизма при проведении экономической политики, в частности приватизации. Премьер покровительствовал в наибольшей мере панджабским группам предпринимателей, прежде всего *чиниоти*, так называемым чиниотским шейхам ²⁸.

В период его пребывания у власти продолжало относительно сокращаться могущество «инонациональной», гуджаратской по родному языку, буржуазии из числа меманов (суннитов), бохра и ходжа (исмаилитов). Пристрастная позиция правительства привела, например, к тому, что меманы из семейства Адамджи не смогли вернуть себе контроль над принадлежавшим им до национа-

лизации старейшим пакистанским банком «Муслим коммершел». Несмотря на более высокую цену, которую они, как будто, были готовы заплатить, в ходе торгов по приватизации банк был продан панджабо-чиниотской группе «Манша-Сапфир» (по другим сведениям, «Манша нэшнл груп») ²⁹.

В целом, несмотря на политику либерализации, Пакистану в начале 1990-х годов не удалось сделать рывок в экономической области, который сделали Индия и некоторые другие азиатские страны. При общем неблагоприятном деловом климате в течение всего периода пребывания у власти первого кабинета Н. Шарифа (до июля 1993 г.) продолжалась жесткая борьба между правительством и оппозицией, которую возглавляла Б. Бхутто. Причем это противостояние протекало как в стенах парламента, так и за ними в форме организации «длинных маршей» на Исламабад и агитационных поездок по основным железнодорожным маршрутам с остановкой в больших и малых городах ³⁰.

Особенно неблагоприятной оставалась обстановка в Синде. Именно там политика чаще всего оборачивалась брутальной стороной, имели место убийства, похищения, истязания похищенных людей, другие проявления насилия, политически мотивированные судебные преследования и т. п. Правительство в провинции в 1990 г. возглавил бывший лидер ПНП Дж. Садик Али. Опираясь на союз с МКМ, главный министр развязал грубую кампанию, направленную на подрыв позиций своих бывших соратников по партии в сельском Синде. За короткий срок до марта 1992 г., когда он умер от цирроза печени, провинциальное правительство успело оказаться в центре многочисленных скандалов, связанных с нарушениями прав человека ³¹.

К разгону дакойтов в Синде весной 1992 г. добавилась уличная война в Карачи между двумя враждующими фракциями *Мухаджир кауми мувмент*. Одну из них возглавил А. Хуссейн, который переименовал партию в *Муттахида кауми мувмент* (Объединенное национальное движение) с целью привлечь в нее не только мухаджиров. Во главе другой, названной *Хакики* (подлинное) *МКМ*, – группа противников расширения этнической базы движения. Жизнь в Карачи оказалась в значительной мере парализована, и в мае туда были введены части регулярной армии. В ходе операций по прочесыванию ряда районов города военным удалось обнаружить склады с оружием и камеры для

пытках, были произведены аресты и задержания. Военные помогли нормализовать обстановку и во внутренних районах Синда³².

Вмешательство военных, осуществленное с согласия президента, в наибольшей мере задело интересы премьер-министра. Удар был нанесен по его союзникам в провинции – МКМ во главе с А. Хуссейном. Последний предпочел уехать в Лондон, сохранив эффективный контроль за организацией. Н. Шариф постарался приписать себе заслугу по установлению спокойствия в провинции, совершив несколько поездок по ее внутренним районам, в ходе которых он раздавал землю безземельным крестьянам и на публичных сходах (*качери*) «творил правосудие»³³.

Между тем отношения в рамках «властного треугольника» складывались непросто по причинам не только внутреннего характера. Внешнеполитическое положение Пакистана осложнилось еще до того, как кабинет Н. Шарифа приступил к выполнению своих обязанностей. 1 октября 1990 г. вступила в действие поправка Пресслера, обязывающая президента США письменно уведомлять Конгресс, что Пакистан не имеет и не работает над созданием атомной бомбы. Разведывательное сообщество довело до сведения Буша-старшего, что у Исламабада уже имеется бомба, и он отказался дать уведомление, необходимое для оказания военной и экономической помощи. Выделенные на эти цели по американскому бюджету на 1991 финансовый год 564 млн. долл. были заморожены³⁴.

Решение, принятое Вашингтоном, в первую очередь ударило по военным. Они недосчитались почти 300 млн. долл. Но главное – они не могли рассчитывать на получение партии F-16, часть стоимости которой Исламабад уже уплатил, в зачет полученного от США кредита, корпорации «Дженерал дайнемикс». Построенные самолеты были заблокированы в ангарах, сборка оставшихся приостановлена. Пакистан долгое время был третьим по размеру, после Израиля и Египта, получателем льготных ссуд. Хотя Вашингтон и предупреждал о готовящемся решении, в пакистанской столице его восприняли как несправедливую неожиданность. Более того, там надеялись на его скорую отмену и вплоть до середины 1993 г. продолжали переводить американской корпорации деньги за самолеты³⁵.

Введение поправки Пресслера пришлось по времени на середину конфликта, вызванного действиями иракского правителя

С. Хусейна. Выше отмечался произошедший в связи с этим раскол общественного мнения в Пакистане. Правительство Н. Шарифа поддерживало антииракскую коалицию, между тем как начальник штаба армии М. Аслам Бег в январе 1991 г. внезапно публично заявил о правоте Ирака. Считается, что это связано с влиянием, которое на генерала, шиита по исповеданию, оказал Иран. Вместе с тем сходного мнения придерживалось и большинство пакистанцев. Правящим кругам пришлось пойти против более всего распространенных в обществе настроений. Это обстоятельство, очевидно, и не позволило немедленно отправить генерала в отставку, хотя налицо было явное расхождение с политикой правительства, вызывавшее недоумение Вашингтона³⁶.

После успешного для США и их союзников окончания в феврале войны в Заливе американо-пакистанские отношения улучшились, а генерала Бега сменил на посту начальника штаба армии А. Наваз Джанджуа. Несмотря на давление ряда лиц в Пентагоне и военно-промышленных корпорациях, Вашингтон не возобновил помощь, стремясь быть принципиальным в вопросах ядерного нераспространения.

К сдержанности США принуждала и ситуация вокруг Кашмира. В Вашингтоне имели основания полагать, что Объединенная войсковая разведка Пакистана, которая, согласно положению, принятому еще в 1970-х годах, подчинена, помимо военных, премьер-министру, оказывала материальную и тренировочно-организационную помощь действовавшим в индийском Джамму и Кашмире антиправительственным силам. Над Пакистаном нависла угроза причисления к государствам, поддерживающим терроризм. В столице США пакистанцам дали понять, что это положит конец «особым отношениям» между двумя странами. Кабинет Н. Шарифа предпринимал много попыток изменить к лучшему мнение американцев, однако, по мнению Д. Какса, это удалось сделать лишь после вмешательства премьера в действия ОВР³⁷.

Между тем ситуация в индийском штате оставалась напряженной в течение всего периода пребывания у власти правительства Шарифа. Некоторое ослабление активности пропакистанских инсургентов, прежде всего из Фронта освобождения Джамму и Кашмира, действительно наблюдалось с конца 1992 г., но было вызвано, по-видимому, не только отмеченным давлением премьера, но и сезонными условиями (зимой в горах подрывные вылаз-

ки затруднены). В индийском Кашмире намечалась к тому же перегруппировка сил, которая весной 1993 г. ознаменовалась созданием объединявшей разнообразные политические группы «зонтичной» организации под названием Всепартийная конференция свободы (All-Parties Hurriet Conference)³⁸.

Еще одной проблемой в пакистано-американских отношениях ранее стала их исключительно тесно сближавшая тема Афганистана. Оставив афганское направление в руках военных, правительства Б. Бхутто и Н. Шарифа продолжали оказывать поддержку афганской оппозиции, что было нарушением принятых Пакистаном в соответствии с Женевскими соглашениями обязательств о прекращении вмешательства в дела соседней страны. Особенно активной она стала в начале 1992 г., когда ситуация в Афганистане изменилась и произошла необратимая дестабилизация режима М. Наджибуллы. Исламабад, главным образом через афганское бюро ОВР, направлял и в оперативном плане поддерживал наступление муджахедов на Кабул. Оно увенчалось успехом в конце апреля (после того как командир северных, в основном узбекских, частей Р. Достум изменил правительству). Почти сразу после захвата Кабула его посетил пакистанский премьер³⁹.

США, разумеется, не были против окончания господства «коммунистов», но в их планы не входил переход Афганистана под «крыло» радикалов-исламистов. Исламабад, напротив, праздновал победу. Особенно это касалось исламистски настроенных военных, которые в тот период возглавляли ОВР (к ним, в частности, относился руководитель разведки в 1992–1993 гг. генерал-лейтенант Дж. Насир). Многие из них уже раньше разочаровались в американцах и не стеснялись публично заявлять об этом⁴⁰.

Среди муджахедов, базой которых на протяжении долгого времени был Пакистан (в первую очередь главный город СЗПП Пешавар), в ОВР были свои любимцы. В первую очередь Г. Хекматъяр, возглавляющий организацию *Хезб-е ислами* (Исламскую партию). Его экстремистский оппортунизм и политическое мировоззрение не могли нравиться США. Они поддерживали более умеренных лидеров муджахедов и способствовали тому, что власть в 1992 г. не перешла в руки Хекматъяра⁴¹.

Премьер Шариф оказался в известной мере заложником ситуации. С одной стороны, он возглавлял Пакистанскую мусульманскую лигу, продолжая линию ее последнего покровителя – Зия-

уль-Хака, с другой – он не разделял исламистских взглядов, включающих неприятие политики США и противодействие ей. Балансируя между двумя крайностями, премьер передоверял многие решения военным, среди которых также не было единства. Если ОВР возглавлял исламист, то пост начальника штаба армии занимал представитель умеренных армейских кругов. Именно под руководством генерала Джанджуа осуществлялась кампания по очищению Синда от криминалитета и делались шаги, направленные на общую стабилизацию обстановки там.

Смерть Асифа Джанджуа стала прологом нового, исключительно острого и продолжительного политического кризиса. Но прежде чем переходить к его описанию, отметим некоторые общие черты перемен в геополитическом положении Пакистана и его региональной внешней политике.

Окончание прямой военной вовлеченности СССР в афганские дела и конец холодной войны существенно снизили роль, которую Пакистан играл в мировой политике. На протяжении 1980-х годов, на последнем этапе позиционного противостояния между США и СССР, он находился в положении «прифронтового государства». Пакистан оказался также на линии разлома между Китаем и Советским Союзом, а также между последним и мусульманским миром. Такой геополитический расклад позволял правящей верхушке страны надеяться на кардинальное решение вопроса безопасности своих северо-западных границ. Она не была обеспечена из-за позиции Афганистана, не признавшего проведенную в 1893 г. линию Дюранда за официальную границу между двумя государствами. В Афганистане долгое время уповали на обретение особого государственно-политического статуса зоной горных пуштунских племен (там еще в конце 1940-х годов развернулось движение за «свободный Пуштунистан») с постепенным расширением ареала «ничейной земли» на западные районы Пакистана, населенные главным образом пуштунами и белуджами. Придание этим областям независимого или полунезависимого статуса открыло бы Афганистану выход к Аравийскому морю и Индийскому океану. В то же время это могло бы кардинальным образом подорвать единство и подвергнуть сомнению само существование Пакистана. Отсюда стремление его правящих кругов к окончательному решению вопроса о границе (междуна-

родное сообщество, в отличие от Кабула, признавало ее статус) и укреплении своего влияния в Афганистане.

Совместные с большинством мировых и региональных держав действия против режима в Кабуле давали, казалось бы, Исламабаду реальный шанс. Однако распад антисоветской коалиции после 1991 г. заметно осложнил его задачу. Он был вынужден действовать во многом наперекор Вашингтону, бывшему главному союзнику. К тому же Пакистан столкнулся с брожением и расколом среди муджахедов, чью борьбу поддерживал.

Неудивительно, что в его региональной политике наметились две тенденции – радикальная и умеренная. Первая состояла во всемерной поддержке набиравших силу исламистов, причем не только афганцев, но и выходцев из других стран, прежде всего арабских⁴². Вторая – в использовании ситуации для достижения минимальных стратегических целей, обеспечении безопасности и внутреннего единства. Реальная политика строилась с учетом двух этих тенденций и включала противоречивые элементы⁴³.

Особенно заметно такая амбивалентность сказывалась на отношении к России и Центральной Азии. Радикально настроенные националистические и происламские (национал-исламистские) политические группы в Пакистане, к которым можно отнести Зия-уль-Хака и его последователей среди военных, питали надежды на успех стратегического продвижения на север, через Афганистан в глубь Центральной Азии. С этой целью они в период коалиционных действий против СССР планировали и осуществляли диверсионные акции на советской территории на правом берегу Аму-Дарьи. Распад Советского Союза и возникновение на месте его бывших среднеазиатских республик новых независимых государств вселил в радикалов надежды и побудил к укреплению контактов с происламски настроенными силами в Таджикистане, где началась междоусобная война, а также в других странах региона. Такие действия имели откровенно антироссийскую направленность, служа продолжением былых усилий по подрыву влияния там СССР⁴⁴.

Трезвые головы в руководящих кругах Пакистана надеялись укрепить позиции страны в Центральной Азии, действуя не в обход Москве, а вместе с ней, или заручившись ее согласием. Именно с этой целью в ноябре-декабре 1991 г. Советский Союз, в том числе все основные республики Средней Азии, посетила

большая группа бизнесменов и официальных лиц во главе с государственным министром экономики С.А.А. Али. Уже тогда обсуждались планы соединения северо-запада Пакистана с центральными районами материка через Афганистан и расширения торговли ⁴⁵.

Сходные цели налаживания прямых контактов с Пакистаном имел и визит вице-президента РФ А.В. Руцкого в Исламабад в декабре 1991 г. Глава делегации тогда еще несамостоятельного правительства, пытаясь заручиться поддержкой пакистанской стороны в афганском вопросе, поставил под сомнение правомерность традиционного для Москвы взгляда на противостояние между Пакистаном и Индией по поводу Кашмира ⁴⁶.

Визит министра иностранных дел России А.В. Козырева в Кабул в мае 1992 г., сразу после захвата там власти муджахедами, можно рассматривать как свидетельство успеха пакистанской региональной политики. Однако начавшаяся между муджахедами-победителями междоусобица не позволила Пакистану закрепить его плоды. Он не смог поднять на новый уровень отношения с Москвой, в частности из-за того, что Афганистан, на политику которого пакистанцы в тот момент могли очень существенно влиять, не выполнил заверения, данные российскому министру при подписании совместной декларации ⁴⁷. К концу 1992 г., вслед за сдвигом в таджикской ситуации и переменами в составе правительства РФ, изменилась и точка зрения Москвы на пакистано-индийские отношения. После официального визита в Индию президента России Б.Н. Ельцина в январе 1993 г. Пакистан в апреле посетил министр иностранных дел А.В. Козырев. Разница в статусе возглавляющих делегации лиц подчеркнула расстановку акцентов.

Отрицательно на пакистано-российских связях сказалось и активное участие Пакистана в создании Организации экономического сотрудничества, куда наряду с ним, Турцией и Ираном вошли Афганистан и постсоветские мусульманские государства – Азербайджан и все пять республик Центральной Азии. Помимо исламской составляющей, в ОЭС, особенно на первых порах, в 1992–1993 гг., сильным было протурецкое направление, воспринимавшееся тогда Россией весьма болезненно ⁴⁸.

Пакистанское руководство весной 1993 г. было занято поиском приемлемого выхода из внутриафганского тупика. В Исламабаде продолжали делать ставку на Г. Хекматъяра, не соглашаясь

признать законным принятое в декабре 1992 г. частью муджахедских партий и организаций, собравшихся в Кабуле, продление на полтора года президентских полномочий Б. Раббани⁴⁹ (первым президентом в течение двух месяцев после захвата власти муджахедами был С. Моджаддеди, затем на полгода президентом избрали Раббани). В феврале-марте следующего года Пакистану вместе с Саудовской Аравией и Ираном удалось добиться прекращения огня между войсками двух группировок. Все основные организации муджахедов подписали в Исламабаде соглашение о перемирии и сотрудничестве. В соответствии с ним Раббани остался президентом, а Хекматьяр назначался премьер-министром нового правительства провозглашенного за год до того Исламского Государства Афганистан. Срыв договоренностей заставил лидеров муджахедов встретиться еще раз, уже на афганской территории, и заключить в Джалалабаде соглашение, повторявшее в части властных полномочий Исламабадское. Но и оно не спасло положения⁵⁰.

Б. Бхутто снова у власти

Ожесточенная междоусобная борьба в Афганистане, на которую активно влиял Пакистан, весной того года перекинулась на него самого. На пост начальника штаба армии вместо неожиданно скончавшегося в январе 1993 г. генерала Джанджуа президент Исхак Хан назначил пуштуна Абдул Вахид Какара. Премьер-министр не оспаривал назначение, но был недоволен тем, что решение принималось без согласования с ним. В феврале он неожиданно перешел в контратаку, заявив, что его цель состоит в отмене 8-й поправки к конституции, предоставляющей президенту не совместимые с парламентским строем полномочия. Выпад Н. Шарифа был плохо подготовлен: он не имел необходимого для изменения действующего законодательства квалифицированного большинства в парламенте. Антагонистическими оставались его отношения с основной оппозиционной силой в парламенте – ПНП во главе с Б. Бхутто⁵¹.

К тому же в 1992 г. возглавляемую Мусульманской лигой правящую коалицию (Исламский демократический альянс) покинула ведущая фундаменталистская организация – *Джамаат-и ислами*. Руководитель ДИ пуштун Казии Хусейн Ахмад не соглашался

с умеренной политикой Шарифа в афганском вопросе (тот в начале 1992 г. поддерживал план ООН о создании коалиционного, с участием не только муджахедов, правительства в Кабуле) и полагал несовершенным и половинчатым представленный в мае 1991 г. для утверждения парламентом билль о провозглашении шариата (свода религиозных предписаний) высшим законом страны. Законопроект получил принципиальное одобрение нижней палаты, но «застрял» на стадии доработки текста⁵².

Ослаблением позиций премьера воспользовался президент. 18 апреля он отправил кабинет в отставку, распустил Национальное собрание, назначил новые выборы в парламент на 14 июля и поручил возглавить переходное правительство Ш.Б. Мазари. Однако через полтора месяца Верховный суд Пакистана удовлетворил петицию, поданную Шарифом, признал указы президента незаконными и неконституционными и восстановил прежний кабинет и парламент.

Беспрецедентному решению высшей судебной инстанции предшествовали агитация в печати, уличные манифестации, другие формы протеста. На стороне Шарифа выступили союзы предпринимателей, прежде всего Карачинская палата торговли и промышленности, а также Федерация торгово-промышленных палат⁵³.

Выход на политическую арену двух новых сил – судебной власти и бизнеса – усилил разброд и неопределенность. Вновь приступивший к исполнению своих обязанностей премьер-министр не смог консолидировать политические силы. Некоторые его поспешные шаги и заявления охладили пыл бизнесменов. Б. Бхутто, в свое время отправленная в отставку Исхак Ханом, блокировалась с ним наперекор мнению ряда влиятельных лиц в ПНП.

Президент, получив серьезный удар, не смирился. Его указами были немедленно распущены восстановленные судом провинциальные собрания в Панджабе и СЗПП. Попытка премьера установить контроль над Панджабом путем издания соответствующего указа ни к чему не привела, так как тот не был подписан президентом.

Наступивший конституционный кризис был преодолен только в июле после вмешательства армии. Она решила не брать в свои руки управление, но заставила президента и премьера одновременно уйти в отставку. Председатель сената В. Саджад стал исполнять обязанности президента, а временным премьер-министром

назначили экономиста-технократа М. Куреши, долгое время проработавшего за границей и занимавшего одно время пост вице-президента Всемирного банка.

Четвертый за полгода кабинет министров оказался решительным в плане проведения экономических преобразований. Собственно, на это и рассчитывал как военно-бюрократический истеблишмент, так и внешние силы в лице международного финансового сообщества, убежденного в необходимости проведения структурных стабилизационных реформ. (Внешний долг страны к тому времени превысил 20 млрд. долл., а валютные запасы составляли всего 180 млн.⁵⁴)

Следуя рекомендациям МВФ и ВБ, кабинет Куреши предоставил Государственному банку автономию в проведении текущих операций, объявил о давно ожидавшемся введении сельскохозяйственного подоходного налога, провел 6 %-ную девальвацию рупии и отменил субсидии на покупку таких товаров, как удобрения, мука и растительное масло. Цель принятых мер состояла в возвращении доверия иностранных кредиторов и поощрении экспорта. Первоначально доброжелательная реакция на действия переходного правительства сменилась протестами по поводу роста цен.

В целях борьбы с коррупцией, nepотизмом и неэффективностью банковской системы правительство пошло на опубликование списка из почти 5 тыс. лиц, оказавшихся задолжниками по крупным банковским ссудам и рекордсменами по списанным им долгам. Сумма невозвращенных долгов достигала огромной величины в 62 млрд. рупий. «Плохие долги» снижали эффективность инвестиционного рынка и препятствовали приходу на него иностранного капитала. В число хронических должников и «облагодетельствованных» банками людей попало большое число политических деятелей и магнатов бизнеса. Опубликование списка не оздоровило обстановку, вызвав лишь недовольство значительной части правящей элиты. На эффективности принятых кабинетом Куреши мер сказалась кратковременность его пребывания у руля управления. К тому же действия правительства воспринимались в Пакистане болезненно, как вмешательство внешних сил, непрошенных иностранных менторов⁵⁵.

Состоявшиеся в начале октября 1993 г. выборы в парламент и провинциальные собрания не дали заметного преимущества ни одной из двух главных партий – Пакистанской народной и

Мусульманской лиги. Последняя на выборах в Национальное собрание получила несколько больше голосов (40 %), чем ПНП (38 %), но по числу мест проиграла главному сопернику (соответственно 72 и 86 из общего количества 207)⁵⁶. Четыре религиозные партии потерпели сокрушительное поражение, получив вместе только 9 мандатов. Более удачно выступили региональные организации, такие как *Авами* (Народная) национальная партия в СЗПП и *Джамхури ватан* (Демократическая отечественная) в Белуджистане.

Успеху ПНП, возглавляемой Б. Бхутто, способствовал альянс с отколовшейся от Пакистанской мусульманской лиги группой сторонников бывшего премьера Джунеджо. Особенно это сказалось на выборах в сельских округах южного Панджаба⁵⁷. ПНП также выиграла от бойкота национальных выборов, к которым призвал лидер МКМ А. Хуссейн. Характерно, что в выборах в провинциальные собрания, состоявшихся через три дня после общенациональных, эта партия уже принимала участие и добилась успеха в Карачи и других крупных городах Синда. Однако правительство в провинции возглавила победившая в сельских округах ПНП. Партии Бхутто в коалиции с Пакистанской мусульманской лигой Джунеджо удалось возглавить правительство и в Панджабе. Зато в СЗПП и Белуджистане у власти оказалась партия Н. Шарифа и его союзников⁵⁸.

При поддержке ряда других партий и независимых кандидатов центральный кабинет возглавила Беназир Бхутто – начался трехлетний период ее второго правительства. Он был не менее драматичным, чем время правления первого. Впрочем, на начальном этапе позиции Бхутто упрочились в результате уверенной победы ее кандидата, Фарука Легхари, на выборах президента. Он набрал 274 голоса выборщиков (членов федерального и провинциальных собраний) против 168, полученных и.о. президента В. Саджадом.

Среди многочисленных вызовов, с которыми сразу же столкнулось новое правительство в плане внешней политики, надо отметить обострившуюся осенью 1993 г. ситуацию в индийском Кашмире. Вооруженные сепаратисты захватили там главную мечеть столичного Сринагара Хазратбал и удерживали ее более месяца. Их добровольная сдача в плен полиции предотвратила многочисленные жертвы и разрушения, но и так за время протестов в штате Джамму и Кашмир погибло несколько сотен человек

(в отдельные дни число жертв достигало 50 и более человек). Общее число погибших с начала восстания в 1989 г. оценивалось в пределах от 8 до 13 тысяч ⁵⁹.

Исламабад не мог не реагировать на события в соседнем индийском штате. Он взывал к мировому сообществу, к США, стремясь привлечь внимание к событиям в Кашмире и оказать давление на Дели. Отношения с Индией оставались напряженными к тому времени уже более года. В декабре 1992 г. в индийском городе Айодхья индусские экстремисты разрушили мусульманскую святыню, мечеть Бабура (*Бабри масджид*). Это привело к массовым погромам и тысячам жертв среди индусов и мусульман. В марте 1993 г. Индия обвинила пакистанские спецслужбы (ту же ОВР) в подготовке террористического акта в Бомбее, в результате которого погибло несколько сотен людей ⁶⁰. На линии контроля в Кашмире и в районе ледника Сиачин периодически вспыхивали артиллерийские дуэли, от разрывов бомб в окрестных селениях гибли мирные жители. К спору вокруг Сиачина в 1993 г. добавился вопрос о сооружении Индией плотины Вуллар на р. Джелам. Пакистан утверждал, что ее строительство не согласуется с Договором о развитии бассейна Инда, подписанного в 1960 г., так как уменьшает его долю поделенных между двумя странами водных ресурсов ⁶¹.

Реагируя на усугубившееся положение в Кашмире и напряженные отношения с Индией, правительство Бхутто договорилось о двусторонней пакистано-индийской встрече. Однако переговоры между «иностранными секретарями» (первыми заместителями министров внешних сношений) в январе 1994 г. ни к чему не привели. Более того, в контактах между высокими официальными лицами двух стран после нее наступил длительный перерыв до лета 1997 г.

Еще одной горячей внешнеполитической проблемой для Исламабада стал Афганистан. К концу 1993 г. перемирие, достигнутое между группировками президента Раббани и премьера Хекматъяра, сменилось полным разрывом. С необычайной силой развернулась братоубийственная война. Войска премьера, которого поддерживали в Исламабаде, пытались освободить Кабул от сил Раббани и его министра обороны А.Ш. Масуда. Объединившись с бывшим «коммунистом» узбеком Достумом, Хекматъяр зимой 1993/94 г. подверг столичный город яростным бомбардировкам,

почти полностью разрушил многие его кварталы, но цели не достиг. Исламабадские власти начали испытывать разочарование в своем протее. Оно усилилось, когда к проблеме Афганистана проявил интерес министр внутренних дел в кабинете Б. Бхутто, отставной генерал Н. Бабар. Достигнув договоренности с афганским бюро ОВР, министр поддержал новую военную силу в Афганистане, состоявшую на первых порах в основном из учащихся и выпускников религиозных школ, ставших вскоре известными всему миру под именем талибов (*талиб* – по-арабски вопрошающий, ищущий знания, в прошлом только духовного). Они были в основном учениками пакистанских медресе, детьми беженцев, населяющих палаточные лагеря в Белуджистане и СЗПП по соседству с южными и юго-восточными провинциями Афганистана. Наставниками в медресе были улемы из деобандской школы богословия, пуританской и антишиитской. Их партия *Джамият-е улама-и ислам* (ДУИ, Сообщество исламских богословов) принимала участие в парламентской борьбе, а ее лидер, Муфти Махмуд, в начале 1970-х годов при З.А. Бхутто возглавлял правительство СЗПП (см. главу 4). В начале 1990-х руководство партией осуществлял его сын Фазлур Рахман, вступивший в союз с ПНП и получивший пост председателя нижней палаты парламента по международным делам. Патронаж Н. Бабара и Ф. Рахмана, прямая финансовая и оперативно-тактическая помощь пакистанских военных позволили талибам осенью 1994 г. добиться первых успехов в вооруженной борьбе с господствовавшими на юге группировками муджахедов и овладеть главным городом этого региона Кандагаром⁶².

Распространив свою власть на южный Афганистан, талибы в сентябре следующего, 1995 г. заняли западную область страны со столицей в Герате, а еще через год овладели Кабулом. Публично Исламабад отрицал причастность к военным действиям и успехам талибов. Премьер-министр Бхутто в начале 1995 г. утверждала, что у ее страны «нет фаворитов в Афганистане и мы не вмешиваемся» в его дела⁶³.

Однако в действительности Пакистан осуществлял широкую экспансию в северном направлении. Следуя, в сущности, по стопам англичан, которые в XIX веке дважды вторгались на афганскую территорию, пакистанские власти, как центральные (в Исламабаде), так и местные (в Пешаваре и Кветте), пробивали дорогу

в глубь континента. Талибы использовались ими как инструмент такой политики, а ранее в том же качестве выступали муджахеды. При этом в Пакистане хорошо знали исторические прецеденты и понимали геополитическое значение своих действий. Н. Бабар, в частности, воспринимал себя как участника нового тура «большой игры», цель которой открыть дорогу на север для обмена товарами и идеями между Пакистаном и центром Азии⁶⁴.

Первые отряды талибов возникли для охраны торгово-транспортного каравана из 30 грузовиков, снаряженного пакистанским министром внутренних дел для доставки грузов к границам с Центральной Азией. И в начале 1995 г., еще до занятия талибами Герата, Пакистан получил первые партии хлопка из Туркменистана. Большое влияние на действия пакистанских властей оказывала «транспортная мафия». Она контролировала приграничную пакистано-афганскую торговлю продовольствием и предметами бытового назначения, преимущественно контрабандными, и была заинтересована в расширении подчиненной ей зоны⁶⁵. С точки зрения пакистанской геополитики не выглядит странным и заключенный в 1994 г. альянс Хекматъяра с Достумом, так как он помогал «замкнуть» соединение Пакистана с Центральной Азией, где во влиятельную силу превратился Узбекистан.

Появление талибов, впрочем, весьма осложнило игру Пакистана в регионе. Недаром многие политические круги в стране и часть бюрократии, в том числе военной, посчитали ставку на них опасной и ошибочной. Планы продвижения на север со времен Зия-уль-Хака представлялись им утопическими – слишком много барьеров, как природных, так и человеческих, стояли на пути их реализации.

Исламабад в какой-то степени, возможно, обманула позиция США. Вашингтон дал себя увлечь рассказами о строгой морали талибов, их стремлении навести порядок, а главное, запретить выращивание опиумного мака, превратившее Афганистан вместе с прилегающим к нему ареалом в «золотой полумесяц» по производству наркотиков. Подкупил американцев и проект сооружения газопровода из Туркмении через умиротворенный с помощью талибов Афганистан в Пакистан. Пик разговоров о нем приходится на 1996 г. Американская (американо-саудовская) нефтяная компания «Юнокал» совместно с аргентинской «Бридас» принялись даже формировать консорциум, но натолкнулись на труднопре-

одолимые политические препятствия. До спокойствия в Афганистане было еще далеко, а режим талибов вскоре попал в «черный список» американской администрации.

Ввязавшись в опасную геополитическую игру, Пакистан вскоре понес существенные потери. Из-за ставки на талибов ухудшились его отношения с Ираном. Тегеран поддерживал временное правительство Афганистана во главе с Раббани. А отношения Кабула с Исламабадом в 1995 г. резко осложнились. После взятия талибами Герата пакистанское посольство в афганской столице было атаковано и разграблено толпой при нарочитом бездействии сил правопорядка. Посольское здание подожгли, посол и более 40 сотрудников были госпитализированы, один человек умер⁶⁶.

Подключение к антиталибской коалиции не только Хекматъяра, но и Достума поставило крест на планах пакистанского правительства перетянуть на свою сторону Узбекистан. Не помог и визит туда в мае 1995 г. Б. Бхутто. Пакистан тем не менее не оставлял попыток воспрепятствовать созданию единого фронта. Еще в феврале 1996 г. в Исламабаде собрались для переговоров лидеры движения Талибан (*талибан* – мн.ч. от талиб) Г. Хекматъяр и Р. Достум. Договориться с последним Исламабад пытался и осенью того года, уже после захвата талибами Кабула⁶⁷.

Серьезно осложнились для Пакистана и отношения с Россией, которая после окончания горячей фазы гражданской войны в Таджикистане упрочила свое присутствие в регионе. В Афганистане ее симпатии были на стороне правительства Б. Раббани. В августе 1995 г. талибы захватили транспортный самолет Ил-76, который перевозил закупленное в Албании вооружение в Кабул. Захватив в плен экипаж самолета, состоявший из пяти российских летчиков, талибы долгое время удерживали его, не прислушиваясь к просьбам из Исламабада отпустить летчиков как можно быстрее. Хотя инцидент был улажен, низкий уровень двусторонних связей адекватно отражал глубокие различия в подходах двух государств к ситуации в регионе⁶⁸.

Дополняло картину регионального расклада сил участие в нем Индии. Она принимала хотя и в целом ограниченное, но растущее участие в делах Афганистана и Центральной Азии. Конкурентно-враждебные отношения с Исламабадом (зимой 1995/96 г. на линии контроля в Кашмире происходили серьезные инциденты и обмен артиллерийскими ударами) склоняли Дели к поддержке

тех сил, на которые опирались Иран и Россия. Для Пакистана это означало создание своего рода тройственного союза. В поисках контригры Исламабад мог опереться на не менее представительный треугольник, куда входили США, КНР и Саудовская Аравия (вместе с рядом других арабских государств).

Отношениям с США Б. Бхутто уделяла особое внимание. Она считалась любимицей Вашингтона, но существенных изменений в комплексе двусторонних связей сразу после ее второго прихода во власть не произошло. Главной проблемой оставалась ядерная программа Пакистана. В Вашингтоне по-прежнему не доверяли заверениям Исламабада о ее отсутствии и запрет на военно-экономическую помощь сохранялся.

В дополнительную проблему превратились обвинения в том, что Пакистан поддерживает терроризм в индийском Кашмире. Руководство госдепартамента США предупреждало даже о том, что Пакистан может быть причислен к «неблагонадежным странам» (изгоем), официально способствующим террористической деятельности. Эту опасность, как отмечалось выше, постаралось отвести еще правительство Н. Шарифа, который заменил руководителя ОВР и заставил разведку действовать осторожнее. Ту же линию продолжала новая пакистанская администрация, и угроза новых санкций была устранена. Пакистан при Б. Бхутто принял активное участие в ряде миротворческих операций под эгидой ООН и при лидирующей роли США (в Сомали, на Гаити и в Боснии), арестовал и выдал американцам Р. Юсуфа, подозреваемого в организации террористического акта в Нью-Йорке в феврале 1993 г.⁶⁹

Переменам способствовали и некоторые подвижки в политике США, имевшие место с приходом там новой администрации Б. Клинтона. Госсекретарь У. Кристофер и помощник секретаря по Южной Азии Р. Раффел (вдова погибшего вместе с Зия-уль-Хаком посла США) заняли критическую в отношении Индии позицию, призывая покончить с фактами нарушения в Кашмире прав человека, репрессиями против мирных жителей. Раффел в 1993 г. позволила себе утверждать, что США никогда не соглашались с индийским решением Кашмирского вопроса. И хотя ее слова были официально опровергнуты, она оставалась во главе южноазиатского направления в государственном департаменте в течение четырех лет⁷⁰.

Исламабад постарался воспользоваться благоприятными обстоятельствами и нашел сочувствующих его позиции как в министерстве обороны, так и на Капитолийском холме. Министр обороны У. Перри совершил в Пакистан визит в январе 1995 г., призвав в его ходе поднять уровень сотрудничества в области безопасности, то есть стратегического взаимодействия. Б. Бхутто, со своей стороны, подняла вопрос об ударных самолетах F-16, заявив, что Пакистан считает несправедливым отказ в их поставке: «мы хотим либо самолеты, либо деньги обратно»⁷¹.

В апреле 1995 г. премьер-министр совершила вторую в этом качестве поездку в США и, как и в первом случае в 1990 г., произвела там на всех хорошее впечатление. В ходе визита были подписаны многочисленные «меморандумы о понимании», протоколирующие намерения о взаимодействии и сотрудничестве в различных областях. После ее отъезда в итоге жарких дебатов Конгресс принял поправку сенатора-республиканца Х. Брауна, которая отменяла многие санкции, введенные в 1990 г.: давала зеленый свет на оказание экономической помощи и разрешала военное сотрудничество, размораживая поставки вооружений, за исключением F-16. К марту 1996 г. Пакистан получил задержанное военное оборудование на сумму 368 млн. долл. и ему была зачтена оплата еще 120 млн. в счет новых поставок⁷².

Летом 1996 г. Пакистан оказался в центре нового скандала. Американская разведка установила, что после 1991 г. ему была поставлена Китаем партия ракет М-11 и с его помощью начато строительство предприятия по их сборке. Основные претензии Вашингтон предъявлял Пекину, который взял на себя обязательства соблюдать международные правила поставок ракетной технологии. Пекин отрицал нарушение обязательств, заявляя, что речь идет о разрешенных режимом поставках образцов ракет малой дальности полета (до 300 км). США выражали сомнения в точности этой информации и подозревали Пекин в передаче и более мощных ракет М-9. Американцы также испытывали недоверие к намерениям Пакистана, тем более что одновременно стало известно о вероятной поставке ему из Китая кольцевых магнитов для газовых центрифуг – необходимого элемента в процессе обогащения урана до оружейной чистоты⁷³.

Санкции, введенные Вашингтоном в 1990 г., судя по всему, подтолкнули Исламабад к компенсации потерь в военно-strate-

гической области за счет развития ракетно-ядерной программы. В этом направлении он действовал тайно, опираясь на давно установившиеся сугубо доверительные связи с Китаем и Северной Кореей. Из последней он, по всей видимости, получил образцы ракет среднего радиуса действия «Нодонг», которые стали прототипом испытанных им позднее ракет этой дальности на жидком топливе. Причем расплачивались пакистанцы с Пхеньяном, по-видимому, подпольным бартером, делясь с ним секретами производства ядерных боезарядов и получения оружейного урана ⁷⁴.

Официальные отношения с Китаем при Б. Бхутто оставались, как и прежде, весьма тесными. Пекин продолжал в целом поддерживать точку зрения Исламабада на кашмирскую проблему, призывая Индию и Пакистан к сдержанности и готовя почву для некоторого дистанцирования от Исламабада и сближения с Дели (в 1993 и 1996 гг. были достигнуты важные китайско-индийские договоренности о повышении мер доверия и поддержании мира и порядка в пограничных районах вдоль линии контроля) ⁷⁵.

Устоявшиеся связи с арабскими государствами, в первую очередь Саудовской Аравией и ОАЭ, опирались на сходство позиций по Афганистану. В этом узловом районе интересы трех государств по большей части совпадали, что не исключало соперничества между группами, которым они особо благоволили.

Что касается Кашмира, то достаточно сдержанное отношение арабских государств к позиции Пакистана объяснялось экономическим весом и значением Индии, а также влиянием в них крупной и активной индийской диаспоры. С большим трудом Исламабаду в 1995 г. удалось добиться от Организации Исламской конференции (ОИК) создания специальной контактной группы по Кашмиру ⁷⁶.

Необходимо подчеркнуть, что Б. Бхутто, подобно отцу, чувствовала себя наиболее сильно в области внешней политики. Еще одной выигрышной для нее сферой были политическая пропаганда и массовая агитация. С проблемами управления, а также политики компромиссов, связанной с тонкостями межпартийных и межличностных отношений, она справлялась, по общему мнению, куда менее успешно. Между тем от этой политики в наибольшей степени зависела стабильность того расклада сил, который возник в результате выборов ноября 1993 г.

Сначала А. Хуссейн и возглавляемый им Объединенный национальный фронт (МКМ) поддержал Б. Бхутто, что способствовало существенному укреплению ее позиций. Так было и при первом ее приходе к власти. Но после выборов 1988 г. их союз продержался почти год, а во втором случае – менее полугода. Уже весной 1994 г. пути двух партий разошлись, свидетельством чего стал расстрел в Карачи манифестантов из МКМ, протестовавших против проведенной без их согласия административной реформы в городе⁷⁷.

С этого момента в крупнейшем пакистанском городе развернулась жестокая гражданская война, которая стала особенно интенсивной после вывода оттуда регулярных армейских частей в декабре 1994 г. Правительство поспешило приписать себе заслугу окончания более чем двухлетнего армейского присутствия в городе. Но радость оказалась преждевременной. После ухода армии уличная война приобрела невиданный размах. За два месяца в Карачи погибло более 500 человек и для наведения порядка в город ввели «рейнджеров», военно-полицейские формирования, подчиненные министерству внутренних дел. В марте тем не менее террористы убили двух представителей дипломатической миссии США, что омрачило обстановку накануне визита туда Б. Бхутто. Вслед за паузой в апреле последовала новая вспышка насилия, продолжавшаяся до конца года.

Война в городе охватила многие его районы (такие как Шах-Фейсал-Колони, Коранги, Ландхи и др.), превратившиеся в зоны, где было опасно появляться из-за порой беспорядочной стрельбы. Число жертв за год превысило 1,5 тыс. человек, а всего за 1994–1995 гг. в Синде, по некоторым подсчетам, погибло около 6 тыс.⁷⁸ Основную часть жертв составили непосредственные участники и организаторы различных противоборствовавших групп и организаций. Война одновременно велась на нескольких фронтах: 1) между криминальными корпорациями; 2) фракциями МКМ – А. Хуссейна и А. Ахмеда (Хакики МКМ); 3) боевыми организациями, созданными на сектантской основе (суннитов и шиитов); 4) отрядами, сформированными по этническому признаку (синдхов и мухаджиров)⁷⁹. Хотя синдхов в черте города насчитывалось менее 7%, их противоборство с мухаджирами отличалось наибольшей остротой из-за соперничества за власть в провинции.

В ходе столкновений были похищены и убиты важные персоны, такие как брат А. Хуссейна, брат главного министра Синда А. Шаха и др. Огромный ущерб был нанесен экономике города и страны. Разгул беззакония и беспорядков заставлял местный капитал покидать Карачи, предпочитать ему города Панджаба или другие страны. Практически иссяк приток иностранных средств. Капитализация компаний на крупнейшей в стране Карачинской фондовой бирже существенно сократилась, выросла безработица.

В этот же период в стране резко усилилось значение исламского фактора, увеличилось число столкновений на сектантской и религиозной почве. Это представляется неожиданным после очевидного поражения происламских партий на выборах 1993 г. Однако электоральная неудача оказалась допингом в борьбе за стенами парламента. *Джсамаат-и ислами* и другие оппозиционно настроенные организации исламистов присоединились к Н. Шарифу и его Пакистанской мусульманской лиге в усилиях подорвать доверие к правительству и вызвать дестабилизацию ситуации в стране. Вместе и порознь они осенью 1994 г. и позднее организовали ряд широковещательных «походов на столицу», маршей протеста и т. п. Оппозиционные уличные шествия проходили в основном под исламскими лозунгами и нередко сопровождались стычками между представителями различных сект и школ в исламе. Большое влияние на активизацию исламистов оказали сообщения об успехах в Афганистане движения Талибан. На митингах и во время шествий исламисты часто скандировали лозунг: «Кабул ке бад, Исламабад... Талибан, Талибан», то есть после Кабула талибы должны взять Исламабад⁸⁰.

Подъем исламизма происходил не только в центральных районах страны, но и на ее окраинах. В 1989 г. в пограничном с Афганистаном пуштунском округе Малаканд возникла организация *Техрик-е-нифаз-е-шариат-е-мохаммади* (ТНШМ, Движение за введение шариата пророка). Возглавляемые Мауланой Суфи Мухаммадом, активисты организации прибегли к силе (захвату подступов к Хайберскому перевалу, местных аэродромов и т.п.), требуя введения шариата. В ноябре 1994 г. федеральное правительство пошло на уступки, объявив, что в Малаканде шариат становится главным судебным кодексом, но одновременно добилось прекращения насильственных действий.

Уступки суннитам (введение шариата предполагало утверждение суннитско-ханафитской правовой школы) вызвали обостренную реакцию со стороны шиитов. В октябре 1995 г. в Лахоре состоялась массовая манифестация хорошо вооруженных шиитов, собравшихся по инициативе *Сипах-и Мухаммад Пакистан* (Пакистанских воинов пророка). За ней последовали атаки на офисы конкурирующей суннитской (деобандской) группы *Сипах-е сахаба Пакистан* (Пакистанские воины сподвижников пророка). На счету активистов двух этих организаций оказалось много убийств и покушений, совершенных в Карачи в разгар беспорядков, охвативших город. Столкновения между ними приобрели особый размах и остроту в западнопанджабском округе Джанг, где они имели и социальную подоплеку – крупные землевладельцы принадлежали там главным образом к последователям шиитского учения, а крестьяне и бедный городской люд были суннитами ⁸¹.

На этом фоне в среде военных возник заговор с целью захвата власти и провозглашения Пакистана суннитским исламским государством ⁸². Во главе группы заговорщиков стоял генерал-майор З.И. Аббаси. Конспираторы заручились поддержкой ряда младших офицеров и, получив оружие из зоны племен, готовились к выступлению 30 сентября 1995 г., в день командных учений. Заговор не имел широкой поддержки в офицерской среде и был раскрыт. Армия постаралась не придавать делу широкую огласку, и лишь в ноябре о нем официально информировал сенат министр обороны А. Мирани ⁸³.

Другим проявлением исламского фанатизма стало преследование, в том числе судебное, местных христиан. Особенно большой резонанс вызвало дело Саламата и Рехмата Масихов по обвинению в богохульстве. Высший суд Лахора (Панджаба) слушал его весной 1994 г. на основании принятого при Зия-уль-Хаке Закона о богохульстве (святотатстве). За оскорбление пророка и ислама суд приговорил их к смертной казни. Еще одного привлеченного к суду христианина убили на подходе к зданию суда. Тот факт, что приговоренному Рехмату было всего 14 лет, содействовал широкой реакции протеста. В конце концов, дело было пересмотрено, но отменой приговора остались недовольны исламисты. Их громкое возмущение не позволило пересмотреть наиболее одиозные положения Закона о богохульстве ⁸⁴.

К концу 1995 г. властям удалось в целом нормализовать обстановку в Карачи, выведя его из состояния гражданской войны. Сделано это было с помощью вышеупомянутых «рейнджеров». Наряду с покровительством талибам, усмирению Карачи надо рассматривать как еще одну операцию, осуществленную министром внутренних дел Н. Бабаром, который, впрочем, координировал свои усилия с руководством армии и Объединенной войсковой разведки⁸⁵.

В середине 1995 г. обострилась ситуация в наиболее крупной провинции Панджаб. Существовавшее там коалиционное правительство ПНП и ПМЛ (Джунеджо) во главе с представителем последней М.А. Ватто ушло в отставку из-за внутренних разногласий. Позиции нового кабинета (С.А. Накаи), где лидирующую роль играла уже ПНП, оказались значительно слабее. Тем более, что Ватто подал апелляцию в Лахорский высший суд. Пытаясь спасти положение, Б. Бхутто прибегла к тактике давления, омрачившее ее отношения с влиятельной корпорацией судей.

Многочисленные политические неурядицы легли на неблагоприятный экономический фон. Эффект от реформ, предпринятых еще переходным кабинетом М. Куреши, не был долговременным, хотя макроэкономические показатели за 1993/94 г. улучшились. Правительство Бхутто объявило о проведении либеральной политики в области приватизации (были выставлены на торги десятки объектов государственной собственности), а также в сфере отношений между капиталом и трудом (начата программа социального действия, заключено соглашение с Международной организацией труда в Женеве). Кабинет министров открыл возможности для функционирования международных неправительственных организаций (НПО), заручился принципиальным согласием ряда частных компаний из США, Японии, Южной Кореи и Гонконга о вложениях в базовые отрасли экономики, в первую очередь энергетику. Энергетический план предусматривал инвестиции в 4 млрд. долл. Однако на результатах всех этих мер и договоренностей отрицательно сказался разгул беспорядков и бандитизма в самом сердце деловой активности – Карачи. Только за один день в марте 1995 г. (после убийства американских дипломатов) индекс Карачинской фондовой биржи упал на 29 пунктов и его продолжало лихорадить в дальнейшем⁸⁶.

К тому же засуха и вредители нанесли в 1994 г. заметный ущерб урожаю хлопчатника. Это сказалось на доходах от экспор-

та и заставило Пакистан обращаться за срочной помощью к международным кредиторам. МВФ предоставил кредит в 1,3 млрд. долл., что увеличило и без того большой внешний долг (к 1993 г. государство задолжало Всемирному банку 8 млрд., а Азиатскому банку развития – 7,4 млрд. долл.)⁸⁷.

Международные кредиторы требовали от Исламабада осуществления жестких монетаристских мер, сокращения бюджетного дефицита, роста собираемости налогов и т. п. Но попытки следовать этим рекомендациям наталкивались на сопротивление в обществе. Деловые круги протестовали против увеличения налоговых ставок, хотя после активного участия в политической борьбе в 1993 г. (на стороне Н. Шарифа) организации крупного капитала на время отошли от публичной политики.

Экономические тучи стали сгущаться еще более с конца 1995 г. Валютно-финансовые резервы резко сократились, надежды на доходы от приватизации не оправдались из-за недостатка покупателей, усилился застой в производстве, выросло число локаутов и перманентно закрытых предприятий. Высоким оставался и уровень инфляции (14 и более процентов в год). Б. Бхутто предприняла попытку договориться с руководством МВФ, однако ее переговоры с заместителем директора фонда С. Фишером не принесли облегчения. Под жестким давлением кредиторов Исламабад согласился инициировать принятие мини-бюджета в октябре, по которому возросли налоговые ставки и была произведена девальвация рупии на 7 %⁸⁸.

Принятие как основного, так и дополнительного бюджета 1995 г. сопровождалось массовыми акциями недовольства, организованными оппозиционными партиями. Волной широких протестов было отмечено и обсуждение бюджета в июне 1996 г. Проект бюджета предусматривал повышение ставок Общего торгового налога (тяжесть которого падает на мелких продавцов и потребителей) и введение новых налогов на сумму в 40 млрд. рупий. В ходе разгона демонстрантов несколько человек, принадлежавших к радикальным исламским организациям, погибли⁸⁹.

Масла в огонь добавили сообщения международных организаций о глубоко затронувшей пакистанские верхи коррупции. Согласно опубликованному летом 1996 г. докладу «Транспэрэнси интернешнл» (организации со штаб-квартирой в Берлине), Пакистан оказался на втором месте в мире по уровню коррумпирован-

ности. Слухи о продажности чиновников были широко распространены в обществе, во взяточничестве и казнокрадстве обвиняли людей из ближайшего окружения премьер-министра, в первую очередь ее мужа А.А. Зардари. Будто специально, чтобы усугубить ситуацию, Б. Бхутто в конце лета 1996 г. назначила его министром по делам инвестиций. Не успел стихнуть шок от этого назначения, как за ним последовало другое: на пост министра науки и технологии назначили Н. Хокхара – его ранее подвергли аресту по подозрению в махинациях с долговыми обязательствами.

Сильным ударом по престижу премьер-министра стало убийство в перестрелке с полицией 20 сентября 1996 г. ее брата Муртазы Бхутто. Он вернулся из длительного пребывания за границей в октябре 1993 г. и, отсидев в тюрьме семь месяцев до освобождения под залог, начал борьбу с сестрой за лидерство в ПНП. В семейной междоусобице его поддержала мать Нусрат, которую пришлось освободить от должности почетного президента партии (она занимала ее со времени казни З.А. Бхутто в 1979 г.). Муртаза прославился громкими популистскими заявлениями и резкими высказываниями в адрес мужа сестры. Его действия вызвали раскол в партии, но за ним пошли лишь немногие. Погиб Муртаза при невыясненных до конца обстоятельствах, не подчинившись требованиям полицейских. Подозрения в его убийстве упали на Зардари. Беназир яростно отрицала свою и его причастность⁹⁰.

К этому моменту испортились ее отношения с президентом Легхари, и премьер позволила себе публично связать его действия по сближению с оппозицией с гибелью брата. Отчуждение между ними нарастало с марта 1996 г. в связи с конфликтом между правительством и Верховным судом по поводу ряда кандидатур на должности судей. Президент осенью встал на сторону высшей судебной инстанции, а 5 ноября 1996 г. объявил об отставке правительства, роспуске парламента и проведении новых выборов в начале февраля 1997 г.

Еще одна попытка Н. Шарифа

Решение президента было воспринято в стране со вздохом облегчения – непопулярность правительства достигла максимума. Главой переходного кабинета (до выборов) Ф. Легхари назначил ветерана пакистанской политики, известного в свое время деятеля

ПНП Мерадж Халида. Как и предшествующее правительство такого типа (М. Куреши), кабинет попытался навести порядок в экономике. С подачи советника премьера, еще одного бывшего вице-президента Всемирного банка Ш.Дж. Бурки⁹¹ Пакистан прибег к внешним займам (почти на 1 млрд. долл.), чтобы справиться с бюджетным и платежным дефицитом и оживить деловую активность. Однако ничего, кроме увеличения долга и роста цен, это не дало.

Между тем кризис в обществе оказался настолько глубоким, что некоторые круги советовали президенту отложить проведение выборов, дав переходному правительству возможность осуществить необходимые преобразования и структурные перемены. Он, однако, на это не пошел, прислушавшись к мнению, что «лекарство от плохой демократии – больше демократии». Тем не менее в начале 1997 г. в стране появился новый внеконституционный орган – Совет по обороне и национальной безопасности. Созданный формально по инициативе правительства, он возглавлялся президентом и состоял, с одной стороны, из глав ведущих министерств, а с другой – из начальников штабов видов войск. Идея такого консультативного органа зародилась еще в конце 1980-х, при Зия-уль-Хаке, и состояла в легализации политической роли военных. Характерно, что Совет продолжал функционировать и после проведения выборов, хотя значение его заметно снизилось⁹².

Выборы состоялись в начале февраля 1997 г. и отличались редкой даже для Пакистана пассивностью избирателей. По официальным данным, в них приняло участие 36 % имеющих право голоса, но, по мнению наблюдателей, голосовало лишь около 26 %. На протяжении всех четырех выборов (1988, 1990, 1993 и 1997 гг.) явка оставалась низкой (по сравнению, например, с Индией или Бангладеш) и понижавшейся. Причины малого участия – в пассивности женщин, которых сдерживает диктат мужчин, не желающих чаще всего их участия в общественной жизни, в высоком возрастном пороге (21 год), недостатке конкурентности, в культуре политической борьбы на местном уровне. Особенностью выборов 1997 г. было то, что они пришлись на месяц поста (рамадан) и отличались невыразительностью предвыборной кампании, проходившей в обстановке апатии масс, их разочарованности в политических лидерах и идеалах. Пакистанская

народная партия, выступавшая, как правило, с призывами защиты прав бесправных групп, трудовых слоев, оказалась дискредитированной, ее агитация не привлекла к себе повышенного внимания даже в Синде, тем более что в рядах ПНП произошел раскол. Вдова погибшего Муртазы Бхутто ливанка Гхинва возглавила новую партию, которая получила два места в провинциальном собрании.

В целом же полную победу на выборах одержала Пакистанская мусульманская лига во главе с Н. Шарифом. Собрав около 50 % голосов, ПМЛ завоевала 135 мест в нижней палате федерального собрания, что составило более двух третей. Еще более внушительным было ее преимущество в провинциальной ассамблее Панджаба – 211 из 240 мест. В Синде она уступила ПНП и МКМ (Объединенному национальному движению), но образовала правительство в союзе с последним. В СЗПП ПМЛ поделила места почти поровну с Народной национальной партией А. Вали Хана и обеспечила на некоторое время сотрудничество с ней, обещая выполнить требование о переименовании провинции в Пуштунхва (пуштунскую). Самыми слабыми позиции партии-победительницы оказались в Белуджистане: всего 6 мест из 43⁹³.

Добившись превосходства на политическом олимпе, Н. Шариф постарался немедленно использовать его для установления единоличной власти. Федеральное собрание сразу после выборов приняло 13-ю поправку к конституции, которая перечеркивает принятую при Зия-уль-Хаке 8-ю поправку, дававшую президенту значительные полномочия, в частности право отправлять правительство в отставку и распускать парламент. Впервые со времени З.А. Бхутто пост премьер-министра стал, безусловно, главным в системе отправления государственной власти. Принятие этой поправки поддержали почти все политические силы, в том числе и ПНП Б. Бхутто. Потерпев полное поражение (ее партия получила лишь 19 мест в Национальном собрании) и подвергнув сомнению чистоту выборов, она на первых порах пыталась сотрудничать с Н. Шарифом, испытывая горечь от «предательства» президента.

Между тем борьба с президентом Легхари постепенно вышла для премьера на первый план. В августе 1997 г. Н. Шариф инициировал принятие парламентом антитеррористического закона. Оправданием для него служила критическая ситуация с поддержанием порядка и безопасности (межсектантские столкновения

за первую половину года только в Панджабе унесли жизни 130 человек). Однако предложенные законом меры вызвали подозрения в том, что они могут быть использованы для расправы с политическими оппонентами и позволят властям нарушать конституционные принципы – презумпцию невиновности, защиту от психологического давления и пыток со стороны полиции и следственных органов. Закон предусматривал создание специальных судов для борьбы с террористической активностью, которые не были поставлены под контроль Верховного суда и всей судебной вертикали. Это вызвало острую критику со стороны верховного судьи С.А. Шаха и послужило прологом к последовавшей затем драматической борьбе.

Стремясь показать, что судебная система может справиться с возросшим грузом работы, С.А. Шах расширил состав верховного суда, назначив пять новых судей для рассмотрения затянувшихся дел. Премьер только под давлением армии согласился с этим решением, но затем вызвал раскол в судебной корпорации, что привело к появлению альтернативного верховного суда. Верховный судья открыл дело по обвинению премьера в оскорблении суда, а сторонники Н. Шарифа во главе с сенаторами и депутатами собрания в знак протеста пошли на штурм здания, где проходило слушание дела. Премьер требовал от президента вмешаться и отправить верховного судью в отставку, но тот принял сторону судьи и поплатился. Не поддержанные армией, президент и верховный судья в начале декабря подали в отставку. Наваз Шариф торжествовал победу. На пост президента в конце 1997 г. избрали его протеже Рафик Тарара, человека исламистских взглядов, близкого к ставшему весьма влиятельным отцу премьера М. Шарифу⁹⁴.

Несмотря на неудачи религиозно-политических партий на выборах (в 1997 г. *Джамаат-и ислами* и *Джамиат-е улема-е Пакистан* предпочли их бойкотировать), исламизм как идеология, особенно в сочетании с национализмом, укрепил свои позиции. Следуя во многом линии Зия-уль-Хака во внешней и внутренней политике, Н. Шариф приветствовал успехи движения Талибан в Афганистане, действия сепаратистов в Чечне и, разумеется, борьбу за «освобождение» в Кашмире. В октябре 1998 г. правительство внесло на рассмотрение парламента 15-ю поправку к конституции, дополнявшую ее статьей 2В, в которой утверждалось, что

Коран и сунна пророка должны быть верховным законом Пакистана. Так как правящая партия обладала большинством в нижней палате парламента, то голосами ее членов эта поправка (конституционный акт) была принята в тот же день, по существу, без обсуждения. Представители оппозиционных партий не могли возражать против буквы законопроекта, но высказались за его неодобрение ввиду разъяснений к статье, утверждавших, что именно федеральное правительство «обязано принять меры к насаждению шариата» и оно же получает право, ссылаясь на новую статью, игнорировать другие нормы и положения конституции⁹⁵.

Вступление 15-й поправки в силу ознаменовало бы усиление не только исламской составляющей в официальной идеологии и практике Пакистана, но и единоличного диктата Н. Шарифа. Однако без одобрения сенатом, где у ПМЛ не было большинства, поправка осталась лишь проектом, свидетельством о намерениях, о которых, как и в 1993 г., премьер-министр поторопился объявить. Между тем в 2000 г. после изменения состава сената в соответствии с принципом ротации партия Шарифа могла бы получить там большинство.

Нетерпение премьера вызвало опасения у его противников из числа политиков, среди судейского корпуса (верховенство шариата могло привести к подрыву сложившейся системы судопроизводства, базирующейся на унаследованном с колониальных времен обычном английском праве) и среди генералитета, который с опасением наблюдал за стремлением гражданской власти покончить с зависимостью от военных.

В ноябре 1998 г. начальник штаба армии генерал Дж. Карамата предложил создать Совет национальной безопасности на тех же, по сути, основах, что и учрежденный в начале предшествующего года Совет по обороне и национальной безопасности. Однако премьер не согласился и вынудил генерала досрочно уйти в отставку. Многие среди высших офицеров были недовольны добровольной отставкой Карамата, которую тот впоследствии объяснял нежеланием бросать вызов «законно избранному» правительству⁹⁶.

Пост начальника штаба (фактически главнокомандующего основным и политически наиболее значимым видом войск) получил генерал Первез Мушарраф, выбранный премьером в обход ряда генералов старше его по стажу пребывания в должности. Мушарраф в отличие от своего предшественника и большинства

других высших военачальников не был панджабцем, а принадлежал к общине мухаджиров (родился в 1943 г. в Дели). Выбор Шарифа, вероятно, продиктовало то соображение, что Мушарраф не сможет рассчитывать в случае кризиса на поддержку коллег-генералов. Замена начальника штаба армии способствовала еще большему охлаждению между премьером и военной верхушкой, а через год стало ясно, что он ошибался и по части отношения к Мушаррафу с ее стороны.

Объяснить назначение Мушаррафа на ключевой пост в вооруженных силах может также стремление Шарифа расширить базу поддержки за счет непанджабцев. Дело в том, что «панджабизация» власти к тому времени достигла предела. Помимо поста премьер-министра панджабцами были также президент, председатель сената, спикер Национального собрания и верховный судья. При этом еще в 1997 г. пост президента занимал представитель белуджского по происхождению рода из юго-западного Панджаба (Ф.А.Х. Легхари), а главы судебной корпорации – член уважаемой семьи саидов (потомков пророка) из Карачи (С.А. Шах).

Обострение отношений между группами политиков, которые выражали интересы панджабцев и непанджабцев, дало о себе знать в начале 1998 г. в факте разрыва сохранявшегося девять лет политического альянса ПМЛ Н. Шарифа и ННП А. Вали Хана. Благодаря коалиции этих партий, правительство в СЗПП пользовалось абсолютной поддержкой в провинциальной ассамблее. Опираясь на казавшийся прочным фундамент, Вали Хан и его сторонники выступили с инициативой переименования пограничной провинции в Пуштунхва (пуштунскую) и осенью 1997 г. добились одобрения этой идеи в провинциальном парламенте. Требовалось согласия федерального правительства, договоренность о котором, как будто, имелась, но Н. Шариф и его партия отказались от нее, опасаясь, видимо, что изменение названия – только начало, а за ним последуют требования усилить провинциальную автономию⁹⁷.

Важной опорой режима власти в стране оставалась коалиция между правящей в центре партией и наиболее влиятельной политической силой в Карачи – МКМ А. Хуссейна. Опираясь на этот союз, ПМЛ смогла сформировать кабинет в Синде, несмотря на сильные позиции партии Б. Бхутто в провинциальном собрании.

Назначение П. Мушаррафа помогало укрепить союз панджабцев с мухаджирами. Вместе с тем оно не было способно преодолеть вражду и размежевание в рядах последних.

Основная линия противостояния была прежней – конфликт между группировками А. Хуссейна и А. Ахмеда, так называемой подлинной (*хакики*) МКМ. В ряде районов города Хакики МКМ имела полное превосходство, и они оставались табу (*no go areas*) для полиции и других представителей местных властей. Ситуация с законностью и порядком в Карачи продолжала оставаться крайне неблагоприятной. За 1998 г. там были убиты 1035 человек, в том числе известный своей благотворительной деятельностью глава ведущей фармацевтической компании «Хамдард фаундейшн» Х.М. Саид (одно время исполнял обязанности губернатора провинции), председатель совета Пакистанской металлургической компании С. Хуссейн, бывшие члены Национального собрания и др.⁹⁸

Вновь резко увеличилось число нападений и террористических актов на сектантской почве, главным образом между суннитами и шиитами. Зимой 1997–1998 г. они охватили Панджаб, прежде всего Лахор. В январе там произошел один из самых кровавых инцидентов. Группа налетчиков расстреляла толпу шиитов на кладбище, убив на месте 22 и ранив свыше 50 человек. В городе прошла стихийная акция протеста, которая также не обошлась без насилия и вандализма. Еще большими беспорядками сопровождались похороны жертв расправы. В центре города хозяйничали грабители и мародеры⁹⁹. Взаимные расправы шиитов и суннитов долго не утихали. Помимо Лахора (где за 8 месяцев жертвами террора стали 1230 человек), они затронули западные округа Панджаба (Джанг и Дерагазихан), отдельные районы СЗПП (Хангу) и Карачи. В последнем убили главного муллу крупнейшей суннитской (деобандской) мечети и медресе при ней в районе Бинори-таун, а также ряд других видных религиозных деятелей. В организации преступлений общественность подозревала лиц, связанных с суннитскими *Сипах-и сахаба Пакистан*, *Лашкар-и джангви* и шиитскими *Техрик-е джафрия Пакистан*, *Сипах-и Мухаммад*. Руководители этих организаций отрицали свою причастность, требуя от правительства найти и наказать виновных. Но раскрываемость преступлений на сектантской

почве была наиболее низкой по сравнению с другими видами нарушения закона¹⁰⁰.

К конституционному кризису 1997 г. при втором правительстве Н. Шарифа добавился упадок институтов местного самоуправления. Решением кабинета отменялись выборы в нижние звенья системы – деревенские панчаяты и районные советы. Сохранение выборов на уровне округов (дистриктов) не спасало структуру от бюрократизации¹⁰¹.

Несмотря на сохранение союза между ПМЛ и МКМ, с осени 1998 г. в Синде было введено прямое правление из центра. В течение первых шести месяцев его осуществлял губернатор, а затем специальный советник правительства по синдским делам Г.А. Шах, получивший пост главного исполнителя (*chief executive*). Такими мерами правительство пыталось нормализовать обстановку в самой неспокойной провинции.

Одновременно Н. Шариф принялся сводить счеты со своими политическими соперниками. Еще в 1997 г. по инициативе его правительства была создана Комиссия по ревизии (*энтесаб*) в целях борьбы с коррупцией. Но ее деятельность свелась к проверкам и расследованиям в отношении отдельных лиц. Учреждение специальных подразделений, занимающихся рассмотрением дел о злоупотреблениях в судах высших инстанций, дало возможность судебного преследования Б. Бхутто и ее мужа А.А. Зардари. В апреле 1999 г. Высший суд в Лахоре приговорил их к пяти годам заключения, штрафу и конфискации имущества, а также запрету на занятие публичных должностей. Бхутто судили заочно, так как она в свое время уехала за границу, а ее супруга – очно, причем после двух с половиной лет, проведенных в предварительном заключении¹⁰².

Политический, по сути, приговор, учитывая, что оба осужденных возглавляли одну из основных оппозиционных партий, подчеркивал непримиримость борьбы за власть. Между тем как сама власть после двух лет правления Н. Шарифа находилась в критическом состоянии, столкнувшись с рядом исключительно серьезных проблем в социальной и экономической сферах.

Министерство финансов в кабинете ПМЛ возглавлял С. Азиз, сторонник сохранения у государства ключевых активов и планируемого регулирования инвестиционной и всей хозяйственной активности. В отличие от курса переходного правительства

М. Халида, политика нового кабинета состояла в стимулировании не потребления, а производства. Главным инструментом такой политики являются государственные субсидии, а почти неизбежным спутником – увеличение дефицитного финансирования расходов по бюджету. Компенсировать рост расходов правительство постаралось с помощью мер по привлечению валютных средств пакистанцев, проживающих за рубежом. Кроме того, Н. Шариф объявил о ряде популистских программ, провозглашавших такие цели, как бесплатное начальное образование для всех, обеспечение медикаментами бедных, прогрессивное рабочее законодательство, защиту прав меньшинств и женщин.

Однако обещания оказались невыполненными, а Пакистан не вышел из полосы замедленных темпов экономического роста. При этом позитивная динамика поддерживалась в основном экстенсивными факторами, в основе которых лежал рост населения и рабочей силы. В первый же год пребывания Н. Шарифа у власти дефицит бюджета превысил 5 % ВВП, и государство потеряло поддержку стабилизационных программ МВФ. Тяжело отразился на экономике страны и поразивший многие азиатские страны финансовый кризис 1997–1998 гг. Вызванное им сокращение импорта, правда, позволило уменьшить внешнеторговый дефицит, зато выросли цены и потребовались дополнительные средства на систему рационированного (по карточкам) снабжения населения некоторыми товарами (растительным маслом, мукой и т. п.).

Подлинную панику среди представителей средних слоев, главным образом горожан с определенными накоплениями, вызвало объявленное правительством в конце мая 1998 г. чрезвычайное положение в связи с проведением Пакистаном подземных ядерных испытаний. Опасаясь, что вводимые США и Японией экономические санкции вызовут крах финансовой системы, указом президента были временно заблокированы счета в иностранной валюте, устанавливались ограничения на суммы вкладов, снимаемых юридическими и физическими лицами, вводились ограничения на операции с обменом и трансфертом валюты. Эффект от этих мер (очереди и неразбериха в банках, выезд многих пакистанцев за рубеж и т. п.) был похож на последствия объявленного через несколько месяцев в России дефолта по внешним займам и последовавшего резкого понижения курса рубля.

Кризис 1998 г. был тесно связан с внешней и оборонной политикой правительства. Партия Н. Шарифа в ходе предвыборной кампании 1997 г. демонстрировала стремление добиваться прогресса в двусторонних отношениях с Индией. Придя к власти, она постаралась выполнить это обещание. Первая после длительного перерыва (с начала 1994 г.) встреча дипломатов двух государств имела место уже через месяц после выборов. Для улучшения связей была использована также возможность, предоставленная очередной, девятой по счету встречей на высшем уровне стран – членов СААРК (Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества) в мае 1997 г. в Мале (на Мальдивах). Состоявшиеся в ее ходе контакты между Н. Шарифом и индийским премьером И.К. Гуджралом носили подчеркнуто дружественный характер. Стороны договорились о возобновлении переговоров по спорным проблемам и летом – ранней осенью прошли три тура консультаций на уровне первых заместителей министров внешних сношений (иностранных секретарей). Однако затем они были прерваны в связи с отсутствием прогресса в кашмирском вопросе и обострившейся в августе-сентябре обстановкой на линии контроля в Кашмире (перестрелками и артиллерийскими дуэлями в северном секторе Каргил) ¹⁰³.

Хотя Пакистан с трудом мог поддерживать крупные военные расходы (уровень жизни населения по сравнению с началом десятилетия заметно понизился – о чем свидетельствовали результаты представительных полевых исследований), правительство продолжало выделять на нужды вооруженных сил большие бюджетные ассигнования – в 1997/98 и 1998/99 гг. равнялись 5,3 и 4,9 % ВВП. Хотя они были несколько ниже, чем в предыдущие годы, однако превышали в полтора раза соответствующие индийские показатели ¹⁰⁴.

Сохраняя на достаточно высоком уровне расходы на оборону, Н. Шариф пытался обеспечить себе поддержку армии. В то же время крупные военные расходы и просачивающиеся в печать сведения о военно-техническом, в особенности ракетно-ядерном, сотрудничестве Пакистана с КНР негативно настраивали против Исламабада общественное мнение в Индии. Существенную роль этот момент приобрел после победы на внеочередных выборах там в феврале-марте 1998 г. индусско-националистической *Бхаратия джаната парти* (БДА; Индийской народной). В ходе

предвыборной кампании лидеры победившей партии настаивали на праве Индии войти в круг ядерных держав, проведя испытания оружия. В начале апреля Пакистан провел испытательный полет своей ракеты «Гхори» радиусом действия до 1,5 тыс. км. Это помогло подготовить общественное мнение в Индии к восприятию сообщений об ответе в виде ядерных испытаний. Впрочем, индийские официальные лица (в частности министр обороны Дж. Фернандес) активно обыгрывали фактор потенциальной угрозы со стороны Китая¹⁰⁵.

Проведенные 11 и 13 мая подземные испытания пяти индийских ядерных боезарядов вызвали в мире смятение и удивление, — уж слишком противоречил этот шаг утвердившейся к тому времени тенденции отказа от испытаний и сокращения ядерных военных программ. Индийские взрывы поставили Пакистан перед сложной дилеммой. США и Япония не только осудили Индию, как другие развитые страны, но и ввели экономические санкции: прекратили программы помощи, заблокировали займы МВФ и Азиатского банка развития. В Исламабаде понимали, что если он ответит на индийские испытания своими, такие же санкции обрушатся на него, причем ударят значительно сильнее, так как внешний долг страны достиг тогда 30 млрд. долл., а золотовалютные резервы равнялись всего 600 млн. Президент США Клинтон оказал на Шарифа беспрецедентный нажим, но общественное мнение внутри страны победило. Большинство пакистанцев требовало ответных испытаний, чтобы «поквитаться» с Индией. 28 и 31 мая на полигоне Чагаи в Белуджистане в подземных шахтах были взорваны шесть боезарядов разной мощности, что уравнило количество испытательных взрывов с учетом первого индийского, осуществленного еще в 1974 г. Известие о взрывах встретили в стране с ликованием. По данным одного социологического опроса, их одобрили 97 % участников¹⁰⁶. Согласно другим данным, безусловную поддержку выразили более двух третей опрошенных¹⁰⁷.

Вслед за ликованием наступило отрезвление, и представители среднего класса на себе почувствовали тяжелые последствия произошедших событий. Экономические санкции США были вскоре несколько смягчены: в Пакистан поставили 350 тыс. т пшеницы, что отвечало интересам не только его, но и американских фермеров, чья продукция нашла сбыт.

В августе 1998 г. отношения с Вашингтоном вновь осложнились из-за поддержки Исламабадом движения Талибан, которое предоставило возможность действовать на своей территории арабским джихадистам из Аль-Каиды. После того как американская разведка установила, что именно они спланировали и осуществили террористические акты у зданий американских посольств в Восточной Африке (в Кении и Танзании), в Вашингтоне приняли решение нанести удары крылатыми ракетами по тренировочным базам бен Ладена в горах Афганистана. Не предупредив Пакистан, американские военно-морские силы выпустили около сотни ракет, нарушая его воздушное пространство. Некоторые из ракет упали недалеко от пакистанских деревень. Известие о ракетных атаках вызвало острое недовольство в Пакистане. Премьер-министр звонил по этому поводу президенту США ¹⁰⁸.

Вместе с тем зависимость страны от главного донора и традиционного союзника была велика и, проглотив обиду, Н. Шариф осенью вторично встречался с Клинтоном, приехав в Нью-Йорк, как и в 1997 г., для участия в работе Генеральной ассамблеи ООН. Администрация США, нуждаясь в Пакистане и возлагая основную ответственность на Индию за подрыв системы ядерного нераспространения, выступила с инициативой официального визита пакистанского премьера, который и состоялся в декабре того же года. В его ходе было, наконец, достигнуто решение вопроса о задолженности Вашингтона на сумму в 470 млн. долл., уплаченную Исламабадом за самолеты F-16. Конгресс согласился с возвратом 70 % этой суммы Пакистану с покрытием остающихся 30 % грантом в виде поставок в течение двух лет пшеницы и других товаров ¹⁰⁹.

Разрешение восьмилетнего спора на условиях, приемлемых для обеих сторон, позволяло рассчитывать на прогресс в главном для американцев вопросе. Они настойчиво добивались от Пакистана и Индии обещания не проводить новых испытаний ядерного оружия и присоединения к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Несмотря на усилия американской дипломатии во главе с заместителем госсекретаря С. Тэлботтом, который провел за полтора года восемь раундов переговоров в Исламабаде и Дели ¹¹⁰, склонить ни ту ни другую сторону к подписанию ДВЗЯИ не удалось. Пакистан соглашался это сделать лишь после или вместе с Индией.

Хотя Индия и Пакистан отказались от формальных обязательств, они дали понять, что не намерены в ближайшее время продолжать проведение испытаний. В июле 1998 г. состоялась встреча между премьер-министрами двух стран во время или, как говорят, «на обочине» очередного саммита СААРК в Коломбо. Премьеры обсудили спорные вопросы и договорились о возобновлении двусторонних переговоров на уровне секретарей по иностранным делам¹¹¹. В октябре в Исламабаде прошла первая из намеченных встреч дипломатов, а в феврале 1999 г. премьер-министр Индии А.Б. Ваджпай совершил первую в истории двусторонних связей поездку на автобусе в Пакистан. Доехав до Лахора, он провел там переговоры с Н. Шарифом. Принятую по их окончании Лахорскую декларацию расценили как основополагающий документ, принятый в развитие Симлского соглашения 1972 г. Она намечала механизмы укрепления мира и безопасности в регионе, меры по снижению риска возникновения конфликта между двумя государствами и ставила в качестве цели усиление внимания к решению всех спорных вопросов, включая кашмирский¹¹².

Однако уже в ходе встречи генералы во главе с П. Мушаррафом продемонстрировали прохладное отношение к высокому визитеру из Индии, не появившись на церемонии торжественной его встречи на границе. Утверждается, что в первоначальном тексте декларации не было упоминания о Кашмире, и оно было внесено только по настоятельному требованию армии¹¹³.

Несмотря на фанфары, с которыми встретили в регионе и мире Лахорское соглашение, оно не оказало существенного воздействия на обстановку. Вплоть до апреля, когда правительство А.Б. Ваджпай ушло в отставку, не получив вотума доверия в парламенте, и продолжило свою деятельность как переходное, до назначенных на сентябрь новых выборов, сторонами не предпринимались усилия по углублению диалога. А в начале мая между ними начался вооруженный конфликт.

Столкновения произошли на самом северном участке линии контроля в Кашмире в районе находящегося на индийской стороне городка Каргил. Конфликт вызвали действия Пакистана, со стороны которого была нарушена фактическая граница. Сообщения о ее нарушителях застигли индийскую армию врасплох. Первоначально индийцы полагали, что речь идет о небольшом

числе диверсантов, действовавших при активной поддержке со стороны регулярных пакистанских частей. Однако вскоре обнаружилось, что пакистанцы не только пересекли линию контроля, но и укрепились на захваченной территории. Они соорудили оборонительные посты на стратегически важных высотах в 4–5 тыс. м над уровнем моря, выводящих на позиции, откуда можно атаковать шоссейную дорогу, проложенную между столицей индийского штата Джамму и Кашмир Сринагаром и Лехом, главным городом северо-восточной области Ладакх, граничащей с Китаем ¹¹⁴.

Сообщения о столкновениях в Кашмире вызвали возмущение в Индии и смешанную реакцию в Пакистане. Исламабад в течение всего времени конфликта утверждал, что его регулярные части не нарушали линии контроля, а лишь оказывали помощь перешедшим ее кашмирским «борцам за свободу». Но сразу после прекращения боев начальник штаба армии признал, что пакистанские войска осуществляли «вооруженное патрулирование» на индийской стороне линии контроля с целью «предотвращения возможного нападения индийских войск» ¹¹⁵.

Впоследствии близкая к пакистанским официальным кругам журналист и политолог Ш. Мазари выпустила книгу о Каргильском конфликте, где содержится утверждение со ссылкой на информацию, полученную от военных, что никаких кашмирских боевиков в начале операции не было. Она была задумана и осуществлялась как превентивная акция силами так называемой Северной легкой пехоты, созданной в 1970-х годах из полувоенных отрядов скаутов (разведчиков). После Каргильского конфликта СЛП была преобразована в регулярный пехотный полк пакистанской армии ¹¹⁶. Автор книги упоминает, что «отдельные местные добровольцы (разакары)» присоединились к действиям военных позднее ¹¹⁷.

Ш. Мазари выражает недоумение по поводу позиции официальных властей Пакистана, которые не стали информировать о реальной картине происходящего. Она пишет, что все началось с ошибки индийской разведки, которая, перехватив армейские переговоры на языках пушту и балти, сочла, что против нее действуют кашмирские террористы. Узнав об индийской версии, Пакистан не стал ее опровергать, что, по мнению автора, было круп-

ной ошибкой. Не уточняя, кто в ней виноват, она освобождает от ответственности армию, которая занималась своим делом.

Между тем очевидно, что, оказавшись в состоянии войны, политическое руководство Пакистана попыталось извлечь выгоду и представить локальный конфликт эпизодом борьбы «кашмирского народа» за освобождение. С этой целью оно позволило ведущим организациям кашмирских боевиков-джихадистов, в частности лидеру крупнейшей организации *Хезб-ул-муджахеддин* С. Салахуддину, усилить пропаганду с пакистанской территории. Скорее всего, тогда же началась подготовка к активизации подрывных действий внутри индийского штата.

Индия предприняла энергичные меры для возвращения контроля над захваченными высотами. С конца мая она стала использовать авиацию (самолеты МиГ-21, МиГ-27 и вертолеты Ми-17) для нанесения ракетно-бомбовых ударов по пакистанским позициям. В ходе операции два самолета и один вертолет были сбиты. Индийские ВВС, используя также в дальнейшем более новые самолеты Мираж-2000, совершили в общей сложности 550 боевых вылетов, а Пакистан подверг артиллерийской бомбардировке индийские позиции вдоль всей линии контроля. Ожесточенные бои длились более двух месяцев. Отдельные населенные пункты и высоты (Баталик, Тололинг и др.) несколько раз переходили из рук в руки. По официальным индийским источникам, в ходе боев погибли 487 человек и более тысячи были ранены. Согласно неофициальным оценкам, число жертв могло быть существенно больше. Пакистанская сторона данные о потерях не приводила, а по сообщениям индийской печати, количество погибших пакистанцев равнялось 698¹¹⁸.

Трудно не считать Каргильский конфликт четвертой индо-пакистанской войной. Вместе с тем по масштабам, интенсивности и продолжительности операций он несомненно уступал всем предшествующим вооруженным противоборствам. В отличие от ситуации 1965 и 1971 гг. внешняя международная среда явно не способствовала углублению конфликта. Мировое сообщество было единодушно в выражении своего беспокойства. Показательным стало совместное заявление государств «большой восьмерки» в конце июня, в котором они призвали Пакистан и Индию незамедлительно прекратить военные действия. Несколько

позже с аналогичным призывом обратился к премьер-министру Пакистана российский президент Б.Н. Ельцин ¹¹⁹.

Нужно, кстати, отметить, что за некоторое время до этого, в апреле, Н. Шариф воспользовался приглашением Москвы и посетил с официальным визитом Российскую Федерацию. В конце апреля в Пакистан отправилась делегация Госдумы во главе с ее спикером Г.А. Селезневым. Эти контакты хотя и свидетельствовали о стремлении сторон поднять уровень двусторонних отношений, однако не смогли в силу целого ряда причин оказать существенное на них влияние.

В ходе конфликта с Индией Пакистан пытался апеллировать к Китаю. 11 июня в Пекин направился министр иностранных дел С. Азиз. Однако руководство КНР на этот раз предпочло сохранить нейтралитет. Оно ограничилось призывом к сторонам проявлять сдержанность и урегулировать проблему Кашмира мирно, путем переговоров. Мало того, вслед за Азизом Пекин посетил министр внешних дел Индии Дж. Сингх. Оказанный ему прием подтвердил намерение Пекина пойти на сближение с Дели. Китай исходил, вероятно, как из регионально-политических, так и глобальных соображений. Только завершившиеся к тому времени действия НАТО против Югославии заставили КНР искать союзников для оказания отпора общей наступательной линии Запада, которая могла при определенных обстоятельствах угрожать и его интересам (отношения с США к тому же испортились в связи с рядом инцидентов, в частности ущербом, причиненным зданию посольства КНР в Белграде в ходе бомбардировок города).

В самом конце июня Пакистан предпринял еще одну попытку перетянуть на свою сторону Пекин. Туда направился сам премьер-министр Шариф, но визит оказался крайне неудачным. Отказ китайского руководства поддержать пакистанскую версию конфликта как «борьбу за освобождение Кашмира» послужил для мирового сообщества лишним аргументом в пользу индийской трактовки событий ¹²⁰.

Вашингтон также не захотел встать на сторону своего традиционного союзника Пакистана. Опасаясь разрастания конфликта и необходимости делать в результате сложный выбор, США приложили серьезные усилия для его прекращения. В конце июня президент Клинтон направил в Исламабад главнокомандующего Центральным (средневосточным) командованием генерала

А. Зинни. Тот передал Шарифу настойчивую рекомендацию Вашингтона отвести войска за линию контроля. Американцы тогда же довели до сведения Индии эту их позицию.

В отличие от 1965 г. США куда более активно включились в урегулирование конфликта между Индией и Пакистаном. Клинтон несколько раз разговаривал по телефону с пакистанским премьером, а 4 июля Шариф отправился для переговоров в Вашингтон. Не найдя там поддержки своей трактовки событий, премьер-министр обещал принять меры к отводу войск. По возвращении домой он не встретил сопротивления идеи отвода и объявил о нем в телевизионном обращении к нации 12 июля. Начавшись спустя два дня, передислокация полностью завершилась к концу месяца. Пакистанские части понесли при отступлении серьезные потери ¹²¹.

Каргильская война оказала большое влияние на политическую обстановку в обеих странах. В Индии военная операция под громким названием «виджай» (победа) помогла переходному правительству Ваджпай усилить позиции перед состоявшимися осенью выборами и способствовала приходу к власти в результате этого прежней коалиции во главе с БДП. Противоположный эффект она имела для Пакистана.

Его неудача состояла не столько в военном, сколько в политическом и пропагандистском проигрыше. Битой оказалась кашмирская карта, которую разыгрывал Пакистан. Несмотря на отвлечение сил индийской армии и правопорядка на север штата, кашмирским джихадистам не удалось развернуть действий во внутренних его районах. По иронии, они смогли активизироваться лишь позднее, после принятого Исламабадом решения об отводе войск. В ходе событий выявилась решающая роль Пакистана в предоставлении баз и аммуниции для планирования и осуществления террористических и диверсионных актов на территории индийского штата. Проблема Кашмира осталась для мирового мнения, с одной стороны, двусторонней, между Пакистаном и Индией, а с другой – гуманитарной. Убеждать мир в наличии широкого освободительного движения в индийской части Кашмира Исламабаду после Каргила стало крайне трудно ¹²².

Внутри страны это подорвало еще больше популярность и позиции правящих кругов. С публичной критикой принятого премьер-министром решения о прекращении войны с Индией

выступили исламисты. Они организовали шумные акции протеста. В июле-августе в Лахоре, Исламабаде, Пешаваре и других городах прошли антиправительственные демонстрации, в которых участвовали десятки и сотни тысяч, а по утверждению оппозиции, даже миллионы человек. Отношения между правительством и исламистами, особенно из партии улемов деобандской школы *Джамиат-уль улама-и ислам*, обострились давно. В январе 1998 г. на премьера было совершено покушение, в подготовке которого обвинили деобандскую организацию *Лаишкар-и джангви*. В апреле ее вожак Р. Басри погиб в перестрелке с полицией. Стремясь дистанцироваться от исламистов, кабинет Шарифа пошел на ослабление связей с Кабулом, где правили талибы, «духовные дети» пакистанских улемов¹²³.

Провалившаяся операция в Каргиле деморализовала как армию, так и общество. Ухудшилась экономическая ситуация из-за роста цен и безработицы. Столкнувшись с нехваткой средств и стремясь получить очередной кредит МВФ, правительство в сентябре объявило о повышении ставок налога с продаж на 15–18 %. В ответ оппозиция призвала к *харталу* (закрытию лавок и магазинов). Жизнь в Лахоре и ряде других крупных городов оказалась парализованной на несколько дней. Согласно распространившемуся мнению, исламистские партии готовились взять власть в свои руки, располагая хорошо вооруженными боевыми группами (численностью до 80–100 тыс. человек), закаленными в боях в Кашмире, Афганистане и Центральной Азии¹²⁴.

Многие в Пакистане полагали, что дни правительства сочтены и остановить исламистов может только армия. Генералитет с трудом приходил в себя после Каргила. Его особенно раздражало, что гражданский премьер, своевременно не поставив военных в известность, сдал позиции перед нажимом со стороны США. Затаив обиду, генералы во главе с Мушаррафом не пошли на открытый разрыв с властью. Но бурлящий котел, в который превратилась страна, был в немалой степени следствием их нежелания прийти на помощь правительству.

Н. Шариф после Каргила не сомневался, что армия только и ждет случая отстранить его от власти. Он информировал об этом Вашингтон, направив туда с деликатной миссией брата, главного министра Панджаба Шахбаза Шарифа. Премьер также принял меры по укреплению влияния в военной среде, делая ставку на

близкого к нему руководителя Объединенной войсковой разведки генерал-лейтенанта Х. Зияуддина и командующего одним из армейских корпусов Т. Парвеза. Одновременно премьер попытался «успокоить» Мушаррафа, предоставив ему, начальнику штаба армии, еще одну высшую должность – начальника объединенным штабом командующих видами войск. Это, однако, не помогло растопить лед недоверия между гражданским, общеполитическим руководством страны и ее военным начальством.

12 октября 1999 г. Н. Шариф предпринял попытку заменить руководство армии, подчинив ее себе. Он воспользовался кратковременным отсутствием Мушаррафа в стране и объявил о его смещении с занимаемых постов в момент, когда тот находился в самолете, возвращаясь на родину из Шри Ланки. Лайнеру «Пакистанских авиалиний» с Мушаррафом на борту было отказано в посадке в Карачи. Шариф хотел, чтобы самолет, имея ограниченные запасы топлива, приземлился где-нибудь за пределами Пакистана. Однако непосредственные подчиненные начальника штаба армии действовали быстро. Они арестовали Шарифа и заставили диспетчерскую службу Карачинского аэропорта разрешить посадку самолета. П. Мушарраф вышел из него новым правителем страны ¹²⁵.

Военный переворот, который, судя по всему, был неизбежен, подвел черту под 11-летним периодом попыток утвердить в Пакистане демократические порядки. Усилия в этом направлении оказались в общем и целом неудачными, и объясняется это воздействием многих факторов. Не берясь рассмотреть и даже назвать их все, отметим, что главным, пожалуй, было наследие предшествующей эпохи, продолжавшегося в течение также ровно 11 лет правления генерала Зия-уль-Хака. Именно в тот период закладывались основы проблем, которые ярко выявились на последующем этапе. К ним надо отнести рост межэтнических и межсектантских противоречий и столкновений, разрастание сферы «черной» экономики, криминальной и антиобщественной, и «серой», уходящей от уплаты налогов, соблюдения законов и юридических норм. Следствием зияульхаковской поры нужно считать катастрофическое ослабление государства как единой системы управления обществом, уход части последнего, особенно связанного с сектантско-исламистской идеологией, «в тень», усиление полукриминальных и криминальных структур.

Неудаче эксперимента с демократией способствовали и некоторые внешние факторы, в том числе погодно-климатические, хотя экстремальными, с этой точки зрения, весь период не назовешь. Важнее была потеря внимания со стороны внешних международно-политических сил. Речь идет прежде всего о США, которые после окончания холодной войны не захотели напрямую втягиваться в разрешение внутривосточного кризиса в Афганистане. Соответственно ослабла их заинтересованность в поддержке стабильности и порядка в Пакистане, тем более что правящие там силы не всегда и не во всем помогали Вашингтону.

Неудавшийся, по сути, демократический эксперимент, формирование системы лишь номинальной, глубоко дефектной демократии, управляемой сверху и «сбоку» (со стороны армии и гражданской бюрократии), сопровождался замедлением прогресса в экономике и социальной сфере. В отличие от Индии, сумевшей с начала 1990-х годов встать на путь либерализации и добившейся стабильно высоких темпов экономического роста, Пакистан не смог сделать аналогичный рывок – его ВВП в 1990–1999 гг. увеличивался в среднем на 3,8 % в год, что едва превышало темп роста населения (2,6 % за 1980–1999 гг.). При этом экономика росла в большей степени за счет сельского хозяйства (4,4 %), чем обрабатывающей промышленности (3,7 %) ¹²⁶.

К своему полувековому юбилею, который отмечался в августе 1997 г., Пакистан подошел со смешанными результатами. С одной стороны, опыт развития его экономики был впечатляющим. Начав практически с нулевой отметки в сфере промышленности, производственной и социальной инфраструктуры, Пакистан, как и многие другие развивающиеся страны, сделал скачок в индустриальном, инфраструктурном и аграрном развитии. Опровергая все опасения относительно экономической нежизнеспособности, он встал в ряд достаточно продвинутых государств «третьего мира», имеющих заделы в различных областях экономики, а также науки и технологии, особенно связанных с военным комплексом. С другой стороны, стране не удалось достичь перелома в решении проблем бедности и нищеты, ликвидации неграмотности и повышения уровня образования, особенно женщин.

Существенным для развития Пакистана фактором в период господства «номинальной демократии» была внешнеполитическая сторона деятельности его правительств. Ее отличала высокая

степень преємственности, ориентация на поддержание тесных отношений с США и в целом с Западом, включая Японию, а также с КНР и (в определенных областях) с КНДР, наконец, с исламскими странами, прежде всего Саудовской Аравией. Исламабад стремился проводить активную региональную внешнюю политику, пытаясь закрепить свои особые позиции и привилегии в Афганистане, продвинувшись через него на север в новые независимые государства Центральной Азии. Стремление сохранить паритет с Индией за счет ракетно-ядерной программы, а также попытка разыграть кашмирскую карту становились между тем все более затруднительными для страны. Это ярко продемонстрировала мини-война с Индией в 1999 г.

Унаследованная со времен Зия-уль-Хака афганская политика также завела в тупик. Поддержка, оказанная Исламабадом сначала пуштунским группировкам муджахедов (Г. Хекматьяру и др.), а затем талибам, не привела к установлению в Афганистане прочной структуры власти, которая бы соответствовала ожиданиям Пакистана. А затраты на проведение активной политики в отношении соседней страны оказались непомерно велики. Она возымела к тому же обратный негативный эффект на ситуацию в стране. Упорство, которое проявил Исламабад, поддерживая талибов и стоявших за ними представителей мировой сети экстремистски настроенных исламистов, отрицательно сказалось на отношениях с США и явилось одной из причин международной изоляции, в какую попал Пакистан в конце рассматриваемого периода.

ПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА П. МУШАРРАФА

Чрезвычайное положение (1999–2002 гг.)

Как обычно, в период резкого ухудшения экономической ситуации и крайней политической нестабильности в Пакистане к государственному руководству пришла армия. И как всегда она была представлена в роли «спасителя страны».

На этот раз, однако, непосредственной причиной открытого выхода военных на политическую арену явилось столкновение между гражданской исполнительной властью во главе с премьер-министром М.М. Наваз Шарифом и военной верхушкой, которую возглавлял начальник штаба армии генерал Первез Мушарраф. Столкновение это определялось борьбой двух реальных сил за приоритет во властной структуре. Не последнюю роль сыграла личная неприязнь двух лидеров.

Первым нанес, как уже указывалось, удар премьер-министр. В начале октября 1999 г. он попытался снять генерала с его поста. Однако ему это не удалось. Поддержанный военными П. Мушарраф произвел 12 октября переворот, уволил в отставку правительство, арестовал его главу и объявил себя руководителем Пакистана. В четвертый раз в стране было установлено правление военных.

Его форма была иной по сравнению со всеми предшествующими военными режимами. П. Мушарраф в отличие от своих предшественников никогда не ставил вопрос о несоответствии представительной демократии условиям Пакистана. Напротив, он постоянно заявлял, что стране необходима «полная демократия», «очищенная от всяких ограничений и наслоений, имеющая глубокие корни в обществе». В апреле 2000 г. П. Мушарраф провозгласил общенациональную кампанию по соблюдению в Пакистане прав человека.

При П. Мушаррафе не было введено, как это всегда делалось раньше, военное положение, а лишь чрезвычайное. Поэтому

не создавалась военная администрация по управлению страной. П. Мушарраф не имел поста Главного военного администратора, в провинциях не было военных администраторов. Текущую работу осуществляло чиновничество, но, естественно, под руководством и наблюдением офицеров соответствующего ранга. В провинциях таковыми были командиры дислоцированных здесь корпусов. Однако их роль не ограничивалась «скромными» провинциальными делами; они принимали участие в решении важных общегосударственных вопросов. Большую роль играли регулярно проводимые «комкоровские конференции», на которых под председательством П. Мушаррафа участвовали вместе с командирами корпусов высшие государственные деятели и на которых обсуждались принципиальные проблемы внутренней и внешней политики Пакистана.

Работа представительных органов была приостановлена, но сами они не были распущены. С некоторыми ограничениями продолжали действовать политические партии. Конституция страны не была отменена, а лишь «временно приостановлена». Функционировал выбранный еще в 1997 г. президент страны М.Р. Тарар. Генерал П. Мушарраф имел должность «главы исполнительной власти».

Все эти и некоторые другие отличия военного режима П. Мушаррафа от всех предыдущих были данью времени, изменившимся отношением мирового сообщества к диктатурам, пришедшим в результате свержения «законных руководителей». На рубеже XX–XXI веков это было неприемлемо, что проявилось в крайне негативной реакции мировой общественности, которая осудила переворот и рассматривала генерала П. Мушаррафа как «узурпатора власти». Он был нежелательной персоной во многих столицах мира. В Содружестве наций, объединяющем Англию и ее бывшие владения, членство Пакистана было приостановлено. Санкции, наложенные на него в связи с испытанием ядерного оружия в мае 1998 г., были расширены и ужесточены.

Чтобы ослабить негативное воздействие на свой непопулярный в современную эпоху режим, П. Мушарраф много сделал, чтобы его правление, хотя бы по форме, отличалось в лучшую сторону от всех аналогичных режимов в прошлом. Ему важно было также показать вынужденность своего шага и желание как можно скорее вернуться к гражданскому правлению. Разумеется,

отмеченные действия предназначались и для общественности своей страны.

В свете сказанного следует также отметить и подчеркнуть уважительное отношение нового правительства к судебным органам. После переворота Верховный суд хотя и оправдал приход армии к власти (по всей видимости, этот шаг суда был единственно возможным в той ситуации и не только из-за давления военных, но и вследствие реальной перспективы возникновения гражданской войны) и наделил генерала П. Мушаррафа правом вносить поправки в Конституцию¹, в то же время впервые установил временные рамки режима: ему было предписано возвращение к гражданскому управлению ровно через три года с момента прихода к власти. И хотя генерал мог, конечно, добиться отмены этого решения высшего судебного органа, изменить его состав и т.д., тем не менее постановление Верховного суда было принято как руководство к действию и выполнено.

Кроме этого принципиально важного вердикта Верховного суда, судебные органы и в дальнейшем имели возможность «сказать свое слово» по разным событиям. Так, в апреле 2001 г., рассмотрев иск ряда оппозиционных партий, высший судебный орган постановил, что некоторые положения правительственного указа о создании и деятельности комиссии по борьбе с финансовыми нарушениями противоречат гуманитарным статьям Конституции и нарушают права человека. Властям было предписано внести соответствующие коррективы в данный указ, что и было сделано². В феврале 2002 г. судебная власть отменила постановление правительства о создании специальных трибуналов с участием военных. Оппозиционные партии и правозащитные организации расценили правительственный указ как «милитаризацию судебной системы»³. В феврале 2003 г. Верховный суд объявил «дискриминационным и неконституционным» правительственный указ, который запрещал участие в выборах в Сенат политикам, потерпевшим поражение на выборах в Национальное собрание (они проходят раньше сенатских выборов).

Учитывая тяжелое наследие, доставшееся правительству П. Мушаррафа от прежних режимов, нетрудно представить себе, какой объем работы предстояло выполнить новым властям, чтобы оздоровить всю жизнь пакистанского общества, отвести страну от роковой черты, за которой ее ждал неминуемый крах. И провести

эту работу надлежало в трудных условиях фактической международной блокады Пакистана, роста исламистского радикализма и экстремизма в стране, усиления напряженности в отношениях с Индией.

В самой общей форме основными направлениями деятельности правительства стали усиление политической стабильности, реформирование государственно-политической структуры, подготовка условий (естественно, наиболее благоприятных для правящей верхушки) для перехода к гражданскому правлению. Такие же усилия были направлены на восстановление и развитие экономики страны, улучшение социально-экономического климата. Поскольку эти две проблемы охватывали практически все сферы жизнедеятельности пакистанского общества, то в ходе их урегулирования так или иначе решались и многие связанные с ними вопросы (от развития образовательной системы до борьбы с коррупцией).

Вся государственно-политическая работа режима шла в соответствии с разработанным планом действий под названием «Путь к демократии». Это была своего рода «дорожная карта» пути восстановления гражданского правления. Она предусматривала такие важные этапы, как организация системы органов местного самоуправления, проведение выборов этих органов, изменение в соответствии с новыми условиями прежней избирательной системы, подготовка к всеобщим выборам и, наконец, их проведение в октябре 2002 г., что должно было означать прекращение военного правления.

Программа эта выполнялась неукоснительно и успешно. В период с декабря 2000 по август 2001 г. в несколько этапов были проведены выборы органов местного самоуправления (МСУ) на трех административно-территориальных уровнях – группа деревень (*юнион*), район (*тахсил*) и округ (*дистрикт*). Одновременно эти органы власти были модернизированы, их функции расширились за счет полномочий вышестоящих структур и местной бюрократии.

Явка избирателей на участки для голосования была для Пакистана достаточно высокой – примерно 50 %. Большинство избирателей, состоявших на две трети из сельских жителей, проголосовали традиционно. Поддержку получили представители ведущих местных кланов, богатых и влиятельных групп. В то же

время отмечалось появление в составе избранных депутатов представителей «новых семей», до этого не участвовавших в подобной деятельности⁴. Поскольку выборы проходили на непартийной основе, то трудно определить позиции основных политических партий. Тем не менее считается, что в их негласном соревновании преимущество имели Пакистанская мусульманская лига (ПМЛ) и Пакистанская народная партия (ПНП)⁵. Видимо, подобный момент не особенно смущал правящую верхушку. Совершенно очевидно, что хозяйственная и организационная деятельность местного самоуправления тесно связана с работой администрации, во многом зависит от нее. Сотрудничество с государственными органами – это важное условие успешной работы МСУ, выполнения взятых обязательств, данных избирателям. «Бытие определяет сознание», и в соответствии с этим принципом руководители органов самоуправления были вынуждены действовать в русле общей политики государства, отступая от своих политических пристрастий. «Суровая действительность» как бы нивелировала партийные различия «слуг народа», заставляла их действовать в одной «упряжке». К тому же главные противники правительства – фундаменталистские и экстремистские организации – потерпели фиаско.

Специалисты и наблюдатели отмечали, что процесс выборов не вызвал больших нареканий. О том, что они были «свободными и честными», считало подавляющее число избирателей, об этом же свидетельствовала треть проигравших кандидатов⁶.

В целом в результате данного шага была создана единая выборная система местных органов власти, ликвидированы некоторые административные пережитки колониальных времен (так, например, была уничтожена верхняя ступень системы органов местной власти – область (*дивижн*); права органов самоуправления были расширены за счет бюрократического аппарата⁷. Таким образом, модификацию государственно-политической структуры П. Мушарраф начал с ее первичных основ, создав прочную базу для действий на верхних этажах власти.

Действовали власти в этом направлении довольно тонко, прикрывались ширмой формальных демократических процедур и правил, сотрудничали с судебными органами. В целях подготовки к проведению всеобщих выборов в июне 2001 г. были распущены высшие законодательные органы страны. Эта акция

в целом не вызвала большого сопротивления, поскольку страна начала готовиться к новым всеобщим выборам и старые законодательные органы в таком случае прекращали свою деятельность (правда, распущены они были задолго – более чем за год – до выборов); к тому же эти органы существовали формально, и рассматриваемая акция властей лишь юридически оформила фактическую реальность.

Значимость роспуска представительных органов состояла в том, что была ликвидирована правовая база президентства М.Р. Тарара (по Конституции, глава государства избирался коллегией выборщиков, состоявшей из депутатов парламента и законодательных собраний провинций). «В интересах преемственности власти», опираясь на военно-государственную верхушку, полномочия президента в июне 2001 г. принял на себя П. Мушарраф. Вскоре (в октябре 2001 г.) был продлен истекавший срок его пребывания на посту начальника штаба армии (то есть командующего сухопутными силами страны, составляющими основную часть пакистанских вооруженных сил⁸). В качестве «компенсации» за приобретенные «ценности» П. Мушарраф оставил пост председателя Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ), который он занимал с апреля 1999 г. (сделка эта была явно неравноценной, так как должность председателя ОКНШ носила в основном формально-церемониальный характер).

Поскольку становление генерала П. Мушаррафа президентом не было вполне законным действием, власти стремились совершить какой-то маневр, чтобы ослабить негативные чувства людей. Вспомнили о прежнем военном диктаторе М. Зия-уль-Хаке, который примерно в сходной ситуации впервые в пакистанской истории прибег к референдуму. Новый всенародный референдум должен был одобрить пребывание нового генерала на посту президента.

Решение о референдуме вызвало в стране сильную оппозицию, поскольку президент по Конституции должен избираться отмеченной выше коллегией выборщиков. А референдум, то есть выражение мнений людей, рассматривался как незаконная подмена четкого конституционного требования. Находившаяся за рубежом Б. Бхутто расценила маневр с референдумом как попытку П. Мушаррафа войти в президентскую резиденцию «через заднюю дверь»⁹.

Отношение к референдуму содействовало политическому размежеванию в стране. Среди его противников оказались ПНП; часть ПМЛ, которая осталась верной бывшему руководителю Наваз Шарифу и которую стали называть ПМЛ(Н); исламистские партии. Идею «всенародного обсуждения» поддерживали те, кто начал группироваться вокруг другой, численно большей фракции ПМЛ, становившейся главной политической опорой режима; она взяла себе имя основателя Пакистана *Кайд-и-Азама* М.А. Джинны и стала называться ПМЛ(К). Оппозиция настаивала на проведении парламентских выборов, а затем, на основе их результатов – избрании президента. Правящий режим, естественно, не намерен был выпускать из своих рук главный административный ресурс – президентскую власть, тем более в преддверии всеобщих выборов.

Власти, заручившись поддержкой Верховного суда, который допустил возможность проведения референдума по избранию П. Мушаррафа президентом, сделали это 30 апреля 2002 г. Вопрос, вынесенный на голосование, был более четким и корректным, чем у Зия-уль-Хака в 1984 г. Он был сформулирован так: «Желаете ли Вы, чтобы Первез Мушарраф оставался президентом в течение следующих пяти лет и работал для укрепления местных органов власти, восстановления демократического общества, продолжения реформ, избавления от межрелигиозной розни и экстремизма и для воплощения в жизнь идей основателя государства – Мухаммада Али Джинны?»¹⁰. Видимо, для того чтобы восполнить «религиозный пробел» в вопросе, П. Мушарраф накануне референдума объявил еще одной своей задачей «строительство демократического государства на принципах ислама»¹¹. Таким образом, в отличие от Зия-уль-Хака, программа которого в основном, если не исключительно, базировалась на религиозной проблематике, П. Мушарраф представил довольно широкий и конкретный план действий в основных сферах общества.

По официальным данным, в референдуме участвовали более двух третей электората; в поддержку П. Мушаррафа было подано около 98 % голосов¹². Оппозиция, которая призвала население к бойкоту референдума, отвергла официальные данные его итогов; по ее мнению, в опросе участвовало не более 5 % избирателей¹³. Конечно, при таком разбросе оценок трудно найти даже «золотую середину»; в какой-то мере этот момент скорректировали итоги всеобщих выборов, которые состоялись через несколько

месяцев и о которых речь пойдет ниже. Тем не менее, несмотря ни на что, президентский мандат генерала был продлен на пять лет.

В период подготовки к парламентским выборам была несколько изменена избирательная система (в целом – в позитивном духе). Важным политическим моментом была отмена в августе 2002 г. куриальной (в зависимости от вероисповедания) системы выборов, введенной при Зия-уль-Хаке. Резервировались специальные места для религиозных меньшинств в парламенте и провинциальных законодательных собраниях. На количество немусульман в законодательных органах эта мера практически не повлияла. Главное состояло в том, что ликвидировалось разделение избирателей по религиозному принципу; в то же время немусульмане получали какой-то гарантированный минимум мест во всех законодательных органах.

В связи с ростом населения был увеличен численный состав законодательных органов. Число депутатов в Национальном собрании выросло до 342. Теперь из них 272 депутата избираются прямым голосованием по единому списку. 60 мест резервируется за женщинами и 10 – за религиозными меньшинствами (4 места – за христианами; 4 – за индуистами и списочными кастами; 1 – за сикхами, буддистами, парсами; 1 место – за сектой ахмадия). Распределение этих мест производится по спискам партий в соответствии с набранными ими голосами (отметим, что на эти места могут назначать своих представителей только партии, перешедшие пятипроцентный барьер). Соотношение числа мест, принадлежащих субъектам федерации, выглядит следующим образом: Панджаб – 55 %, Синд – 23, СЗПП – 13, Белуджистан – 5, район племен центрального подчинения – 3,5, столичная территория Исламабад – 0,5 %.

Таким же образом, но в иных пропорциях происходит формирование провинциальных законодательных собраний, численность которых составляет: в Панджабе – 371 депутат (прямо избираются 227); в Синде – 168 (130); в СЗПП – 124 (99); в Белуджистане – 65 (51). За религиозными меньшинствами в провинциальных собраниях зарезервировано следующее число мест: за христианами – 9 (Белуджистан – 1, СЗПП – 1, Панджаб – 5, Синд – 2); за индуистами и списочными кастами – 7 (Белуджистан – 1, Панджаб – 1, Синд – 5); за сикхами, буддистами, парсами – 4 (Белуджистан – 1, СЗПП – 1, Панджаб – 1, Синд – 1); за сектой ахмадия – 3

(СЗПП – 1, Панджаб – 1, Синд – 1). Дополнительно за религиозными меньшинствами без упоминания конкретной группы закреплены 1 место в Белуджистане, 1 – в СЗПП, 5 – в Панджабе и 2 места в Синде.

Все эти законодательные органы избираются путем всеобщих, прямых, тайных выборов по мажоритарной системе относительного большинства. Возрастной ценз был снижен в 2000 г. до 18 лет. Срок действия высших законодательных органов, как и президента – 5 лет.

Был расширен и состав верхней палаты парламента – Сената до 100 человек. Основная часть сенаторов избирается депутатами провинциальных законодательных собраний; все провинции имеют одинаковое представительство – 14 мест. В Сенате за религиозными меньшинствами места не резервируются, но выделяются места для женщин (16), улемов и технократов (16). Они также поровну избираются от провинций (соответственно 4 и 4 сенатора); таким образом, каждая провинция имеет в верхней палате 22 своих посланцев. В Сенате представлены также еще два субъекта федерации – столичная территория Исламабад и район племен центрального подчинения. Поскольку Исламабад – территория общегосударственного значения, его четырех представителей избирает все Национальное собрание, тогда как восемь сенаторов от района племен избирают всего 12 депутатов нижней палаты, представляющих здесь этот район в результате всеобщих прямых парламентских выборов. Срок деятельности Сената – 6 лет. Каждые три года обновляется половина членов палаты, после чего на трехлетний срок избираются председатель Сената и его заместитель. Сенат не может быть распущен¹⁴.

Таким образом была создана организационная основа перехода к гражданскому правлению. Разумеется, этим работа властей по подготовке демонтажа военного правления не ограничивалась. Много было сделано для того, чтобы этот процесс был успешным для правящей верхушки.

Для режима П. Мушаррафа большую опасность представляли Наваз Шариф и Беназир Бхутто – лидеры ведущих партий страны. Это были опытные политические деятели, имевшие определенное влияние в стране, которое существенно возросло после их отстранения от власти и судебного преследования по бесчисленным обвинениям – превышение власти, nepotизм, коррупция и т. д.,

которые также трудно опровергнуть, как и доказать. После судебных разбирательств они были приговорены к тюремному заключению, а затем высланы из страны. Все это практически лишало обоих лидеров возможности баллотироваться на выборах, поскольку по возвращении в Пакистан их ожидал немедленный арест. Тем не менее, чтобы полностью застраховать себя от какой-либо возможности возвращения «во власть» Н. Шарифа и Б. Бхутто, был принят президентский указ, запрещающий занимать пост премьер-министра трижды (напомним, что оба эти деятеля были главами правительства именно два раза). Еще один указ запрещал лицам, лишенным права участвовать в выборах, возглавлять политические партии. Указ этот был направлен на исключение из политической жизни страны находившихся в эмиграции лидеров оппозиционных партий, прежде всего, конечно, ПНП и ПМЛ(Н). Отстранение опытных деятелей от права руководства работой своих организаций, разумеется, негативно сказывалось на их деятельности, особенно в период избирательных кампаний.

Но самым важным действием властей для обеспечения наиболее благоприятных условий перехода к гражданскому правлению был пакет поправок к Конституции. Особенно важной была «семнадцатая поправка», которая означала очередное «перетягивание» полномочий между президентом и премьер-министром, которые делали их обладателя первым лицом государства. Напомним, что по Конституции, принятой в 1973 г. при З. А. Бхутто и во многом для него, высшие властные полномочия находились в руках премьер-министра. При генерале М. Зия-уль-Хаке они стали неотъемлемой частью президентской власти. В 1997 г. премьер-министр Н. Шариф, имея в парламенте квалифицированное большинство, добился принятия «тринадцатой поправки» к Конституции, согласно которой эти полномочия были возвращены их «законному владельцу». Естественно, что в период военного правления П. Мушаррафа эта проблема мало волновала генерала, в руках которого была сосредоточена вся высшая государственная власть. Однако восстановление гражданского правления сулило расширение властных полномочий других государственных структур, особенно правительства и его главы. Чтобы не допустить такого, и была принята «семнадцатая поправка» к Конституции.

Прежде всего, она значительно усиливала власть президента за счет функций правительства и его руководителя. Глава госу-

дарства получил право распускать Национальное собрание и отправлять в отставку правительство, назначать военное руководство – начальников штабов трех родов войск и председателя ОКНШ, председателя Национального бюро по борьбе с коррупцией, губернаторов провинций и оценивать их действия по отставке главных министров и роспуску провинциальных законодательных собраний. По сути, «семнадцатая поправка» существенным образом изменила сущность государственного устройства Пакистана, превратив парламентскую республику в президентскую с верховенством главы государства.

Крайне важным было положение о создании Совета национальной безопасности (СНБ) – органа, непосредственно подчиненного президенту и наделенного правом контролировать действия правительства. Совет был уполномочен заниматься стратегическими проблемами, связанными с суверенитетом, целостностью и безопасностью государства. В круг его обязанностей входили вопросы государственного строительства, а также ситуации, связанные с отставками центрального и провинциальных кабинетов министров, роспуском Национального собрания и законодательных собраний провинций, введением чрезвычайного положения. Практически это означало возможность Совету в критических ситуациях исполнять роль законодательных и исполнительных органов страны. Глава СНБ – президент, его члены – премьер-министр, главные министры провинций, спикер нижней и председатель верхней палат парламента, лидер оппозиции в Национальном собрании, председатель ОКНШ, начальники штабов сухопутных сил, ВМФ и ВВС. Такой представительный характер СНБ давал возможность нейтрализовать попытку какой-либо одной властной структуры отклониться от общего курса всех остальных ветвей власти. Разумеется, широкий состав нового государственного органа играл важную роль пропагандистского характера.

Это вызвало большое недовольство в стране. Общим было требование вносить конституционные поправки так, как этого требует сам Основной закон – принятием не менее двух третей членов обеих палат парламента. На это сторонники власти отвечали, что поскольку парламента временно не функционирует, то президент и глава исполнительной власти с разрешения Верховного суда имеет право в период чрезвычайного положения вносить необходимые поправки в Конституцию.

Незадолго до всеобщих выборов, назначенных на 10 октября 2002 г., президентом был введен чрезвычайно важный для управления страной после прекращения военного правления Указ о рамках законной деятельности (Legal Framework Order – LFO). Он провозглашал введение в действие после выборов исправленной Конституции и порядок этого процесса, а также определял процедуру начала работы избранных парламента и законодательных собраний провинций. Указ включал все отмеченные выше поправки к Конституции, а также объявлял действующими после прекращения чрезвычайного положения все указы и распоряжения, сделанные в этот период. Лишь немногие из них могли быть отменены или исправлены, но обязательно с предварительного согласия президента ¹⁵.

Противостояние правительства и оппозиции по этому вопросу приняло затяжной характер и было разрешено лишь в следующем году.

Все отмеченные меры государственно-правового характера призваны были обеспечить правящей верхушке благоприятные условия перехода от военного к гражданскому правлению и, прежде всего, конечно, – благоприятный исход всеобщих выборов. В этом же направлении действовали меры правительства по оздоровлению экономического положения в стране.

К концу прошлого столетия оно находилось в критическом состоянии – резко снизились темпы развития, которые едва поспевали за ростом населения, а иногда и отставали от него. Так, в 1998/99 г. доход на душу был меньше, чем в предшествующем году (473 и 460 долл. соответственно) ¹⁶. Увеличивался разрыв между импортом и экспортом, что негативно сказывалось на платежном балансе страны. Внешний долг достиг 38 млрд. долл. ¹⁷ Из года в год росли цены на потребительские товары, раскручивалась спираль инфляции. Инвалютные запасы страны сокращались – к концу 1999 г. они составили всего 300 млн. долл. ¹⁸ На эти средства можно было финансировать импорт Пакистана лишь в течение двух недель. Невиданных масштабов достигли коррупция и взяточничество. Существенно увеличилось в стране число бедных ¹⁹.

Можно представить, какие усилия необходимо было предпринять для стабилизации и улучшения экономического положения Пакистана, от чего, кстати, серьезно зависела и политическая

ситуация в стране. Напомним, что довольно длительный период времени деятельность правительства П. Мушаррафа протекала в крайне неблагоприятной внешней обстановке, в условиях реальной экономической и политической блокады Пакистана, жестких международных санкций, роста напряженности в отношениях с Индией. Сильная засуха нанесла тяжелый удар сельскому хозяйству и всей экономике страны.

После тщательного анализа ситуации, в котором участвовали видные пакистанские и зарубежные эксперты, была выработана общая стратегия экономического развития страны. Ее важной чертой было стремление решить задачи экономического прогресса мерами институционального, можно даже сказать – количественного характера. В отличие от прежних режимов, не было стремления к структурному или качественному реформированию различных секторов народного хозяйства. Такие действия, как известно, осложняют и надолго ухудшают ситуацию, ведут к большим потерям и разного рода неприятностям. Правительство П. Мушаррафа не пошло на такой вариант развития; оно использовало уже сложившиеся реалии и идущие процессы, как например, развитие рыночных отношений и частного предпринимательства, и старалось максимально улучшить условия, в которых шли эти процессы, добиться их большей эффективности.

Отметим, однако, что избрание такого пути оздоровления хозяйственного положения страны, который, как будет показано дальше, привел к заметным положительным результатам, определялось не только разумной предусмотрительностью властей. Очевидно, что для проведения такой политики существовали и определенные возможности. Уже не было такой настоятельной необходимости в реформах, как это имело место в прошлом, особенно при М. Айюб Хане. Именно перестроечная работа предшественников П. Мушаррафа, со всеми ее трудностями, проблемами и личными для них неприятностями, позволила в конечном итоге создать довольно работоспособный экономический аппарат, соответствующий условиям и уровню развития Пакистана. Вот почему наследнику этих «первопроходцев» можно было обойтись без каких-либо серьезных структурных изменений и выйти из положения, по сути, посредством «текущего ремонта» экономического механизма.

Разумеется, все это не умаляет роли правительства П. Мушаррафа в нахождении наиболее целесообразного варианта выхода из кризисного состояния экономики, в умении адекватно оценить объективную реальность и подобрать соответствующие ей варианты решения проблем. При этом надо помнить, в каком запущенном состоянии находился экономический механизм Пакистана в конце прошлого столетия.

Основная задача экономической политики режима П. Мушаррафа состояла в достижении стабильного роста макроэкономики, что предполагалось достичь устранением недостатков в основных отраслях экономики и улучшением качества хозяйственного управления. Результатом этого процесса должно было стать улучшение материального положения широких масс населения, и в первую очередь – сокращение масштабов бедности²⁰.

Для разработки мер по преодолению трудностей в различных секторах экономики были созданы группы отечественных и зарубежных специалистов. Такие группы работали над проблемами налогообложения, внешней задолженности, сельскохозяйственного развития, экспорта промышленных товаров. Большой комитет экспертов из крупных бизнесменов, высших чиновников министерства финансов, сотрудников Государственного банка работал над вопросами, возникавшими в связи с процессом либерализации, приватизации и уменьшения государственного регулирования экономики. В соответствии с рекомендациями этих групп и комитетов власти осуществляли свои действия в различных сферах экономики.

В области сельского хозяйства и аграрных отношений, которые в прошлом всегда стремились реформировать пришедшие к власти руководители, курс был взят на то, чтобы увеличить обрабатываемые земли, «честно и справедливо» распределять новые площади между землевладельцами, предотвратить дальнейшую фрагментацию участков, оказывать всемерную помощь небольшим фермерским хозяйствам, которые интегрированы в местную экономику и содействуют повышению ее эффективности²¹. Важную роль в улучшении дел в сельском хозяйстве сыграли изменения в системе налогообложения и кредитования, о чем будет отмечено ниже.

Большое внимание уделялось образованию, которое расценивалось в качестве «ключа к развитию и прогрессу», «основы по

уменьшению бедности и улучшению жизненных условий широких масс населения»²². Общий подъем системы образования сошелся с упором на ее «верхние этажи», особенно технического и сельскохозяйственного профиля.

Главная проблема, которая стояла перед властями, заключалась в значительном увеличении финансовых ресурсов, которые были необходимы для подъема производства, развития инфраструктуры, расширения систем просвещения и медицинского обслуживания, улучшения положения населения быстрорастущих больших городов и т. д. Решалась эта проблема самыми различными мерами экономического и административного характера. В целом работа шла по трем основным направлениям: сокращение расходов не первостепенного значения (прежде всего, непродуцируемых), изменение системы налогообложения и максимальный рост финансовых поступлений в казну.

Расчеты показали, что значительные средства уходят на обслуживание внешнего долга (почти 66 % всех доходов²³). Во многом это было вызвано невыгодными для Пакистана условиями предоставления иностранных займов. Была поставлена задача снизить эту цифру до 22–25 %. Работа в этом направлении развернулась сразу же после прихода П. Мушаррафа к власти. Уже в 2000 г. пакистанское правительство обратилось к Международному валютному фонду (МВФ) с просьбой облегчить финансовое положение Пакистана в плане предоставления ему кредитов на более благоприятных условиях. После изучения ситуации МВФ одобрил стратегическую линию развития пакистанской экономики и обязался оказать помощь в ее осуществлении. Парижский клуб реструктуризировал внешний долг Пакистана, существенно продлил сроки его выплаты и льготный период. По словам П. Мушаррафа, все это означало существенное уменьшение затрат на обслуживание внешнего долга и размеров самого долга²⁴. Европейский Союз снизил пошлины на вывозимые Пакистаном товары и одновременно увеличил его экспортные квоты²⁵. Разумеется, вся эта «благодать» снизошла на Пакистан после того, как он присоединился к международной антитеррористической операции в Афганистане после событий 11 сентября 2001 г. в Америке. Были сняты все ограничения на международные связи Пакистана и обеспечены большая материальная помощь и политическая поддержка ведущих западных стран и международных организаций.

Естественно, это изменение ситуации во многом содействовало успеху действий военных властей по стабилизации и развитию пакистанской экономики. В то же время нельзя недооценивать и сами эти действия.

Важной мерой были преобразования системы налогообложения. Традиционный способ увеличения доходов от налогов путем повышения их ставок и введения новых налогов не способствовал расширению налоговой базы, росту числа налогоплательщиков. Правительство П. Мушаррафа отказалось от такой практики; были снижены ставки налогов и уменьшено их число. В условиях прошедшего затем подъема экономики и роста доходов значительных групп людей произошло существенное увеличение числа налогоплательщиков. Это основное действие было подкреплено мерами по улучшению работы фискального аппарата, усилению контроля над его деятельностью; был усилен принцип самооценки доходов, что повысило ответственность налогоплательщиков, ослабило противостояние между ними и сборщиками налогов, позволило сократить количество последних, что, в свою очередь, сузило возможности коррупции в этой сфере. Как показали дальнейшие события, эти изменения повели к росту налоговых поступлений.

В таком же направлении действовало правительство и в сфере кредитования населения. Процентные ставки, которые в 90-х годах прошлого столетия составляли более 20 %, были резко снижены – до 5 %. Это, по утверждению П. Мушаррафа, впервые открыло доступ к банковским кредитам широким слоям населения со средними и даже малыми доходами²⁶. Данное действие сочеталось с расширением государственного кредитования на льготных условиях мелкого и среднего предпринимательства в городе и деревне. Для поощрения промышленного развития были снижены тарифы на ввоз оборудования и промышленного сырья. Эти меры, носившие комплексный характер, были направлены на общий экономический подъем, развитие различных по доходности секторов; имели они определенный позитивный результат и фискального характера. Мягкие условия предоставления кредитов делали их выплату не столь непосильным делом, как это было раньше, что уменьшало число людей, не вернувших взятые кредиты, и в конечном итоге повышали финансовые поступления в казну.

Но особенно большую сложность представляла сфера внешней торговли. Традиционно основой экспорта Пакистана были

товары, прямо или косвенно связанные с сельским хозяйством, не приносявшие больших доходов, к тому же их производство и экспорт в значительной степени зависят от погодных условий. Пакистанский импорт включал дорогостоящие энергоносители, оборудование, промышленное сырье. При такой ситуации трудно добиться существенного повышения доходов от торговли, не рискуя затормозить процесс индустриализации. Поэтому в первые годы военного правления, когда экономическое положение Пакистана было крайне тяжелым, правительство приняло чрезвычайные меры, подключив сюда административный ресурс, по увеличению экспорта и некоторому уменьшению импорта. Причем поощрялось не просто общее увеличение экспорта, а прежде всего промышленных товаров местного производства. В импорте уменьшилось количество товаров непромышленного назначения. В результате в первые несколько лет отрицательное сальдо в торговле несколько уменьшилось²⁷.

В дальнейшем, по мере улучшения экономического положения страны и широкого финансового потока из-за рубежа, правительство пошло на значительное расширение импорта. При этом подчеркивалось, что этот рост носит «здоровый и позитивный характер», поскольку увеличивает поступление в страну энерго-ресурсов, машин, оборудования, высоких технологий, что позволит модернизировать и развивать национальную промышленность, производить товары, которые ныне импортируются; одновременно будет расти число рабочих мест. Естественно, что такая политика, рассчитанная на весьма длительный период, может повести к позитивным структурным изменениям пакистанской экономики.

Оздоровлению экономической ситуации в стране в немалой степени содействовали жесткие действия по «наведению порядка», упорная борьба с коррупцией, расхлябанностью, недисциплинированностью и т. д. Административными мерами удалось в первые годы деятельности правительства П. Мушаррафа добиться некоторого сокращения расходов. Показательно, что именно в военный период были уменьшены затраты на оборону и управленческий аппарат²⁸.

Таким образом, вывод экономики страны из кризисного состояния осуществлялся как экономическими, так и административными мерами. Они действовали в тесной связи, усиливая эффек-

тивность действий друг друга. Все это сопровождалось широкой пропагандистской кампанией. Так, при изменении налоговой системы, по словам П. Мушаррафа, было «сделано все для того, чтобы никто не избегал уплаты налогов». Для этого использовались различные экономические действия, меры поощрения и наказания, усилена деятельность судебной системы и органов государственного контроля. Подкреплялось все это призывами к гражданам об осознании своего долга и личной ответственности, к их патриотическим чувствам, к участию в общей борьбе за развитие и процветание родины и т. д. Повышение ответственности и контроля, активизация работы правоохранительных органов рассматривались в официальных кругах как важный и результативный «фактор сдерживания» коррупции в обществе, особенно на самых высоких его уровнях ²⁹.

Показательны также методы властей по увеличению валютных переводов от пакистанцев, работавших за границей, главным образом в богатых странах Ближнего Востока. Изучение этой проблемы показало, что от нескольких миллионов временных эмигрантов в Пакистан поступает лишь около 1 млрд. долл., что не соответствует реальным возможностям данного источника. Причина этого заключалась в том, что эмигранты далеко не всегда переводили свои деньги посредством государственных банков, а использовали, по сути, подпольную систему *хавала* (или *хунди*), которая широкой сетью охватывала районы Ближнего и Среднего Востока, части Южной Азии. Преимущества этой системы заключались в ее простоте и скорости действия. Здесь не было бюрократических процедур в виде оформления документации, оплаты переводов и т. д.; по многочисленным взаимосвязанным и дополняющим друг друга каналам, при небольшой оплате услуг посредников, деньги за один день доставлялись в самые отдаленные уголки Пакистана. Для государственных банков для этого требовалось не менее недели.

Власти предприняли жесткие административные меры по улучшению работы своих банков, снижению расходов их клиентов, упрощению процедуры переводов, ликвидации разного рода бюрократических преград и проволочек. Все эти действия сопровождалось призывами к патриотическим чувствам соотечественников, временно находившихся за пределами отчизны. Неоднократно к ним с такими воззваниями обращался лично президент.

Но главное в решении данной проблемы было то, что после событий 11 сентября 2001 г. мировое сообщество нанесло по системе *хавала* широкомасштабные тяжелые удары, расценив ее как механизм финансирования террористических организаций. Все отмеченные мероприятия повели к быстрому росту финансовых переводов по официальной линии, и в 2005 г. эти поступления составили 4 млрд. долл. (по сравнению с 1999 г. – рост на 400 %) ³⁰.

При правительстве П. Мушаррафа ускорился процесс приватизации, что давало определенные суммы реальных денег. Была проведена большая работа по улучшению деятельности предприятий, оставшихся в государственном ведении. Особое внимание было уделено управленческому аппарату. На всех крупных объектах обновилось руководство; работа эта проходила под непосредственным контролем президента. В результате многие государственные предприятия перестали быть убыточными, а такие как Пакистанский металлургический завод, Пакистанская национальная паромная корпорация, Управление по развитию водных и энергетических ресурсов стали приносить прибыль.

В целом за годы военного правления экономика страны успешно выходила из затяжного кризиса. Разумеется, на положении широких масс населения данный процесс отразился не очень значительно. Однако в психологическом плане этот момент имел большое значение – люди видели, что правительство предпринимает меры по улучшению экономического положения страны, и меры эти сопровождаются положительными результатами. Это вселяло уверенность в правильности курса правительства, порождало большие надежды. Одновременно надо отметить, что рост некоторых макроэкономических показателей, несомненно, в какой-то мере позитивно отразился на жизненных условиях населения – к ним следует отнести рост валового национального продукта и дохода на душу населения. Определенные успехи были достигнуты в социальной сфере – росла занятость, увеличилось число медицинских работников, а также больниц, поликлиник, медпунктов в городской и сельской местности; выросло число учебных заведений, учащихся школ и студентов, преподавателей. Знаменательным для Пакистана стал 2001/2002 г., когда грамотность населения впервые превысила отметку в 50 % ³¹.

Естественно, что позитивные сдвиги в экономической и социальной сферах улучшали имидж в стране П. Мушаррафа и его

окружения, повышали их шансы на предстоявших выборах. Однако в другой области, политико-идеологической, ситуация для властей была намного сложнее.

Помимо оппозиции со стороны прогрессивных сил, выступавших против засилья военных и ограничений демократических процессов и институтов, главная опасность проистекала справа – от резко активизировавшихся реакционных религиозно-общинных кругов. Период правления правительства П. Мушаррафа – это время, когда впервые пакистанские власти повели длительную и упорную борьбу с исламским фундаментализмом и экстремизмом. Важно отметить, что борьба эта началась еще до сентябрьских 2001 г. событий в Америке. Уже тогда власти почувствовали опасность, которую несет самому государству радикально-военизированный исламизм, который усиленно выращивался в прошлые годы спецслужбами (в первую очередь Объединенной войсковой разведкой – ОВР) и фундаменталистскими партиями для борьбы с «неверными» в Кашмире и Афганистане. Интересно в этой связи заявление бывшего министра иностранных дел С. Азиза: «Из каждых десяти муджахедов, которые воевать в Кашмире учились здесь, туда отправляется только один, а девять остаются и создают нам проблемы»³². Исламабад заявил о невозможности использования ислама в политических целях. Были запрещены или взяты под контроль некоторые военизированные исламистские террористические организации, перекрыты пути финансовых поступлений, арестованы активисты и члены этих организаций.

Одновременно проводились чистки армии и ОВР от традиционалистов, которые представляли в то время значительную силу (по оценкам экспертов, примерно 30 % комсостава³³). То же самое имело место и в среде научно-технического персонала, связанного с ракетно-ядерным потенциалом страны. В марте 2001 г. в отставку были отправлены некоторые руководители и специалисты-ядерщики во главе с «отцом» пакистанской ядерной бомбы, руководителем ракетно-ядерного центра в Кахуте знаменитым А. Кадир Ханом. В дальнейшем последовали аресты нескольких крупных специалистов-ядерщиков и длительные допросы, касающиеся их связей с местными исламистами и талибами.

Расследования и «наводки» американской разведки показали также, что пакистанская ядерная элита находилась в центре широко разветвленной тайной контрабандной сети по торговле атом-

ными секретами и материалами. Из Пакистана этот поток шел в богатые ближневосточные страны, Малайзию, КНДР. Делалось это прежде всего в интересах «мусульманской солидарности» (первая в мусульманском мире пакистанская атомная бомба рассматривалась как «исламская», то есть как достояние всей уммы). Подобная деятельность давала определенные средства, которых в Пакистане явно не хватало для продолжения и расширения работ в области этого вида ОМУ. Из Северной Кореи поступали ракеты. Все эти операции приносили большие выгоды самим участникам этого своеобразного, весьма опасного «черного рынка».

Осенью 2001 г. генерал П. Мушарраф, после известных сентябрьских событий в США, изменил политику государства, отказался от поддержки талибов (что имело место прежде) и присоединил Пакистан к международной антитеррористической коалиции, руководимой США, для борьбы с талибами и экстремистами Аль-Каиды в Афганистане. Такой резкий поворот, «предательство братьев по вере», а для многих и «по крови» (талибы – пуштуны, эта этническая группа населяет север и запад Пакистана), союз с Америкой, преследования «национального героя» А. Кадир Хана вызвали в стране широкое недовольство; значительная часть населения не одобряла подобных действий правительства. В крупных городах Пакистана проходили массовые демонстрации протеста. Тысячи пуштун-добровольцев уходили помогать талибам. Активизировались исламистские экстремистские военизированные организации. Положение осложнилось настолько, что многие считали возможным захват исламистами власти или переворот в руководстве государства и армии и замену П. Мушаррафа традиционалистски настроенными генералами. Но правительство устояло. И прежде всего потому, что армия в целом сохранила верность своему руководству и беспрекословно выполняла его приказы по наведению в стране порядка.

Опираясь на эту крупную, организованную, дисциплинированную, хорошо вооруженную и обученную силу, правительство развернуло наступление на экстремистов. Были запрещены пять наиболее радикальных организаций, а их лидеры арестованы и некоторые из них приговорены к различным срокам тюремного заключения. Власти задержали свыше двух тысяч активистов этих организаций и закрыли 600 принадлежавших им штаб-квартир. В начале 2002 г. был запрещен Объединенный совет джихада –

коалиция 16 экстремистских организаций, ведущий борьбу главным образом в Кашмире. Было объявлено о взятии под государственный контроль нескольких тысяч школ-медресе с тем, чтобы из рассадника исламского экстремизма превратить их в обычные учебные заведения (естественно, с религиозным уклоном). Одновременно запрещалось их финансирование из зарубежных источников. Контроль был установлен и над мечетями, ни одна новая мечеть не могла быть открыта без разрешения властей. Правительство умело использовало мусульманских богословов (улемов), недовольных радикализмом исламистов, который грозил их устоявшемуся положению в обществе. Все эти меры властей, конечно, дали определенный результат.

В начале 2002 г. прямое противостояние между правительством и исламистами ослабло. Однако недовольство их многочисленных сторонников оставалось, что немало беспокоило правительство перед приближавшимися выборами. В такой сложной обстановке власти усиленно маневрировали. Упорная и напряженная борьба с экстремистами велась в довольно мягкой форме. Широкие аресты обычно заканчивались быстрым освобождением задержанных; судебные приговоры не отличались длительностью сроков тюремного заключения. Запрещенные организации возвращались на политическую арену под другим названием. Чистка армии от исламски настроенных военнослужащих не сопровождалась репрессиями. Максимальным наказанием было увольнение в отставку. Так поступили с руководителем ОВР генералом Махмудом Ахмедом. Но в большинстве случаев применялись сложные перестановки внутри комсостава: понижение в должности, перевод в отдаленный район и даже перемещение на формально более высокий пост, но реально игравший менее значимую роль. Предпринимая какие-либо действия, власти одновременно старались в максимальной степени предотвратить или ослабить негативные для себя последствия. Борясь с терроризмом, выступая против использования его в Кашмире, П. Мушарраф, чтобы избежать обвинений в предательстве «братьев», одновременно обещал продолжать политическую, моральную и дипломатическую поддержку кашмирцев. «Кашмир у нас в крови. Ни один пакистанец не может позволить себе разорвать связи с Кашмиром», – заявил президент в обращении к народу 12 января

2002 г.³⁴ В общем, власти всеми силами пытались привлечь на свою сторону или, по крайней мере, не оттолкнуть избирателей.

Таким образом, обстановка в стране перед всеобщими выборами была крайне сложной, запутанной, неопределенной и практически непредсказуемой. Несмотря на административный, точнее военно-административный ресурс, полной уверенности в победе у руководителей режима не было. Между тем грядущие выборы, помимо своего обычного значения, пожалуй, впервые должны были определить направление дальнейшего развития государства – или его продолжение в рамках умеренного ислама, или переход – в обстановке резкого подъема исламорадикализма в стране и мире – на рельсы фундаментализма и экстремизма.

В выборах, состоявшихся 10 октября 2002 г., из электората в 72 млн. человек в голосовании приняли участие 42 % избирателей (цифра обычная для Пакистана). Явка на избирательные участки в сельских районах была выше, чем в городских, местами она превышала 50 %. За 272 выборных места в Национальном собрании боролись 2098 кандидатов и на 577 мест в провинциальных законодательных органах – 5100 претендентов. Всего в выборах участвовали 72 политические партии и организации³⁵.

Ведущие партии выступали на выборах самостоятельно, хотя формально состояли в различных блоках и коалициях. Так, основные оппозиционные партии ПНП, ПМЛ(Н), Пакистанская демократическая партия (ПДП), Народная национальная партия (ННП) и др. входили в «Альянс за восстановление демократии» (АВД), но выставили свои отдельные списки кандидатов. Отметим участие в выборах партии Пакистанское движение за справедливость, глава которой Имран Хан – выдающийся в прошлом спортсмен, капитан сборной Пакистана по хоккею на траве, которая неоднократно завоевывала звание чемпиона мира; в период примерно равного противостояния в 1990-х годах ПМЛ и ПНП партия Имрана Хана рассматривалась как «третья сила», способная нарушить двухпартийную систему в Пакистане (этого, однако, не произошло).

Основу правительственного лагеря составляла ПМЛ(К). Опираясь на административный аппарат, правящей партии удалось привлечь на свою сторону некоторых членов ПНП и большинство фракций некогда единой Мусульманской лиги. Поддержку ПМЛ(К) оказали Национальный альянс (НА), состоявший из

небольших партий «малых провинций»; Народная партия, возглавляемая бывшим президентом Пакистана Ф. Легхари; ОНД и ряд других партий.

В отличие от ведущих политических партий страны основные фундаменталистские партии выступили единым блоком в лице ММА; его участники выставили общих кандидатов. Предвыборная риторика ММА носила откровенно исламистский и антиамериканский характер.

Главные харизматические деятели политической жизни в Пакистане – Б. Бхутто и Н. Шариф – непосредственно не принимали участия в избирательной кампании, поскольку не получили разрешения вернуться на родину. Им и лидеру ОНД Алтафу Хуссейну пришлось из-за границы руководить деятельностью своих партий в столь острый и важный момент.

Итоги парламентских выборов показали несколько важных моментов. Прежде всего, после сокрушительного поражения на предшествующих выборах в 1997 г. ПНП восстановила свои позиции общенациональной партии, имеющей политическое влияние в общегосударственном масштабе. По числу поданных за нее голосов (25 %) она заняла первое место, однако в Национальном собрании ей досталось 23 % депутатских мандатов, и по этому показателю она «пропустила» вперед ПМЛ(К). Последняя получила 24,8 % всех голосов избирателей и 28 % мест в нижней палате парламента. Но еще большие «чудеса» мажоритарной системы подсчета голосов проявились в состязании ПМЛ(Н) и ММА. Блок исламистов получил в Национальном собрании почти 20 % депутатских мест, а проголосовали за него 11,1 % избирателей. ПМЛ(Н) завоевала 11,2 % голосов, а депутатских мандатов – только 5 %, т. е. почти в четыре раза меньше, чем ММА (при почти полном равенстве полученных голосов избирателей).

Выборы свидетельствовали о значительном влиянии в стране фундаментализма. Исламистские партии получили намного больше голосов избирателей, чем обычно. Этому успеху содействовала волна недовольства после «измены» талибам и вступление в союз с Америкой. В какой-то степени сыграло свою роль и снижение возрастного ценза – легко поддающаяся радикалистским лозунгам молодежь в основном пошла за исламистами. А мажоритарная система подсчета голосов развила их успех при распределении депутатских мандатов: в Национальном собрании

ММА прочно занял третье место, ненамного отстав от обогнавших его соперников – ПМЛ(К) и ПНП (этому во многом содействовало то, что исламские партии выступили единым блоком – в таких случаях мажоритарная система подсчета голосов приносит наибольшие выгоды).

Наконец, выборы показали, что основные политические группировки пользуются примерно равным влиянием в стране. Некоторое преимущество ПМЛ(К) все же не дало ей возможности сформировать свое однопартийное правительство. Сразу после выборов она начала вести упорную борьбу за создание необходимого большинства в парламенте. По всей видимости, в развитии партийно-политической системы Пакистана наступил период реальной многопартийности и широких коалиций.

После проведения прямых выборов в Национальное собрание, где парламентская фракция ПМЛ(К) составила 76 депутатов, начался «деlež» 60 женских мест и 10 мест для немусульман, а также борьба за 30 независимых депутатов. Естественно, что почти все эти места достались лидирующим партиям. Парламентская группа ПМЛ(К) увеличилась до 118 человек. Число депутатских мест у ПНП выросло с 62 до 81, а у ММА – с 51 до 60. Но и после этого ПМЛ(К) не имела возможности сформировать свое правительство. Начался довольно долгий период поисков союзников.

В конечном итоге партии удалось создать парламентскую коалицию, в которую, кроме нее, вступили НА, ОНД, несколько небольших самостоятельных фракций ПМЛ, группа депутатов-диссидентов из ПНП, депутаты от «Полосы племен» и др. Коалиция насчитывала 172 депутата, то есть немногим более половины депутатского корпуса нижней палаты³⁶.

Все отмеченные моменты выборов в парламент страны были характерны и для выборов в законодательные собрания провинций, которые состоялись одновременно с парламентскими. В самой крупной провинции Панджаб победу одержала ПМЛ(К), завоевавшая почти половину мест в законодательном собрании; за ней шли ПНП и ММА. В Синде на первом месте оказалась ПНП; ОНД и НА оттеснили соответственно на четвертое и пятое места ПМЛ(К) и ММА. В Белуджистане лидером явился ММА, хотя получил он всего четверть депутатских мест; далее расположились ПМЛ(К) и НА; за счет примкнувших независимых ПМЛ(К) по числу депутатских мандатов в законодательном собрании

вышла на первое место. Большого успеха добился ММА в СЗПП – из 99 мест в провинциальном собрании он завоевал 48. Далее с большим отрывом расположились ПНП и ННП, ПМЛ(К) добилась всего 7 мест³⁷. Во всех провинциях Пакистана в той или иной степени во власти была представлена ПМЛ(К).

После всеобщих выборов была образована верхняя палата парламента – Сенат. Здесь небольшое преимущество также получила ПМЛ(К); ее представитель М. Сумро стал председателем этой палаты. На второе место вышел ММА, а ПНП – на третье.

16 ноября 2002 г. П. Мушарраф был приведен к присяге в качестве президента страны. Затем ПМЛ(К) удалось провести на важный пост спикера нижней палаты своего представителя Ч.А. Хуссейна. 21 ноября кандидат правящей коалиции Мир Зафарулла Хан Джамали, не очень известный политик из Белуджистана, стал премьер-министром Пакистана. Выдвижение такого человека на пост главы правительства преследовало, по крайней мере, две цели: с одной стороны, по влиянию, масштабности личности и авторитету он не мог противостоять П. Мушаррафу, а с другой – назначение на очень важный пост в государстве представителя Белуджистана должно было усилить позиции правящей элиты в этой крайне беспокойной провинции (заметим, что подобное кадровое решение в отношении поста премьера было принято в Пакистане впервые). Заместителями спикера нижней палаты и председателя верхней стали представители другой беспокойной провинции – СЗПП.

В правительстве большинство министерских портфелей получили, естественно, члены ПМЛ(К). В то же время несколько министерств было отдано союзникам партии по коалиции. Важные посты министров обороны и внутренних дел заняли диссиденты из ПНП.

Всеобщие выборы и последовавшее затем восстановление деятельности высших органов законодательной и исполнительной власти означали завершение четвертого по счету военного правления в Пакистане.

* * *

Генерал П. Мушарраф и его сторонники сохранили довольно прочные позиции у руля государственного управления. Тем не менее положение их стало намного сложнее, чем в предшествующий период. И это было обусловлено прежде всего тем, что глав-

ная сила режима – армия – не могла уже столь прямо и открыто участвовать в государственно-политических процессах, как в прежние времена.

Непрочным было и парламентское большинство у правящей партии. Оно могло быть утрачено в любой момент из-за выхода из коалиции всего нескольких человек. Не во всех провинциях ПМЛ(К) в достаточной мере распоряжалась властью, а поскольку Конституция предоставляет провинциальным органам власти довольно широкие полномочия, это означало, что центр ожидали серьезные трудности при проведении внутреннего курса.

Выборы не только подтвердили серьезный рост в стране исламистских сил; впервые им было обеспечено широкое присутствие в высших представительных органах страны. Это означало, что фундаменталисты, помимо обычного давления «снизу, с улицы», причем зачастую в незаконных формах, получили возможность воздействовать на государственные органы «сверху», с вершин парламентских структур и совершенно законным образом. Естественно, в результате этого обстоятельства угроза правящему режиму со стороны исламистов возросла.

Большие усилия требовались для развития экономики страны и – на этой базе – улучшения условий жизни населения.

Таким образом, в следующую стадию своей государственно-политической эволюции, совпавшую с началом нового столетия, Пакистан шагнул со значительным грузом прежних трудных и многочисленных проблем.

Период конституционно-парламентского правления

Начало нового столетия совпало в Пакистане с переходом к гражданским конституционно-парламентским формам власти. Это поставило перед властями новые проблемы при проведении государственной политики. Прежде существенную роль играли жесткие действия, прямое использование армии. Эти меры были просты, надежны, довольно результативны. Гражданская форма власти требовала несколько иного подхода к проблеме управления в соответствии с новыми реалиями и требованиями политической жизни. Известный отход от командно-приказного стиля подразумевал большую осторожность в действиях, активное

стремление к поискам компромиссов, умелое маневрирование в хитросплетениях усилившейся политической борьбы.

После 2002 г. начался процесс «вхождения Пакистана» в гражданские конституционно-демократические рамки. За время существования Пакистана это была четвертая попытка пойти по пути парламентаризма, все предшествующие не увенчались успехом. Основной причиной этих неудач являлось активное участие армии в процессе государственно-политического развития Пакистана, в длительном существовании правления военных. Военные режимы вырывали слабые ростки парламентской демократии, делали невозможным возрождение и развитие парламентаризма. Очередное вступление Пакистана в период конституционной демократии в новом столетии происходило практически в той же неблагоприятной обстановке, что и аналогичные попытки в прошлом веке, то есть в условиях неразвитости институтов, норм и традиций демократического парламентаризма.

Сложности, связанные с этой проблемой, начались в Пакистане сразу же после отмены военного правления – затормозилось поступательное движение практически всех политических процессов. Восстановление работы конституционно-парламентских институтов приобрело затяжной характер. Выполнение дорожной карты «Путь к демократии» заняло точно срок, определенный Верховным судом. И лишь последняя часть программы, которая предусматривала передачу власти представительным органам, вышла за намеченные сроки – октябрь и ноябрь 2002 г. Так, верхняя палата парламента (Сенат) была избрана 24 февраля 2003 г. Острая борьба между правительственным блоком и оппозицией практически парализовала работу Национального собрания сразу же после его избрания. За весь 2003 г. было принято всего два закона, причем один из них – об очередном бюджете страны. Лишь 17 января 2004 г. П. Мушараффу удалось выступить с первым президентским обращением на совместном заседании обеих палат парламента. Конституция вводилась поэтапно, полностью она вступила в действие 12 марта 2003 г.

В новом столетии основную угрозу государству по-прежнему представлял исламский экстремизм. И хотя большинство населения не поддерживало его, известно, какой динамичной и мобилизующей силой обладает исламорадикализм, способностью повести общественное развитие страны по иному пути. После отмены

военного правления усилились столкновения между суннитами и шиитами. Также активизировалась террористическая деятельность исламорадикалов: их объектом стало руководство страны. Именно в это время было совершено несколько терактов против президента и премьер-министра. Власти усилили борьбу с экстремистами. Были ужесточены законы, направленные против террористов; сроки заключения за эти преступления были увеличены³⁸. «Убийство во имя чести», то есть расправа по традиционным правилам, стала приравниваться к уголовно наказуемым преступлениям³⁹. Безусловно, активизации экстремизма и терроризма в Пакистане содействовали расширение его участия в антитеррористической кампании в Афганистане, прежде всего – введение регулярных войск на территорию «полосы племен» и их действия против сторонников талибов. 11 ноября 2006 г. П. Мушарраф заявил, что терроризм и экстремизм – главная угроза безопасности Пакистана⁴⁰.

После перехода к гражданскому управлению политическая борьба в Пакистане развернулась главным образом вокруг изменений государственной системы, проведенных военными властями и сохраненными в новых условиях. Это касалось процедуры прихода к власти президента страны (оппозиция требовала избрания главы государства на коллегии выборщиков, состоящей из членов обеих палат парламента и депутатов законодательных собраний провинций, – как это предусмотрено Конституцией). Другая проблема была связана с включением в Конституцию «семнадцатой поправки», которая значительно усилила полномочия президента. Оппоненты правительства решительно настаивали на том, что эта поправка должна пройти традиционную конституционную процедуру, то есть должна быть принята двумя третями голосов депутатов парламента.

И наконец, третьим пунктом резких разногласий было стремление власти ввести в государственный механизм новое звено – Совет национальной безопасности (СНБ). Этот орган также укреплял властные полномочия президента. Кроме того, в государственную структуру Пакистана в период гражданского правления внедрялось руководство вооруженных сил.

Весь 2003 г. прошел в острой, но бесплодной борьбе противостоящих сторон, поскольку расстановка партийно-политических сил в представительных органах не давала решающего преиму-

щества ни одной из них. Как указывалось выше, в течение всего года была парализована работа парламента. Такая ситуация была невыгодна для правительства, так как вела к нестабильности внутривластной обстановки и ухудшала имидж государства на международной арене. Исламисты, впервые получившие довольно прочные позиции в парламенте, практически не могли использовать этот ресурс для своих прагматических целей. Обе стороны понимали необходимость достижения компромисса.

Разногласия и противоречия внутри оппозиции делали невозможным достижение соглашения между всей антиправительственной группировкой и властями. Поэтому последние взяли курс на поиск у противника «слабого звена», заинтересованного в компромиссе с правительством и представлявшего собой значительную политическую силу, способную помочь в разрешении отмеченных выше проблем. Таким «звеном» оказался блок традиционалистских партий ММА.

После длительных переговоров 24 декабря 2003 г. было подписано соглашение, которое содержало следующие положения. П. Мушарраф согласился на избрание его президентом в соответствии с конституционной процедурой, а ММА обязался оказать ему поддержку на этих выборах, а также при образовании СНБ и принятии «семнадцатой поправки» к Конституции. Со своей стороны, П. Мушарраф обязался уйти с действительной военной службы и оставить пост начальника штаба армии до конца 2004 г.

На первый взгляд может показаться, что «бородачи» сильно уступили правительству. Но это не так. Во-первых, ММА сдвинул с мертвой точки застопорившуюся работу парламентского механизма и получил на этом определенные политические дивиденды. Во-вторых, П. Мушарраф согласился пройти конституционные процедуры, чтобы сделать законными и свою власть, и проведенные им изменения Основного закона. В-третьих, и это главное, достигнутое соглашение предусматривало уход президента с высшего военного поста. Исламисты, после серьезного успеха на всеобщих выборах в 2002 г., взяли курс на завоевание высших государственных постов, опираясь как на беспокойную «улицу», так и на свои позиции в представительных органах власти. Главным препятствием для рвущихся «наверх» традиционалистов является президент, одновременно возглавляющий вооруженные силы. Устранение П. Мушаррафа от командования

армией серьезно облегчало «бородачам» решение указанной основной задачи. История Пакистана показывает, что привыкший к чрезвычайным мерам управления генерал-президент, лишившись военной власти, оказывается не в состоянии адаптироваться к новым условиям и полностью использовать предоставленные ему Конституцией широкие полномочия; позиции его слабеют, и он постепенно теряет гражданскую власть, к которой кадровому военному трудно приспособиться. В такой ситуации и надеялись исламисты захватить президентский пост. В этом свете поддержка ММА принятия «семнадцатой поправки» и образования СНБ выглядит не столько как уступка правительству, но и как попытка любой ценой создать благоприятную обстановку для устранения П. Мушаррафа с политической арены, а также долговременной акцией по укреплению позиций будущего «своего президента».

Соглашение между правящей партией и ММА стало быстро выполняться. Уже через несколько дней после его заключения Национальное собрание большинством в две трети голосов одобрило принятие «семнадцатой поправки» к конституции. На следующий день то же сделал Сенат, а 31 декабря президент подписал этот парламентский билль. В первый день Нового года коллегия выборщиков вынесла вотум доверия П. Мушаррафу, придав тем самым его президентству полностью конституционный характер. В апреле 2004 г. был принят закон о создании СНБ⁴¹.

Далее основным событием, вокруг которого развивалась внутривнутриполитическая жизнь страны, была борьба относительно поста командующего армией. После некоторого тайм-аута правящая группировка начала кампанию по сохранению этого поста за П. Мушаррафом. Объяснялось и оправдывалось это возникновением сложных внешних и внутренних проблем. Среди них – острота ситуации в Ираке и настоятельные просьбы послать туда пакистанские войска. Сложной была ситуация, связанная с незаконной деятельностью «отца пакистанской атомной бомбы» А. Кадир Хана, в результате которой страна оказалась в центре международного скандала по весьма чувствительной проблеме ядерного распространения. Огромного внимания и величайшей осторожности требовал начавшийся процесс улучшения отношений с Индией.

Ввод войск по призыву США в агентство Южный Вазиристан (управляемый центром район племен) вызвал большое недоволь-

ство в Пакистане, особенно в его северо-западной части (Белуджистан и СЗПП). По всей стране проходили митинги и демонстрации протеста против расширения военного участия Пакистана в афганских событиях. Активными были выступления оппозиции по внутренним проблемам, против репрессивных действий властей. После короткого периода замирения в религиозных рядах вновь вспыхнули кровавые столкновения, главным образом между суннитами и шиитами. Пакистанское руководство учитывало также значительное обновление высшего и среднего комсостава (включая руководителей ОВР и ОКНШ, заместителя начальника штаба армии, нескольких командиров корпусов и др.) и высших судебных органов (на пенсию ушел председатель Верховного суда Ш.Р. Ахмад). Летом 2004 г. произошла смена премьер-министра. Вместо М.З.Х. Джамали этот пост 28 августа занял министр финансов, крупный экономист Шаукат Азиз. В сентябре новое правительство было одобрено Национальным собранием. Все это делало, по мнению властей, ситуацию в стране сложной, довольно нестабильной, и в таких условиях лишиться главного звена во властной цепи было неразумно и опасно. Активная антиправительственная деятельность ММА, с одной стороны, усиливала опасения правительства, а с другой – в какой-то степени давала ему возможность ослабить негативное впечатление от незтичности своего поведения в данном вопросе.

Сам П. Мушарраф в своей автобиографии пишет, что «был совершенно искренен, когда заявлял об уходе с поста начальника штаба армии в конце 2004 г. Однако вскоре происходящие события стали вызывать сомнения... Они требовали полного единства пакистанского руководства. Моя отставка с должности начштаба в изменившихся условиях означала бы ослабление власти и управления. Поэтому, во многом вопреки моим привычке и характеру, я решил нарушить свое слово и не снимать военную форму»⁴².

Операция по совмещению полномочий президента и начштаба армии была проведена тонко и практически безукоризненно. С середины первой половины 2004 г. стали раздаваться голоса, в печати появляться заметки и т. д. о необходимости продолжения пребывания П. Мушаррафа на посту командующего сухопутными силами. В дальнейшем эти предложения стали подробно обосновываться и объясняться изменением обстановки по сравнению

с концом 2003 г. и необходимостью сохранения у П. Мушаррафа всей полноты власти в интересах борьбы с терроризмом, расширения военно-технического сотрудничества с США и развития достигнутого успеха в отношениях с Индией. Сам П. Мушарраф занимал позицию нейтрального, но «верного слуги» народа. На все вопросы отвечал: «как народ хочет», «если народ считает нужным» и т. д.⁴³ Вскоре на эти вопросы он уже стал отвечать более развернуто и целенаправленно – «подавляющее большинство народа желает, чтобы я остался командующим армией», а 6 сентября он уточнил, что этого хочет 96 % населения⁴⁴. Затем пошли «просьбы» государственных, политических и общественных деятелей, министров к Мушаррафу остаться на своем боевом посту.

Сильную поддержку П. Мушаррафу оказали законодательные собрания крупнейших провинций страны – Панджаба и Синда, принявшие в сентябре резолюции в его поддержку. После этого власти посчитали, что можно переходить к завершающему этапу кампании. 11 октября 2004 г. правительство внесло в Национальное собрание законопроект, разрешавший П. Мушаррафу совмещать президентский пост с ключевой военной должностью – начальника штаба сухопутных сил. После одобрения билля нижней палатой парламента 14 октября он был передан 27 октября в верхнюю палату и был принят ею 1 ноября. Однако если до сих пор прохождение правительственного законопроекта не нарушало конституционной процедуры подобного законодательного процесса, то на заключительной его стадии возникла весьма деликатная ситуация.

Конституция Пакистана, как, впрочем, практически все конституции парламентских стран, требует для превращения принятого высшим законодательным органом законопроекта в закон государства одобрения и подписи президента. Естественно, что П. Мушарраф не мог этого сделать в отношении законопроекта о собственном назначении. Выход был найден в общем законный, но потребовавший определенного времени. В ноябре П. Мушарраф отправился в длительную поездку по странам Латинской Америки. В соответствии с Конституцией обязанности президента стал исполнять председатель Сената М. Сумро (сторонник правящей партии). Выждав некоторое время, он подписал билль, превратив его таким образом в государственный закон, позволя-

ющий П. Мушаррафу совмещать свой президентский пост с должностью начальника штаба армии. Разъяренные «бородачи» развернули широкую антиправительственную кампанию, принять участие в которой они пригласили ПНП и ПМЛ(Н). В рамках этой кампании прошли массовые митинги и демонстрации в Равалпинди, Лахоре, Мултане и других городах. Но никакого практического значения они не имели, поскольку «дело» было уже сделано. Да и, видимо, немало людей одобряло эту акцию, видя в нем гарантию от усиления нестабильности в стране в будущем. И проведено все было в целом законным путем, без нарушения соответствующих конституционных положений. Правда, в данном случае речь может идти лишь о формальной стороне дела. В Конституции нет прямых указаний на невозможность совмещения высшей государственной и военной власти. А раз так, то нет и нарушений конституционных положений. Но дело все в том, что современная государственная парламентская система строится на фундаментальном принципе разделения властей, и в этом случае нет нужды специально касаться любого возможного его нарушения. Поэтому можно сказать, что, не нарушив формально Конституцию, дело о совмещении одним человеком двух высших должностей, принадлежащим к разным «ветвям власти», нарушило глубинные основы государственного управления.

Еще хотелось бы обратить внимание на другой момент. Разрешение совмещать две высшие должности в государстве было связано также с нарушением строго соблюдаемыми в пакистанских вооруженных силах принципами прохождения военной службы и временем нахождения на высших должностях (обычно 3 года). Еще в период военного правления истек срок пребывания П. Мушаррафа на посту начальника штаба армии, и в конце 2001 г. полномочия генерала были продлены. Решение, принятое в 2004 г., по сути, вводило для начальника штаба армии новые правила продления срока его службы и пребывания на посту руководителя сухопутными силами. В законодательном порядке было фактически установлено, что пределы пребывания П. Мушаррафа на высшем военном посту определяются не армейскими уставами, а сроком его нахождения на президентской должности. Иными словами, первое обстоятельство тесно связано со вторым и, по сути, является его производным. Помимо всего прочего, этим

создан прецедент для подобных недемократических действий в будущем при схожих обстоятельствах.

После отмены военного правления экономический курс государства полностью сохранился. По-прежнему его основу составляли меры по улучшению деятельности всех звеньев хозяйственного механизма. Эта работа шла по пути усовершенствования сложившегося аппарата управления, введения новых и отмены старых организационных форм, улучшения дисциплины и эффективности труда, повышения квалификации работников. Так, например, было упразднено Бюро по содействию экспорту и создано вместо него Управление по развитию торговли со значительно более широкими задачами; помимо содействия экспорту, главным в работе этого управления стала координация всех действий в сфере проведения торговой политики. Были созданы министерства легкой промышленности, портов и паромства. Были случаи направления представителей армии в различные учреждения, в основном связанные со сбором налогов и таможенной службой. Конечно, помимо усиления борьбы с финансовыми правонарушениями и коррупцией, такие меры укрепляли государственно-политические позиции армии.

Разумеется, экономическому росту Пакистана в огромной мере содействовали снятие санкций, введенных США и рядом других государств, и широкая иностранная помощь. Большие средства направлялись во многие сферы жизнедеятельности общества – промышленность, сельское хозяйство, энергетику, транспорт, здравоохранение, образование и др. В значительных размерах стала поступать военная помощь, включая самолеты, вертолеты, ракеты ближнего боя, танки, оборудование для охраны границ. Улучшались для Пакистана условия предоставления кредитов и торгово-экономических сделок. С США было заключено соглашение о торговле и инвестициях, в рамках которого позиции Пакистана стали более льготными. Большие материальные потери, понесенные Пакистаном в результате сильного землетрясения в октябре 2005 г., были существенно минимизированы гуманитарной помощью, оказанной многими государствами мира, включая Россию.

«Золотой дождь», который пролился над Пакистаном сразу после вступления его в антитеррористическую кампанию в Афганистане, стал приносить результаты довольно скоро. Уже итоги

2003 г. отразили серьезный рост экономического и социального секторов общества. Перед многими показателями следует поставить слова «впервые в истории страны». Так, впервые запасы инвалюты превысили 12 млрд. долл. (это делает возможным финансировать импорт страны почти в течение года). Платежный баланс впервые был сведен с положительным сальдо в 4,6 млрд. долл., что составляет 6,7 % валового продукта. Впервые высших показателей за весь предшествующий период времени достигли текущие поступления и сбор налогов. Впервые начал снижаться внешний долг Пакистана; за счет роста стоимости экспорта резко сократился торговый дефицит (более чем в пять раз). За последние 30 лет был достигнут самый низкий рост инфляции – 3,1 %. Рост ВВП в 2001/2002 г. составил 5,4 % (в предыдущем году – 2,5 %) ⁴⁵.

В дальнейшем развитие экономики страны продолжалось; ежегодные темпы ее роста составили примерно 7–8 %. За период 1999–2006 гг. объем ВВП вырос вдвое. Доход на душу увеличился с 460 до 800 долл., в связи с чем Пакистан перешел из категории стран с низким подушевым доходом в группу стран со средним доходом. Поступления в бюджет за эти годы выросли с 5,1 до 11,7 млрд. долл. В 1999 г. внешние обязательства государства на 343 % превышали поступления из-за границы; в 2006 г. этот показатель снизился до 137 % и Пакистан покинул группу «бедных стран с высокой задолженностью» (рубеж – свыше 250 %). Стабилизировался обменный курс национальной валюты (60 рупий за 1 долл.). Все это позволило увеличить финансирование производства и социальной сферы.

Быстрыми темпами росли основные отрасли промышленности, включая текстильную, автомобилестроение, производство телевизоров, кондиционеров. Рост производства электроэнергии и модернизация этого процесса позволили практически завершить электрификацию всех пакистанских деревень. Собирались неплохие урожаи, особенно пшеницы и хлопка, росли поголовье скота и домашней птицы, улов рыбы. Проводилась работа по улучшению агрикультуры, повышению урожайности сельскохозяйственных культур, увеличению обрабатываемых площадей. Увеличивалась государственная помощь фермерам. Объем сельскохозяйственных кредитов вырос в пять раз. Внимание уделялось развитию местной промышленности по обработке сырьевых продуктов – овощей, фруктов, молока. Это позволило улучшить

снабжение продуктами и питание городского населения и увеличить их экспорт, а также создать новые рабочие места в сельской местности.

Началось осуществление нескольких крупных проектов. Среди них – сооружение глубоководного морского порта в Гвадаре на Аравийском море близ Ормузского пролива и скоростного прибрежного шоссе. Создание этих объектов крайне важно для экономики страны и особенно для самой отсталой и «неспокойной» провинции Белуджистан, а также для развития магистральных связей со странами Центральной Азии и западной частью Китая.

Была проведена широкая и довольно успешная приватизация, причем власти стремились избежать всякого рода искривлений и перегибов. Полностью или частично в частный сектор перешли Пакистанская инвестиционная корпорация, Корпорация развития нефти и газа, газовые корпорации, несколько банков и др. Правительство получило значительные суммы «живых» денег.

Благоприятное положение в экономике сделало возможным и некоторое улучшение социальных показателей. По официальным данным и высказываниям руководителей государства, увеличилась зарплата наемных работников и доходы других групп населения. В результате выросла покупательная способность населения и произошло некоторое снижение инфляции. Увеличилась занятость, сократились масштабы бедности. Последнее происходило впервые за всю историю Пакистана. Продолжался рост основных показателей образовательной системы и медицинского обслуживания населения. Грамотность выросла до 55 %; при этом охват женского населения составил около 45 %.

Чрезвычайно важным для такой многонаселенной страны, как Пакистан, явилось снижение прироста населения (с 3,5 % в 1980-х годах до 1,8 % в 2006 г.).

Развивались средства связи, включая и их современные виды. За первое пятилетие нового века плотность обычной телефонной сети выросла в пять раз. Число мобильных телефонов увеличилось с 600 тыс. до 30 млн. Если в 1999 г. только 39 городов и поселков были подключены к Интернету, то в 2006 г. их было уже 2000 ⁴⁶.

В целом экономические позиции Пакистана на мировой арене укрепились. Возрос кредит доверия со стороны международных финансово-экономических организаций.

Оценивая все приведенные, действительно серьезные достижения экономического характера, не следует забывать их стартовый уровень, относительность результатов, их прямую зависимость от зарубежных поступлений и благоприятных погодных условий. Вскоре после достижения отмеченных выше показателей произошло снижение некоторых из них: так, из-за резкого повышения цен на энергоносители и ухудшения погоды уменьшились запас инвалюты и экспорт текстильных изделий.

Как обычно, особенно в период глобализации, ускорение развития общества сопровождается расслоением и ростом неравенства внутри самого общества. Между макроэкономическими достижениями и реальным положением широких масс лежит длинный и опосредованный многими обстоятельствами объективного и субъективного характера путь с множеством преград и препон. Так, отмеченный выше рост занятости сопровождался некоторым увеличением числа безработных; то же наблюдалось и в других сферах социальной жизни (относительный рост грамотности и абсолютное увеличение неграмотных). Мозаичная и даже противоречивая картина результатов ускорившегося экономического развития Пакистана отражалась на ходе его политической эволюции, делала более сложным и многогранным противостояние и борьбу основных политических сил в стране. В целом обстановка в экономическом секторе, несмотря на все оговорки, «работала» на властную структуру. Однако, ухудшение внутриполитической обстановки в 2007 г. (о чем речь пойдет ниже) повело к осложнению социально-экономической ситуации: увеличению дефицита платежного баланса, уменьшению иностранных инвестиций, росту цен на предметы первой необходимости и инфляции в целом, сокращению иностранного туризма и т. д.

После того как был запущен конституционно-парламентский механизм, центр политической борьбы в Пакистане переместился в сферу стремления использовать этот механизм и его отдельные звенья основными политическими группировками в своих интересах. Поэтому важным местом для схваток и баталий стала подготовка и проведение выборов местных органов власти, которые, напомним, осуществляют управление на трех ступенях государственно-административного деления Пакистана после центрального и провинциального уровней. Естественно, что преобладание в этих органах означает контроль над весьма обширной зоной

управленческого аппарата и создание надежной стартовой площадки для достижения успеха на выборах высших законодательных и исполнительных органов государства.

Подготовка к очередным выборам в органы МСУ началась в августе 2004 г., когда избирательная комиссия начала регистрацию избирателей. Всего было зарегистрировано около 64 млн. человек. 27 декабря 2004 г. власти приняли решение о беспартийной основе выборов⁴⁷.

Данный правительственный акт вызвал недовольство в стране и резкую критику со стороны оппозиции. Она расценила его как стремление «дезориентировать нацию», ослабить горизонтальные связи политических партий и тем самым укрепить позиции единственной организованной силы в обществе – государства⁴⁸.

Надо отметить, что правительственное распоряжение о непартийном характере соблюдалось не очень строго. Наблюдатели из международных миссий (от Содружества и Европейского Союза) отмечали частые случаи использования во время выборов партийных флагов, транспарантов, цветной партийной атрибутики⁴⁹. «Тайна» партийного состава избранных органов была «секретом Полишинеля» благодаря широким родственным и личностным связям избирателей и их посланцев, разного рода опросам и т. д. Самое важное, что позволяло партиям принимать участие в предвыборной кампании, а затем облегчало определение партийного состава местных органов власти, было следующее. Партии создали группы из своих кандидатов, которые имели собственное название. Так, в группу «Просвещенные умеренные» вошли сторонники ПМЛ(К). ПНП создала свою группу под названием «Друг народа», ММА – «Правдивый», ПМЛ(Н) – «Друг родины» и т. д. Эти группы легально проводили работу среди избирателей. О значимости кампании и ее результатов говорит тот факт, что обе палаты парламента на время выборов прервали свою работу; надо думать, что сделано это было не для того, чтобы парламентарии имели время для стороннего наблюдения за происходящим процессом. Министры, партийная принадлежность которых, естественно, хорошо известна, объявляли о намеченных крупных хозяйственных проектах, имеющих большое значение для тех или иных территориальных единиц; понятно, кто должен был их осуществлять. Другими словами, это была слегка завуалированная агитация в пользу правящей партии.

Выборы в органы МСУ проходили осенью 2005 г. Из 64 млн. избирателей в них приняло участие примерно 47 %. Довольно высокая явка избирателей и активное участие в них женщин были оценены премьер-министром Ш. Азизом как «признак укоренения системы органов МСУ»⁵⁰. Выборы сопровождались беспорядками с применением огнестрельного оружия, в ходе которых имелись человеческие жертвы. Столкновения происходили не только между конкурирующими организациями, но и внутри них. Это еще раз показало, что на местном уровне довольно часто важна не политическая, а традиционная идентификация людей.

По неофициальным данным, успех сопутствовал правящей партии, добившейся относительного большинства. За ней шли ПНП и ПМЛ(Н). Как и на прошлых местных выборах, фундаменталистские партии потерпели неудачу. Одной из составляющих успешного выступления ПМЛ(К) была ее линия на широкое формирование альянсов с местными организациями. По числу таких союзов партия заключила больше всего соглашений. Очевидно, что этот опыт будет использован и в дальнейшем⁵¹.

Итоги выборов в органы МСУ в какой-то мере повлияли на дальнейший ход политических событий. До этого высказывались опасения по поводу будущих президентских и парламентских выборов – упорными были слухи, что власти, неуверенные в благоприятном исходе, или отсрочат их, или вовсе отменят и вновь введут военное положение⁵². Однако широкая поддержка властей во главе с П. Мушаррафом на местных выборах, состав избранных органов МСУ, которые при отсутствии на низовом уровне партийных ячеек играют на этом пространстве большую роль и имеют значительную мобилизационную силу, – все эти моменты вселили уверенность в правящий лагерь. По мнению его руководителей, местные выборы в 2005 г. показали, что большинство граждан страны стоят на позициях умеренного ислама и поддерживают те политические силы, которые способны проводить конструктивный государственный курс внутри страны и за ее пределами на международной арене. Поэтому было объявлено, что выборы высших органов власти пройдут в соответствии с установленными Конституцией сроками и будут «свободными и честными»⁵³.

Сложным оказался вопрос о последовательности проведения президентских и парламентских выборов. По Конституции сна-

чала избираются представительные органы, из которых впоследствии создается коллегия выборщиков президента. Однако в Пакистане этот ход был нарушен еще в период военного правления, когда в апреле 2002 г., то есть за полгода до его отмены, состоялся референдум, по итогам которого П. Мушарраф был избран президентом. Была еще одна дата – 16 ноября 2002 г., когда он был приведен к присяге в качестве президента на пятилетний срок до октября 2007 г. Обе эти даты устраивали правящие круги, поскольку давали возможность избранным в 2002 г. высшим представительным органам, в которых ПМЛ(К) имела преимущество, вновь избрать «старого» президента на новый срок. Это давало правящей партии сильнейший административный и военный ресурс для успеха на парламентских выборах.

И все было бы нормально для окружения П. Мушаррафа, если бы оно в свое время в стремлении еще больше легитимизировать его пребывание на посту главы государства, не поставило вопрос о подтверждении его президентства в соответствии с конституционной процедурой. Как отмечалось выше, 1 января 2004 г. коллегия выборщиков путем голосования подтвердила законность президентской власти П. Мушаррафа.

Разумеется, эта акция укрепила конституционный характер власти генерала на посту главы государства, улучшила его имидж в глазах общественности. Однако она внесла сложность в определение сроков новых президентских выборов. Оппозиция на основе последнего акта требовала проведения выборов президента после парламентских, прекрасно понимая собственную выгоду от этого. Именно поэтому правительство настаивало на противоположной комбинации, опираясь на даты проведения референдума и принесения присяги П. Мушаррафа в качестве президента. При более или менее равных доказательных основаниях в развернувшейся борьбе, естественно, победил «сильнейший» – в декабре 2006 г. было официально объявлено, что президентские выборы состоятся до парламентских.

В дальнейшем политическая борьба в Пакистане определялась, главным образом, перспективой всеобщих выборов, стремлением основных соперничающих групп обеспечить благоприятные условия для достижения успеха. Оппозиционные силы видели главную задачу в нанесении поражения правящей партии, но при этом внимательно следили за тем, чтобы союзники по оппозиции

не слишком «вырывались вперед». Боязнь успеха партнеров, другие расхождения и противоречия между крупными партиями, сложные отношения между их руководителями представляли серьезное препятствие для создания партийных коалиций, хотя попытки предпринимались – регулярно происходили встречи лидеров крупных партий, включая и вынужденных эмигрантов.

Объединению оппозиции препятствовали и различные действия властей, умело использующих расхождения в противостоящем лагере. Выше уже рассматривалась договоренность между ПМЛ(К) и блоком ММА в декабре 2003 г., которая вызвала большое недовольство и резкую критику этого блока со стороны многих партий из стана оппозиции. В 2006 г. правительство решило отменить законы, введенные при М. Зия-уль-Хаке, касающиеся нарушения морали и нравственности и жестоких мер наказания за это – отсечения конечностей за воровство, публичное побивание до смерти камнями за супружескую измену и т. д. Подготовленный властями законопроект лишь частично отменял традиционные наказания, прежде всего в отношении женщин, которые, как известно, образуют значительную часть электората. Согласно законопроекту «О защите женщин», все нарушения сексуального порядка переводились из мусульманского правосудия в обычное гражданское, что полностью меняло разбирательство и ответственность за подобные нарушения. Так, количество свидетелей при рассмотрении дел, связанных с сексуальными преступлениями, стало определяться обычными процессуальными нормами; в ходе разбирательства предусматривалось использование методов современной медицины. Прежде жертва насилия должна была обеспечить явку четырех мужчин в качестве свидетелей преступления, в случае невыполнения этого требования сама пострадавшая могла быть обвинена в незаконной половой связи, за что, согласно шариатскому правосудию, ей грозила смертная казнь.

Законопроект о «Защите прав женщин» был призван повысить престиж правительства среди либерально-демократических и просто умеренных слоев. Ограниченный его характер не должен был, по мысли его создателей, вызвать серьезное недовольство у ММА, с которым власти не хотели полностью рвать, надеясь на компромисс, как это было в прошлом. Однако фундаменталисты приняли законопроект в штыки и добились снятия его с голосования в парламенте и передачи на рассмотрение согласительной

комиссии с участием исламских богословов. После переработки проект стал еще более конформистским, но и в таком виде он вызвал полное неприятие фундаменталистских организаций. И в Национальном собрании, и в Сенате депутаты от ММА единодушно голосовали «против», а после принятия билля обеими палатами (15 и 23 ноября 2006 г. соответственно) покинули парламент и некоторое время бойкотировали его работу, призвав всех депутатов последовать их примеру. В стране проходили массовые демонстрации с участием значительного числа женщин, протестовавших против нарушения «традиционных исламских устоев», сделанных «под диктовку американцев».

Первая пропагандистская цель данного проекта (после утверждения президентом 1 декабря 2006 г. он стал законом⁵⁴) – привлечь на сторону правительства максимум граждан и никого не оттолкнуть полностью не была достигнута. Однако другая задача – усиление противоречий внутри оппозиционного лагеря – решена была довольно успешно. С ПМЛ(К) выступили многие ее противники, и прежде всего ПНП и ряд национальных и национально-демократических партий (Народная национальная партия, Пуштунская национальная народная партия и др.), которые в данном вопросе не могли поддержать ММА. Что касается ПМЛ(Н), то ее члены в Национальном собрании голосовали против правительственного законопроекта, но не поддержали ММА в отношении бойкота работы парламента, а в Сенате несколько членов этой партии поддержали большинство. И весь этот организационный и политической разноречивый продемонстрировали партии, входящие в широкую коалицию «Альянс за восстановление демократии».

Инициатива правительства в отношении закона «О защите прав женщин» принесла ему определенные дивиденды в предвыборной кампании, хотя и показала, какие неожиданные проблемы могут возникать при таких политических маневрах.

Но главное было в том, что многие аспекты политики и действий правящей группировки вызвали не разлад в оппозиции, а, напротив, содействовали ее сплочению. Здесь, конечно, общим было требование демократизации государственного строя, прекращение воздействия военных на политику Пакистана, оставление П. Мушаррафом поста начальника штаба армии.

Оппозиция также консолидировалась на критике властей за их политику в Афганистане, вовлеченность в действия коалиции,

возглавляемой США. Между тем эта вовлеченность усиливалась по мере неудач в действиях союзников. Все обвиняли друг друга, и особенно Пакистан, за недостаточную активность в борьбе с талибами и Аль-Каидой (утверждалось даже, что лидер Движения Талибан мулла Омар скрывается на территории Пакистана). Хотя Пакистан не признавал этого факта, тем не менее ему приходилось усиливать свои действия в приграничных с Афганистаном районах. В «полосу племен» (расположенную непосредственно вдоль этой границы), где по традиции никогда не находились регулярные войска, Исламабад ввел соединения общей численностью в 80 тыс. человек. Это вызвало огромное недовольство в северо-западных районах Пакистана, начались столкновения местных жителей с солдатами. Особенно значительными они были в Северном Вазиристане. Активизировалась антиправительственная деятельность во всегда беспокойном Белуджистане. С начала 2005 г. она носит широкий и острый характер. В провинции регулярно стали происходить нападения на правительственные войска, а также подрывы газопроводов. 14 декабря 2005 г. было совершено покушение на президента П. Мушаррафа во время его встречи с вождями белуджских племен в одном из районов провинции. Ответственность за теракт взяла на себя организация под названием «Армия освобождения Белуджистана».

Особенно большую опасность для властей представляли действия крупного племени бугти. Его наследственный вождь, видный государственно-политический деятель Пакистана и Белуджистана Мухаммад Акбар Хан Бугти (широко известный как «Тигр Белуджистана»), создал в стратегически важном и богатом газом районе своеобразное «государство в государстве», практически недоступное правительственному контролю. В его распоряжении находились тысячи хорошо подготовленных и вооруженных потомственных воинов. Повстанцы имели широкие возможности для противодействия важным правительственным проектам по развитию газовой отрасли и строительству порта Гвадар. Действия мятежников наносили огромный экономический ущерб государству. Против них были приняты решительные меры. Серьезным успехом правительственных войск стала сдача в плен 15 июля 2006 г. крупной группы боевиков во главе с несколькими видными полевыми командирами. Сам М.А.Х. Бугти

со своим ближайшим окружением погиб в результате военной операции в конце августа того же года.

Эти события не повлекли моментального замирения провинции. Антиправительственные выступления продолжались. К тому же в основных городах провинции и всей страны (Карачи, Исламабаде и др.) прошли массовые акции протеста. Оппозиция выступила единым фронтом с осуждением убийства «Тигра Белуджистана» и других действий карателей. Недовольство выражали даже некоторые члены правящей партии⁵⁵. Ситуация вновь стала накаляться, что вынудило правительство к решительным действиям. При этом военные операции сочетались с «замирением» мятежных районов путем заключения компромиссных соглашений со старейшинами местных племен. Тем не менее обстановка на северо-западе Пакистана продолжала оставаться напряженной.

В первой половине 2007 г. два события существенным образом сказались на внутривнутриполитической обстановке в Пакистане. 9 марта по обвинению в должностных нарушениях был отстранен президентом от исполнения обязанностей Главный судья (председатель Верховного суда) Пакистана И.М. Чоудхри. На этот пост он был назначен президентом в 2005 г. По мнению наблюдателей, за время работы И.М. Чоудхри проявил известную самостоятельность и это внушило опасение, что главный судья может помешать в осуществлении правительственного плана проведения президентских и парламентских выборов.

Дело это стало предметом рассмотрения высших судебных органов – Верховного суда и созываемого в чрезвычайных обстоятельствах Высшего юридического совета; последний состоит из главного судьи (в данном случае – из исполняющего его обязанности), двух членов Верховного суда, имеющих наибольший стаж работы в этом органе, и двух старших по стажу главных судей провинций. Решение этой правовой проблемы заняло более четырех месяцев, так как в ходе процесса рассматривались многочисленные петиции противостоящих сторон о правовых нарушениях и судебных ошибках. Все это время страну сотрясали мощные выступления, демонстрации и митинги, нередко заканчивавшиеся кровопролитием. В ходе широкого антиправительственного движения укреплялось сотрудничество основных политических партий и организаций оппозиции. 20 июля Верховный суд своим решением восстановил И.М. Чоудхри в должности

главного судьи Пакистана. Несомненно, это был серьезный удар по президенту и его окружению.

Одновременно с описанными событиями в Пакистане в его столице происходило крупное выступление исламистов, борьба с которыми затянулась на целое полугодие. Центром конфликта явился комплекс расположенных в Исламабаде мечети Лал Мас-джид («Красная мечеть» построена из красного кирпича, откуда такое название) и двух медресе (в одном обучались девушки, в другом – юноши; в целом около 10 тыс. человек). Радикалистское руководство мечети давно вело соответствующую обработку учащихся. Более того, с началом конфликта обнаружилось наличие в комплексе оружия и боеприпасов.

Первоначальным требованием учащихся было прекращение государственного контроля над мечетями и медресе. Власти, естественно, игнорировали это требование. В ответ 21 января 2007 г. учащиеся захватили государственную детскую библиотеку. Началось длительное противостояние исламистов и властей.

В течение этого времени террористы выдвигали новые требования – ввести в стране шариат, вести борьбу с навязыванием чуждых исламу ценностей, закрыть видеомагазины, массажные салоны и т. д. Вскоре от слов они перешли к делу – захватывали женщин за «недостойное поведение», уничтожали кассеты и диски с работами индийских и западных кинематографистов, нападали на видеомагазины. В июне учащиеся медресе похитили семейных граждан КНР – сотрудников клиники, в которой для лечения используют традиционные китайские иглоукалывание и массаж. В качестве заложников захватывались даже полицейские. Бесконечные переговоры ни к чему не приводили, достигнутые соглашения сразу же нарушались. В столкновениях и перестрелках имелись жертвы с обеих сторон. В начале июля от пули снайпера-боевика погиб командир пакистанского спецназа. Было предпринято очередное покушение на президента. В беспокойных районах Северо-Западного Пакистана, откуда родом было подавляющее большинство учащихся медресе, участились акты боевиков-смертников.

Вызывало недоумение поведение властей, сначала допустивших в столице возникновение острого конфликта, а затем неспособных его преодолеть в течение долгого времени. Власти понимали, что бесконечно терпеть беззаконие в столице невозможно.

Важным сигналом в этом плане был захват граждан Китая — основного союзника и партнера Пакистана. 4 июля в Исламабаде был введен комендантский час. После тщательной подготовки 10 июля начался штурм комплекса «Красной мечети» и медресе, который завершился на следующий день взятием этих зданий и разгромом окопавшихся там воинствующих исламистов. Большие потери с обеих сторон сопровождали финал трагедии.

К общественным осложнениям добавились последствиям, связанные с ураганом, который в самом начале июля 2007 г. обрушился на Пакистан. Основной удар стихии пришелся на самую политически беспокойную провинцию Белуджистан.

Оценка результатов общественно-политических потрясений не может быть однозначной, поскольку они сложны и противоречивы. С одной стороны, и правовой кризис, и вылазки исламистов дестабилизировали обстановку в стране, осложнили положение правящей верхушки. Но с другой стороны, история отстранения главного судьи показала легитимный характер борьбы, не выходящий за рамки «правового поля». А победа судебной «ветви власти» над могущественной исполнительной, возглавляемой генерал-президентом, символизировала демократизм и справедливость государственно-политического устройства Пакистана. Естественно, это было благоприятно воспринято в стране и, особенно, за ее пределами. Что касается конфликта, связанного с «Красной мечетью», то его место действия, длительность, варварские методы террористов еще раз показали стране опасность религиозного радикализма и необходимость упорного противодействия ему. Большинство пакистанского населения не поддерживает экстремистов и фундаменталистов (как показывают итоги всех выборов, за них голосует лишь небольшая часть электората). Пакистанцы хотят спокойной и безопасной жизни; их не прельщают «талибанизация» и повторение судьбы афганского народа. Несомненно, этому способствуют экономические достижения и позитивные социальные изменения в стране.

Противостояние с экстремистами положило начало определенной перегруппировке политических сил. Во время кризиса вокруг «Красной мечети» умеренная часть оппозиции, включая ПНП, выступала за борьбу с религиозным экстремизмом и терроризмом. Таким образом, появилась возможность сближения полити-

ческих сил умеренного толка и дистанцирование их от религиозных экстремистов и фундаменталистов.

Однако в дальнейшем ситуация существенно осложнилась. Усилилась политическая нестабильность, еще более возросла террористическая деятельность в стране, вновь обострились отношения между исполнительной и судебной ветвями власти. 6 октября состоялись президентские выборы, которые выиграл П. Мушарраф. Выборы бойкотировали исламистские и некоторые другие политические партии. ПНП хотя и участвовала в них, но от голосования воздержалась. В течение почти месяца Верховный суд затягивал принятие решения о законности этих выборов. Между тем приближалось завершение действующего президентского срока П.Мушаррафа – 15 ноября 2007 г. В такой обстановке 3 ноября было введено чрезвычайное положение – действие Конституции временно приостанавливалось, ограничивались многие гражданские свободы (слова, передвижения, собраний), а также полномочия судебной власти. Произошла замена состава Верховного суда. Введение чрезвычайного положения вновь объединило всю оппозицию против правящего режима. Процесс сближения умеренных политических сил был прерван. 15 ноября в связи с завершением полномочий перестало функционировать Национальное собрание.

Несомненно, к позитивам деятельности правительства П. Мушаррафа следует отнести успехи во внешней политике.

После 11 сентября 2001 г. с Пакистана были сняты все санкции, введенные в прежние годы. Традиционные западные страны-доноры, а также международные финансово-экономические организации возобновили материальную помощь Пакистану. П. Мушарраф и другие руководители страны стали желанными гостями в западных столицах. Официальные представители из этих городов часто и охотно посещали Исламабад.

Международные организации (Всемирный банк, МВФ и др.) не только предоставляли значительные средства и на весьма льготных условиях, но делали это без попыток навязывания каких-либо договоренностей. Так, масштабная программа помощи развитию и поддержки социально-экономических преобразований в Пакистане, на финансовое обеспечение которой Всемирный банк предоставил 6,5 млрд. долл., была, по словам руководителей банка, «разработана самим Пакистаном». МБ немало

сделал для привлечения в страну иностранных инвестиций, увеличения помощи стран-доноров.

Широкое экономическое сотрудничество развивалось между Пакистаном и странами западного мира – США, ФРГ, Англией, Японией, Францией и т. д. Произошел прорыв и в отношении военных поставок. Не сразу союзники Пакистана решились на это. Но уже к середине первого десятилетия «лед тронулся». В 2004 г. правительство США получило одобрение сената о трех сделках по продаже Пакистану вооружений на сумму в 1,2 млрд. долл., в том числе разведывательных самолетов, корабельных и противотанковых ракет. На переговорах представителей обеих стран в Равалпинди в феврале 2005 г. о расширении военно-технического сотрудничества американская сторона заявила, что «с пониманием» относится к потребностям Пакистана в вооружениях. Были подтверждены прежние соглашения в этой области, в том числе о поставке в Пакистан нескольких десятков самолетов F-16, закупленных Пакистаном, но задержанных в Америке из-за действия санкций. Поставлялась в Пакистан военная техника для борьбы с террористами, укрепления охраны приграничных районов, а также для социально-экономического развития «полосы племен». По некоторым данным, за пять лет после событий 11 сентября 2001 г. США предоставили Пакистану помощь в целом на сумму около 10 млрд. долл.⁵⁶ Пакистан был объявлен Вашингтоном «союзником» США среди стран, не являющихся членами НАТО. Тем не менее, в отличие от Индии, американское сотрудничество с Пакистаном в ядерной сфере восстановлено не было; естественно, это вызвало большое недовольство «лучшего союзника» США. Исламабад настаивал на такой же, как и Индии, помощи в области ядерной энергетики, в сооружении, по крайней мере, четырех атомных энергоблоков⁵⁷.

Вслед за США смягчили позицию в вопросе военной помощи другие западные страны. Францией была создана двусторонняя комиссия по проблемам вооружения. Из этой страны осуществлялись поставки подлодок, другой военно-морской техники, в Англии закупалась техника для ВВС.

Широко развивались связи между Пакистаном и его постоянным партнером и союзником – Китаем. Во время взаимных визитов высших государственных деятелей обеих стран заключались десятки соглашений о сотрудничестве в различных сферах дея-

тельности – экономической, культурной, научной, военной и др. Наряду с другими видами оружия Пакистан с начала 2007 г. стал получать из Китая легкие многоцелевые истребители, способные действовать круглосуточно при любых погодных условиях. Самолет оборудован современной техникой полета и ведения боя. В середине первого десятилетия XXI века Китай оказывал Пакистану помощь в осуществлении 150 проектов в области инфраструктуры, информационных технологий, сельского хозяйства, туризма, энергетики⁵⁸. Для Пакистана, в условиях быстрорастущей экономики и чрезвычайно узкой энергетической базы, чрезвычайно важным было сотрудничество с Китаем именно в этой области. Бедность запасов основных энергоносителей все больше побуждают Исламабад к сооружению атомных электростанций. В стране действует построенная с помощью Китая АЭС в Чашме, там же вводится ее второй энергоблок. В число отмеченных выше проектов входит строительство еще шести станций. Ряд китайских компаний участвует в сооружении нескольких электростанций, работающих на каменном угле⁵⁹. Китайская сторона активно сотрудничает с Пакистаном в строительстве порта Гвадар и развитии соответствующей сети торговых путей и магистралей. КНР постоянно поддерживала Пакистан на мировой арене, активно помогала вступлению в различные международные организации, содействовала улучшению пакистано-индийских отношений.

Здесь мы подошли к двум наиболее знаковым событиям во внешнеполитической жизни Пакистана – позитивным сдвигам в отношениях с двумя великими соседними державами Россией и Индией. Долгое время пакистано-российские связи, несмотря на отсутствие каких-либо претензий друг к другу в плане двусторонних отношений, оставались крайне ограниченными. Причиной этого являлось негативное воздействие внешнего фактора и, прежде всего, конфронтация Пакистана и Индии. Это удерживало Россию от сближения с Пакистаном, усиливало ее ориентацию на Индию, на поддержку этого участника межгосударственного конфликта в Южной Азии. К началу XXI века этот, как и другие ограничители сотрудничества Пакистана и России, ушли в прошлое. Для России стало возможным строить свою политику в отношении Пакистана и Индии по принципу «и – и», а не «или – или», как это было в прошлом.

США, Россия, Китай, другие страны удержали Индию и Пакистан от столкновения, когда ситуация в начале 2001–2002 гг. была крайне опасной и оба ядерных государства вели масштабные приготовления к военным действиям. После этого индо-пакистанские отношения начали улучшаться, одновременно укреплялись российско-пакистанские связи. Оба эти процесса происходили одновременно, были взаимосвязаны и усиливали друг друга.

Между Россией и Пакистаном растут многообразные контакты в политической, экономической, научной, культурной и других сферах. Важную роль в этом сыграли встречи президентов В.В. Путина и П. Мушаррафа во время различных международных форумов, например на саммитах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). 4–6 февраля 2003 г. имел место официальный визит президента Пакистана в Москву. Происходили взаимные визиты глав правительств, ведущих министров, крупных бизнесменов.

Успешно развивается профильное взаимодействие различных ведомств и структур, особенно по линии борьбы с международным терроризмом. Еще в феврале 2003 г. П. Мушарраф заявил, что Россия и Пакистан осуществляют двустороннее сотрудничество «в рамках резолюций ООН и международных договоров по борьбе с терроризмом»⁶⁰. Успешно функционирует совместная Рабочая группа по противодействию международному терроризму и другим вызовам международной безопасности. Во время визита П. Мушаррафа в Москву было подписано соглашение о сотрудничестве между МВД России и Пакистана. Большая работа в этом направлении проводится по линии ШОС. Вообще следует отметить, что первое за все время пребывание России и Пакистана в одной крупномасштабной региональной организации дало большие возможности для укрепления уже существовавших и налаживанию новых связей между двумя странами.

Расширилось экономическое сотрудничество России и Пакистана. Особенно это коснулось торговли; по сравнению с 1999 г. ее объем увеличился в несколько раз и составил в 2006 г. 510,5 млн. долл. Важным стало появление в российском экспорте в Пакистан статей «летательные аппараты» (то есть вертолеты) и «аппараты и измерительные аппараты»⁶¹. Соглашение о расширении экономического и технического сотрудничества было подписано во время визита в РФ П. Мушаррафа. ВО «Тяжпромэкс-

порт» выразил желание участвовать в расширении и реконструкции построенного при содействии СССР крупного металлургического комбината в Карачи. На такой же позиции стоит ОАО «Газпром» в отношении проекта сооружения газопровода Иран – Пакистан – Индия (и возможным продолжением в западные районы Китая) и строительства ряда газохранилищ. В результате переговоров в ноябре 2006 г. между руководством российских и пакистанских железных дорог было достигнуто согласие сторон о развитии сотрудничества в области модернизации железных дорог Пакистана путем создания совместных предприятий, закупки в России пассажирских вагонов и двигателей для локомотивов. Были подписаны соглашения между компаниями обеих стран об участии российского капитала в строительстве высоковольтных ЛЭП из Таджикистана и Кыргызстана в Пакистан, в модернизации телекоммуникаций, энергетики, торговли, туризма. Таким образом из широкого спектра российско-пакистанского экономического сотрудничества практические результаты имели место лишь в сфере торговли. Что касается остальных областей, то по этим проблемам в начале XXI века были достигнуты широкое понимание и согласие и была создана прочная правовая база для будущего широкомасштабного реального сотрудничества двух стран по многим направлениям в сфере экономики. Важно, что было положено начало установлению контактов между Пакистаном и отдельными регионами РФ, прежде всего – с Татарстаном⁶².

Оба государства поддерживают друг друга в различных международных делах. Пакистан постоянно заявляет, что Россия является великой державой и обладает всеми признаками государства такого ранга. Во время своей поездки по ведущим арабским странам в январе 2007 г. президент П. Мушарраф неоднократно отмечал международный вес России, высоко оценивал ее роль в ближневосточных делах, конструктивную позицию в отношении государств исламского мира. Исламабад оказал поддержку принятию РФ в организацию «Диалог по сотрудничеству в Азии» (ДСА). Имея большой вес в исламском мире, Пакистан содействовал получению Россией статуса наблюдателя в ОИК (июль 2005 г.) и права иметь представителя при Лиге арабских государств (сентябрь 2005 г.). Пакистан выступал за принятие РФ в ВТО. Расширилось сотрудничество двух стран в борьбе с наркобизнесом. Россия содействовала вступлению Пакистана в ШОС.

Она немало сделала для начала и успешного продолжения широкого диалога между Пакистаном и Индией. Во время сильного землетрясения в Пакистане в 2005 г. Москва своевременно направила в район бедствия большую команду спасателей и врачей МЧС; туда же были доставлены гуманитарная помощь и мобильный госпиталь⁶³. Большое значение для развития сотрудничества между Россией и Пакистаном имел визит главы правительства РФ М.Е. Фрадкова в Исламабад с 11 по 13 апреля 2007 г.

В начале XXI века произошел сдвиг к лучшему в пакистано-индийских отношениях. Подготовлен он был многими факторами – усилением интеграционных процессов в условиях мировой глобализации, растущей вовлеченностью обеих стран в международные дела и проблемы, воздействием мирового сообщества, особенно таких стран, как США, КНР, Россия. Десятилетия конфронтации во взаимоотношениях обеих стран показали, с одной стороны, бесперспективность такого пути, а с другой – его пагубность, большие потери для участников противостояния, особенно, конечно, для Пакистана. Разумеется, превращение Индии и Пакистана в ядерные государства обусловили большую их осмотрительность и осторожность в отношениях друг с другом.

В первые годы нового столетия в результате острой напряженности во взаимоотношениях Индия и Пакистан оказались на краю пропасти. Удержаться от опасного развития событий, а затем и отходу от опасной черты во многом содействовали многие страны мира, в том числе Китай и Россия. В ходе этого процесса происходило восстановление нарушенных связей – в полном составе вернулись к своей работе дипломатические миссии обеих стран, прекратились вооруженные инциденты на границе и «линии контроля» в Кашмире (обстрелы, стычки солдат и т. д.), возобновились железнодорожные и автобусные перевозки, авиаполеты, вновь начались взаимные визиты государственных и политических деятелей обеих стран. Для простых людей большим событием стало возобновление матчей по любимому здесь виду спорта – крикету, в котором индийские и пакистанские игроки, вечные соперники на мировой арене, являются сильнейшими в мире.

Исключительно важной явилась встреча индийского премьер-министра А.Б. Ваджпай и пакистанских руководителей П. Мушаррафа и М.З.Х. Джамали в Исламабаде в начале 2004 г.

Ее результатом стала договоренность о проведении между обеими странами «комплексного диалога», то есть переговоров по всем основным межгосударственным проблемам – мир и безопасность; кашмирский вопрос; демаркация границы в некоторых спорных участках; терроризм и контрабанда наркотиков; экономическое и торговое сотрудничество, развитие транспортных коммуникаций. Были созданы совместные группы для обсуждения и поисков решения отмеченных проблем.

Подобный подход был серьезным шагом вперед в области индо-пакистанских взаимоотношений. «Комплексный диалог» позволил рассматривать их проблемы одновременно и взаимосвязанно, тогда как прежде происходило обсуждение каких-то отдельных вопросов независимо от других. Долгое время индийская сторона отказывалась обсуждать кашмирский вопрос самостоятельно, а лишь в рамках какой-то общей проблемы (мира, безопасности, развития сотрудничества и т. д.); Пакистан, в свою очередь, требовал рассматривать эту проблему как главную, ключевую, определяющую всю систему противоречий между соседями. В «Диалоге» был найден взаимоприемлемый компромисс – конфликт стал обсуждаться как отдельная важная проблема, но наряду с несколькими другими. Сам переговорный процесс получил более четкие формы и рамки, приобрел регулярный характер.

Последнее условие на практике нарушалось в результате негативных последствий некоторых событий, происходивших в реальной жизни. Так, в июле 2006 г. в Мумбае (Бомбее) имел место террористический акт, жертвами которого стали 186 индийцев. Индийская сторона обвинила в преступлении кашмирских сепаратистов, поддерживаемых Пакистаном. Переговорный процесс был прерван, и индийское руководство потребовало от Исламабада прекращения «трансграничного терроризма». Однако в середине сентября 2006 г. в результате встречи премьер-министра Индии Манмохана Сингха и президента Пакистана П. Мушаррафа в кулуарах саммита неприсоединившихся государств в Гаване (это была четвертая за два года встреча руководителей обеих стран) была достигнута договоренность о возобновлении переговорного процесса. Вскоре в Дели прошла встреча официальных представителей Индии и Пакистана, что означало продолжение «комплексного диалога», начало его очередного (четвертого) раунда.

В ходе диалога было решено немало различных вопросов, найдены подходы к другим. Усилилось сотрудничество двух стран в сфере безопасности, борьбы с терроризмом и наркобизнесом. Была создана совместная структура в целях более эффективного противодействия экстремизму путем обмена разведывательной информацией, согласования антитеррористических инициатив и расследований. Ежеквартально проходили консультации пограничных служб Пакистана и Индии. Продолжался ежегодный обмен списками ядерных объектов в соответствии с соглашением о запрете нападений на ядерные объекты друг друга. Также тщательно выполнялось соглашение о предупреждении в случае проведения испытания ракет. Обе стороны предприняли совместные меры по совершенствованию механизма предотвращения несанкционированного применения ядерного оружия. Была разработана система взаимного оповещения вдоль границы для предупреждения о «ложной тревоге», «чрезвычайных происшествиях» и других инцидентов, способных вызвать ядерное возмездие со стороны соседа. Несколько стабилизировалась обстановка в Кашмире, уменьшились террористическая деятельность и число жертв. Это позволило активизировать различные контакты между двумя частями бывшего княжества. На «линии контроля» открывались новые пункты прохода. Интересно, что в сентябре 2006 г., констатируя позитивные результаты мирного диалога между двумя странами, глава индийского правительства М. Сингх прежде всего назвал среди них «расширение контактов между людьми двух зон Кашмира»⁶⁴.

Определенных успехов достигло развитие экономического сотрудничества Индии и Пакистана. Здесь прежде всего следует отметить рост товарооборота – по сравнению с 1999 г. он увеличился более чем втрое и составил 1 млрд. долл.⁶⁵ Развивались коммуникационные связи между двумя странами, росли грузооборот и пассажирские перевозки. После многолетнего перерыва индийская сторона возобновила прямые грузовые морские перевозки. Очень важно, что обе страны стали звеньями двух намеченных к реализации крупнейших энергетических проектов: газопровода из Ирана через Пакистан в Индию и затем, возможно, в Китай и газопровода Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия. В перспективе предусмотрено параллельное сооружение нефтепроводов. Таким образом, Индия и Пакистан становятся

участниками региональных проектов, далеко выходящих за рамки чисто экономического значения. Иными словами, это закладывает основы тесного сотрудничества двух стран в самом широком смысле.

Особенно важным в системе пакистано-индийских отношений стало появление возможности некоторых подвижек в их «железобетонных» позициях по Кашмиру. Позиции эти прямо противоположны – Индия и Пакистан претендуют на всю территорию бывшего княжества Джамму и Кашмир. Кашмирская проблема, возникшая сразу после раздела британской колонии на два независимых государства, является старейшей международной проблемой периода после Второй мировой войны. Еще одна ее отличительная черта – отсутствие за длительный период существования изменений первоначальных подходов, каких-либо компромиссов.

Началу позитивных изменений в отношении кашмирского вопроса положил «комплексный диалог». Собственно сам диалог стал возможен с достижением практически первого компромисса в этой области – его обсуждению наряду с другими проблемами двусторонних отношений. Однако на пути дальнейшего прогресса стояли крупные препятствия – Индия не хотела идти ни на какие решения, пока существует «трансграничный терроризм», поощряемый Исламабадом, а Пакистан требовал прекращения нарушений «прав человека» в Кашмире, что во многом означало бы прекращение там борьбы с сепаратистами и экстремистами. Существование в неизменном виде созданной после 1947 г. системы в Кашмире породило мощные силы инерции, которые противились каким-либо изменениям статус-кво. Наконец, урегулирование такой сложной и многоплановой проблемы, как кашмирская, было весьма затруднительно при том огромном взаимном недоверии, которое накопилось у сторон за время их противостояния по кашмирскому вопросу. Каждое предложение одной стороны воспринималось с величайшим подозрением другой, его тщательно и долго рассматривали и в конечном итоге приходили к выводу о неприемлемости этого предложения. Неудивительно, что в начале диалога по данному спорному вопросу официальные лица и эксперты обеих стран видели основную трудность в «дефиците доверия».

В ходе диалога Индией и Пакистаном, особенно последним, выдвигались предложения, которые могли бы серьезно побудить

обе стороны смягчить свои позиции, в какой-то мере изменить их и таким образом хотя бы увидеть «свет в конце туннеля». П. Мушарраф неоднократно выдвигал разного рода компромиссные предложения и обозначал возможности действий Пакистана. В самом общем виде формула пакистанского президента выглядит следующим образом: Кашмир остается в существующих границах (то есть по-прежнему разделенным между Индией и Пакистаном), однако «линия контроля» становится транспарентной и население бывшего княжества получает право свободно перемещаться по его территории; Кашмир должен получить статус самоуправления или автономии; обе стороны поэтапно выведут свои войска с этой территории, которая должна быть полностью демилитаризована; для контроля над ситуацией в районе и выполнения «дорожной карты» должен быть создан совместный механизм с участием представителей Индии, Пакистана и Кашмира. В случае принятия этой формулы, заявил П. Мушарраф, его страна откажется от притязаний на Кашмир и не будет настаивать на своем прежнем предложении о проведении там плебисцита, равно как и на выполнении соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, которые предусматривают возможность самоопределения для кашмирского населения.

Индийские предложения в известной степени близки к пакистанским. Индия выступает за сохранение в Кашмире нынешней границы, ослабление внутренней разделительной линии, развитие контактов между двумя зонами бывшего княжества, создание здесь «консультативных механизмов на основе сотрудничества». Надо, однако, сказать, что, несмотря на все позитивы, различия в конечных целях процесса урегулирования у обоих участников процесса остаются. Даже те предложения, которые близки друг другу, для сторон имеют разный смысл и преследуют различные цели. Урегулирование этого старейшего и сложнейшего конфликта требует огромных усилий, много времени, большого желания, гибкости и доверия. Ясно, что этот процесс не ограничивается рамками самого объекта конфликта; многое будет зависеть от состояния отношений между его субъектами, внутреннего положения каждого из них, от международной обстановки. Если процесс и пошел, то путь предстоит долгий. Без опасений ошибиться можно предположить, что если проблемы нынешнего «ком-

плексного диалога» и будут решены, то кашмирское решение будет последним.

В целом положение Пакистана на международной арене в начале XXI века было достаточно прочным. Участие в антитеррористической кампании открыло ему двери в высшие сферы мировой политики, сделало причастным к основным проблемам глобального уровня. Пакистан активно выступал по вопросам международных конфликтов, международного терроризма, бедности и т. д. При этом подчеркивалась важность и необходимость урегулирования этих проблем в тесной взаимосвязи и при усилении всего мирового сообщества. Так, ослабление конфликтогенности в ряде афро-азиатских регионов Исламабад считал возможным лишь при выводе расположенных там стран «из состояния нищеты и экономического неравенства».

Линия Пакистана на внешней арене была довольно взвешенной, совпадающей с позицией большинства международного сообщества. Исламабад выступал за скорейшее урегулирование иракского кризиса. Он был против «военной авантюры» в Иране, подчеркивая при этом, что, помимо всего прочего, такое действие будет губительным для всего региона. Пакистан твердо стоял на приоритете политических средств, прежде всего переговорных, для решения острых спорных вопросов. Исламабад приветствовал итоги шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Северной Кореи и рекомендовал использовать их опыт и найденную «формулу» для разблокирования кризиса вокруг иранской ядерной программы. При этом он поддерживал стремление Тегерана к развитию ядерной энергетики в мирных целях под контролем МАГАТЭ. Надо сказать, что позиция Исламабада в целом была благоприятной для этих стран, но учитывала и подход Запада и не давала повода для осложнения его отношений с Пакистаном.

Пакистан активно развивал сотрудничество с максимально большим числом стран, расширял старые связи и устанавливал новые; при этом делалось все, чтобы ни с кем отношения не испортить. Пакистанские руководители не только совершали многочисленные официальные визиты во многие страны мира, но и активно участвовали в работе различных государственных и неправительственных организаций. Президент присутствовал на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН; участвовал в работе

Конференции глав государств и правительств стран Движения неприсоединения в сентябре 2006 г. в Гаване, где имел встречи со многими руководителями государств Азии, Африки и Латинской Америки. Премьер-министр Ш. Азиз возглавлял пакистанскую делегацию на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2007 г.; там он имел более 40 встреч с руководителями многих государств, международных организаций и крупных компаний.

Особое внимание в Пакистане обращалось на мусульманские страны. Исламабад явно взял курс на укрепление позиций и влияния в исламском мире. Этому способствовали, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, быстрое экономическое развитие страны (по данным международных финансово-экономических организаций, по темпам роста экономики Пакистан прочно занял лидирующие позиции в группе быстроразвивающихся стран Азии⁶⁶). Во-вторых, пакистанское руководство умело использовало геостратегическое положение страны как связующего центра двух частей мусульманского мира (западного и восточного) и ситуацию в умме в свете проблемы терроризма.

По-прежнему, расширяя сотрудничество со странами Западной Азии, Пакистан особое внимание уделил Индонезии, Малайзии, странам Центральной Азии (в этом случае существенную роль сыграло вхождение бывших среднеазиатских республик и Пакистана в единую широкомасштабную региональную организацию ШОС), Азербайджану.

Вместе с Малайзией Пакистан явился инициатором созыва Всемирного экономического форума мусульманских государств («мусульманский Давос»). На втором форуме, который проходил в Исламабаде в октябре 2006 г., П. Мушарраф выдвинул ряд инициатив, направленных на консолидацию исламского мира, прежде всего на путях урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке и прекращения суннитско-шиитской конфронтации. Он предложил создать в рамках ОИК Фонд помощи слаборазвитым мусульманским государствам, где бы аккумулировались поступающие на эти цели из стран – участников ОИК финансовые средства. В декларации, принятой на форуме, содержался призыв к созданию зоны свободной торговли в рамках исламских государств.

В ходе интенсивных контактов П. Мушаррафа с рядом ближневосточных стран, а также с Малайзией и Индонезией были

выдвинуты инициативы по достижению «гармонии в исламском мире», которые, по словам П. Мушаррафа, базируются «на принципах справедливости». Прежде всего предусматривалось урегулирование ситуации на Ближнем Востоке, прекращение насилия на палестинских землях, в Иране, Ливане и Афганистане. Активное участие в этом должны принять мусульманские страны, прежде игравшие довольно ограниченную роль в отношении ближневосточного урегулирования. Процесс этот должен осуществляться на основе соблюдения международного права и соответствующих резолюций ООН, а также противодействия экстремизму и терроризму. Именно последние обстоятельства обеспечили «мирным инициативам» поддержку западных стран, несмотря на то, что осуществление этих инициатив может повести к определенному сокращению влияния данных стран на ситуацию в регионе.

«Ближневосточная мирная инициатива», по мнению ее авторов, должна сблизить мусульманские страны, укрепить их единство, усилить позиции на международной арене, побудить активнее выступать по коренным проблемам современности, дать им возможность говорить на едином политическом языке. Дело, однако, имеет еще один важный аспект. Ключевым моментом к его пониманию является утверждение П. Мушаррафа о том, что «преодоление конфликтов – это основа усилий в борьбе с экстремизмом в мусульманском мире». Другими словами, активизация деятельности мусульманского мира в означенном направлении не только не может вызывать опасения в западном мире, но, наоборот, должна быть поддержана им в целях решения глобальной проблемы терроризма и экстремизма. Сам Пакистан выражал желание выступить посредником в урегулировании ближневосточного конфликта.

Если пойти еще дальше, то можно предположить, что происходит в какой-то мере материализация принципа диалога и сотрудничества цивилизаций. Осуществляется этот процесс умеренными силами при нейтрализации различных крайностей типа исламорадикализма или идеи столкновения цивилизаций. Показательно, что инициаторами и проводниками этой новой инициативы мусульманских стран являются именно умеренные исламские режимы. Важной вехой на этом пути явилась встреча в Исламабаде 25 февраля 2007 г. министров иностранных дел Египта,

Иордании, Турции, Пакистана, Саудовской Аравии, Индонезии и Малайзии; участие в ней принял также генеральный секретарь ОИК (кстати, в итоговом заявлении участников встречи отмечено, что она произошла в результате недавних визитов президента Мушаррафа в различные мусульманские страны⁶⁷). На этой встрече были рассмотрены различные аспекты инициативы и дальнейшие меры по их осуществлению. Обращает на себя внимание отсутствие в этой «великолепной семерке» Ирана. Не со всеми странами этой группы у радикального режима Тегерана безоблачные отношения. Памятен и случай, происшедший во время визита в Индонезию иранского президента М. Ахмадинежада в марте 2006 г. Последний просил помощи Индонезии относительно его ядерной программы. Индонезийский президент С.Б. Юдхойоно предложил посредничество в вопросах урегулирования отношений Ирана и США. Иранский президент отказался от этого предложения и заявил, что Тегеран предпочитает «самостоятельно принимать решения по определению судьбы своей страны».

В возникновении и деятельности новой группировки мусульманских государств большая заслуга принадлежит Пакистану. Значительна его роль в определении стратегии этой группировки, ее идеологическом обеспечении. Политика руководства Пакистана в отношении религии – полная поддержка и развитие истинного ислама и решительная борьба с его радикалистским направлением – преподносится как образец конфессиональной политики умеренных мусульманских государств. Принципы этой политики обнародованы в сентябре 2003 г. в широко распространяемой в мусульманском мире концепции П. Мушаррафа «Просвещенная умеренность»⁶⁸, которая принята ОИК в качестве ее официального документа.

Следует отметить два основных аспекта этой концепции. Во-первых, провозглашена абсолютная несовместимость экстремизма, радикализма и терроризма с подлинным исламом. В самом Пакистане даже объявлен джихад против религиозного терроризма. Таким образом, мусульманский мир не несет ответственности перед человечеством за исламорадикализм (как это часто представляется на Западе); он так же страдает от религиозного терроризма, как и другие цивилизации. А во-вторых, доктрина П. Мушаррафа исходит из того, что социально-экономические

проблемы, бедность, отсталость, неграмотность и т. д. во многих странах мусульманского мира и являются подлинными причинами исламского радикализма, а не его религиозные или цивилизационные особенности. Поэтому для преодоления экстремизма и терроризма следует решить отмеченные проблемы путем экономического развития, социальной справедливости, просвещения, умеренности, эволюции и недопущения радикализма и экстремизма. Упор делается на «гармонию и благополучное сосуществование разнообразных культур и религий»⁶⁹. Одновременно ставился вопрос об урегулировании конфликтов в мусульманском мире (таких как болезненный палестинский вопрос, угрожающая обстановка в Ираке, политическая нестабильность в Ливане, растущая напряженность между США и Ираном), которые также сопровождаются усилением экстремизма, представляющим угрозу региону, мусульманскому миру и всему человечеству⁷⁰. Поэтому само собой разумеется, что в борьбе с мировым злом – терроризмом, в искоренении его причин и урегулировании конфликтов должны принимать участие все страны мира.

Оценивая концепцию «Просвещенная умеренность», премьер-министр Пакистана Ш. Азиз отметил следующие основные ее черты – глобальный характер; отрицание экстремизма и непримиримости; направленность на социальную справедливость, просвещение и развитие; содействие решению конфликтов, которые «вызывают огромные страдания и являются причиной многих болезней исламской уммы»⁷¹.

Доктрина «Просвещенная умеренность» направлена против искажения подлинного ислама, то есть против радикалистского его истолкования. Это положение чрезвычайно важно и должно быть широко использовано в идеологической борьбе с терроризмом, поскольку разного рода общественные неурядицы и катаклизмы, вызванные исламорадикализмом, выдаваемым за истинный ислам, принимаются массами именно в таком обличье.

Выше отмечалась активная позиция Пакистана по проблемам терроризма, наркобизнеса, контрабанды и т. д. В этот период он присоединился к ряду международных универсальных антитеррористических соглашений, достигнутых мировым сообществом в разное время. Среди них – Конвенция о защите ядерных материалов (1979 г.), Конвенция по борьбе с захватом заложников (1979 г.), Конвенция по обеспечению безопасности морского

судоходства (1988 г.), Протокол о безопасности стационарных платформ на континентальном шельфе (1988 г.), Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.) и международной организованной преступностью (2000 г.).

Пакистан, как известно, обладает ядерным оружием, испытание которого прошло в 1998 г. После этого Исламабад продолжал нарабатывать ядерные материалы и производить боезаряды. Накопив какой-то «минимум сдерживания» (по разным данным, несколько десятков боеголовок), Пакистан стал в основном создавать запасы оружейного урана и плутония, из которых довольно быстро можно собрать боезаряды. Большое внимание стало обращаться на создание и совершенствование системы управления нового стратегического вида вооруженных сил страны, на его безопасность, строгие меры хранения, предотвращение возможностей его захвата террористами, вывоза за границу и т. д. По оценкам американских экспертов, пакистанские ядерные боезаряды и средства их доставки находятся в разных местах; сами боезаряды хранятся в разобранном состоянии (ядерные компоненты отдельно от неядерных) и тщательно охраняются⁷². В мае 2004 г. в ответ на просьбу Совета Безопасности ООН к членам мирового сообщества ужесточить законы, препятствующие вывозу ОМУ и его технологий, в Пакистане был принят закон об усилении ограничений и наказаний за вывоз ядерных, биологических, химических и ракетных технологий (нарушителям грозят тюремное заключение сроком до 14 лет, штраф в 5 млн. рупий и конфискация имущества)⁷³.

Одновременно с ядерным оружием создавались и средства его доставки. Главным их компонентом являются ракеты. Разработаны и развернуты ракеты малой дальности, оперативно-тактические и ракеты средней дальности. Постоянно идет процесс их модернизации, создание новых моделей и испытательные пуски. Так, в 2006 г. прошли успешные испытания баллистических ракет средней дальности «Абдали», «Шахин-1», «Гхори» и «Шахин-2»⁷⁴.

Став ядерным государством де-факто и практически получив от мирового сообщества индульгенцию за этот проступок, Пакистан активно включился в кампанию по укреплению режима нераспространения. На региональном уровне Пакистан выступает против гонки ядерного оружия, за сохранение своего военного ядерного потенциала «на минимально необходимом уровне».

С Индией достигнуты важные соглашения по проблеме ОМУ – о ненападении на ядерные объекты, соблюдении моратория на новые ядерные испытания, взаимные уведомления о проведении испытаний баллистических ракет⁷⁵. Вместе с заключенным в феврале 2007 г. индо-пакистанским Соглашением о предотвращении чрезвычайных обстоятельств с ядерным оружием, создан довольно серьезный механизм предотвращения применения ядерного оружия со стороны обеих стран.

В ноябре 2006 г. в Брюсселе состоялась организованная Институтом стратегической стабильности в Южной Азии (штаб-квартира Института в Лондоне) Международная конференция по проблемам нераспространения ОМУ. Были позитивно оценены наработки и достижения Пакистана в сфере контроля над ядерным оружием, его отношение к международным усилиям по противодействию распространения ОМУ, ядерных материалов и чувствительных технологий. Отмечались возросшая транспарентность деятельности Исламабада в нераспространенческой сфере, добровольное следование страны в русле основных международных договоренностей в данной области, расширение сотрудничества с МАГАТЭ в области ядерной энергетики. Одобрен был представленный Пакистаном план действий в сфере ядерной безопасности, базирующийся на принципах работы МАГАТЭ. Среди целей этого плана – обеспечение надежного контроля над радиоактивными источниками, создание специального центра по обучению и проведению тренингов по ядерной безопасности, формирование государственного координирующего центра по проблемам ядерной безопасности⁷⁶. В целом действия и планы Пакистана в области режима нераспространения расценены как определенный вклад в укрепление этого режима.

Активная и целеустремленная деятельность Пакистана на международной арене получила признание мирового сообщества. В эти годы он стал непостоянным членом Совета Безопасности ООН, был избран в Совет управляющих МАГАТЭ, председателем «Группы 77» в ООН. Пакистанский представитель на 24-й сессии Совета по вопросам защиты окружающей среды стал вице-президентом этого органа ООН. Пакистан был избран в руководство Международного антикоррупционного комитета, в состав которого входят около 150 государств. Была создана межправительственная комиссия «Пакистан – ЕС».

Важным событием был прием Пакистана в Шанхайскую организацию сотрудничества. И хотя он получил статус наблюдателя, даже такая форма принадлежности к гигантскому трансконтинентальному механизму, связывающему западные и восточные крылья Евразии, имеет огромное значение для Пакистана. Само пребывание в такой организации укрепляет международные позиции Пакистана, повышает его роль и значимость на мировой арене, усиливает его безопасность, в определенной степени позитивно влияет на внутривластную обстановку в стране. Вступив в ШОС, Пакистан получил возможность в какой-то мере играть роль связующего звена между различными частями этого объединения (странами Западной и Восточной Азии, Южной и Центральной Азии), стать воротами в Мировой океан для центральноазиатских республик, не имеющих выхода в открытое море. Нахождение в единой региональной организации содействует развитию широкого сотрудничества по всем направлениям между Пакистаном и остальными участниками ШОС, а также способствует стабилизации индо-пакистанских отношений. Кроме того, по словам премьер-министра Ш. Азиза, Пакистан получил в лице ШОС «трибуну, с которой он может объяснять свою позицию другим странам и преодолевать недопонимание по отношению к себе»⁷⁷.

Вступление Пакистана в ШОС получило высокую оценку в политических и общественных кругах страны. Акция эта была названа «исторической», открывающей Пакистану широкие возможности для укрепления его международного положения, развития многостороннего сотрудничества со многими зарубежными странами, решения острых внутренних проблем.

Таким образом, Пакистан вступил в XXI век с большими успехами в своей внешнеполитической деятельности. С большой долей уверенности можно сказать, что его положение на международной арене никогда не было столь благоприятным как в этот период. Но, как и в случае с ростом макроэкономических показателей, внешнеполитическое «благополучие» весьма опосредованно сказывалось на жизненных условиях широких масс пакистанского населения. К тому же осложнение внутренней ситуации в 2007 г. негативно отразилось на его внешнеполитической активности, международном авторитете и значимости.

История Пакистана относительно коротка. В качестве самостоятельного независимого государства он появился в августе 1947 г. и в августе 2007 г. отметил свое 60-летие. В то же время следует иметь в виду длительную и богатую событиями историю северо-западных районов южноазиатского субконтинента, которые образуют нынешний Пакистан. Здесь были расположены центры одной из древнейших мировых цивилизаций – Индусской, или культуры Хараппа (начало III – середина II тыс. до н. э.). В дальнейшем территория современного Пакистана входила в состав последовательно сменявших друг друга империй – Ахеменидов, Александра Македонского, Маурья, Кушанской, Гупта, Великих Моголов, Британской империи. Прошлое оставило нынешнему Пакистану богатое историко-культурное наследие, множество традиций, которые оказывают заметное влияние на материальную и духовную жизнь пакистанского общества. Здесь, конечно, следует отметить ислам, знакомство с которым произошло еще в VII веке и который ныне не только в конфессиональном плане, но и в более широком идеологическом смысле отделяет население Пакистана от жителей других районов Индостана и оказывает воздействие на все стороны жизни пакистанского общества. С точки зрения влияния прошлого на настоящее следует иметь в виду и британское наследие в сфере государственного управления, организации и деятельности бюрократического аппарата и вооруженных сил страны.

В ходе национально-освободительного движения народов Южной Азии мусульманское население региона консолидировалось в рамках борьбы за создание «своего» государства. Мусульманской лиге, руководимой М.А. Джинной, удалось использовать религиозные, националистические и эгалитаристские лозунги, добиться создания государства, «свободного от гнета чужеземцев и индусов».

К Пакистану отошли самые экономически неразвитые районы бывшей колонии. В новом государстве практически отсутствовала промышленность; сельское хозяйство с его отсталой техни-

ческой базой и полуфеодальными порядками было не в состоянии обеспечить население продовольствием. Недостаток природных ресурсов, особенно энергетических, резко ограничивал возможности роста экономики, вынуждал тратить и без того ограниченные финансовые средства на импорт промышленных товаров, продуктов ширпотреба и питания. В экономике независимого государства сильны были позиции иностранного капитала. Низким был культурный и образовательный уровень населения.

В стране практически отсутствовал средний класс. Крупная буржуазия, по преимуществу торгово-ростовщическая, генетически не связанная с основными этносами Пакистана, не была заинтересована в развитии национального производства. Политическая элита страны была слаба, не имела опыта государственного управления, политического маневрирования, опасалась идти на компромиссы и уступки. Управление, к которому постоянно привлекалась армия, приняло жесткие репрессивные формы. Несомненно, определенную роль в этом сыграли традиционные и исламские взгляды на взаимоотношения власти и населения. Возникшие сразу же после 14 августа 1947 г. острая и длительная конфронтация между Пакистаном и Индией, а также напряженность в его отношениях с другим соседом – Афганистаном на долгие годы превратили Пакистан в «осажденную крепость», в которой любой ценой должны быть обеспечены порядок и стабильность; в такой обстановке в стране росли милитаристские и шовинистические настроения. На военные цели шли огромные средства, что наносило значительный ущерб народному хозяйству. Таким образом, стартовая площадка, с которой начиналось развитие нового государства, была довольно плохо подготовлена для этого.

Тем не менее несмотря на все трудности (кроме перечисленных выше можно добавить еще много неблагоприятных факторов – отсутствие достаточного количества подготовленных и опытных чиновников, огромная зависимость экономики страны от погодных условий, существование государства в течение первой четверти века своей истории в виде двух частей, разделенных полутора тысячами километров враждебной территории и др.), Пакистану удалось достаточно успешно пройти путь после получения независимости и добиться позитивных изменений практически во всех сферах жизни общества.

Отечественный пакистановед С.Н. Каменев отмечал, что за годы самостоятельного существования Пакистан «превратился из отсталой практически во всех отношениях страны в государство едва ли не со среднеразвитой экономикой»¹. Общественный совокупный продукт за годы независимости увеличился примерно в 12 раз. Доля сельского хозяйства в ВВП уменьшилась с 53 до 23 % и в значительной мере приблизилась к доле промышленного производства. Городское население выросло значительно как абсолютно, так и относительно (с 17 до 30 %) ². Весомую роль стали играть высокотехнологичные отрасли, действует агропромышленный комплекс, в агросферу все шире внедряются современные методы хозяйствования. Страна из отсталой аграрной превратилась в достаточно современную по уровню техники и технологии аграрно-индустриальную ³.

Все годы хозяйственная стратегия предусматривала развитие рыночных отношений на основе смешанной экономики. В разные периоды акценты ставились на государственный или частный секторы. Лишь в период правительства З.А. Бхутто произошло излишнее увлечение огосударствлением экономики, что незамедлительно отрицательно сказалось на ней. В целом, Пакистану, как и большинству освободившихся стран, удалось избежать модных тогда идей «социалистической ориентации», «развития по некапиталистическому пути», оказавшихся на практике весьма неплодотворными.

Разумеется, экономические успехи носили во многом ограниченный характер; сохранялись такие серьезные проблемы, как дезинтегрированность экономической структуры, диспропорции между ее основными отраслями, зависимость от иностранных источников финансово-экономических поступлений. Социальная система, несмотря на определенные позитивные сдвиги, сохраняла многие недостатки в обеспечении жизненных условий масс населения – остро стояли вопросы безработицы, жилья, медицинской помощи, чистой воды и т. д. Экономические успехи не получали адекватного отражения на состоянии социальной системы; связь между ростом экономики и жизненными условиями людей была весьма опосредованной и медленной. Социальный фактор – одна из причин политических осложнений в стране.

Вообще, внутренняя ситуация всегда была крайне нестабильной. Это обуславливало постоянное участие армии в государ-

ственно-политической жизни Пакистана и четыре раза в стране устанавливалось прямое военное правление. Сложное явление для оценки представляют военные режимы. С одной стороны, в эти периоды обстановка в стране становилась более стабильной, проводились разного рода реформы, росли темпы развития экономики. С другой стороны, военные диктатуры стали главным препятствием для развития парламентаризма, политического плюрализма, привлечения к управленческому процессу широкого круга представительных органов.

Первоначальная неподготовленность Пакистана к парламентской демократии впоследствии не ослаблялась, а, наоборот, воспроизводилась и закреплялась сменяющимися друг друга военными режимами. Каждый из них оставлял после себя такую же неподготовленную почву для ростков демократии, какой она была в начале его деятельности. Поэтому приходившие на смену военным гражданские власти были не в состоянии наладить нормальную жизнь общества на основе демократических принципов, поскольку для этого в стране отсутствовали основа, нормы и традиции такого управления, не было управленческих кадров, подготовленных и способных действовать в условиях конституционно-парламентских институтов. Поэтому «демократические просветы» между диктаторскими режимами отличались крайней нестабильностью, неспособностью к реформаторской деятельности, ожесточенной и беспринципной борьбой за власть. Неудачи парламентского механизма в конкретных, неблагоприятных для этого условиях дискредитировали в глазах населения саму демократическую идею.

В будущем, по всей видимости, произойдет определенного рода интеграция двух типов управления, важную роль в этом сыграют переходные формы, подобные режиму П. Мушаррафа после 2002 г. Преобладающее влияние в таком «гибриде» в конечном итоге получит демократическое начало. В противном случае страну будут ожидать серьезные внутренние конфликты структурного характера, большие неприятности на международной арене.

Между тем именно во внешнеполитической сфере успехи Пакистана наиболее впечатляющи. После недолгого пребывания в военных блоках страна вышла на широкий простор неприсоединения, что позволило использовать противостояние двух миро-

вых систем, развивать отношения с наиболее предпочтительными партнерами, активно участвовать в деятельности различных международных организаций, укрепить позиции в мусульманском мире. Конфронтация с Индией, вовлеченность в афганские события в 1980-е годы и на рубеже XX и XXI веков, вывели Пакистан на глобальный уровень мировой политики, что мастерски было использовано Исламабадом для поднятия значимости страны на международной арене. Участие в афганских событиях к тому же принесло большие экономические и политические дивиденды.

Среди партнеров и союзников Пакистана оказались такие державы, как США и Китай, богатые ближневосточные государства, страны ислама. Растет пакистано-российское сотрудничество. Происходит процесс улучшения отношений с Индией. Теперь, в отличие от прошлого, именно этот путь ведет к укреплению международных позиций Пакистана и содействует расширению сотрудничества со многими странами мира. Пакистан активно участвует в деятельности различных региональных организаций. Присоединение к ШОС – это крупнейший успех пакистанской дипломатии, достойное начало внешнеполитической деятельности государства в новом веке.

Несомненно, основные направления внешней политики Пакистана сохранятся и получат дальнейшее развитие. При этом, очевидно, правящими кругами будут внимательно отслеживаться возможные последствия тех или иных внешнеполитических акций, поскольку нередко они негативно сказываются на политической жизни страны. В свою очередь и внутренние события будут также оказывать влияние на внешнюю политику Пакистана, особенно на региональном уровне.

Глава I

- ¹ *Bence-Jones M.* The Viceroy of India. L., 1982, p. 182; *V.A. Smith.* The Oxford History of India. Fourth Edition. Ed. *P. Spear.* Delhi, 1981, p. 753.
- ² *Ibid.*, p. 754; *Shaumian T.* Tibet. The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi, 2000, p. 74–79.
- ³ *Kemp J., Harkavy R.* Strategic Geography and the Changing Middle East. Wash., 1997, p. 26–27.
- ⁴ *Smith V.A.* The Oxford History of India, p. 700; Следует здесь обратить внимание на фактическую неточность, допущенную авторами капитального исследования «Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2003» (М., 2003. Т. 3, с. 131–132). Касаясь линии Дюранда, они связали ее появление с окончанием афгано-британской войны, между тем как вторая англо-афганская война имела место в 1878–1880 гг., а третья – в 1919 г. Необходимость разграничения контроля над полосой горных пуштунских племен возникла после многочисленных антибританских выступлений пуштунов в конце 1880 – начале 1890-х годов.
- ⁵ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics in India. Delhi, 1979, p. 285.
- ⁶ *Brown J.M.* Modern India. The Origins of an Asian Democracy. Second Edition. Oxford, 1994, p. 289–291.
- ⁷ *Moreland W.H., Chatterjee A.C.* A Short History of India. L., 1945, p. 254–260; Индия: страна и ее регионы. М., 2000, с. 30–31.
- ⁸ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics, p. 5–6.
- ⁹ *Malik S.* The Panjab and the Indian “Mutiny”: A reassessment // Islamic Studies. Islamabad, vol. XV, Summer 1976, № 2, p. 81–110; *Malik S.* 1857 Gogira rebellion in Southeastern Panjab // Islamic Studies, vol. XVI, Summer 1977, № 2, p. 65–95.
- ¹⁰ *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной жизни Индии и Пакистана. М., 1963, с. 101–105.
- ¹¹ *Metcalf B.D.* Islamic Revival in British India, 1860–1900. Princeton, 1982, p. 87–91.
- ¹² *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения..., с. 106–107.
- ¹³ *Metcalf B.D.* Islamic Revival, p. 92–93.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 266.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 315–316.
- ¹⁶ *Hunter W.W.* The Indian Mussulmans. Reprint. Calcutta, 1945; *Thorburn S.S.* Mosulmans and Money-Lenders in the Punjab. Edinburgh, 1886.

- ¹⁷ Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М., 2004, с. 269–273.
- ¹⁸ Bence-Jones M. The Viceroys of India, p. 98–99.
- ¹⁹ Гордон-Полонская Л.Р. Мусульманские течения..., с. 130–131; Metcalf B.D. Islamic Revival, p. 323.
- ²⁰ Ibid., p. 322–326.
- ²¹ Ibid., p. 335–347.
- ²² Ibid., p. 29–34.
- ²³ Гордон-Полонская Л.Р. Мусульманские течения..., с. 154–158.
- ²⁴ Там же, с. 122.
- ²⁵ Smith V.A. The Oxford History of India, p. 804. Соединение идей борьбы за развитие системы высшего образования для мусульман и языка урду нашло отражение в создании в 1900 г. по инициативе Алигарха Ассоциации защиты урду. Brown J.M. Modern India, p. 180.
- ²⁶ Гордон-Полонская Л.Р. Мусульманские течения..., с. 143–149; Founding Fathers of Pakistan. Islamabad, 1981, p. 45–82.
- ²⁷ Brown J.M. Modern India, p. 154; Ikram S.M. Modern Muslim India and the Birth of Pakistan. Lahore, 1970, p. 33–34.
- ²⁸ Ibid., p. 94–95.
- ²⁹ Ibid., p. 80–81, 183.
- ³⁰ Smith V.A. The Oxford History of India, p. 774–775.
- ³¹ Принцип образования курий по религиозному или этническому признаку вызывал возражения либерально настроенных политиков в метрополии; оправдывая его, госсекретарь Морли ссылаясь на существование подобной практики на Кипре, где мусульмане выбирали своих представителей, и в Богемии, где немцы выделялись в отдельную курию. Характерно также, что в защиту решения приводился такой аргумент, как несводимость различий между мусульманами и индусами только к религии, укорененность разрыва в историческом прошлом, привычках и социальных обычаях. См.: Mathur Y.B. Growth of Muslim Politics, p. 128–132; Wolpert S. A New History of India. Sixth Edition. N.Y., 2000, p. 284.
- ³² Spear P. India. A Modern History. Ann Arbor, 1961, p. 327.
- ³³ Индийский автор Я.Б. Матхур приводит только один факт – националистически настроенные политики Калькутты во главе с С. Банерджи выпустили в знак протеста манифест-обращение к правительству. См.: Mathur Y.B. Growth of Muslim Politics, p. 130.
- ³⁴ Первый из них состоялся в 1877 г. при вице-короле лорде Литтоне, второй – в 1903 г. при лорде Керзоне.
- ³⁵ Minault G. The Khilafat Movement. Religious Symbolism and Political Mobilization in India. N.Y., 1982, p. 40, 47.
- ³⁶ История Востока. Т. V. Восток в новейшее время (1914–1945). М., 2006, с. 318.

- ³⁷ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics, p. 136–137; *Brown J.M.* Modern India, p. 200–201; *Wolpert S.* A New History of India, p. 294.
- ³⁸ *Brown J.M.* Modern India, p. 207–209.
- ³⁹ *Ibid.*, p. 221.
- ⁴⁰ *Minault G.* The Khilafat Movement, p. 67, 79–84.
- ⁴¹ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics, p. 139–140.
- ⁴² *Wolpert S.* A New History of India, p. 311.
- ⁴³ *Куценков А.А.* Межобщинный конфликт: природа, движущие силы, динамика. В сб.: Южная Азия: конфликты и компромиссы. М., 2004, с. 32.
- ⁴⁴ *Уолперт С.* Джинна – творец Пакистана. М., 1997, с. 103.
- ⁴⁵ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics, p. 168–169.
- ⁴⁶ *Low D.A.* Britain and Indian Nationalism. The imprint of ambiguity. 1929–1942. Cambridge, 1999, p. 9–10.
- ⁴⁷ *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics, p. 168.
- ⁴⁸ *Ibid.*, p. 170–171.
- ⁴⁹ *Уолперт С.* Джинна., с. 123–125.
- ⁵⁰ *Brown J.M.* Modern India, p. 278–279.
- ⁵¹ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. L., 1998, p. 83. О восстании в Пешаваре в апреле 1930 г. и признании Гаффар Хана «пограничным Ганди» см., в частности: *Паничкин Ю.Н.* Образование Пакистана и пуштунский вопрос. М., 2005, с. 60–62.
- ⁵² *Уолперт С.* Джинна., с. 112; *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics, p. 167–168; *Brown J.M.* Modern India, p. 237.
- ⁵³ *Уолперт С.* Джинна., с. 131–137.
- ⁵⁴ *Brown J.M.* Modern India, p. 244–245.
- ⁵⁵ *Ibid.*, p. 289.
- ⁵⁶ *Ibid.*, p. 290; *Sayeed K.B.* The Political System of Pakistan. Boston, 1967, p. 29.
- ⁵⁷ *Brown J.M.* Modern India, p. 391; *Spear P.* A History of India, p. 382.
- ⁵⁸ *Brown J.M.* Modern India, p. 297.
- ⁵⁹ *Ibid.*, p. 308.
- ⁶⁰ *Ibidem.*
- ⁶¹ *Ibid.*, p. 313.
- ⁶² *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics, p. 168–171; *Ikram S.M.* Modern Muslim India, p. 208.
- ⁶³ *Talbot I.* Pakistan, p. 67.
- ⁶⁴ *Ibid.*, p. 71–71; *Ikram S.M.* Modern Muslim India, p. 216–217, 221–222.
- ⁶⁵ *Ibid.*, p. 236–237.
- ⁶⁶ Подробнее см.: *Ганковский Ю.В.* Народы Пакистана. М., 1964, с. 210–216; *Агеев В.Ф.* Новейшая история Синда. М., 1986, с. 42–44, 251–257.
- ⁶⁷ Там же, с. 43; *Talbot I.* Pakistan, p. 76.
- ⁶⁸ *Агеев В.Ф.* Новейшая история Синда, с. 42.

- ⁶⁹ *Talbot I. Pakistan*, p. 77.
- ⁷⁰ *Sayeed K.B. The Political System*, p. 35.
- ⁷¹ Уолперт С. Джинна..., с. 181–182; *Talbot I. Pakistan*, p. 62.
- ⁷² *Sayeed K.B. The Political System*, p. 36.
- ⁷³ Уолперт С. Джинна..., с. 190.
- ⁷⁴ Там же, с. 192.
- ⁷⁵ Там же, с. 193.
- ⁷⁶ *Ikram S.M. Modern Muslim India*, p. 168–169; *Ahmed A.S. Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. L., 1997*, p. 71–78.
- ⁷⁷ Цит. по: *Ikram S.M. Modern Muslim India*, p. 169; *Founding Farthers of Pakistan*, p. 156.
- ⁷⁸ *Ibid.*, p. 166–169.
- ⁷⁹ *Ahmed A.S. Jinnah*, p. 57–58.
- ⁸⁰ *Founding Farthers of Pakistan*, p. 173–175.
- ⁸¹ Имеются и другие толкования, которые давал в одной из брошюр Рахмат Али с упоминанием Ирана, Афганистана и Тохаристана. *Ibid.*, p. 168.
- ⁸² *Ahmed A.S. Jinnah...*, p. 74–75.
- ⁸³ *Ibid.*, p. 74.
- ⁸⁴ *Ibid.*, p. 75.
- ⁸⁵ *Ali C.M. The Emergence of Pakistan. N.Y., 1967*, p. 33.
- ⁸⁶ *Brown J.M. Modern India*, p. 360.
- ⁸⁷ *Ali C.M. The Emergence of Pakistan*, p. 34.
- ⁸⁸ *The Transfer of Power. Documents of the Foreign Relations of Pakistan. Karachi, 1966*, p. 19–20.
- ⁸⁹ *Ibid.*, p. 17.
- ⁹⁰ Уолперт С. Джинна..., с. 229.
- ⁹¹ *Brown J.M. Modern India*, p. 360.
- ⁹² Уолперт С. Джинна..., с. 222–224.
- ⁹³ Там же, с. 227–228.
- ⁹⁴ *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 69.
- ⁹⁵ Уолперт С. Джинна..., с. 228–230.
- ⁹⁶ Там же, с. 232–239; *Brown J.M. Modern India*, p. 327–328, 361; *Ali C.M. The Emergence of Pakistan*, p. 43–44; *Sayeed K.B. The Political System*, p. 42–43.
- ⁹⁷ Уолперт С. Джинна..., с. 233.
- ⁹⁸ Там же, с. 237.
- ⁹⁹ Датт П. Индия сегодня. М., 1948, с. 589; *Brown J.M. Modern India*, p. 321–324.
- ¹⁰⁰ Уолперт С. Джинна..., с. 268–269.
- ¹⁰¹ Там же, с. 273; *Ali C.M. The Emergence of Pakistan*, p. 46–47.
- ¹⁰² *Brown J.M. Modern India*, p. 336; см. также: *Sayeed K.B. The Political System*, p. 45.

- ¹⁰³ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History, p. 87–88.
- ¹⁰⁴ *Sayeed K.B.* The Political System, p. 53.
- ¹⁰⁵ См., например: *Sayeed K.B.* Politics in Pakistan: The Nature and Direction of Change. N.Y., 1980; *Gilmartin D.* Empire and Islam: Punjab and the Making of Pakistan. Berkeley, 1988.
- ¹⁰⁶ Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 104–105.
- ¹⁰⁷ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History, p. 73–74; *Sayeed K.B.* The Political System, p. 45.
- ¹⁰⁸ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History, p. 79–80.
- ¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 83–85.
- ¹¹⁰ См. о нем, в частности, вышеупомянутую книгу Ю.Н. Паничкина.
- ¹¹¹ *Brown J.M.* Modern India, p. 328.
- ¹¹² Подробнее о двух тенденциях, либеральной и консервативной, см.: *Белокреницкий В.Я.* Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов. В сб.: Британский колониализм в конце XIX – первой половине XX вв. М., 2007.
- ¹¹³ *Moore R.J.* Escape from Empire. The Attlee Government and the Indian Problem. Oxford, 1983, p. 107–109.
- ¹¹⁴ The Transfer of Power. 1942–1947. vol. 7, ed. *P. Mansergh.* L., 1977, p. 951–966.
- ¹¹⁵ *Уолперт С.* Джинна..., с. 303–304.
- ¹¹⁶ Там же, с. 305–308.
- ¹¹⁷ *Menon V.P.* The Transfer of Power in India. Princeton, 1957, p. 470–476.
- ¹¹⁸ *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan, p. 57; *Brown J.M.* Modern India, p. 362.
- ¹¹⁹ *Уолперт С.* Джинна..., с. 316; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan, p. 60.
- ¹²⁰ *Ibid.*, p. 62.
- ¹²¹ *Ibid.*, p. 67.
- ¹²² *Ibid.*, p. 70; *Уолперт С.* Джинна..., с. 326.
- ¹²³ Там же, с. 329–331.
- ¹²⁴ Такого мнения придерживался, в частности, П.Спиар. См.: *Spear P.* A Modern History. Ann Arbor, 1961, p. 417.
- ¹²⁵ *Уолперт С.* Джинна..., с. 335–336.
- ¹²⁶ *Дьяков А.М.* Индия во время и после окончания второй мировой войны. М., 1952, с. 93; *Moore R.J.* Escape from Empire, p. 188, 193; *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan, p. 93–94.
- ¹²⁷ Нельзя, разумеется, считать лишь Джинну ответственным за создание Пакистана, но, как отмечает, например, такой современный автор, как А. Джалал, ему приходилось зачастую брать на себя инициативу и полную ответственность. См.: *Jalal A.* The Sole Spokesman: Jinnah, The Muslim League and the Demand for Pakistan. Cambridge, 1985.
- ¹²⁸ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History, p. 73–74.

- ¹²⁹ *Wolpert S. A New History of India. N.Y., 2000 (Sixth Edition), p. 346.*
Кашин В.П. Раздел Панджаба, 1947 год – Индия. Общество, власть, реформы. М., 2003, с. 172–173.
- ¹³⁰ *Ali C.M. The Emergence of Pakistan, p. 104–110.*
- ¹³¹ *Moore R.J. Escape from Empire, p. 246. Впоследствии В.П. Менон написал весьма содержательную книгу о процессе перехода власти от англичан к индийцам. См. сноску 117.*
- ¹³² *Wolpert S. A New History of India, p. 346.*
- ¹³³ См., например: *Churchill W.S. My Early Life, 1874–1908. Collins, 1974 (Tenth Impression), p. 146–156.*
- ¹³⁴ *Кашин В.П. Раздел Панджаба, с. 184–186; Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 102–104.*
- ¹³⁵ *Датт П. Индия сегодня, с. 464–466; Дьяков А.М. Индия во время и после окончания второй мировой войны, с. 161.*
- ¹³⁶ См. меморандум миссии кабинета председателю палаты князей от 12 мая и Заявление миссии от 16 мая 1946 г. в: *The Transfer of Power. Documents, p.119–121, с. 131–132.*
- ¹³⁷ *Дьяков А.М. Индия во время и после окончания второй мировой войны, с. 107; Ali C.M. The Emergence of Pakistan, p. 226–227; Moore R.J. Escape from Empire, p. 295–296.*
- ¹³⁸ *Ibid., p. 290–294.*
- ¹³⁹ *Ali C.M. The Emergence of Pakistan, p. 116.*
- ¹⁴⁰ *Ibid., p. 134–136.*
- ¹⁴¹ *Ibid., p. 156–157.*
- ¹⁴² *The Transfer of Power. Documents, p. 224–225.*
- ¹⁴³ *Ibid., p. 226–228.*
- ¹⁴⁴ *Ibid., p. 231–234.*
- ¹⁴⁵ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана. М., 1961, с. 106–107; Ali C.M. The Emergence of Pakistan, p. 167.*
- ¹⁴⁶ *The Transfer of Power. Documents, p. 263–276.*
- ¹⁴⁷ *Ibid., p. 131, 138; Ali C.M. The Emergence of Pakistan, p. 235–236.*
- ¹⁴⁸ *Vence-Jones M. The Viceroys of India, p. 308–310.*
- ¹⁴⁹ Такая трактовка вопроса о судьбе княжеств, то есть утверждение о наличии у них «третьего» выбора, к удивлению, нашла достаточно широкое отражение на страницах отечественной историографии еще с советских времен и используется в относительно новых работах. См., например: *Спирин Д.В. История Кашмирского конфликта и роль ООН в поиске путей его урегулирования. Афтореф. канд.дисс. М., 1996, с. 10.*
- ¹⁵⁰ Как отмечает известный американский исследователь пакистанского происхождения Х. Малик, «чтобы достичь баланса сил с Индией, Джинна разработал политическую стратегию балканизации Индии». *H. Malik. Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–92. L., 1994, p. 50.*

- ¹⁵¹ *Lamb A. Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. L., 1991, p. 113–116.*
- ¹⁵² *Кашин В.П.* Раздел Панджаба, с. 182–183. В этой работе можно найти, очевидно, наиболее детальное в отечественной литературе изложение сути проблем, связанных с принятием «решения Рэдклиффа» о границе между Восточным и Западным Панджабом.
- ¹⁵³ См., например: *Lamb A. Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. L., 1994.*
- ¹⁵⁴ *Уолперт С.* Джинна..., с. 392–393.
- ¹⁵⁵ *Wolpert S. Jinnah of Pakistan. Oxford, 1984, p. yi.*

Глава II

- ¹ *Уолперт С.* Джинна – творец Пакистана. М., 1997, с. 390–391.
- ² Там же, с. 393.
- ³ *Talbot I. Pakistan. A Modern History. L., 1998, p. 103–104.*
- ⁴ *Ali C.M. The Emergence of Pakistan. N.Y., 1967, p. 254–256; Symonds R. The Making of Pakistan. L., 1951, p. 82–83.*
- ⁵ *Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 101.* Точное число жертв не установлено и колеблется обычно в пределах от четверти миллиона до миллиона. С.П. Коэн, ссылаясь на новые исследования, вышедшие в 1990-х годах, оценивает число погибших в результате раздела индусов, сикхов и мусульман в 2 млн. человек. *Cohen S.P. The Idea of Pakistan. Lahore, 2005, p. 335.*
- ⁶ *Нараин Л.* Экономика Индии. М., 1961, с. 432–433.
- ⁷ *Уолперт С.* Джинна..., с. 409; *Пономарев Ю.А.* История Мусульманской лиги Пакистана. М., 1982, с. 164.
- ⁸ *Уолперт С.* Джинна..., с. 409; *Symonds R. The Making of Pakistan, p. 78;* из книги С.М. Ахтара следует, что доля Пакистана в наличных денежных средствах была определена в 750 млн. рупий. Индия в период раздела перевела 200 млн. рупий, а под давлением М. Ганди выполнила свои обязательства полностью. *С.М. Ахтар.* Экономика Пакистана. М., 1957, с. 324.
- ⁹ *Symonds R. The Making of Pakistan, p. 116.*
- ¹⁰ *Уолперт С.* Джинна..., с. 410.
- ¹¹ *Cohen S.P. The Idea of Pakistan, p. 41.*
- ¹² *Symonds R. The Making of Pakistan, p. 174–175.*
- ¹³ *Ibid., p. 176;* в ВВС служило еще 300 человек английского технического персонала. О становлении пакистанской армии см.: *Cohen S.P. The Pakistan Army. Berkeley, 1984; Wilcox W.A. India, Pakistan and the Rise of China. N.Y., 1964* и целый ряд других работ.
- ¹⁴ *Gauhar A. Ayub Khan: Pakistan's First Military Ruler. Lahore, 1994, p. xxxvii.*
- ¹⁵ *Jha P.S. Kashmir 1947. Rival Versions of History. Delhi, 1996, p. 46–49.*

¹⁶ Версия известного историка А. Лэмба (*Lamb A. Kashmir. A Disputed Legacy; Lamb A. Birth of a Tragedy*) о том, что акт так и не был подписан, а само присоединение под давлением ставит под сомнение его законность представляется малообоснованной. Недомолвки и неясности, связанные с драматическими событиями тех дней, связаны, скорее всего, со стремлением Хари Сингха выторговать для себя наиболее приемлемые условия. Точку зрения А. Лэмба, весьма популярную в Пакистане, убедительно критикует индийский историк и обозреватель П.Ш. Джха. См.: *Jha P.S. Kashmir*, 1947.

¹⁷ *Quaid-i-Azam M.A. Jinnah. Speeches as Governor-General of Pakistan*, 1947–1948. Karachi, s.a., p. 29–31.

¹⁸ *Уолперт С. Джинна..*, с. 403–404; *Lamb A. Kashmir*, p. 159–160, 166.

¹⁹ Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 241–242; подробнее см., например, *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике*. М., 2003, с. 75–77, 123–124, 157–165.

²⁰ *Lamb A. Kashmir*, p. 168–169.

²¹ *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 112–113.

²² *Lamb A. Kashmir*, p. 167, 169–170.

²³ *Quaid-i-Azam M.A. Jinnah. Speeches*, p. 94–95.

²⁴ *Ibid.*, p. 38–39.

²⁵ *Pak Afghan Discord. A Historical Perspective (Documents 1955–1979)*. Karachi, 1990, p. 123, 187; подробнее см.: *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия..*, с. 79–81.

²⁶ Энциклопедия Пакистана, с. 241; *Bennett-Jones O. Pakistan: Eye of the Storm*. Yale, 2002, p. 133.

²⁷ Следует отметить, что в отечественной научной литературе господствовал в целом реалистический подход к режиму власти и политической системе Пакистана. С одной стороны, большое место в ней занимал анализ борьбы партий, политики правящих партий и специально изучался, например, период нахождения у власти Мусульманской лиги (см.: *Пономарев Ю.А. История Мусульманской лиги Пакистана*, с. 130–201). С другой же – широко использовалось понятие правящих кругов, стоявших как бы вне и выше партийного уровня политической борьбы. Правящие круги (общепакистанская элита) определялись на основании социально-классового критерия, и при этом отмечались внутренние деления и перегородки, наличие группировок и интересов, связанных с региональной, этнической и конфессиональной принадлежностью, а также нередко и личностный фактор. Прежде всего это характерно для переведенной на английский язык и изданной в Пакистане монографии Ю.В. Ганковского и Л.Р. Гордон-Полонской «История Пакистана». (См.: *Gankovsky Y.V., Gordon-Polonskaya L.R. A History of Pakistan*. Lahore, 1968.)

²⁸ *Quaid-i-Azam M.A. Jinnah. Speeches*, p. 56.

²⁹ В отечественной литературе 1950–1970-х годов этому аспекту не придавалось большого значения (см.: *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана. М., 1961, с. 199; *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана. М., 1975, с. 21), хотя борьба вокруг светского и исламского характера конституции получала освещение. Позднее на нее обратили особое внимание, прежде всего О.В. Плешов, отмечавший, в частности, явно происламский характер Резолюции и рассматривавший ее принятие как прямое отклонение от взглядов Джинны. См.: *Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане.* М., 2003, с. 68–70.

³⁰ *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции, с. 16–17.

³¹ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History, p. 137.

³² *Нараин Л.* Экономика Индии, с. 436.

³³ *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967, с. 73.

³⁴ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в современном мире. Взгляд из Москвы. Нью Йорк, 2001, с. 87.

³⁵ *Пономарев Ю.А.* История Мусульманской лиги, с. 153; *Malik I.H.* State and Civil Society in Pakistan. Politics of Authority? Ideology and Ethnicity. L., 1997, p. 30; *Talbot I.* Pakistan, p. 405.

³⁶ Впрочем, две последние партии улемов вплоть до 1958 г. уступали по значению партии *Низам-и ислам* (Исламский порядок), региональная база которой находилась в Восточной Бенгалии, и организациям хаксаров и ахраров, популярность которых клонилась к закату.

³⁷ Пакистан. Справочник. М., 1966, с. 28.

³⁸ *Symonds R.* The Making of Pakistan, p. 92.

³⁹ *Ахтар С.М.* Экономика Пакистана, с. 235; *Andrus J.R., Azizali F.M.* Trade, Finance and Development in Pakistan. Karachi, 1966, p. 26.

⁴⁰ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана. М., 1961, с. 128–129; *Левин С.Ф.* Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 13–17, 98.

⁴¹ *Malik H.* Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–1992. L., 1994, p. 42–44; *Kux D.* The United States and Pakistan, 1947–2000. Disenchanted Allies. Wash., 2001, p. 33–37.

⁴² Цит. по: *Burke S.M.* Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policy. Minneapolis, 1974, p. 116.

⁴³ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана, с. 189.

⁴⁴ *Burke S.M.* Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policy, p. 135–137.

⁴⁵ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана, с. 198; *Malik I.H.* State and Civil Society, p. 268; *Talbot I.* Pakistan, p. 139.

⁴⁶ *Talbot I.* Pakistan, p. 140, 397–398. Гулам Мухаммад по рождению был пуштуном из рода казаев племенного объединения дуррани. Родился

в Джалландаре (Восточный Пенджаб), принадлежал к категории панджабизированных пуштунов, для которых не язык пушту, а панджаби или урду был родным. В то же время, как все пуштуны высокого происхождения, он имел приставку Хан в конце имени, но предпочитал называть себя Малик (хозяин). По словам одного из казаев, профессора-историка из Университета штата Нью-Йорк в г. Рочестер, после того как Гулам Мухаммад Малик стал генерал-губернатором, все казаи сменили приставку Хан на Малик. При этом профессор Салахутдин Малик рассказал, что, по дошедшим до него сведениям, генерал-губернатор был человеком грубого нрава; он единственный позволял себе кричать на Айюб Хана, тогдашнего главнокомандующего. Запись беседы автора с С. Маликом, 23.11.1990.

⁴⁷ *Callard K. Pakistan. A Political Study. L., 1957, p. 68–69; Malik I.H. State and Civil Society, p. 30–31.*

⁴⁸ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 201–202; Callard K. Pakistan. A Political Study, p. 94–96.*

⁴⁹ *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. Три конституции с. 22–23; Callard K. Pakistan. A Political Study, p. 96–97.*

⁵⁰ *Пономарев Ю.А. История Мусульманской лиги, с. 155–158.*

⁵¹ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 205.*

⁵² Там же, с. 207–208; *Sayeed K.B. Politics in Pakistan. The Nature and Direction of Change. N.Y., 1980, p. 37–38.*

⁵³ *Callard K. Pakistan. A Political Study, p. 136.*

⁵⁴ *Zafar S.M. Constitutional Development // Pakistan: Founders' Aspirations and Today's Realities. N.Y., 2001, p. 33–34.*

⁵⁵ *Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 141–142.* Этому помешала, как полагали тогда в Карачи, заблаговременно прерванная телефонная связь. По другим сведениям, он все-таки сделал этот звонок, но Лондон не посчитал нужным и возможным вмешаться.

⁵⁶ *Iqbal J. The Judiciary and the Constitutional Crises in Pakistan // Pakistan: Founders' Aspirations and Today's Realities, p. 62–63.*

⁵⁷ *Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 141.*

⁵⁸ Современная теория этого вопроса, хорошо представлена в учебном пособии «Категории политической науки» под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 2002, с. 116–149.

⁵⁹ *Akhtar S.M. Economic Development of Pakistan. Vol. 3. Lahore, 1979, p. 692–693.*

⁶⁰ *Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 405, 409.*

⁶¹ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 228; Пономарев Ю.А. История Мусульманской лиги, с. 204–205.*

⁶² Этому способствовал и скандал в связи со сделанными, как будто, Фазлул Хаком во время пребывания в Калькутте заявлениями антиамериканского характера. *Sayeed K.B. Politics in Pakistan, p. 41; Ганков-*

ский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967, с. 135–136.

⁶³ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 230.

⁶⁴ Там же, с. 257–258; *America-Pakistan Relations. Documents. Vol.1.* Lahore, 1984, p. 96–101.

⁶⁵ *Kix D.* The United States and Pakistan, p. 71–74.

⁶⁶ Подробнее о предпринятых руководством Учредительного собрания действиях см.: Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 236–237; *Callard K. Pakistan. A Political Study*, p. 105–113.

⁶⁷ В соответствии с проектом конституции, который Учредительное собрание хотело одобрить на очередной сессии в декабре 1954 г., западная часть Пакистана должна была сохранить сложную административную структуру из девяти составных элементов федерации, шести провинций и трех особых территорий. *Ibid*, p. 184.

⁶⁸ В отечественной историографии этому сдвигу не придавалось большого значения, так как основное внимание уделялось борьбе региональных группировок в лагере господствующих классов без акцентирования принадлежности их членов к политикам или бюрократам (см., например: Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 237–240). В западной литературе изначально присутствовал акцент на политико-правовой стороне, а в позднейших работах он усилился в связи с актуализацией проблемы государства и гражданского общества, демократии и авторитаризма в незападном мире, в том числе на Востоке (см.: *Malik I.H. State and Civil Society*, p. 62–63).

⁶⁹ Оппозиция намерению создать единую провинцию существовала в первую очередь в Законодательном собрании Синда, но она была быстро ликвидирована заменой одного главного министра, противника объединения (А.С. Пирзады), на другого, его сторонника (М.А. Хуро). Члены собрания проявляли при этом высокую степень внушаемости и солидарности, колеблясь вместе с общей линией: сначала 74 из 100 депутатов голосовали против единой провинции, затем 100 из 104 – «за». Столь же единодушными были, кстати, и парламентарии двух других провинций, не только Панджаба, но и СЗПП. *Callard K. Pakistan. A Political Study*, p. 187–188.

⁷⁰ См.: Ганковский Ю.В. Административная реформа 1955 г. в Западном Пакистане // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Вып. XXXI, 1959.

⁷¹ Подробнее см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике, с. 84–85.

⁷² Паничкин Ю.Н. Пуштунский вопрос и образование Пакистана. М., с. 92–93, 104–105; *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 395.

⁷³ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 246; *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 143.

- ⁷⁴ Callard K. Pakistan. A Political Study, p. 213.
- ⁷⁵ Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. Три конституции Пакистана, с. 31–32.
- ⁷⁶ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 283.
- ⁷⁷ Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. Три конституции Пакистана, с. 30.
- ⁷⁸ Ахтар С.М. Экономика Пакистана, с. 35; Pakistan. Basic Facts. Karachi, 1955, p. 11.
- ⁷⁹ Белокреницкий В.Я. Капитализм в Пакистане. Социально-экономическое развитие с середины XIX в. до 80-х годов XX в. М., 1988, с. 86.
- ⁸⁰ Левин С.Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана, с. 18.
- ⁸¹ Там же, с. 12–17; Papanek G.F. Pakistan's Development: Social Goals and Private Incentives. Cambridge, Mass. 1967, p. 42–43. Редко какой сюжет в истории Пакистана вызывал такой большой интерес, как проблема формирования групп и семейств крупной буржуазии. В западной литературе в ее изучение внесли существенный вклад, прежде всего, американцы Г. Папанек и С. Кочанек. При этом они, хоть и называли промышленников и финансистов «баронами-разбойниками», явно симпатизировали их энергии и деловой хватке, полагая, что она была необходима для экономического роста. В советской литературе этой темы касались Л.Р. Гордон-Полонская и В.Г. Растянников, а специально разрабатывал С.Ф. Левин. Главным идеологическим мотивом в ней служил акцент на быстрое «созревание» крупного капитала, его превращение в монополистический и, следовательно, близкий к стадии загнивания. В самом Пакистане отношение к этим вопросам менялось, но в целом были представлены обе позиции – и апологетическая, и критическая. Последняя усилилась с конца 1960-х годов, когда позиции олигархов-монополистов пошатнулись.
- ⁸² Burki S.J. Pakistan under Bhutto 1971–1977. L., 1980, p. 26–27.
- ⁸³ Akhtar S.M. Economic Development of Pakistan. Lahore, 1975, p. 481.
- ⁸⁴ Kochanek S.A. Interest Groups and Development: Business and Politics in Pakistan. N.Y., p. 89.
- ⁸⁵ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 135.
- ⁸⁶ Растянников В.Г., Кузьмин С.А. Проблемы экономики Пакистана. М., 1958, с. 87; см. также: Левин С.Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана, с. 100–106.
- ⁸⁷ Lamb A. Kashmir, p. 194–195.
- ⁸⁸ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 261.
- ⁸⁹ Lamb A. Kashmir, p. 224.
- ⁹⁰ Longer V. The Defence and Foreign Policies of India. New Delhi, 1988, p. 60–61; см. также: Системная история международных отношений в 4-х томах. Том 3. М., 2003, с. 198.
- ⁹¹ Там же; курсив авторов цитируемой монографии.
- ⁹² Taseer S. Bhutto. A Political Biography. L., 1979, p. 51–52; Malik H. Soviet-Pakistani Relations, p. 175.

⁹³ *Bezlova A.* Bandung Setting for Possible China-Japan Meet // *Asia Times Online*, Apr. 22, 2005.

⁹⁴ *Cheema P.I.* Pakistan's Defence Policy, 1947–58. L., 1990, p. 150, 152.

⁹⁵ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана, с. 260, ссылка на: *Palmer N.D.* The United States and Pakistan – Current History, Philadelphia, vol. 34, 1958, № 199, p. 143.

⁹⁶ *Wilcox W.A.* Pakistan, India and the Rise of China. N.Y., 1964, p. 127.

⁹⁷ *Шилин А.А.* Стратегический баланс в Южной Азии. М., 2004, с. 25–26.

⁹⁸ *Насенко Ю.П. Дж.* Неру и внешняя политика Индии. М., 1975, с. 238, 240.

⁹⁹ Там же, с. 241–242; *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике, с. 168.

¹⁰⁰ *Lamb A.* Kashmir, p. 203.

¹⁰¹ СССР и Пакистан. М., 1984, с. 49, 51.

¹⁰² В статье 45 принятой в 1956 г. конституции говорилось следующее: «Парламент может по выяснении мнения провинциальных собраний и с учетом их мнения определить, должны ли выборы в Национальное собрание и в провинциальные собрания проводиться на основе общего списка или отдельных списков избирателей». *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана, с. 288, ссылка на статью *В.Н. Москаленко.* К вопросу о всеобщих выборах в Пакистане в сб.: Пакистан. История и экономика. М., 1959.

¹⁰³ Там же, с. 289.

¹⁰⁴ The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. Karachi, 1956, p. 95–99.

¹⁰⁵ *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана с. 324–325.

¹⁰⁶ Там же, с. 336.

¹⁰⁷ Там же, с. 339.

¹⁰⁸ Там же, с. 321.

¹⁰⁹ *Andrus J.R. Azizali F.M.* Trade, Finance and Development in Pakistan. Karachi, 1969, p. 197, 202.

¹¹⁰ *Ахтар С.М.* Экономика Пакистана, с. 166–167, 178. *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана, с. 280.

¹¹¹ Там же, с. 279; подробнее см.: *В.Г. Растянников, С.А. Кузьмин.* Проблемы экономики Пакистана. М., 1958, с. 19–21.

¹¹² Всего за 1947–1956 гг. в Пакистан было ввезено 2,42 млн. т зерна, а за один 1957 г. импорт зерновых составил 1,12 млн. т. *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана, с. 315, ссылка на “Ten Years of Pakistan, 1947–1957”, Karachi, 1957, p. 106.

¹¹³ Примером такого рода активного поиска в области теории и политики, наиболее приемлемой для Пакистана, может служить монография профессора Панджабского университета в Лахоре С.М. Ахтара “Econo-

mics of Pakistan”, оперативно переведенная на русский язык и изданная с обстоятельным предисловием Л.Р. Гордон-Полонской. *С.М. Ахтар*. Экономика Пакистана. М., 1957.

¹¹⁴ Там же, с. 217.

¹¹⁵ Впрочем, определенные сбережения у верхних и средних сельских и городских слоев имелись, и именно за этот счет формировался резко возросший внутренний долг. Выпущенные правительством займы составили один из основных источников погашения государственных затрат на капитальные цели. Там же, с. 322, 324.

¹¹⁶ Там же, с. 398; *The First Five Year Plan 1955–60 (Draft) Karachi, 1956*, p. 33, 35.

¹¹⁷ В 1954–1955 гг. к Пакистану проявили острый интерес крупнейшие западные, прежде всего американские, нефтяные компании, которые надеялись открыть там перспективные месторождения, но уже к 1957 г. они поняли, что больших запасов нефти в стране нет, и ушли из нее (*Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана, с. 260).

¹¹⁸ *Ахтар С.М.* Экономика Пакистана, с. 398–399; *The First Five Year Plan*, p. 33.

¹¹⁹ *Ахтар С.М.* Экономика Пакистана, с. 262.

¹²⁰ Там же, с. 402.

¹²¹ Подробнее см.: *Белокреницкий В.Я.* Жилищная проблема в Пакистане // Пакистан: история и экономика. М., 1980, с. 235–238.

¹²² Характерными представляются такие утверждения С.М. Ахтара: «Советский Союз познакомил нас с идеей “экономического планирования”. В различных странах мира было много разговоров о планировании, особенно со времени великой депрессии 30-х годов... Перед Пакистаном как перед молодым государством стоят огромные проблемы... И если даже в более развитых странах отказались от принципа *laissez faire*, то в Пакистане он совершенно неприемлем. В какой мере Пакистан сможет восстановить и реконструировать свою экономическую систему, будет зависеть от усердия, инициативы и изобретательности тех, кому вверены судьбы страны... Необходимо бережно относиться к ресурсам Пакистана, с тем чтобы поставить их на службу народу». *Ахтар С.М.* Экономика Пакистана, с. 307–308.

¹²³ Там же, с. 319–312.

¹²⁴ *Economy of Pakistan, 1948–68. Islamabad, 1968*, p. 333–337.

¹²⁵ В конечном варианте плана ассигнования были несколько снижены – до 10,8 млрд. рупий в целом, 7,7 млрд. по госсектору и 3,3 млрд. – по частному. *Ibid.*, p. 264.

¹²⁶ *The First Five Year Plan*, p. 9.

¹²⁷ *Economy of Pakistan 1948–68*, p. 264.

¹²⁸ *Andrus J.R., Azizali F.M.* Trade, Finance and Development, p. 196, 201.

- ¹²⁹ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 302–303; Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 143.
- ¹³⁰ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 307.
- ¹³¹ Там же, с. 309.
- ¹³² Kux D. The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies. Wash., 2001, p. 83; Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 145.
- ¹³³ Ibid., p. 145; Sayeed K.B. Politics in Pakistan, p. 45.
- ¹³⁴ Kux D. The United States and Pakistan, p. 90–91.
- ¹³⁵ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 325.
- ¹³⁶ Там же, с. 323.
- ¹³⁷ Там же, с. 324.
- ¹³⁸ Там же, с. 321.
- ¹³⁹ Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 401.
- ¹⁴⁰ Ibid., p. 145; Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 332.
- ¹⁴¹ О массовых актах беспорядков и выступлениях см. там же, с. 330–332.
- ¹⁴² Там же, с. 333.
- ¹⁴³ Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 146.
- ¹⁴⁴ К ним относился, в частности, советник премьер-министра Пакистана в 1955–1957 гг., работавший на ЦРУ, Ч.Б. Маршалл. Sayeed K.B. Politics in Pakistan, p. 46.
- ¹⁴⁵ Ibid., p. 45.
- ¹⁴⁶ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 338–339.
- ¹⁴⁷ Первоначальные американские расходы, связанные с выполнением соглашения 1954 г. о взаимной обороне с Пакистаном, оценивались в 171 млн. долл., но уже к концу 1956 г. они достигли 505 млн. Kux D. The United States and Pakistan, p. 83.
- ¹⁴⁸ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана, с. 340.

Глава III

- ¹ Pakistan – Basic Facts. Karachi, 1966, p. 103; The Forward March. One Year of Revolution in Pakistan. Karachi, 1959, p. 5.
- ² Rizvi H.-A. The Military and Politics in Pakistan 1947–86. Lahore, 1986, p. 71–72.
- ³ Ibid., p. 72.
- ⁴ Ibid., p. 73.
- ⁵ Feldman H. Revolution in Pakistan. A Study of the Martial Law Administration. Oxford, 1967. Appendix 1, p. 215.
- ⁶ General M. Ayub Khan. Message to the Nation. Karachi, 1958, p. 2.
- ⁷ Ibid., p. 3.

- ⁸ *Feldman H.* Revolution in Pakistan... Appendix 1, p. 214.
- ⁹ Dawn. Karachi, 28.10.1958; *Feldman H.* Revolution in Pakistan..., p. 214.
- ¹⁰ *Rizvi H.-A.* The Military and... Appendix A, p. 272; Appendix C, p. 276–277.
- ¹¹ The Pakistan Times. Lahore, 30.10.1958.
- ¹² Секретарь министерства – высший чиновник, возглавляющий аппарат данного министерства; главный секретарь – руководитель всего чиновничьего корпуса правительства.
- ¹³ *Gauhar A.* Ayub Khan. Pakistan's First Military Ruler. Oxford, 1996, p. 76.
- ¹⁴ *Ayub Khan M.* Friends not Masters. A Political Autobiography. Lahore, Karachi, Dacca, 1967, p. 77.
- ¹⁵ *Malik G.* Change in Laws in Pakistan // Eastern World. L., 1959, vol. XII, № 12, p. 17.
- ¹⁶ См.: Daily Telegraph. L., 17.10.1958; New York Times, 11.10.1958; The Times, 10.11.1958 и др.
- ¹⁷ *Rizvi H.-A.* The Military and..., p. 95.
- ¹⁸ Pakistan. 1961–1962. Karachi, 1962, p. 23.
- ¹⁹ West Pakistan Year Book. 1960. Lahore, 1960, p. 148.
- ²⁰ The Statesman's Year Book. 1962. L., 1962, p. 478.
- ²¹ The Constitution of the Republic of Pakistan, Karachi, 1962, p. 104–106.
- ²² Pakistan. 1958–59. Karachi, 1959, p. 14.
- ²³ The Basic Democracies Order. 1959. Karachi, 1959, p. 26–27.
- ²⁴ Report of the Constitution Commission. Pakistan, 1961. Karachi, 1962, p. 130.
- ²⁵ Ibid., p. 78.
- ²⁶ *Ayub Khan M.* Friends not Masters..., p. 79.
- ²⁷ Far Eastern Survey. N.Y., 1959, № 4, p. 51.
- ²⁸ A Year of Achievements. 27-th October 1958–1959. Lahore, 1959, p. 24.
- ²⁹ *Sayeed Kh. B.* The Political System of Pakistan. Boston, 1967, p. 94.
- ³⁰ Towards Consolidation. Karachi, 1960, p. 5.
- ³¹ *Sayeed Kh. B.* The Political System..., p. 95.
- ³² Economic Observer. Karachi, July 1959, p. 5.
- ³³ Pakistan Trade. Karachi, Sept. 1959, p. 10; Karachi Commerce, 23.01.1960, p. 8.
- ³⁴ White Paper on the Budget for 1959–60. Karachi, 1959, p. 38.
- ³⁵ Statistical Bulletin. Karachi, 1959, vol. VII, № 5, p. 589.
- ³⁶ *Feldman H.* Revolution in Pakistan..., p. 6.
- ³⁷ The Forward March, p. 20.
- ³⁸ Towards Consolidation, p. 19.
- ³⁹ *Feldman H.* Revolution in Pakistan..., p. 224.
- ⁴⁰ A Year of Achievements, p. 14.
- ⁴¹ The Pakistan Times, 08.10.1958.
- ⁴² Ibid., 03.03.1959.

- ⁴³ Daily Mail. L., 11, 13.10.1958.
- ⁴⁴ The Pakistan Times, 23.III.1959.
- ⁴⁵ *Feldman H.* Revolution in Pakistan..., p. 222, 227.
- ⁴⁶ *Сухочев А. С.* Споры о судьбах прогрессивного движения в пакистанской литературе урду // Народы Азии и Африки. М., 1974, № 2, с. 166.
- ⁴⁷ Подробнее об этой ситуации см. кн.: *Москаленко В.Н.* Проблемы современного Пакистана. М., 1970, с. 28–31.
- ⁴⁸ Basic Data of the Economy of Pakistan // World Trade Information Service. Wash., 1958, part I, № 5–6, p. 4–5.
- ⁴⁹ The Second Five Year Plan (1960–65). Karachi, 1960, p. 183; Karachi Commerce, 25.04.1959, p. 7; Economic Observer, March-April 1959, p. 16.
- ⁵⁰ *Яковлев М.* Аграрный Пакистан. М., 1968, с. 38–41.
- ⁵¹ The First Five Year Plan (1955–60). Karachi, 1957, p. 307.
- ⁵² Journal of the Parliaments of the Commonwealth. L., vol. XXXIX, № 4, October 1958, p. 596.
- ⁵³ The Second Five Year Plan..., p. 9–10; Economic Observer, January 1959, p. 8–9.
- ⁵⁴ The Second Five Year Plan..., p. 185.
- ⁵⁵ Ibid., p. 187–188; Dawn. Karachi, 23.03.1962 (Pakistan Day Supplement); A Year of Achievements, p. 39.
- ⁵⁶ *Feldman H.* Revolution in Pakistan..., p. 59–60.
- ⁵⁷ Пакистан. Справочник. М., 1997, с. 228.
- ⁵⁸ Dawn, 05.01.1960.
- ⁵⁹ A Year of Achievements, p. 39.
- ⁶⁰ Dawn, 12.12.1959.
- ⁶¹ Progress of the Month, June 1960, p. 12.
- ⁶² Far Eastern Economic Review. Hong Kong, 26.12.1963, p. 656.
- ⁶³ West Pakistan Year Book. 1962. Lahore, 1963, p. 43–44; *Shoaib M.* Pakistan's Economic Growth since 1958. Karachi, 1969, p. 24–25; *Яковлев М.* Аграрный Пакистан, с. 35–37.
- ⁶⁴ Karachi Commerce, 14.01.1962, p. 5.
- ⁶⁵ *Shoaib M.* Pakistan's Economic Growth..., p. 26.
- ⁶⁶ *Andrus J. R., Mohammad A. F.* Trade, Finance and Development in Pakistan. L., 1966, p. 165.
- ⁶⁷ West Pakistan Year Book. 1962, p. 199.
- ⁶⁸ Dawn, 23.03.1962 (Pakistan Day Supplement).
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ Pakistan. An Investment Survey. L., 1964, p. 11.
- ⁷¹ Karachi Commerce, 1965, № 36, p. 9.
- ⁷² International Labour Review, 1964, vol. LXXXIX, № 3, p. 215.
- ⁷³ Far Eastern Economic Review, 02.01.1964, p. 17; Dawn, 07.05.1963; The Pakistan Times, 31.12.1963.
- ⁷⁴ См.: Asian Survey. Berkeley, 1963, № 7, p. 341–343.

- ⁷⁵ The Pakistan Times, 31.12.1963.
- ⁷⁶ In the World of the President. Karachi, 1960, p. 31.
- ⁷⁷ The Pakistan Review. Karachi, March 1960, p. 14.
- ⁷⁸ Ibid., p. 14–15.
- ⁷⁹ Pakistan. 1961–1962. Karachi, 1962, p. 36, 46.
- ⁸⁰ Economic Observer, February 1959, p. 14.
- ⁸¹ Pakistan. 1961–1962, p. 42.
- ⁸² Ibid., p. 43.
- ⁸³ Подробнее см. кн.: *Растянный В. Г., Кузьмин С. А.* Проблемы экономики Пакистана. М., 1958, с. 71–93.
- ⁸⁴ Tax Concessions for Industries. Karachi, 1961, p. 1, 5–8.
- ⁸⁵ Taxation of Income and Concession to Industry in Pakistan. Karachi, 1960, pp. 35–37.
- ⁸⁶ Pakistan Economic Survey 1964–65. Rawalpindi, 1965; Statistical Section, p. 123–125.
- ⁸⁷ Pakistan. 1962–63. Karachi, 1963, p. 44.
- ⁸⁸ Ibid., p. 40–41.
- ⁸⁹ *Campbell R.D.* Pakistan. Emerging Democracy. Toronto – N.Y. – L., 1963, p. 72–74; Enterprise. Karachi, 24.01.1959, p. 4; Karachi Commerce, 31.01.1959, p. 36; The Pakistan Times, 28.11.1959.
- ⁹⁰ *Haq M.* The Strategy of Economic Planning. A Case Study of Pakistan. Karachi, 1964, p. 155, 174.
- ⁹¹ Our Financial Policy. Karachi, 1961, p. 3–4.
- ⁹² Taxation of Income and Concessions to Industries in Pakistan, p. 17; *Shoab M.* Pakistan's Economic Growth..., p. 29; Pakistan Trade. Karachi, 1960, № 6, p. 44.
- ⁹³ The Second Five Year Plan (1960–65), p. 255–258; Karachi Commerce, 17.07.1963, p. 9; Progress of the Month. Karachi, May 1962, p. 30.
- ⁹⁴ The Pakistan Times, 09.06.1963; Karachi Commerce, 04.07.1959, p. 4; Pakistan Economic Survey. 1964–65. Rawalpindi, 1965, p. 123–125.
- ⁹⁵ Pakistan Economic Survey. 1966–67. Rawalpindi, 1967. Statistical Section, p. 17.
- ⁹⁶ Statistical Pocket-Book of Pakistan, 1965, Karachi, 1965, p. 101–105; Targets and Achievements Pakistan's Second Plan. Karachi, 1965, p. 7.
- ⁹⁷ Pakistan. 1961–62, p. 150; Pakistan-Basic Facts. Karachi, 1966, p. 100–103.
- ⁹⁸ The Third Five Year Plan (1965–70). Karachi, 1965, p. 461–504.
- ⁹⁹ Pakistan. 1962–63, p. 30–31; Karachi Commerce. Basic Industry Number, 1963, p. 38–39; Far Eastern Economic Review, 02.01, 09.01.1964; p. 18, 57.
- ¹⁰⁰ Far Eastern Economic Review, 31.01.1963, p. 188.
- ¹⁰¹ *Левин С. Ф.* Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 220–223.

- ¹⁰² *Andrus J. T., Mohammed A. F.* Trade, Finance and Development in Pakistan. Karachi, 1969, p. 41–44.
- ¹⁰³ *Shoaib M.* Pakistan's Economic Growth..., p. 32–33.
- ¹⁰⁴ Karachi Commerce, 17.08.1963, pp. 10, 11.
- ¹⁰⁵ Ibid.
- ¹⁰⁶ The Second Five Year Plan (1960–65), p. 217–220.
- ¹⁰⁷ Pakistan Economic Survey. 1966–67; Statistical Section, p. 31–35; Statistical Pocket-Book of Pakistan. 1965, p. 108–111.
- ¹⁰⁸ Pakistan News Digest. Karachi, 15.07.1959; Karachi Commerce, 11.04.1959, p. 5.
- ¹⁰⁹ Taxation of Income and Concessions to Industries in Pakistan, p. 17.
- ¹¹⁰ Ibid.
- ¹¹¹ Economic Observer, February 1959, p. 14.
- ¹¹² *Campbell R.D.* Pakistan. Emerging Democracy, p. 74.
- ¹¹³ International Commerce. Wash., 08.10.1962.
- ¹¹⁴ Finance and Industry. Karachi, vol. 3, № 4, p. 52–53.
- ¹¹⁵ Pakistan. An Investment Survey. L., 1964, p. 102.
- ¹¹⁶ Economic Observer, November 1959, p. 11.
- ¹¹⁷ Экономическое положение стран Азии. М., 1964, с. 264; Far Eastern Economic Review, 28.02.1963; p. 459; там же, 29.08.1963, p. 588; там же, 28.05.1964, p. 450.
- ¹¹⁸ Economic Observer, June 1963, p. 5; The Pakistan Times, 13.06.1963.
- ¹¹⁹ Commonwealth Survey. L., 1964, vol. 10, № 24, p. 1160; Economic Survey 1964–65, p. 196–197.
- ¹²⁰ Foreign Economic Aid to Pakistan. Rawalpindi, 1962, p. 5–7; Pakistan. 1963–64. Karachi, 1964, p. 29–31.
- ¹²¹ The Pakistan Times, 29.12.1960.
- ¹²² Pakistan Economic Survey. 1966–67. Rawalpindi, 1967. Statistical Section, p. 87.
- ¹²³ The Pakistan Times, 27.10.1962.
- ¹²⁴ *Alvi H., Khusro A.* Pakistan and the Burden of USA Aid. Karachi, 1965, p. 9–11.
- ¹²⁵ Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 106–114, 213–216; *Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана. М., 1961, с. 9–108; *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003, с. 30–187.
- ¹²⁶ *Maudoodi A.* The Islamic Law and Its Introduction in Pakistan. Karachi, 1955, p. 50.
- ¹²⁷ Electorates. Separate or Join? Karachi (s. a.), p. 14.
- ¹²⁸ In the Words of President. Karachi, 1959, p. 50.
- ¹²⁹ Islam and the Modern Challenge. Karahi, 1962, p. 2.
- ¹³⁰ Цит. по кн.: *Samin Khan.* Pakistan: Ideology, Constitution, Laws, Foreign Policy. Karachi, 1961, p. 50.

- ¹³¹ Progress of the Month. Karachi, May 1962, p. 10.
- ¹³² Ibid., May 1963, p. 28.
- ¹³³ The Constitution of the Republic of Pakistan. Karachi, 1962, p. 1–2, 4–5, 9, 12, 95–97.
- ¹³⁴ Ibid., p. 96.
- ¹³⁵ The Pakistan Times, 27.06.1963.
- ¹³⁶ Studies on Modern Asia and Africa. L., 1963, p. 255.
- ¹³⁷ Ibid., p. 249, 251.
- ¹³⁸ The Pakistan Times, 14.08.1962.
- ¹³⁹ Progress of the Month. Karachi, May 1961, p. 10.
- ¹⁴⁰ Ibid., January 1963, p. 34.
- ¹⁴¹ The Second Five Year Plan (1960–65), p. 351–353; Outline of the Third Five Year Plan (1965–70). Karachi, 1964, p. 27, 178–179.
- ¹⁴² The Pakistan Times, 27.10.1962.
- ¹⁴³ The Second Five Year Plan (1960–65), p. 3, 410; Statistical Bulletin, 1963, vol. II, № 7, p. 1119.
- ¹⁴⁴ Far Eastern Survey. N.Y., 1959, vol. 28, № 4, p. 54.
- ¹⁴⁵ Москаленко В. Н. Проблемы современного Пакистана, с. 147–149.
- ¹⁴⁶ The Pakistan Times, 24.03.1960.
- ¹⁴⁷ The Statesman. Karachi, 24.10.1962.
- ¹⁴⁸ The First Five Year Plan (1955–60), vol. I, p. 13–14; The Second Five Year Plan (1960–65), p. 407–409; The Third Five Year Plan (1965–70), p. 15; Major Governments of Asia. N.Y., p. 436.
- ¹⁴⁹ Statistical Bulletin, 1964, vol. 12, № 8, pp. 1683, 1688, 1695, 1698; Karachi Commerce, 17.08.1963; Dawn, 01.03.1962.
- ¹⁵⁰ Statistical Bulletin, 1964, vol. 12, № 8, p. 1694–1698; Pakistan. 1961–62, p. 140; Dawn, 01.03.1962.
- ¹⁵¹ West Pakistan Year Book. 1960. Lahore, 1961, p. 120; The Pakistan Times, 23.03.1962; Dawn, 01.03.1963.
- ¹⁵² Pakistan News, 01.11.1960; The Pakistan Times, 14.08.1962; Progress of the Month. Karachi, July 1962, p. 44–45; September 1962, p. 33; November 1962, p. 41.
- ¹⁵³ The Constitution of the Republic of Pakistan, p. 129–134.
- ¹⁵⁴ Ibid., p. 75–76.
- ¹⁵⁵ Ibid., p. 74.
- ¹⁵⁶ Far Eastern Economic Review, 22.08.1963, p. 549.
- ¹⁵⁷ The Third Five Year Plan (1965–70), p. 130.
- ¹⁵⁸ Dawn, 23.03.1962.
- ¹⁵⁹ Pakistan. 1961–62, 1962, p. 48.
- ¹⁶⁰ Our Labor Policy. Karachi, 1959, p. 1.
- ¹⁶¹ The Pakistan Times, 04.10.1959, 25.04.1960; Economic Observer, March 1959, p. 7.
- ¹⁶² Economic Observer, December 1958, p. 9.

- ¹⁶³ Dawn, 10.11.1959; The Pakistan Times, 26.04.1962 и др.
- ¹⁶⁴ Dawn, 01, 04.10.1961.
- ¹⁶⁵ Handbook of Workmen's Compensation Legislation. Karachi, 1962.
- ¹⁶⁶ Dawn, 01.10.1961.
- ¹⁶⁷ Raza M.A. The Industrial Relations System of Pakistan. Karachi, 1961, p. 108–109.
- ¹⁶⁸ The Pakistan Times, 14.08.1962.
- ¹⁶⁹ Подробнее см.: Москаленко В.Н. Проблемы современного Пакистана, с. 226–231.
- ¹⁷⁰ The Pakistan Times, 27.10.1960.
- ¹⁷¹ The Pakistan 1961–62, p. 16, 151; Pakistan. 1962–63, p. 13.
- ¹⁷² Report of the Constitution Commission. Pakistan, 1961. Karachi, 1962, p. 1, 34, 313.
- ¹⁷³ The Constitution of the Republic of Pakistan, p. 17–18.
- ¹⁷⁴ Sayeed Kh. B. The Political System of Pakistan. Boston, 1967, p. 15.
- ¹⁷⁵ International Affairs. L., 1972, № 4, p. 15.
- ¹⁷⁶ Pakistan Economic Survey 1972–73. Statistical Section. Islamabad, 1977, p. 2–3.
- ¹⁷⁷ Ibid., p. 91, 93.
- ¹⁷⁸ Ibid., p. 2–5.
- ¹⁷⁹ Annual Report of the Colombo Plan. L., 1970, p. 28.
- ¹⁸⁰ Pakistan Economic Survey 1972–73., p. 2–3, 6–7.
- ¹⁸¹ Подробнее см.: Москаленко В.Н. Проблемы современного Пакистана, с. 272–277.
- ¹⁸² Pakistan Economic Survey 1972–73., p. 114–115.
- ¹⁸³ The Fourth Five Year Plan (1970–75). Islamabad, 1970, p. 13, 38.
- ¹⁸⁴ Socio-Economic Objectives of the Fourth Five Year Plan (1970–75). Islamabad, 1968, p.17–18.
- ¹⁸⁵ Ibid., p. 1–2.
- ¹⁸⁶ Dawn, 25.04.1968.
- ¹⁸⁷ Подробнее см.: Левин С.Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 214–270.
- ¹⁸⁸ Подробнее см.: Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы эволюции). М., 1984, с. 45–280.
- ¹⁸⁹ Ayub Khan M. Friends not Masters. A Political Autobiography. Karachi, 1967.
- ¹⁹⁰ Bhutto Z.A. The Myth of Independence. Karachi, 1969.
- ¹⁹¹ См.: Москаленко В.Н. Проблемы современного Пакистана, с. 60, 84, 98, 257, 260–269, 272.
- ¹⁹² Dawn, 10.04; 30.06.1969.
- ¹⁹³ Political Parties. Their Policies and Programmes. Lahore, 1971, p. 215–234.

¹⁹⁴ Подробнее см.: *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана. М., 1975, с. 84–89.

Глава IV

¹ См.: *Белокреницкий В.Я.* Геополитическая вертикаль в сердце Азии // *Pro et Contra*. М., том 2, № 2, Весна 1997, с. 99–108.

² *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan. His Life and Times.* N.Y., 1993, p. 166–168.

³ *Malik H. Soviet-Pakistani Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–92.* L., 1994, p. 232–233; *Burke S.M. Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies.* Minneapolis, 1974, p. 212.

⁴ *Taseer S. Bhutto: A Political Biography.* L., 1979, p. 129–130; *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 170.

⁵ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 182–183.

⁶ *Ibid.*, 174–175; ссылка на запись беседы от 27 декабря 1971 г., хранящуюся в Библиотеке и архиве семьи Бхутто в Карачи, Клифтон, 70.

⁷ *Burke S.M. Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies*, p. 216.

⁸ Эту его концепцию достаточно подробно характеризует Х. Малик, ссылаясь на две книги З.А. Бхутто, одна из которых так и называется «Bilateralism», а также на многочисленные его речи и статьи. См.: *Malik H. Soviet-Pakistani Relations*, p. 228–231.

⁹ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 179.

¹⁰ *Malik H. Soviet-Pakistani Relations*, p. 238–239.

¹¹ *Burke S.M. Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies*, p. 214–215.

¹² *Pakistan Economic Survey 1976-77.* Government of Pakistan, Islamabad, 1977, Statistics, p. 117.

¹³ *Burke S.M. Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies*, p. 217–218.

¹⁴ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 189–190.

¹⁵ По заявлению государственного министра Пакистана по иностранным делам А. Ахмеда от 11 декабря 1972 г., Индия устанавливала контроль над примерно 800 кв. км (341 кв. миль), в том числе стратегически важным перевалом Хаджи Пир в секторе Титхвал. См.: *Malik H. Soviet-Pakistani Relations*, p. 242.

¹⁶ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 195.

¹⁷ *Burke S.M. Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies*, p. 217.

¹⁸ *Ibid.*, p. 221–223.

¹⁹ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 220. В Бангладеш оказались по минимальным подсчетам около 600 тыс. небенгальцев. Это были покинувшие Индию после 1947 г. урдуязычные мусульмане в основном из провинции Бихар. Пакистан соглашался признать право на репатриацию

примерно половины из них, так как опасался наплыва беженцев в Карачи и обострения экономических и политических, межобщинных проблем (*Burke S.M. Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies*, p. 219). По более поздним сведениям, в Пакистан сумели перебраться в основном те «бихари», которые, обладая средствами, сделали это до образования Бангладеш. Остальные, за редким исключением, остались заперты в специальных лагерях для них, расположенных главным образом вблизи Дакки. Трагическую судьбу людей «без родины» разделяет около 250 тыс. человек. *Cohen S.P. The Idea of Pakistan. Lahore, 2005*, p. 215.

²⁰ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 215–216.

²¹ *Ibid.*, p. 232, 234, 236.

²² *Ibid.*, p. 234; *Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (Формирование и основные этапы эволюции)*. М., 1984, с. 213–214.

²³ *Rizvi H.A. Pakistan People's Party. The First Phase: 1967–71. Lahore, 1973*, p. 8–9, 12.

²⁴ *Election Manifesto of the Paksitan People's Party 1970. Karachi, 1971*, p. 3.

²⁵ *Sayeed K.B. Politics in Pakistan. The Nature and Direction of Change. N.Y., 1980*, p. 88.

²⁶ Список взятых под государственный контроль компаний и их владельцев см.: *Левин С.Ф. Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане*. М., 1983, с. 41–42. Об этом см. также: *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан. Социально-экономические проблемы развивающихся стран*. М., 1981, с. 36; *Talbot I. Pakistan. A Modern History. N.Y., 1998*, p. 233. В 1973 г. эти предприятия были национализированы на условиях выплаты компенсации. При этом 23 компании сохранили форму акционерных и в течение 1973–1976 гг. владельцам акций выплачивались довольно крупные дивиденды. *Sayyed K.B. Politics in Pakistan*, p. 97.

²⁷ *Sayyed K.B. Politics in Pakistan*, p. 97.

²⁸ *Taseer S. Bhutto: A Political Biography*, p. 134.

²⁹ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан...*, с. 35–36; *Cohen S.P. The Idea of Pakistan*, p. 81–82.

³⁰ Критикуя действия новой администрации, даже самые богатые и открытые для публичного общения «монополисты» ограничивались общими сентенциями. Ахмед Дауд, патриархальный глава второй по величине активов промышленной группы, выразил несогласие с национализацией лишь иносказательно: «Убив корову, можно получить мясо на один день, а сохранив ее, – молоко на каждый день. Пакистан нуждается сегодня в молоке». *Burki S.J. Pakistan under Bhutto 1971–1977. L., 1980*, p. 115.

³¹ *Taseer S. Bhutto: A Political Biography*, p. 132.

³² Левин С.Ф. Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане, с. 45–46; Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. Три конституции Пакистана. М., 1975, с. 92.

³³ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 254. Находясь позднее в тюрьме, он вспоминал, что на свой 21-й день рождения он получил два книжных подарка от родителей – пятитомную биографию Наполеона Бонапарта, которая научила его «политики власти», и тоненькую книжечку «Коммунистический манифест». «Из этого памфлета, – писал он, – я понял, что такое “политика бедноты”». *Sayeed K.B. Politics in Pakistan*, p. 104–105.

³⁴ *Ali K.A. Strength of the Street: Karachi 1972 // IAS Newsletter. № 20 November. 1999*, p. 16.

³⁵ *Sayeed K.B. Politics in Pakistan*, p. 100.

³⁶ *Burki S. J. Pakistan under Bhutto*, p. 120.

³⁷ *Ali K.A. Strength of the Street*, p. 16.

³⁸ В июне 1971 – марте 1972 г. золотовалютные резервы страны составляли менее 200 млн. долл. США. *Pakistan Economic Survey, 1976–77. Statistics*, p. 112.

³⁹ *Мрозек Б. Внешняя политика Пакистана в 70-е годы: отношения с США и странами Западной Европы. В кн.: Пакистан: проблемы политики и экономики. М., 1978, с. 75–76.*

⁴⁰ *Text of Finance Minister's Speech on Exchange Reform. Islamabad, 1972*, p. 16, 19.

⁴¹ *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 136–137; *Pakistan Economic Survey 1973–74. Government of Pakistan. Islamabad, 1974. Statistics*, p. 65.

⁴² Левин С.Ф. Монополии в текстильной промышленности. В кн.: Пакистан: проблемы политики и экономики, с. 164–165.

⁴³ *Pakistan Economic Survey 1976–77. Statistics*, p. 85.

⁴⁴ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан...*, с. 40.

⁴⁵ *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 118, 119; *Sayeed K.B. Politics in Pakistan*, p. 95.

⁴⁶ *Ibidem.* Автор ссылается на сведения, предоставленные ему в министерстве финансов. Ш.Д. Бурки иначе характеризует соотношение между частным и государственным сектором: из примерно 800 млн. рупий инвестиций в основной капитал предприятий обрабатывающей промышленности (в среднем за 1972–1976 гг. в постоянных ценах 1959/60 г.) на госпредприятия приходилось только 115, хотя величина государственных инвестиций выросла за эти годы втрое (*Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 119). Разница объясняется, скорее всего, тем, что в последнем случае учитывались только ценовые предприятия, а большинство крупных государственных компаний, особенно занятых сооружением новых предприятий, не включались в их число.

⁴⁷ *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 124.

⁴⁸ *Cohen S.P. The Idea of Pakistan*, p. 239, 357.

- ⁴⁹ *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 126.
- ⁵⁰ *Ibid.*, p. 134–135.
- ⁵¹ *Ibid.*, p. 134; автор ссылается на тексты четвертого (1970–1975) и пятого (1977–1983) пятилетних планов.
- ⁵² *Cohen S.P. The Idea of Pakistan*, p. 174.
- ⁵³ *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 112, 114.
- ⁵⁴ *Ibid.*, p. 116.
- ⁵⁵ *Ibid.*, p. 117.
- ⁵⁶ *Pakistan Economic Survey 1973–74. Statistics*, p. 79.
- ⁵⁷ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 228–229.
- ⁵⁸ Пакистан. Справочник. М., 1991, с. 268, 270; *Левин С.Ф. Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане*, с. 46–47.
- ⁵⁹ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан...*, с. 124; *Pakistan Economic Survey 1976–77*, p. 183.
- ⁶⁰ В беседе с авторами книги в 1990 г. один из ведущих журналистов газеты «Доон» рассказал, что построить личный дом в одном из престижных районов Карачи он смог, получив в начале 1970-х годов ни к чему не обязывающий кредит, который ему по-дружески посоветовал взять управляющий одним из национализированных банков. Запись беседы 27.02.1990.
- ⁶¹ *Pakistan Economic Survey 1973–74. Statistics*, p. 63.
- ⁶² Подр. см.: *Белокреницкий В.Я. Пакистан: динамика «двухъярусного» капитализма*. В кн.: *Капитализм на Востоке*. М., 1995, гл. 13, с. 501–513.
- ⁶³ *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 137–138.
- ⁶⁴ *Сидоров М.А. Земельные реформы – Пакистан*. В кн.: *Проблемы политики и экономики*, с. 150.
- ⁶⁵ Там же, с. 151.
- ⁶⁶ Там же, с. 150; *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 139.
- ⁶⁷ Бхутто терпеливо выслушал претензии крестьянских лидеров по поводу недостатков при осуществлении аграрной реформы, а в заключение сказал: «Многое из того, о чем вы говорили, справедливо. Мы продвигаемся медленно. Но разрешите мне задать один вопрос. Кто дал вам смелость подняться и сказать это премьер-министру страны? Кто дал вам голос?» Т. Али сопроводил эту тираду замечанием: «Покровительственно, но эффективно». *Ali T. Can Pakistan Survive? The Death of a State*. Harmondsworth, 1983, p. 225. Соглашаясь, можно добавить, что в этом, как кажется, ярко проявился характер Бхутто, исполненного гордости за свой популизм автократа.
- ⁶⁸ *Солтановский И.Д. Взаимоотношения «малых провинций» с центром в период нахождения у власти в Белуджистане и СЗПП, ННП и ДУИ (1972–1973 гг.)*. В кн.: *Пакистан. История и экономика*. М., 1980, с. 114; *Sayeed K.B. Politics in Pakistan*, p. 176; подробное описание столкновений, имевших место в СЗПП в 1970–1972 гг., опубликованы в одном

из номеров леворадикального журнала «Пакистан форум». См.: Class struggle not a tribal war; Sarhad peasants under attack // Pakistan Forum, Islamabad, June-July 1972, p. 14–22.

⁶⁹ *Burki S.J.* Pakistan under Bhutto, p. 99, 102.

⁷⁰ *Дергачева Е.И.* Административная реформа (1972–1976). В кн.: Пакистан. Проблемы политики и экономики, с. 87.

⁷¹ Там же, с. 89.

⁷² Там же, с. 97; *Talbot I.* Pakistan. A Modern History, p. 220–221. Согласно И. Тэлботу, самым спорным в новой системе квот было подразделение Синда на сельскую (60 %) и городскую части. Переселенцы из Индии, составлявшие большинство в городах провинции, потеряли былые преимущества в результате сокращения квоты для них примерно на 20 %; о синдхско-мухаджирских противоречиях см. ниже.

⁷³ *Burki S.J.* Pakistan under Bhutto, p. 102.

⁷⁴ *Wolpert S.* Zulfi Bhutto of Pakistan, p. 188.

⁷⁵ *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана, с. 95–96.

⁷⁶ *Wolpert S.* Zulfi Bhutto of Pakistan, p. 188; *Burki S.J.* Pakistan under Bhutto, p. 91.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 97.

⁷⁸ Constitution of the Islamic Republic of Pakistan // The Gazette of Pakistan. Islamabad, April 12, 1973, p. 229; *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана, с. 103.

⁷⁹ Там же, с. 104; Constitution of the Islamic Republic of Pakistan, p. 232.

⁸⁰ *Sayeed K.B.* Politics in Pakistan, p. 105.

⁸¹ *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана, с. 107–108.

⁸² Формальным отличием от вестминстерской модели было также отсутствие постоянных комитетов палаты. Конституция в то же время учреждала Совет общих интересов для решения споров по финансовым вопросам между провинциями. *Talbot I.* Pakistan. A Modern History, p. 229; *Burki S.J.* Pakistan under Bhutto, p. 95.

⁸³ *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана, с. 86–89.

⁸⁴ Харизматическая фигура Хана Абдул Гаффар Хана, прожившего более 90 лет, отличается последовательностью политических взглядов. Пуштунский национализм Гаффар Хана в сочетании с антизападным (антиимпериалистическим) настроением заставил власти Пакистана опасаться его: из 18 лет, прожитых им в стране с 1947 по 1965 гг., 15 он провел в тюрьме. *Wolpert S.* Zulfi Bhutto of Pakistan, p. 47.

⁸⁵ Подр. см.: *Солтановский И.Д.* Взаимоотношения «малых провинций» с центром, с. 107–108.

⁸⁶ *Sayeed K.B.* Politics in Pakistan, p. 115–116.

⁸⁷ Ibid., p. 115; *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 211; *Шерковина Р.И.* Политические партии и политическая борьба в Пакистане. М., 1983, с. 185.

⁸⁸ Там же, с. 186; *Sayeed K.B. Politics in Pakistan*, p. 119.

⁸⁹ Ibid., p. 118.

⁹⁰ О «белуджской войне» см: *Мукимджанова Р.М.* Пакистан и империалистические державы. 70-е – начало 80-х годов. М., 1984, с. 88–89; см. также: *Harrison S.S.* In *Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations*. N.Y., 1981, ch. 3, 4; *Ali T.* *Can Pakistan Survive?* P. 119–121.

⁹¹ *Belokrenitsky V.* *Islamic Radicalism in Central Asia: The Influence of Pakistan and Afghanistan*. In: *Central Asia at the End of the Transition*. N.Y., 2005, p. 159.

⁹² *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 249.

⁹³ *Sayeed K.B. Politics in Pakistan*, p. 129.

⁹⁴ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 239–240.

⁹⁵ Ibid., p. 223, 308–309; *Talbot I.* *Pakistan. A Modern History*, p. 222–223; Громкое дело, по которому после военного переворота осудили Бхутто, связано с событиями ноября 1974 г. Тогда было совершено покушение на члена Национального собрания, избранного от Пакистанской народной партии, молодого амбициозного Р.А. Касури, перешедшего на сторону оппозиции и публично не раз зло критиковавшего бывшего своего кумира. В результате обстрела машины, в которой Касури возвращался вместе с семьей со свадебной церемонии домой в Лахор, был убит престарелый отец политика Наваб Мохаммад Ахмед Хан. В показаниях полиции сын погибшего обвинил лично З.А. Бхутто в организации покушения с помощью Федеральных сил безопасности. Несмотря на громкие его заявления, в том числе и в парламенте, где виновником семейной трагедии он назвал господствующий режим, никто его в дальнейшем не преследовал, а в 1976 г. он вновь вступил в партию Бхутто. Оставшееся нераскрытым дело привлекло внимание военных сразу после переворота 5 июля 1977 г. Бывший глава ФСБ дал показания, что служил посредником в передаче приказа Бхутто убрать назойливого оппонента. Главным образом на этом основании, а также с помощью малоубедительных показаний других свидетелей обвинения Высокий суд Лахора единогласно признал З.А. Бхутто виновным и приговорил к казни. (*Lahore High Court. Summary of Judgement on Murder Trial. State vs Zulfikar Ali Bhutto and others.* Islamabad, undated, p. 23.) За обжалованный в Верховном суде приговор в феврале 1979 г. голосовали только четверо из семи судей.

⁹⁶ *Talbot I.* *Pakistan. A Modern History*, p. 223.

⁹⁷ *Ali T.* *Can Pakistan Survive?* P. 119.

⁹⁸ *Burki S.J.* *Pakistan under Bhutto*, p. 105, 126.

- ⁹⁹ *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 224.
- ¹⁰⁰ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 186.
- ¹⁰¹ *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 218.
- ¹⁰² *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 151–154.
- ¹⁰³ *Ibid.*, p. 149–150.
- ¹⁰⁴ *Malik H. Soviet-Pakistani Relations*, p. 250.
- ¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 248; Как писал впоследствии один из основных участников этой встречи ученый-атомщик Мунир Ахмад Хан, Бхутто объявил на ней о создании отдельного министерства науки и технологии, взял под свой личный контроль Пакистанскую комиссию по атомной энергии и назначил М.А. Хана ее председателем. *M.A. Khan. Development and Significance of Pakistan's Nuclear Capability*. In: *Pakistan: Founders' Aspirations and Today's Realities*. N.Y., 2001, p. 153.
- ¹⁰⁶ *Malik H. Soviet-Pakistani Relations*, p. 249; Автор ссылается при этом на опубликованную в 1987 г. книгу бывшего министра в кабинете Бхутто К. Ниязи «Ор лайн кат гайе» (на урду, «Рубикон перейден»). См. о том же в книге Д. Какса со слов Мунир Ахмад Хана. *Kux D. The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies*. Wash., 2001, p. 224.
- ¹⁰⁷ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 273; *Malik H. Soviet-Pakistani Relations*, p. 249. Д. Какс приводит более мягкую версию разговора Г. Киссинджера и З.А. Бхутто на основе бесед с американскими дипломатами. Киссинджер только предупредил Бхутто о том, что, если к власти в США придет администрация демократа Картера, «с ним будут говорить куда более жестко». *Kux D. The United States and Pakistan*, p. 223.
- ¹⁰⁸ *Malik H. Soviet-Pakistani Relations*, p. 251.
- ¹⁰⁹ *Kux D. The United States and Pakistan*, p. 217–218. *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 248–249.
- ¹¹⁰ *Ibid.*, p. 266–267.
- ¹¹¹ *Ibid.*, p. 265.
- ¹¹² *Ibid.*, p. 274.
- ¹¹³ *Pakistan Economic Survey 1976–77*, p. 117.
- ¹¹⁴ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан..*, с. 128–129.
- ¹¹⁵ Там же, с. 43.
- ¹¹⁶ *Pakistan Economic Survey 1976–77*, p. vii; по данным, приводимым в книге Ш.Дж. Бурки, прирост ВВП в 1976/77 г. равнялся только 0,8%. *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 177.
- ¹¹⁷ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан..*, с. 44; *Pakistan Economic Survey 1976–77*, p. ix–x.
- ¹¹⁸ *Белокреницкий В.Я. Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации*. М., 1982, с. 217–220.
- ¹¹⁹ Следует отметить, что политические теории левого характера получили в Пакистане довольно заметное развитие еще в 1960-х годах.

Значителен был интерес к трудам К. Маркса, В.И. Ленина, Мао Цзэ-дуна, а также к советской и западной марксистской литературе. По мнению Тарика Али, известного интеллектуала радикальных левых убеждений, большое влияние на подходы к национальной проблеме оказала переведенная на английский книга Ю.В. Ганковского «Народы Пакистана». См.: *Ali T. Can Pakistan Survive?* P. 147; p. 225 – сноска на: *Yu. V. Gankovsky. The Peoples of Pakistan.* Academy of Sciences, USSR, English translation, Lahore, undated.

¹²⁰ *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 220; *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 199; *Троценко Г.П. Национальный вопрос в Синде.* М., 1990, с. 59–61.

¹²¹ Там же, с. 61–62.

¹²² Часть панджабцев, свыше 10 %, говорят на диалектах панджабского языка сирайки и хиндко, которые иногда признаются, особенно сирайки, отдельными языками. Имеется и политическое движение за признание прав сирайки и утверждение их национального самосознания. Пакистан. Справочник, с. 39–40; *Ганковский Ю.В. Национальные движения в современном Пакистане.* В кн.: *Западная Азия: этнополитическая ситуация.* М., 1993, с. 178–183.

¹²³ Характерный пример, иллюстрирующий глубину и распространенность антагонизма между панджабцами и синхдами, приводит в своей книге С. Уолперт. Навестив в 1990 г. престарелого бывшего главного судью Пакистана А.Р. Корнелиуса в Лахоре, он обнаружил, что тот считает справедливым судебное решение о казни Бхутто. Судья, христианин по вере, рассказал, что приехал в Пакистан после раздела Индии и не прогадал, ибо встретил меньше конкуренции и смог дослужиться до высшего чина. «Я решил, – сказал он, – связать свою судьбу с панджабцами, ... потому что нельзя доверять ни одному синдху». *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, с. 326.

¹²⁴ *Sayeed K.B. Politics in Pakistan*, p. 126.

¹²⁵ *Ibid.*, p. 155.

¹²⁶ *Haidar A. The Sipah-e-Sahaba Pakistan – Pakistan. Founders' Aspirations and Today's Realities*, p. 278, 282.

¹²⁷ *Burki S.J. Pakistan under Bhutto*, p. 34. Впрочем, Р.И. Шерковина считала партию Асгар Хана вполне светской, как и большинство других центристских партий, что соответствовало характерному для отечественной науки 1970–80-х годов недостаточному, как представляется, вниманию к исламской составляющей в их программах. См.: *Шерковина Р.И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане*, с. 195–196.

¹²⁸ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 264.

¹²⁹ *Ibid.*, p. 267–268.

- ¹³⁰ Морозова М.Ю. Современная пакистанская деревня. М., 1986, с. 60; Pakistan Economic Survey 1976–77, p. 191–192.
- ¹³¹ Ibid., p. 192.
- ¹³² Солтановский И.Д. Взаимотношения «малых провинций» с центром, с. 104–105.
- ¹³³ Белокреницкий В.Я. Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX – 80-е годы XX в.). М., 1988, с. 141.
- ¹³⁴ Pakistan Economic Survey 1976–77, p. 192.
- ¹³⁵ Подр. см.: Burki S.J. Pakistan under Bhutto, p. 154–162.
- ¹³⁶ Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan, p. 235, 250.
- ¹³⁷ Burki S.J. Pakistan under Bhutto, p. 161–162.
- ¹³⁸ Ibid., p. 159. Pakistan Economic Survey 1976–77, p. 182.
- ¹³⁹ Белокреницкий В.Я. Капитализм в Пакистане, с. 158.
- ¹⁴⁰ Burki S.J. Pakistan under Bhutto, p. 159–160.
- ¹⁴¹ Подготовку проекта новой конституции на условиях полной конфиденциальности осуществлял специально выбранный Бхутто профессор Лондонской школы экономики и политических наук Л. Вульф-Филипп. Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan, p. 267.
- ¹⁴² Сидоров М.А. Земельные реформы, с. 153–154; Морозова М.Ю. Современная пакистанская деревня, с. 60.
- ¹⁴³ Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan, p. 276.
- ¹⁴⁴ Созданию ПНА способствовало существование с марта 1973 г. Объединенного демократического фронта, в который входило большинство создавших альянс оппозиционных партий. В то же время в выборах на стороне оппозиции участвовало еще около 20 организаций, а Мусульманская лига во главе А. Каюм Ханом шла самостоятельно под лозунгом поддержки правительства. Шерковина Р.И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане, с. 200–201, 220–221.
- ¹⁴⁵ Там же, с. 217.
- ¹⁴⁶ Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan, p. 280.
- ¹⁴⁷ Ibid., p. 277, 280.
- ¹⁴⁸ Белокреницкий В.Я. Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации, с. 223.
- ¹⁴⁹ Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan, p. 281.
- ¹⁵⁰ Шерковина Р.И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане, с. 221; Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 241.
- ¹⁵¹ О том, как проходили выборы в одном из округов Синда, где активисту крестьянского движения бюрократия и местные помещики грубо и беззастенчиво не дали победить, живо рассказал Фероз Ахмед, автор ряда леворадикальных публикаций по политической и социально-экономической истории Пакистана. См.: Ahmed F. How the Landlords Won in Sind. In: Ali T. Can Pakistan Survive? Appendix Three, p. 210–214.

- ¹⁵² *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 283.
¹⁵³ *Ibid.*, p. 284.
¹⁵⁴ *Ibid.*, p. 280.
¹⁵⁵ *Sayeed K.B. Politics in Pakistan*, p. 157–158.
¹⁵⁶ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 288–290.
¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 293, 297–299.
¹⁵⁸ *Ibid.*, p. 293, 296.
¹⁵⁹ *Ibid.*, p. 291.
¹⁶⁰ *Ibid.*, p. 294.
¹⁶¹ *Шерковина Р.И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане*, с. 226.
¹⁶² *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 301–302; *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 243.
¹⁶³ *Ibid.*, p. 242; *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 280–281.
¹⁶⁴ *Ibid.*, p. 262.
¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 263.
¹⁶⁶ *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 243.
¹⁶⁷ *Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan*, p. 311–319.

Глава V

- ¹ *Sawhney R.G. Zia's Pakistan*. New Delhi, 1985, p. XII.
² Бывший генерал М. Зия-уль-Хака, а в период его правления посол в СССР и министр иностранных дел С. Якуб Хан так характеризовал отношение диктатора к религии: «М. Зия-уль-Хак, на мой взгляд, не был фанатичным человеком. Он вообще не был слишком религиозен... Он ввел в политику излишнюю религиозность. И он действительно постоянно говорил о религии, об исламе. Я полагаю, это потому, что добивался политической легитимизации. Для него это был непростой вопрос. Зия хотел, чтобы общество ассоциировало его прежде всего с религией. И это ему удалось» (Интервью корреспонденту РИА Новости Е. Пахомову 7 апреля 2005 г.). По этому вопросу также см.: *Sawhney R.G. Zia's Pakistan*, p. XI.
³ *The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan*, Karachi, 1973, p. 4.
⁴ *Белокреницкий В. Я. О социальной сущности экономической политики военно-бюрократического режима // Специальный бюллетень. М., 1988, № 1, с. 39.*
⁵ *Pakistan Economic Survey 1978/79*. Islamabad, 1979, p. 40–42.
⁶ *The Fifth Five Year Plan (1978–83)*. Islamabad, Government of Pakistan, 1978, p. 35, 45.
⁷ *Pakistan Economic Survey 1978/79*, p. 50–51.
⁸ *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. Пакистан. Социально-экономические проблемы развивающихся стран. М., 1981, с. 61.*

- ⁹ Жмуйда И. Западная экономическая помощь Пакистану и иностранный частный капитал // Специальный бюллетень, 1988, № 1, с. 101.
- ¹⁰ Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 436–437.
- ¹¹ Viewpoint. Lahore, 01.07.1979.
- ¹² Ibid., 28.10.1979.
- ¹³ Подробнее об этом см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан..., с. 60–66.
- ¹⁴ Rizvi H.A. The Military and Politics in Pakistan. 1947–86. Lahore, 1986. Appendix H., p. 291.
- ¹⁵ Ibid., p. 293.
- ¹⁶ Sawhney R.G. Zia's Pakistan, p. 11.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Москаленко В. Пакистан при режиме Зия-уль-Хака // Специальный бюллетень, 1988, № 1, с. 9.
- ¹⁹ Белокреницкий В. О социальной сущности экономической политики военно-бюрократического режима // Специальный бюллетень, 1988, № 1, с. 44.
- ²⁰ Белокреницкий В. Экономическое развитие и промышленное производство – некоторые итоги и проблемы // Специальный бюллетень, 1988, № 1, с. 46–48, 57–58.
- ²¹ Там же, с. 48–62.
- ²² Pakistan Economic Survey 1985–1986. Statistical Annexure. Islamabad, 1986, p. 18–19.
- ²³ Морозова М. Проблемы сельскохозяйственного развития Пакистана (1977–1987 гг.) // Специальный бюллетень, № 1, с. 63–64.
- ²⁴ Там же, с. 64–65.
- ²⁵ Там же, с. 68–69, 73–74.
- ²⁶ Рассчитано по: Economic Survey 1993–94. Statistical Appendix. Islamabad, 1994, p. 138.
- ²⁷ Жмуйда И. Внешняя торговля Пакистана // Специальный бюллетень, 1988, № 1, с. 83.
- ²⁸ Там же, с. 88–90.
- ²⁹ Economic Survey 1993–94. Statistical Appendix. Islamabad, 1994, p. 174.
- ³⁰ Пакистан. Справочник. М., 1991, с. 303.
- ³¹ Pakistan Economic Survey 1985–86, p. 51; Жмуйда И. Западная экономическая помощь Пакистану... // Специальный бюллетень, 1988, № 1, с. 100–101.
- ³² Dawn. Karachi, 07.03.1986.
- ³³ US-Pakistan Relations (ed. L. Rose and others). N. Y., 1986, p. 8.
- ³⁴ Herald. Karachi, June 1998, p. 28.
- ³⁵ Ядерное противостояние в Южной Азии (ред. А. Арбатов и Г. Чуфрин). М., 2005, с. 18; Сотников В. К вопросу о создании ядерного

оружия в Пакистане // *Специальный бюллетень*, 1988, № 1, с. 141–145; *Sawhney R.G. Zia's Pakistan*, p. 15–17.

³⁶ *Жмуйда И.* Западная экономическая помощь Пакистану... // *Специальный бюллетень*, 1988, № 1, с. 105–106.

³⁷ *Белокреницкий В.* О социальной сущности... // *Специальный бюллетень*, 1988, № 1, с. 43; *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003, с. 145–151; *Cohen S.P.* The Pakistan Army. Berkeley, 1984, p. 25–27; *Rizvi H.-F.* The Military and Politics in Pakistan. 1947–1986. Lahore, 1986, p. 242–244; *Sawhney R.G. Zia's Pakistan*, 1985, p. 142–167; *Economic Survey 1993–94. Statistical Appendix*, p. 118–119; *Muslim. Islamabad*, 16.06.1984; *Middle East Report. N. Y.*, 1986, vol. 16, № 4, p. 2–3.

³⁸ *Белокреницкий В.* О социальной сущности... // *Специальный бюллетень*, 1984, № 1, с. 44.

³⁹ *Замараева Н.* Молодежное движение в Пакистане в период военного режима генерала М. Зия-уль-Хака // *Специальный бюллетень*, 1988, № 1, с. 147–151.

⁴⁰ *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане, с. 192.

⁴¹ *Cohen S.P.* The Pakistan Army, p. 86.

⁴² См. интервью «Независимой газете» пакистанского министра по делам религии, закята и ушра М. Иджаз-уль-Хака (сын М. Зия-уль-Хака). *Независимая газета. Религии* // М., 19.07.2006.

⁴³ *Pakistan Year Book*. 1980. Karachi, 1980, p. 290.

⁴⁴ *Newsline*. Karachi, September 2001, p. 36, 42.

⁴⁵ См.: *Белокреницкий В.Я.* Исламский радикализм в Пакистане: эволюция и роль в регионе // *Центральная Азия и Кавказ*. Лулеа (Швеция), 2000, № 6, с. 116–131.

⁴⁶ *Специальный бюллетень ИВ АН*, 1988, № 1, с. 57–62; *Pakistan Economic Survey 1985–86. Statistical Annexure*, p. 15–24, 59–60, 67.

⁴⁷ *Белокреницкий В.Я.* Капитализм в Пакистане. М., 1988, с. 190, 247–248.

⁴⁸ *Специальный бюллетень ИВ АН*, 1988, № 1, с. 14; *Sawhney R.G. Zia's Pakistan*, p. 11.

⁴⁹ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. N. Y., 1998, p. 274.

⁵⁰ *Sawhney R.G. Zia's Pakistan*, p. 21.

⁵¹ *Ibid.*, p. 23, 26.

⁵² Текст вопроса, вынесенного на референдум, в кн.: *Sawhney R.G. Zia's Pakistan*, p. 169–170.

⁵³ *Burki Sh.J.* Pakistan. A Nation in the Making. Karachi, 1986, p. 87.

⁵⁴ *Sawhney R.G. Zia's Pakistan*, p. 171.

⁵⁵ *Burki Sh.J.* Pakistan..., p. 88; *Muslim*, 02.03.1985.

- ⁵⁶ *Москаленко В.* Восстановление гражданского правления в Пакистане // Специальный бюллетень ИВ АН. М., 1990, № 3, с. 40–44.
- ⁵⁷ *Talbot I.* Pakistan..., p. 284–285.
- ⁵⁸ Ibid., p. 285.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ The Pakistan Economic Survey 1982–83. Statistical Annexure. Islamabad, 1983, p. 195.
- ⁶¹ Soviet-American Relations with Pakistan, Iran and Afghanistan (Ed. by Malik H.). N. Y., 1987, p. 116–117.
- ⁶² *Москаленко В.Н.* Внешняя политика Пакистана. М., 1984, с. 241–242.
- ⁶³ Специальный бюллетень ИВ АН, 1988, № 1, с. 34.
- ⁶⁴ *Москаленко В.Н.* Пакистан и Афганистан: Прошлое и настоящее // Афганистан и сопредельные страны. М., 2003, с. 24–50.
- ⁶⁵ The Pakistan Economic Survey 1986–87. Statistics. Islamabad, 1987, p. 172.
- ⁶⁶ *Cordäes D., Harison S.S.* Out of Afghanistan. The Inside Story of the Soviet Withdrawal. N. Y., 1995, p. 43–44.
- ⁶⁷ Viewpoint. Lahore, 24.06.1982, p. 13; 16.12.1982, p. 15.

Глава VI

- ¹ *Yousaf M. and Adkin M.* Afghanistan. The Bear Trap. The Defeat of a Superpower. Barnsley, 2001, p. 220–222.
- ² *Rais R.B.* Pakistan in 1988. // Asian Survey, Berkeley, 1989, vol. XXIX, № 2, p. 201.
- ³ *Ziring L.* Pakistan in 1989 // Asian Survey, vol. XXX, 1990, 2, p. 129.
- ⁴ А. Хуссейн был одним из инициаторов создания в конце 1970-х годов Всепакистанского студенческого общества мухаджиров. После жестких столкновений со студентами из *Ислами джамият-и тулаба* (ИДТ, Исламское студенческое общество), организации, близкой к ДИ, он уехал в США, где работал таксистом в Чикаго. По возвращении в 1984 г. (по другим сведениям, в 1986 г.) основал МКМ. *Malik I.H.* State and Civil Society in Pakistan. Politics of Authority, Ideology and Ethnicity. Oxford, 1997, p. 232, 317–318; *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. N.Y., 1998, p. 385–386; *Haq F.* Rise of the MQM in Pakistan: Politics of Ethnic Mobilization // Asian Survey, 1995, 11, p. 996–998.
- ⁵ *Kennedy C.H.* The Politics of Ethnicity in Sindh // Asian Survey, vol. XXXI, 1991, 10, p. 950.
- ⁶ О нем см.: *Агеев В.Ф.* Новейшая история Синда. М., 1986, с. 62–71, 220, 232 и др.; *Троценко Г.П.* Национальный вопрос в Синде. М., 1990, с. 101–102 и др.
- ⁷ *Malik I.H.* State and Civil Society in Pakistan, p. 240; С. Кочанек особо отмечает, что Карачи в конце 1980 – начале 90-х годов оказался охвачен

волной похищений людей с целью получения выкупа. Жертвами вымогателей стали более 20 крупных бизнесменов и члены их семей. Ассоциации предпринимателей и торгово-деловых кругов в ответ организовали массовые шествия протеста, которые правительство Б. Бхутто сочло за попытку подорвать его позиции. S.A. Kochanek. Interest Politics in Pakistan: The Growing Power of Business // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies, Villanova, 1997, vol. XX, № 3, p. 62.

⁸ Looney R.E. Pakistan's Economy: Achievements, Progress, Constraints, and Prospects In: Pakistan. Founder's Aspirations and Today's Reality. ed. by H. Malik. Oxford, 2001, p. 214.

⁹ Пакистан. Справочник. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1991, с. 79.

¹⁰ Kennedy C. H. The Politics of Ethnicity in Sindh, p. 952; Ziring L. Pakistan in 1989, p. 130.

¹¹ Ibid., p. 128.

¹² Rais R.B. Pakistan in 1988, p. 205.

¹³ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003, с. 35; Lamb A. Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. Karachi, 2003, p. 336–338.

¹⁴ Ibid., p. 340.

¹⁵ Иродов С. Канун войны? // Новое время. М., 1990, 18, с. 22–24.

¹⁶ Ziring L. Pakistan in 1990 // Asian Survey, 1991, 2, p. 117. В отличие от Л. Зирина, писавшего об этих событиях по свежим следам, Д. Какс не упоминает о докладе, информация о котором тогда просочилась в печать, и сомневается в том, что угроза войны была значительной. Хотя Р. Гейтс, по его сведениям, действительно предупреждал руководство Индии и Пакистана об опасности военных действий, в Дели и Исламабаде отрицали желание рисковать. Особенно настойчив Гейтс был в Пакистане, где его встретили прохладно. Американские аналитики из разведывательных органов, замечает Какс, к тому времени пришли к выводу, что Пакистан готовится приступить к производству боевых ядерных зарядов, но и пакистанский президент, и начальник штаба армии в беседе с американским представителем категорически отрицали эти факты (премьер-министр находилась с визитом за рубежом и не встречалась с ним). На основании бесед, проведенных позднее со многими из участников тех событий, Какс делает вывод, что известный американский журналист С. Херш преувеличил угрозу ядерной войны между Пакистаном и Индией (по инициативе первого), опубликовав в газете «Нью Йоркер» в марте 1993 г. статью «На ядерном краю» (D. Kux. The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies. Wash., 2001, p. 306–307). Отголоски этой статьи дошли и до нашей печати. См.: Н. Евсенкин. За 5 минут до ядерного конфликта // Армия. М., 1994, 4.

¹⁷ Ziring L. Pakistan in 1990, p. 118.

¹⁸ Ibid., p. 115.

¹⁹ *Kennedy C.H. The Politics and Ethnicity in Sindh*, p. 953.

²⁰ *Ziring L. Pakistan in 1990*, p. 121.

²¹ Например, И. Тэлбот отмечает в связи с этим, что подтасованными, вероятно, были даже результаты выборов в далеком 1946 г., которые принесли победу Юнионистской партии, выступавшей против создания Пакистана. *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 313.

²² Ibid., p. 316.

²³ Ibid., p. 300.

²⁴ Работающий в Англии известный социальный антрополог и историк пакистанец А.С. Ахмед посвятил дуалистичному соперничеству, которое он наблюдал среди пуштунских горских племен, немало страниц в своих многочисленных исследованиях. См., например: *Ahmed A.S. Resistance and Control in Pakistan*. L., 1991, p. 142–149; см. также: *Белокрепницкий В.Я. Этносоциальные структуры населения в Пакистане*. В кн.: *Западная Азия: этнополитическая ситуация*. М., 1993, с. 225–226.

²⁵ Если в Синде провинциальную консолидацию нарушали мухаджире, а также другие этнические группы, то в Панджабе именно в это время оживилось движение за создание Серайкистана (язык серайки считается диалектом панджаби или отдельным близким к панджаби языком) на юго-западе провинции с центром в Мултане.

²⁶ *Kochanek S.A. Interest Politics in Pakistan*, p. 55.

²⁷ *Cohen S.P. The Idea of Pakistan*. Lahore, 2005, p. 251.

²⁸ Выше, со ссылкой прежде всего на работы С.Ф. Левина, мы уже касались темы так называемого национального и инонационального капитала в условиях Пакистана. Американский профессор С. Кочанек, автор капитальной работы «*Interest Groups and Development: Business and Politics in Pakistan*», изданной в 1983 г., продолжая исследование темы, выявил тенденцию усиления позиций панджабской крупной буржуазии, особенно предпринимателей, по происхождению связанных с небольшим городом Чиниот на северо-западе провинции, в округе Джанг. Он сравнил их с известными индийскими предпринимателями из касты марвари. См.: *Kochanek S.A. Interest Politics in Pakistan*, p. 55–56.

²⁹ *Kennedy C.H. The Politics and Ethnicity in Sindh*, p. 953–954; *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 320.

³⁰ Ibid., p. 320–321.

³¹ Ibid., p. 322–323, 378; *Malik I.H. State and Civil Society in Pakistan*, p. 245.

³² Ibid., p. 247–249; *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 324.

³³ *Malik I.H. State and Civil Society in Pakistan*, p. 247.

³⁴ *Kux D. The United States and Pakistan*, p. 308.

³⁵ Ibid., p. 313, 325.

³⁶ Ibid., p. 312–313.

³⁷ Ibid., p. 316-317.

³⁸ Подр. см.: *Белокреницкий В.Я.* Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии. В кн.: Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002, с. 421–422.

³⁹ Афганистан и сопредельные страны. М., 2003, с. 29.

⁴⁰ Один из наиболее деятельных руководителей афганского бюро ОВР при Зия-уль-Хаке бригадир М. Юсуф в 1992 г. опубликовал в Лондоне книгу, где по свежим следам описывал свою работу, утверждая, в частности, что уже в конце 1980-х годов обнаружилось расхождение между Исламабадом и Вашингтоном по вопросу о будущем устройстве Афганистана и планах муджахедов. См. выше выходные данные второго издания книги М. Юсуфа и М. Эдкина. О генерале Дж. Насире см.: *Rashid A. Pakistan and the Taliban*. In: Maley W. ed. *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban*. Lahore, 1998, p. 84–85.

⁴¹ *Москаленко В.Н.* Афганистан и Пакистан. В кн.: Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998, с. 66.

⁴² Вместе с тем известно, что после вывода советских войск в начале 1989 г. основавший еще в 1985 г. в Афганистане организацию во имя спасения ислама «Аль-Каида» (Основа) саудовский миллионер Усама бен Ладен на несколько лет покинул страну, перебрался в Судан и там продолжил свою деятельность. См.: Афганистан и сопредельные страны. М., 2003, с. 95; *Кенель Ж.* Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004, с. 300–303.

⁴³ См. об этом, например: *Rashid A. Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia*. New Haven, 2002, p. 214–215.

⁴⁴ Подр. см.: *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995, с. 637–640; *Belokrenitsky V.* Islamic Radicalism in Central Asia: The Influence of Pakistan and Afghanistan. In: Rumer B. ed. *Central Asia at the End of the Transition*. N.Y., 2005, p. 164–165.

⁴⁵ *Москаленко В.Н.* Пакистан и государства Центральной Азии. В кн.: Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграция и конфликты. М., 1995, с. 147; *Rashid A. Jihad*, p. 214.

⁴⁶ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в современном политическом мире. Взгляд из Москвы. Нью-Йорк, 2001, с. 368, 371.

⁴⁷ *Belokrenitsky V.* Russian-Afghan relations. In: Chufirin G. ed. *Russia and Asia. The Emerging Security Agenda*. Oxford, 1999, p. 199.

⁴⁸ См., например: Центрально-Азиатский макрорегион и Россия. М., 1993, с. 56–57, 80–81, 85–86.

⁴⁹ *Коргун В.Г.* История Афганистана XX век. М., 2004, с. 447.

⁵⁰ Там же, с. 448; *Москаленко В.Н.* Афганистан и Пакистан, с. 66–67.

⁵¹ *Amin T.* Pakistan in 1993 // *Asian Survey*, vol. XXXIY, 1994, 2, p. 192.

- ⁵² Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 318.
- ⁵³ Kochanek S.A. Interest Politics in Pakistan, p. 64–65.
- ⁵⁴ Kux D. The United States and Pakistan, p. 325.
- ⁵⁵ Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 330–331.
- ⁵⁶ Amin T. Pakistan in 1993, p. 195.
- ⁵⁷ Wilder A.R. Changing Patterns of Punjab Politics in Pakistan // Asian Survey, vol. XXXY, 1995, 4, p. 388–390.
- ⁵⁸ Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 331–333.
- ⁵⁹ The Japan Times, Tokyo. 24.10.1993, p. 3; 31.10.1993, p. 11; 17.11.1993, p. 4.
- ⁶⁰ Amin T. Pakistan in 1993, p. 198.
- ⁶¹ О проблеме воды в отношениях двух стран см. например: Waslekar S. The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Mumbai, 2005, p. 47–80.
- ⁶² Maley W. ed. Fundamentalism Reborn? p. 48–49, 72–76, et al. Со ссылкой на эту книгу излагает события Ж. Кепель. Джихад, с. 225–226; Отечественные авторы используют информацию периодических изданий. См., напр: Плешов О.В. Движение «Талибан»: истоки фундаментализма. В кн.: Афганистан: война и проблемы мира, с. 39–46.
- ⁶³ Maley W. ed. Fundamentalism Reborn? p. 82.
- ⁶⁴ Davis A. How the Taliban became a military force. In: Maley W. ed. Fundamentalism Reborn? P. 44.
- ⁶⁵ Rashid A. Pakistan and the Taliban, p. 76–78, 80; О планах и состоянии торгово-экономических связей Пакистана с северными соседями см.: Мукиджанова Р. Пакистан. Новые ориентиры в Центральной Азии // Азия и Африка сегодня. 1997, 8, с. 35–38.
- ⁶⁶ Sattar A. Foreign Policy: Relations with the West, China and the Middle East. In: Malik H. ed. Pakistan, p. 396; Davis A. How the Taliban became a military force, p. 63.
- ⁶⁷ Rashid A. Pakistan and the Taliban, p. 82.
- ⁶⁸ Ibid., p. 82, 87.
- ⁶⁹ Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 315.
- ⁷⁰ См.: Kux D. The United States and Pakistan, p. 327–328.
- ⁷¹ Ibid., p. 328.
- ⁷² Ibid., p. 330–331, 333.
- ⁷³ Ibid., p. 319, 332–333.
- ⁷⁴ О ракетно-ядерной программе Пакистана см. например: Ядерное противостояние в Южной Азии. Под ред. А. Арбатова и Г. Чуфрина. М.: Карнеги, 2005, с. 18.
- ⁷⁵ Белокреницкий В.Я. Стратегический треугольник Россия–Китай–Индия: реальность конфигурации. В кн.: Китай в мировой политике. М., 2001, с. 382.
- ⁷⁶ Talbot I. Pakistan. A Modern History, p. 336.

⁷⁷ Ibid., p. 342.

⁷⁸ *Shafqat S. Pakistan under Benazir Bhutto // Asian Survey*, vol. XXXVI, 1996, 7, p. 671; подробнее о гражданской войне в Карачи см.: *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 342–344.

⁷⁹ *Malik I.H. State and Civil Society in Pakistan*, p. 251; последнему способствовал сложный этнический состав более чем 10-миллионного тогда по величине населения города – по приблизительным данным, мухаджиров было 60 % жителей, а остальные 40 состояли из панджабцев, пуштунов, синдхов, белуджей, кашмирцев, а также иммигрантов из Бангладеш, Филиппин, Шри Ланки, Ирана и ряда арабских стран. См.: *Shafqat S. Pakistan under Benazir Bhutto*, p. 670–671.

⁸⁰ *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 340.

⁸¹ Ibid, p. 340–341; см: *Ганковский Ю. Пакистан. Суннито-шиитские столкновения // Азия и Африка сегодня*, 1999, № 1, с. 35–37.

⁸² Требование провозгласить Пакистан суннитским государством выдвигалось рядом видных представителей деобандских религиозно-политических кругов. Особенно активно за это ратовали улемы из Сипах-и сахаба Пакистан во главе с Мауланой Фаруки. При этом они утверждали, основываясь, как правило, на неверных примерах, что законы других стран, в частности христианских, строятся на базе религиозных норм, разделяемых большинством населения, и что, следовательно, введение суннитских законов не означает дискриминации шиитов, а лишь отражает конфессиональную реальность. *Haider A. The Sipah-e-Sahaba Pakistan*. In: *Malik H. ed. Pakistan. Founder's Aspirations and Today's Realities*, p. 273–275.

⁸³ *Правов А. Пакистан. Властям удалось предотвратить государственный переворот // Сегодня*, 16.11.1995; *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 341.

⁸⁴ Ibid., p. 340–341.

⁸⁵ Ibid., p. 344; *Shafqat S. Pakistan under Benazir Bhutto*, p. 670.

⁸⁶ *Monshipouri M. and Samuel A. Development and Democracy in Pakistan: Tenuous or Plausible Nexus? // Asian Survey*, 1995, 11, p. 984.

⁸⁷ *Woods F.G. Karachi and the MQM. Pakistan's Social Quagmire. Manuscript*, p. 2.

⁸⁸ *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 346–347.

⁸⁹ Ibid., p. 347.

⁹⁰ Ibid., p. 337–338.

⁹¹ Ш.Дж. Бурки был не только экономистом и экспертом-менеджером, но и автором ряда книг и статей по экономике и политической истории Пакистана, в том числе многократно цитируемых в данной работе.

⁹² *Talbot I. Pakistan. A Modern History*, p. 351–352.

⁹³ Ibid., p. 356–358.

⁹⁴ Ibid., p. 362–363.

- ⁹⁵ Constitutional Amendment 15th (CA-15) Text. www.paknews.org/oct98/main3oct-10.html
- ⁹⁶ *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan, p. 150–151.
- ⁹⁷ Pakistan Political Perspective. Islamabad, vol. VII-3, March 1998, p. 1–2, 71–77.
- ⁹⁸ Herald, Karachi, January 1999, p. 73.
- ⁹⁹ Pakistan Political Perspective. March 1998, p. 20–23.
- ¹⁰⁰ О положении в стране на тот период времени см.: *Ганковский Ю.* Нестабильность становится перманентной // Азия и Африка сегодня, 1999, 4, с. 18–22.
- ¹⁰¹ *Talbot I.* Pakistan. A Modern History, p. 364.
- ¹⁰² *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan, p. 154; Dawn, Karachi, 16 April 1999.
- ¹⁰³ *Белокреницкий В.Я.* Проблемы и перспективы регионального сотрудничества в Южной Азии. В кн.: Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений, с. 349.
- ¹⁰⁴ *Шулин А.А.* Стратегический баланс в Южной Азии. М., 2004, с. 271–272.
- ¹⁰⁵ Ядерное противостояние в Южной Азии, с. 11.
- ¹⁰⁶ *Kux D.* The United States and Pakistan, p. 344–346.
- ¹⁰⁷ *Karim M.S.* Figuring it out. A Newline survey. Newline, Karachi, June 1998, p. 34.
- ¹⁰⁸ *Kux D.* The United States and Pakistan, p. 349.
- ¹⁰⁹ Ibid., p. 351.
- ¹¹⁰ *Talbot S.* Engaging India. Diplomacy, Democracy and the Bomb. Wash., 2004.
- ¹¹¹ The News, Islamabad, July 30, 1998.
- ¹¹² *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике, с. 188.
- ¹¹³ *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan, p. 151.
- ¹¹⁴ *Ganguli S.* Conflict Unending. India-Pakistan Tensions since 1947. N.Y., 2001, p. 116; *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике, с. 196.
- ¹¹⁵ Там же, с. 192.
- ¹¹⁶ *Mazari S.M.* The Kargil Conflict 1999. Separating Fact From Fiction. Islamabad, 2003, p. 44, 156.
- ¹¹⁷ Ibid., p. 49.
- ¹¹⁸ *Ganguli S.* Conflict Unending, p. 117; *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике, с. 192–194.
- ¹¹⁹ Там же, с. 196–198.
- ¹²⁰ *Mazari S.M.* The Kargil Conflict, p. 59–60.
- ¹²¹ Ibid., p. 70–71; *Ganguli S.* Conflict Unending, p. 120.
- ¹²² Кашмирский конфликт низкой интенсивности продолжался на протяжении всего периода, рассматриваемого в данной главе. Однако на первых порах он привлекал к себе большее внимание мировой общест-

венности в связи с сообщениями о нарушениях прав кашмирцев индийскими войсками и службами по поддержанию порядка и безопасности. С середины 1990-х годов население, судя по всему, перестало оказывать широкую поддержку антиправительственным силам и борьба превратилась в «войну по доверенности» Пакистана и Индии. Жертвами этого конфликта стали десятки тысяч мирных жителей. Потери за 10 лет конфликта оценивались в пределах 30 тыс., по индийской версии, до 60 тыс. по пакистанской – см.: *Белокреницкий В.Я.* Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии, с. 421–423.

¹²³ Sarwar B. Musharraf's options are limited // *The Hindustan Times*, October 14 1999 // www.hindustantimes.com/nonfram.141099.detFRO04.htm

¹²⁴ *Rashid A. Sharif's New Test.* – *The Far Eastern Economic Review*, vol. 162, № 38, 9.09.99, p. 27–28.

¹²⁵ *Плешов О.* Пакистан. Армия у власти. – *Азия и Африка сегодня*, 2000, 2, с. 34–35.

¹²⁶ *The World Development Indicators 2001.* Wash., 2001, p. 45, 195.

Глава VII

¹ Newsline. Karachi, June 2001, p. 50.

² Dawn. Karachi, 26.04.2001.

³ The News. Islamabad, 28.02.2002.

⁴ *Khan Sh.R.* Pakistan Under Musharraf (1999–2002). Lahore, 2004, p. 21.

⁵ Newsline, September 2001, p. 29.

⁶ *Khan Sh.R.* Pakistan Under Musharraf., p. 27.

⁷ Newline, September 2001, p. 32–38, 42–43, 46–47, 48, 50; Dawn, 11.10.2001. См. также автобиографический труд П. Мушаррафа: *Musharraf P.* In the Line of Fire. A Memoir. N. Y., 2006, p. 172–173.

⁸ См.: *Зарубежное военное обозрение.* М., 2006, № 2, с. 58.

⁹ The News, 29.04.2002.

¹⁰ Dawn, 15.04.2002.

¹¹ The News, 30.04.2002.

¹² Financial Times. L., 02.05.2002.

¹³ The Economist. L., 04.05.2002, p. 57.

¹⁴ *Москаленко В.Н., Топычканов П.В.* Исламская Республика Пакистан. Эволюция избирательной системы // *Журнал о выборах.* М., ЦИК РФ, 2006, № 3, с. 20–22.

¹⁵ Text of the LFO. Islamabad, August 21, 2002; Dawn, 22.08.2002; Newsline, October 2002, p. 67–73; Constitution (Seventeenth Amendment) Act (www.pakistani.org/pakistan/constitution/amendments/17_amendment.html); *Rabbani M.R.* LFO – A Fraud on the Constitution. Karachi, 2003, p. 1–13, 33–36, 49–53, 66–197.

- ¹⁶ Pakistan Economic Survey. 1999–2000. Statistics Appendices. Islamabad, 2000, p. 11, 13.
- ¹⁷ Pakistan 2003. Statistical Pocket Book. Islamabad, 2003, p. 103.
- ¹⁸ Pakistan Economic Survey. 1999–2000. Statistics Appendices, p. 73, 101.
- ¹⁹ Musharraf P. In the Line of Fire..., p. 181.
- ²⁰ Ibid., p. 182.
- ²¹ См.: Khan Sh.R. Pakistan Under Musharraf..., p. 2–6.
- ²² Pakistan Economic Survey. 2004–2005, p. XXIII.
- ²³ Musharraf P. In the Line of Fire..., p. 184.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Pakistan Economist. Karachi, November, 2001.
- ²⁶ Musharraf P. In the Line of Fire..., p. 183.
- ²⁷ Pakistan Economic Survey. 2004–2005. Statistical Appendix, p. 77.
- ²⁸ Ibid., Statistical Appendix, p. 46; Khan Sh.R. Pakistan Under Musharraf..., p. 155.
- ²⁹ Musharraf P. In the Line of Fire..., p. 185.
- ³⁰ Ibid., p. 190.
- ³¹ Pakistan Economic Survey. 2004–2005. Statistical Appendix, p. 7, 9, 89–92.
- ³² Компас. Вестник иностранной информации ИТАР–ТАСС. М., 22.02.2002, с. 39.
- ³³ Newsweek. N. Y., 01.10.2001, № 4, p. 31.
- ³⁴ Dawn, 13.01.2002.
- ³⁵ Ibid., 11, 18.10.2002.
- ³⁶ The News, 26, 27.10.2002; Dawn, 10, 11, 18.10.2002.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Dawn. Karachi, 01.10.2004.
- ³⁹ Ibid., 27.10.2004.
- ⁴⁰ The News. Islamabad–Rawalpindi, 12.11.2006.
- ⁴¹ Ibid., 20.04.2004.
- ⁴² Musharraf P. In the Line of Fire. A Memoir. N. Y., 2006, p. 177.
- ⁴³ См.: Far Eastern Economic Review. Hong Kong, 30.09.2004, p. 13.
- ⁴⁴ Dawn, 07.09.2004.
- ⁴⁵ См.: Pakistan Economic Survey. 2001–2002. Statistical Appendix. Islamabad, 2002, p. 9, 13, 48, 119, 138; Pakistan Economic Survey. 2004–2005. Statistical Appendix. Islamabad, 2005, p. 9, 47–48; экономическое приложение к газете «The News», 01.01.2004; Dawn, 30.12.2002.
- ⁴⁶ См.: Pakistan Economic Survey. 2004–2005, p. 39–46, 137–168; Statistical Appendix, pp. 2–14, 21–31, 36, 89–93; Pakistan Almanac, 2002–2003. Essential Data on Pakistan. Karachi, 2003, p. 211–231, 282–284, 299–312; Musharraf P. In the Line of Fire..., p. 190–196; Жмуйда И.В. Промышленная политика в Пакистане в 90-е годы и период правления П. Мушаррафа // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен. М., 2006, с. 170–179.

- ⁴⁷ Daily Mail. Islamabad, 04.01.2005.
- ⁴⁸ Ibid., 07.01.2005; South Asian Journal. Lahore, № 5, July–September 2004.
- ⁴⁹ Pakistan Local Bodies Elections: Report of the Commonwealth Expert Team. L., 2005, p. 9.
- ⁵⁰ Daily Mail. 28.08.2005.
- ⁵¹ См.: Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Выборы органов местного самоуправления в Пакистане в 2005 г.: итоги и значение для будущего политического развития стран // Афганистан, Иран, Пакистан..., с. 151–169.
- ⁵² The Nation. Lahore, 17.05.2005.
- ⁵³ Джанг (на яз. урду). Karachi, 02.05.2006.
- ⁵⁴ The News, 02.12.2006.
- ⁵⁵ Gulf Times. Doha, 16.09.2006.
- ⁵⁶ Daily Mail. Islamabad, 17.11.2006; Пульс планеты. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., ИТАР–ТАСС, 01.03.2007, АК-5.
- ⁵⁷ The Pakistan Times. Lahore, 06.07.2006.
- ⁵⁸ Торговое представительство. Обзор прессы (28.10–13.11.2006) – www.rustrade.org/news.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Компас. Вестник международной информации ИТАР–ТАСС. М., 2006, № 11, с. 44.
- ⁶¹ Тринич Ф.А. Состояние торгово-экономических связей между Россией и Пакистаном // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен. М., 2006, с. 217–220.
- ⁶² Пульс планеты. Ближний и Средний Восток. М., ИТАР–ТАСС, 05.02.2007, св. 12.
- ⁶³ Джанг, 29.10.2005; Dawn, 19.20.11.2005.
- ⁶⁴ Пульс планеты. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., ИТАР–ТАСС, 08.09.2006, АК-9.
- ⁶⁵ Торговое представительство. Обзор прессы...
- ⁶⁶ The Nation, 12.02.2007.
- ⁶⁷ <http://www.mofa.gov.pk/PressReleases/2007/Feb/PR-64-07.htm>
- ⁶⁸ См.: *Musharraf P.* In the Line of Fire..., p. 295–297.
- ⁶⁹ The News, 05.02.2005; The Pakistan Calling. Karachi, October 2005, p. 6.
- ⁷⁰ <http://www.mofa.gov.pk/PressReleases./2007/Feb/PR-64-07.htm>
- ⁷¹ The Pakistan Times, 06.07.2005.
- ⁷² *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Deadly Arsenal: Tracking Weapons of Mass Destruction. Wash., 2002, p. 191; Global Security News-wire. N. Y., 2002.
- ⁷³ Dawn, 15.09.2004.
- ⁷⁴ Зарубежное военное обозрение. 2007, № 1, с. 73.
- ⁷⁵ Ядерное оружие после «холодной войны». М., 2006, с. 396.

⁷⁶ http://iimes.ru/rus/stat/2007/11-01-07_a.htm

⁷⁷ Dawn, 07.07.2005.

Заключение

¹ *Каменев С.Н.* Социально-экономическое развитие Пакистана за годы независимости // Ближний и Средний Восток. Сб. статей. М., 2003, Вып. 17, с. 276.

² Pakistan Economic Survey. 2004–2005. Statistical Appendix, p. 16, 94.

³ *Каменев С.Н.* Социально-экономическое развитие Пакистана..., с. 294.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1875 Основание Мусульманского англо-восточного колледжа в Алигархе (с 1920 г. – Алигархский мусульманский университет) по инициативе С. Ахмад Хана.
- 1885 Образование Общества защиты ислама в Лахоре.
- 1886 Созыв первой Мусульманской конференции по образованию.
- 1901 Выделение из провинции Панджаб Северо-Западной пограничной провинции, населенной в основном мусульманами.
- 1905–1911 Раздел Бенгалии на Западную и Восточную (преимущественно мусульманскую) провинции.
- 1906, декабрь Решение о создании первой политической организации мусульман – Всеиндийской мусульманской лиги.
- 1909 Конституционная реформа Морли-Минто, включающая положение о курии для мусульман-землевладельцев при избрании членов консультативно-законодательных советов.
- 1913 Появление первых панисламистских организаций и периодических изданий.
- 1916 Избрание М.А. Джинны президентом Мусульманской лиги. Заключение Пакта в Лакхнау о сотрудничестве между Лигой и Индийским национальным конгрессом.
- 1919–1922 Совместные антиправительственные выступления индусов и мусульман в рамках кампании гражданского неповиновения, возглавляемой М.К. Ганди, и халифатистского движения.
- 1920 Вступление в действие Конституционной реформы Монтегю – Челмсфорда, закрепляющей принцип разделения избирателей на курии, в том числе религиозные, при избрании членов провинциальных законодательных собраний.
- 1921, 1926–1927 Обострение отношений между индусами и мусульманами, массовые погромы на Малабарском побережье (восстание мопла), в Калькутте и других городах.
- 1928 Выдвижение М.А. Джинной Программы из 14 пунктов, предусматривающей предоставление мусульманам особых прав в рамках будущей федеративной независимой Индии.
- 1930–1932 Конференции «круглого стола» в Лондоне при участии М.А. Джинны.
- 1930 Провозглашение на сессии в Аллахабаде президентом Лиги поэтом и философом М. Икбалом идеи создания мусульманского государства на северо-западе Индии.

- 1932 Принятие Лондоном Общинного приговора, сохранявшего и расширявшего куриальную систему на выборах в Индии.
- 1932–1934 Появление брошюр, пропагандирующих идею создания Пакистана (термина, означающего «страну чистых», то есть правоверных мусульман), в составе Панджаба, СЗПП (Афгани), Кашмира, Синда и Белуджистана.
- 1935 Принятие британским парламентом Закона об управлении Индией.
- 1936 Выделение из состава Бомбейской провинции Синда – еще одной провинции с преобладанием мусульман.
- 1937, весна Выборы в провинциальные собрания 11 провинций; безусловный успех ИНК, неудача Мусульманской лиги.
- 1937, осень Сессия Лиги в Лакхнау; начало возрождения организации.
- 1939, октябрь Отказ ИНК от сотрудничества с английскими властями, отзыв членов Конгресса из состава провинциальных правительств.
- 1939, 22 декабря Объявление М.А. Джинной этого числа «днем избавления от тирании Конгресса».
- 1940, 23 марта Принятие на сессии Мусульманской лиги в Лахоре «пакистанской» резолюции, призывающей к созданию в будущем государств на северо-западе и востоке Индии с мусульманским большинством.
- 1942, март-апрель Провал миссии британского кабинета во главе с С. Криппсом, имевшей целью заручиться поддержкой Конгресса и Лиги на период войны.
- 1942, 7 августа Принятие Конгрессом резолюции к английским властям «Оставьте Индию»; начало массовых антиколониальных выступлений и ответных репрессий властей.
- 1944, лето Освобождение М.К. Ганди из тюрьмы; встречи и переписка Ганди и Джинны.
- 1945, июль Неудача первой конференции в Симле вице-короля А. Уэйвелла с лидерами Конгресса и Лиги.
- 1945/46, зима Выборы в центральную законодательную ассамблею и провинциальные легислатуры; крупный успех Конгресса и Лиги.
- 1946, март–июнь Работа в Индии миссии британского кабинета министров во главе с Петик-Лоуренсом, разработка плана сохранения единства Индии после передачи власти ее представителям.
- 1946, апрель Решение конференции избранных от Мусульманской лиги членов центрального и провинциальных законодательных собраний о борьбе за создание единого Пакистана.
- 1946, май Вторая конференция в Симле вице-короля, членов миссии кабинета с руководителями ИНК и Лиги.
- 1946, май-июнь Согласие руководства Конгресса и Лиги с принципами «плана единой Индии», разработанными миссией кабинета.

- 1946, июль-август Срыв договоренностей, отказ Лиги от сотрудничества с Конгрессом, призыв к «прямым действиям» в борьбе за Пакистан.
- 1946, 16–20 августа Крупные межобщинные столкновения в Калькутте, вызвавшие волну погромов в других частях Индии.
- 1946, сентябрь Образование первого чисто индийского правительства во главе с Дж. Неру под эгидой вице-короля без участия Лиги.
- 1946, октябрь Присоединение Мусульманской лиги к правительству.
- 1946, октябрь;
1947, февраль
1947, март Кровавые межобщинные столкновения.
- Прибытие нового вице-короля Л. Маунтбеттена в Индию с поручением произвести скорейшую передачу власти руководителям Индии.
- 1947, 3 июня Обнародование плана раздела Индии; выступления Неру, Джинны и представителя сикхской общины Б. Сингха по радио с выражением согласия на раздел.
- 1947, 18 июля Принятие британским парламентом Акта о независимости Индии.
- 1947, 14 августа Провозглашение создания независимого доминиона Пакистан в Карачи.
- 1947, 15 августа Провозглашение независимости Индии в Дели.
- 1947, август–сентябрь Перемещение миллионов мусульман из Индии в Пакистан, индусов и сикхов в обратном направлении; погромы и расправы, массовая гибель людей, разграбление имущества.
- 1947, октябрь Начало первой войны за контроль над княжеством Джамму и Кашмир.
- 1947, сентябрь–ноябрь Вступление индийских войск в княжество Джунагадх, проведение плебисцита и присоединение к Индии.
- 1947, 31 декабря Обращение правительства Индии в ООН с жалобой на Пакистан за его действия в Кашмире.
- 1948, 17 января Создание Комиссии ООН по Индии и Пакистану.
- 1948, 13 августа Обнародование плана Комиссии по урегулированию кашмирского кризиса на основе проведения плебисцита в бывшем княжестве.
- 1948, 11 сентября Смерть первого генерал-губернатора Пакистана *Кауд-и-азама* (Великого вождя) М.А. Джинны; сосредоточение властных полномочий в руках премьер-министра Лиакат Али Хана.
- 1948, сентябрь–октябрь Вступление индийских войск в княжество Хайдерабад и присоединение его к Индии.
- 1949, 1 января Соглашение Индии и Пакистана на прекращение огня в Кашмире.
- 1949, 5 января Обнародование нового плана Комиссии ООН по урегулированию конфликта, предусматривающего уточненные правила проведения плебисцита.

1949, март	Одобрение Учредительным собранием Резолюции о целях конституционного устройства, включающей ряд положений исламского характера.
1949, ноябрь – 1950, март	Волна перемещений индусов из восточной части страны (Восточной Бенгалии) в Индию, обострение межобщинных отношений в Индии и Пакистане.
1950, апрель	Подписание в Дели Пакта «Неру – Лиакат Али», предоставляющего гарантии религиозным меньшинствам в Индии и Пакистане.
1950, лето; 1951, лето 1951, март	Поездка премьер-министра Лиакат Али Хана в США. Обострение отношений между Индией и Пакистаном, концентрация войск у границы.
1951, 16 октября 1951, октябрь	Раскрытие антиправительственного «заговора в Равалпинде» (части военных и левой интеллигенции). Убийство премьер-министра Лиакат Али Хана.
1951, декабрь	Избрание премьер-министром Ходжи Назимуддина, назначение Гулам Мухаммада генерал-губернатором.
1952, февраль	Всеобщие выборы в Законодательные собрания Пенджаба и Северо-Западной пограничной провинции, победа Мусульманской лиги.
1952, август	Волнения в Восточной Бенгалии в связи с требованием признать бенгальский государственным языком.
1952, ноябрь- декабрь 1953, февраль	Одобрение специальным Комитетом Учредительного собрания доклада об основных принципах конституционного устройства.
1953, апрель	Обсуждение доклада Учредительным собранием, достижение согласия по основным вопросам.
1953, май	Волнения в Пенджабе против секты <i>ахмадие</i> , введение войск в Лахор.
1954, март	Смещение генерал-губернатором премьер-министра; назначение новым премьером Мухаммад Али Богда.
1954, апрель	Выборы в Законодательное собрание Синда, победа Мусульманской лиги.
1954, май	Выборы в Законодательное собрание Восточной Бенгалии; полное поражение Мусульманской лиги, победа Объединенного фронта.
1954, сентябрь	Согласие Учредительного собрания на признание бенгальского языка в качестве государственного наряду с языком урду.
1954, октябрь	Массовые выступления левых и националистических сил в Восточной Бенгалии, роспуск Законодательного собрания и смещение провинциального правительства.
	Подписание Договора о взаимопомощи в целях обороны между Пакистаном и США.
	Вступление Пакистана в СЕАТО (Организацию договора Юго-Восточной Азии).
	Роспуск генерал-губернатором Учредительного собрания, введение в стране чрезвычайного положения.

1955, март	Опубликование указа генерал-губернатора о намерении создать на месте провинций западной части страны одной провинции Западный Пакистан.
1955, апрель	Острый кризис в пакистано-афганских отношениях в связи с решением Пакистана ликвидировать «пуштунскую» провинцию (СЗПП). Участие Пакистана в Конференции заиатских и африканских стран в Бандунге (Индонезия).
1955, май	Отмена чрезвычайного положения, выборы нового Учредительного собрания членами законодательных собраний провинций.
1955, июнь	Начало работы Второго учредительного собрания.
1955, август	Отставка генерал-губернатора Гулам Мухаммада по болезни, назначение на пост Искандера Мирзы. Избрание премьером Чаудхри Мухаммада Али.
1955, сентябрь	Присоединение Пакистана к Багдадскому пакту.
1955, октябрь	Создание единой провинции Западный Пакистан, переименование провинции Восточная Бенгалия в Восточный Пакистан.
1956, февраль–март	Принятие Учредительным собранием проекта первой конституции.
1956, 23 марта	Вступление в силу Конституции Исламской Республики Пакистан.
1956, март	Вступление в должность президента Искандера Мирзы. Посещение Пакистана делегацией СССР во главе с заместителем председателя совета министров А.И. Микояном.
1956, апрель	Раскол Мусульманской лиги, создание Республиканской партии, формирование в Западном Пакистане правительства во главе с лидером этой партии Хан Сахибом.
1956, июнь	Заклучение первого торгового соглашения между Пакистаном и СССР.
1956, сентябрь	Приход к власти в Восточном Пакистане коалиционного правительства во главе с партией <i>Авами Лиг</i> (Народная лига). Создание федерального кабинета министров во главе с лидером <i>Авами лиг</i> Х.Ш. Сухраварди.
1957, март	Уход в отставку западнопакистанского правительства Хан Сахиба.
1957, апрель-май	Политический кризис в Восточном Пакистане, сохранение у власти правительства <i>Авами лиг</i> .
1957, октябрь	Смена центрального правительства, пост премьера занял лидер Мусульманской лиги И.И. Чундригар.
1957, декабрь	Отставка федерального кабинета министров, образование правительства во главе с одним из руководителей Республиканской партии М.Ф.Х. Нуном.
1958, май	Убийство Хан Сахиба.
1958, июнь	Отставка правительства Восточного Пакистана, введение в провинции президентского правления.

1958, сентябрь	Обострение внутривосточной обстановки в Восточном Пакистане, гибель заместителя спикера Законодательного собрания провинции Восточного Пакистана.
1958, 8 октября	Введение президентом военного положения, приостановка действия конституции, назначение главным временным администратором командующего армией генерала Мухаммада Айюб Хана.
1958, 10 октября	Объявление нового официального названия государства – «Республика Пакистан».
1958, 27 октября	Отставка И. Мирзы с поста президента; его обязанности принял на себя М. Айюб Хан. Верховный суд признал законным происшедший в стране переворот на основе доктрины «необходимости».
1958, 28 октября	Образование кабинета министров «президентского типа»; упразднение поста премьер-министра.
1959, 24 января	Правительство объявило о проведении земельной реформы.
1959, 5 марта	Заключение двустороннего военного соглашения между Пакистаном и США.
1959, 25 марта	Введение закона «О дисквалификации политических деятелей».
1959, 25 октября	М. Айюб Хану присвоено высшее воинское звание – фельдмаршал.
1959, 26 октября	Введена система «Основ демократии» – пятиступенчатая структура местного самоуправления. Нижний уровень составляют комитеты и советы деревень, группы деревень, поселков, городских районов. Эти органы образуются путем всеобщих и прямых выборов. Их члены (80 тыс. чел.) составляют также коллегию по выборам президента, Национального и провинциальных собраний страны.
1959, 12 ноября	Подписание договора о дружбе и торговле между Пакистаном и США.
1959, декабрь – 1960, январь	Выборы в нижнее звено «Основ демократии».
1960, 14 февраля	М. Айюб Хан избран президентом Пакистана.
1960, 19 сентября	Подписание индийско-пакистанского соглашения о распределении вод р. Инда.
1960, 26 октября	Принято решение о строительстве новой столицы Пакистана – Исламабада.
1961, 2 марта	Принятие закона о реформе семейного права.
1961, 4 марта	Подписание советско-пакистанского соглашения о сотрудничестве в разведке нефти.
1961, август	Создание Банка промышленного развития Пакистана.
1961, сентябрь	Создание Государственной корпорации по развитию сельского хозяйства.
1962, 1 марта	Обнародована новая конституция Пакистана.
1962, 28 апреля	Выборы в Национальное собрание.
1962, 6 мая	Выборы в законодательные собрания провинций.

1962, 8 июня	Первое заседание Национального собрания, отмена военного режима и введение в действие новой конституции.
1962, 16 июля	Разрешена деятельность политических партий.
1962, 2 марта	Подписание пакистанско-китайского соглашения о демаркации границы между КНР и районами Кашмира, находящимися под контролем Пакистана.
1963, 1 сентября	Подписание индийско-пакистанского торгового соглашения.
1963, декабрь	Принята первая поправка к конституции 1962 г. На ее основании государство вновь стало называться «Исламская Республика Пакистан».
1964, 10 мая	Открытие прямой авиалинии Карачи–Москва.
1964, 11 июня	Соглашение о культурном и научном сотрудничестве между Пакистаном и СССР.
1964, июль	Достигнута договоренность между Пакистаном, Ираном и Турцией о создании Организации «Региональное сотрудничество в целях развития» (РСД).
1964, 8 октября	Пакистан наложил эмбарго на все экономические связи с ЮАР.
1964, 31 октября	Выборы в органы местного самоуправления.
1965, 2 января	М. Айюб Хан избран президентом на второй срок.
1965, 21 марта	Выборы в Национальное собрание.
1965, 3–11 апреля	Визит президента Пакистана М. Айюб Хана в СССР.
1965, апрель – июнь	Пакистанско-индийский пограничный конфликт в районе Качского ранна.
1965, 16 мая	Выборы в законодательные собрания провинций.
1965, сентябрь	Пакистанско-индийский вооруженный конфликт. Введение в Пакистане чрезвычайного положения.
1965, ноябрь	В Пакистане создано пакистанско-советское культурное общество.
1965, 22 декабря	Пакистан ввел запрет на торговлю с режимом Южной Родезии.
1966, 4–10 января	Встреча в Ташкенте президента Пакистана М. Айюб Хана и премьер-министра Индии Л.Б. Шастри с участием Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина.
1966, 10 января	Принятие Ташкентской декларации.
1966, 25 февраля	Пакистанские и индийские войска отведены на исходные позиции.
1966, март	Лидер партии <i>Авами лиг</i> Шейх Муджибур Рахман выдвинул программу из шести пунктов; ее осуществление означало бы превращение федеративного государственного устройства Пакистана в конфедеративное.
1966, конец марта	Пребывание в Пакистане главы китайского государства Лю Шао-ци.
1966, 25 мая – 6 июня	Визит в Пакистан делегации Верховного Совета СССР.
1966, май	З.А. Бхутто оставил пост министра иностранных дел и перешел в оппозицию режиму М. Айюб Хана.

- 1966, декабрь Принята седьмая поправка к конституции, расширившая права законодательной власти за счет исполнительной.
- 1967, январь-февраль Крупные забастовки рабочих Пакистана.
- 1967, 22–30 марта Создана коалиция «Пакистанское демократическое движение», в которую вошли пять крупных оппозиционных партий различной ориентации.
- 1967, ноябрь Создана Пакистанская народная партия (ПНП) во главе с З.А. Бхутто.
- 1967, декабрь Принята восьмая поправка к конституции. Состав коллегии выборщиков увеличен с 80 тыс. до 120 тыс. человек.
- 1968, апрель Визит А.Н. Косыгина в Пакистан.
- 1968, 10 ноября Покушение на президента М. Айюб Хана.
- 1968, ноябрь Отказ Пакистана продлить срок действия 10-летнего договора с США о размещении американской базы радиослежения в районе г. Пешавара.
- 1969, январь Образование Комитета демократических действий, объединившего восемь политических партий.
- 1969, 14 февраля Общенациональная забастовка, парализовавшая всю страну.
- 1969, 17 февраля Отмена чрезвычайного положения в Пакистане.
- 1969, 26 февраля – 13 марта Работа конференции «круглого стола» – переговоры президента с оппозицией.
- 1969, 25 марта М. Айюб Хан сложил все полномочия и передал власть командующему армией генералу А.М. Яхья Хану. Установление военного режима. Прекращение действия конституции, роспуск законодательных органов, ограничение деятельности политических партий.
- 1970, 1 января Разрешена деятельность политических партий.
- 1970, 30 марта Указ президента об основах законодательства. Проведена дезинтеграция провинции Западный Пакистан на четыре автономные провинции. Установлено, что из 300 членов Национального собрания 162 депутата должны представлять Восточный Пакистан. Отменена система «основ демократии».
- 1970, 22–26 июня Визит президента А.М. Яхья Хана в СССР.
- 1970, 10 ноября Визит президента А.М. Яхья Хана в КНР.
- 1970, 7 декабря Парламентские выборы. Впервые они были всеобщими, прямыми и равными. На первом месте оказалась Авами лиг (160 мандатов), на втором – ПНП (81 мандат).
- 1970, 17 декабря Выборы в законодательные собрания провинций.
- 1971, 22 января Подписано соглашение о содействии СССР в строительстве металлургического завода близ г. Карачи.
- 1971, 5 марта В Восточном Пакистане по призыву Авами лиг началась кампания гражданского неповиновения.
- 1971, 25–26 марта Репрессии властей против участников движения в Восточном Пакистане. Запрет деятельности Авами лиг, арест Шейха Муджибур Рахмана и других руководителей партии.

1971, 26 марта	Провинция Восточный Пакистан провозглашена Независимой Народной Республикой Бангладеш.
1971, март – декабрь	Вооруженная борьба между пакистанскими войсками и отрядами мукти бахини. Массовый поток беженцев в Индию.
1971, 8 ноября	США ввели эмбарго на поставки оружия Пакистану.
1971, 26 ноября	Указ А.М. Яхья Хана о запрете деятельности Национальной народной партии (ННП).
1971, декабрь	Вооруженный конфликт между Пакистаном и Индией.
1971, 16 декабря	Подписание в Дакке акта о капитуляции пакистанских войск.
1971, 20 декабря	Падение режима А.М. Яхья Хана. Приход к власти администрации во главе с З.А. Бхутто. Передача полномочий президента и главного военного администратора Зульфикару Али Бхутто, лидеру Пакистанской народной партии (ПНП).
1972, 8 января	Решение З.А. Бхутто освободить из заключения и выпустить за пределы Пакистана руководителя движения за образование Бангладеш Шейха Муджибур Рахмана.
1972, январь	Начало работы над военной ядерной программой.
1972, январь-февраль	Посещение З.А. Бхутто КНР.
1972, январь-март	Национализация 31 крупного частного предприятия, страховых компаний, провозглашение земельной реформы и реформы трудового права, объявление 1 мая национальным праздником.
1972, март	Визит З.А. Бхутто в СССР.
1972, апрель-май	Отмена военного положения, принятие Национальным собранием временной конституции.
1972, апрель	Образование в Белуджистане и СЗПП правительств во главе с лидерами оппозиции из Национальной народной партии и партии <i>Джамиат-уль-улама-и ислам</i>
1972, 3 июля	Подписание в Симле (индийский штат Химачал-Прадеш) Соглашения о двусторонних отношениях с Индией.
1972, сентябрь	Национализация частных школ и колледжей.
1973, февраль	Отставка правительств в Белуджистане и СЗПП.
1973, апрель	Одобрение Национальным собранием проекта постоянной конституции.
1973, май	Начало вооруженных столкновений в Белуджистане.
1973, август	Достижение в Дели договоренности о начале репатриации из Индии свыше 90 тыс. пакистанских «пленников войны».
1973, август	Вступление в силу Конституции Исламской Республики Пакистана, избрание З.А. Бхутто премьер-министром. Национализация отрасли по производству растительного масла. Арест и заключение под стражу ведущих белуджских политиков (Х.Б. Марри, Г.Б. Бизенджо, А. Менгала).

1973, сентябрь	Визит З.А. Бхутто в США.
1974, январь	Национализация крупных частных банков, реорганизация банковской системы путем учреждения пяти государственных банков.
1974, февраль	Официальное признание Пакистаном Народной Республики Бангладеш. Второй саммит Организации исламской конференции в Лахоре при участии представителей 38 стран.
1974, 18 мая	Подземное испытание Индией ядерного устройства, вызвавшее протесты Пакистана.
1974, май	Визит З.А. Бхутто в КНР.
1974, лето	Пик борьбы белуджских повстанцев с правительственными войсками, действующими при поддержке Ирана.
1974, сентябрь	Принятие Национальным собранием поправки к конституции, объявляющей секту ахмадия немусульманским меньшинством.
1974, октябрь	Визит З.А. Бхутто в СССР.
1975, февраль	Визит З.А. Бхутто в США, отмена введенного в 1965 г. эмбарго на импорт американского вооружения. Убийство главы отделения ПНП в СЗПП А. Шерпао, арест лидера оппозиции А. Вали Хана и его сторонников, предание их суду (специально созданному трибуналу в синдском г. Хайдерабаде).
1975, лето	Предоставление убежища руководителям разгромленных правительством Афганистана сил исламистов (Б. Раббани, Г. Хекматьяру и др.).
1975, ноябрь	Обнародование указов об освобождении малоземельных крестьян от уплаты земельного налога и увеличении налогообложения крупных землевладельцев.
1976, февраль	Назначение на пост начальника штаба армии (главнокомандующего) генерала Мохаммада Зия-уль-Хака.
1976, апрель	Отмена центром «системы сардари» (власти традиционных вождей, сардаров) в Белуджистане.
1976, май	Визит З.А. Бхутто в КНДР и КНР.
1976, июнь	Визит З.А. Бхутто в Афганистан.
1976, июль	Взятие под государственный контроль около 4 тыс. мелких и средних предприятий аграрной промышленности.
1977, 5 января	Провозглашение новой земельной реформы.
1977, 7 января	Объявление о проведении досрочных всеобщих выборов.
1977, январь	Объединение девяти оппозиционных партий в Пакистанский национальный альянс (ПНА).
1977, 28 февраля	Общенациональная забастовка по призыву ПНА.
1977, 7 марта	Выборы в Национальное собрание, победа правящей ПНП, отказ ПНА признать результаты голосования.
1977, 10 марта	Выборы в законодательные собрания провинций при бойкоте ПНА.
1977, март-май	Массовое антиправительственное движение под лозунгами отставки З.А. Бхутто и проведения новых выборов.

- 1977, апрель Введение ограниченного военного положения в Карачи, Хайдерабаде и Лахоре.
Введение З.А. Бхутто «сухого закона» и ряда других шариатских норм.
- 1977, 3 июня – 2 июля Проведение переговоров между ПНП и ПНА об урегулировании кризиса и проведении новых выборов.
- 1977, 5 июля Государственный переворот военных во главе с М. Зия-уль-Хаком; «превентивное заключение» З.А. Бхутто и других политических лидеров.
- 1977, 29 июля Освобождение З.А. Бхутто из-под ареста.
- 1977, 17 сентября Арест З.А. Бхутто по обвинению в организации политического убийства.
- 1977, 1 октября Решение главного военного администратора М. Зия-уль-Хака об отсрочке на неопределенный срок намеченных на начало октября всеобщих выборов.
- 1988, 17 августа Гибель в авиакатастрофе под Бахавалпуром в Панджабе президента генерала М. Зия-уль-Хака, ряда членов высшего командования и посла США.
- 1988, 18 августа Приведение к присяге в соответствии с конституцией председателя сената Гулам Исхак Хана в качестве временно исполняющего обязанности президента.
- 1988, ноябрь Выборы в центральный парламент и законодательные собрания провинций, победа Пакистанской народной партии.
- 1988, декабрь Приведение к присяге правительства ПНП во главе с Беназир Бхутто, избрание президентом Г. Исхак Хана.
- 1988, декабрь Саммит СААРК (Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии) в Исламабаде; подписание трех соглашений между Пакистаном и Индией, в том числе о ненападении на ядерные объекты.
- 1989, январь Визиты Б. Бхутто в Саудовскую Аравию и КНР; встреча премьер-министра с первым заместителем министра иностранных дел СССР Ю.М. Воронцовым в Исламабаде.
- 1989, февраль Завершение вывода советских войск из Афганистана; создание в Пакистане Временного афганского правительства из представителей исламской оппозиции.
- 1989, февраль– март Неудачная попытка афганских муджахедов перейти в наступление, срыв атаки на Джалалабад.
- 1989, апрель Выход министров Народной национальной партии из коалиционного правительства СЗПП, возглавляемого ПНП.
- 1989, июнь Визит Б. Бхутто в США.
- 1989, июль Визит премьер-министра Индии Раджива Ганди в Пакистан.
- 1989, август Обострение межэтнических столкновений в Карачи.
- 1989, октябрь Разрыв соглашения ведущей партии городского Синда *Мухаджир кауми мувмент* с ПНП, переход МКМ на сторону оппозиции.

1989, ноябрь	Визит премьер-министра Госсовета КНР Ли Пэна в Пакистан.
1990, январь	Решение объединенной оппозиции о начале кампании по дестабилизации правительства Б. Бхутто.
1990, февраль	Волна выступлений в поддержку борьбы кашмирцев в Индии. Массовые столкновения мухаджиров и синдхов в Карачи.
1990, апрель–июнь	Непрекращающиеся межэтнические беспорядки в Карачи и других городах Синда; использование армейских частей для восстановления правопорядка.
1990, май	Обострение пакистано-индийских отношений; переговоры в Дели и Исламабаде заместителя госсекретаря США Р. Гейтса. Поездка Б. Бхутто по странам Ближнего и Среднего Востока для разъяснения позиции по кашмирскому вопросу.
1990, июль	Визиты Б. Бхутто в Ирак, Марокко, Алжир и страны Залива.
1990, 6 августа	Роспуск президентом Национального собрания и федерального правительства.
1990, август	Приведение к присяге временного правительства во главе с Г.М. Джатоем.
1990, 1 октября	Решение США об отказе в выполнении обязательств по предоставлению Пакистану военно-экономической помощи из-за его усилий по созданию ядерного оружия (введение поправки Пресслера).
1990, октябрь	Всеобщие парламентские выборы, победа Исламского демократического альянса.
1990, ноябрь	Приведение к присяге правительства ИДА во главе с М. Наваз Шарифом.
1991, февраль	Визит премьер-министра М.Н. Шарифа в КНР.
1991, ноябрь	Посещение Москвы и столиц республик Средней Азии пакистанской коммерческой делегацией во главе с министром экономики С.А.А. Али.
1991, декабрь	Визит в Пакистан российского вице-президента А.В. Руцкого.
1992, апрель	Посещение Н. Шарифом захваченного муджахедами Кабула.
1992, апрель–май	Уличная война между группировками мухаджиров в Карачи, введение в город войск для наведения порядка, отъезд лидера МКМ А. Хуссейна в Лондон.
1993, апрель	Визит в Пакистан министра иностранных дел РФ А.В. Козырева.
1993, 18 апреля	Роспуск президентом Национального собрания, отставка правительства Н. Шарифа, приведение к присяге временного кабинета министров, возглавляемого Ш.Б. Мазари.
1993, 30 мая	Признание Верховным судом Пакистана незаконными указов президента об отстранении правительства Н. Шарифа, восстановление его полномочий.

1993, 17 июля	Одновременная отставка президента и премьер-министра, приведение к присяге в качестве и.о. президента председателя Сената В. Саджада и временного правительства во главе с М. Куреши.
1993, июль-август	Проведение кабинетом серии либеральных экономических реформ.
1993, октябрь	Выборы в Национальное собрание и провинциальные законодательные собрания, победа ПНП, избрание президентом Ф.А.Х. Легхари, начало функционирования второго правительства Б. Бхутто.
1993, декабрь	Визит премьер-министра Б. Бхутто в КНР.
1994, октябрь	Начало поддержки Пакистаном афганского движения Талибан.
1994, декабрь	Вывод армейских частей из Карачи, начало уличной войны.
1995, январь	Визит в Пакистан министра обороны США У. Перри.
1995, апрель	Визит Б. Бхутто в США.
1995, январь-апрель	Столкновения в Карачи между мухаджирами и синдхами, сторонниками ПНП и МКМ, суннитами и шиитами.
1995, сентябрь	Принятие Конгрессом США благоприятной для Пакистана поправки Х. Брауна, частичное возобновление американской военной помощи. Раскрытие заговора исламистски настроенных военных с целью захвата власти.
1995, октябрь	Кровавые разборки между суннитами и шиитами в Лахоре и других городах Панджаба.
1996, март	Появление разногласий между премьером и президентом по поводу назначения судей Верховного суда.
1996, 20 сентября	Убийство в перестрелке с полицией брата Б. Бхутто – Муртазы.
1996, 5 ноября	Указ президента об отставке правительства и роспуске федерального парламента и провинциальных легислатур.
1996, ноябрь	Назначение временного правительства М.М. Халида.
1997, февраль	Всеобщие выборы, убедительная победа Пакистанской мусульманской лиги, начало деятельности второго правительства М. Наваз Шарифа. Принятие Национальным собранием 13-й поправки к конституции, отменяющей право президента отправлять правительство в отставку и распускать парламент, сосредоточение полноты власти в руках премьер-министра.
1997, лето	Межсектантские столкновения в Панджабе.
1997, август	Принятие парламентом антитеррористического закона, дающего правительству расширенные полномочия по борьбе с оппозицией.
1997, октябрь	Принятие нижней палатой парламента 15-й поправки к конституции, провозглашающей Коран и сунну верховным законом страны.

- 1997, ноябрь Заключение в тюрьму мужа Б. Бхутто бывшего министра А.А. Зардари.
Досрочный уход в отставку начальника штаба армии Дж. Карамата, назначение на этот пост генерала П. Мушаррафа.
- 1997, декабрь Борьба за властные полномочия между премьер-министром и президентом, отставка Ф. Легхари, избрание президентом М.Р. Тарара.
- 1998, январь Беспорядки в Лахоре на почве вражды между суннитами и шиитами, волна погромов в Панджабе.
- 1998, февраль Разрыв союза между ПМЛ и Народной национальной партией.
- 1998, 28 и 31 мая Проведение Пакистаном испытаний шести ядерных зарядов на подземном полигоне в Чагаи.
- 1998, июль Встреча М. Наваз Шарифа и премьер-министра Индии А.Б. Ваджпаи в Коломбо на очередном саммите СААРК.
- 1998, декабрь Официальный визит М.Н. Шарифа в США.
- 1999, февраль Прибытие А.Б. Ваджпаи в Лахор, подписание им и Н. Шарифом Лахорской декларации.
- 1999, апрель Осуждение высшим судом Лахора Б. Бхутто (заочно) и А.А. Зардари на пять лет лишения свободы.
Официальный визит М.Н. Шарифа в РФ.
Визит в Пакистан делегации российской Государственной думы.
- 1999, май Начало Каргильского военного конфликта (мини-войны) между Пакистаном и Индией на линии контроля в Джамму и Кашмире.
- 1999, июнь Визиты в КНР министра иностранных дел Пакистана С. Азиза и премьер-министра Н. Шарифа.
- 1999, июль Визит премьер-министра Пакистана в США.
Окончание вооруженного конфликта с Индией, отступление Пакистана.
- 1999, 10 октября Решение Н. Шарифа о смещении начальника штаба армии со своего поста.
- 1999, 12 октября Государственный переворот военных, переход власти в руки начальника Генштаба П. Мушаррафа.
- 1999, 14 октября Указ о введении в Пакистане чрезвычайного положения. Генерал П. Мушарраф объявлен главой исполнительной власти.
- 1999, 15 октября Объявление о временной приостановке действия конституции и высших законодательных органов. Правительство уволено в отставку, Наваз Шариф предан суду; в дальнейшем приговорен к пожизненному заключению, которое в 2000 г. заменено высылкой из страны.
- 1999, 18 ноября Создание Национального бюро реконструкции (НБР) для разработки планов основных государственно-политических мероприятий.

2000, апрель	П. Мушарраф провозгласил общенациональную кампанию по соблюдению прав человека в Пакистане.
2000, 12 мая	Верховный суд оправдал приход армии к власти, наделил новый режим правом вносить определенные поправки в конституцию, обязал провести всеобщие выборы в течение трех лет.
2000, 14 августа	Принят план действий «Путь к демократии» для восстановления гражданского правления к октябрю 2002 г. Из административно-территориальной структуры исключена область.
2000, 31 декабря – 2001, 14 августа	Проведены выборы в органы местного самоуправления на непартийной основе.
2001, март	Отставка ряда руководителей и специалистов-ядерщиков во главе с «отцом пакистанской атомной бомбы» А. Кадир Ханом
2001, июнь	Распущены формально существовавшие высшие законодательные органы власти – Национальное и провинциальные собрания. П. Мушарраф принял на себя полномочия президента.
2001, сентябрь – октябрь	Пакистан отказался от поддержки талибов и примкнул к международной антитеррористической коалиции в Афганистане. Усилилась борьба с исламорадикализмом. США сняли с Пакистана введенные ранее санкции.
2001, октябрь	Продление срока пребывания П. Мушаррафа на посту начальника штаба армии. Одновременно он покинул не очень значительную должность председателя Объединенного комитета начальников штабов.
2002, 30 апреля	По итогам проведенного референдума продлен на пять лет срок пребывания П. Мушаррафа на посту президента Пакистана.
2002, 4 июня	Встреча В.В. Путина и П. Мушаррафа в Алма-Ате.
2002, август	Изменения избирательной системы. Возрастной ценз снижен до 18 лет. Увеличен состав Национального собрания, Сената и законодательных собраний провинций. Отменена куриальная система выборов.
2002, 20 августа	Создана проправительственная партия ПМЛ(К).
2002, 21 августа	Принятие Указа о пределах законной деятельности. Он объявлял действующими после прекращения чрезвычайного положения все указы и распоряжения, сделанные в этот период, и о возобновлении после всеобщих выборов действия конституции со всеми сделанными поправками.
2002, 10 октября	Всеобщие выборы в Национальное собрание страны и законодательные собрания провинций.
2002, октябрь	Создание правящей коалиции во главе с ПМЛ(К).
2002, октябрь – ноябрь	Отвод от границы пакистанских и индийских регулярных войск.

2002, 16 ноября	П. Мушарраф приведен к присяге в качестве президента страны.
2002, 21 ноября	М.З.Х. Джемали занял пост главы правительства Пакистана.
2003, 4–6 февраля	Официальный визит президента П. Мушаррафа в Россию.
2003, 24 февраля	Выборы членов Сената.
2003, 12 марта	Введена в действие Конституция страны.
2003, апрель	Начало индо-пакистанского переговорного процесса.
2003, сентябрь	Обнародована доктрина П. Мушаррафа «Просвещенная умеренность».
2003, декабрь	Два покушения на П. Мушаррафа.
2003, 31 декабря	Принята 17-я поправка к конституции. Президенту передается значительная часть полномочий премьер-министра.
2004, 1 января	Коллегия выборщиков-депутатов Национального и провинциальных законодательных собраний вынесла вотум доверия президенту П. Мушаррафу.
2004, 17 января	Первое выступление президента П. Мушаррафа на совместном заседании обеих палат парламента.
2004, январь	Визит в Пакистан индийского премьер-министра А.Б. Ваджпаи; встречи с президентом и главой правительства Пакистана. Достигнута договоренность о проведении «комплексного диалога» – обсуждения основных проблем двусторонних отношений.
2004, апрель	Создание Совета национальной безопасности (СНБ).
2004, май	Принят закон об усилении ограничений и наказаний за вывоз ядерных, биологических, химических и ракетных технологий.
2004, июнь	Администрация США отнесла Пакистан к числу «главных союзников не членов НАТО».
2004, 28 августа	Пост главы правительства занял министр финансов, крупный экономист Шаукат Азиз.
2004, 1 ноября	Парламент принял решение разрешить П. Мушаррафу совмещать президентский пост с ключевой военной должностью начальника штаба армии.
2005, 5 июля	Пакистану предоставлен статус наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества.
2005, 18 августа – 6 октября	Выборы в органы местного самоуправления на непартийной основе.
2005, 8 октября	Сильное землетрясение в Пакистане. Многие страны, включая Россию, оказали стране большую помощь.
2005, 14 декабря	Покушение на П. Мушаррафа в Белуджистане.
2006, 26 августа	Гибель при столкновении с войсками одного из руководителей белуджских повстанцев М.А.Х. Бугти – «Тигра Белуджистана».
2006, сентябрь	Встреча премьер-министра Индии Манмохана Сингха и президента Пакистана П. Мушаррафа в кулуарах саммита неприсоединившихся государств в Гаване.

2006, октябрь	В Исламабаде прошел второй Всемирный экономический форум мусульманских государств («мусульманский Давос»).
2006, 1 декабря	Принят закон «О защите прав женщин».
2007, 11–13 апреля	Визит в Пакистан главы российского правительства М.Е. Фрадкова.
2007, 21 января	Начало конфликта между властями и исламистами из Красной мечети и двух медресе.
2007, 9 марта	Президент отстранил от исполнения обязанностей главного судью Пакистана И.М. Чоудхри.
2007, 4 июня	В Исламабаде введен комендантский час.
2007, 10–11 июля	Штурм комплекса Красной мечети и разгром находившихся там воинствующих исламистов.
2007, 20 июля	Полный состав Верховного суда восстановил И.М. Чоудхри в должности главного судьи Пакистана.
2007, 6 октября	Состоялись выборы президента Пакистана; им был избран П. Мушарраф.
2007, 3 ноября	В стране введено чрезвычайное положение.
2007, 15 ноября	Завершился срок действия Национального собрания Пакистана.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агеев В.Ф.* Новейшая история Синда. М., 1986.
2. *Аристова Л.Б.* Производственная инфраструктура Пакистана. М., 1978.
3. Афганистан и сопредельные страны. Отв. ред. М.Р. Арунова. М., 2003.
4. Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен. Отв. ред. М.Р. Арунова. М., 2006.
5. Афганистан: война и проблемы мира. Отв. ред. А.Д. Давыдов. М., 1998.
6. *Ахтар С.М.* Экономика Пакистана. М., 1957.
7. *Белокреницкий В.* Исламский радикализм Пакистана: эволюция и роль в регионе // Центральная Азия и Кавказ. Лулеа (Швеция), 2000, № 6.
8. *Белокреницкий В.Я.* Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX – 80-е годы XX в.). М., 1988.
9. *Белокреницкий В.Я.* Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М., 1982.
10. *Белокреницкий В.Я.* Персоналистский авторитаризм в Пакистане (к вопросу о политической культуре и режиме власти в восточном варианте) // Восток/Orients, № 6, 2005.
11. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* Пакистан (социально-экономические проблемы развивающихся стран). М., 1981.
12. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в современном политическом мире. Взгляд из Москвы. Нью Йорк, 2001.
13. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике. М., 2003.
14. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* Пакистан 70-х годов: некоторые черты развития // Народы Азии и Африки, 1979, № 4.
15. Ближний Восток и современность. Сб. статей. Отв. ред. М.Р. Арунова, А.О. Филоник. Вып.17. М., 2003.

16. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2002.
17. *Ганковский Ю.В.* Административная реформа 1955 г. в Западном Пакистане // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, вып. XXXI, 1959.
18. *Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р.* История Пакистана. М., 1961.
19. *Ганковский Ю.В.* Народы Пакистана (основные этапы этнической истории). М., 1964.
20. *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.
21. *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Политическое положение в Пакистане. (государственный переворот 1958 г. и военная диктатура). М., 1960.
22. *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана. М., 1975.
23. *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной жизни Индии и Пакистана. М., 1963.
24. *Датт П.* Индия сегодня. М., 1948.
25. *Дьяков А.М.* Индия во время и после окончания второй мировой войны. М., 1952.
26. *Жмуйда И.В.* Внешнеэкономические связи Пакистана. М., 1981.
27. *Жмуйда И.В.* Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е годы). М., 1988.
28. *Замараева Н.А.* Студенческое движение в Пакистане. М., 2005.
29. Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграция и конфликты. Отв. ред. В.И. Максименко. М., 1995.
30. Западная Азия: этнополитическая ситуация. Отв. ред. М.С. Лазарев. М., 1993.
31. Индия. Общество, власть, реформы. Отв. ред. Е.Ю. Ванина, В.П. Кашин. М., 2003.
32. Индия: страна и ее регионы. Под ред. Е.Ю. Ваниной. М., 2000.
33. История Востока. Т. V. Восток в новейшее время (1914–1945). Отв. ред. Р.Г. Ланда. М., 2006.

34. *Каменев С. Н.* Социально-экономическое развитие Пакистана за годы независимости // Ближний Восток и современность. Сб. статей. Отв. ред. М.Р. Арунова, А.О. Филоник. Вып. 17. М., 2003.
35. *Каменев С.Н.* Пакистан. Государственные финансы и экономическое развитие. М., 1982.
36. *Каменев С.Н.* Экономический рост Пакистана (анализ общественного продукта). М., 1977.
37. Капитализм на Востоке во второй половине XX в. Отв. ред. В.Г. Рястянников, Г.К. Широков. М., 1995.
38. Категории политической науки. Под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 2002.
39. *Кепель Ж.* Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004.
40. Китай в мировой политике. Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М., 2001.
41. *Коргун В.Г.* История Афганистана XX век. М., 2004.
42. *Левин С.Ф.* Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970.
43. *Левин С.Ф.* Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане. М., 1983.
44. *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995.
45. *Морозова М.Ю.* Современная пакистанская деревня. Особенности социально-экономической эволюции. М., 1986.
46. *Москаленко В.* Восстановление гражданского правления в Пакистане // Специальный бюллетень Института востоковедения. М., 1990, № 3.
47. *Москаленко В.Н.* Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы эволюции). М., 1984.
48. *Москаленко В.Н.* Проблемы современного Пакистана. М., 1970.
49. *Москаленко В.Н., Топычанов П.В.* Исламская Республика Пакистан. Эволюция избирательной системы // Журнал о выборах. М., 2006, № 3.
50. *Москаленко В.Н., Сидоров М.А.* Пакистан: трудный путь развития. М., 1979.
51. *Москаленко В.Н.* Основные черты и особенности политического развития Пакистана // Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003,

52. *Москаленко В.Н.* Проблемы современного Пакистана. М., 1970.
53. *Мукиджанова Р.М.* Пакистан и империалистические державы. 70-е – начало 80-х годов. М., 1984.
54. *Мукиджанова Р.М.* Пакистан, Южная Азия и политика США. М., 1974.
55. *Нараин Л.* Экономика Индии. М., 1961.
56. *Насенко Ю.П.* Дж. Неру и внешняя политика Индии. М., 1975.
57. Пакистан в современном мире. Ред. коллегия: С.Н. Каменев, И.В. Серенко. М., 2005.
58. Пакистан при гражданском правительстве Беназир Бхутто. Науч. ред. В.Н. Москаленко. Специальный бюллетень Института востоковедения. М., 1991, № 3.
59. Пакистан при режиме М. Зия-уль-Хака. Науч. ред. В.Я. Белокреницкий и В.Н. Москаленко. Специальный бюллетень Института востоковедения. М., 1988, № 1.
60. Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сборник статей памяти Ю.В. Ганковского. М., 2004.
61. Пакистан. Справочник. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1977.
62. Пакистан. Справочник. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1991.
63. Пакистан: история и экономика. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1980.
64. Пакистан: проблемы политики и экономики. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1978.
65. *Паничкин Ю.Н.* Образование Пакистана и пуштунский вопрос. М., 2005.
66. *Плешов О.В.* Ислам и политическая культура в Пакистане. М., 2005.
67. *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003.
68. *Пономарев Ю.А.* История Мусульманской лиги Пакистана. М., 1982.
69. *Растянников В.Г., Кузьмин С.А.* Проблемы экономики Пакистана. М., 1958.
70. *Ревякин А.В.* История международных отношений в Новое время. М., 2004.

71. *Серенко И.В.* Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006.
72. Системная история международных отношений в 4-х томах. 1918–2003. Т. 3. События 1945–2003. Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2003.
73. *Сотников В.Н.* Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М., 2003.
74. СССР и Пакистан. Отв. ред. И.В.Халевинский. М., 1984.
75. *Сухочев А.С.* Споры о судьбах прогрессивного движения в пакистанской литературе урду // Народы Азии и Африки. М., 1974, № 2.
76. *Тансыкбаева С.И.* Крестьянство Пакистана. Ташкент, 1969.
77. *Троценко Г.П.* Национальный вопрос в Синде. М., 1990.
78. *Уолперт С.* Джинна – творец Пакистана. М., 1997.
79. Центрально-Азиатский макрорегион и Россия. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 1993.
80. *Шерковина Р.И.* Политические партии и политическая борьба в Пакистане. М., 1983.
81. *Шилин А.А.* Стратегический баланс в Южной Азии. М., 2004.
82. Экономическое развитие Пакистана (60-е годы). Отв. ред. С.Ф. Левин. М., 1974.
83. Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1998.
84. Южная Азия: конфликты и компромиссы. Отв. ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М., 2004.
85. Ядерное оружие после «холодной войны». Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М., 2006.
86. Ядерное противостояние в Южной Азии. Под ред. А. Арбатова и Г. Чуфрина. М., 2005.
87. Ядерное противостояние в Южной Азии. Под ред. А. Арбатова и Г. Чуфрина. М., 2005.
88. *Яковлев М.* Аграрный Пакистан. М., 1968.
89. A Year of Achievements. 27-th October 1958–1959. Lahore, 1959.
90. *Ahmed A.S.* Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. L., 1997.
91. *Ahmed A.S.* Resistance and Control in Pakistan. L., 1991.
92. *Akhtar S.M.* Economic Development of Pakistan. Vol. 1. Lahore, 1975.

93. *Akhtar S.M.* Economic Development of Pakistan. Vol. 3. Lahore, 1979.
94. *Ali C.M.* The Emergence of Pakistan. N.Y., 1967.
95. *Ali T.* Can Pakistan Survive? The Death of a State. Harmondsworth, 1983.
96. *Alvi H., Khusro A.* Pakistan and the Burden of USA Aid. Karachi, 1965.
97. America-Pakistan Relations. Documents. Vol. 1. Lahore, 1984.
98. *Amin T.* Pakistan in 1993. Asian Survey, vol. XXXIV, 1994, № 2.
99. *Andrus J.R., Azizali F.M.* Trade, Finance and Development in Pakistan. Karachi, 1966.
100. *Andrus J.T., Mohammed A.F.* Trade, Finance and Development in Pakistan. Karachi, 1969.
101. Annual Report of the Colombo Plan. L., 1970.
102. *Ayub Khan M.* Friends not Masters. A Political Autobiography. Lahore, Karachi, Dacca, 1967.
103. Basic Data of the Economy of Pakistan // World Trade Information Service. Wash., 1958, part I, № 5–6.
104. *Bence-Jones M.* The Viceroy of India. L., 1982.
105. *Bennett-Jones O.* Pakistan: Eye of the Storm. Yale, 2002.
106. *Bhutto Z.A.* The Myth of Independence. Karachi, 1969.
107. *Brown J.M.* Modern India. The Origins of an Asian Democracy. Second Edition. Oxford, 1994.
108. *Burke S.M.* Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policy. Minneapolis, 1974.
109. *Burki Sh.J.* Pakistan under Bhutto 1971–1977. L., 1980.
110. *Burki Sh.J.* Pakistan. A Nation in the Making. Karachi, 1986.
111. *Callard K.* Pakistan. A Political Study. L., 1957.
112. *Cambell R.D.* Pakistan. Emerging Democracy. Toronto, N.Y., L., 1963.
113. Central Asia at the End of the Transition. Ed. B. Rumer. N.Y., 2005.
114. *Cheema P.I.* Pakistan's Defence Policy, 1947–1958. L., 1990.
115. *Churchill W.S.* My Early Life, 1874–1908. Glasgow (Tenth Impression), 1974.
116. *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction. Wash., 2002.
117. *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan. Lahore, 2005.
118. *Cohen S.P.* The Pakistan Army. Berkeley, 1984.

119. Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. The Gazette of Pakistan. Islamabad, April 12, 1973.
120. *Cordovez D., Harrison S.S.* Out of Afghanistan. The Inside Story of the Soviet Withdrawal. N.Y., 1995.
121. Economic Survey 1993–1994. Islamabad, 1994.
122. Election Manifesto of the Pakistan People's Party 1970. Karachi, 1971.
123. Electorates. Separate or Join? Karachi (s. a.).
124. *Feldman H.* Revolution in Pakistan. A Study of the Martial Law Administration. Oxford, 1967.
125. Foreign Economic Aid to Pakistan. Rawalpindi, 1962.
126. Founding Fathers of Pakistan. Islamabad, 1981.
127. Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban. Ed. W. Maley. Lahore, 1998.
128. *Ganguli S.* Conflict Unending. India-Pakistan Tensions since 1947. N.Y., 2001.
129. *Gankovsky Y.V., Gordon-Polonskaya L.R.* A History of Pakistan. Lahore, 1968.
130. *Gankovsky Yu. V.* The Peoples of Pakistan. Lahore, undated.
131. *Gauhar A.* Ayub Khan. Pakistan's First Military Ruler. Oxford, 1996.
132. *General M.* Ayub Khan. Message to the Nation. Karachi, 1958.
133. *Gilmartin D.* Empire and Islam: Punjab and the Making of Pakistan. Berkeley, 1988.
134. Handbook of Workmen's Compensation Legislation. Karachi, 1962.
135. *Haq F.* Rise of the MQM in Pakistan: Politics of Ethnic Mobilization. Asian Survey, 1995, 11.
136. *Haq M.* The Strategy of Economic Planning. A Case Study of Pakistan. Karachi, 1964.
137. *Haqqani H.* Pakistan: Between Mosque and Military. Islamabad, 2006.
138. *Harrison S.S.* In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations. N.Y., 1981.
139. *Hunter W.W.* The Indian Mossulmans. Reprint. Calcutta, 1945.
140. *Ikram S.M.* Modern Muslim India and the Birth of Pakistan. Lahore, 1970.
141. In the World of the President. Karachi, 1960.
142. Islam and the Modern Challenge. Karachi, 1962.

143. *Jalal A.* The Sole Spokesman: Jinnah, The Muslim League and the Demand for Pakistan. Cambridge, 1985.
144. *Jha P.S.* Kashmir 1947. Rival Versions of History. Delhi, 1996.
145. *Kemp J., Harkavy R.* Strategic Geography and the Changing Middle East. Wash., 1997.
146. *Kennedy C.H.* The Politics of Ethnicity in Sindh. Asian Survey, vol. XXXI, 1991, 10.
147. *Khan Sh.R.* Pakistan Under Musharraf (1999–2002). Lahore, 2004.
148. *Kochanek S.A.* Interest Groups and Development: Business and Politics in Pakistan. Delhi, 1983.
149. *Kochanek S.A.* Interest Politics in Pakistan: The Growing Power of Business. Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Villanova, 1997, vol. XX, № 3.
150. *Kux D.* The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies. Wash., 2001.
151. Lahore High Court. Summary of Judgement on Murder Trial. State vs Zulfikar Ali Bhutto and others. Islamabad, undated.
152. *Lamb A.* Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. L., 1994.
153. *Lamb A.* Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. L., 1991.
154. *Longer V.* The Defense and Foreign Policies of India. New Delhi, 1988.
155. *Low D.A.* Britain and Indian Nationalism. The imprint of ambiguity. 1929–1942. Cambridge, 1999.
156. *Malik H.* Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–1992. N.Y.–L., 1994.
157. *Malik I.H.* State and Civil Society in Pakistan. Politics of Authority? Ideology and Ethnicity. L., 1997.
158. *Malik G.* Change in Laws in Pakistan // Eastern World. L., 1959, vol. XII, № 12.
159. *Mathur Y.B.* Growth of Muslim Politics in India. Delhi, 1979.
160. *Maudoodi A.* The Islamic Law and Its Introduction in Pakistan. Karachi, 1955.
161. *Mazari S.M.* The Kargil Conflict 1999. Separating Fact From Fiction. Islamabad, 2003.
162. *Menon V.P.* The Transfer of Power in India. Princeton, 1957.
163. *Metcalf B.D.* Islamic Revival in British India, 1860–1900. Princeton, 1982.

164. *Minault G.* The Khilafat Movement. Religious Symbolism and Political Mobilization in India. N.Y., 1982.
165. *Moore R.J.* Escape from Empire. The Attlee Government and the Indian Problem. Oxford, 1983.
166. *Moreland W.H., Chatterjee A.C.* A Short History of India. L., 1945.
167. *Musharraf P.* In the Line of Fire. A Memoir. N.Y., 2006.
168. Our Financial Policy. Karachi, 1961.
169. Our Labour Policy. Karachi, 1959.
170. Outline of the Third Five Year Plan (1965–1970). Karachi, 1964.
171. Pak Afghan Discord. A Historical Perspective (Documents 1955–1979). Karachi, 1990.
172. Pakistan 2003. Statistical Pocket Book. Islamabad, 2003.
173. Pakistan Almanac, 2002–2003. Essential Data on Pakistan. Karachi, 2003.
174. Pakistan Economic Survey. 1964–1965. Rawalpindi, 1965.
175. Pakistan Economic Survey. 1972–1973. Islamabad, 1977.
176. Pakistan Economic Survey. 1973–1974. Government of Pakistan. Islamabad, 1974.
177. Pakistan Economic Survey. 1976–1977. Government of Pakistan, Islamabad, 1977.
178. Pakistan Economic Survey. 1978–1979. Islamabad, 1979.
179. Pakistan Economic Survey. 1982–1983. Islamabad, 1983.
180. Pakistan Economic Survey. 1985–1986. Islamabad, 1986.
181. Pakistan Economic Survey. 1986–1987. Islamabad, 1987.
182. Pakistan Economic Survey. 1966–1967. Rawalpindi, 1967.
183. Pakistan Economic Survey. 1999–2000. Islamabad, 2000.
184. Pakistan Economic Survey. 2001–2002. Islamabad, 2002.
185. Pakistan Economic Survey. 2004–2005. Islamabad, 2005.
186. Pakistan Local Bodies Elections: Report of the Commonwealth Expert Team. L., 2005.
187. Pakistan. 1958–1959. Karachi, 1959.
188. Pakistan. 1961–1962. Karachi, 1962.
189. Pakistan. An Investment Survey. L., 1964.
190. Pakistan. Basic Facts. Karachi, 1955.
191. Pakistan – Basic Facts. Karachi, 1966.
192. Pakistan: Founders' Aspirations and Today's Realities. Ed. H. Malik. N.Y., 2001.

193. *Palmer N.D.* The United States and Pakistan // Current History. Philadelphia, 1958, vol. 34, № 199.
194. *Papanek G.F.* Pakistan's Development: Social Goals and Private Incentives. Cambridge, Mass., 1967.
195. Political Parties. Their Policies and Programmes. Lahore, 1971.
196. *Quaid-i-Azam M.A. Jinnah.* Speeches as Governor-General of Pakistan, 1947–1948. Karachi, s.a.
197. *Rais R.B.* Pakistan in 1988. Asian Survey, Berkeley, 1989, vol. XXIX, № 2,
198. *Rashid A.* Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia. New Haven, 2002.
199. *Raza M.A.* The Industrial Relations System of Pakistan. Karachi, 1961.
200. Report of the Constitution Commission. Pakistan, 1961. Karachi, 1962.
201. *Rizvi H.A.* Pakistan People's Party. The First Phase: 1967–1971. Lahore, 1973.
202. *Rizvi H.-F.* The Military and Politics in Pakistan. 1947–1986. Lahore, 1986.
203. Russia and Asia. The Emerging Security Agenda. Ed. G. Chuftrin. Oxford, 1999.
204. *Samin Khan.* Pakistan; Ideology, Constitution, Laws, Foreign Policy. Karachi, 1961.
205. *Sawhney R.G.* Zia's Pakistan. New Delhi, 1985.
206. *Sayeed K.B.* The Political System of Pakistan. Boston, 1967.
207. *Sayyed K.B.* Politics in Pakistan: The Nature and Direction of Change. N.Y., 1980.
208. *Shafqat S.* Pakistan under Benazir Bhutto. Asian Survey, vol. XXXVI, 1996, № 7.
209. *Shaumian T.* Tibet. The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi, 2000.
210. *Shoaib M.* Pakistan's Economic Growth since 1958. Karachi, 1969.
211. *Siddiq A.* Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, 2007.
212. *Smith V.A.* The Oxford History of India. Fourth Edition. Ed. P. Spear. Delhi, 1981.
213. Socio-Economic Objectives of the Fourth Five Year Plan (1970–1975). Islamabad, 1968.

214. Soviet-American Relations with Pakistan, Iran and Afghanistan. Ed. H. Malik. N. Y., 1987.
215. *Spear P.* India. A Modern History. Ann Arbor, 1961.
216. Statistical Pocket-Book of Pakistan, 1965, Karachi, 1965.
217. *Symonds R.* The Making of Pakistan. L., 1951.
218. *Talbot I.* Pakistan. A Modern History. L., 1998.
219. *Talbott S.* Engaging India. Diplomacy, Democracy and the Bomb. Wash., 2004.
220. Targets and Achievements Pakistan's Second Plan. Karachi, 1965.
221. *Taseer S.* Bhutto. A Political Biography. L., 1979.
222. Tax Concessions for Industries. Karachi, 1961.
223. Taxation of Income and Concession to Industry in Pakistan. Karachi, 1960.
224. Text of Finance Minister's Speech on Exchange Reform. Islamabad, 1972.
225. Text of the LFO. Islamabad, August 21, 2002.
226. The Basic Democracies Order. 1959. Karachi, 1959.
227. The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. Karachi, 1956.
228. The Constitution of the Republic of Pakistan, Karachi, 1962.
229. The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan, Karachi, 1973.
230. The Fifth Five Year Plan (1978–1983). Islamabad, Government of Pakistan, 1978.
231. The First Five Year Plan (1955–1960). Karachi, 1957.
232. The First Five Year Plan 1955–1960 (Draft). Karachi, 1956.
233. The Forward March. One Year of Revolution in Pakistan. Karachi, 1959.
234. The Fourth Five Year Plan (1970–1975). Islamabad, 1970.
235. The Second Five Year Plan (1960–1965). Karachi, 1960.
236. The Statesman's Year Book. 1962. L., 1962.
237. The Third Five Year Plan (1965–1970). Karachi, 1965.
238. The Transfer of Power. 1942–1947. Vol. 7. Ed. P. Mansergh. L., 1977.
239. The Transfer of Power. Documents of the Foreign Relations of Pakistan. Karachi, 1966.
240. The World Development Indicators 2001. Wash., 2001.

241. *Thorburn S.S.* Mosulmans and Money-Lenders in the Punjab. Edinburgh, 1886.
242. Towards Consolidation. Karachi, 1960.
243. *Waslekar S.* The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Mumbai, 2005.
244. West Pakistan Year Book. 1960. Lahore, 1960.
245. West Pakistan Year Book. 1960. Lahore, 1961.
246. West Pakistan Year Book. 1962. Lahore, 1963.
247. White Paper on the Budget for 1959–60. Karachi, 1959.
248. *Wilcox W.A.* India, Pakistan and the Rise of China. N.Y., 1964.
249. *Wilder A.R.* Changing Patterns of Punjab Politics in Pakistan. Asian Survey, vol. XXXV, 1995, № 4.
250. *Wolpert S.* A New History of India. Sixth Edition. New York, 2000.
251. *Wolpert S.* Zulfi Bhutto of Pakistan. His Life and Times. N.Y., 1993.
252. *Yousaf M., Adkin M.* Afghanistan – The Bear Trap. The Defeat of a Superpower. Barnsley, 2001.
253. *Zahid H., Steer I.* Frontline Pakistan: The Struggle with Militant Islam. Lahore, 2007.
254. *Ziring L.* Pakistan in 1989. Asian Survey, vol. XXX, 1990.
255. *Ziring L.* Pakistan in 1990. Asian Survey, 1991, № 2.

256. *Ниязи К.* Ор лайн кат гайа (Рубикон перейден). Лахор, 1987 (на яз. урду).
257. *Шубли А.Р.* Баис ханваде (Двадцать два семейства). Лахор, 1972 (на яз. урду).
258. *Маудуди А.А.* Ислам аур джадид моаши назарийат (Ислам и современные экономические воззрения). Лахор, 1959 (на яз. урду).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

- Аббаси З.И., 385
Абдулла, Шейх Мухаммед, 80, 88, 117, 118
Абдул Рахман Хан, эмир, 18
Ага Хан III, 35, 42
Ага Хан IV, 114, 255
Агеев В.Ф., 22, 481, 512
Адамджи, 114, 177, 257, 303, 364
Азад, Абул Калам, 38, 46, 49, 62, 64, 66
Азиз С., 395, 403, 428
Азиз, Шаукат, 440, 448, 467, 470, 473
Азимов С., 289
Айюб Хан, Гохар, 177
Айюб Хан, Мухаммад, 21, 88, 104, 136–139, 141–147, 152, 153, 157, 161, 162, 165, 167, 168, 172–174, 177, 181, 182, 191, 193, 195, 196, 199, 200, 202, 203, 205, 211, 214, 215, 217–223, 226, 227, 230, 232, 234, 240, 246, 260, 266, 284, 285, 294, 307, 330, 421, 488
Акбар, 13, 14
Акбар, Саид, 100
Алауддин Хилджи, 11
Александр А.В., 66
Александр Македонский, 8, 474
Али С.А.А., 371
Али, Амир, 34
Али, Дж.Садик, 365
Али, Мохаммед, 106
Али, Тарик, 503
Али, Чаудри Рахмат, 53, 482
Али, Чаудхри Мухаммад, 111, 131, 132
Али, Шаукат, 38
Аль-Хусейни А.Х., 333, 334
Амбедкар Б.Р., 45
Амин Х., 343
Амин, Нурул, 239, 241
Амины, 177
Ансари, доктор, 46
Аргуны, 12, 13
Аристова Л.Б., 23
Аурангзеб, Аламгир, 13, 14, 29
Ахмад Кадияни, Мирза Гулам, 33, 103
Ахмад Н., 148
Ахмад Ш.Р., 440
Ахмад Шах Дуррани, 14
Ахмад, Казим Хусейн, 372
Ахмадинежад М., 469
Ахмед Азиз, 143
Ахмед А.С., 21, 514
Ахмед, Махмуд, 430
Ахмед, Фероз, 508
Ахмедзаи, 15
Ачакзай А.С.Х., 156
Ашока, 7
Баба Фарид Гандж-и-шакар, 11
Бабар Н., 377, 378, 386
Бабур, Захируддин, 12
Бакстер К., 21
Бальфур, лорд, 41
Баранов С.С., 22
Барелви, Сайид Ахмад, 17, 30
Басри Р., 405
Батлер Х., 43
Бахадур М.Ш., 143
Бахауддин Закарийа Мултани, 11
Бахлул Хан Лоди, 12
Бег, М. Аслам, 334, 351, 367
Белокреницкий В.Я., 23
Бизенджо, Гаус Бахш, 219, 267–269
Богра, Мухаммед Али, 104, 106, 108, 109, 111, 118, 121, 230
Болито Х., 21
Бос, Субхас Чандра, 42, 59
Брайбант Р., 21
Брандт В., 247
Браун Дж.М., 44
Браун Х., 381
Бугти, Мухаммад Акбар Хан, 452, 453
Булганин Н.А., 121
Бурке С.М., 100

- Бурки В.А., 143
 Бурки Ш.Дж., 271, 284, 389, 502, 506, 517
 Бхашани А.Х., 133, 136, 156, 219
 Бхутто, Беназир, 327, 330, 333, 336, 350–352, 354–357, 359–363, 365, 368, 372, 373, 375–377, 379–383, 386–388, 390, 393, 395, 414, 417, 418, 432, 513
 Бхутто, Гхинва, 390
 Бхутто, Зульфикар Али, 21, 143, 161, 168, 219, 223, 227, 230, 237–248, 250, 253, 257–264, 266–276, 278, 280, 281, 283–293, 294, 296–299, 304, 305, 323, 336, 341, 352, 360, 362, 363, 377, 388, 390, 418, 476, 500, 503, 505–507
 Бхутто, Муртаза, 390
 Бхутто, Нусрат, 304, 352, 388
 Ваджпай А.Б., 400, 404, 461
 Валибхай Ф., 248
 Валиулла Шах, 30
 Вассом Н., 333
 Васькин И.Н., 23
 Ватто М.А., 386
 Виктория, королева, 32, 70
 Волперг С., 43, 82, 507
 Вульф-Филипс Л., 508
 Газневиды, 10, 83
 Ганди, Индира, 243, 247, 340
 Ганди М.К. (Махатма), 28, 39, 40, 42, 44, 45, 56, 57, 59, 60–62, 65, 66, 68, 72, 85, 86, 117, 485
 Ганди, Раджив, 340, 358, 359
 Ганковский Ю.В., 22, 112, 507
 Гаухар А., 248
 Гейтс Р.М., 359, 513
 Георг V, 36
 Георг VI, 70, 82
 Гилмартин Д., 21
 Гордон-Полонская Л.Р., 22, 32, 33, 490
 Грейси Д., 89
 Гул, Хасан, 240, 241
 Гул, Хамид, 319, 356
 Гулаб Сингх, 18
 Гунджрал И.К., 397
 Гуриды, 10, 83
 Дальхузи, лорд, 26
 Дара Шикох, 14
 Дауд Ахмед, 248, 501
 Дауд, Мухаммад, 269, 272, 281
 Даудпота, 15
 Дауды, 114, 177
 Даулат Хан Лоди, 12
 Даултана М.М., 103, 155, 158, 210, 219
 Дахир, раджа, 9
 Джалал А., 21, 483
 Джелалуддин Сурхпош Бухари, 11
 Джамали, Мир Зафарулла Хан, 434, 440, 461
 Джанджуа, А.Наваз, 367, 369, 372
 Джатгой, Гулам Мустафа, 262, 360, 361
 Джехангир, 13
 Джинна, Фатима, 220
 Джинна, Мухаммед Али, 39, 40–44, 47–54, 56–59, 61, 62, 66–72, 75, 78–82, 84, 89, 91–93, 96, 98, 100, 101, 114, 118, 190, 246, 272, 279, 415, 474, 483, 484, 487
 Джунаджо, Мухаммад Хан, 328–330, 332, 341, 350, 351, 375, 386
 Диксон О., 117
 Достум Р., 368, 376, 378, 379
 Дьяков А.М., 22
 Дюранд М., 19
 Ельцин Б.Н., 371, 403
 Жмуйда И.В., 23, 301
 Заболотский А.В., 22
 Замараева Н.А., 23
 Зардари, Асиф Али, 352, 362, 388, 395
 Захир Шах, 269
 Зинни А., 404
 Зириг Л., 21, 513
 Зияуддин Х., 406
 Зия-уль-Хак, Мохаммад, 168, 253, 291–298, 300, 303–306, 311–314,

- 317, 318, 322–338, 341–343, 345,
347–349, 414–416; 418, 450, 509
- Ибн Баттута, 11
Ибрагим Мирза, 156, 208
Ибрахим Лоди, 12
Идхи А.С., 256
Икбал, Мухаммад (Аллама), 52–54, 99
Икрам А.И., 148
Илларионов С.И., 22
Ирвин, лорд, 44
Иудин А.А., 23
- Кадафи М., 243, 246
Кадир М., 214, 230
Какар, Абдул Вахид, 372
Какс Д., 367, 506, 513
Кальхоры, 15
Каменев С.Н., 23, 476
Канишка, 8
Карамат Дж., 392
Кармаль Б., 338, 344
Картер Дж., 290, 506
Касим, Мухаммад бин, 9, 30
Касим, Раза, 256
Касури М., 264
Касури Р.А., 293, 505
Кеннеди Дж., 228
Кепель Ж., 516
Керзон, лорд, 24, 25, 32, 34, 480
Киссинджер Г., 274, 506
Клинтон Б., 380, 398, 399, 403, 404
Козырев А.В., 371
Компанцев И.М., 22
Коллард К., 21
Корбель Й., 90
Корнелиус А.Р., 507
Косыгин А.Н., 222
Коулсон Н.Дж., 194
Кочанек С., 21, 490, 512, 514
Козн С.П., 22, 485
Криппс, Стаффорд, 59, 60, 62, 66
Кристофер У., 380
Кузьмин С.А., 22, 116
Кулкарни В.Б., 22
Кумар С., 22
Куреши М., 374, 386, 389
Куреши С., 21
- Кутбуддин Айбек, 10
Кхар, Гулам М., 283
- Ладен, Усама бен, 344, 399, 515
Лал Шахбаз Каландар, 11
Лангах, 12
Латифи, Даньял, 63
Левин С.Ф., 22, 177, 251, 490, 514
Легхари, Фарук М.Х., 375, 388, 390,
393, 432
Ленин В.И., 507
Ли Сяньнянь, 341
Лиакат Али Хан, 69, 71, 72, 92–96,
98–100, 246
Линлитгоу, лорд, 55, 57
Литтон, лорд, 32, 480
Лю Шаоци, 232
- Мазари Ш., 401
Мазари Ш.Б., 373
Малик Г., 145
Малик И., 21
Малик С., 488
Малик Х., 21, 484, 500
Мандал Дж.Н., 94, 96
Мансур Ф., 156
Мао Цзэдун, 249, 275, 507
Маркс К., 507
Марри, Хайр Бахш, 269
Масих, Рехмат, 385
Масих, Саламат, 385
Масуд А.Ш., 376
Маудуди, Маулан Саед Абул Ала,
96, 103, 134, 197, 244, 256, 280
Маунтбетген Л., 70–72, 74–78, 81, 82,
84, 89
Махмуд Газневи, 9, 10
Махмуд Саед, 46
Махмуд, Масуд, 271
Махмуд, Муфти, 268, 287, 290, 377
Менандр (Милинда), 8
Менгал, Атаулла Хан, 267, 269, 282
Менон В.П., 72, 78, 484
Меткалф Б., 32
Микоян А.И., 122
Мир, Хуршид Хасан, 256, 262
Мирани А., 385

- Мирза, Искандер, 104, 107, 111, 113,
 123, 131, 133, 135, 136, 138, 140–
 146, 208
 Монтегю Э., 37, 39, 40, 43
 Морли, лорд, 35, 480
 Морозова М.Ю., 23
 Москаленко В.Н., 23, 112
 Му'инуддин Сиджзи, 11
 Муджахид, Ш. Аль, 21
 Музафаруддин, 234
 Музаффар А., 219
 Мукиджанова Р.М., 23
 Муса М., 144, 146
 Мухаммад Гури, 10
 Мухаммад Туглук, 11
 Мухаммад, Гулам (Малик), 104, 108,
 111, 142, 487, 488
 Мушарраф Первез, 22, 254, 294, 320,
 323, 392–394, 400, 405, 409–411,
 413–415, 417, 418, 421–430, 434,
 435, 437–442, 448, 449, 451, 452,
 456, 459–462, 465, 467–469, 477

 Надви С.С., 102
 Наджибулла М., 368
 Надир Шах, 14
 Наполеон Б., 249, 502
 Насер А.Г., 119
 Насир Дж., 319, 368
 Наяк П., 22
 Наяр К., 22
 Неру, Джавахарлал, 42, 43, 51, 59,
 62, 65, 66, 68–72, 75, 77, 79, 96,
 98, 117–119
 Неру, Мотилал, 40, 41, 47
 Назимуддин, Ходжа, 63, 93, 100, 104
 Никсон Р., 118, 237, 240, 271, 274
 Нишгар А.Р., 134
 Ниязи А.А.К., 240
 Ниязи, Каусар, 273, 281
 Нун, Малик Фероз Хан, 135, 136,
 141, 155

 Омар, халиф, 9
 Очинлек К., 89

 Пагаро, Пир, 287, 290
 Папанек Г., 21, 490

 Парвез Т., 406
 Патель, Валлабхаи, 72, 78
 Перри У., 381
 Петик-Лоуренс, лорд, 62, 66
 Плешов О.В., 23, 318, 487
 Пономарев Ю.А., 23
 Пор, царь, 8
 Притхвираджд Чаухан, 10
 Путин В.В., 459

 Раббани Б., 269, 372, 376, 379
 Раджагопалачари Ч., 61
 Раза Р., 274
 Рам, Чоудри Чхоту, 47
 Ранджит Сингх, 15–17
 Растяников В.Г., 23, 116, 490
 Раффел А., 333, 351
 Раффел Р., 380
 Рахим Дж.А., 256, 270, 272
 Рахман, М. Аттикур, 234
 Рахман, Фазлур, 268, 377
 Рахман, Шейх Муджибур, 134, 135,
 219, 223, 237, 241, 242, 245
 Рашид, Шейх М. 255, 256, 260
 Рашид, Абдур, 135
 Ридинг, лорд, 43
 Рождественский З.П., 25
 Роуллетт, судья, 38
 Рузиев Т., 23
 Руцкой А.В., 371
 Рэдклифф С., 80, 81, 84, 485

 Саадулла М., 50
 Садат, Анвар, 246
 Саджад В., 373, 375
 Саед М.М., 359
 Саед Г.М., 49, 64, 156, 353
 Саид Х.М., 394
 Сайголы, 177
 Сайид Х.Б., 21, 136
 Саймон Дж., 40–43, 47
 Саймондс Р., 21
 Салахуддин С., 402
 Самма, 11, 12
 Сапру, Тедж Бахадур, 41, 79
 Сарасвати Д., 20
 Саркар, Абул Хашим, 131

Сахиб, Хан, 65, 110, 131, 133, 135,
136
Селезнев Г.А., 403
Серенко И.Н., 23
Сидоров М.А., 23
Сикандер Лоди, 12
Сингх Дж., 403
Сингх, Балдев, 73, 75
Сингх, Манмохан, 462, 463
Сингх, Хари, махараджа, 79, 88, 486
Сотников В.И., 23
Спейт О.Х.К., 21
Спиар П., 21, 483
Сталин И.В., 122
Сумро М., 434, 442
Суфи, Мохаммад, 384
Сухраварди, Хусейн Шахид, 63, 69,
96, 101, 106, 132, 133, 135, 136,
148, 155

Тальпуры, 16
Тансыкбаева С.И., 23
Тарар, М. Рафик, 301, 410, 414
Тарханы, 13
Тивани, Хизр Хаят Хан, 58
Тилак Б.Г.
Тимур (Тамерлан), 35
Тринич Ф.А., 23
Троценко Г.П., 23
Тэлбот И., 21, 272, 504, 514
Тэлботт С., 399
Тюрин В.И., 23

У Сюэцян, 341
Уилкокс У.А., 21
Уэйвелл А., 60, 62, 66, 69, 70

Фазл-и-Хусейн, 47, 48, 50
Фаиз, Ахмад Фаиз, 100
Факир из Ипи, 92
Фаллачи О., 243
Фарук, Гулам, 114
Фаруки, Маулана, 517
Фахд, король, 361
Федорова Г.Г., 23
Фейсал, король, 242, 246, 275
Фельдман Г., 21
Фернандес Дж., 398

Фируз Шах, 11
Фишер С., 387
Форд Дж., 274

Хабибы, 114, 177, 257, 303
Хак, Махбуб-уль, 226
Хак, Фазлул А.К., 50, 56, 58, 106,
107, 111, 131, 132, 488
Хаккани Х., 22
Хаксар, 79
Халевинский И.В., 23
Халикуззаман, Ч., 99
Хан А.Р., 248, 350
Хан, Абдул Вали, 219, 267, 268, 270,
280, 390, 393
Хан, Абдул Гаффар, 42, 47, 65, 76,
110, 155, 267, 269, 481, 504
Хан, Абдул Кадир, 273, 274, 312,
428, 429, 439
Хан, Абдул Кайюм, 264, 268
Хан А. Касем, 169, 177
Хан А. Каюм, 508
Хан, Акбар, 100
Хан, Асгар, 144, 280, 287, 290, 507
Хан, Атаур Рахман, 132
Хан, Гулам Исхак, 334, 351, 352,
360, 363, 372, 373
Хан, Зафрулла Чаудхури, 103
Хан, Имран, 431
Хан М. Умрао, 143
Хан М. Сарфраз, 147
Хан, Малик Мирадж, 256
Хан, Мунир Ахмад, 506
Хан, Наваб Мохаммед Ахмед, 505
Хан, Рахим, 240, 241
Хан А.А. Рахман, 333
Хан С. Бахадур, 219
Хан С. Якуб, 332, 352, 356, 509
Хан, Сайид Ахмад, 30, 32–34
Хан, Самиилла, 35
Хан, Сикандер Хаят, 48, 50, 58, 267
Хан, Тикка, 271, 291
Хан, Ф. Муким, 147
Хантер У.У., 31
Харун А., 49
Харуны, 114, 177
Хасан, Гул, 240, 241
Хасан, Мубашир, 252, 256, 259, 272

- Хаттак Х., 248
Хашим, Абул, 63, 106
Хекматьяр Г., 269, 345, 368, 371,
372, 376, 378, 379, 408
Херш С., 513
Хидаятулла Г.Х., 49, 64
Хомейни Р.М., 340
Хрущев Н.С., 121
Хуа Гофэн, 275
Хумаюн, 12, 85
Хуро М.А., 210, 489
Хусейн, Саддам, 360, 361, 367
Хуссейн, Алтаф, 353, 365, 366, 383,
384, 394, 432, 512
Хуссейн С., 394
Хуссейн Ч.А., 434
- Чандрагупта Маурья, 8
Челмсфорд, лорд, 37, 39, 40, 43
Черчилль У., 58, 59, 62, 70, 78, 119
Чжао Цзыян, 341
Чжоу Эньлай, 119, 121, 249, 275
Чима П.И., 21, 121
Чингисхан, 11, 12
Чоудхури В., 144
Чоудхури Дж.В., 21
Чоудхури М.А., 210
Чундригар И.И., 135
- Шариф, Миан Наваз, 336, 351, 360,
362–368, 372, 373, 375, 380, 384,
387, 388, 390–393, 395–400, 403–
406, 409, 415, 417, 418, 432
- Шариф, Мухаммад, 362, 391
Шариф, Шахбаз, 405
Шастри Л.Б., 222
Шафи, Миан Мухаммед, 42, 47
Шах А., 384
Шах Аббас, 13
Шах Г.А., 395
Шах Джехан, 13, 14
Шах Исмаил, 12
Шах С.А., 391, 393
Шейх Ахмад Сирхинди, 14
Шейх Заид, эмир, 243
Шейх К.М., 143
Шер Шах (Сур), 12
Шервани Л.А., 21
Шерковина Р.И., 22
Шерпао, Афтаб М.Х., 269
Шиваджи, 14
- Эдкин М., 515
Эйзенхауэр Д., 133
Эмери, лорд, 58
Эттли К., 62, 70
- Юдхойоно С.Б., 469
Юсуф М., 515
Юсуф Р., 390
- Янгхазбенд, Ф., 25
Яхья Хан, А.М., 147, 227, 234, 235,
237, 240, 294, 297

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абботтабад, 325
Абу-Даби, 243, 291
Австралия, 117, 185
Агра, 14, 26, 93
Аджмер, 27
Азербайджан, 371, 467
Азия, 5, 24, 43, 119, 120, 122, 228, 231, 239, 378, 460, 467
Восточная Азия, 473
Западная Азия, 21, 331, 338, 467, 473
Средняя Азия, 8–10, 12, 25, 357, 370
Юго-Восточная Азия, 70, 108, 120, 331, 341
Юго-Западная Азия, 338
Южная Азия, 21, 238, 239, 337, 341, 342, 357, 380, 426, 458, 472–474
Центральная Азия, 21, 22, 31, 238, 370, 371, 378, 379, 405, 408, 445, 467, 473
- Айодхья, 376
Алжир, 120, 359
Алигарх, 30, 32–34, 480
Аллахабад, 52
Алор, 9
Америка, 181, 220, 252, 312, 423, 428, 429, 433, 457
Амри, 7
Амритсар, 38, 81, 84
Аму-Дарья, река, 370
Арабский Восток, 99, 123
Аравийское море, 19, 369, 445, 455
Ассам, 27, 34, 50, 53, 57, 61, 67, 68, 76, 96
- Афганистан, 5, 8–10, 12–15, 17–20, 25, 31, 39, 91, 92, 110, 122, 229, 238, 239, 269, 272, 281, 302, 311, 312, 319, 320, 333, 338, , 339, 342–346, 348, 349, 352, 356–358, 369–372, 376–379, 382, 384, 391, 399, 405, 407, 408, 423, 428, 429, 437, 444, 452, 463, 468, 475, 482, 515
- Африка, 24, 119, 120, 231, 252, 467
Восточная Африка, 399
Северная Африка, 243, 338, 359
- Багдад, 10, 268, 361
Бадауни, 30
Бактрия, 8
Балканы, 31
Балтистан, 90, 203
Балх, 8
Бангладеш, 5, 91, 134, 205, 237, 239–241, 243–245, 353, 389, 500, 501, 517
Бандунг, 119–121
Барамула, 89
Барейли, 30
Барода, 27, 74
Баталик, 402
Бахавалпур, 15, 27, 108, 135
Бахрейн, 359
Белград, 403
Белуджистан, 7, 9, 13–15, 18, 27, 52, 54, 61, 76, 92, 97, 109, 114, 127, 135, 139, 202, 210, 235, 236, 261, 264, 267, 268, 270, 271, 282, 292, 323, 326, 351, 375, 377, 390, 398, 416, 434, 440, 445, 452, 453, 455, 503
- Бельгия, 185
Бенгалия, 26, 27, 31, 34–37, 44, 46, 47, 50, 54, 56–58, 60, 61, 63, 64, 69, 75–77, 80, 81, 85, 95, 96, 101, 136, 241
Восточная Бенгалия, 35, 94–98, 101, 102, 105–107, 109, 239, 240, 487
Западная Бенгалия, 80, 84, 95
Бенгальский залив, 240
Бизерга, 188
Биканер, 27, 74
Бирма, 445, 59, 119
Бихар, 46, 60, 69, 96, 500
Ближний Восток, 25, 122, 133, 238, 243, 252, 302, 307, 312, 313, 337,

- 338, 344, 347, 352, 359, 426, 467, 468
- Богора, 119
- Болгария, 231
- Бомбей, 19, 26, 29, 34, 39, 44, 46, 48, 63, 69, 87, 114, 128, 376, 462
- Босния, 380
- Брахманабад, 9
- Брюссель, 472
- Бхопал, 27, 30, 31, 74
- Вазиристан, 440, 452
- Ватикан, 147
- Вах, 164, 342
- Венгрия, 122, 187
- Восточное Средиземноморье, 31
- Восточный Пакистан, 108, 109, 111, 112, 123, 124, 126–128
- Восточный Пенджаб, 80, 84, 85, 90, 485, 488
- Вуллар, плотина, 476
- Гавайские о-ва, 58
- Гавана, 343, 462, 467
- Гаити, 380
- Ганг, река, 7
- Ганго-Джамнское двуречье, 12
- Гангская равнина (низменность), 7
- Гандхара, 7, 8, 248
- Гвадар, 445, 452, 458
- Гвалиор, 10, 27
- Гедрозия, 8
- Герат, 17, 377–379
- Германия, 21, 25, 55
- Гизар, 90
- Гилгит, 89, 202
- Гиндукуш, горы, 5, 17
- Голландия, 185, 273
- Гонконг, 386
- Гуджарат, 5, 11, 114
- Гур, 10
- Гурдаспур, 80, 81
- Давос, 467
- Дакка, 31, 35, 63, 91, 93, 130, 200, 201, 215, 241, 244, 271, 353, 501
- Дальний Восток, 24, 25, 331
- Дебал, 9
- Декан, 14
- Деканское плато, 27, 28, 86
- Дели (Делика), 10–12, 14, 15, 26, 27, 30, 32, 36, 41, 42, 45, 66, 82, 84, 85, 87–89, 114, 118, 120, 121, 128, 241, 245, 359, 376, 379, 382, 393, 399, 403, 462, 513
- Деобанд, 30
- Дерагазихан, 394
- Джайпур, 27
- Джайсалмер, 27
- Джалалабад, 356, 358, 372
- Джамму и Кашмир, 5, 27, 73, 74, 79, 117, 118, 122, 137, 358, 359, 367, 375, 401, 464
- Джамна (Ямуна), река, 7
- Джанг, 394
- Джелам, река, 376
- Джунагадх, 27, 31, 78, 88
- Дипалпур, 90
- Европа, 12, 24, 36, 55, 57, 62, 274
- Западная Европа, 231, 252, 276
- Египет, 5, 108, 119, 122, 123, 246, 329, 361
- Женева, 122, 331, 345, 350, 356, 386
- Западный Пакистан, 108–112, 123, 124, 127, 128, 131, 133–136, 143, 189, 197, 198, 201, 202, 205, 206, 217, 220, 223, 224, 226, 234–236
- Западный Пенджаб, 80, 85, 97, 103, 114, 485
- Зиарат, 92
- Измир, 275
- Израиль, 30, 122, 245, 274, 334, 366
- Инд, река, 5, 7–20, 90, 185, 238, 273, 284, 376
- Индская равнина, 5
- Индийский океан, 368
- Индия, 5, 6, 8–10, 12–14, 16, 18, 19, 21, 22, 24–38, 40, 41, 43–45, 47, 49, 55–62, 64–67, 69–71, 73–93, 95–99, 101, 105, 106, 112, 114–122, 128, 137, 142, 167, 185, 187, 199, 217, 222, 226, 228–231, 233,

- 237–245, 248–250, 257, 263, 267,
272–274, 275, 278, 285, 297, 298,
319, 333, 337–342, 344, 347, 357,
359, 365, 371, 376, 379, 380, 382,
389, 397–404, 407, 408, 412, 421,
440, 441, 457–465, 471, 475, 478,
484, 485, 500, 504, 507, 513, 519
Северная Индия, 10, 12, 29, 83
Центральная Индия, 12
Южная Индия, 61
- Индокитай, 239
Индонезия, 119, 467–469
Индостан, п-ов, 14, 16, 26, 61, 474
Индур, 27
Иордания, 136, 140, 468
Ирак, 108, 136, 140, 268, 273, 359–
361, 367, 439, 470
Иран, 5, 108, 144, 238, 242, 243, 268,
269, 275, 281, 289–291, 338, 340,
358, 359, 367, 371, 372, 379, 380,
460, 463, 466, 468–470, 482, 517
Иранское нагорье, 5
Ирландия, 20
Исламабад, 147, 229, 234, 268, 269,
272–275, 281, 291, 306, 311, 312,
329, 333, 338–340, 342–347, 350,
354, 356, 357, 359–361, 365, 366,
368, 370–372, 376–382, 384, 387,
397–401, 403–405, 408, 416, 428,
452–458, 460–462, 464, 466–468,
471, 472, 478, 513, 515
Италия, 185
Ишкунман, 90
- Кабул, 17–19, 92, 110, 269, 311, 343–
346, 356, 368, 370, 372, 373, 376,
377, 379, 384, 405
Кабул, река, 17, 202
Кавери, река, 29
Каджурахо, 10
Кадриан, 33
Калат, 15, 18, 27, 92, 108, 136, 140,
203
Калибатган, 7
Калькутта, 19, 24, 25, 29, 36, 39, 69,
80, 95, 128, 480, 488
Канада, 185, 231
Канаудж, 10
- Кандагар, 13, 14, 377
Каракорумское шоссе, 342
Карачи, 16, 19, 20, 49, 52, 82–85, 91,
92, 97–99, 101, 108, 109, 114,
115, 122, 128, 130, 136, 140, 143,
153, 175, 184, 185, 198, 202, 242,
248, 250, 251, 253, 254, 257, 272,
273, 278, 279, 290, 293, 300, 301,
329, 335, 339, 352–354, 356, 365,
375, 383–386, 393, 394, 406, 453,
460, 488, 500, 501, 503, 512, 517
Каргил, 90, 397, 400, 404, 405
Карнафули, река, 127
Катар, 329
Катхиавар (Лотхал), п-ов, 7, 10, 16,
79
Кашмир, 13, 17, 18, 21, 54, 79–81,
86, 87–91, 93, 117, 118, 121, 122,
138, 143, 222, 231, 237, 240, 243,
319, 358, 359, 367, 368, 371, 375,
376, 379, 380, 382, 391, 397, 400,
401, 403–405, 428, 430, 431, 461,
463–465
Кветта, 18, 77, 92, 377
Кения, 399
Китай, 117, 119–121, 188, 231, 232,
240, 242, 272, 275, 320, 341, 342,
347, 359, 369, 381, 382, 398, 401,
403, 445, 457–461, 463, 478
Коломбо, 129
Коранги, 400
Корея, 98
Кот-Диджи, 7
Кочин, 27
Красное море, 24
Кувейт, 279, 291, 339, 360, 361
Куч-Бехар, 27
- Ладакх, 90, 401
Лакхнау, 33, 36, 37, 50, 87
Ландхи, 383
Ларкана, 293
Латинская Америка, 231, 442, 467
Лахор, 10–15, 18, 20, 34, 40, 56, 81,
83, 84, 89, 90, 103, 109, 245, 261,
274, 280, 290, 293, 300, 354, 362,
385, 394, 395, 400, 405, 442, 491,
505, 507

- Лялпур, 165, 275
Лех, 401
Ливан, 136, 140, 468, 470
Ливия, 243, 246, 253, 273, 290, 291
Ловари, туннель, 273
Лондон, 35, 36, 43, 44, 53, 58, 59, 66–68, 70, 74, 75, 104, 144, 241, 357, 366, 472, 488, 515
Лхаса, 25
- Магадха, 7, 8
Мадрас, 26, 29, 37, 46, 57, 63
Майсур, 27
Макран, 8, 9
Малабарское побережье, 39
Малайзия, 246, 429, 467, 469
Малайя, 147
Малаканд, 384
Малаккский пролив, 24
Мале, 397
Мальдивы (Мальдивская республика), 397
Манавадар, 78
Манипур, 27
Мансур, 27
Марокко, 245, 359
Матхура, 10
Махмудабад, 31
Медина, 38, 93
Мекка, 38, 93
Месопотамия, 38
Мехргарх, 7
Москва, 22, 23, 99, 110, 122, 242, 339, 356–358, 370, 371, 403, 459, 461
Мохенджо-Даро, 7
Мултан, 9, 10–12, 14, 17, 184, 273, 442, 514
Мумбаи (Бомбей), 462
- Нагар, 90
Новая Зеландия, 185
Нью-Дели, 58, 96, 118
- Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), 243, 246, 273, 281, 291, 359, 362, 382
Оджхри, 350
- Оман, 329
Орисса, 45
Ормузский пролив, 445
- Палестина, 38
Панджаб (Пенджаб), 5, 7–12, 14–20, 26, 27, 29, 33, 35, 37, 38, 42, 44, 46–50, 52, 54, 57–59, 61, 63, 64, 67, 71–73, 75–77, 79–81, 83–85, 88, 90, 92, 97, 101, 102, 109, 11, 124, 127, 135, 136, 198, 199, 235, 236, 243, 245, 263, 264, 279, 280, 282–284, 293, 326, 328, 348, 351, 354, 362, 363, 373, 375, 384–386, 390, 391, 393, 394, 405, 416, 417, 433, 441, 489, 514
Панипат, 12
Париж, 273
Патауди, 31
Патиала, 27, 74
Патфидер, канал, 261
Патханкот, 81
Перл-Харбор, 58
Персидский залив, 25, 313, 320, 338, 361
Персия, 8, 12–14, 17
Пешавар, 8, 17, 22, 136, 165, 203, 229, 269, 273, 284, 323, 344, 358, 368, 377, 405, 481
Польша, 21, 187, 231
Пуниал, 90
Пунч, 88, 89
Пурушапутра, 8
Пуштунистан, 76, 92, 135, 369
Пхеньян, 382
- Рабат, 245
Равалпинди, 88, 100, 254, 281, 314, 442, 457
Рави, река, 5, 81
Раджастхан, 5, 8, 27
Раджпутана, 27
Рампур, 31
Рангун, 59
Россия, Российская Федерация (РФ), 22, 23, 25, 31, 370, 371, 379, 380, 396, 403, 444, 458–461
Рохилкханд, 27, 30

- Румыния, 187, 231, 253, 339
- Сатледж, река, 5, 16, 81
- Сакала, 8
- Саудовская Аравия, 110, 242, 243, 245, 273, 281, 288–2990, 313, 320, 329, 344, 359–361, 372, 380, 382, 408, 468
- Северная Корея (КНДР), 359, 382, 429, 466
- Северо-Западная пограничная провинция (СЗПП), 26, 27, 38, 39, 42, 44, 52, 54, 56, 47, 57, 61, 64, 65, 68, 76, 92, 97, 102, 109, 110, 114, 124, 135, 139, 235, 236, 261, 263, 264, 267–269, 273, 279, 282, 323, 326, 351, 352, 368, 373, 375, 377, 390, 393, 394, 416, 417, 434, 440, 489, 503
- Сиачин, ледник, 358, 376
- Силхет, 76
- Симла, 62, 66, 243, 244
- Сингапур, 58, 59
- Синд, 5, 7, 9–11, 13–18, 20, 38, 44, 46–48, 52, 54, 57, 61, 63, 64, 75, 76, 83, 84, 102, 104, 105, 108, 109, 114, 124, 127, 135, 139, 143, 199, 202, 210, 235, 236, 243, 260–264, 270, 278, 279, 282–285, 287–289, 322, 326, 328, 351–354, 356, 360, 362, 363, 365, 366, 369, 375, 383, 384, 390, 393, 395, 416, 417, 433, 441, 489, 504, 508, 512, 514
- Синдская низменность, 5
- Сиялкот, 8
- Скарду, 90
- Соединенные провинции (Агры и Ауда), 26, 27, 33, 37, 38, 41, 49, 63, 87, 93, 98, 107, 114, 115, 117
- Сомали, 380
- Сомнатх, 10
- Средний Восток, 300, 313, 338, 342, 346, 426
- Сринагар, 88–90, 117, 375, 401
- СССР, Советский Союз, 55, 98, 120–122, 142, 171, 187, 188, 222, 229–231, 237, 239, 242, 253, 289, 329, 333, 338, 339, 345–347, 357, 359, 369, 370, 460, 492, 509
- Суи, 127
- Суккур, 353
- Суэц, 133, 242
- Суэцкий канал, 24, 31, 122
- США, 21, 55, 99, 104, 107, 108, 118, 121, 122, 126, 130, 133, 136, 138, 165, 181, 184–187, 228, 229, 237, 239, 241, 256, 272, 274, 275, 281, 288–290, 300, 306, 310, 311, 313, 320, 329, 333, 337, 338, 342, 345, 346, 347, 351, 352, 357, 359, 361, 366–369, 376, 378, 380, 381, 383, 386, 396, 398, 399, 403–405, 407, 408, 429, 440, 441, 443, 452, 457, 459, 461, 469, 470, 478, 506, 512
- Таджикистан, 370, 379, 460
- Таксила, 8, 272, 342
- Танзания, 399
- Тарбела, плотина, 276
- Татарстан, 460
- Татта, 11, 15, 16
- Ташкент, 222, 244
- Тегеран, 132, 290, 340, 361, 379, 466, 469
- Теленгана, 117
- Тибет, 25
- Титхвал, 500
- Тололинг, 402
- Траванкур, 27, 74
- Трипура, 27
- Тунис, 188
- Туркмения (Туркменистан), 378, 463
- Турция, 38, 39, 108, 242, 275, 359, 371, 468
- Тхал, пустыня, 116
- Тхар, пустыня, 16
- Узбекистан, 378, 379
- Уч-Шариф, 10
- Фейсалабад, 165, 275
- Ферозпур, 80
- Филиппины, 108, 517
- Франция, 21, 25, 55, 57, 122, 147, 185, 270, 273, 361, 457

ФРГ, 181, 184, 185, 300, 457

Хаджи Пир, перевал, 500

Хайдерабад (Декан), 16, 27, 31, 53,
74, 78, 86, 87, 100, 114

Хайдерабад (Синд), 128, 203, 270,
290, 335, 353

Хайрпур, 17, 27, 108, 135

Хангу, 394

Хараппа, 7, 474

Химачал-Прадеш, 243

Хиндуш (Синдх), 8

Хорезм, 10

Хунза, 90

Цейлон, 119

Цусима, о-ва, 25

Чаган, 398

Чашма, 273, 458

Чехословакия, 21, 187, 231

Чечня, 391

Чилас, 90

Чиниот, 514

Читтагонг, 128, 202

Шах-Фейсал-Колони, 383

Шри Ланка, 406, 517

Эр-Рияд, 288

Югославия, 231, 403

Южная Корея (Республика Корея),
386

Япония, 25, 58, 60, 181, 184, 185,
231, 300, 320, 386, 396, 398, 408,
457

Ясин, 90

SUMMARY

The present volume entitled "History of Pakistan. The 20th Century" is one in the series of monographs on the contemporary history of the countries of the East (Asia and Northern Africa) brought out by the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. The authors of the volume are known Russian experts on Pakistan Prof. Dr. V. Ya. Belokrenitsky and Prof. Dr. V.N. Moskalenko.

Though Pakistan from its very birth in 1947 attracted profound interest of historians, sociologists and political scientists throughout the world, as well as attention of students and general public, few books are dedicated to its history from the beginning of the 20th century, when one can trace the roots of the movement which finally led to the creation of Pakistan, till the beginning of the 21st century. Written in Russian, the book will find readers not only in the Russian Federation but also in the newly independent states of Central Asia and South Caucasus.

It can be stated without gross exaggeration that the study of Pakistan is one of the most developed fields in Russian orientology. The school was founded in the 1950s by Professors A.M. D'yakov, Yu.V. Gankovsky and L.R. Gordon-Polonskaya. The two latter scholars authored a book "History of Pakistan" which was published in 1961 in Russian and in 1968 in English and became an often quoted reference book for the works on Pakistan in its early years.

The present book which has almost similar title is far larger in scope, differs from it ideologically and tries to meet the expectations of students and general public in line with the targets set before the authors of all other books in the abovementioned series.

In the Introduction the authors characterise the place occupied by Pakistan in the world economy and international politics and provide a concise history of the territory comprising today's Pakistan from ancient times to the end of the 19th century. A brief sketch of the international and Russian historiography of Pakistan is also included.

Chapter 1 is dedicated to historical preconditions for the formation of Pakistan and the political struggle which finally succeeded in not only gaining independence from Great Britain but creating a state in southern Asia where Muslims were in the majority. The authors underline the contribution of Sir Sayeed Ahmad Khan and

Allama Muhammad Iqbal as one of the founding fathers of Pakistan and the crucial role played by Quaid-i-Azam Muhammad Ali Jinnah.

Chapter 2 contains a story of first 11 years in the history of Pakistan. The authors emphasise that since the inception Pakistan suffered from a number of shortcomings. As a state, it began from a scratch. Furthermore, it was divided into two territories, West and East, separated by India. Since Autumn 1947, Pakistan was engaged in a war with India over the fate of the princely state of Jammu and Kashmir. Pakistan consisted of those parts of colonial India which were least developed industrially and infrastructurally. And finally, the division of India led to human sufferings and economic decline. However, in spite of gloomy predictions, Pakistan had managed to overcome the initial difficulties and made significant progress in the early 1950s. In 1956, in accordance with the first Constitution it became the Islamic Republic of Pakistan. But the democratic process thereafter met with numerous hurdles and collapsed in the end of 1958 giving way to the first military regime headed by Mohammad Ayub Khan.

Chapter 3 is devoted to the next 13 years in the history of the country comprising two provinces, West and East Pakistan. The authors analyse in detail socio-economic reforms carried out by the military government. The regime's transformation from purely military to military-political one manifested in the promulgation of the second Constitution in 1962. According with the provisions of the Constitution Ayub Khan contested for the post of President in January 1965 and won. The authors underline the initial success of the strategy of developing private sector with state and foreign assistance. They analyse various aspects of Pakistani foreign policy and stress the significance of the second war with India in 1965. The aggravation of political situation which issued since then gradually led to an acute political crisis, and the new military government of General A.M. Yahya Khan was established in March 1969. The new regime made attempts to liberalise political system and held the first ever general election to the Central and Provincial Legislatures in the end of 1970. The election results demonstrated the alienation of East Pakistan, populated mainly by Muslim Bengalis, from the rest of the country, and in a year Pakistan desintegrated into the present day Pakistan and the Republic of Bangladesh.

Chapter 4 deals with the period of personalistic power of Zulfikar Ali Bhutto, a charismatic leader from the southern province of Sindh.

His coming to power was made possible by the military who decided to step back and give politicians a chance to rule. Pakistan, being born anew, got its third (now functioning) Constitution in 1973. An undisputable leader of the most popular Pakistan People's Party Z.A. Bhutto had certain left leanings and in accordance with them tried to reform the society on a socialistic pattern. His government nationalised large industrial enterprises, banking and insurance companies and appealed to the sentiments of workers and poor peasants. But the reforms did not work. The nationalised and state sectors stagnated, while the disguised unemployment and poverty were on the rise. The authors maintain that despite of this Z.A. Bhutto and his party retained popularity among shrinking majority and could have won by a moderate margin in the general election in March 1977. Somehow, the government had grossly rigged the election results and provided a chance for the opposition to gain strength. The political impasse ended in a new military coup in July 1977.

Chapter 5 scrutinizes 11 years of the national administration headed by General M. Zia-ul-Haq. The authors posit that the policy of Islamisation was the crucial and lasting feature of the period. Although the General was not a religious bigot he had skillfully used the prevailing mood of the time, in Pakistan and abroad, and imposed upon the country a new mode of doing things in almost every sphere of life. As the authors point out, the policy of Islamisation helped Zia-ul-Haq in legalizing the coup d'état and establishing full control by the army. The General took advantage of the war in Afghanistan which started in late 1970s and got the international support he badly needed. In 1985, he transformed the regime into semi-military but could not prevent its decay. The end of direct Soviet involvement in Afghanistan had undermined Zia-ul-Haq's international position as he tried to salvage his policy of Islamic revivalism and Pakistan's geopolitical expansion. His sudden death in an aircrash in August 1988 is considered by many to be the revenge for sending his arch-rival Z.A. Bhutto to the gallows in 1979.

In Chapter 6 the authors trace the history of the democratic rule in Pakistan which began in Autumn 1988 with the general election and formation of the PPP government with Z.A. Bhutto's daughter Benazir as prime-minister. They analyse the mechanism of power-sharing which evolved after the election with the ruling political parties, civil bureaucracy and the armed forces as the main

participants in the execution of authority. The complex system could not survive without periodic crises. In 1990 the Bhutto government was dismissed and the new general election paved way for the government of Nawaz Sharif, leader of the Pakistan Muslim League. Another prolonged crisis in 1993 was followed by the third consecutive election and return of Benazir Bhutto to power. The second Bhutto government lasted for three years and was again dissolved in November 1996. Next general election results were in favor of the Nawaz Sharif party. Obtaining a two-third majority in the parliament Sharif repealed the 8th Amendment to the Constitution which gave president the right to dismiss government and went on to erode the power of both civil bureaucracy and the army. The military suffered another setback in the mini-war with India waged in Kashmir in May-July 1999. The growing covert animosity between Nawaz Sharif and the army generals ended up in the fourth military coup in October 1999. By that time, Pakistan conducted a series of underground nuclear tests following the example of India and thus became together with her major traditional enemy a de-facto nuclear power.

Chapter 7 narrates the story of the new military regime chaired by General Pervez Musharraf. First part of it deals with the direct rule of the military which lasted for three years till the general election in October 2002. The period saw a desperate struggle for survival against many odds, like natural calamities (severe drought) and geopolitical upheavals. The turning point was the decision of Musharaff's regime to cut its ties with the Taliban government in Afghanistan after 11 September 2001 and take part in its overthrowing. The U-turn in this respect did not prevent a new confrontation with India in May-June 2002. Two neighbours came close to a full-fledged conflict but wisely avoided it. Since then, the Pakistani-Indian relations have started to improve. The second part of the chapter is dedicated to the period extending the time limits of the 20th century. In the beginning of the current century Pakistan has achieved pronounced economic successes and made some progress in the political and social spheres.

In the Conclusion the authors review briefly the achievements of the state in the field of economy pointing out that Pakistan's GNP has risen 14 times since the initial years and express hopes in good prospects for the future of the country while not closing their eyes on the problems confronting Pakistan, foremost among them being the Islamic militancy.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ПАКИСТАНА	24
Истоки мусульманского сепаратизма	28
Начальный этап борьбы за Пакистан	49
Заключительная фаза борьбы	62
ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА (1947–1958 гг.)	83
Драма «бракоразводного процесса»	83
Шаги по политическому строительству	96
Образование Западного и Восточного Пакистана. Принятие Конституции	108
Наращение внутривнутриполитического кризиса	130
ГЛАВА III. ГЕНЕРАЛЫ У ВЛАСТИ (1958–1971 гг.)	139
Военный режим М. Айюб Хана	139
Восстановление гражданского правления	210
Пакистан в период авторитарного правления М. Айюб Хана	219
Военный режим А.М. Яхья Хана	234
ГЛАВА IV. ГРАЖДАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ З.А. БХУТТО (1971–1977 гг.)	238
Поиски выхода из кризиса. Социально-экономические реформы	238
Преобразования в политической сфере. Новая конституция	263
Успехи и неудачи внешнеполитического курса	271
Экономические трудности и обострение внутриполитических проблем	276
ГЛАВА V. ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ГЕНЕРАЛА М. ЗИЯ-УЛЬ-ХАКА (1977–1988 гг.)	294
Военная диктатура (1977–1985 гг.)	294
Отмена военного режима	323
Внешняя политика режима М. Зия-уль-Хака	336

ГЛАВА VI. ПЕРИОД ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	
(1988–1999 гг.).....	350
Первое правительство Б. Бхутто.....	350
Правление кабинета Н. Шарифа.....	360
Б. Бхутто снова у власти.....	372
Еще одна попытка Н. Шарифа.....	388
ГЛАВА VII. ПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА П. МУШАРРАФА.....	409
Чрезвычайное положение (1999–2002 гг.).....	409
Период конституционно-парламентского правления.....	435
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	474
Примечания.....	479
Хронология	523
Библиография	540
Указатель имен собственных	552
Указатель географических названий.....	558
Summary	564

Научное и учебное издание

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Владимир Николаевич Москаленко

История Пакистана – XX век

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук

Редактор
Г.В. Миронова
Оригинал-макет, компьютерная верстка
Г.В. Галкина
Корректор
Л.В. Хохлова
Эмблема серии - *А.Е. Жуков*

Сдано в набор 15.07.07. Подписано к печати 15.09.07.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п.л. 36,7.
Уч.-изд. л. 38. Тираж 1000 экз. Заказ № 99.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел

ООО Издательство «Крафт+»
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел.: 186-93-78, 620-36-95, 620-36-94, 540-25-48

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Вниманию оптовиков!

Издательско-книготорговая фирма

предлагает всегда

широкий ассортимент (более 5 тыс. наименований) книг по

**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также

альбомы, иллюстрированные издания,

словари, энциклопедии,

учебно-познавательную литературу,

прозу и поэзию

издательств:

Аграф, АИРО-XXI век, Алгоритм,

Минувшее, Тропа троянова, Голос, Русская правда,

Радуга, Республика и многих других

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14, «Крафт+»

Тел.: 186-93-78, 620-36-95, 620-36-94

Редакция: 540-25-48

в С.-Петербурге: 141-23-37

E-mail: kraft@podlipki.ru,

www.podlipki.ru/~kraft

